

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ
СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Выпуск 1

МОСКВА
2020

УДК 821.16; 821.181.1
ББК 83.3 (4 Сла); 63.71.05
М34

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
(грант № 18–512–76004: «Разнообразие и взаимодействие письменных
культур южных и восточных славян в XI–XX вв.»)*

Редакционная коллегия:

Отв. ред.: доктор филологических наук, профессор *И.И. Калиганов*

Члены ред.: кандидат исторических наук *М.М. Фролова*,
кандидат исторических наук *К.В. Мельчакова*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор РАН *М.Ю. Люстров*,
доктор искусствоведения *Н.В. Злыднева*

**Материалы для виртуального Музея Славянских Культур. Вы-
пуск 1.** Сб. науч. статей / Сост., отв. ред. И.И. Калиганов. — М.: Инсти-
тут славяноведения РАН : ПОЛИМЕДИА, 2020. — 448 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0436-7 (ИСЛ РАН)

ISBN 978-5-89180-123-3 (ПОЛИМЕДИА)

DOI 10.31168/0436-7

Сборник содержит материалы и статьи российских участников трехстороннего (Бельгия–Россия–Болгария) международного научного проекта «Разнообразие и взаимодействие письменных культур южных и восточных славян в XI–XX вв.», победившего в конкурсе EU ERA NET RUS Plus и реализуемого командой ученых Института славяноведения РАН при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004). Подготовленные ими статьи предназначены для тематических залов виртуального Музея Славянских Культур и будут размещены на сайтах Болгарской академии наук и бельгийского Гентского университета на русском и английском языках. Они касаются письменных культур России, Беларуси, Украины, Болгарии, Сербии, Хорватии, Черногории, Северной Македонии, Словении, Боснии и Герцеговины. В них рассказывается о древнейших памятниках письменности этих стран, известных святых и книжниках, первопечатниках и писателях, ученых-славистах и собирателях книжных сокровищ и т.д. Труд предназначен не только для узких специалистов, но и для более широкой аудитории — всех, кто проявляет интерес к культуре южных и восточных славян.

The collection contains papers and articles of Russian participants of the tripartite (Belgium–Russia–Bulgaria) international research project “Diversity and interaction of written cultures of Southern and Eastern Slavs of the 11th – 20th centuries”, winner of the EU ERA NET RUS Plus competition, implemented by a team of scholars of the Institute of Slavic studies of RAS with the financial support of the RFBR (grant № 18–512–76004). Their articles are intended for the thematic halls of the virtual Museum of Slavic Cultures and will be posted on the websites of the Bulgarian Academy of Sciences and the Belgian Ghent University in Russian and English. They relate to the written cultures of Russia, Belarus, Ukraine, Bulgaria, Serbia, Croatia, Montenegro, North Macedonia, Slovenia, Bosnia and Herzegovina. They tell about the oldest written monuments of these countries, famous saints and scribes, first printers and writers, Slavist scientists and collectors of book treasures, etc. The work is addressed not only to narrow specialists, but also to a wider audience — everyone who is interested in the culture of the Southern and Eastern Slavs.

УДК 821.16; 821.181.1
ББК 83.3 (4 Сла); 63.71.05

ISBN 978-5-7576-0436-7 (ИСЛ РАН)
ISBN 978-5-89180-123-3 (ПОЛИМЕДИА)
DOI 10.31168/0436-7

© Коллектив авторов, текст, 2020
© Институт славяноведения РАН, 2020
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

И.И. КАЛИГАНОВ

Создание виртуального Музея Славянских Культур как насущная задача современной славистики	8
--	---

Л.К. ГАВРЮШИНА

Доментиан, сербский агиограф XIII в.	16
Феодосий, сербский книжник последних десятилетий XIII — первой трети XIV столетия	22
Сербский писатель и переводчик XIV в. Исаяя Серрский	28
Даниил II, архиепископ Сербский	32
Протопоп Аввакум	37
Духовные стихи в русской и славянской традиции	42

Н.С. ГУСЕВ

У истоков российского славяноведения: Срезневский И.И.	48
Академик П.А. Лавров: судьба кирилло-мефодиевской проблематики в большевистской и советской России	54
П.А. Ровинский и открытие Черногории читателям России	60
Объективный ученый-славист, боевой публицист-консерватор проф. П.А. Кулаковский	65
Патриарх русской военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко	71
Н.С. Державин — болгарист, добившийся успеха в большевистской и советской науке	76

А.С. ДОБЫЧИНА

Синодик болгарского царя Борила	84
Грамоты болгарских царей XIII — XIV вв.	89
Средневековые болгарские краткие хроники	94
Грамоты Ивана IV Хиландарскому и Рильскому монастырям	100

П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Русские консулы о македонцах и албанцах	106
Русский консул Иван Степанович Ястребов о населении Косово	114
Первый албанский просветитель Наум Векильхарджи	119

И.И. КАЛИГАНОВ

Древнейшая датированная рукописная книга у восточных славян Остромирово Евангелие	124
Просветитель и небесный покровитель Сербии св. архиепископ Савва	129
Святой благоверный князь Лазарь Сербский, погибший в битве с турками на Косовом поле	136
Георгий Новый Софийский — мученик за веру, сожженный турками за отказ принять ислам	142
Паисий Хилендарский и его «История славяноболгарская» — манифест национального возрождения болгарского народа	149
Софроний Врачанский — автор первой в болгарской литературе «Автобиографии» и составитель «Недельника» — первой болгарской печатной книги на языке, близком к народному	154
Сербский историограф и поэт Йован Раич	160

Ю.А. ЛАБЫНЦЕВ

Русский писатель и проповедник XII в. Кирилл Туровский	166
Книжное наследие Франциска Скорины	172
Первопечатник Иван Федоров, работавший в русских, белорусских и украинских землях	180
Острожская Библия 1581 г. — полный первопечатный библейский свод у восточных славян	186
Издательский дом Мамоничей — крупнейшая православная типография у восточных славян в последней четверти XVI — первых десятилетиях XVII в.	190
Статут Великого княжества Литовского	195

К.В. МЕЛЬЧАКОВА

Первая боснийская просветительница Стака Скендерова: женщина, опередившая время	200
А.Ф. Гильфердинг «открывает» Боснию и Герцеговину	207
«Летописец» Герцеговины Прокопий Чокорило и Россия	213
Первые периодические издания Боснии и Герцеговины	219
Герцеговинский «народный» митрополит Иоанникий Памучина	229

М.Г. СМОЛЪЯНИНОВА

Болгарский революционный поэт-романтик Христо Ботев	236
Летописец революционно-освободительной борьбы болгар против турок Захари Стоянов	242
Поэт и просветитель Петко Славейков	248
«Отец» болгарского национального театра Добри Войников	252
Болгарский прозаик, журналист и революционер Любен Каравелов ...	255
Патриарх болгарской литературы Иван Вазов	260

Ю.А. СОЗИНА

Словенский классик Иван Цанкар	268
Эдвард Коцбек — «совесть» своей эпохи	275

А.А. ТУРИЛОВ

Материалы к биографии св. Саввы, архиепископа Сербского	282
Князь Лазарь становится правителем Сербии (материалы к музейной статье о святом Лазаре Сербском)	289

М.М. ФРОЛОВА

Первая московская бесплатная публичная библиотека и ее создатель Александр Дмитриевич Чертков	296
Императорское Общество истории и древностей российских и развитие в нем болгарской проблематики (первая половина XIX в.)	306
Болгарско-македонский поэт, журналист и переводчик Райко Жинзифов	315
Юрий Иванович Венелин и его история древних и нынешних болгар ...	326
Повесть А.Ф. Вельгмана «Райна, королева болгарская» в воззрениях эпохи (вторая четверть XIX в.)	335
Хорватский просветитель, вождь «иллирийцев» Людевит Гай	344

А.Г. ШЕШКЕН

Черногорский поэт и правитель Петар II Петрович Негош	356
«Строитель» македонского литературного языка, поэт Блаже Конеский	362
Первый национальный македонский поэт Кочо Рацин	366
Крупнейшая сербская поэтесса Десанка Максимович	372

Л.Л. ЩАВИНСКАЯ

Самая почитаемая в Беларуси местная святая, просветительница Евфросиния Полоцкая	378
Пересопницкое Евангелие — первый опыт перевода текстов Евангелий на народную «русскую мову» в украинских землях в 50-е — 60-е годы XVI в.	383
Заблудовское Евангелие 1569 г. — первая печатная книга Ивана Федорова и Петра Мстиславца на Подляшье	387
Киевский «Синописис» 1674 г.: трехвековая судьба	393
Митрополит Дмитрий Ростовский и его многотомный труд «Книга житий святых»	401
Григорий Сковорода — украинский писатель и философ XVIII в.	405
СПРАВКА ОБ АВТОРАХ	411
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	417
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	422
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	440

Игорь Иванович
КАЛИГАНОВ

СОЗДАНИЕ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР КАК НАСУЩНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ СЛАВИСТИКИ¹

Аннотация:

В статье речь идет о необходимости создания виртуального Музея Славянских Культур, потребность в котором в наше время все убыстряющейся цифровизации различных сфер жизни представляется очевидной. Размещенные в нем материалы о культурах южных, восточных и западных славян от древности до наших дней предполагается размещать на веб-сайтах не только на русском, но и на английском языке — самом распространенном языке в мире, которым в большей или меньшей степени владеют 1,5 млрд. человек. Последнее позволит осуществить прорыв в распространении знаний о культурах славян в инославянской среде. Экспозиция в таком музее не будет дублировать материалы, имеющиеся в многочисленных специализированных энциклопедиях, справочниках и Википедии. Статьи для Музея будут созданы лучшими специалистами, которые сумеют выстроить точный культурный ландшафт славянского мира, не загружая сознание посетителей второстепенными и ненужными им фактами. Автор предлагает оптимальную, по его мнению, трехчастную структуру музейных статей, которые в сопровождении визуальных материалов будут способны удовлетворить самые разнообразные интересы и вкусы посетителей создаваемого Музея.

Ключевые слова:

Виртуальный Музей Славянских Культур, прорыв в распространении знаний о славянских культурах в мире, оптимальный формат музейных статей.

Abstract: I.I. KALIGANOV “THE CREATION OF A VIRTUAL MUSEUM OF SLAVIC CULTURES AS AN ACTUAL TASK OF MODERN SLAVISTICS”.

The article refers to the need to create a virtual Museum of Slavic Cultures. The task in our time of rapid digitalization of different spheres of life seems obvious. Its materials on the cultures of Western and Southern Slavs from ancient times to the present day are to be posted on websites not only in Russian, but also in English, the most common language in the world, which speak more than 1, 5 bln people. This will make possible a breakthrough in the dissemination of knowledge about Slavic cultures to the non-slavic environment. The exposition in such a museum will not duplicate the materials available in numerous specialized encyclopedias, handbooks and Wikipedia: articles for the Museum will be created by the major specialists who will be able to build an accurate cultural landscape of the Slavic world, without loading the consciousness of visitors with secondary and unnecessary facts. The author proposes an optimal three-part structure of museum articles, which, accompanied by visual materials, will be able to satisfy a wide variety of interests and tastes of visitors to the Museum being created.

Keywords:

Virtual Museum of Slavic Cultures, Dissemination of knowledge about Slavic cultures in the world, optimal format of museum articles.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Процесс цифровизации во многих областях нашей жизни приобретает сегодня все большую динамику. В электронно-цифровой формат переводятся документы самого различного характера: это и бухгалтерский учет, и проектно-конструкторские чертежи, и библиотечные каталоги, и наиболее ценные научные издания. Молодежь все чаще отдает предпочтение электронным носителям информации, а не бумажным. В метро пассажиры ныне читают не традиционные печатные книги, а их электронные варианты. Пожилые люди дома раскрывают не купленный в книжном магазине нашумевший роман, а скачивают его текст из Интернета.

В этом же русле цифровизации находятся и материалы книги, которую вы взяли в руки. Помещенные в ней материалы связаны с международным трехсторонним (Бельгия–Болгария–Россия) проектом «Разнообразие и взаимодействие культур южных и восточных славян в XI–XX вв.», победившим на конкурсе Европейского союза ERA NET RUS Plus. Они существуют не только в печатном, но и в электронном виде и размещены на сайтах Болгарской академии наук (см. <https://sesdiva.eu>) и бельгийского Гентского университета на болгарском, русском и английском языках. Конфигурация виртуального музея письменных культур южных и восточных славян была разработана на совещании координаторов проекта (главный координатор, болгарский проф. А. Милтенова, бельгийский координатор проф. Д. Штерн и российский — проф. И.И. Калиганов) летом 2018 г. в Гентском университете. Ими было принято решение о создании в музее десяти «залов»: 1) древнейшие и известнейшие памятники литературы и письменности южных и восточных славян; 2) миграция книг, текстов и идей: литературный и культурный обмен между славянским Югом и Востоком; 3) центры культурной коммуникации в периоды Средневековья и Нового времени (Афон, Киев, Москва, Одесса, Рильский монастырь и др.); 4) популярные святые, авторы и произведения; 5) собиратели рукописей и книг; рукописные собрания и библиотеки; 6) начало и распространение индивидуального чтения в *Slavia Orthodoxa*; 7) русская эмиграция на Балканах; 8) эмигрантская литература и культура в веках; 9) Национальное возрождение славян (балканские писатели XVIII–XIX вв. о России); 10) писатели и ученые XIX–XX вв.²

Утвержден был и формат будущих музейных статей. Предполагалось, что их объем не должен превышать четырех–пяти стандартных страниц, включая библиографию, а сами они должны сопровождаться 5–10 иллюстрациями. Начавшаяся конкретная работа по реализации данного проекта натолкнулась, однако, на известные трудности, которые касались как общей конфигурации задуманного виртуального музея, так и подготавливаемых для него статей. Общее число участников проекта из трех стран составляло всего 23 человека, и полнокровно заполнить «экспозицией» все 10 залов му-

² См.: Калиганов И., Милтенова А. Виртуален музей на писмените култури на южните и източните славяни от XI–XX в. // Старобългарска литература. Кн. 59. София, 2019. С. 262–267.

зая за два с небольшим года (срок реализации проекта) они при всем своем желании, разумеется, были не в состоянии. «Прокрустовым ложем» оказался и утвержденный максимально допустимый объем статей. Участники проекта очутились на перепутье: с одной стороны, им хотелось рассказать об объекте повествования привычным для себя академическим языком, используя в статьях сноски и фундированный научный аппарат, а с другой стороны, они сознавали, что музей не должен создаваться для немногих узких специалистов, отпугивая широкий круг посетителей чрезмерной научностью и обилием в общем-то не нужных им научных фактов. В любом случае принятый на Гентском совещании максимально допустимый объем музейных статей соблюдать было просто нереально.

Помещенные в сборнике свыше 60 статей российских участников проекта (все они являются учеными Института славяноведения РАН) отражают различные этапы практической разработки наиболее оптимального формата музейных публикаций. В нем есть чисто академические работы с многочисленными сносками и солидными списками научной литературы (примером могут служить работы М.М. Фроловой, К.В. Мельчаковой и частично Ю.А. Лабынцева), присутствуют неудачные попытки перехода к более приемлемому музейному формату и научные публикации с полным соблюдением постепенно сложившихся новых требований. Последних статей в данном выпуске большинство, и их легко распознать по отсутствию сносок, лаконичному списку приводимой научной литературы и усилению при повествовании герменевтического начала. Практически все авторы академических публикаций сборника создали и их «музейные» варианты для размещения на веб-сайте Болгарской академии наук. Они, также как и работы других российских участников проекта, были переведены на английский язык, выйдут во втором выпуске «Материалов для виртуального МСК» в печатном виде и будут размещены на сайте Гентского университета. При создании статей удалось реализовать уникальные возможности Института славяноведения РАН, в стенах которого собраны специалисты по всем странам славянского Юга и Востока. Читатель найдет в данном выпуске и на упомянутых сайтах статьи наших ученых о культурах Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговине, России, Северной Македонии, Сербии, Словении, Украины, Хорватии и Черногории.

В ходе реализации проекта у меня довольно быстро сложилось убеждение в том, что работу в этом направлении необходимо продолжать и после окончания срока действия гранта. Полученные результаты, по моему мнению, должны стать первым камнем, заложенным в основание виртуального Музея Славянских Культур, причем не только славянского Юга и Востока, но и Запада, и его экспозиция не должна ограничиваться только культурами письменными³. На обложке данного выпуска представлено изображение

³ Соображение об этом было высказано мной в докладе на конференции в октябре 2018 г. См.: *Калиганов И.И.* Мысли о грядущем Музее Славянских Культур // Тезисы докладов подготовительной научно-практической конференции «Разнообразие и взаимодействие письменных культур южных и восточных славян в XI–XX вв.» в рамках

среза дерева славянских культур, которое отражает несколько наивное, романтическое представление славянофилов XIX в. о единстве славянских культур на протяжении их многовекового развития. На самом деле это развитие было гораздо более сложным и не сводилось к элементарному увеличению числа «годовых колец» и постепенному подрастанию ствола дерева вверх. Здесь было бы уместнее говорить о многожильном спиралевидном «кабеле» с то увеличивающимися, то уменьшающимися в поперечном сечении жилами, которые обладают способностью переплетаться между собой, могут взаимно сливаться или разветвляться, способны то умножать, то уменьшать свое собственное число, равно, как и диаметр своих пространственно-временных витков.

К изображению среза «дерева» я прибегнул исключительно для иллюстрации общей конфигурации будущего виртуального Музея Славянских Культур и выделения в нем главных его составляющих. По мере удаления центра к периферии оптимальным в нем видится присутствие следующих материалов:

- а) праславянский язык, древнеславянская мифологии и иные разделы древнеславянского фольклора;
- б) памятники письменности и литературы; региональные трансформации праславянского языка на Юге, Востоке и Западе славянского мира вплоть до современности;
- в) народная художественная культура;
- г) бытовая, культовая и светская архитектура;
- д) скульптура;
- е) религиозная и светская живопись;
- ж) театр;
- з) кино;
- и) музыка.

Размещение в ВМСК разделов о политической истории славянских государств представляется мне нецелесообразным. В системе общественных наук эта дисциплина является одной из самых лабильных и конъюнктурных. Каждые 30–50 лет по заказу властных структур политическую историю начинают переписывать и переименовывать вслед за очередным наступлением геополитических перемен. Поэтому от размещения в ВМСК материалов подобного рода разумнее отказаться: они станут миной замедленного действия, которая рано или поздно продемонстрирует свою разрушительную силу. Контуры политической истории можно будет использовать лишь пунктирно для обозначения изменчивой конфигурации общих культурных зон, границы которых чаще всего не совпадали с границами политическими.

Значительную опасность при строительстве ВМСК могут представлять национальные и корпоративные факторы. Чрезмерно патриотическое

стремление строителей к наибольшей репрезентативности своих «национальных» материалов в музее может оказать последнему медвежью услугу. Оно увеличит вероятность появления музейных статей и «экспонатов», относящихся ко второй или третьей категориям культурных явлений, не обладающих ни оригинальностью, ни особой значительностью на фоне мирового культурного ландшафта. То же самое касается и корпоративного фактора: обычно после многолетних научных разысканий ученые настолько проникаются и срастаются со своей областью науки (в нашем случае — культуры), что она кажется им более важной по сравнению с остальными ее областями. Это обстоятельство способно привести к завышенной оценке исследователями тех культурных явлений, которыми они занимаются, и к стремлению обеспечить им место в музее. Но ведь никто не станет выставлять в Лувре экспонаты, достойные размещения в краеведческом музее. Точно так же и для экспозиции ВМСК необходимо отбирать самое элитное, самое ценное и достойное — иначе у англоязычных посетителей музея может сложиться мнение о сравнительно невысоком уровне развития славянских культур, как таковых, и о том, что они являются вторичными по отношению к западноевропейским.

Фильтром здесь призваны служить соответствующие словники, составленные на основе разумных квот. Они должны устанавливаться с учетом величины каждой из славянских стран и размеров их вкладов в ту или иную область славянской культуры. Можно, например, дать задание специалистам отобрать для начала 150 имен лучших русских писателей XI–XX вв., 120 польских, 80 чешских, 50 хорватских, 40 сербских и т.д. Разумеется, эти цифры даны мной «навскидку» и в дальнейшем могут быть скорректированы как в сторону их увеличения, так и уменьшения. Размеры вкладов отдельных славянских народов в общеславянскую культурную копилку не всегда находились в прямо пропорциональной зависимости от их численности, в ходе истории их доля в ней, как правило, претерпевала изменения и не являлась равновеликой во всех областях национальной культуры. Аналогичным образом обстоит дело и в архитектуре, живописи, скульптуре, музыке, киноискусстве и других разновидностях культурной деятельности славянских народов.

В ходе работы по реализации проекта по созданию виртуального музея письменных славянских культур южных и восточных славян XI–XX вв. у меня постепенно сформировалось представление и о наиболее оптимальном формате статей для будущего ВМСК⁴. По-моему мнению, их средний объем должен составлять не менее 7–10 страниц с предельным максимумом в 20 000 знаков. А сама их структура должна быть не двухчастной, а трехчастной.

⁴ Оно было очерчено мной в моем докладе на уже упомянутой конференции. См.: *Калиганов И.И.* Заметки об оптимальном «музейном» формате при написании статей для виртуального Музея Славянских Культур // Тезисы докладов подготовительной научно-практической конференции «Разнообразие и взаимодействие письменных культур южных и восточных славян в XI–XX вв.» в рамках одноименного международного трехстороннего проекта Бельгия–Болгария–Россия (ERA NET RUS plus, РФФИ – 18–512–76004). 23 октября 2018 г. Москва. М., 2018. С. 6–8.

Первую, как уже говорилось, следует создавать в герменевтическом ключе. При работе над ней нужно стремиться не отпугнуть неподготовленного посетителя чрезмерным перечислением вообще-то не нужных ему научных фактов, а постараться простым языком разъяснить ему суть описываемого явления культуры и его уникальность: первый национальный поэт, патриарх военной журналистики, древнейшая датированная рукопись у восточных славян, первый национальный романист и т.д. Обозначения статей в ВМСК, на мой взгляд, не следует уподоблять практике энциклопедий и специальных справочников, в которых даются лаконичные названия памятников или фамилии писателей, а затем начинают более подробный о них рассказ. Видимо, лучше еще в названии известить читателя о сути дальнейшего повествования, т.е. соблюсти своеобразный «этикет» авторов XVIII в., которые куртуазно сразу же извещали своего читателя, о чем будут вести речь. Чтобы не делать название чересчур длинным, вслед за ним можно поместить «титл» из трех–пяти предложений, преследующих ту же цель, что и название. Даже если читатель не станет дальше читать статью, в его памяти останутся факты о том, что Вас.И. Немирович-Данченко, например, является патриархом русской военной журналистики, а А.Д. Чертков был основателем первой бесплатной публичной библиотеки в Москве. Таким образом даже названия статей ВМСК станут играть роль умного «букваря» по славянским культурам для взрослых людей.

В первой части статьи следует также очень точно и лаконично описать суть затрагиваемого явления славянской культуры. С этой задачей способны справиться только специалисты высокой квалификации, обладающие глубокими знаниями не только о самом предмете повествования, но и имеющие ясное представление о сходных явлениях в развитии славянских культур и могущие выстроить реальный культурный масштаб с соблюдением в нем необходимых пропорций. Идеальными исполнителями здесь видятся академические ученые: в первую очередь, те из них, кто владеет искусством слова. Ведь не является секретом то, что многие труды серьезных ученых бывают написаны таким «чугунно-литейным» языком, что отталкивают от себя взявших их в руки читателей. При подготовке первой части нельзя исключать привлечение внешних стилистов, способных превратить трудные тексты в «удобоваримые» и читабельные. Сноски на научные работы в герменевтической части не желательны: они здесь излишни и лишь отвлекают посетителя от герменевтической сути того культурного явления, с которым он знакомится.

Вторая часть статьи будет сокрыта от глаз читателя: доступ к ней станет осуществляться через «тегу» с обозначением «Историография». Ее объем будет составлять 2–3 страницы и иметь сугубо научный характер. Она предназначена для тех ученых, которые захотят ознакомиться с историей изучения данного культурного явления подробно. Здесь ради экономии места возможны применение сухого академического стиля, сокращения, использование многочисленных отсылок к научной литературе. Они делаются так, как это принято у лингвистов: в тексте в скобках дается фамилия ученого, год издания научной работы и стр., к которой относится отсылка.

Третья часть под названием «Библиография», доступ к которой будет также осуществляться через «тегу», предназначена как для широкого круга посетителей ВМСК, так и для ученых специалистов. Здесь можно будет найти краткий список научно-популярной литературы по заинтересовавшему посетителя вопросу, а также перечень и полные названия научных работ, на которые делались ссылки в разделе «Историография». Объем этой части не должен превышать 1 стандартной страницы текста, набранного 14 кеглем.

Сопровождающие статьи «Галлерии», также как и сейчас, будут содержать по 10 иллюстраций, связанных с самыми важными моментами статейных повествований.

Предлагаемый мной формат музейных статей позволяет гармонизировать распределение входящих в них материалов. Благодаря этому «экспозиция» ВМСК станет востребованной и желанной для самого широкого круга посетителей. Она будет полезна как неспециалистам, так и ученым. Особенно это касается герменевтических части музейных статей в их англоязычной версии, позволяющей ВМСК найти свою «нишу» среди специализированных печатных справочников и помогающей ему избежать некорректного сравнения с Википедией. Если учитывать, что английским языком в мире владеют 1,5 млрд. человек в мире, станет ясно, что создание ВМСК способно привести к настоящему прорыву в деле распространения знаний о культурах славянских народов в их историческом развитии.

Лидия Константиновна
ГАВРЮШИНА

ДОМЕНТИАН, СЕРБСКИЙ АГИОГРАФ XIII В.¹

Аннотация:

Статья посвящена Доментиану — выдающемуся сербскому агиографу XIII в., иеромонаху афонского Хиландарского монастыря. Он явился автором жития св. Саввы, архиепископа Сербского (ок. 1170–1235), завершеного им в 1243 или 1254 г. Позднее на его основе и при использовании жития, написанного в 1216 г. Стефаном Первовенчанным (1165–1227), он создал житие святого Симеона Сербского. Агиографические сочинения Доментиана возникли в период расцвета сербской государственности, их отличает высокий панегирический стиль.

Ключевые слова:

Сербская агиография, афонский Хиландарский монастырь, иеромонах Доментиан, жития святых Саввы и Симеона Сербских, высокий панегирический стиль.

Abstract: L.K. GAVRYUSHINA “DOMENTIAN, THE SERBIAN HAGIOGRAPHER OF THE 13TH CENTURY”.

The article is dedicated to Domentian, an outstanding 13th century Serbian hagiographer, hieromonk of Athos Hilandar monastery. He was the author of the Life of St. Sava, Archbishop of Serbia (c. 1170–1235), completed by him in 1243 or 1254. Later, based on it and using a Life written in 1216 by Stefan the First Crowned (1165–1227), he wrote the Life of St. Simeon of Serbia. Hagiographic writings of Domentian arose during the heyday of Serbian statehood, they are distinguished by a high panegyric style.

Keywords:

Serbian hagiography, Mount Athos, Hilandar monastery, Domentian, the Hieromonk, the Lives of Saints Sava and Simeon of Serbia, high panegyric style.

Доментиан — знаменитый сербский агиограф, иеромонах афонского Хиландарского монастыря, современник и ученик первого сербского архиепископа Саввы. О его жизни сохранилось мало сведений. Родился он, предположительно, в начале XIII столетия, имел благородное происхождение и получил хорошее образование. Монашеский постриг он, по-видимому, принял в сербском монастыре Жича, где на него обратил внимание св. Савва Сербский и сделал его своим учеником. Благодаря этому Доментиан позднее часто находился рядом со святителем: сопровождал его во втором паломничестве на Святую Землю в 1233–1235 гг., был с ним в болгарской столице Велико Тырново и стал свидетелем кончины Саввы после непродолжительной болезни. Затем он принимал участие в погре-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

бении святителя и перенесении его мощей в сербский монастырь Милешево (1237). Вслед за этим Доментиан удалился на Святую Гору, где написал жития святителя Саввы и его отца св. Симеона Мироточивого — в миру Стефана Немани, ставшего первым сербским великим князем (жупаном) и объединителем сербских земель.

Литературный дар Доментиана высоко ценили при сербском дворе: оба жития были составлены им по желанию короля Уроша I, внука Немани и племянника святого Саввы.

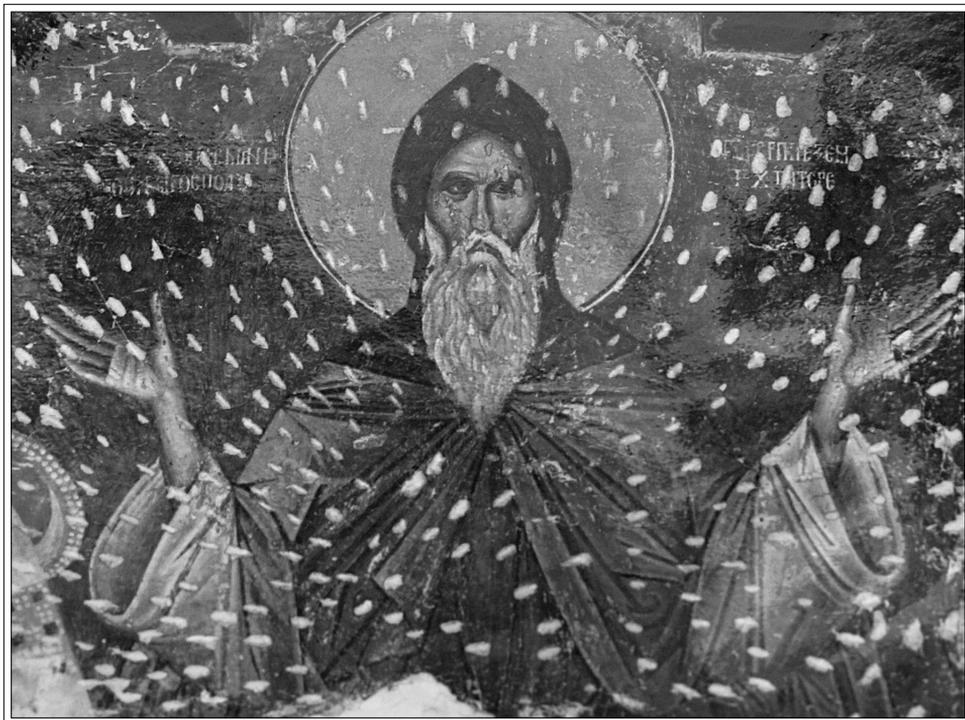

*Свв. Симеон и Савва как ктиторы Хиландаря
(фреска в Хиландарском монастыре)*

Житие святителя Саввы Доментиан завершил в 1243 или 1254 г. в Карейской келии, которую подвижник основал на Афоне. Около 1260 г. его избрали духовником хиландарского монашеского братства, и он поселился в горах над Хиландаром, в месте, именуемом Спасова Вода. Здесь в башне Преображения Христова книжник в 1263–1264 гг. написал свой второй агиографический труд — житие св. Симеона.

Эти сочинения Доментиана были созданы в период расцвета сербской государственности. Их отличает монументальность и высокий панегирический стиль. Восхваляя национальных святых, стоявших у истоков обновления христианской Сербии, автор прославляет ее как «Новый Израиль»: по его мысли, после принятия христианства сербский народ становится народом богоизбранным. Грандиозному художественному замыслу агиографа соответствовало его представление о сербских святых как о просветителях всего мира. Книжник подчеркивает их исключительную роль в истории спасения человечества посредством постоянных напоминаний об их преемственности по отношению к личностям Ветхого Завета. В текстах своих житий Доментиан часто сопоставляет св. Савву со столпами ветхозаветной истории: Авраамом, Исааком, Иосифом, Авелем, патриархом Иаковом, пророками Исайей и Иоанном Крестителем. Особенно пространны сравнения отдельных событий и чудес из жизни сербского первоучителя с теми, что совершал Моисей — религиозный вождь и первый законодатель своего народа. Однако Доментиан, как правило, подчеркивает ущербность таких уподоблений. Святой Савва стоит для него несравненно выше ветхозаветных патриархов и пророков, поскольку является причастником новозаветной благодати, которая даруется ему самим Христом.

Первостепенное значение для Доментиана имеет апостольская миссия святых. Создавая идеальный лик «святой двоицы» — Симеона и Саввы, агиограф обращается к текстам гимнографических сочинений в честь св. апостолов Петра и Павла и часто использует послания последнего. Он не ограничивается указанием на богоизбранность святых — вершиной идеального образа подвижника для него является догматически обоснованное представление об уподоблении Богу. Поэтому книжник в образном плане многократно сопоставляет св. Савву с Христом. В одной из своих молитв о возобновлении мироточения из раки с мощами св. Симеона Савва уподобляет свое духовное единение с отцом «единству внутрибожественному», то есть единству Отца и Сына. Последнее одновременно является у агиографа идеальным прообразом отношений внутри церковной иерархии. Трое представителей династии Неманичей — св. Савва, преп. Симеон и сын последнего, св. Стефан Первовенчаный — уподобляются им Пресвятой Троице. Эта особенность художественного стиля Доментиана обусловлена, прежде всего, присущим книжнику богословско-символическим видением мира. Она является одним из проявлений всеобъемлющего для его житий принципа соотношения земного и небесного планов бытия. Изложению конкретных событий в житиях постоянно сопутствует истолкование их

*Св. Симеон.
Фреска в церкви Богородица Левшика
(Призрен)*

высшего смысла, восхождение к духовной реальности. Композиционную структуру этих сочинений определяет смена запечатлевающих ее монументальных поэтических картин.

Неизвестно, оставил ли Доментиан после себя какие-либо гимнографические сочинения, но по своим художественным принципам его проза зачастую приближается к гимнографии. Поэтический характер изложения обусловил сложность «малых» жанровых форм в составе его житий. Так, например, послание св. Саввы отцу с призывом прийти к нему на Святую Гору перерастает в похвалу последнему, а затем в поэтическое толкование евангельских речений Спасителя. Для стиля сочинений Доментиана характерны богатство риторических фигур, синтаксические «расширения» при построении фразы, внимание к звуковой стороне слова. Широко используемые им принципы стиля «плетения словес» находятся на службе «поэтического богословия».

Следует отметить, что житие св. Саввы превосходит по объему все средневековые сербские биографии (около 200 стр.) и является одним из наиболее значительных и сложных произведений древнесербской литературы. В этом состоящем из 33 глав сочинении впервые полностью была

изложена биография сербского первоучителя. Оно содержит переработанные агиографом тексты ценных исторических документов — грамоту о провозглашении автокефалии Сербской Церкви, ряд посланий и проповеди св. Саввы. Многие высказывания о св. Савве книжник вкладывает в уста персонажей-свидетелей — старца Макария, духовного отца Саввы, византийского императора, иерусалимского патриарха Афанасия и др.

Одним из главных источников при составлении данного сочинения Доментиану послужило краткое житие св. Саввы, созданное анонимным автором в Хиландаре и затем переработанное в обители Милешево. Включая этот текст в новый риторико-панегирический художественный контекст, Доментиан обогатил его новыми фактами из своих личных впечатлений и устных преданий о Савве. Центральное место в повествовании книжника занимает рассказ об избрании Саввы архиепископом и о создании автокефальной Сербской церкви. Существенное значение автор придает рассказу о церковно-юридической (составление Карейского типикона и Кормчей, организация епархий, избрание епископов) и дипломатической деятельности святого. Большой духовно-символический смысл несет в себе и повествование о посещении Саввой святых мест Палестины, Египта, Синая и Антиохии. Рассказывая о подвижничестве св. Саввы и его отца Симеона Немани на Афоне, автор приводит подробные сведения об афонских монастырях, скитах и о жизни отшельников. Поведал он читателю и о том, как возник и строился Хиландар. Древнейший список жития св. Саввы в редакции Доментиана, относящийся к 20-м — 30-м годам XV в., хранится в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

При написании жития св. Симеона Доментиан использовал как собственное житие св. Саввы, так и текст жития Стефана Немани, которое в 1216 г. написал в честь своего отца старший брат Саввы, король Стефан Первовенчаный (1165–1227). Из первого книжник позаимствовал одну треть текста, а из второго более 400 строк. Неслучайно обратился он и к тексту Похвалы князю Владимиру из памятника древнерусской литературы XI в. «Слово о законе и благодати» митрополита киевского Илариона. Как позднее Савва и Стефан Неманичи в Сербии, так и этот русский князь сыграл на Руси первостепенную роль в укоренении учения Христова. Древнейшие славянские рукописи с текстами доментиановского жития св. Симеона относятся к третьей-четвертой четверти XIV в. и хранятся в библиотеках Одесского университета, Национальной Сербской и Румынской академии наук.

Оба творения Доментиана, святогорские по духу и вместе с тем предназначенные для двора, сближает идея создания христианского царства под покровительством национальных святых, представителей одной династии, в деятельности которых объединяются духовное и светское начала.

ЛИТЕРАТУРА

Живот Светога Симеуна и Светога Саве. Написао Доментијан. На свијет издао Ђ. Даничић. Београд, 1865.

Срећковић П. Творења Доментиана и Теодосија // Споменик Српске Краљевске Академије. XXXIII. 2 разред. Београд, 1898. С. 65–120.

Станојевић С. Извори Неманињих биографија // Летопис Матице Српске. Књ. 181. Београд, 1895. Св. II. С. 101–102.

СПИСОК ИЛЛУСТРАЦИЈ*

1. Манастир Жича. Србија.
2. Хиландарски манастир на Афоне.
3. Манастир Милешево у Србији.
4. Св. Симеон Србски. Стенопис цркве Богородице (Левишској) у Призрену. 1307–1309 г.
5. Св. Савва и св. Симеон — ктитори главног храма Хиландарског манастира.

---

* *Прим. редколегии:* овде и даље у списцима иллустрација приводе се те из њих, које ће бити размештене на сајтама Болгарске Академије наука и Гентског универзитета, у овом же издању они представљени изборно.

ФЕОДОСИЙ — СЕРБСКИЙ КНИЖНИК ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIV СТОЛЕТИЯ¹

Аннотация:

В статье рассказывается о литературной деятельности жившего в последних десятилетиях XIII — первой трети XIV в. сербского книжника Феодосия. Его перу принадлежат агиографические и гимнографические сочинения: жития, похвалы, службы и каноны сербским святым. В конце XIII в. он, находясь в афонском Хиландарском монастыре, создал пространное житие архиепископа Саввы Сербского. Опираясь на фактографическую основу жития этого святого, написанного ранее его предшественником Доментианом, книжник создал самостоятельное произведение, отличающееся беллетристичностью и глубиной психологических характеристик.

Ключевые слова:

Агиография, Афон, сербский книжник Феодосий, пространное житие св. Саввы архиепископа Сербского, беллетристичность и психологизм повествования.

Abstract: L.K. GAVRYUSHINA “THEODOSIUS, THE SERBIAN SCRIBE OF THE LAST DECADES OF THE 13TH CENTURY — FIRST THIRD OF THE 14TH CENTURY”.

The article discribes the literary activities of the Serbian scribe Theodosius who lived at the last decades of the 13th — the first third of the 14th century. He penned hagiographic writings, lives, praises, services and canons in honor of Serbian saints. At the end of the 14th century in the Athonite Hilandar monastery he created the lengthy Life of the Holy Archbishop Sava of Serbia. Based on the facts of the life of this saint, written earlier by his predecessor Domentian, the scribe created an independent work, characterized by his literary style and the depth of psychological analyzes.

Keywords:

Hagiography, Athos, Theodosius, Serbian scribe, Longer Life of St. Sava Archbishop of Serbia, Psychology of storytelling.

Феодосий — сербский книжник, младший современник Доментиана. Сведений о его личности крайне мало. По предположению ученых, он был иеромонахом и старцем афонского Хиландарского монастыря, в актах которого это имя упоминается в 1302–1327 гг. Высказывалось и предположение, что он являлся духовником сербского короля Милутина (1282–1321).

Перу Феодосия принадлежат агиографические и литургические сочинения: жития, похвала, службы и каноны сербским святым. Наиболее

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

известным сочинением книжника является житие первого архиепископа Сербии (1219–1235), святого Саввы Сербского, написанное им, по-видимому, в конце XIII столетия в Хиландарском монастыре. Фактическую канву произведения Феодосий позаимствовал из жития святителя в редакции Доментиана, отказавшись от сложной символики и богословских построений своего предшественника.

Кроме сочинения Доментиана, книжник использовал византийские образцы. Вступление к произведению он позаимствовал из жития Саввы Освященного, которое написал византийский агиограф VI в. Кирилл Скифопольский, а отдельные места основной части памятника имеют параллели с житием, жившего в III — начале IV столетия св. Димитрия Солунского. Феодосий предложил читателю свое видение событий и трактовку образа св. Саввы. Он стремился создать образ истинного христианского подвижника, который одерживает верх над человеческими заблуждениями и преображает отдалившийся от Бога «мир». Книжник сумел осознать ценность отдельной человеческой личности и значение непрерывного духовного совершенствования человека. Говоря о духовном становлении

*Св. Савва Сербский, свв. царь Константин и царица Елена.
Фреска в м-ре Грачаница
(Около 1338 г.)*

Саввы, он подробно останавливается на переломном моменте судьбы своего героя — выборе им жизненного пути. Агиограф детально излагает беседу Растко (таково было светское имя подвижника) с пришедшим с Афона русским монахом. В отличие от Доментиана, у которого этот эпизод очень лаконичен, Феодосий показывает, насколько сильное впечатление произвел на юношу рассказ старца о жизни преподобных отцов-пустынников в окружении дикой природы и как у него созрело твердое решение встать на монашескую стезю.

Повествованию Феодосия, как отмечают многие исследователи, присуща некая несвойственная средневековой агиографии «беллетристичность». Она заключается в наличии «реалистических» элементов своеобразного средневекового «романа», в котором его действующие лица сталкиваются с острыми жизненными противоречиями. Выступая как проповедник, Феодосий через поведение своих героев предлагает читателю сопоставить две системы ценностей: преданного Богу святого Саввы и мирян, пытающихся истолковать евангельские заповеди в пользу человеческих страстей и привязанностей. В этом плане очень показательным является поведение родителей святого, великого жупана Стефана Немани (1113–1199) и его супруги Анны, не желающих «отпускать» сына на путь суровой монашеской жизни. В трактовке Феодосия отец Саввы — человек, душа которого еще настолько сильно привязана к светской жизни и мирским представлениям, что ему трудно осознать причину ухода от них сына. Поэтому он и стремится любыми способами противодействовать тому, в чем его сын видит Промысл Божий. Очень реалистично описаны в житии душевная боль и отчаяние родителей, узнавших о внезапном исчезновении их поехавшего на охоту сына. На самом же деле тот отправился не охотиться, а бежал с русским иноком на Афон.

Полон драматизма и рассказ о попытках вернуть Растко в родительский дом. В погоню за юным беглецом посылают воеводу с «благородными юношами», которые настигают его уже на Афоне. Но Растко хитростью удалось усыпить бдительность стерегущих его людей воеводы, ускользнуть от них и уговорить монахов тайно постричь его под именем Саввы. Воеводские слуги требовали от иноков выдать им Растко, угрожая и прибегая к побоям. Когда же наутро перед ними появился уже не Растко, а монах Савва в монашеском облачении, они в плаче начали изливать свои горькие чувства и обиду на него, считая себя жестко обманутыми. Плакали они и по самим себе в страхе перед гневом своего господина и наказанием за неисполнение его поручения. При описании этой сцены агиограф, возможно, использовал фольклорные источники, в том числе и народную песню об уходе Саввы на Афон.

В отличие от Доментиана с его концепцией божественного предопределения подвижника к святости, Феодосий придает большое значение движениям человеческой души и выступает ее знатоком. Будучи талантливым писателем-проповедником, Феодосий показывает, как преображается

внутренний мир «царствующего» отца святого, Стефана Немани. Поступок сына оказывает на него сильное воздействие: от отчаяния и скорби он постепенно приходит к мысли об отказе от власти и земных благ и удалении на Афон для несения подвигов вместе с сыном. Большую роль в принятии им такого решения сыграло письмо Саввы к родителям со Святой Горы с призывом расстаться с земными благами и посвятить остаток своей жизни служению Богу. Это назидательное письмо вызвало смятение в душах родителей и преклонение перед духовным подвигом сына, к которому они стали относиться как к своему молитвеннику и духовному отцу. После этого письма они уже не мечтают о возвращении сына, а лишь робко просят его посетить отчий дом хотя бы ненадолго.

Заслуживает внимания и речь Стефана Немани к своим родственникам, вельможам и народу на созванном им соборе. Стефан сообщает присутствующим о своем решении покинуть их, они же умоляют его остаться и скорбят о том, что лишаются своего «отца» и владыки. Феодосий подчеркивает, что главным мотивом решения Стефана о пострижении и уходе на Афон служат его отеческая любовь к сыну и желание быть с ним рядом. Книжник показывает зависимость поведения своих героев от внешних обстоятельств и раскрывает психологическую мотивировку их поступков. Его интересуют сложность проблемы выбора и соотношения человеческой и Божественной воли на пути человека к духовному совершенству. Сложность такого пути, по мысли Феодосия, определяется и многообразием самой земной действительности. Этой сложности не касался Доментиан, который мыслил высокими образами-символами и рисовал величественные фигуры богоподобных в своем подвиге святых.

Психологическими подробностями у Феодосия насыщены и описания чудес святителя Саввы. Они весьма разнообразны — от сквашивания молока по молитве святого до убиения по его молитве нечестивого Стреза. История гибели этого злодея занимает в повествовании несколько страниц. Спасаясь от преследований болгарского царя Борила, Стрез бежит в Сербию и обретает прибежище при дворе брата Саввы, короля Стефана Первовенчанного (1217–1228). Но платит он своему благодетелю черной неблагодарностью: вероломно собирает войско и ополчается против Стефана, который, не желая пролития крови, обращается за духовной помощью к Савве. Но Стрез не внимает увещаниям святого, и тогда ангел поражает нечестивца во сне. Сюжет этого чуда агиограф позаимствовал из жития св. Димитрия Солунского. Это место жития интересно, прежде всего, психологическим портретом персонажа. Стрез не способен к духовной перемене и покаянию. Доментиан видит в нем лишь «сына дьявола», а Феодосий стремится показать всю глубину его нравственного падения и то, как он становится «каменносердечным», утрачивая способность к раскаянию и милосердию. Виной всему является власть, которая развратила этого порочного человека и породила в нем чудовищную самонадеянность и гордыню.

Вероятно, одновременно с этим житием Феодосий создал и Похвалу святым Симеону и Савве, поскольку она часто встречается вместе с ним в сербских и русских списках памятника. Это сочинение было составлено по образцам жанра византийского энкомия. Оно отражает стремление автора к объединению культов двух упомянутых небесных покровителей Сербии.

Второе свое житие Феодосий посвятил Петру Коришскому — святому, подвизавшемуся в окрестностях Призрена во второй половине XIII в. Он составил его около 1310 г. на основе устных рассказов учеников подвижника и местных о нем преданий. Феодосий лично посетил места подвижничества Петра Коришского и в конце жития изложил свои впечатления от увиденного. И это повествование книжника полно драматизма, особенно в том месте, где он прослеживает последовательное отвержение святым всего того, что связывает его с миром — родного дома, уютного жилья и даже родной сестры, которая некоторое время была его сподвижницей. Внешний конфликт героя и мира перерастает в драматическое противостояние монашеского идеала и земного желания быть рядом со своими родными людьми.

Феодосий существенно обогатил не только жанр сербской житийной литературы того времени, но и жанр гимнографии. Между 1307 и 1310 гг. он написал службу св. Симеону (иноческое имя сербского жупана Стефана Немани), которая вытеснила службу тому же святому, составленную ранее св. Саввой. То же самое произошло и с сочиненной им службой в честь первого сербского архиепископа св. Саввы. Она была создана приблизительно в то же время и заменила все предшествовавшие ей варианты службы святителю, составленные в XIII столетии. Обе службы были написаны Феодосием в соответствии с положениями Иерусалимского церковного устава, переход на который начался в сербской церкви в начале XIV в. Они имеют в своем составе по два оригинальных канона. Во многих тропарях часто прославляются одновременно два подвижника — св. Савва и его отец, преподобный Симеон Мироточивый. Еще одна служба была создана Феодосием в честь Петра Коришского. Возможно, книжник написал ее одновременно с житием упомянутого подвижника. Кроме того, Феодосий составил множество канонов: Общий канон Христу, святым Симеону и Савве, Общие каноны Симеону и Савве на восемь гласов с акростихом и Общий канон Симеону и Савве четвертого гласа.

Написанное Феодосием житие св. Саввы оказало заметное влияние на развитие древнерусской агиографии. Его широкое распространение началось на русской почве с первых десятилетий XVI в. До нашего времени дошло около 100 списков этого памятника, хранящихся в крупнейших книгохранилищах России, Украины и Литвы. В 1545 г. русский книжник игумен Иродион Кочнев использовал его текст при составлении жития св. Александра Свирского. Русский агиограф заимствовал у Феодосия пространные отрывки с описанием детства и юношества подвижника, кото-

рые перекочевали затем и в другие жития, созданные на русском Севере в XVI — XVII столетиях. В плане влияния интересна и небольшая повесть о бегстве Растко на Афон, созданная в русской литературе конца XVII в. на основе указанного выше жития Феодосия. Анонимного русского книжника этот эпизод привлек наличием в нем элементов «беллетристики»: занимательностью изложения материала, обилием диалогов и драматизмом сцен. Такое повествование отвечало вкусам русских читателей того времени. Переработав данный эпизод, русский автор представил агиографического героя как любимого сына своих родителей, которые внезапно лишились надежды не только на вступление Растко в брак, но и на то, что он станет наследником престола. Сербская земля в этой повести называется вдовствующей.

ЛИТЕРАТУРА

Србљак. Службе. Канони. Акатисти. Београд, 1970. Т. 1. С. 139–217; С. 219– 293.
Müller-Landau C. Studien zum Stil der Sava–Vita Teodosijes. München, 1972.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Хиландарский монастырь на Афоне. Общий вид.
2. Краткая редакция жития св. Саввы Сербского в редакции Феодосия. Санкт-Петербург: РНБ. Собрание Н.П. Погодина. Сборник смешанного содержания. Л. 138. XVI в.
3. Бегство Растко на Афон. Деталь иконы св. Саввы и св. Симеона Сербских. Монастырь Морача. 1645 г.
4. Служба св. Савве Сербскому книжника Феодосия. Белград. Музей Сербской Православной Церкви. № 26. Л. 122а. XVI в.
5. Свв. Савва Сербский, царь Константин и царица Елена. Фреска монастыря Грачаница. Ок. 1338 г.
6. Похвала свв. Симеону и Савве Сербским. Санкт-Петербург: РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 30/1269. Л. Первая треть XVI в.
7. Смерть Стреза по молитве св. Саввы Сербского. Деталь иконы свв. Симеону и Савве. Фреска монастыря Морача. 1645 г.
8. Иисус Христос, св. Симеон (Неманя) и св. Савва Сербский. Цветная Триодь. Мркшина церква. 1566 г.

СЕРБСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПЕРЕВОДЧИК XIV В. ИСАЙЯ СЕРРСКИЙ¹

Аннотация:

В статье идет речь об Исайе Серрском — афонском иноке XIV в., переводчике корпуса богословских сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита (V в.) с греческого на славянский язык. В 1349 г. он, по-видимому, стал игуменом Пантелеймонова монастыря на Афоне. Исайя был близок к сербским правителям и иногда выступал от их имени в качестве дипломата. В 1375 г. ему удалось оказать содействие Сербской Церкви в примирении ее с Константинопольской Патриархией. Выступил Исайя и в качестве автора краткого сочинения, известного как «Рассказ о разорении турками Македонии». Оно помещено в предисловии к переводу «Ареопагитик» и представляет собой единственное в своем роде художественно-историческое свидетельство о битве сербов с турками на реке Марице в 1371 г.

Ключевые слова:

Афонский инок, игумен Пантелеймонова монастыря, дипломат, переводчик богословских трактатов, «Ареопагитики», рассказ о битве сербов с турками на реке Марице в 1371 г.

Abstract: L.K. GAVRYUSHINA “ISAIAH OF SERRA: THE SERBIAN WRITER AND TRANSLATOR OF THE 14TH CENTURY”.

The article deals with Isaiah, the Serbian-Athonite monk of the 14th century, translator of the corpus of theological works of Pseudo-Dionysius the Areopagite (5th century.) from Greek into Slavic. In 1349, he apparently became Abbot of the Panteleimon monastery on the Mount Athos. He was close to the Serbian rulers and sometimes acted on their behalf as a diplomat. In 1375, he was able to assist the Serbian Church in reconciling it with the Patriarchate of Constantinople. Isaiah also acted as the author of a brief original essay “The Story on the destruction of Macedonia by the Turks”. It is placed in the preface to the translation “Areopagitums” and is the only piece of literary and historical evidence of the battle of the Serbs with the Turks on the Maritsa river in 1371.

Keywords:

A monk at Mount Athos, Abbot of St. Panteleimon monastery, diplomat, translator of theological writings, “Areopagitums”, original essay “The Story of the destruction of Macedonia by the Turks”.

Исайя Серрский — афонский сербский монах, дипломат, писатель, переводчик, автор так называемого рассказа о разорении Македонии турками.

О жизни этого сербского книжника известно мало. С уверенностью можно сказать, что он еще был жив в 1375 г. В посвященном ему житии

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

содержатся данные о том, что он родился около 1300 г. «в епархии, глаголемой Лиман», т.е. в пределах епископства на Косовом поле, центром которого является монастырь Грачаница. Его родители, Георгий и Калина, были знатными людьми, и юноше удалось получить хорошее образование. Послужив некоторое время при дворе короля Милутина, он принял постриг в монастыре Иоакима Осоговского, а затем до 1330 г. ушел на Афон, где поселился в Хиландарском монастыре. Согласно его житию, через некоторое время по возвращении в Сербию он навестил своих родителей и уговорил их принять постриг под именами Герасим и Феодосия.

В 40-х годах XIV в. Исаяя стал послушником бывшего игумена Хиландара, старца Арсения, который представил его сербскому царю Стефану Душану. Исаяя заслужил царское доверие, сделался приближенным царя и его жены Елены. Впоследствии, когда по приходе в монастырь вмч. Пантелеймона Исаяя обнаружил его запустевшим, он обратился к сербскому самодержцу с прошением о помощи. И оно было удовлетворено. Монастырь получил от царя не только охранные грамоты (хрисовулы) и щедрые средства на восстановление, но и земельные угодья. В 1349 г. Исаяя, по мнению сербских ученых, стал игуменом Пантелеймонова монастыря, построил в нем собор, трапезную, службы, крепостные башни и создал монастырские подворья за пределами Святой Горы. В житии Исаяи не говорится об этнической принадлежности тогдашних насельников Пантелеймоновой обители. Нет в нем и упоминаний о том, что она тогда являлась русской.

Свято-Пантелеймонов монастырь

Исайя Серрский проявил себя способным дипломатом, сыграв значительную роль в примирении сербской церкви с Константинопольской патриархией в 1375 г. Его поездку в византийскую столицу одобрил князь Лазарь и Собор Сербской земли, на котором присутствовала вдова Стефана Душана. И они не ошиблись с выбором посла-переговорщика. В Константинополе Исайя встретился с будущим митрополитом Киевским Киприаном, который находился там в связи с канонизацией Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Есть основания предполагать, что с этим событием связано распространение в сербской книжности конца XIV–XV вв. проложного жития этих святых.

Главная заслуга Исайи заключалась в переводе им на славянский язык корпуса «Ареопагитик». Он был создан Псевдо-Дионисием Ареопагитом не ранее конца V в. и состоял из четырех сочинений, предопределивших развитие византийского богословия в последующие столетия. «Ареопагитики» проникли на славянскую почву еще в древности: отрывок из этих сочинений попал, например, в Изборник 1073 г. Но именно благодаря Исайе у южных и восточных славян появился перевод всего корпуса богословских трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита: «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О Божественных именах», «О мистическом богословии» и десяти Посланий в сопровождении толкований Максима Исповедника. Перевод этих сочинений Исайя выполнил по просьбе Серрского митрополита Феодосия.

Перевод этот имел Послесловие (или Предисловие), в котором книжник отмечал трудности переложения текста на славянский язык, ибо в нем, по сравнению с «многопремудрым» греческим, имеется гораздо меньше слов, способных изъяснить смысл отвлеченных понятий. В Послесловии также содержалось свидетельство о битве сербов с турками на реке Марице в 1371 г. Она произошла в год завершения работы книжника над своим трудом, в «лихие времена», потому что именно тогда сербское войско во главе с деспотом Иоанном Угleshей и королем Вукашином потерпело страшное поражение от турецких завоевателей. Свидетельство Исайи вошло в науку как «Рассказ о разорении Македонии турками». В описании книжником этой битвы соединяются черты хроники и художественного повествования. Турки, по словам Исайи, после этой битвы «разлетелись по всей сербской земле», он сравнивает их с хищными птицами, повсюду несущими смерть. Книжник со скорбью отмечает, что после случившейся трагедии земля лишилась своих богатств — и людей, и скота, и всяческих плодов, «ибо не было ни князя, ни вождя или предводителя у народа, не было избавителя и спасителя». В заключение Исайя с горестью добавляет, что живые тогда завидовали мертвым.

Рассказ Исайи помещен лишь в некоторых списках памятника. Он распространен в древнерусской рукописной традиции, а в старших сербских списках середины XV — начала XVI в. обычно не представлен. Однако на протяжении позднего Средневековья это художественно-историческое сви-

детельство о битве сербов за свободу не выпадало из поля зрения славянских книжников. Оно, например, было использовано в тексте «Слова о князе Лазаре» конца XIV в. и при составлении Русского Хронографа 1516–1522 гг. Через некоторое время это свидетельство проникло и в Сербский Хронограф, а также в сербские родословы и летописи. В 1792 г. текст сочинения Исая вошел и в «Историю вкратце о болгарском народе славенском», которую написал болгарский монах Спиридон Рильский.

Известно около 80 списков «Ареопагитик» в переводе Исая. Наиболее древние из них имеют сербское происхождение. Возможно, что славянская рукопись с переводом «Ареопагитик», датируемая 70-ми годами XIV в. (она хранится в Российской Национальной библиотеке в собрании А.Ф. Гильфердинга под № 46), является автографом Исая. Что же касается жития Исая, то оно, вероятно, было написано учеником подвижника. Он называет своего учителя блаженным, преподобным и святым. Возможно, житие писалось с целью церковного прославления Исая, однако официальной канонизации подвижника не произошло. Неизвестны и сочиненные в его честь церковные песнопения.

ЛИТЕРАТУРА

- Стојановић Љ.* Записи и натписи. Београд, 1905. Књ. III. № 34944. С. 43.
В.А. Мошин. Житие старца Исая, игумена Русского монастыря на Афоне // Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1940. №. 3. С. 125–167.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Монастырь св. Пантелеймона на Святой Афонской Горе (современный вид).
2. Сербский король Стефан IV Душан (1308–1355). Фреска в храме свв. Апостолов в сербской Печской Патриархии.
3. Король Стефан IV Душан. Фреска. [Местонахождение не установлено].
4. Сербский король Вукашин Мрнявчевич (1365–1371), погибший в битве на реке Марице. Фреска того же времени в монастыре Псача.
5. Сербская королева Елена (ок. 1310–после 1375), супруга Стефана Душана. Фреска монастыря Высокие Дечаны. 1344 г.
6. Сербская королева Елена, супруга Стефана Душана. Фреска Лесновского монастыря. 1347–1348 гг.
7. Современный вид основанного в XII в. монастыря св. Иоакима Осоговского (Сарандапорского).
8. Хиландарский монастырь на Афоне.
9. Св. Дионисий Ареопагит. Мозаика монастыря Оснос Лукас. XI в.
10. Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. Обложка современного издания.

ДАНИИЛ II, АРХИЕПИСКОП СЕРБСКИЙ¹

Аннотация:

В статье идет речь о сербском иерархе Данииле II (ок. 1274–1337), прошедшем путь от игумена Хиландарского монастыря до Печского архиепископа. Он проявил себя плодовитым агиографом, автором сочинений, которые были объединены в сборник «Жития королей и архиепископов сербских». В нем были помещены агиобиографии королей Уроша и Драгутина, королевы Елены и короля Милутина, архиепископов Арсения I, Иоанникия I и Евстафия I. Позднее в него вошло и житие самого Даниила, написанное его учеником после смерти учителя. Созданные Даниилом жизнеописания королей и архиепископов Сербских связаны между собой по содержанию и композиционно. Составленный из них сборник является своеобразным типологическим предшественником «Книги Степенной царского родословия» — монументального памятника, созданного в Московском государстве около двух с половиной веков спустя. Кроме того, Даниил выступил автором гимнографических сочинений и, по предположению ученых, принял участие в составлении жалованной грамоты короля Милутина Хиландарскому монастырю.

Ключевые слова:

Архиепископ сербский, Хиландарский монастырь, агиограф, сборник житий, грамота короля Милутина.

Abstract: L.K. GAVRYUSHINA “DANIEL II, THE ARCHBISHOP OF SERBIA”.

The article deals with the Serbian hierarch Daniel II (c. 1274–1337), who from being the Abbot of the Hilandar monastery to becoming the Archbishop of Pech. He proved himself a prolific hagiographer, writing many works that were combined in the collection “Lives of kings and archbishops of Serbia”. It contained hagiographies of kings Urosh and Dragutin, Queen Helena and king Milutin, archbishops Arseniy I, Ioannikiy I, and Eustathius I. Later, it also included the Life of Daniel himself, written by his disciple after the death of his teacher. The Lives of kings and archbishops of Serbia created by Daniel are related in content and composition. The collection made up of them is a kind of typological predecessor of the “Book of the Sedate Tsar genealogy”, a monumental collection created in the Moscow state about two and a half centuries later. In addition, Daniel was the author of hymnographic works and, according to the opinion of scholars, took part in the drafting of the Charter of king Milutin to the Hilandar monastery.

Keywords:

Archbishop of Serbia, Hilandar monastery, hagiographer, collection of Lives, Charter of king Milutin to Hilandar monastery.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Даниил II, архиепископ Сербский — одна из крупнейших фигур сербского средневековья. Он родился около 1274 г. в семье именитых родителей, получил хорошее образование, был приглашен ко двору короля Милутина (Стефана Уроша II) и верно служил правителю до его кончины, оказывая духовную поддержку. Около 1300 г. Даниил (мирское его имя неизвестно) принял постриг в монастыре Кончул, а затем по благословению архиепископа Евстафия перешел в монастырь Печ, где был поставлен в чин священника. В 1306/1307 г., на созванном в Сербии соборе, Даниила избрали игуменом сербского Хиландарского монастыря на Афоне, и в этом качестве он пробыл, по крайней мере до мая 1310 г.

С 1307 по 1309 г. во время набегов на Хиландарский монастырь каталанских отрядов Даниил поднял опекаемую им братию на защиту обители и успешно отстоял ее от нападений. Но на Афоне святитель жил не постоянно: иногда он оставлял его по разным причинам, в том числе из-за возлагавшейся на него дипломатической миссии. Так, например, однажды из кельи св. Саввы он по распоряжению короля Милутина отправился к его родственнику королю Драгутину в сремский г. Дебрец, и тот затем, очевидно, не без влияния Даниила, принял монашество с именем Феоктист. Через некоторое время Даниила избрали игуменом Баньской епархии. Находясь в Сербии, он присутствовал на погребении сербской королевы Елены и позднее написал ее житие.

После возвращения на Афон Даниил жил в башне (пирге) Хиландара. Его духовником был один из насельников Свято-Пантелеймонова монастыря, населенного тогда преимущественно сербами, с которыми он поддерживал тесные связи. В 1317 г. Даниил получил назначение возглавить Хумскую епархию.

Даниил напутствовал короля Милутина перед его кончиной, тяжело ее перенес, приняв на себя задачу духовного попечительства над сыном почившего — Стефаном Дечанским. Дипломатический талант святителя пригодился и последнему: он часто посылал его с миссией к византийским и болгарским властителям.

После смерти архиепископа Никодима на созванном Стефаном все-сербском соборе Даниил 14 сентября 1324 г. был избран архиепископом всех сербских и поморских земель. Одним из главных его попечений как архиерея было храмостроительство. Самым известным из воплощенных им архитектурных замыслов было возведение в 1328 г. церкви Богородицы Одигитрии в Пече. Вместе с храмами свв. Апостолов и св. Димитрия она входит в храмовый комплекс Печской патриархии.

Идеи святителя, вероятно, лежат и в основе фресковой росписи собора в Пече. Имеется в виду, в частности, так называемая «Лоза Неманичей», изображение которой появилось там по заказу Даниила в 1324–1337 гг.

Архиепископ Даниил скончался 19 декабря 1337 г. и был погребен в построенной по его замыслу церкви Богородицы Одигитрии. В северо-за-

падном углу храма и сегодня находится мраморный саркофаг с мощами святителя.

С именем Даниила связано и составление большинства житий королей и архиепископов сербских, вошедших в так называемый «Цароставник», или «Родослов». Древнейшая часть последнего принадлежит святителю: им были написаны жития короля Уроша, королевы Елены (ск.1306), ее сыновей, королей Драгутина (ск.1316) и Милутина (1282–1321), архиепископов Арсения I, Иоанникия I и Евстафия I. По сравнению с сочинениями предшественников Даниила его житийные тексты невелики по объему, но связаны между собой по содержанию и композиционно. Между 1337 и 1340 г. труд Даниила продолжал его ученик, составивший жития Стефана Дечанского, короля Душана и житие самого архиепископа Даниила II. В это же время или несколько позднее появляются вошедшие в сборник короткие заметки о жизни ряда сербских королей и архиепископов. По мнению некоторых ученых, Даниил пытался на основе составляемых им житий создать своего рода сербский пролог.

Рассказывая о жизни нескольких поколений Неманичей, Даниил не мог обойти стороной их взаимоотношения, а значит, и житейские конфликты между ними. Изложение предыстории многих событий диктовалось прежде всего необходимостью объяснить факт появления на престоле очередного властителя. Именно поэтому в житиях Даниила образы светских властителей во многом теряют ту монументальность, которая была присуща агиографам XIII в. Автор не скрывает от читателя, что его герои, большую часть своей жизни проводившие в миру, были не чужды житейских соблазнов. Но бытовые конфликты между ними он зачастую пытается облечь в форму идейной борьбы.

Так, в житии короля Уроша, где говорится о его сложных взаимоотношениях с сыном Драгутином из-за нежелания отдать ему причитающуюся часть наследства, тот обращается к отцу с проповедью в духе христианского вероучения. Однако спустя некоторое время Драгутин с войском выступает против отца, открыто попирая евангельские заповеди. Только тогда Даниил начинает сокрушаться по поводу того, что отец и сын совершили грех, прельстившись преходящими земными благами.

Путь духовного возрождения героев Даниила начинается с осознания того, насколько содеянные ими грехи отдалили их от возможности примирения с Богом и церковью, после чего они целиком отдаются делу душевного спасения. Аскетические мотивы, характерные для всей сербской агиографии XIII–XIV вв., в житиях пера Даниила становятся определяющими при изображении подвижников. Их богоугодные деяния в миру — возведение храмов, защита вдов и сирот, помощь нищим — для агиографа едва ли не второстепенны. Они являются лишь внешней стороной прославления житийных героев. На фоне рассказа о добродетелях властителей разворачивается основное «действие» — духовная борьба каждого из них со своими страстями и помыслами и сокрушение о грехах.

Покаянному характеру религиозных переживаний героев в житиях «Цароставника» соответствуют особые художественные формы, прежде всего, внутренние монологи персонажей. Такой монолог, например, присутствует в Житии королевы Елены: «Горе мне, грешной, ибо упустила я время для покаяния своего...». В этом монологе, как и в ему подобных, отражается драматизм происходящего с подвижницей: глубина ее сокрушения о грехах нарастает по мере осознания скорого конца.

Характерны для героев Даниила и обращения персонажей к душе, в основе которых, по всей видимости, лежат творения византийских гимнографов. Иллюстрацией здесь может служить пример из жития Драгутина: «О душа унылая, о душа убогая, всю жизнь свою с юности, не трудясь, провела ты, о душа, уже солнце зашло, и дни твои сочтены, грехолюбивая...»

Житие королевы Елены, которая была по происхождению католичкой, представляет особый интерес как житие православной христианки — женские жития нечасто встречаются в средневековой литературе славян. Однако важнейшей фигурой житийного цикла в целом исследователи считают короля Милутина, изображенного Даниилом в качестве могущественного властителя и славного полководца.

Помимо агиографических сочинений, Даниил написал и две службы: одна посвящена архиепископу Арсению, другая — архиепископу Евстафию, при этом первая в сравнении со второй является большей и по объему, и по своей художественной значимости.

По мнению ряда ученых, сочинения Даниила в большей степени, чем труды его предшественников, отличает дух мистического индивидуализма, который наиболее ярко проявился в афонском исихазме. Для сочинений агиографа характерен так называемый стиль «плетения словес».

Житие самого архиепископа Даниила было написано одним из его учеников. Однако этот факт не дает оснований для вывода о широком почитании святителя в Сербии еще в XIV столетии. К позднейшим историческим свидетельствам о культе Даниила на родине относится указание на то, что печский архимандрит Кентерион, отправляясь в 1643 г. в Москву за «милостыней», поднес в качестве дара царю Михаилу Федоровичу миро от мощей святителя. Можно отметить также, что в белградский «Сербляк» 1860 г. вошла служба архиепископу Даниилу, написанная митрополитом Михаилом (Йовановичем).

Самыми древними свидетельствами о почитании Даниила в сербской земле служат его ранние изображения в сербской средневековой живописи, причем два из них являются прижизненными. Оба они находятся в церкви Богородицы Одигитрии. На одной фреске — архиепископ Даниил и святитель Николай (около 1337 г.), на другой — Даниил как ктитор с моделью печской церкви в руках. Здесь перед ним изображен пророк Даниил, подводящий его к Богоматери. В Дечанском монастыре в период между 1339 и 1348 г. Даниил был представлен на стенописи в качестве «второго ктитора».

Типологически сербский «Цароставник», или «Родослов», можно считать предшественником появления в Московском государстве через два с половиной века «Книги Степенной царского родословия». Сходство этих литературных памятников заключается в общности основного замысла, которое состояло в прославлении отечества как христианского царства в лице посланных ему Богом мирских правителей и церковных иерархов.

СОЧИНЕНИЯ

Животи краљева и архиепископа српских. Изд. Ђ. Даничић. Загреб, 1866.
Србљак. Службе, канони, акатисти. Београд, 1988. Књ. 2. Служба архиепископу Арсенију. С. 7–47; Служба архиепископу Евстафију. С. 50–75.

ЛИТЕРАТУРА

- Васић М.М.* Архиепископ Данило II — монах и уметник // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1926. Књ.б. Св. 2. С. 231–264.
Петровић Д. Живот краља Милутина од архиепископа Данила II // Зборник филозофског факултета у Приштини. Приштина, 1972. Књ. 9. С. 469–489.
Радојчић Н. О архиепископу Данилу и његовим настављачима. Београд, 1935.
Трифунковић Ђ. Стара српска црквена поезија // О Србљаку. Студије. Београд, 1970. С. 11, 22, 25, 27, 29–30, 35–36, 49–51.
Трифунковић Ђ. Проза архиепископа Данила II // Књижевна историја. IX. Београд, 1976.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЈ

1. Христос Эммануил, подающий схимы св. королеве Елене и королю Урошу. Стенопись церкви Успения Пресвятой Богородицы. Монастырь Грачаница в Косово. 1320–1321 гг.
2. Арсений Сремац, архиепископ Сербский. Икона первой трети XV в. Болгария. Музей Рильского монастыря.
3. Пророк Даниил и Даниил II архиепископ Сербский. Церковь Богородицы Одигитрии в Печском монастыре. Около 1337 г.
4. Даниил II, архиепископ Сербский. Современная икона.
5. Саркофаг свт. Даниила в церкви Богородицы в Печском монастыре. Около 1337 г.
6. Король Стефан Урош Милутин. Фреска монанастыря Грачаница. XIV в.
7. Свт. Евсевий и Евстафий Сербские. Фреска церкви св. Ахиллия. Арилье. Сербия. 1296 г.
8. Монастырь Печская патриархия. Интерьер одного из храмов.
9. Свт. Никола и Даниил, архиепископ Сербский. Церковь Богородицы Одигитрии. Печ. Около 1337 г.
10. Монастырь Печская Патриархия. XIII в.

ПРОТОПОП АВВАКУМ¹

Аннотация:

В статье рассказывается об Аввакуме Петрове (1620–1682) — видном представителе русских старообрядцев, выступавших против церковных реформ, которые были предприняты патриархом Никоном в середине XVII в. Особенное неприятие вызывали в их среде введение троеперстного крестного знамения вместо многовекового двуперстного и правка древних богослужебных книг по новопечатным греческим изданиям. Автор прослеживает трагическую судьбу ревностного протопопа, подвергавшегося властями жестоким репрессиям и в конце концов заживо сожженного по их приказу в деревянном срубе. Значительное внимание уделено в статье и литературным сочинениям Аввакума, в том числе и его первого в истории русской литературы жития-автобиографии.

Ключевые слова:

Церковные реформы, ссылка, челобитная царю, сожжение в срубе.

Abstract: L.K. GAVRYUSHINA “THE ARCHPRIEST AVVAKUM”.

The article talks about Avvakum Petrov, a prominent figure in the Russian Old Believers who opposed church reforms that were undertaken by Patriarch Nikon in the middle of the 17th century. The introduction of the three fingers sign of the cross instead of the centuries-old two fingers sign and the editing of ancient liturgical books, using new printed Greek editions caused rejection. The author traces the tragic fate of the rebellious archpriest, who was brutally persecuted by the authorities and finally burned alive by their order in a wooden log house. Considerable attention in the article is paid to the literary works of the sufferer, including his autobiography, the first in the history of Russian literature.

Keywords:

Church reforms, exile, petition to the tsar, burning in a log house.

Аввакум (Петров) — писатель, один из главных защитников старой Аверы, священномученик, принявший смерть за ее исповедание, автор первого в русской литературе жития-автобиографии.

Он родился в селе Григорово Нижегородской губернии 20 ноября 1620 г. (ст. ст.) в семье священника. В начале своего пастырского пути примыкал к «кружку ревнителей благочестия», в котором состоял и царский духовник Стефан Вонифатьев, и снискал покровительство последнего. Задачей кружка было укрепление благочестия в Русской Церкви. Будучи поставлен в протопопы в г. Юрьевец-Повольский, Аввакум призывал прихожан к исправлению нравов, сурово их обличал и вводил единоголосное чтение, что

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

делало службы более долгими. Это вызывало не только их недовольство, но порой и негодование.

Спасаясь от разгневанной паствы, Аввакум удалился в Москву, где на патриаршем престоле уже восседал его будущий идеологический противник Никон. Состоявший до тех пор в поименованном «кружке», он вскоре разошелся во взглядах со своими единомышленниками. В феврале 1653 г., в начале Великого поста патриарх Никон единолично объявил о существенных изменениях в богослужении и замене двуперстного крестного знамени (издревле бытовавшего в Русской Церкви) троесперстным. Попытка Никона реформировать богослужение в соответствии с греческой практикой верующий народ воспринял как желание нарушить вековые устои русского благочестия. Она вызвала у него активный протест и привела затем к расколу в Русской Церкви. Позднее оказалось, что правка богослужебных книг во время реформы проводилась не по древним, а по новопечатным греческим изданиям. В политическом плане реформа была призвана соответствовать как планам царя поставить Россию во главе православного мира, так и стремлению Никона утвердить превосходство патриаршества над властью светской.

Начавшиеся расправы властей над протестующими не могли не вызвать реакции у Аввакума, который бесстрашно обличал новшества. 13 августа 1653 г., во время совершения им всенощного бдения в московском Казанском соборе на Красной площади, его схватили, посадили на цепь, а затем отправили в Андроников монастырь. Там Аввакума подвергли издевательствам и избиению. Вместе с ним в заточении оказались 60 его единомышленников. От лишения сана его спасло заступничество царя. В этом же году «за ево многое бесчинство» Аввакума сослали с семьей в Тобольск, а затем отправили в полный тяжких испытаний и опасностей поход по сибирской Даурии с экспедицией воеводы А.Ф. Пашкова. В пути он перенес много лишений и унижений, пережил смерть двух сыновей. Возвращение из ссылки через всю Сибирь началось в 1661 г. По дороге в столицу Аввакум проповедовал и обличал нововведения Никона, по своему собственному свидетельству в «Житии»: «по всем городам и селам, в церквах и на торгах». В Сибири родилась его слава как защитника «старой веры» и мученика за нее. В Москве он стал вождем старообрядчества, придя на смену священнику Иоанну Неронову, который был уже стар и не имел сил для активной борьбы.

В столице для протопопа события развивались поначалу благоприятно: царь и бояре — противники Никона — приняли его благосклонно. Однако Аввакум выступал не просто против патриарха (что боярами приветствовалось), но прежде всего за сохранение церковных устоев. Поэтому пути Аввакума и его покровителей разошлись. В 1664 г., когда он начал открыто выступать против новых обрядов и составлять гневные челобитные царю, его решили сослать вместе с семьей в Пустозерск. Однако дальше Мезени отправить их не смогли. Вскоре в связи с подготовкой к церковному Собо-

*С. Милорадович.
Путешествие Аввакума по Сибири. 1898 г.
Гос. музей истории религии (СПб)*

ру 1666 г. с участием восточных патриархов начались аресты сподвижников протопопа, затем и самого его привезли в столицу для суда. До начала суда Аввакума содержали в Николо-Угрешском и Пафнутьев-Боровском монастырях. Узник не внял увещаниям Крутицкого митрополита Павла, который, по словам Аввакума, пытался обратить его к «своей прелестной вере». Не покорился он и требованиям собора, за что его вместе с диаконом Федором Ивановым и суздальским священником Никитой Добрыниным расстригли и прокляли в кремлевском Успенском соборе.

На следующий год последовала ссылка в Пустозерск, куда его отправили вместе с попом Лазарем, соловецким диаконом Епифанием (обоим им урезали языки) и симбирским священником Никифором. Здесь Аввакума заключили в «земляную тюрьму», но он не сдавался. Он продолжал отстаивать старую веру и слал увещания к властям и единомышленникам до самой своей казни, которой добился патриарх Иоаким. 14 апреля 1682 г. протопопа Аввакума сожгли в срубе якобы за «великие на царский дом хулы» вместе с тремя его соузниками — Лазарем, Феодором и Епифанием. Свообразным завещанием протопопа стали его предсмертные слова, с которыми он обратился к народу, подняв руку с двуперстным крестным знаменем: «Будете этим крестом молиться — во веки не погибнете!».

Именно в годы 15-летней пустоозерской ссылки Аввакум создал свои основные произведения, в числе которых было и упомянутое житие-автобиография. Он написал его в 1675 г. по «понуждению» своего духовного отца инока Епифания. Это сочинение предваряется пространным богословским вступлением. Отталкиваясь от определений Дионисия Ареопагита («истина бо сущее есть, истины отпадение сущаго отвержение есть» и других), автор утверждает, что «новолюбцы», то есть последователи Никона, отпали от истины, и, следовательно, отвергли Бога. Далее следует рассуждение о духовных следствиях изменения богослужения при Никоне, в частности, о том, что «четверичное» воспевание «Аллилуйя» мерзко Богу как нарушение Божественной троичности.

Житие / автобиография — один из памятников, открывающих эпоху Нового времени в русской литературе и свидетельствующих о становлении в ней авторского самосознания. Сочинение Аввакума является документально-художественным повествованием и одновременно важнейшим источником по истории старообрядчества XVII в. Его основная, биографическая часть представляет собой богатый житейскими подробностями и диалогами рассказ о жизни автора как непоколебимого приверженца старой веры. Она изложена простым, иногда грубоватым, но весьма образным языком. В тексте Жития и цитаты из текстов Священного Писания и церковнославянизмы соседствуют с просторечными выражениями и описаниями натуралистического характера.

Аввакум выразительно и психологически достоверно излагает происходившее с ним, мастерски воспроизводит отдельные эпизоды и несколькими штрихами создает запоминающиеся образы. Таковы рассказы автора об испытаниях, выпавших на его долю в Спасо-Андрониковом монастыре, где его, измученного и голодного, «ангел или человек» накормил вкусными щами, о нападениях на него мирских людей и попов, которых он отучал «от блудни», о мести «начальника», которому он не позволил отнять дочь у матери. Важное место в его сочинении занимает повествование об изнурительном походе по Даурии, в котором особенно выделяется трогательный образ верной и мужественной спутницы Аввакума, его жены Анастасии Марковны.

«Житие» было призвано объяснить современникам неизбежность страданий для тех, кто противится грядущему антихристу: «И ныне мучат всех, не велят веровать в старого Сына Божия, Спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовут». Текст «Жития» дошел до нас в трех авторских редакциях и в Прянишниковском списке XIX в. Среди почти 60 сочинений Аввакума следует отметить «Книгу бесед», где церковная реформа представлена как возврат от Евангелия к Ветхому Завету, что знаменует приближение Страшного Суда. «Книга обличений, или Евангелие вечное» (1679) содержит полемику по догматическим вопросам с диаконом Федором Ивановым. А в «Книгу толкований» (1673–1676), помимо толкований на книги Ветхого Завета, входит аввакумовское поучение «Что есть тайна христианская и как

жители в вере Христове». Эпистолярное наследие Аввакума включает в себя челобитные царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу, письма таким его сподвижникам, как боярыня Феодосия Морозова, Евдокия Урусова, игумен Феоктист и другие.

Протопоп Аввакум почитается как священномученик во всех старообрядческих согласиях. Память его празднуется 2/15 декабря.

ЛИТЕРАТУРА

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Москва, 1960, 1990.

Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. München. Wilhelm Verl. 1970.

Пустозерская проза: Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Диакон Федор. Москва, 1989.

Робинсон А.Н. Творчество Аввакума и общественное движение в конце XVII в. // ТОДРЛ, 1962. Т. 18. С.149–175.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. С. Милорадович. Путешествие Аввакума по Сибири. 1898 г. Государственный музей истории религии.
2. Священнический крест протопопа Аввакума.
3. Вид Юрьевца-Повольского. Н. Чернецов. 1851 г.
4. Священномученик протопоп Аввакум. Поволжская икона. ГИМ. Конец XVII — начало XVIII в.
5. Протопоп Аввакум. Современная икона.
6. К.Я. Кожурин. Протопоп Аввакум. Издание серии «Жизнь замечательных людей». М., 2011.
7. Патриарх Никон.
8. Памятник протопопу Аввакуму в деревне Григорово. Большемурашкинского района Нижегородской области. Скульптор В.М. Клыков.
9. Боярыня Морозова навещает Аввакума в тюрьме. Миниатюра XIX в.
10. Протопоп Аввакум. Лицевое шитье. XIX в.(?).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Аннотация:

Духовные стихи — жанр, связанный с устной народной традицией, часто находящей отражение в письменной форме, входя в состав рукописных стиховников, тексты нередко сопровождаются крюковой нотацией. В русском и славянском фольклоре они содержательно и стилистически связаны с церковной книжностью и занимают между ней и фольклором промежуточное положение. На Руси духовные стихи возникли, скорее всего, еще в домонгольский период. Призванные поддерживать дух благочестия в народе, они исполнялись в древности бродячими певцами «каликами перехожими». Хранителями наиболее древнего пласта духовных стихов вплоть до нашего времени являются старообрядцы. Стихи могли исполняться в день погребения, на поминках, за трапезой; они служили своеобразным звеном, которое соединяло для верующего человека церковную и повседневную жизнь. В статье рассматриваются некоторые типы старообрядческих духовных стихов в сравнении с примерами из восточно- и юго-восточной европейской народной словесности.

Ключевые слова:

Духовные стихи, «калики перехожие», стиховники, старообрядчество.

Abstract: L.K.GAVRYUSHINA “SPIRITUAL POEMS IN THE RUSSIAN AND SLAVIC TRADITION”.

Spiritual verses are a genre associated with oral folk tradition, often reflected in writing, being part of handwritten self-authors, texts often accompanied by Russian “hook” notation. In Russian and Slavic folklore, they in content and style related to church liturgy books and occupy an intermediate position between them and folklore. The Russian spiritual verses arose, most probably, back in the pre-Mongol period. Designed to maintain the spirit of piety in the people, they were performed in old time by stray singers so-called “kaliki perehozhiye”. As guardians of the oldest layer of spiritual verses up to our time serve the Old Believers. The poems could be performed on the day of burial, on remembrance, behind a meal; They served as a peculiar link that connected Church and everyday life for the believer. The article examines some types of the Old-Believer’s spiritual poems, which are often compared to examples from eastern and southeastern European folk songs.

Keywords:

Spiritual verses, stray singers, “stihovniki” (the handwritten books of verses), Old Believers.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Духовные стихи — это распространенный в литературах восточных славян жанр, который принадлежит одновременно устной и книжной традиции и является одним из способов выражения богословских народных представлений. С помощью подобных стихов народ создавал свою религиозную картину мира.

При знакомстве с различными образцами народной духовной поэзии обращает на себя внимание литературная и музыкальная широта этого жанра. Г.П. Федотов называл русские духовные стихи песнями на религиозные сюжеты. Это определение верно только в общем смысле, поскольку стихи весьма разнообразны по времени своего возникновения, содержанию и художественным особенностям. Своим происхождением они обязаны церковной книжности и тесно связаны с нею в стилистическом отношении.

Будучи предназначены для поддержания духа благочестия в народе, в древности стихи исполнялись бродячими певцами, «каликами переходящими». Среди них, например, есть стихи, тяготеющие по характеру изложения к житиям, поскольку они описывают определенный период в жизни святого или всю его жизнь от рождения до кончины. Наиболее известный пример — «Стих об Алексее Божием человеке», который посвятил себя Богу, отказавшись от невесты и оставив родителей, а через много лет пришел в родной дом, где жил на положении раба, не признанный родными. Один из древнейших в русской традиции стихов о святых — духовный стих о первых святых-мучениках князьях Борисе и Глебе, убитых старшим братом Святополком ради наследования княжеского престола. В стихах, появившихся в период раскола Русской Церкви в XVII в. и непосредственно после него, немалое значение уделяется эсхатологической тематике, приходу в мир Антихриста и путям спасения и очищения души в ожидании Страшного Суда:

*«Уж Антихрист сидит да на царстве,
Он дает такую прелесть,
Будет велие-то гонение
По всей земли, по вселенней».*

Хранителем наиболее древнего пласта духовных стихов вплоть до нашего времени является старообрядчество. Еще в конце прошлого века можно было найти старообрядческие общины, в которых пение стихов являлось значимой частью сложившегося уклада. Стихи пелись после службы, в день погребения, за трапезой, на поминках. Они служили своеобразным звеном, соединяющим церковную и повседневную жизнь.

Во многих стихах, в частности, стихах о загробной судьбе человека, преобладают исповедальное и покаянное начала. Хотя основой народных сочинений этого рода не всегда является конкретный сюжет, в каждом из них присутствует устойчивый образ определенной религиозной идеи, запечатленный в одном из множества текстовых и мелодических вариантов.

Нравоучительное начало преобладало не в каждом стихе. Этот жанр вмещал в себя многое: от исповеди и покаяния (о чем мы уже говорили) до увлекательной истории и народной легенды. Причудливый образ народной веры встречается в стихе о трех древах, использовавшихся для строительства церкви, в которой, в свою очередь, в трех гробах лежат Богородица, сам Иисус Христос и Иоанн Предтеча. Существует мнение, что таким образом — не желая расставаться с ними — народ выражал свою любовь ко Христу, Богородице и Иоанну Крестителю.

Таким образом, значительный пласт народной поэзии бытует целиком или преимущественно в устной форме. Однако, как уже говорилось, стихи сохраняются и в письменной традиции. Духовные стихи у старообрядцев могли петься по крюковым стиховникам, в которых записанный по-церковнославянски текст сопровождался крюковой нотацией. В них встречается, например, стих «Сидя Адам прямо рая» («Сидел Адам напротив рая»), бытовавший, в частности, в Нижегородской области среди старообрядцев-беспоповцев.

Во многих случаях стихи поются по тексту рукописного или печатного стиховника на напев, который передается «по наследству».

Репертуар стихов, которым владеет тот или иной исполнитель, определяется его возрастом, участием в церковной жизни (например, пение на клиросе за богослужением), а также личными предпочтениями. Немаловажно и то, что пение стихов во многих семьях было традицией. В домах старообрядцев и по сей день хранятся рукописные тетрадки со стихами, передаваемые детям от отцов и матерей.

Бытование духовных стихов в крестьянской среде представляет собой уникальное культурное явление. В некоторых сельских общинах встречаются неграмотные люди, которые в течение жизни сохраняют в памяти пространные стихи, каждый раз исполняя их немного по-новому. Однако, создавая новые варианты, исполнители основываются на конкретном, бытующем в книжной традиции тексте. В этом отношении весьма интересен духовный стих «Кому повем печаль мою», посвященный Иосифу Прекрасному (сюжет из Ветхого Завета), который имеет множество устных вариантов, а его текст, представленный в том числе и в печатных стиховниках, является одним из наиболее пространных в русской традиции. Сами народные исполнители иногда оставляют в рукописных стиховниках записи, отражающие их представление о значении этого жанра в жизни верующего человека. Так, в них можно найти слова о том, что духовные стихи имеют древнее происхождение и проникнуты глубоким молитвенным чувством. Сообщается, что в старину стихи пелись с благоговением, что они поддерживали поющих и слушающих в тяжелые для них времена.

Довольно значительный пласт духовных стихов посвящен загробной участи человеческой души. Русские крестьяне отличались весьма скептическим отношением к возможности собственного спасения в будущей жизни. Безусловно почитая Христа Спасителем, они были суровы к самим

себе, признавая себя грешниками, которым не стоит надеяться на райские обитатели. Именно поэтому рай в духовных стихах представляется недостижимым — это лишь некий край, проходя мимо которого, можно полюбоваться и посокрушаться по поводу того, что двери туда закрыты:

*«Мимо раю я прохожу,
Горько я плачу и тужу,
Ой, горе, горе мне, великое!»*

Среди широко распространенных в России стихов находится и так называемый «Сон Богородицы», повествующий о страданиях Богоматери и содержащий как ее рассказы-монологи о Страстях Христовых, так и диалоги со Спасителем. Заключительные его строки содержат напоминание о необходимости читать этот стих несколько раз в день для избавления от всякого рода опасностей и недугов. Этот стих, использовавшийся и в качестве оберега, имел широкое хождение в рукописном виде.

Один из древнейших сюжетов духовных стихов в славянской традиции в целом — о расставании души с телом — тесно связан с древней легендой о путешествии в загробный мир, о препровождении души ангелом на Божий суд. Сказание о «споре души с телом» известно во многих литературах Европы и за ее пределами и восходит, по мнению русского исследователя Ф.Д. Батюшкова, к первым векам христианства. Русская устная традиция располагает многочисленными примерами стихов с этим сюжетом. В них препровождающие душу в рай ангелы предстают в образе белых голубей, которые летали на гору Сион и видели, как душа расстается с телом. Голуби приводят их беседу, в которой душа жалуется телу на свою тяжкую участь. Если телу предстоит просто лежать в земле, то ее ждет испытание — «далеко идти, да тяжело нести, тяжело нести грехи тяжкие к Суду Страшному...».

В сербском стихе «Душа и Михаил Архангел в раю», помещенном в сборнике Вука Караджича «Српске народне пјесме из Херцеговине», говорится о расставшейся с телом душе, которой возбраняется вход в рай. Душу, пытающуюся выдать себя за праведную, Архангел отгоняет от райских врат. Она должна вернуться к гробу, где похоронено ее тело, и обратиться к нему со словами упрека, который заключается в том, что пребывая на земле, оно только услаждалось едой и питьем и не молилось Богу («Ти си јело, ти си пило, неси Бога не молило»). Тело отвечает на упрек души, напоминая ей о том, что пока оно будет гнить в земле, она должна «возвращать долги Богу». В белорусской версии этого сюжета тело возражает душе, в свою очередь упрекая ее в невоздержности: «Ай, цело, што рана ела? А ты, душа, чаму не цярпела?». Подобным же образом разворачивается сюжет и в современных записях подобного стиха, сделанных на Урале.

Все вышесказанное свидетельствует о глубокой древности сюжета, и это касается не только литератур славян и Европы в целом, но отчасти и прочих опирающихся на христианскую традицию литератур.

Словесность восточных славян, разумеется, сохранила огромное количество других, в том числе и весьма древних сюжетов, лежащих в основе произведений народной поэзии. Их происхождение и взаимосвязь в рамках славянской общности до сих пор остаются малоисследованными. Духовные стихи как уникальная область народной культуры нуждаются также в дальнейшем изучении их глубоких связей с судьбой письменных источников и литературного контекста их бытования в славянских странах.

ЛИТЕРАТУРА

- Батюшков Ф.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1891.
- Караџић, Вук Стефановић.* Српске народне пјесме из Херцеговине (женске), 1866. № 332.
- Сахаров В.* Эсхатологические сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.
- Федотов Г.П.* Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Старообрядческий рукописный крюковой стиховник. XX в. Буковина. (Румыния).
2. Исполнители духовных стихов. Буковина (Румыния). Снимок 2010 г.
3. Старообрядческий печатный стиховник. XX в.
3. Современная крюковая запись и текст духовного стиха. Старообрядцы Литвы. XX в.
4. Печатный крюковой стиховник. XX в.
5. Духовный стих «О браке в Кане Галилейской». Печатный крюковой стиховник. XX в.
- 6–7. Иллюстрации к духовному стиху «Жил юный отшельник». Печатный крюковой стиховник. XX в.

Никита Сергеевич
ГУСЕВ

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ: СРЕЗНЕВСКИЙ И.И.¹

Аннотация:

Статья посвящена одному из основоположников российской славистики, Измаилу Ивановичу Срезневскому (1812–1880). Начав научную карьеру с изучения славянского фольклора, ученый постепенно расширил сферу своих научных разысканий, написал очерк истории серболужицкой литературы, сконцентрировал свое внимание на южных славянах: их языках, древних литературах и палеографии древнеславянских рукописей. Преподавая славянскую филологию в Харьковском и Санкт-Петербургском университетах, он заложил основы таких научных славистических дисциплин, как диалектология, мифология и этнография, в 1846 г. стал первым доктором славяно-русской филологии и воспитал целое поколение блестящих ученых славистов. За свои научные заслуги он был избран действительным членом Императорской академии наук и долгие годы был главным редактором «Известий Отделения русского языка и словесности» Академии наук.

Ключевые слова:

И.И. Срезневский, истоки российской славистики, славяно-русская палеография, диалектология, воспитание учеников, первый доктор славяно-русской филологии.

Abstract: N.S. Gysev “I.I. SREZNEVSKY: THE ORIGINS OF THE SLAVIC STUDIES”

The article is dedicated to one of the founders of Russian Slavistics, Izmail Ivanovich Sreznevsky (1812–1880). Beginning his academic career with the study of Slavic folklore, he gradually expanded the sphere of his research, wrote an essay on the history of Serbianuzhich literature, concentrated his attention on southern Slavs: their languages, old literature and paleography of the old Slavic manuscripts. Teaching Slavic philology at Kharkov and St. Petersburg universities, he laid the foundations of such academic Slavistic disciplines, as dialectology, mythology and ethnography, in 1846 became the first doctor of Slavic-Russian philology and brought up a whole generation of brilliant scholars of Slavistics. For his scientific merits he was elected a full member of the Imperial Academy of Sciences and for many years was the editor-in-chief of the “News of the Department of Russian Language and Speech” of the Academy of Sciences.

Keywords:

I.I. Sreznevsky, origins of Russian Slavistics, Slavic-Russian paleography, dialectology, education of pupils, the first doctor of Slavic-Russian philology.

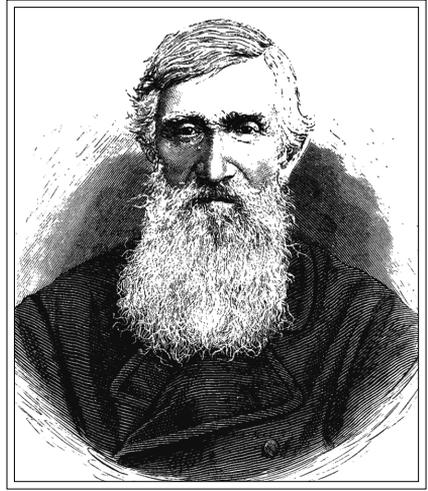
---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Измаил Иванович Срезневский родился в Ярославле в семье профессора Харьковского университета по кафедре русского красноречия и поэзии. В возрасте 14 лет Срезневский поступил в данный университет на юридический факультет, окончил его 1829 г., а затем, защитив через семь лет диссертацию, начал преподавать на кафедре политической экономии и статистики. Но его с детства тянуло к литературе и фольклору, он собирал фольклорный материал и еще в юности подготовил издание сборников «Украинский альманах», «Запорожская старина» и «Словацкие песни», которые записал у торговцев-словаков. Его достижения были замечены, и в 1837 г. он одним из первых получил приглашение отправиться в славянские земли для приготовления к только что открывшейся кафедре истории и литературы славянских наречий. Основное внимание ему следовало сосредоточить на практическом изучении языков, образа жизни, нравов и обычаев, фольклора, летом путешествовать по стране, а зимой — заниматься библиотечной работой.

В 1839 г. Срезневский выехал из Харькова. Миновав немецкие земли, где ученый познакомился с маститыми филологами и лингвистами, он прибыл в Прагу. Здесь он завязал отношения с П.И. Шафариком, Й. Юнгманом, Ф.Л. Челаковским, Ф. Палацким и на долгие годы стал близким другом В. Ганки. В ходе той же поездки российский ученый посетил лужицких сербов, подробно изучив их язык и быт. Благодаря своему труду «Исторический очерк серболужицкой литературы», он долгие годы справедливо слыл открывателем этого народа для широких масс, а самим лужицким сербам, как они сами признавались, он «пособил и советом, и собственным трудом» в составлении национальной азбуки.

В 1841 г. Срезневский отправился в поездку к южным славянам. Путь его лежал через Словакию, где он сдружился с горячим сторонником независимого словацкого языка Л. Штуром. Прибыв в Люблян, а затем и в Марибор, Измаил Иванович принялся активно изучать язык и фольклор словенцев, посещая кофейни, кабаки и базары. Это и тесное взаимодействие с местными учеными позволило ему составить очень точную и перво-проходческую классификацию словенских диалектов, опубликованную в работе «О славянских наречиях». Срезневский посетил также Сербию, Хорватию и Черногорию, а осенью 1842 г. вернулся в Харьков и занял профессорскую кафедру.

И.И. Срезневский
(гравюра, 1880 г.)

В своих лекционных курсах о «западных славянах северной и южной отрасли», которые сразу же приобрели популярность, он призывал слушателей к любви и уважению славянства во всем его объеме, «потому что мы славяне». За годы работы в Харькове Срезневский частично обработал собранный в поездках материал и опубликовал статьи, в которых заявил о себе как об основоположнике ряда славистических дисциплин в России (например, диалектологии, мифологии, этнографии). Маститые ученые-современники отмечали заслуги молодого исследователя в сфере этнографии и диалектологии, студенты восхищались его лекциями. И за работу «Святылища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям» в 1846 г. Измаил Иванович первым в России получил степень доктора славяно-русской филологии. Однако пребывание в Харькове Срезневского разочаровывало из-за отсутствия у студентов интереса к вопросам, связанным с культурным возрождением южных и западных славян.

После смерти в 1846 г. руководителя славянской кафедры в Петербургском университете кафедру занял Срезневский. Но уже чувствовалось приближение того периода русской истории, который современники окрестили «мрачным семилетием» (1848–1853). В 1847 г. было разгромлено «Кирилло-мефодиевское общество», основанное на демократических и панславистских идеях. Министерство народного просвещения издало циркуляр, где преподавателям славяноведения предписывалось особое внимание уделять русистике и на ее основе воспитывать патриотизм у студентов.

Измаил Иванович сумел приспособиться к новым условиям и уже в 1849 г. выступил с блестящей лекцией «Мысли об истории русского языка и других славянских наречий», где наметил новое направление своих исследований, отходя от фольклорных и этнографических разысканий. С этого момента славистика оказалась для него на втором плане, тем не менее не исчезнув из сферы научных интересов.

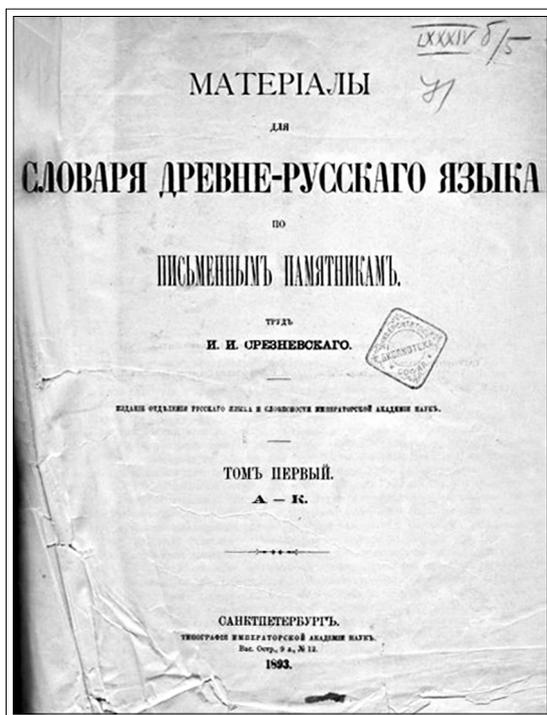
Претерпел изменения и читаемый им курс лекций по славяноведению. Ранее язык, литература, история и этнография каждого народа изучались отдельно, теперь же славян начали рассматривать в совокупности, с включением в курс восточной славянской ветви: русских, украинцев и белорусов. Со временем Срезневский, видимо, стал остывать к преподавательской деятельности, о чем свидетельствуют довольно противоречивые воспоминания студентов о его выступлениях. Лингвистика как таковая, очевидно, его не занимала — он «расцветал» перед аудиторией, рассказывая о славянских литературах, ее главных деятелях и о своих поездках в славянские страны. В то же время ученый привлекал к научной работе своих учеников, среди которых были будущий писатель Н.Г. Чернышевский и будущий критик Н.А. Добролюбов, а ряд его студентов определил облик следующего этапа развития славяноведения. Это были ученые В.И. Ламанский, П.А. Лавровский, А.Н. Пыпин, В.В. Макушев, И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он прививал своим

студентам обращать пристальное внимание на палеографию — науку об особенностях начертания письменных символов и их изменении, учил их ориентироваться в ней на практике и опубликовал учебное пособие по данному учебному предмету. Современники по праву считали его лучшим палеографом того времени.

Сам Срезневский тогда активно работал над древнерусскими и старославянскими рукописями. Вышли его обзоры древних памятников русского языка, памятников письма и языка «юго-западных славян», юсового письма, глаголических памятников, он доказал чехоморавское происхождение «Киевских глаголических листков». Срезневский активно публиковал древние рукописи, чем внес немалый вклад в создание научной базы для изучения старославянского и древних славянских языков. Самым же масштабным делом ученого явилось создание изданного посмертно трехтомного словаря древнерусского языка.

Научные успехи и таланты Срезневского были отмечены избранием его в члены Императорской академии наук, Русского географического и археологического обществ, он стал редактором «Известий Отделения русского языка и словесности» (ОРЯС) Академии наук. На страницах этого журнала Измаил Иванович опубликовал большое количество рецензий и заметок о новейшей славистической литературе. С середины 50-х до середины 60-х гг. XIX в. он откликнулся в «Известиях ОРЯС» на 543 издания. На выборе обозреваемых работ сказывались научные интересы Срезневского — большинство книг касались языков, меньшая часть — истории и этнографии славян. Несмотря на это, журнал на долгие годы служил славистам ориентиром в мире профессиональной литературы. Наладить масштабное и систематическое взаимодействие с зарубежными учеными не удалось, тем

не менее в журнале выступили со своими работами П.И. Шафарик, Ф. Цейнова, С.И. Веркович, жившие в России болгары С.Н. Палаузов, Н. Геров и др.

Изданный после смерти И.И. Срезневского 1 том его «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам»

Одновременно высокое положение Срезневского — должность декана историко-филологического факультета — требовали от него определенной лояльности властям. Измаил Иванович соответствовал своему статусу, хотя в молодости он придерживался иных взглядов. В юности он придавал большее значение малоросскому и словацким языкам, в зрелом же возрасте утверждал, что «нет никакой нужды уничтожать или прекращать письменность этих наречий, но нет необходимости делать эту письменность самостоятельной, принадлежащей как бы отдельному народу». Со временем он отмежевался от идеи славянской взаимности и о вкладе как больших, так и малых народов в мировую культуру, не одобряя тех своих учеников, кто следовал этой парадигме. Утратил он в своем мировоззрении и демократический романтизм. Так, будучи ректором, Срезневский в 1861 г. поддержал жесткие действия властей по подавлению студенческих беспорядков. По всей видимости, его монархические убеждения были искренними, но менялась сама Россия, и уже в эпоху великих реформ (1860–1870-е гг.) многие его взгляды выглядели архаичными. По этой причине он утрачивал контакт со студенческой аудиторией.

Ложным впоследствии оказался и ряд утверждений Срезневского, хотя научные работы, опровергающие его заключения, появлялись и при его жизни. Так, он считал, что кириллица возникла раньше глаголицы, до последнего вздоха защищал подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей. В последнем случае, видимо, сыграла свою роль дружба ученого с автором этих подделок В. Ганкой.

После смерти Срезневского он, в соответствии с завещанием, был похоронен в селе Срезнево Рязанской губернии — месте, где долгие годы служили приходскими священниками его предки.

Дело ученого продолжили его дети. Трое из них стали филологами-специалистами по истории русского языка, двое — членами-корреспондентами Академии наук. Но их вклад в науку, конечно же, уступал отцовскому. Помимо уже озвученных свершений в изучении старославянских и древнерусских письменных памятников, Измаил Иванович имеет заслуги почти в каждой страноведческой отрасли славяноведения. Болгаристы благодарны ему за «Очерк книгопечатания в Болгарии» (1846), в котором было охарактеризовано состояние болгарской литературы. Для сербистов большое значение имеет биография Вука Караджича, создателя сербского литературного языка (1846). Словенцам Срезневский оставил классификацию словенского языка (1841, 1845). Созданные им очерки о славянских литературах в 1846 и 1847 гг. («Литературное оживление западных славян», и «Взгляд на современное состояние литературы у западных славян») длительное время сохраняли свое значение. Он явился первооткрывателем небольших славянских народностей: фриульских резин и словинов, жумборских ускоков. Главная часть славяноведческого наследия Срезневского была создана еще до его переезда в Петербург. Однако в столичном университете Срезневский фактически заложил основы будущего развития славя-

стики. Именно его ученики во второй половине XIX в. сумели обозначить своими работами наивысшие достижения дореволюционного славяноведения.

Ученик Срезневского, с которым далеко не всегда складывались у учителя хорошие отношения, В.И. Ламанский писал в некрологе о своем учителе следующее: «Один из первых насадителей славистики в России, Срезневский оставляет по себе память одного из даровитейших и замечательных славистов в Европе. В истории науки и славянской образованности имя Срезневского никогда не умрёт и в благодарной памяти потомства будет всегда воспоминаемо».

ЛИТЕРАТУРА

- Богатова Г.А.* И.И. Срезневский. М., 1985.
- Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его роль в истории отечественного славяноведения // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004.
- Досталь М.Ю.* О некоторых спорных моментах в биографии И.И. Срезневского // Славяноведение. 1992. № 2.
- Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет И.И. Срезневского в молодости.
2. Сборник «Запорожская старина», подготовленный И.И. Срезневским.
3. Памятная доска на бывшем здании библиотеки Харьковского университета.
4. Опубликованная лекция И.И. Срезневского «Мысли об истории русского языка».
5. Подготовленная И.И. Срезневским публикация списка «Сказания о святых Борисе и Глебе».
6. Изданный после смерти И.И. Срезневского 1 том его «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам».
7. Фотография И.И. Срезневского в годы работы в Петербургском университете.
8. Оттиск статьи И.И. Срезневского о народностях, которые он фактически открыл — фриульских резинанах и словинах.
9. Могила И.И. Срезневского в селе Срезнево Рязанской области. Надпись на кресте на церковнославянском — «Да будет воля твоя».
10. Портрет И.И. Срезневского. Гравюра, 1880 г.

АКАДЕМИК П.А. ЛАВРОВ: СУДЬБА КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Аннотация:

В статье речь идет о творческом пути известного слависта, академика П.А. Лаврова (1856–1929), много лет читавшего лекции по славянской филологии и истории славянских народов в Московском и Санкт-Петербургском университетах. Он внес большой вклад в развитие славистики, занимаясь изучением деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, их учеников Климента Охридского и Наума Охридского, палеографией древних славянских рукописей и другими важными направлениями данной области науки. За свою долгую жизнь он застал как расцвет российской кирилло-мефодиевистики, так и канун ее разгрома при большевиках, считавших идею славянской общности буржуазной и вредной.

Ключевые слова:

Славяноведение, южные славяне, Петар II Петрович Негош, болгарский язык, Афон, древнеславянские рукописи, славянская палеография, Кирилл и Мефодий, Климент Охридский и Наум Охридский.

Abstract: N.S. Gusev “THE ACADEMICIAN P.A. LAVROV: THE FATE OF CYRILLO-METHODIEVAN PROBLEMATICS IN BOLSHEVIK’S AND SOVIET RUSSIA”.

The article refers to the creative path of the famous Slavist, academician P.A. Lavrov (1856–1929), who for many years gave lectures on Slavonic philology and history of Slavic peoples at the Moscow and St. Petersburg Universities. He contributed much to the development of Slavistics, studying the activities of Slavic first educators Cyril and Methodius, their disciples Clement of Ohrid and Naum of Ohrid, the paleography of the old Slavic manuscripts and other important areas of this field of science. During his long life, he caught both the rise of Russian Cyrillo-Methodievan studies and the eve of its defeat under the Bolsheviks, who considered the idea of Slavic community bourgeois and harmful.

Keywords:

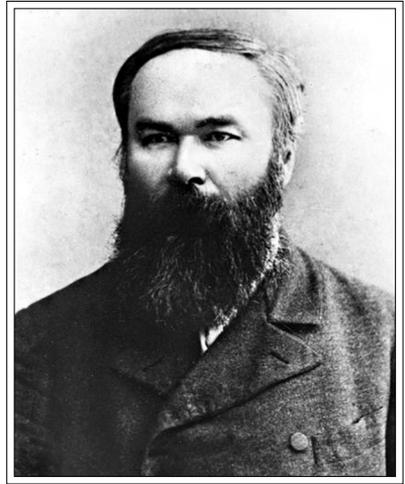
Slavicism, Southern Slavs, Petar II Petrovich Negosh, Bulgarian language, Athos, old Slavic manuscripts, Slavic paleography, Cyril and Methodius, Clement of Ohrid and Naum of Ohrid.

Петр Алексеевич Лавров родился в 1856 г. в Ярославле в семье протоиерея, профессора богословия в ярославском Демидовском юридическом лицее, что во многом определило научные интересы будущего академика. В 1875 г. Лавров окончил местную гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Из-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

начальные планы заниматься древнеримской историей были спутаны начавшимся восстанием в Боснии и Герцеговине, сербско-турецкой, а затем — и русско-турецкой войнами. Петр Алексеевич заинтересовался Балканами, стал учить сербский язык, а в качестве темы дипломной работы избрал «Историко-литературный разбор Косовских былин». В 1880 г. Лавров был прикреплен для подготовки к профессорскому званию по кафедре славянских наречий под руководством профессора А.Л. Дювернуа.

П.А. Лавров

В 1884 г. Лавров отправился в командировку на 8 месяцев в славянские земли. Перед ним стояло три задачи: сбор материалов для монографии о литературной деятельности черногорского правителя Петра II Петровича Негоша, изучение материалов фольклора в связи с письменными источниками и исследование связей сербской и хорватской литератур. В ходе поездки Лавров посетил Нови-Сад, Белград, Загреб, Далмацию, Черногорию, работал в архивах и библиотеках Вены и Будапешта. На основании собранного материала в 1887 г. Петр Алексеевич защитил диссертацию о биографии и литературной деятельности Петра II Петровича Негоша, а после был принят в число приват-доцентов для преподавания славянской филологии.

Однако перед этим случилось трагическое событие, изменившее направление научных изысканий Лаврова. В 1886 г. после смерти А.Л. Дювернуа ему пришлось работать над завершением словаря болгарского языка, который готовил его учитель. Это заставило его глубоко заняться новым славянским языком, его историей и вылилось в докторскую диссертацию «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка», которую Лавров защитил в 1893 г. В исследовании впервые был опубликован ряд важных текстов XIV–XVIII вв. с приложением краткого исторического словаря болгарского языка. Продолжением работы в этом направлении стал труд о южнославянских переводах проповедей Дамаскина Студита.

В 1892 г. Петра Алексеевича пригласили на должность профессора славянской филологии Варшавского университета. Но он был занят подготовкой докторской диссертации и новой поездки в славянские земли, потому попросил отсрочить начало своей работы в этом университете. В итоге вакантную должность занял П.А. Кулаковский, а Лаврову предложили кафедру русского языка, от которой он отказался, поскольку желал продолжать свои славистические исследования.

В 1894 г. Петр Алексеевич отправился в поездку на Афон. По дороге он посетил Одессу, где изучал архив известного ученого В.И. Григоро-

вича, и Константинополь. На Святой горе Лавров остановился в русском Пантелеймоновом монастыре, работал в сербской Хиландарской и болгарской Зографской обителях. Здесь русский ученый обнаружил новые рукописи, прежде всего апокрифического характера, уточнил сведения о нескольких других, а затем отправился для работы в библиотеку Софии. Исследованные в поездке памятники письменности были опубликованы и принесли Лаврову признание в качестве знатока древнеславянских рукописей. В течение всей своей жизни Петр Алексеевич изучал произведения Климента Охридского, ученика славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, написал о нем множество статей и, используя метод сравнительного анализа, установил, что тот являлся автором нескольких древнеславянских анонимных текстов. Занимался Лавров и другим учеником солунских братьев — св. Наумом, чье неизвестное житие он обнаружил на Афоне и затем опубликовал. Итогом многолетнего изучения этой проблематики стали книги, вышедшие уже в совсем позднее время. «Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві» (1928) является по сути кирилло-мефодиевской энциклопедией, где дан критический обзор почти всех источников и исследований, связанных с начальным этапом славянской письменности. В книге уделялось большое внимание языку и стилю памятников для определения места и времени их создания, детально анализировались основные источники о жизни и деятельности свв. Кирилла и Мефодия. Второй труд — «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (1930) — свод важнейших памятников начального периода славянской письменности. Эта книга увидела свет уже после смерти ученого.

Непосредственно после командировки Лавров продолжал читать лекции в Московском университете. Сохранились литографические издания его курсов по истории Чехии и Болгарии. В первом он был менее оригинален, хотя и демонстрировал глубокое знание существующей литературы, во втором же опирался во многом на результаты собственных работ. В итоге он высказывал передовые для своего времени идеи. Так, он опровергал утверждение М.С. Дринова, что Балканский полуостров славяне заселили уже в III в., доказывал тюркское происхождение протоболгар, указывая, что они ассимилировались уже в IX в., подчеркивал социально-экономическую основу богомильского движения.

Однако постоянной должности для Петра Алексеевича в Московском университете не было, и в 1898 г. он принял предложение занять профессорскую кафедру в Новороссийском университете в Одессе. Однако после ухода на пенсию В.И. Ламанского освободилась кафедра славянской филологии в Петербургском университете, и Лавров переехал в столицу. Как отметил в своем представлении нового профессора Совету факультета С.Ф. Платонов, «солидная ученая репутация П.А. Лаврова, а также его не оставляющая ученая ревность служат основанием для того, чтобы желать его вступления в нашу среду». В университете Петр Алексеевич читал курсы

по славянским языкам, литературам, южнославянской палеографии. Последняя тема стала очень плодотворной для ученого. Во многом, видимо, благодаря дружбе с сербским филологом А. Беличем, который по просьбе петербургского коллеги отправлял снимки с южнославянских рукописей. В 1905 г. и 1916 г. Лавров издал альбомы снимков и подготовил капитальную работу «Палеографическое обозрение кирилловского письма» (1914). В ней анализировались буквенные начертания по рукописям XI–XVIII вв., давались особенности отдельных групп рукописей и школ письменности и предлагалась детальная классификация южнославянских рукописей по палеографическим признакам.

За свои заслуги Лавров в 1902 г. был избран членом-корреспондентом РАН, в 1906 г. — членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств, в 1911 г. — членом Югославской академии.

Параллельно с научной деятельностью профессор участвовал и в общественно-политической жизни, защищая интересы славянства, в первую очередь — сербов. Он читал в российских столицах и глубинке лекции об актуальных проблемах Балкан, публиковал брошюры, посвященные событиям на полуострове: об аннексии Боснии и Герцеговины, Балканских войнах, объединении сербов и хорватов и др. Состоял он и членом различных общественных организаций, например, Общества славянского научного единения.

Прекрасно понимая, что время энциклопедического подхода к изучению славянства прошло, Лавров еще в 1901 г. предложил создать три славянских кафедр — филологии, литературы и истории, настаивая на основании хотя бы двух — кафедры славянской филологии и истории славянских литератур и кафедры истории славян. Вплоть до 1914 г. Петр Алексеевич старался добиться учреждения новой кафедры, но безуспешно. А дальше была Первая мировая война, а затем — революция, изменившая все.

В 1916 г. Лавров подготовил «Славянские источники для жизни и трудов Кирилла и Мефодия», труд был утвержден к печати Академией наук, но последовала революция, и возможность публикации исчезла. Тогда он обратился к своему другу А. Беличу с просьбой об издании, но и в самой послевоенной Югославии времена были нелегкие.

Сам Петр Алексеевич революции не принял, прежде всего, его угнетали произвол новой власти и униженное положение, в которое попали ученые. «Мы задыхаемся от насилия», — писал он своему другу летом 1918 г. Тогда он всерьез думал покинуть Россию и уехать в славянские страны, но по неизвестной причине остался. В 1923 г. Лаврова избрали действительным членом Академии наук, а при ней была учреждена Славянская научная комиссия, фактическим руководителем которой он стал. Тем не менее, ситуация принципиально не изменилась. Маленькие зарплаты ученых в сложной экономической ситуации все больше обесценивались, началось идеологическое наступление на науку, в том числе и на филологию. От ученых требовалось подойти ко всему с марксистских, интернациональных

позиций и отказаться от «неактуальных» тем, что часто означало запрет на упоминание об общности славянского прошлого и изучение церковных текстов. В силу этих обстоятельств комиссия начала свою работу только в 1925 г., первый том ее трудов вышел в 1930 г. (это была упомянутая книга Лаврова), а на Съезд славянских географов и этнографов в 1924 г. в Прагу в Лавров числе многих отправлен не был. Тогда он жаловался коллеге в письме: «Вот нажили себе иго, горше всех перенесенных до сих пор. Этот ужасный злобный натиск на все национальное, на все для нас священное, глумление над стариной». Наступление на Академию наук выразилось и в постоянных попытках ликвидации Отделения русского языка и словесности. Но оказалось, что в Киеве в отличие от Центральной России к научно-религиозным темам относились терпимее. Это объясняет то, что важнейший труд Лаврова о Кирилле и Мефодии вышел в 1928 г. в Киеве на украинском языке. Хотя автор скептически относился к публикации не на русском, поскольку считал, что это делает работу малодоступной широким массам.

А в январе следующего года началась кампания, нанесящая российской гуманитарной науке ощутимый удар. В 1929 г. при выборах в академии забаллотировали нескольких коммунистических кандидатов. Новые власти не прощали подобного самовольства, тем более уже начались первые сфабрикованные процессы. Тучи над учеными, не сумевшими принориться к советской власти, сгущались. Возможно, Петру Алексеевичу еще «повезло», потому что он скончался до того, как разразилась гроза: 24 ноября 1929 г. он умер, и был похоронен неподалеку от университета на Смоленском кладбище Петербурга. А уже в январе 1930 г. советские чекисты направили руководству страны записку, в которой подтверждали «существование в Академии Наук монархической группировки». Главой этой выдуманной организации «назначили» С.Ф. Платонова, в свое время представлявшего Лаврова Совету исторического факультета Петербургского университета, а среди членов группировки был назван и сам покойный славист. Так раскрывался маховик «дела Плато-

*Работа П.А. Лаврова
«Кирило та Методій в давньо-
слов'янському письменстві»*

нова», называемого также «академическим делом». Если бы Лавров уцелел в горниле этого процесса, то, несомненно, из-за своих антисоветских взглядов он бы через несколько лет оказался вовлечен в «дело славистов». Таким образом, смерть уберегла Петра Алексеевича от моральных и физических унижений. Правда, имя его в советский период было неоправданно забыто.

ЛИТЕРАТУРА

Лантеева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX вв. М., 2012.

От чужих к своим. Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу / сост. Н. Благоевич, А. Мичич, И. Мрджа. Белград, 2016.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1979.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Фотография П.А. Лаврова.
2. Словарь болгарского языка А.Л. Дювернуа, работу над которым заканчивал П.А. Лавров.
3. Докторская диссертация П.А. Лаврова «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка».
4. Оттиск лекции П.А. Лаврова о Второй балканской войне 1913 г., прочитанной в Петрозаводске в 1913 г.
5. Один из важнейших трудов П.А. Лаврова «Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві».
6. Вышедшая после смерти П.А. Лаврова его работа «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности».
7. Могила П.А. Лаврова на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

П.А. РОВИНСКИЙ И ОТКРЫТИЕ ЧЕРНОГОРИИ ЧИТАТЕЛЯМ РОССИИ¹

Аннотация:

В статье рассказывается о судьбе П.А. Ровинского, которая напоминала авантюрный роман. Он обошел пешком чешские и черногорские земли, дважды был выслан за пределы Австро-Венгрии, объехал Сибирь, посетил Китай и США, руководил колонией для малолетних преступников, дружил с Н.Г. Чернышевским. Но в историю он вошел в связи со своим пребыванием в Черногории. Ровинский дружил с местным князем, внушил огромное доверие и уважение к себе у местного населения, впервые провел археологические раскопки, как дипломат представлял Россию, но главное — написал многотомное описание страны, которое не устарело и сейчас.

Ключевые слова:

П.А. Ровинский, Черногория, этнография, дипломаты-ученые.

Abstract: N.S. GUSEV "P.A. ROVINSKY AND HIS OPENING UP OF MONTENEGRO TO THE RUSSIAN READERS".

The fate of P.A. Rovinsky was like story from an adventurous novel. He walked around the Czech and Montenegrin lands, was twice expelled from Austria-Hungary, traveled to Siberia, visited China and the United States, was the Director of the colony for juvenile delinquents. He was friends with N.G. Chernyshevsky, but he is most famous for his stay in Montenegro. He was friends with the Montenegrin Prince, inspired great trust and respect among the local population, conducted first archaeological excavations and as a diplomat represented Russia. Most importantly he wrote was a multi-volume description of the country, which is still useful.

Keywords:

P.A. Rovinsky, Montenegro, ethnography, diplomats-scholars.

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) — писатель, путешественник, объехавший полмира, провинциальный интеллигент с революционными взглядами, известный неакадемический славист XIX в., драгоман русского представительства в Черногории, родоначальник черногорской археологии.

Родился в небольшом селе Гусевка (ныне в Волгоградской области) в дворянской семье, учился в саратовской гимназии, где сдружился с будущим крупным славистом А.Н. Пыпиным и публицистом Н.Г. Чернышевским. Затем он поступил в Казанский университет, в котором кафедрой славянских наречий возглавлял знаменитый ученый В.И. Григорович, только что вернувшийся из путешествия по славянским странам. В его доме Ровинский нередко бывал, пользовался домашней библиотекой и до конца жиз-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

ни подчеркивал роль этого ученого в зарождении у него интереса к славянству. В 1852 г. после окончания университета Ровинский был оставлен для преподавания по кафедре славистики, однако через четыре года уволился, видимо, разочаровавшись в преподавательской деятельности.

В 1860 г. он отправился в Прагу, познакомился там с местной общественно-политической жизнью, а потом в костюме русского крестьянина начал путешествовать по чешским селам, за что был задержан австрийской полицией. По политическим причинам его выслали за пределы монархии Габсбургов. Накопленные материалы и впечатления вылились затем в ряд статей, опубликованных Ровинским в периодической печати и сочинениях на историческую тему. Несмотря на то, что последние строились главным образом на научной литературе, в них проявилось новаторство в интерпретации многих моментов чешской истории (в первую очередь гуситского движения) в модном тогда в России революционно-народническом духе. Ровинский стал членом народнического кружка «Земля и воля», и это помешало ему совершить новую поездку в славянские земли из-за запрета российских властей. Он намеревался тогда поехать в земли южных славян для того, чтобы изучить их внутреннюю жизнь, историю быта и просвещения. Но такую поездку ему удалось осуществить только через несколько лет.

В 1868 г. Ровинский прибыл в Белград в качестве корреспондента газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и оставался в Сербии чуть больше года. Его командировка в эту страну была вызвана тем, что в 1867 г. после вывода турецких гарнизонов из крепостей княжества начал складываться Балканский союз для подготовки общего восстания против турок. «На Сербии сосредотачивались желания и надежды всего юга славянства», — именно так описывал то время сам Ровинский. Спустя годы на Балканах разразился новый кризис, и Ровинский в качестве корреспондента газеты «Новое время» снова оказался в Сербии, проведя там лето и осень судьбоносного 1878 г. Эти две поездки и увлеченность страной самого слависта имели своим результатом появление обширного корпуса текстов, в которых освещалась жизнь тогдашней Сербии. Ровинский с большим интересом и симпатией относился к сербам и даже их чересчур романтизировал. Но при этом он с сожалением констатировал то, что в истории Сербии «нет почти ни одной отрадной страницы: одна война, одни междоусобия». Потому ему казалось, что в этой стране сложился «человек вечной войны». И по этой причине, по его словам, в Сербии все — «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то», и такая обстановка парализует нормальное развитие страны.

Параллельно у Ровинского возникла тяга к научной работе. Она вылилась в статью о средневековом еретическом движении богомилов в сербских землях. Здесь сразу же следует сказать о ее недостатках. Слабая изученность данной проблемы в то время, отсутствие у автора надежных источников и его чрезмерная увлеченность привели к весьма произволь-

ной трактовке им ряда исторических фактов. Многие из предложенных ученым положений не выдержали проверки на прочность.

В 1870 г. Ровинский вернулся в Россию и отправился в этнографическую поездку по Сибири, посетил Монголию и Китай, а в 1874 г. побывал в Америке. Затем он занял пост директора колонии малолетних преступников под Петербургом, где стал применять новаторские методы воспитания, высоко оцененные современниками, в том числе и Ф.М. Достоевским. Но в 1878 г., как уже говорилось, Павел Аполлонович отправился на Балканы. Кроме Сербии, он несколько месяцев находился в только что оккупированной Австро-Венгрией Боснии и Герцеговине. В корреспонденции оттуда он знакомил русских читателей с местным населением, рассказывая как о местных славянах-христианах, так и славянах-мусульманах. Из-за разоблачительного тона репортажей Ровинского о продвижении Вены на Балканы и последовавших вслед за оккупацией репрессиях власти выслали журналиста на границу. Так волей судьбы он оказался в Черногории. Первоначально Ровинский не собирался там долго задерживаться, но заинтересовавшись жизнью черногорцев, он прожил в стране с перерывами с 1879 г. по 1906 г.

С 1880 по 1882 г. Ровинский обошел пешком Черногорию, знакомясь с ее географией и народом, собирая фольклорный материал и отыскивая исторические источники в монастырях и архивах черногорских владык. Результаты своих разысканий в виде рукописи книги он представил на рассмотрение Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Через два года было принято решение о публикации многотомного труда Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем», но его издание затянулось на много лет. Тома выходили с 1888 по 1909 г. Тем временем в 1889 г. ученый опубликовал книгу о черногорском правителе и митрополите Петре Негоше (1813–1851). А внучатый племянник этого выдающегося черногорского правителя и поэта, князь Никола предложил Ровинскому начать археологическое исследование остатков римского города Диоклеи. В течение нескольких лет, в соответствии с методами тогдашней науки, Ровинский изучал обнаруженные им древние городские постройки и граффити на их стенах.

С 1898 по 1902 г. ученый жил в родном селе, готовя к публикации очередные тома труда «Черногория в ее прошлом и настоящем». Затем он вернулся в ставшую ему родной страну в качестве драгомана русской миссии, в статусе которого пребывал до 1906 г. Благодаря связям и известности он мог оценивать реальное положение дел, оказывать влияние на черногорского монарха и помогать русским подданным в их научных и деловых поездках по стране. Один из посетивших тогда Черногорию русских путешественников оставил прекрасный словесный портрет героя данной статьи: «Представьте себе человека в поношенном сером костюме и черногорской капице (шапочке), среднего роста и худощавого. Седые волосы густо покрыли морщинистое лицо с застывшим выражением беспредель-

ной доброты и мягкости. На носу очки в простой оправе, в которые глядят пытливые глаза с соболиными нависшими бровями. Изборожденный морщинами лоб — высок и отражает недюжинный ум, так и несокрушимую энергию. Представьте себе человека необычайной скромности и неподкупной прямоты. Это и будет П.А. Ровинский, имя которого произносится с уважением во всех славянских землях, его книга — это четырехтомный труд-памятник, значение и ценность которого можно приравнять к карамзинской истории».

В этом «труде-памятнике» автор разделил черногорскую историю на три периода. К первому он отнес эпоху Средневековья до начала XVI в. — когда эти земли входили в сербскую державу и не выделялись какими-либо отличными от сербских порядками. Второй период он назвал теократическим, установив для него хронологические границы с 1516 по 1851 г. В то время в стране оформилось не светское, а теократическое государство, в котором все властные функции сосредоточились в руках церкви. По мнению Ровинского, именно такая форма правления наилучшим образом соответствовала племенному устройству Черногории. Произшедшие после провозглашения страны княжеством перемены он оценил негативно: народ превратился в войско, что вызвало крах экономики и сделало политическую систему жесткой.

Главным достоинством его книги, не утратившей своего научного значения и сегодня, является этнографический материал. Ученый собирал его долго и тщательно, общаясь с крестьянами и вникая в их быт. Отношения русского слависта с местным населением прекрасно характеризует следующий факт: местные жители доверяли ему настолько, что приглашали его быть третейским судьей при решении своих внутренних споров и тяжб. Ровинский проникся к черногорцам большой симпатией, изображая их с известной долей романтизма. Но при этом он не скрывал и их негативные черты: пренебрежение к труду мужчин, которые предпочитали быть воинами, перекладывая бытовые заботы на плечи женщин, соблюдение обычая кровной мести и др.

Вернувшись из Черногории и осев в Петербурге, Ровинский некоторое время продолжал свои труды, но постепенно отходил от публицистики и все меньше проявлял себя публичной фигурой. Вероятно, виной тому был преклонный возраст ученого. Тем не менее он оставался крупнейшим специалистом по Черногории. Офицер Н.П. Мамонтов, посетивший Черногорию в 1909 г. и написавший о ней книгу, счел необходимым отдать ее на отзыв именно Ровинскому. В сопроводительном письме он писал, что в этой стране встречал знакомых Павла Аполлоновича повсюду, причем из их уст часто звучало его имя, всегда «произносимое с чувством самой живой к Вам любви и уважения». Балканские войны 1912–1913 гг., завершавшие процесс освобождения Балкан от власти Османской империи, породили у Ровинского замыслы новых книг и произведений, но сил на них, видимо, не хватало. От них остались лишь небольшие рукописные наброски.

В конце 1915 г. Павел Аполлонович тяжело заболел и в январе следующего года скончался. Его похоронили на Литераторских мостках Волковского кладбища в Петербурге. Покойного лично отпевал (что очень символично) черногорский иеромонах Мордарий, который в своем надгробном слове рассказал, как еще, будучи юношей, познакомился с ученым в Черногории.

Ровинский являлся лучшим знатоком балканских реалий начала XX в. Он сумел понять местные народы не по книгам, а в результате общения с живыми людьми. Многие его заключения в области истории со временем были опровергнуты наукой, но собранный им этнографический материал сохраняет свое значение и поныне. Благодаря тому, что Ровинский пешком исходил интересовавшие его страны, ему удалось проникнуть в суть менталитета жителей Балкан. Недаром почти за полвека до Балканских войн в письме другу детства профессору А.Н. Пыпину он высказал неутешительное, но точное пророчество: «Южные славяне победят турок, но побьются между собой».

ЛИТЕРАТУРА

- Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012.
- Пахомова Л.Ю.* П.А. Ровинский о мусульманском обществе на начальном этапе австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2017.
- Русские о Сербии и сербах. Т. III: Сербские сочинения П.А. Ровинского. М., 2019. [в печати]
- Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Фонд 123.
- Хлебникова В.Б.* Павел Аполлонович Ровинский в Черногории // Славяноведение. 1987. № 2.
- Хлебникова В.Б.* Ровинский как исследователь Черногории. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет П.А. Ровинского.
- 2–3. Памятный знак об ученом в родном селе Гусевка П.А. Ровинского.
4. Фотография П.А. Ровинского в черногорском костюме.
5. Книга «Черногория в ее прошлом и настоящем».
- 6–7. Виды Диоклеи — античного города Балканах (Черногория), где впервые провел археологические раскопки П.А. Ровинский.
8. Журнал, в котором П.А. Ровинский публиковал свои многочисленные статьи о Балканах и славянском движении.

ОБЪЕКТИВНЫЙ УЧЕНЫЙ-СЛАВИСТ, БОЕВОЙ ПУБЛИЦИСТ-КОНСЕРВАТОР ПРОФ. П.А. КУЛАКОВСКИЙ¹

Аннотация:

В статье речь идет о П.А. Кулаковском (1848–1913) — одном из основателей традиции преподавания русского языка в Сербии. Он четыре года преподавал в будущем Белградском университете, написал учебные пособия и воспитал учеников. В то же время он выступал как поборник единства славянства, и поэтому в своей научной работе негативно оценил реформу Вука Караджича, а в своей публицистике обрушивал гнев на сторонников польской независимости.

Ключевые слова:

Кулаковский П.А., панславизм, славянофильство, Сербия, польский вопрос, преподавание русского языка, Варшавский университет.

Abstract: N.S. GUSEV “P.A. KULAKOVSKY: OBJECTIVE SLAVIC RESEARCHER, POLEMICAL CONSERVATIVE JOURNALIST”.

The article refers to P.A. Kulakovsky (1848–1913), one of the founders of the tradition of teaching Russian in Serbia. He taught in the future University of Belgrade for four years, wrote textbooks and raised pupils. At the same time, he acted as a champion of the unity of Slavic, and therefore in his academic work negatively assessed the reform of Vuk Karadzich, and in his publishing struck anger at supporters of Polish independence.

Keywords:

Kulakovsky P.A., Pan-Slavism, Slavophilism, Serbia, Polish question, Russian language teaching, Warsaw University.

Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) — яркий публицист, панславист и консерватор, поборник славянского единства и популяризатор русского языка в Сербии.

Родился в городке Поневеж Ковенской губернии (ныне — Паневежис в Литве) в семье священника, настоятеля местной церкви и законоучителя городской гимназии. Рано столкнулся с жизненными трудностями — в 12 лет потерял отца, а местную гимназию после польского восстания закрыли. Виленскую гимназию, в которую его перевели, окончил в 1866 г. с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Учителями его были известные московские славяноведы О.М. Бодянский, Н.А. Попов и А.Л. Дювернуа. Во время учебы

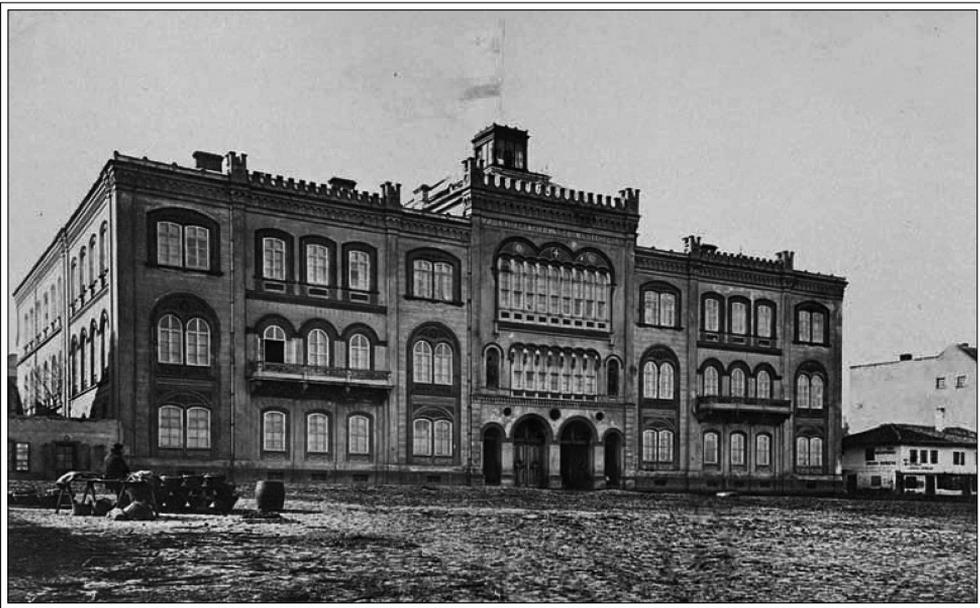
---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Кулаковский сблизился со славянофилами И.С. Аксаковым, братьями Ю.Ф. и Н.Ф. Самаринными. После университета он работал во Владимирской губернской гимназии, а затем — в 4-й Московской учителем латинского языка и русской словесности.

В 1876 г. Кулаковского командировали за границу для изучения славянских языков. В Чехии он занимался чешским языком, этнографией, исследовал глаголическую письменность и старопечатные книги и интересовался вопросом подлинности знаменитой Краледворской рукописи. Затем Кулаковский побывал в Любляне и Загребе, познакомившись там со словенской и хорватской литературами. В том же году началось его многолетнее сотрудничество с издаваемой М.Н. Катковым консервативной газетой «Московские ведомости», в которой молодой славяновед исполнял роль корреспондента в славянских землях. Его публикации в этой газете чаще всего не имели полной подписи, обычно стояли К., П.К., К-ский, иногда — П.Д., N, Z, P. и т.д. В то же время нередко редактор урезал статьи Кулаковского, в первую очередь из соображений политической цензуры.

После получения Сербией независимости в 1878 г. в стране было решено ввести массовое обучение русскому языку. Инициатором этого начинания являлся министр просвещения А. Васильевич, учившийся в России. Он осознавал несоответствие уровня подготовки местных педагогических кадров и стоявшей перед ними задачи. Потому в России начался поиск «подготовленного лица» для кафедры русского языка и истории русской

*Великая школа в Белграде, где преподавал П.А. Кулаковский
(Москва – Сербия, Белград – Россия. Т. 3. Београд, 2012)*

литературы Великой школы (университета) в Белграде. Глава московских славянофилов И.С. Аксаков и петербургский ученый В.И. Ламанский предложили кандидатуру Кулаковского, который согласился подписать трехлетний контракт. «Хотелось бы послужить этому важному в славянской жизни делу <...> Постараюсь в эти три года объездить Балканский полуостров и вообще все славянство», — писал он в 1878 г. своему знакомому.

28 октября 1878 г. Кулаковский прочел вступительную лекцию на тему «Краткий очерк развития русского языка». В Белграде он столкнулся с проблемой нехватки учебной литературы, сообщая, что «не нашел ни хрестоматий, <...> ни грамматики русской для сербов, <...> ни словарей». И сразу же стал исправлять ситуацию. В 1879 г. была опубликована подготовленная ученым хрестоматия по русской литературе «Руска читанка». Вместе со студентами Кулаковский переводил отрывки из сочинений классиков русской литературы, популяризации которых способствовал его педагогический талант. Наблюдавший его соотечественник писал: «Я был на одной его лекции о Лермонтове — и видел, с каким вниманием его слушают и как восторженно записывают каждое слово». Однако понимая, что ограничиваться одним преподаванием в университете нельзя, Кулаковский написал пять «Писем о современной русской литературе», которые в 1880–1881 г. вышли на страницах белградского журнала «*Отаџбина*» / «Родина». В них отсутствовали критический разбор и научные концепции — они знакомили читателей с положением дел в русской литературе и периодике. Это дало свой эффект. «Многие выписывают книги и журналы, указанные мною в этих “Письмах”», — сообщал он Ламанскому в 1881 г. Немалую помощь Кулаковский оказал отправке в Россию на учебу талантливых сербов. Но одновременно он признавал, что зачастую в Россию едут те, кто плохо подготовлен, и это обусловлено потребительским отношением сербов к русской благотворительной помощи.

Из-за недостатка подготовленных местных кадров командировка Кулаковского продлилась до 1882 г., т.е. продолжалась целых четыре года. Отметим, что зарплата в Белградской Великой школе не соответствовала ни статусу ученого, ни его реальным расходам. Потому ему доплачивал российский МИД, в котором распространение русского культурного влияния считали важнейшей задачей, а использование русского языка — «новым духовным звеном» между Россией и Сербией. Русский консул в Белграде предлагал наградить Кулаковского за успешное выполнение этой задачи орденом св. Анны II степени, но профессора удостоили лишь ордена Станислава II степени. По достоинству деятельность российского слависта в стране оценили лишь сербы. Спустя 10 лет А. Васильевич писал бывшему белградскому профессору следующее: тому, «что в сербском обществе явилось желание изучать русский язык и русскую литературу, этому много способствовали Вы Вашими лекциями в белградской Великой школе и Вашими симпатиями к сербскому народу. Теперь почти все молодое поколение читает и понимает по-русски, а многие и говорят».

По возвращении на родину Кулаковский, используя собранный им материал, подготовил и защитил магистерскую диссертацию «Вук Караджич. Его деятельность и значение в сербской литературе». Это была первая серьезная научная монография о человеке, создавшем сербский литературный язык. Однако ученый не смог абстрагироваться в ней от своих панславистских взглядов. По его мнению, реформа В. Караджича привела к отрыву сербского языка и литературы от русской культуры, «ею предоставлена своим силам литература малого сербского народа, которая вследствие своей слабости легко может стать лишь отголоском направлений, совершенно чуждых сербскому народу». Да и сама идея повышения статуса сербского языка, видимо, претила Кулаковскому. Он считал ошибкой В. Караджича то, что он «живой язык народа, правда, мягкий и звучный, но далеко не богатый, возвел в степень языка и науки». Разгоревшаяся в русской научной общественности дискуссия показала, что у этой точки зрения имелись как сторонники, так и противники.

В 1884 г. Кулаковский стал преподавать в Варшавском университете, в котором работал до переезда в Петербург в 1902 г. Отсюда он совершил поездку в Болгарию. Заметного научного следа она не оставила, но впечатления от нее ученый опубликовал в газете «Московские ведомости». В 1893 г. он отправился в командировку в Загреб, а в следующем году уже защитил докторскую диссертацию «Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения». В 1895 г. его книга на эту тему была удостоена премии Российской академии наук имени А.А. Котляревского.

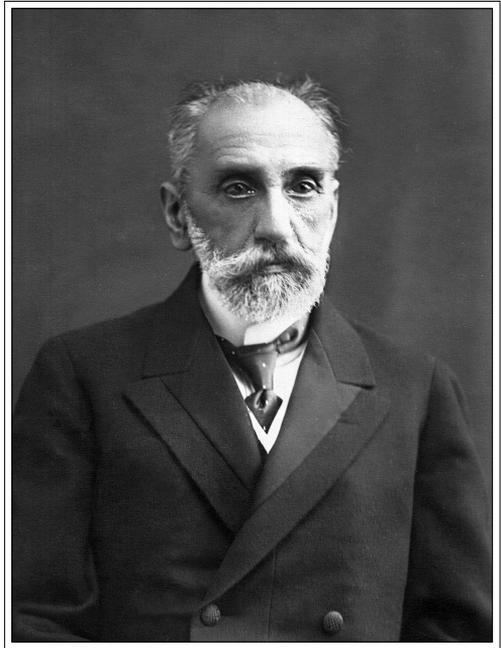
Движение иллиризма, существовавшее в Хорватии в 30-е–40-е гг. XIX в., рассматривало югославянские народы как потомков древнего народа иллиров и пропагандировало идею объединения их в «Великую Иллирию». Для этого на первом этапе считалось необходимым заниматься развитием хорватского языка и культуры, должных стать основой будущего единства Великой Иллирии. Кулаковский сосредоточил внимание главным образом именно на литературной и языковой стороне движения, рассмотрев связи хорватов с другими славянами. Особое место в книге занимает идеолог иллиризма Людевит Гай, благодаря усилиям которого появился хорватский литературный язык и который на основе латинского создал хорватский алфавит, названный по его имени «гаевицей». В этом труде Кулаковский сумел проявить большую степень научной объективности по сравнению со своей предыдущей работой о Вуке Караджиче, поскольку в нем он не дал негативную оценку хорватскому национальному возрождению, которое отдаляло хорватов от русского языка и русской культуры сильнее, чем сербское.

Но это не свидетельствовало об изменении политических взглядов Кулаковского. Знакомый ученого отмечал, что «в Кулаковском жило два человека; один — объективный ученый, беспристрастно вскрывающий прошлое, другой — практический деятель, боевой публицист с несомненным темпераментом». В годы работы в Варшаве Кулаковский являлся так-

же редактором газеты «Варшавский дневник» и на ее страницах отстаивал свой взгляд на славянство. «Вся история славянства, — утверждал он, — со времени начала его возрождения свидетельствует, что интересы и пользы России и русского народа — в то же время интересы и пользы всего славянства, и все, что вредно для России, что умаляет ее силы и оскорбляет ее достоинство, вредно и губительно для славянства». Исходя из этого, он негативно оценивал борьбу поляков за независимость. В публицистике ученого данной теме уделялось большое внимание, что было обусловлено местом его рождения и местом жительства и остротой проблемы.

В 1902 г. Кулаковский переехал в Петербург и стал главным редактором газеты «Правительственный вестник», в которую сумел вдохнуть новую жизнь. Но через три года в связи с приходом нового премьера С.Ю. Витте он покинул это издание и основал новую газету «Окраины России», выходящую с 1906 по 1911 гг. Этот печатный орган выступал против сепаратизма национальных окраин страны, вокруг него группировались монархисты. Сам Кулаковский принимал активное участие в правом движении.

Последнее его крупное научное исследование «Начало русской школы у сербов в XVIII в.» вышло в 1903 г. В нем рассматривался период от средних веков до начала Национального возрождения сербов. Центральное место в нем отводилось малоизвестному сюжету о прибытии в Сербию по приказу Петра I учителя Михаила Суворова, который привез с собой книги и учебники и стал устройщиком школ в Карловцах и Белграде. С 1908 г. Кулаковский вернулся к преподавательской деятельности — читал лекции по славяноведению в Санкт-Петербургском историческом институте и Женском педагогическом институте. 18 декабря 1913 г. он скончался, а его библиотека была передана в библиотеку Академии наук. Сохранился список поступивших из нее туда книг. Несколько сотен их заглавий на различных языках говорят о разнообразии интересов ученого. Но главным из них являлась идея славянского единства, что прекрасно резюмировал другой известный славянский деятель А.А. Башмаков: «Платон Андреевич [Кулаковский] всю жизнь любил Славянство; он верил в конечное торжество великой идеи его племенного объединения».

П.А. Кулаковский

ЛИТЕРАТУРА

Грот К.Я. Платон Андреевич Кулаковский. СПб., 1914.

Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи. 70–80-е годы XIX в. М., 1989.

Котов А.Э. «Акрит» русской публицистики: П.А. Кулаковский между Катковым и Аксаковым // Славистика. Вып. XVII (2013).

Лаптева Л.Л. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

Москва — Србија, Београд — Русија: документа и материјали. Т. 3: Друштвено-политичке и културне везе 1878–1917. (Москва — Србија, Белград — Россия: сборник документов и материалов. Т. 3: Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг.) / приређивачи, составители А.Л. Шемякин ... [и др.]. Београд, 2012.

Робинсон М.А. Историографические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.

Шемякин А.Л. Московский профессор о независимой Сербии. Платон Андреевич Кулаковский в Белграде (1878–1882) // Родина. 2013. № 12.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет П.А. Кулаковского.
2. Великая школа в Белграде, где преподавал П.А. Кулаковский. [Москва — Сербия, Белград — Россия. Т. 3. Београд, 2012].
3. Оттиск статьи «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян». Варшава. 1885 г.
4. Обложка книги П.А. Кулаковского «Иллиризм».
5. Рекламное объявление о подписке на газету «Окраины России», редактором и основателем которой являлся П.А. Кулаковский. [Памятная книжка Минской губернии на 1909 г. Минск, 1908].
6. Выпуск газеты «Московские ведомости», с которой долгие годы сотрудничал П.А. Кулаковский, с сообщением о его смерти.
7. Выпуск газеты «Московские ведомости» с некрологом П.А. Кулаковского.
- 8–12. Отдельные страницы списка книг, переданных в Библиотеку Академии наук из личного собрания П.А. Кулаковского после его смерти. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 239. Книга поступлений № 7 (1914–1916).

ПАТРИАРХ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ВАС. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО¹

Аннотация:

В статье прослеживается жизненный путь патриарха русской военной журналистики Вас. И. Немировича-Данченко. Внимание сосредоточено на той части его обширного литературного наследства, что посвящена Болгарии и ее описанию в двух конфликтах, разделенных 35 годами. Несмотря на значительную долю литературных отступлений, книги журналиста и поныне сохраняют свое значение как ценный исторический источник.

Ключевые слова:

Немирович-Данченко Вас. И., военная журналистика, Болгария, русско-турецкая война, Первая балканская война.

Abstract: N.S. GUSEV “VAS. I. NEMIROVICH-DANCHENKO: THE FATHER OF RUSSIAN MILITARY JOURNALISM”.

The article traces the life of the Father of Russian military journalism Vas. I. Nemirovich-Danchenko. Attention is focused on that part of his boundless literary heritage, which is devoted to Bulgaria and his description of two conflicts, separated by 35 years. Despite a significant number of literary digressions, the journalist's books still retain their value as an important historical source.

Keywords:

Vas. I. Nemirovich-Danchenko, Military journalism. Bulgaria, Russian-Turkish war, First Balkan war.

Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936) — известный русский писатель, автор около 250 художественно-этнографических очерков, романов, рассказов, сборников репортажей и стихотворений. Он являлся патриархом русской военной журналистики, его имя было известно в дореволюционной России всем «от царя до гимназиста». Родился Немирович-Данченко в семье офицера на окраине Российской империи в Тифлисе (современный Тбилиси в Грузии). Детство его прошло на Кавказе в разгар войны с горцами. Переезды отца по службе позволили ему познакомиться с Грузией, Азербайджаном и Дагестаном, где он впервые стал проявлять внимание к деталям жизни и нравам разных народов. Немирович-Данченко поступил в кадетское училище в Москве, но, не окончив его, отправился в Петербург, надеясь войти в мир писателей. Позднее из-за растраты денег он оказался на севере Европейской части России — в городе

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Архангельске. Там он начал писать статьи в популярном тогда жанре путевых заметок, обильно насыщая их деталями быта и нравов местного населения, пейзажными зарисовками, рассказами о дорожных приключениях и интересных встречах. Эти работы выходили в ведущих российских журналах, тепло встречались критикой и принесли ему известность.

В последующие годы он часто путешествовал, описывая в своих статьях Кавказ, Урал, страны Европы, Малой Азии и Африки. Он «влюбился» в Испанию, и испанская тема зазвучала во многих его произведениях. В 1876 г., когда Сербия объявила войну Османской империи, Немирович-Данченко отправился на театр военных действий для освещения происходящих событий и был легко ранен там в ногу. А через год после начала русско-турецкой войны журналист вновь оказался на Балканах, и написанные им тогда статьи и книги стали вершиной его творчества.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. являлась первой войной, за которой читатели следили чуть ли не в режиме реального времени. Благодаря техническому прогрессу известия о победах и поражениях на фронте публиковались из газет на следующий день после случившегося. Впервые в русской армии официально могли находиться корреспонденты. Немирович-Данченко провел на войне около года, больше всех других журналистов, и единственный из русских военных корреспондентов получил разрешение бывать на всех боевых позициях и освещать деятельность русского императора Александра II на Балканах. Его репортажи об осаде Плевны, боях на Шипке и зимнем переходе через Балканы, подписанные псевдонимом «Шесть», принесли ему всероссийскую славу. Портрет Немировича-Данченко, как и других героев русско-турецкой войны 1877–1878 гг., помещали на упаковке выпускавшегося тогда шоколада. А его грудь украсил солдатский Георгиевский крест — наиболее чтимая среди военных награда.

Вернувшись домой, писатель подготовил к публикации трехтомный сборник своих впечатлений о русско-турецкой войне, с успехом встреченный публикой. Затем он вновь отправился в Болгарию, чтобы посмотреть, как строится молодое государство. Немирович-Данченко восхищался тем, как основательно болгары подошли к делу его восстановления. По его словам, они отдавали себе отчет в зыбкости опоры на одну лишь армию и в том,

*Фотография
вскоре после 1876 г.*

что обеспечить свое будущее и самостоятельность можно лишь при сочетании «и книги, и боевого огня», т.е. при условии развития своей культуры. Его радовали демократические порядки, установленные болгарской конституцией и, увы, отсутствовавшие на его родине. Столкновение нарождавшейся болгарской интеллигенции с русской бюрократической системой вызывало у него чувство горечи. Болгарская государственность создавалась при помощи России во время работы на территории этой страны временной русской администрации. И среди своих соотечественников-чиновников Василий Иванович неоднократно отмечал невежество, грубость, нежелание понять молодой, но культурно развитый народ, чья интеллигенция была готова умереть за родину, но не быть за нее высеченной.

Впечатления от пребывания в Болгарии легли затем в основу трех романов писателя, описывавших события эпохи русско-турецкой войны. Эти произведения отличало обилие персонажей, среди которых были солдаты, офицеры, чиновники, жители болгарских деревень и т.д., но их характеры были очерчены пунктирно и не производили на читателя впечатления. Тем не менее автору удалось создать яркие образы сестер милосердия и воплотить в них лучшие черты русской женщины — например, самопожертвование, которое привело на войну и знаменитую актрису, и студентку, и «падшую» женщину.

В последовавшие мирные годы Немирович-Данченко искал новые темы для своих произведений. В его романах было обрисовано бурное развитие промышленности и экономики России конца XIX в., а в любовной лирике тех лет разнообразным образом варьировалась тема адюльтера. Но при этом критика отмечала малую правдоподобность сюжетных развязок и склонность писателя к внешним эффектам и театральным диалогам. Сам Немирович-Данченко не переоценивал свое место в русской литературе, считая себя «посредственным романистом, добросовестным и неутомимым журналистом и хорошим военным корреспондентом». Потому, как только в 1904 г. началась русско-японская война, он сразу же отправился на фронт и за один год опубликовал около 350 корреспонденций, которые пользовались большим спросом у читателей.

А в 1912 г., когда вспыхнула Первая балканская война — Болгария, Сербия, Греция и Черногория выступили против Османской империи, — Немирович-Данченко возжелал увидеть как страна, свидетелем освобождения которой он являлся, теперь сама сразится с вековым угнетателем. Поэтому, несмотря на свои преклонные годы, он поехал на Балканы. В Болгарии его принимали с всевозможными почестями: о приезде сообщали газеты, ему устроили торжественный прием, и первые лица болгарского государства выхлопотали для него допуск на линию фронта. Он первым из иностранных корреспондентов воочию увидел бои с турками. Его статьи 1912 г. были полны ностальгии по русско-турецкой войне. Следуя за болгарской армией, он шел знакомыми тропами и вспоминал о продвижении русской армии 35 лет назад. Глядя на неприступные Чаталджинские укре-

пленения близ Константинополя, он думал об эпопее осады Плевны, да и в самих болгарских солдатах видел наследников русского воинства.

Болгарская государственность вызывала у него чувство восторга, поскольку он своими глазами смог увидеть, какой путь прошла страна с момента освобождения. Немирович-Данченко восхищался преобразившимися болгарскими городами, заявлял о едва ли не поголовной грамотности болгар, о наличии демократии, как в политике, так и в отношениях между людьми, и о полной свободе прессы. Квинтэссенцией его описания молодого, несколько лет назад возродившегося, болгарского царства служит произнесенный им на званом обеде тост: «За Болгарию ума, знания, прогресса, работы!» Одно только огорчало писателя — отношение болгар к раненым, в котором не проявлялось и толики сочувствия. А без воспитания уважения к жизни, считал писатель, пусть и грамотный, пусть и трудолюбивый, народ рано считать полностью доросшим до вершин цивилизации. Но за Первой балканской войной последовала Вторая, Межсоюзническая, и поступательное развитие страны было прервано. В Первой мировой войне Болгария поначалу заняла позицию нейтралитета, и Немирович-Данченко, используя свой авторитет, пытался подвигнуть болгар выступить вместе с Россией. Публично обращаясь к ним, он восклицал: «Болгары! Где вы? Отчего в этот светлый и радостный час общей великодушной жертвы вы не с нами?». Однако в Софии в итоге приняли сторону Центральных держав — Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Немирович-Данченко, естественно, не мог пропустить очередной войны и отправился на фронт корреспондентом. Он освещал бои в Галиции, на Кавказе и даже под Верденом. «Весь в папахах и в бакенбардах, невзирая на возраст, как угорелый носится, и такое пишет, что печатать неловко», — писал про него один современник. И действительно, с возрастом корреспонденция Немирович-Данченко становилась все более германофобской и ура-патриотической. Пародируя его сообщения, некоторые журналисты писали про задержанные австрийские поезда с вагонами, полными иглолок для выкалывания глаз сербам, и о переплетах журналов, изготовленных турками из кожи христиан.

После Октябрьской революции Василий Иванович остался в стране, однако в отличие от своего брата Владимира — знаменитого театрального режиссера, он не принял перемен. В 1922 г. под предлогом необходимости архивных изысканий для масштабного труда «Народные герои, вожди и мученики» Немирович-Данченко получил разрешение на выезд из страны и отправился в Берлин. Задержавшись там на год, он перебрался в «русские Афины» того времени — в Прагу, где собрался цвет русской эмиграционной интеллигенции. Соотечественники относились к нему с большим уважением, однако его новые литературные произведения воспринимались как анахронизм. Тем не менее сам он оставался крепок духом, и в 1934 г. эмиграция масштабно отметила 90-летие журналиста и писателя. Но уже через два года Василий Иванович скончался и был похоронен на кладбище в Праге.

Немирович-Данченко являлся младшим современником Достоевского и старшим — Чехова. Он пережил обоих этих классиков и успел написать гораздо больше, чем те. Но в историю русской литературы он вошел, прежде всего, как патриарх отечественной военной журналистики. Особенно прославились его корреспонденции с русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Они были новой страницей в развитии журналистики и открыли тогдашнюю Болгарию для русского общества. Его выступления в защиту страны и ее популяризация по достоинству были оценены болгарским народом. В 1935 г. в Болгарии ему была назначена государственная пенсия. В СССР же бегство писателя за границу привело к запрету его книг вплоть до краха коммунистической системы в стране. Ныне интерес к тревелогам Немировича-Данченко постепенно возрождается, но их по-прежнему нельзя считать достаточно хорошо изученными.

ЛИТЕРАТУРА

- Кулагина А.А.* Публицистика В.И. Немировича-Данченко в русско-турецкую войну 1877–1878 годов // Век информации. 2015. № 2.
- Гусев Н.С.* Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т.В. Волокитиной. М., 2017.
- Хмара В.* Возвращение // Немирович-Данченко Вас. И. На кладбищах. Воспоминания. М., 2001.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Фотография Вас. И. Немировича-Данченко вскоре после 1876 г.
2. Обложка книги писателя «Страна холода», посвященной Русскому Северу.
3. Обложка книги Вас. И. Немировича-Данченко «Мужицкая обитель».
4. Обложка художественного произведения, созданного писателем по мотивам русско-турецкой войны.
5. Обложка книги Вас. И. Немировича-Данченко «Война с турками за освобождение славян», предназначенной для детей.
6. Обложка книги воспоминаний о герое русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — генерале М.Д. Скобелеве.
7. Вас. И. Немирович-Данченко в 1906 г.
8. Обложка журнала «Искры» с портретом Вас. И. Немировича-Данченко. 14 октября 1912 г.
9. Обложка книги писателя в двух томах «С вооруженным народом», посвященной Первой Балканской войне 1912–1913 гг.
10. Обложка журнала «Природа и люди» за 1915 г. со статьей, посвященной Вас. И. Немирович-Данченко. На фото — писатель в Манчжурии во время русско-японской войны.

Н.С. ДЕРЖАВИН — БОЛГАРИСТ, ДОБИВШИЙСЯ УСПЕХА В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ И СОВЕТСКОЙ НАУКЕ¹

Аннотация:

Статья посвящена биографии знаменитого советского академика Н.С. Державина и его научной деятельности, в первую очередь касающейся Болгарии и болгар. Этот ученый сделал головокружительную карьеру, став академиком даже без степени доктора наук и создав собственный научный институт в силу чуткого понимания конъюнктуры. Он оставил после себя богатое наследие, хотя некоторые его книги не выдержали проверки временем. Всю свою жизнь Н.С. Державин искренне симпатизировал объекту своего изучения.

Ключевые слова:

Н.С. Державин, Болгария, болгары в России, македонский вопрос, славистика в 30-е — 50-е гг. XX в.

Abstract: N.S. GUSEV “DERZHAVIN N.S.: A BULGARIST, WHO SUCCEEDED IN BOLSHEVIK AND SOVIET ACADEMIC STUDIES”.

This article is devoted to the biography of the famous Soviet academician N. S. Derzhavin and his academic activities, primarily relating to Bulgaria and the Bulgarians. This scholar, who had a dizzying career, becoming an academician the even without a doctorate and created his specialist institute, due to a sensitive understanding of the situation. He left behind him a rich heritage though some of his books did not stand the test of time. All his life N.S. Derzhavin sincerely sympathized with the objects of his study.

Keywords:

N.S. Derzhavin, Bulgaria, Bulgarians in Russia, the Macedonian question, Slavistics from 1930s to 1950s.

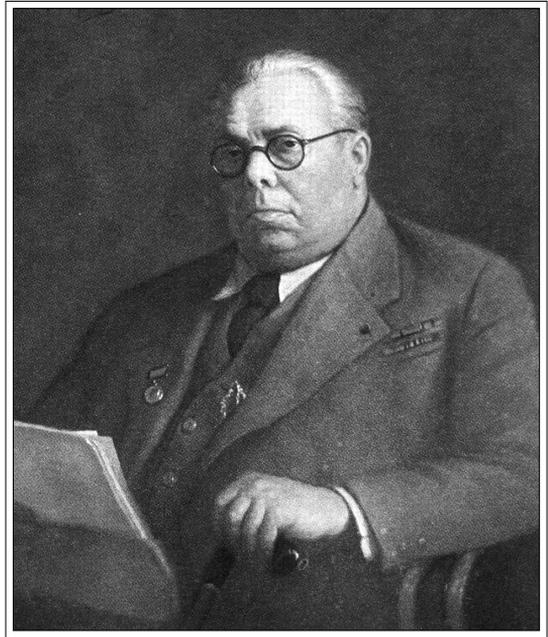
Николай Севастьянович Державин (1877–1953) — славист, историк, академик, личность в истории российской науки далеко не однозначная: вместе с искренней любовью к Болгарии и болгарской культуре в нем воплотились многие архетипические черты «новых академиков» страны Советов 1920–1940-х гг.

Первые строки биографии Николая Севастьяновича говорили о его будущей специализации. Он родился в знаменательном для болгарской истории 1877 г., через 5 дней после падения ключевой турецкой крепости Плевна — 15 декабря, в селе Преслав Таврической губернии (ныне — Запо-

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

рожская область Украины). Жителями села являлись преимущественно болгары-переселенцы, и само оно являлось одним из центров культурной жизни болгар Российской империи. После гимназии Державин, следуя по стопам отца-сельского учителя, поступил в Петербургский историко-филологический институт, готовивший учителей. Однако вскоре по неясным причинам Николай Севастьянович перевелся в Нежинский институт, который воспитывал аналогичных специалистов. Возможно, это было обусловлено близостью к дому и тем, что стоимость жизни в небольшом малороссийском городке была гораздо меньшей чем в столице. Во время учебы Державин всерьез интересовался болгарской словесностью и

*Портрет Н.С. Державина
(после 1947 г.)*

уже на третьем курсе опубликовал работу «Очерки быта южно-русских болгар» в журнале «Этнографическое обозрение». Но после института талантливый выпускник направился не покорять столичные университеты, а работать в Закавказье учителем русского языка и литературы гимназии города Батума, а затем и современной грузинской столицы Тифлиса. Здесь Державин завоевал авторитет у коллег, проводя широкую просветительскую работу среди местного населения и отстаивая право нерусских народов на образование.

Все эти годы он не оставлял научных занятий, публиковал статьи историко-литературного и этнографического характера, чем обратил на себя внимание Академии Наук, отправившей его в 1903 г. в командировку в Болгарию и Турцию. В последней Державин работал в библиотеке Русского археологического института в Константинополе, избравшего его своим членом-корреспондентом. В 1907 г. он переехал в Петербург и стал аспирантом Петербургского университета. В 1909–1910 гг. в рамках научной командировки от Академии наук он посетил Болгарию и Бессарабию, в городках и селах которой проживало много этнических болгар. Собирая фольклорный материал, Державин использовал техническую новинку — фонограф, что позволило ему за краткий срок собрать солидную базу источников для своей магистерской диссертации. В 1912 г. он получил должность приват-доцента Петербургского университета, что свидетель-

ство о подготовленной им диссертации и давало ему возможность читать лекции, но не быть зачисленным в штат учебного заведения, видимо, из-за отсутствия вакансии.

В том же году началась Первая балканская война — Болгария, Сербия, Греция и Черногория выступили вместе против Османской империи. Державин горячо приветствовал эти события, писал поздравительные письма своим болгарским друзьям, в том числе и знаменитому историку В. Златарскому, читал публичные лекции о Болгарии и ее истории. Когда в 1913 г. между Болгарией и Сербией разгорелся спор о будущей принадлежности Македонии (которую будущий академик считал населенной болгарами), Державин принял активное участие в публичной защите прав Софии на оспариваемые земли. На ученых собраниях он спорил с сербскими эмиссарами Дж. Генчичем и проф. А. Беличем

о Македонии, указывал им на напрасность попыток «приездом в Россию повлиять на отношение русского общества к сербским домогательствам», поскольку еще была свежа память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Здесь он всулил в конфликт с коллегами по университету: М.Г. Долобко обвинял Державина в предвзятости, а П.А. Лавров выступал на стороне сербов. Вскоре последовала Вторая балканская война, закончившаяся разгромом Болгарии и переходом большей части Македонии под власть Сербии. Державин после этого писал коллеге: «Я лично до того удручен всем случившимся, что не могу ни работать, ни думать, больше всего я возмущен этими мерзавцами-сербками». Решив способствовать реабилитации болгарского народа в глазах русского общества, он начал публичные выступления по македонскому вопросу и подготовил книгу «Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос», в которой полемизировал с сербскими учеными и доказывал болгарскую этническую принадлежность населения спорного региона. Отметим, что в России не нашлось издателей, готовых оплатить публикацию этого труда, и вышел он в Петрограде на деньги болгарского правительства. Следует признать, что в то время требовалось иметь большую смелость, чтобы высказываться в подобном духе, поскольку

Обложка научно-популярной книги
«О болгарях и болгарском переселении
в Россию. Бердянск, 1912»

почти все русское общество было настроено категорически против Болгарии. Однако, видимо, чувства Державина к этой стране и ее народу были столь искренни, что он отважился на это.

Параллельно шла подготовка магистерской диссертации «Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)». Первый ее том, представлявший собой этнографический обзор, был опубликован в 1914 г. в Болгарии, а второй, посвященный языку населения, появился на свет уже в Петрограде в 1915 г. При этом, сколь бы ни была принципиальной позиция Державина по Македонии, он не постеснялся обратиться к выступавшему на стороне сербов профессору П.А. Лаврову с просьбой поддержать при голосовании на ученом совете факультета решение о публикации второго тома. В 1916 г. его магистерская диссертация была защищена. Ученая публика встретила ее холодно в связи с качеством работы, и, по некоторым данным, лишь вмешательство легенды русской филологии А.А. Шахматова позволило Державину обрести искомую степень. В 1917 г. он получил должность профессора Петроградского университета, и в том же году история России круто повернулась — произошла Октябрьская революция, несшая новый порядок, который подхватил Державин и понес к вершинам академической жизни.

В 1922 г. он создал и возглавил в университете «Группу левой профессуры», стал ректором Петроградского, а затем (в связи с переименованием города) и Ленинградского университета. На этом посту он развернул массовую чистку вуза от «неблагонадежного элемента». Часть «буржуазных» преподавателей была выслана за границу, часть — уволена с работы, половину студентов отчислили из университета. Однако в 1925 г. Державин выборы ректора проиграл, и стал деканом факультета языкознания и материальной культуры, а в 1928 г. — заведующим кафедрой русского и славянских языков того же факультета.

Одновременно Державин работал в публичной библиотеке Ленинграда, стал заместителем ее директора и сумел добиться создания подразделения «Славика», занимавшегося хранением и изучением западно- и южнославянских книг и рукописей. В 1929 г. Николай Севастьянович был освобожден от должности зам. директора, а на следующий год «Славику» закрыли. Тем не менее работа в библиотеке оказала огромное влияние на дальнейшую карьеру Державина — он познакомился с директором Н.Я. Марром, стал его верным сторонником и приверженцем марровской яфетической теории. Суть ее заключалась в том, что нет генетического развития языков, все слова всех языков имеют общее происхождение, изменяются под влиянием развития общества, скрещиваются между собой. В итоге утверждалось, что русский язык ближе к грузинскому, нежели к другим славянским, а немецкий произошел из близкого к грузинскому сванскому и т.д. Подобная псевдонаучная теория, однако была одобрена советским руководством из-за своего соответствия классовому учению К. Маркса и Ф. Энгельса. Марр приобрел огромное влияние и стал устраивать протекции своим последо-

вателям. И когда в 1931 г. в только что «очищенной» от «чуждых элементов» Академии наук состоялись выборы, отец-основатель яфетической теории добился избрания Державина академиком, хотя тот тогда не имел не только статуса члена-корреспондента, но и докторской степени.

Позднее, возможно, желая получить «свой» институт или, что тоже нельзя исключать, радея за интересы науки, Державин добился создания Института славяноведения, который и возглавил. Каковыми бы ни были мотивы и средства, данное событие нельзя не признать позитивным — славистика вновь получила свой научный центр, у которого была возможность издания исследований по славянской проблематике. Успели, правда, опубликовать всего 2 сборника трудов. В 1933 г. началось «дело славистов» — сфабрикованное НКВД уголовное расследование, согласно которому многие ученые, прежде всего слависты, создали тайную фашистскую партию, устраивали диверсии и подготавливали убийство главы правительства В.М. Молотова. В 1934 г. состоялся суд, признавший виновными около 70 человек — в т.ч. академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Массовых смертных приговоров не последовало, но советская славистика была разгромлена и опорочена — публично заявлялось, что «славянская филология льет воду на мельницу фашизма». Судьба профильного института, секретарь которого был замешан в «заговоре», была предрешена — в 1934 г. Академия наук постановила закрыть Институт славяноведения. Академик Державин не пострадал от репрессий, но, видимо, их опасаясь, в 1935 г. написал письмо непосредственно самому Сталину. В тексте он вспомнил свою юность в Грузии, подчеркивал свою революционную деятельность и преувеличивал роль Кобы-Джугашвили в Первой русской революции в Закавказье. Параллельно он написал собственную биографию в третьем лице, в которой обвинял своих недругов в оппозиционности линии партии и постоянно акцентировал свои марксистские взгляды.

Тем временем мир шел к Второй мировой войне, и в СССР изменился официальный взгляд на прошлое — большевики стали искать опоры патриотизма в истории России. В 1938 г., осознав это, Державин обратился к Молотову с предложением воссоздать Институт славяноведения для борьбы с фашистской пропагандой в славянских странах и демонстрации интереса Советского Союза к ним. Письмо осталось без ответа. Великая Отечественная война острее поставила вопрос взаимоотношений со славянскими странами и для панславизма в его сталинском изводе Державин оказался одной из ключевых фигур. В 1942 г. он стал членом Президиума Всеславянского комитета и председателем Антифашистского комитета советских ученых, ездил по стране с лекциями о Балканах, публиковался в печати. Державин чутко уловил изменения в риторике руководства страны и подстроился под них. Так, если в 1932 г. он обличал и ругал известного дореволюционного слависта В.И. Ламанского, то в 1942 г. — возвеличивал и восхвалял. Вновь появилась возможность возродить Институт славяноведения, и Державин стал лоббировать эту идею. Однако в условиях военного

времени удалось добиться лишь создания Славянской комиссии АН СССР, главой которой ожидаемо стал Державин. Возобновил он связи с болгарскими коллегами, и вскоре после освобождения Болгарии посетил эту страну. В 1944 г. академик Державин получил звание доктора наук *honoris causa* (по совокупности заслуг) от Софийского университета, в 1946 г. стал почетным членом Болгарской академии наук, одна из улиц Софии получила его имя. В 1944 и 1945 гг. его наградила и родина: он был дважды удостоен ордена Ленина — высшей награды СССР. Военные годы стали для Державина плодотворными — он начал преподавать на филологическом факультете МГУ, подготовил несколько книг. «Происхождение русского народа» и «Славяне в древности» выходили за рамки специализации академика и были скорее политическими, но книги о важнейших фигурах болгарской истории и культуры И. Вазове и Х. Ботева, хотя и написанные с марксистской точки зрения, были очень важны — они знакомили советских людей с Болгарией. За свои труды в 1948 г. академик был удостоен Сталинской премии, что свидетельствовало о признании на высочайшем уровне значимости его работ. Следует, однако, одновременно отметить, что коллеги оценили эту плодотворность как графоманство, а специалист по средневековой русской истории М.Н. Тихомиров назвал «Происхождение русского народа» попросту макулатурой. В том же году вышел последний, четвертый том написанной Державиным истории Болгарии — первый подобный труд с 1910 г., который по своей полноте и вовсе не имел равных. Академик хотел получить и за него Сталинскую премию, но его заявка в этот раз поддержана не была.

Активизация общения со славянскими странами, к тому же массово становившимися странами «народных демократий», подкрепляла идею создания комплексного Института славяноведения. Державин немало способствовал ее продвижению, но в 1945 г. его разбил инсульт. Последовавшая продолжительная болезнь вынудила ученого выпустить инициативу из своих рук, и, когда он смог вернуться к активной работе, оказалось, что время упущено и его попытки занять пост директора института были тщетными. В 1947 г. Институт славяноведения, главный комплексный центр славистических исследований в СССР, а ныне — и в России, был создан в Москве, однако директором его стал академик Б.Д. Греков, а Державин возглавил лишь ленинградское институтское отделение, фактически из него же одного и состоявшее.

В 1950 г. академика ждал новый удар. Началась открытая критика теории Н.Я. Марра и вышла статья Сталина, поставившая точку в этом вопросе. Подход, ранее считавшийся самым марксистским, объявлялся антинаучным. Державин попытался перестроиться на новые рельсы, но возраст был не тот, и иногда в публичных выступлениях незаметно для себя он вновь скатывался к яфетической теории. Изменилось и время — пришла пора иных ученых, новых чиновников от науки, и Николай Севастьянович в нее не вписывался. Он оставался членом Президиума АН СССР, но больше

крутых поворотов его судьба не совершала. 26 февраля 1953 г. академик Державин скончался. Прах его был захоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища Ленинграда — месте, где покоились многие выдающиеся деятели науки и искусства.

В славистике Н.С. Державин остался фигурой неоднозначной. Тщеславный карьерист и трибун, он сыграл огромную роль в восстановлении авторитета славяноведения в СССР, его попытки создания специализированных центров (какими бы ни были его мотивы) объективно оказали позитивное влияние на науку. Как бы ни воспринимались его научные изыскания, каков бы ни был реальный их уровень Н.С. Державин болел за свое дело. Спор, начатый с Беличем в 1912 г. не отпускал академика — его раздражало упоминание имени этого сербского ученого, он заочно с ним полемизировал, а присвоение тому звания почетного профессора МГУ попытался превратить в фарс. И абсолютно верно отметил один из коллег Державина в день его смерти: «Через всю свою жизнь он пронес любовь к болгарскому народу, его истории, культуре, языку».

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенова Е.П.* «Изгнанное из стен Академии»: (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5.
- Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2002.
- Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Фотография Н.С. Державина.
2. Обложка научно-популярной книги ученого «О болгарях и болгарском переселении в Россию». Бердянск, 1912.
3. Обложка книги Н.С. Державина «Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос».
4. Обложка книги ученого «Происхождение русского народа», за которую он получил Сталинскую премию.
5. Обложка первого тома подготовленной Н.С. Державина «Истории Болгарии».
6. Портрет Н.С. Державина. После 1947 г.
7. Юбилей академика Н.С. Державина. Слева направо: С.Б. Бернштейн, болгарский композитор П. Владигеров, Н.С. Державин, болгарский оперный певец М. Попов. Ленинград, 13 января 1948 г.
8. Участники совещания руководителей кафедр славянской филологии. В центре — академик Н.С. Державин. Киев, май 1948 г.
9. Памятная табличка на доме Н.С. Державина в Санкт-Петербурге (ул. 6-я линия Васильевского острова, д. 39).
10. Могила Н.С. Державина на Литераторских мостках Волковского кладбища в Санкт-Петербурге.

Анастасия Сергеевна
ДОБЫЧИНА

СИНОДИК ЦАРЯ БОРИЛА¹

Аннотация:

В статье рассматривается уникальный памятник истории и культуры средневековой Болгарии — Синодик царя Борила 1211 г. Принято считать, что его текст является переводом византийского Синодика 843 г., составленного в Константинополе в честь победы над иконоборчеством. Болгарский перевод с дополнениями был произведен по приказу царя Борила, который инициировал собор против богомилов в столице Болгарии Тырново в 1211 г. Синодик сохранился в двух списках: Палаузовском XIV в. и Дриновском XVI в. Оба списка содержат не только анафемы еретикам, но и свидетельства исторической памяти болгар о своем прошлом и его выдающихся личностях: свв. Кирилле и Мефодии, правителях Первого и Второго Болгарского царств и патриархах.

Ключевые слова:

Средневековая Болгария, царь Борил, Синодик, антибогомилский собор, Палаузовский список, Дриновский список, историческая память.

Abstract: A.S. DOBYCHINA “THE SYNODIKON OF TSAR BORIL”.

The paper examines the unique relic of the history and culture of the medieval Bulgaria: the Synodikon of Tsar Boril 1211. The text is considered to be a translation of the Byzantine Synodikon of Orthodoxy, created in Constantinople in honor of the victory over Iconoclasm. The Bulgarian translation with additions was first made in Bulgaria by order of Tsar Boril, who convoked a Synod against the Bogomils in the Bulgarian capital city of Tŕrnovo in 1211. Two copies of the Synodikon are available: the Palauzov's of the 14th century and Drinov's of the 16th century. Both copies contain not only anathemas against heretics, but also evidence of the Bulgarians' historical memory about their past and outstanding personalities: Saints Cyril and Methodius, the rulers of the First and Second Bulgarian Tsardoms and patriarchs.

Keywords:

Medieval Bulgaria, Tsar Boril, Synodikon, synod against the Bogomils, Palauzov's copy, Drinov's copy, historical memory.

Синодик болгарского царя Борила (1207–1218) — уникальный памятник истории и культуры средневекового Болгарского царства. Он представляет собой перевод на славянский язык константинопольского патриаршего Синодика 843 г., составленного в связи с восстановлением почитания икон после периода иконоборчества в Византийской империи. Перевод был выполнен в связи с созывом царем Борилом в 1211 г. в столице Второго Болгарского царства, городе Тырново, церковного Собора для осуждения и искоренения распространившейся в болгарских землях бо-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

гомилской ереси. Составитель Синодика внес ряд серьезных изменений в византийский оригинал, дополнив его не только описанием Собора, но и именами и событиями болгарской истории предшествующих эпох. В течение XIII–XIV вв. сведения в Синодике неоднократно пополнялись, и эта особенность делает памятник ценнейшим источником по истории всего болгарского средневековья.

В качестве церковно-богослужебного текста Синодик возглашался на богослужении в Неделю православия (первое воскресенье Великого поста) и сопровождался церковным пением. Чтение Синодика во время литургии было введено царем Борилом в 1211 г., а канонический статус оно приобрело в 1235 г. Дополнение поминальной части Синодика говорит о том, что его чтение продолжилось и в первые века после османского завоевания болгарских земель.

Оригинал Синодика царя Борила не дошел, но его текст частично восстановлен по двум более поздним спискам. Первый из них носит название Палаузовского по имени его первого издателя, русско-болгарского историка С.Н. Палаузова (1818–1872). Рукопись была приобретена его двоюродным братом Н.Х. Палаузовым (1819–1899) у тырновского любителя древностей, торговца аптекарскими товарами Стоянчо (Стефана) Ахтаря. После смерти С.Н. Палаузова документ попал в Рукописное собрание Национальной библиотеки им. свв. Кирилла и Мефодия в г. София, где хранится до сих пор под номером 289 (55). Палаузовский список датируется концом XIV в. и содержит в себе созданную при болгарском царе Иване Асене II (1218–1241) версию Синодика, дополненную при Тырновском патриархе Евфимии (1375–1393). Рукопись состоит из трех частей: первая представляет собой текст Синодика царя Борила, написанный уставным письмом с использованием красной киновари для заглавных букв, во второй, выполненной полукурсивом, содержатся уставы вселенских церковных соборов, а в третьей — греческий оригинал, с которого была переведена вторая часть сборника. Листы трех частей не сшиты в единое целое, а сложены в двух деревянных досках, обтянутых кожей. Писец укладывал листы в тетрадки, однако количество листов в каждой тетрадке установить невозможно, так как многие из них дошли в поврежденном виде или с перепутанными листами.

Помимо славянского текста, Палаузовский список Синодика содержит также 4 нотации песнопений, которые должны были исполняться по-гречески, о чем свидетельствуют греческие записи рядом с нотами. Над основным текстом красными чернилами проставлены дополнительные музыкальные знаки, подсказывающие возможное развитие мелодии. Предварявший тексты первый музыкальный отрывок с именем композитора, утрачен. Упомянутые нотные тексты говорят о переходном характере певческой практики болгарской церкви, в которой с XIII в. присутствуют элементы как средневизантийской, так и неовизантийской нотных систем.

*Библиотека им. свв. Кирилла и Мефодия,
где хранится Дриновский список Синодика*

Второй список Синодика получил название Дриновского по имени его владельца, известного историка болгарского происхождения М.С. Дринова (1838–1906), которому документ преподнес его земляк из города Панагюриште. Рукопись датируется XVI в., известно имя переписчика — грамматика Ангелака, вероятно, духовного лица из западноболгарских земель. В отличие от Палаузовского, Дриновский список несет в себе следы редакторской работы в русле литературной традиции Тырновской книжной школы. В настоящее время Дриновский список также находится в Болгарии в Рукописном собрании Национальной библиотеки им. свв. Кирилла и Мефодия под номером 432 (634).

На основании обоих списков выдающийся славист, профессор Новороссийского и Софийского университетов М.Г. Попруженко в 1928 г. частично воссоздал текст болгарского Синодика с учетом безвозвратно утраченных мест. Его первую часть составляет «Благодарение», представляющее собой славословие защитников православия. За ним следует анафема всем его врагам, включая и богомилов, против учения которых и был направлен созванный в 1211 г. церковный собор. Затем идут памяти усопшим, многолетия представителям правящей династии, их приближенным и церковным иерархам. Однако наибольшую ценность представляет оригинальная «болгарская» часть — исторические тексты, связанные с именами важнейших для болгарской истории фигур.

В разделе Синодика под названием «Начало болгарских царей» возглашается вечная память крестителю Болгарии, князю Борису I (852–889), символично именуемому здесь царем, его сыну Симеону I (893–927), его внуку царю Петру I (927–969) и другим государям Первого Болгарского царства. Второй цикл поминовения в Синодике посвящен свв. Кириллу и Мефодию и их славянским ученикам и подчеркивает православный характер славянской литургии и ее исконную принадлежность болгарскому народу и его церкви. Третья часть исторического раздела Синодика связана с памятью о братьях Асенах, восстановивших независимую болгарскую государственность после пребывания болгарских земель под властью Византийской империи (1018–1185). Все три раздела подытоживает рассказ о созыве царем Борилом церковного собора 1211 г., который завершает анафема богомилам и троекратное возглашение многих лет царю, его приближенным и клиру. Повествование о встрече болгарского правителя с еретиками построено по образцу описания византийской принцессой Анной Комниной изобличения богомилов ее отцом, императором Алексеем Комниным (1081–1118). Тот в свое время сумел вывести на чистую воду вожака византийского богомилства Василия, благодаря притворному интересу к основам этого еретического учения.

При болгарском царе Иване Асене II в Синодике появляется исторический рассказ о восстановлении в 1235 г. Болгарской патриархии, снова ставшей независимой от Константинопольской. После этого развернутые исторические сюжеты исчезают, уступая место отдельным историческим сведениям в связи с памятными царей, цариц и вельмож Второго Болгарского царства: о двоюродных братьях Ивана Асена, севастократорах Александре, Стрезе и деспоте Алексии Славе, царе Георгии I Тертере (1280–1292), болгарском царе Иване Шишмане (1371–1395), патриархе Евфимии Тырновском и других исторических лицах.

На протяжении многих веков Синодик царя Борила играл важнейшую роль в сохранении исторической памяти болгар о своем средневековом прошлом. Будучи составной частью регулярного богослужения, он зачитывался во время праздника в сопровождении песнопений и таким образом служил средством распространения сведений о родной истории не только среди знатных мирян, но и простого люда и способствовал формированию исторического самосознания болгар.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов Б. Ст. Борилоният синодик // Прослава на Велико Търново. Сборник. София, 1978. С. 182–186.
- Ангелов Д. Богомилството в България. София, 1969.
- Божилков И., Тотоманова А-М, Билярски И. Борилоният синодик. Издание и превод. София, 2010.
- Великов Ю. Борилоният синодик в светлината на светоотеческото наследство // Търновска книжовна школа. Т. 10. Търновската държава на Духа. Велико Търново, 2015. С. 802–817.

- Миричева Е.* Борилевият синодик — превод, интерполации, редакции // Търновска книжовна школа. Т. 9. Търново и идеята за християнския универсализъм (XII–XV в.). Велико Търново, 2011. С. 248–266.
- Петров С., Кодов Х.* Старобългарски музикални паметници. София, 1973.
- Польвинный Д.И.* Историография в контексте литургии (замечания о Синодике болгарской церкви) // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи возрождения (исследования и тексты). Иваново, 2000.
- Попруженко М.Г.* Синодик царя Борила // Български старини. Кн. 8. София, 1928.
- Попруженко М.Г.* Синодик царя Бориса. Одесса, 1899.
- Тотоманова А.-М.* Синодик царя Борила в сборнике Палаузова (НБКМ № 289) // XXI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. № 21. Т. 1. С. 165–171.
- Турилов А.А., Никитин С.И.* Борила царя синодик // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 27–28.
- Totomanova A.-M.* The Synodikon of Orthodoxy in Medieval Bulgaria // *Studia Ceranea*. 2017. № 7. С. 169–227.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Кожаная обложка Синодика царя Борила (список С.Н. Палаузова). Обложка Синодика Палаузовского списка с более поздними приписками.
2. Лист из Синодика (список Палаузова) с растительным орнаментом.
3. Отрывок из Дриновского списка Синодика с памятью болгарским царям и св. равноапостольному Кириллу-Философу.
4. Страница из палаузовского списка Синодика с упоминанием благочестивого царя Борила.
5. Синодик Борила. Палаузовский список с нотными знаками и указанием на их неизвестного автора.
6. Часть Синодика Палаузовского списка (греческий прототип, с которого переводился славянский текст памятника).
7. Марин Дринов, выдающийся исследователь Синодика, обладатель т.н. Дриновского списка XVI в.
8. Николай Христофорович Палаузов, двоюродный брат первого издателя памятника С.Н. Палаузова, в чьи руки попала рукопись Синодика XIV в., названная позже Палаузовским списком.
9. Обложка книги М.Г. Попруженко с изданием текста Синодика на основе Дриновского и Палаузовского списков.
10. Обложка первого издания Синодика М.Г. Попруженко (Палаузовский список).

ГРАМОТЫ БОЛГАРСКИХ ЦАРЕЙ XIII–XIV ВВ.¹

Аннотация:

В статье рассматриваются уникальные источники светского характера — грамоты болгарских царей XIII–XIV вв. Среди них можно выделить две группы документов: дарственные и договорные грамоты. К дарственным грамотам относятся Ватопедская грамота царя Ивана Асена II, Виргинская грамота Константина Асеня Тиха, Зографская, Оряховская и «месемврийские» (Несебрские) грамоты царя Ивана Александра, Витошская и Рильская грамоты царя Ивана Шишмана. Договорными актами, связанными с болгарской средневековой торговой деятельностью, являются Дубровницкая грамота Ивана Асена II, Венецианская грамота Ивана Александра и Брашовская грамота видинского правителя Ивана Срацимира.

Ключевые слова:

Болгария, Средние века, дипломатика, царские грамоты, придворная канцелярия, дарственные грамоты, договорные грамоты.

Abstract: A.S. DOVUCHINA “THE BULGARIAN TSAR’S CHARTERS OF THE 13TH — THE 14TH CENTURIES”.

The paper examines Bulgarian tsar’s charters of the 13th — 14th centuries which are unique historical sources of secular history. They are made up of two groups of documents: diplomas and agreements. The group of diplomas includes the Vatopedi Charter of Ivan Asen II, Virgino Charter of Constantine Tikh, Zograf and Oryahov and “Mesembrian” (Nessebar) Charters of Ivan Alexander and the Vitosha and the Rila Charters of Ivan Shishman. Among the agreements, connected with the commercial activity of medieval Bulgaria, are the Dubrovnik Charter of Ivan Asen II, the Venetian Charter of Ivan Alexander and the Braşov Charter of Ivan Sratsimir, tsar of Bulgaria in Vidin.

Keywords:

Bulgaria, Middle Ages, Diplomats, tsar’s charters, Court office, Diplomas, Agreements.

Грамоты болгарских царей — уникальные источники светского характера, содержащие сведения самого различного рода и позволяющие составить представления об особенностях государственной власти, фискальной системы, социального состава населения, торговли и международных отношений Болгарского государства на разных этапах его исторического развития. Находясь по соседству с Византийской империей, Болгария на всем протяжении своей истории испытывала сильное влияние Византийской империи, в том числе и в области права. Оно началось со времени образования болгарского государства (681) и продолжалась вплоть до конца так называемого Первого Болгарского царства

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

в 1018 г. Политическая самостоятельность болгар сменилась византийским владычеством которое удалось свергнуть в результате антивизантийского восстания под предводительством братьев Петра и Асена — бояр из г. Тырнова. Начался период так называемого Второго Болгарского царства, продолжавшийся до завоевания страны османскими турками в 1396 г.

Институт царства возник у болгар довольно рано. Уже в X в. они провозгласили своим царем Симеона (893–927), прозванного впоследствии «Великим». Он был сыном крестившего болгар в 865 г. князя Бориса, много лет провел в качестве заложника при дворе византийского императора, прекрасно знал греческий язык и византийские придворные нравы, устройство государственного аппарата и делопроизводства. Став первым болгарским царем, он перенес византийские порядки в болгарскую столицу Великий Преслав. Они, разумеется, касались придворной канцелярии, которая являлась копией византийской. У византийцев главенствующую роль в ней играл и играли логофеты во главе с Великим логофетом. Последний являлся хранителем печати и ведал составлением грамот. А логофеты были начальниками *тайников-правоведов, грамматиков-каллиграфов и писцов*. Последние две категории служащих должны были обладать высокой квалификацией и навыком искусной работы с материалом, который использовался для изготовления грамот. Обычно им в болгарской царской канцелярии служили хлопчатая бумага, называвшаяся *бомбициной*, и также *пергамент и тряпичная бумага*.

Основной текст грамоты писали чернилами черного цвета, а для царской подписи употребляли *красную киноварь*. Обязательным элементом царской грамоты являлся крест в начале текста и по обеим сторонам от царской подписи. В некоторых случаях он ставился и в конце текста. Часто царскую подпись на грамоте предваряло символическое изображение руки в царском одеянии, держащую скипетр, причем на рукаве и скипетре обязательно присутствовал крест. Оформление болгарских царских грамот копировало практику византийской императорской канцелярии.

Византийское влияние прослеживается также и в типологии болгарских средневековых грамот. Среди них преобладают т.н. **хрисовулы** (от греч. χρυσόβουλλον — золотая печать). Эти торжественные грамоты выдавались правителями государства. Как правило, они скреплялись золотой печатью и подписывались их именами в сопровождении соответствующего титула, портретного изображения. Помимо хрисовулов, среди болгарских средневековых грамот присутствуют и менее торжественные указы. Это — так называемые **простагмы** (от греч. πρόσταγμα — распоряжение, приказ) и **орисмосы** (от греч. ὀρισμός — условие, обязательство, договор).

По своему содержанию средневековые болгарские грамоты следуют определенному образцу оформления (так называемому **формуляру**) и состоят из трех частей: начального протокола, основной части и конечного протокола (так называемого **эсхатокола**). В начальном протоколе содержатся сведения о царе, издавшем грамоту и ее адресате. Основная часть

передает цель составления документа, содержание пожалования или договора и включает в себя так называемую **санкцию** — запрет на нарушение условий акта, грозящий гневом самого правителя или божественной карой. Важнейшим элементом основной части является corroborация, удостоверяющая подлинность документа с подписью и печатью правителя. Заключительный протокол представляет собой информацию о дате и месте составления документа и благопожелание.

Что же касается характера и предназначения болгарских царских грамот, то они условно делятся на две группы. В первую из них входят дарственные грамоты, выданные отдельным монастырям с перечислением различных привилегий и, прежде всего, так называемый иммунитет. Последний выводил обитель из-под контроля местных властей — она начинала подчиняться непосредственно царю. К сожалению, грамоты первого болгарского царя Симеона Великого и правивших вслед за ним его сына царя Петра (927–969) и других до нашего времени не дошли по причине политических катаклизмов и утраты Болгарией национальной независимости в начале завоевания страны Византией.

Сравнительно лучше грамоты времен Второго Болгарского царства (1186–1393). К ним относится, например, дарственная Ватопедская грамота (ок. 1230) Ивана Асена II (1218–1241), выданная афонскому Ватопедскому монастырю, Виргинская грамота болгарского царя Константина Асена Тиха (1257–1277), предназначенная обители св. Георгия Скоропостижника и Победоносца близ г. Скопье (XIII в.), два хрисовула болгарского царя Ивана Александра: Зографский (1342), пожалованный афонскому Зографскому монастырю, и Оряховский (Мрачский) (1348), отправленный обители св. Николая в местности Оряхов близ г. Радомира. Царю Ивану Александру также приписывают три «месемврийские» (т.е. несобрские) грамоты (между 1341 и 1356). Две из них составлены в пользу месемврийского митрополита и монастыря Богородицы Элеуса. Третья «месемврийская» грамота подтверждает имущественные права монастыря св. Николая в окрестностях г. Несебра. От времени правления последнего царя Второго Болгарского царства Ивана Шишмана (1371–1395) до нас дошли дарственные Рильская (1378) и Витошская (между 1371 и 1385) грамоты, адресованные Рильскому и Драгалевскому (у подножия горы Витоши) монастырям, соответственно.

Вторую группу царских грамот представляют договорные акты, связанные с наделением иностранных общин торговыми правами. Дубровницкая грамота (1230) гарантировала свободу торговли купцам Дубровника на подконтрольной царю Ивану Асену II территории. Грамота царя Ивана Александра (1347) регламентировала торговую деятельность венецианских купцов в болгарских землях. Брашовская грамота (между 1369 и 1380) видинского правителя Ивана Срацимира (1356–1396) обеспечивала жителям трансильванского города Брашов свободу передвижения и торговой деятельности в Видинском царстве.

Помимо содержания, уникальность представляет и внешний вид грамот. Они значительно отличаются друг от друга по форме и размеру. Виргинская, Зографская, Рильская грамоты напоминают по форме длинные широкие ленты, Дубровницкая и Брашовская — небольшие прямоугольники, Витошская похожа на неправильный четырехугольник. Некоторые грамоты имеют необычный внешний вид, как например, Оряховская, напоминающая разрез большой чаши с плоскими краями.

Характерной чертой болгарских царских грамот является изображение руки, символизирующее руку подписавшего документ правителя. На Виргинском, Витошском и Брашовском актах царственная рука держит скипетр, в то время как на Оряховской грамоте она сжимает крест, окруженный венчиком. Последняя отличается тщательной прорисовкой: на кайме рукава изображены детали, напоминающие пуговицы или драгоценные камни.

Высокий статус царских грамот подчеркивали не только изображения рук, но и драгоценные золотые печати, прикрепленные к грамотам, из которых в нетронутом виде дошли лишь двусторонние хрисовулы Оряховской и Рильской грамот. На одной стороне Оряховской печати изображен Христос в образе Спасителя, на другой — фигура самого царя Ивана Александра, представленного в царском облачении держащим скипетр и свиток, его голову украшает шлем. На лицевой стороне печати Рильской грамоты изображен царь Иван Шишман с большой бородой и в шлеме, в царском облачении со скипетром в виде жезла с крестом и свитком. С другой стороны находится изображение св. Иоанна Рильского — защитника и покровителя династии Асеней — с крестом и свитком в руках, его лик окружен сиянием.

Уникальные по своей палеографической, исторической и филологической ценности, грамоты болгарских царей XIII–XIV вв. продолжают оставаться предметом пристального внимания специалистов различных направлений гуманитарной науки и несут в себе огромный потенциал для интердисциплинарных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Биларски И.* Институциите на средновековна България. София, 1998.
- Гюзелев В.* Средновековна България в светлината на нови извори. София, 1981.
- Даскалова А., Райкова М.* Грамоти на българските царе. Увод. Текстове. Речник. Библиография. София, 2005.
- Дуйчев И.* Из старата българска книжнина. Т. II. София, 1944.
- Живојиновић Д.* Хоризма бугарског цара Јована Асена II Дубровнику // Иницијал: часопис за средњовековне студије. 2013. Књига 1. С. 229–239.
- Живојиновић Д.* Хрисовуља бугарског цара Јована Александра манастиру Зографу (март 1342, индикт X) // Иницијал: часопис за средњовековне студије. 2015. Књига 3. С. 185–195.
- Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника: Књига 1(1186–1321). Београд, 2011.

- Ильинский Г. А.* Грамоты болгарских царей. Москва, 1911.
- Ласкарис М.* Ватопедската грамота на цар Иван Асен II. София, 1930.
- Мутафчиев П.* Към историята на месемврийските манастири // *Мутафчиев П.* Избрани произведения. Т. 1. София, 1973. С. 653–678.
- Начев В.* Български царски грамоти. Съставителство, очерци, коментар. София, 1996.
- Стоянов В.* Дипломатика на средновековните извори. София, 1991.
- Oikonomides N.* Diplomats // *The Oxford Dictionary of Byzantium.* Prepared at Dumbarton Oaks. Vol. 1. New York, Oxford, 1991. P. 635–636.
- Pavlikianov K.* Medieval Slavic Acts from Mount Athos (1230–1734). Bulgarian and Serbian Acts from the Monasteries of Karakallou, Kastamonitou, St. Paul, Vatopedi and Xenophontos. Moldavian and Wallachian Slavic Acts from the Monasteries of Docheiariou, Kastamonitou and Zographou. Sofia, 2018.
- Vogeler G.* Digital Diplomats: what could the computer change in the study of medieval documents? // *Иницијал: часопис за средновековне студии.* 2014. Књига 2. С. 163–185.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Брашовская грамота царя Ивана Срацимира.
2. Ватопедская грамота царя Ивана Асена II.
3. Дубровницкая грамота царя Ивана Асена II.
4. Рильская грамота царя Ивана Шишмана.
5. Печать с изображением царя Ивана Шишмана, приложенная к Рильской грамоте.
6. Обложка фундаментальной работы Г. А. Ильинского, выдающегося исследователя болгарских царских грамот.
7. Ватопедский монастырь на Афоне.
8. Драгалевский монастырь близ г. София в Болгарии.
9. Монастырь Зограф на Афоне.
10. Рильский монастырь.
11. Храм в честь Богородицы Элеуса близ Несебра.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БОЛГАРСКИЕ КРАТКИЕ ХРОНИКИ¹

Аннотация:

В статье рассмотрены краткие хроники как ключевая часть болгарской средневековой книжной культуры, отражающая изменения в восприятии истории болгарским обществом на протяжении всего Средневековья. Болгарская краткая хроника времен царя Симеона, представленная «Историкиями» Константина Преславского и «Летописцем вкратце», положила начало появлению в болгарском историческом сознании идеи о болгарской истории как части мировой христианской истории. Болгарская краткая хроника XIV в. в виде добавок к Хронике Константина Манассии подчеркивает богоизбранность болгар и их династии. Краткие хроники XV–XVI вв. — результат болгаро-сербского культурного синтеза, они символизируют единство православных южных славян и их истории в условиях мусульманского османского владычества.

Ключевые слова:

Средние века, Болгария, краткая хроника, Константин Манассия, Синодальный список, Ватиканский список, Виссарионова летопись, Сарандопорская летопись, Беляковецкая летопись, Габаревская летопись.

Abstract: A.S. DOVUCHINA “THE MEDIEVAL BULGARIAN SHORT CHRONICLES”.

The paper examines short chronicles as an essential part of Bulgarian literary culture which reflect changes in the perception of history by Bulgarian society during the Middle Ages. The Bulgarian short chronicle of the Tsar Symeon period, which is presented by “Istoriikii” of Constantine of Preslav and “Short Chronicler”, initiated the appearance of idea about Bulgarian history as a part of universal Christian development in the Bulgarian mind. The Bulgarian short chronicle of the 14th century in the form of appendixes to the Chronicle of Constantine Manasses, underline the idea that the Bulgarians and their dynasty are the chosen people. The short chronicles of the 15th–16th centuries. are the result of Serbo-Bulgarian cultural synthesis; they symbolize the unity of Orthodox southern Slavs and their history in the conditions of Muslim Ottoman domination.

Keywords:

Middle Ages, Bulgaria, short chronicle, Constantine Manasses, Synod copy, Vatican copy, Vissarion chronicle, Sarandopor chronicle, Belyakovets chronicle, Gabarevo chronicle.

Краткие хроники — один из самых репрезентативных жанров болгарской средневековой литературы. Его характерной чертой является стремление лаконично описать всю историю целиком: от Сотворения мира и далее, исчисляя время по царствам и заканчивая современностью.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Традиция составления подобной хроники предполагает возможность добавления в нее все более и более актуальной информации, что делает ее особенно ценным историческим источником.

Жанр краткой хроники был позаимствован болгарскими из соседней Византийской империи, где он пользовался широкой популярностью. Между тем, византийское историописание тяготело к универсальной хронике и повествовательным историческим сочинениям, в то время как болгарские авторы предпочитали фиксировать наиболее значимые факты и события болгарской истории в виде кратких хроник. По всей вероятности, эта особенность болгарского историописания восходит к дохристианским традициям кратких надписей исторического содержания на камнях и колоннах, выполнявшихся по приказу болгарских ханов. Именно к этому периоду можно отнести зарождение жанра болгарской краткой хроники в виде ханской хроники: так называемого «Именника болгарских ханов», который был составлен в VIII в. с целью фиксации череды сменявших друг друга болгарских правителей.

Развитие жанра продолжилось в правление Симеона I Великого (893–927), когда выдающийся придворный книжник епископ Константин Преславский создал компилятивную краткую хронику — «Историкии» (893–894). В «Изборник» (сборник) русского князя Святослава 1073 г. попало еще одно сочинение Симеоновой эпохи этого жанра — «Летописец вкратце». Оба памятника отражают эволюцию исторического сознания болгар к постепенному восприятию истории как результата высшего божественного провидения.

Наряду с созданием собственных кратких хроник, болгарские средневековые книжники активно занимались переводами византийских хронографий. Новый этап в развитии этого жанра обозначил перевод универсальной стихотворной хроники византийского писателя XII в. Константина Манассии, выполненный в 1340–1345 гг. при дворе болгарского царя Ивана Александра (1331–1371).

Добавления безымянного переводчика о болгарской и мировой истории к тексту произведения Манассии фактически представляют собой новую краткую болгарскую хронику. Она состоит из 27 маргинальных заметок-приписок, девять из которых охватывают события мировой истории, а остальные 18 посвящены важнейшим событиям болгарской истории. Они касаются образования Болгарского государства в 680–681 гг., крещения болгар при Борисе I (852–889), болгаро-византийской борьбы и установления «греческой власти» над болгарскими землями в 1018 г. Последняя заметка хроники посвящена возрождению независимой Болгарии при Иване Асене I (1190–1195), что должно было завершить весь цикл истории болгарской государственности.

В виде заметок текст сочинения представлен в Синодальном списке Летописи Константина Манассии, который считается наиболее близким к первоначальному источнику, составленному для царя Ивана Александра.

Ныне он хранится в Синодальном Славянском собрании рукописей Московского Государственного исторического музея под № 38. Рукопись изготовлена на т.н. бомбицине, рыхлой бумаге, ввозившейся с Востока, и помещена в кожаный переплет. Текст писан полууставом красной киноварью, на листе № 140 помещено упоминание о переписчике, некоем попе Филиппе. Местом создания рукописи, вероятно, была столица средневековой Болгарии, Тырново, а заказчиком — некий высокопоставленный иерарх. В Россию рукопись привез с Афонской горы Арсений Суханов — известный церковный и государственный деятель времен царя Алексея Михайловича (1645–1676).

Примерно к 1360-м гг. указанная краткая болгарская хроника трансформируется по форме из заметок-приписок в полноценное, занимающее все пространство рукописного листа, сочинение. Это явление нашло отражение в более позднем списке Манассиевой хроники, получившем название Ватиканского по месту своего нахождения в настоящей момент — Ватиканской библиотеке под шифром Cod. Vaticanus Slav. II. Судя по пышному оформлению рукописи, ее заказчиком, как предполагают исследователи, был болгарский царь Иван Александр.

Рукопись состоит из 26 пергаменных тетрадок, первоначально, видимо, собранных в богато украшенном, но ныне утраченном переплете. Новая обложка была изготовлена уже в XVIII в. при папе Пие VI. Текст писан красивым уставным письмом. Переписчик использовал красную киноварь для надписей, заглавий и отдельных начальных букв. Красной киноварью писаны и части болгарской краткой хроники, очевидно, с целью подчеркивания особой важности этой составляющей рукописи.

Помимо самого текста, отдельный интерес представляют 69 миниатюр рукописи, значительная часть которых посвящена событиям средневековой болгарской истории. Среди них, например, поход в 811 г. византийского императора Никифора I в Болгарию, сцена крещения болгар, ослепления императором Василием II Болгаробойцей 15 тысяч пленных болгар и смерти болгарского царя Самуила после видения им бесконечной вереницы своих изувеченных воинов и т.д. Отдельное место в рукописи занимают изображения вероятного заказчика рукописи, болгарского царя Ивана Александра. На первой миниатюре, например, он представлен стоящим между Христом и Константином Манассией. В верхней части листа читается титул болгарского владетеля: «Иван Александр, в Христа благоверный царь и самодержец всех болгар и греков». Оба элемента — надпись и миниатюра — отражают идею союза между церковью и государством и гармоничной связи между ними.

После завоевания Балканского полуострова турками-османами жанр болгарской краткой хроники испытывает сильное сербское влияние в связи с смещением болгарского культурного компонента на юго-запад и выдвиганием на первый план идеи южнославянского православного единства. Болгарские книжники массово приобщаются к сербской, т.н. ре-

савской орфографии и активно переписывают сербские хроники, воспринимая сербскую историю как общую, а значит и «свою».

Характерным результатом такого болгаро-культурного синтеза является краткая хроника XVI в. из сборника смешанного содержания, который хранится в монастыре Николяц в Черногории под № 49. Одним из переписчиков этой рукописи был иеромонах Виссарион — известный книжник, выходец из г. Дебар в современной Северной Македонии. Краткая хроника под названием «Сказание вкратце сущим от Адама до днешнего времени» расположена в самом конце сборника. Она занимает шесть полных, заполненных текстом листов, причем первый лист и конец хроники утрачены. Последнее из упомянутых в ней событий относится к 1496 г. В этом произведении зафиксированы вехи библейской истории, правления Александра Македонского, Клеопатры, императора Константина Великого, события средневековой болгарской и сербской истории, османское завоевание.

Аналогичное название — «Сказание вкратце» — имеет и краткая хроника начала XVI в., называемая также Сарандопорской летописью. Это сочинение помещено в Службнике № E 543 из библиотеки боснийского Земальского музея в г. Сараево. Предполагается, что рукопись была переписана с сербского оригинала болгарским книжником в монастыре св. Иоакима Осоговского (Сарандопорского) в современной Северной Македонии. Летопись состоит из полных шести листов без каких-либо признаков водяных знаков, половина последнего, седьмого листа была утрачена. За исключением этого листа, писанный полууставом текст дошел до нас в хорошем состоянии. Начало заглавий и наиболее значимые, с точки зрения переписчика, факты выделены киноварью.

В хронике затронуты события от Адама и до 1512 г. (т.е. до завершения правления султана турецкого султана Баязида II). В соответствии с зако-

Фрагмент из Ватиканского списка с изображением Ивана Александра между Христом и Манассией

нами жанра, в Сарандопорской летописи последовательно представлены события библейской, византийской, средневековой балканской истории, османское завоевание, сражение на Косовом поле 1389 г., взятие болгарской столицы Тырново 1396 г., Варненская битва турок с крестоносцами 1444 г. и др.

Сербской по происхождению является и еще одна значимая для исторического сознания болгар краткая хроника под заглавием «Указание вкратце сущим от Адама до нынешнего времени». Она уцелела в болгарском списке в составе так называемого Беляковецкого (найден в с. Беляковец близ г. Велико Тырново в Болгарии) апокрифического сборника второй половины XVI столетия. Ныне рукопись хранится в Национальной библиотеке им. свв. Кирилла и Мефодия в г. Софии под шифром НБКМ 309. Произведение содержит упоминание о ключевых событиях библейской, древнеримской, византийской, средневековой истории балканских народов и османского завоевания. Исследователи отмечают, что первая часть произведения восходит к византийской хронике авторства константинопольского патриарха Никифора (806–815).

Кроме того, в болгарских землях в XVI в. читали и сербскую по своему происхождению краткую Габаревскую хронику. Ее обнаружил в середине XIX столетия в болгарском селе Габарево близ г. Казанлык русский ученый В.И. Григорович во время своих научных разысканий на Балканах. Ныне она хранится в Государственной научной библиотеке г. Одессы под № 415 в составе сборника смешанного содержания, будучи озаглавленной как «А се летописец сербский Господь и царь». Интересной особенностью этого литературного памятника является то, что в отличие от других сочинений этого жанра, он начинается не от Сотворения мира, а с создания славянской азбуки св. Кириллом Философом, «учителем словенским».

Таким образом, краткие хроники — неотъемлемая часть болгарской средневековой книжной культуры, отражающая изменения в восприятии истории болгарским обществом. Болгарская краткая хроника времен царя Симеона пронизана идеями провиденциализма и участия болгар в мировой христианской истории. Болгарская краткая хроника времен царя Ивана Александра подчеркивает богоизбранность болгар как народа и правящей царской династии. Переписываемые болгарскими книжниками сербские краткие хроники XV–XVI вв. символизируют единство православных южных славян и их истории в условиях османского владычества.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов Б. Ст.* Летописни съчинения в старобългарската литература // Старобългарска литература. 1983. Т. 13. С. 42–73.
- Ангелов Б. Ст.* Летописни съчинения в старобългарската литература // Старобългарска литература. 1983. Т. 14. С. 65–85.
- Ангелов Б. Ст.* Летописни съчинения в старобългарската литература // Старобългарска литература. 1984. Т. 15. С. 60–73.

- Антонов А.* Сарандопорският летопис от XVI век. София, 2015.
- Каймакамова М.* Българска средновековна историопис (от края на VII до първата четвърт на XV в.). София, 1990.
- Каймакамова М.* Власт и история в средновековна България (VII–XIV век). София, 2011.
- Каймакамова М.* Поява и развитие на историографията в България и другите европейски средновековни държави // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад. Ценности, традиции, общуване. София, 2002. С. 544–556.
- Петрова Д.* Връзката на българските кратки хроники с влахо-молдовски и византийски съчинения от същия жанр // Филологически форум. 2017. № 3. С. 92–98.
- Петрова Д.* Късносредновековните кратки хроники и връзката им с книжната на Златния век // Преславска книжовна школа. Т. 14. Шумен, 2014. С. 357–369.
- Петрова Д.* Текстологични наблюдения върху Захариевия летопис // Филологически форум. 2016. № 2. С. 85–91.
- Проданов Н.* Проблеми на историографската текстология върху материал от българската историопис (VII–XX век). Велико Търново, 2006.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Българска кратка хроника в виде приписок. Фрагмент Синодалного списка Хроники Константина Манасии. XIV в.
2. Българска кратка хроника в виде приписок. Фрагмент Синодалного списка Хроники Константина Манасии. XIV в.
3. Българският цар Иван Александър между Христом и Манасией. Миниатюра Ватиканского списка Хроники Константина Манасии. XIV в.
4. Сцена крещения болгар. Миниатюра Ватиканского списка Хроники Константина Манасии. XIV в.
5. Завоевание Болгарского царства византийцами. Миниатюра Ватиканского списка Хроники Константина Манасии. XIV в.
6. Слепление пленных болгар византийским императором Василием II Болгаробойцей и Смерть болгарского царя Самуила при виде вереницы своих изувеченных воинов. Миниатюра Ватиканского списка Хроники Константина Манасии. XIV в.
7. Передача почитаемой иконы Богородицы Преславской византийским завоевателям. Миниатюра Ватиканского списка Хроники Константина Манасии. XIV в.
8. Первый лист краткой хроники в Беляковецком сборнике. XVI в.
9. Сарандопорский летописец. Фрагмент. Факсимиле 2-х последних листов сочинения. XVI в.
10. Монастырь Николяц в Черногории.

ГРАМОТЫ ИВАНА IV ХИЛАНДАРСКОМУ И РИЛЬСКОМУ МОНАСТЫРЯМ¹

Аннотация:

В статье рассмотрены жалованные и указные грамоты, выданные русским царем Иваном IV сербскому Хиландарскому монастырю на Афоне и Рильскому в болгарских землях. Большая часть источников была утеряна со временем и дошла лишь в копиях из т.н. Посольской книги за 1517–1571 гг. или списках XVII в. Уникальность представляют жалованные грамоты (оригинал и «дословная копия») Ивана IV Хиландарскому монастырю 1571 г., где подтверждается право обители иметь собственное подворье в Китай-городе близ Кремля. Интерес представляют и указные грамоты монахам, дававшие им право свободного и беспошлинного проезда по территории России с правом сбора милостыни.

Ключевые слова:

Хиландарский монастырь, Рильский монастырь, Иван IV Грозный, жалованные грамоты, указные грамоты, ктиторство.

Abstract: A.S. DOVUCHINA “THE CHARTERS OF IVAN IV TO THE HILANDAR AND RILA MONASTERIES”.

The paper examines diplomas and edict charters granted by the Russian Tsar Ivan IV (the Terrible) to the Serbian Hilandar community of monks at Athos and Rila monastery in Bulgaria. The majority of the sources were lost with time and they are available only in copies from the so-called Ambassadorial book of 1517–1571 or copies of 17th centuries. The diplomas of Ivan IV (original and the so-called “word-for-word copy”) to Hilandar monastery are unique. They confirm its right to have its own metochion in Kitai-gorod near the Kremlin. The edict charters to the community of monks are of special interest, as they allowed the right of tax-free and unchecked passage through Russian territory together with the privilege of collecting donations.

Keywords:

Hilandar monastery, Rila monastery, Ivan IV (the Terrible), diplomas, edict charter, churchwardenship.

Грамоты русского царя Ивана Грозного (1533/1547–1584) монастырям Рильскому в болгарских землях и сербскому Хиландарскому на Афоне являются ценными источниками для изучения истории русско-южнославянских связей XVI в. На это столетии, как известно, пришелся как «великолепный век» Османской империи, на территории которой находились оба упомянутых монастыря, так и начало ее упадка. Еще при жизни султана Сулеймана I (1520–1566) православные обители на Балканах,

---

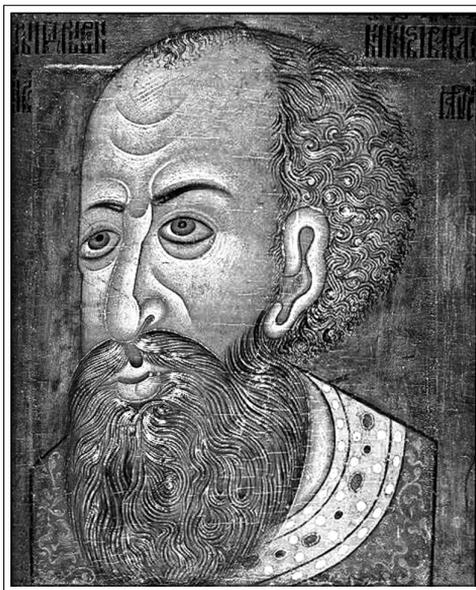
¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

включая и афонские, сталкиваются с серьезными финансовыми трудностями, а при его сыне Селиме II (1566–1574) начинает практиковаться изъятие принадлежащего им имущества.

В условиях произвола османских властей Хиландарский и Рильский монастыри почти одновременно обращаются в 1550-е гг. за помощью к крепнувшему Московскому государству, которое в XVI в. превращается в центр притяжения для представителей всех крупных православных общин Османской империи. Венчание на царство в 1547 г. молодого великого князя Ивана IV Васильевича обозначило новую веху в развитии идеологии «Москва — Третий Рим». Оно утвердило уникальный статус России как преемницы Византийской империи и защитницы интересов всех православных. Усилению авторитета Москвы способствовала и триумфальная победа русского царя над «осколком Золотой Орды», Казанским ханством в 1552 г., ставшая символом успешной борьбы христиан с «безбожным» агарянами.

Особым вниманием Ивана IV пользовался сербский Хиландарский монастырь на Афоне. Значительную роль в этом сыграли кровные узы: русский самодержец находился в родстве с сербскими владетелями по линии матери, княжны Елены Глинской. Ктиторство над «царской лаврой» сербских правителей Хиландаром должно было легитимировать новый титул Ивана IV и способствовать повышению международного престижа Москвы равно, как и укреплению положения новоиспеченного царя внутри страны. Не случайно, что титулы русского самодержца и отдельные формулы его грамот были частично позаимствованы из актов сербского царя Стефана Душана (1346–1355), бывшего ктитором Хиландара.

Дискуссионным и поныне остается вопрос об инициаторе завязывания регулярных контактов Москвы и Хиландара. В письме сербских монахов от 1550 г. говорится о некоей полученной ими грамоте Ивана IV, в которой тот изъявил желание быть ктитором обители, однако документ этот не сохранился. В 1555 г. Хиландар был официально принят под покровительство царя в качестве «другой богомольи», после «первой» — русской Пантелеймоновой обители на Афоне. Прибывший в Москву игумен монастыря Паисий преподнес царю значимые для сербов святыни: крест, который носил на себе святой Савва Сербский, и мощи великомученика Стефана —

*Иван IV Грозный
парсуна*

небесного покровителя сербской династии Неманичей. В ответ в феврале 1557 г. монастырь получил от Ивана IV и его брата Георгия значительные денежные пожалования, а также богато украшенную завесу для царских врат — **катапетасму** (от греч. *καταπέτασμα* — «занавес», специальная завеса за иконостасом, отделяющая царские врата и алтарный престол).

Начиная с 1550-х гг. настоятели и монахи Хиландара были частыми гостями при московском дворе и регулярно получали как жалованные грамоты от царя, т. н. **хрисовулы** (от греч. *χρυσόβουλλον* — золотая печать), так и **указные** (или «подорожные») **грамоты**, которые позволяли им свободно и беспошлинно передвигаться, собирая пожертвования по пути следования. Тексты этих грамот имеются в Посольской книге за 1517–1571 гг., находящейся в Российском Государственном архиве древних актов. Большая часть этих документов не сохранилась в оригинале — об их характере и содержании позволяет судить лишь указанная посольская книга. Благодаря этим записям известно, что Иван Грозный не скупился на щедрые дары монастырю и регулярно жаловал ему солидные денежные суммы, меха, богато украшенную драгоценную церковную утварь и иконы. Вместе с этими «материальными» дарами в обитель попадали и «духовные» — предназначенные для перевода на сербский язык уникальные книги религиозного содержания.

В качестве дарения монастырь мог получить не только движимое имущество, но и землю. Так, в марте 1556 г. царь издал жалованную грамоту, дававшую Хиландарской обители исключительное для того времени право на владение подворьем в Китай-городе рядом с Никольской улицей недалеко от Кремля. Оригинал этого документа утрачен, однако в архиве монастыря сохранился подлинник другой, датируемой 1571 г., грамоты Ивана IV Хиландарскому монастырю, подтверждающей право владения двором в Китай-городе.

Документ дошел в двух экземплярах: оригинале и т. н. «дословной копии» — оба на пергамене, текст писан скорописью XVI в. Будучи хрисовулом, грамота имеет богатое оформление: заставку, полевое украшение с изображением цветка в верхней части левого поля, исполненные золотом и яркими красками инициалы. Первое слово в грамоте «царь» оформлено в виде монограммы. В середине нижнего поля грамоты остались следы прикрепленного к ней шелкового малинового шнура. Отдельно от документа сохранилась позолоченная круглая печать. На лицевой ее стороне представлены всадник, поражающий копьем дракона, и надпись: «Божией милостью царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси». На обратной стороне изображен двуглавый орел с двумя коронами; надпись гласит: «Владимирский, Московский, Новгородский царь Казанский и Астраханский». «Дословная копия» грамоты 1571 г. была оформлена менее торжественно: в ней орнаментированы только буквы первой строки. Сохранился также красный шнур с прикрепленной к нему печатью (к сожалению, в настоящее время она утрачена).

В большинстве своем утрачены и подлинники указных грамот Ивана IV хиландарским монахам, регламентировавшие их передвижения по стране. В архиве монастыря сохранился оригинал лишь одной пергаменной «подорожной» грамоты от июля 1556 г., в которой говорится о праве на беспошлинный и свободный проезд сербских монахов по территории с целью сбора милостыни. По сравнению с жалованными грамотами документ отличается скромным оформлением: в нем нет каких-либо украшений, не использованы цветные чернила, а приложенная к акту печать утрачена.

Не дошли до нас и оригиналы жалованных и указных грамот Ивана IV болгарскому Рильскому монастырю — одному из крупнейших центров православия на Балканах, который находился под особым его покровительством. Значимую роль играла и соименность основателя монастыря св. Иоанна Рильского и Иоанна Грозного.

Известно, что Рильская обитель имела давние прочные связи с русским Пантелеймоновым монастырем на Афоне, о чем свидетельствует договорная грамота между ними, датированная 1466 г. Тесные связи, очевидно, поддерживались и между Рилой и Хиландаром: именно на Хиландарском подворье в Китай-городе во время своих приездов в Москву останавливались рильские монахи. Из послания рильских старцев царю Михаилу Федоровичу Романову (1613–1645) известно, что обитель имела в своем распоряжении несколько жалованных грамот-хрисовулов Ивана IV. Однако, как жаловались царю однажды сами приезжие монахи, «писания царские потонули в реке Дунае грехов ради наших».

В списках XVII в. дошли 2 указные грамоты рильским монахам от 1558 г. В одной из них от 1 ноября 1558 г. царь дает разрешение рильским «богомольцам» священнику Иосифу, дьякону Кириллу и старцу Евгению на беспошлинный проезд и сбор пожертвований в землях к северу и северо-востоку от Москвы. Декабрьская указная грамота от того же года ямщикам по дороге от Москвы до Смоленска и литовского рубежа предписывает предоставлять подводы и проводников бывшему игумену Рильского монастыря Григорию с братией.

Жалованные и указные грамоты Ивана IV двум упомянутым обителям — Рильской в болгарских землях и сербской Хиландарской на Афоне — единственные в своем роде источники, позволяющие составить представление об активности межславянских православных связей в XVI в. и роли России в их сохранении и развитии. Несмотря на утрату большей части оригинальных грамот, они пользуются большим вниманием ученых, поскольку таят в себе огромный потенциал для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Дылевский Н.М.* Рильский монастырь и Россия в XVI и XVII веке. София, 1946.
Желтов М.С., Максимович К.А., Мухин В.С., Романенко Е.В., Статис Г., Турилов А.А. и др. Афон // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 103–181.

- Иванов Й.* Св. Иван Рилски и неговият манастир. София, 1917.
- Ихчиев Д.* Турските документи на Рилския манастир. София, 1910.
- Капитанов С.М.* Источники о взаимоотношениях между Россией и греческим православным миром в XVI веке (часть I) // Археографический ежегодник за 2012 год. М., 2016. С. 22–47.
- Кистерев С.Н.* Иван Грозный и хиландарский епископ Григорий // Каптеревские чтения. Сборник статей. М., 2011. Вып. 9. С. 26–35.
- Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858.
- Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004.
- Русия, Атон и Рилският манастир (XI — началото на XX в.). Сборник документи. София, 2016.
- Снегаров И.* Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII в. София, 1953.
- Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Ченцова В.Г.* Ктиторовство и царский титул: Россия и Хиландарский монастырь в XVI веке // Славяноведение. 2014. № 2. С. 15–24.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Рильский монастырь в Болгарии.
2. Хиландарский монастырь на Афоне. Греция.
3. Начальный лист Жалованной грамоты Ивана IV Хиландарскому монастырю. 1571 г.
4. Фрагмент Жалованной грамоты Ивана IV Хиландарскому монастырю. 1571 г.
5. Фрагмент Посольской книги № 1, содержащей сведения о жалованных и указных грамотах Ивана IV православным центрам в Османской империи.
6. Фрагмент Посольской книги № 1, содержащей сведения о жалованных и уставных грамотах Ивана IV православным центрам в Османской империи.
7. Иван IV Грозный. Парсуна.
8. Катапетасма (подношение Ивана IV Хиландарскому монастырю).
9. Николо-Греческий монастырь близ Кремля, где находилось историческое Хиландарское подворье.
10. Обложка труда ученого А.Н. Муравьева, впервые сделавшего известными некоторые из жалованных и указных грамот Ивана IV православным центрам в Османской империи.

Пётр Ахмедович
ИСКЕНДЕРОВ

РУССКИЕ КОНСУЛЫ О МАКЕДОНЦАХ И АЛБАНЦАХ*

Аннотация:

Статья посвящена анализу деятельности и письменному наследию российских дипломатов, работавших в конце XIX — начале XX вв. на Балканах: в Македонии и Албании. Автор рассматривает оставленные ими характеристики балканских народов, в том числе с точки зрения их происхождения и этничности. В статье использованы неопубликованные архивные документы.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, история, дипломатия, консульская служба, южные славяне, Болгария, Сербия, Османская империя, Македония, Албания, письменные источники.

Abstract: P.A. ISKENDEROV “THE RUSSIAN CONSULS ON THE MACEDONIANS AND THE ALBANIANS”.

The article is devoted to the activities and written works of prominent Russian diplomatic representatives in the Balkans — in Macedonia and Albania. The author analyzes their approaches to the history and ethnicity of the Balkan peoples. The article is based on unpublished archive documents.

Keywords:

Russia, the Balkans, history, diplomacy, consulates. South Slavs, Bulgaria, Serbia, Ottoman Empire, Macedonia, Albania, written sources.

В российском Министерстве иностранных дел уже в конце XIX в. вполне отдавали себе отчет в сложности и «взрывоопасности» ситуации в Македонии — этом «яблоке раздора» на Балканах. В отличие от своих коллег из внешнеполитических ведомств других великих держав, русские дипломаты пытались выявить объективные ключевые тенденции развития этой балканской области и наметить возможные пути урегулирования существующих и могущих возникнуть в будущем проблем.

Русский консул в Ускюбе (Скопье) В.Ф. Машков отмечал в январе 1900 г.: «Турецкое правительство после войны 1878 г. задалось целью переорганизовать западные и центральные вилайеты Балканского полуострова таким образом, чтобы административные границы ни одного из них не совпадали бы с этнографическими пределами населяющих их народностей. Этим, по-видимому, путем имелось в виду затруднить применение разных реформ и частичных автономий, а, может быть, и способствовать расселению арнаутов (албанцев. — *П.И.*) и по таким местностям, где христианское население до сих пор оставалось более или менее сплошным»¹.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

На фоне наблюдавшейся в балканских и западноевропейских столицах «этнической эквилибристики» сотнями тысяч жителей той или иной национальности донесения российских дипломатических представителей в Македонии на рубеже XIX–XX вв. по указанному вопросу отличались похвальной сдержанностью и осторожностью. Так, российский консул в Битоли А.А. Ростковский в предисловии к своей работе «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году» предупредил, что он «не решился даже на попытку выяснения вопроса, к какой народности — сербской или болгарской — принадлежат македонские славяне, так как мне кажется, — писал дипломат, — что македонское наречие представляет переходную ступень от сербского к болгарскому языку, и потому я внес их под одну общую рубрику славян, разделив их только на патриархистов, экзархистов и мусульман. Что касается первых, то за исключением Кырчовской и Дебрской каз, где они сербофильствуют, остальные находятся под греческим влиянием и имеют в своих церквах богослужение на непонятном для них греческом языке, а также посылают детей в греческие школы, в коих учителя стараются, хотя и безуспешно, их выучить говорить по-гречески. Эти патриархисты известны у греков под именем “эллинов болгарофонов”»².

Другой видный представитель российской политической школы, А.В. Амфитеатров, сообщал о примечательном разговоре на данную тему с А.А. Ростковским: «Когда я, будучи в Битоли, спросил г. Ростковского, почему он держится такой осторожной классификации, он с полной откровенностью ответил, что, несмотря на свое семилетнее пребывание в Битоли, полное постоянного общения с местными славянами, он до сих пор не решается определить, где в последних проведена граница между болгариним и сербом». А.В. Амфитеатров отмечал, что того же мнения придерживался и Н.А. Илларионов, российский генконсул в Салониках, 30 лет знакомый с Балканским полуостровом³.

Стоит привести и весьма объективное мнение военного корреспондента П.А. Риттиха, посетившего Македонию летом 1901 г. и сообщившего о том, что «деление скопийских (скоплянских. — П. И.) славян на сербов и болгар совершенно не выдерживает критики: это один и тот же народ, охваченный либо болгарской, либо сербской пропагандой. Т[ак].к[ак]. болгарская пропаганда ведется болгарскими издавна, т.е. в течение более 30 лет, а сербы начали тут работать лишь с 1886 г., то естественно, что в городе большинство славян охвачено болгарской пропагандой, но и сербы не дремлют и ежегодно охватывают не малую толику адептов от болгар, что явствует из того, что за последние годы число болгар в Скопии и ее епархии не увеличилось, а уменьшилось»⁴.

Причины подобного смешения крылись в том числе и в политике Османской империи, для которой при проведении налоговых и иных переписей приоритетным являлся вопрос вероисповедания (по нему сербы, болгары и греки не различались), а не этноса. Как подчеркивал П.А. Риттих,

«турки не делят македонцев по национальности, а лишь по вероисповеданию, которое с точки зрения мусульманской гораздо важнее и существеннее. Последствием такого отношения турецкого правительства к славянскому элементу в Македонии явилось то, что македонцы в массе не имеют и по сию пору национального и политического самосознания»⁵.

На это же указывал и А.В. Амфитеатров: «Турецкая власть вообще не считается с национальным делением своих народов, а признает лишь религиозное. Взамен статистики по национальностям, у нее имеются рекрутские списки, разделяющие мусульман, подлежащих воинской повинности (пуфуз), от христиан, платящих освободительный от воинской повинности налог (бедели-аскериз). Для нее существуют православные, католики, иудеи, мусульмане, гебры (приверженцы зороастризма. — *П. И.*), но о народности православных, католиков, иудеев etc. турецкая власть говорит лишь тогда, когда эта народность и исповедуемая ею религия сливаются для нее в общий и нераздельный символ. Православная вера для турок — греческая вера. Вот почему и сыграл такую важную роль в истории болгарского возрождения и освобождения Экзархат, отделивший болгар от Вселенского патриархата в отдельную группу. Как народность болгары не выделялись в мнении турок из ряда других “рум-милети”. Но когда туркам выяснилось, что болгары — не греческой веры, а своей собственной, болгарской, — они, хотя и с крайним неудовольствием, полные самых тяжелых предчувствий, принуждены были признать болгар новою, специальной народной единицей. Вот почему также каждый шаг пропаганды в Македонии для серба вдесятеро труднее, чем для болгарина, и вся сербская пропаганда бесплодна сравнительно с болгарской. Болгары несли македонскому народу плоды осязательные: славянское богослужение, славянскую школу и, главное, официально признанную национальность. Сербам же — что касается богослужения и школы — до сих пор приходится выпрашивать славянского языка, как милости, или отвоевывать силой и скандалами у греческих епископов, сплошь фанатиков-фанариотов»⁶.

Противоречивые процессы происходили в Македонии и в церковной сфере. Султанский фирман от 1870 г. учредил Болгарский экзархат, в состав которого вошли две епархии не только с болгарским, но и с сербским населением (Пиротская и Нишская) и часть Македонии. Предусматривалось, что к Экзархату могут присоединиться и другие епархии, в которых две трети православного населения выступают за присоединение. Уже через два года после этого к Экзархату присоединились Скопская и Охридская епархии, ряд сел в смешанных епархиях признали его власть.

Как справедливо заметил позднее видный российский дипломат, русский посланник в Сербии в 1914–1917 гг. Г.Н. Трубецкой, Сан-Стефанский договор «поставил ясную определенную цель перед Болгарией и освятил народный идеал высшим признанием его Россией-освободительницей. Для достижения этого идеала болгарский народ уже имел в своем распоряжении мощное орудие в лице такой организации, как Экзархия»⁷.

Правда, в 1879–1880 гг. многие болгарские экзархийские церкви в Македонии были закрыты в отместку за поддержку местным славянским населением и духовенством России в войне с Турцией. Болгарские митрополиты в Ускюбе и Охриде покинули свои епархии. В этих условиях Экзархат всеми силами стремился добиться подтверждения султаном фирмана 1870 г. Это произошло в 1883 г., и вслед за этим стала стремительно расширяться сеть болгарских школ в Македонии, перед которыми ставились вполне конкретные задачи в области национальной пропаганды. Как указывал А.В. Амфитеатров, «лишь весьма незначительная часть болгарского духовенства и школьного персонала в Македонии остается нейтральной в деле освободительного движения. Большинство — либо верные слуги, либо полномочные агенты, либо даже вожаки и заправилы революции»⁸.

Изменение международной обстановки в Европе привело к определенной корректировке позиции России по балканским проблемам и, в частности, по македонскому вопросу. Внешнеполитические приоритеты России на определенное время переместились на Дальний Восток, что послужило одной из ключевых причин провала так называемого проекта А.И. Нелидова от 1896 г. о захвате Россией Черноморских проливов. Как писал министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский, занимавший этот пост в 1895–1896 гг., «нам надо бы поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»⁹.

Преемник Лобанова-Ростовского на посту главы российского внешнеполитического ведомства М.Н. Муравьев разделял в этом отношении его взгляды и вошел в историю как один из архитекторов комплекса русско-австрийских соглашений по Балканам, в центре которых лежало требование проведения в этой османской провинции реформ.

Однако уже к концу первого десятилетия XX в. ситуация в Македонии и вокруг нее вновь обострилась и окончательно приобрела военно-политическое и межгосударственное звучание, что потребовало и от России внести коррективы в свои прежние подходы.

Не менее сложной являлась для России в конце XIX — начале XX вв. албанская проблема, тесно связанная с геополитическими интересами Санкт-Петербурга в балканском регионе и ее отношениями с ближайшими российскими союзниками — Сербией и Черногорией. Главным специалистом по Албании и албанцам в преддверии Первой мировой войны в российском Министерстве иностранных дел являлся Александр Михайлович Петряев (1875–1933) — дипломат, дипломатический представитель России в Битоли и Влере и в Международной контрольной комиссии в Албании. Он являлся одним из ведущих специалистов своего времени по истории южных славян и балканским проблемам.

Александр Михайлович Петряев родился 27 октября 1875 г. в Санкт-Петербурге и уже в ранние годы проявил исключительные способности к изучению иностранных языков. В общей сложности Петряев говорил на

14 языках. Это позволило ему получить блестящее образование в Санкт-Петербургском университете, который он окончил по программам двух факультетов — восточного и юридического — после чего закономерно последовало его вступление на дипломатическую стезю.

Первым местом работы в штате российского министерства иностранных дел для А.М. Петряева стала дипломатическая служба в Персии, откуда он вскоре был переведен на Балканы, сначала в качестве драгомана (переводчика) в посольстве России в Константинополе, а затем — помощника российского гражданского агента в Османской империи по проведению реформ в Македонии в рамках соглашения, достигнутого по данным вопросам между Россией и Австро-Венгрией (Мюрцштегская программа 1903 г.), также консула в Битоли, а позднее — во Влере. Именно в этом городе 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость Албании.

Петряев в своих обстоятельных донесениях и аналитических записках всесторонне анализировал взаимоотношения албанцев и славянских народов Балканского полуострова, предупреждая о растущей роли албанского фактора, который тогда склонны были недооценивать многие российские дипломаты: «Албанский народ, никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы, поглощает другую народность, за которую стоит славное историческое прошлое»¹⁰.

Перу А.М. Петряева принадлежал ряд дипломатических записок, которые легли в основу проектов российского министерства иностранных дел по проведению реформ в Европейской Турции, а также разрабатывавшейся перед Первой мировой войной общей системы интересов и приоритетов России на Балканах. В частности, дипломат выступал за создание сильного югославянского государства, формирующегося вокруг Сербии и призванного стать надежным союзником России. В это государство, по его мнению, могли бы войти и югославянские народы Австро-Венгрии. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике», — докладывал А.М. Петряев в Санкт-Петербург в начале 1914 г.¹¹

В рамках поиска решения албанской проблемы российское министерство иностранных дел обратилось к работавшим на Балканах дипломатам с просьбой подготовить собственные предложения на этот счет. Наиболее проработанными в итоге были признаны проекты российского посланника в Софии А.В. Неклюдова и консула в Митровице А.М. Петряева. Оба документа были весьма близки по содержанию и, в частности, предусматривали сохранение верховного суверенитета турецкого султана над Алба-

нией при одновременном расширении ее автономных прав. При этом Неклюдов настаивал на выводе с албанской территории турецких войск. Петряев же соглашался на их присутствие под командованием турецкого генерал-губернатора, но при этом предлагал установить контроль над ним со стороны специальной комиссии представителей шести великих держав.

Именно данная идея в итоге и была реализована в рамках Лондонского совещания, притом, что российское министерство иностранных дел формально отказалось делать выбор в пользу какого-либо из двух проектов, сведя их в один документ и переслав обобщенный вариант в Лондон, где посол России А.К. Бенкендорф доложил его на совещании.

А.М. Петряев являлся в российском дипломатическом корпусе на Балканах одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов — умевшим просчитывать неординарные политические комбинации. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ в южном направлении — за счет Греции. Соответствующая идея (находившаяся в противоречии с общепринятым в российском внешнеполитическом ведомстве мнением в поддержку Греции) была озвучена Петряевым в частном письме из Лондона на имя директора 2-го политического (Ближневосточного) департамента министерства иностранных дел России князя Г.Н. Трубецкого от 12 марта 1913 г. Дипломат считал расширение территориальных пределов новообразованного албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение способно сдержать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности г. Дзяковица¹².

А.М. Петряев занимал гибкую позицию и еще по одному принципиально международно-правовому вопросу, получившему свою особую актуальность накануне и в годы Первой мировой войны — о принципах преемственности соглашений в случае перехода затрагиваемой ими территории от одного государства к другому. Он подчеркивал, что «принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде *in spe* [в надежде]»¹³.

Вершиной дипломатической деятельности Александра Михайловича Петряева стала должность товарища (заместителя) министра иностранных дел России во Временном правительстве А.Ф. Керенского, которую он занимал с июля по октябрь 1917 г.

Октябрьскую революцию дипломат не принял и примкнул к белому движению. В 1919 г. в так называемом «Правительстве при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России» (ВСЮР) А.И. Деникине он занял пост помощника прекрасно знакомого ему по работе в Министерстве иностранных дел князя Г.Н. Трубецкого по управлению ведомством вероисповеданий. С января 1920 г. Петряев — официальный дипломатический представитель генерала Деникина в Болгарии. В этом качестве он внес заметный вклад в решение задач гуманитарной, правовой и социальной помощи беженцам из России.

Однако активная деятельность миссии А.М. Петряева привела к нарастанию противоречий с болгарским правительством лидера «Земледельческого союза» А. Стамболийского, питавшего симпатии к большевистской России. Осенью 1922 г. власти Болгарии наложили арест на русский депонированный фонд объемом в 11 млн левов, а также приступили к конфискации имущества белогвардейских офицеров и их высылке за пределы страны.

В этих условиях Петряев принял решение переехать в Белград, где к этому времени установил хорошие связи в среде российских офицеров, воевавших в армии барона Врангеля. Именно в Югославии Петряев смог вернуться к своей основной, дипломатической, деятельности, получив работу в местном министерстве иностранных дел. Там же, в Белграде, А.М. Петряев скончался 9 ноября 1933 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров А.В.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1903.
- Искендеров П.А.* Александр Михайлович Петряев // Вопросы истории. 2018. № 1. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014.
- Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909.
- Ростковский А.А.* Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году // Живая старина. 1899. № 1.
- Он же.* Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 году // Живая старина. 1900. № 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1472. Л. 8–9.
- ² *Ростковский А.А.* Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году // Живая старина. 1899. № 1; *Он же.* Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 году // Живая старина. 1900. № 4.

- ³ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1903.
- ⁴ *Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909. С. 143–144.
- ⁵ Там же. С. 141.
- ⁶ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора... С. 28–29.
- ⁷ *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 38–39.
- ⁸ *Амфитеатров А.В.* Страна раздора... С. 25.
- ⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 287–288.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5296. Л. 52.
- ¹¹ Там же. Д. 161. Л. 24–26, 33.
- ¹² Там же. Д. 2087. Л. 272.
- ¹³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. документов. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014. С. 127.

РУССКИЙ КОНСУЛ ИВАН СТЕПАНОВИЧ ЯСТРЕБОВ О НАСЕЛЕНИИ КОСОВО¹

Аннотация:

Статья посвящена жизни и деятельности одного из ведущих российских дипломатов и специалистов по славянским народам Балканского полуострова И.С. Ястребова (1839–1894). Особое внимание уделено его письменным свидетельствам об условиях жизни сербов и албанцев. В статье также рассматриваются вопросы этногенеза балканских славян.

Ключевые слова:

И.С. Ястребов, Россия, Балканы, Сербия, Албания, Косово, этногенез, повседневная жизнь.

Abstract: P.A. ISKENDEROV “RUSSIAN DIPLOMAT I.S. YASTREBOV ON THE KOSOVO POPULATION”.

The article is devoted to the life and activities of a prominent Russian diplomat of the 19th century Ivan Yastrebov (1839–1894). The author pays particular attention to his written data about the everyday life of the Serbs as well as the Albanians. The genesis of the Slav peoples in the Balkan Peninsula is also under examination.

Keywords:

Ivan Yastrebov, Russia, the Balkans, Serbia, Albania, Kosovo, ethno-genesis, everyday life.

Российский дипломат, действительный статский советник, консул в балканских провинциях Османской империи, историк и этнограф Иван Степанович Ястребов (1839–1894) являлся в составе министерства иностранных дел России одним из лучших знатоков ситуации на Балканах, условий жизни населявших его народов, их чаяний и забот, а также их этнического и конфессионального характера. Занимая консульские должности в городах Шкодер, Призрен, Янина и Салоники и владея (наряду с арабским и турецким) болгарским, греческим и сербским языками, он собрал богатейший исторический и этнографический материал, которым щедро поделился с российскими читателями своих книг. Главными сочинениями дипломата являются книги «Обычаи и песни турецких Сербов. Второе издание, дополненное их прозою» (СПб., 1889). «Податци за историју Српске цркве. Из путничког записника» (Београд, 1879), «Старая Сербия и Албания. Путевые записки // Споменик СКА ХLI. Други разред»

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

(Београд, 1904). Кроме того, его корреспонденции и статьи публиковались в таких сербских и российских журналах, как «Православное обозрение», «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», «Гласник Сербского ученого дружества».

Уже в 1866 г. — в 27-летнем возрасте — Иван Степанович Ястребов был принят на дипломатическую работу в посольство России в столице Османской империи городе Константинополь. На следующий год он занял должность секретаря и драгомана (переводчика) российского консульства в Шкодере, а вскоре лично возглавил российское дипломатическое представительство в этом албанском городе.

В 1870 г. И.С. Ястребов занял пост вице-консула в другом важном центре Европейской Турции — в городе Призрен, пользовавшемся заслуженной славой «Сербского Царьграда». Через четыре года он переехал в город Янину (современная Греция), где проработал в местном российском консульстве, а в 1879 г. вновь возвратился в Призрен в должности консула. Завершающим этапом дипломатической службы И.С. Ястребова на Балканах стала должность руководителя русского генерального консульства в Салониках, которую он занимал с 1886 г. до самой смерти в 1894 г.

В своих работах И.С. Ястребов уделял основное внимание проблеме этно-конфессионального состава населения областей, на которые уже тогда претендовали различные балканские страны и правители, — в первую очередь, Косово (Старая Сербия в сербской исторической традиции). Русский дипломат впервые проанализировал процессы исламизации и албанизации православного сербского населения на этой территории. При этом он подчеркивал, что, даже сменив веру, местные славяне продолжали соблюдать православные церковные праздники: в Призрене на день Святого Георгия они «не работали и не сидели в лавках». Согласно наблюдениям И.С. Ястребова, именно день Святого Георгия являлся главным православным праздником и для православных сербов в Косово, и для исламизированных сербов.

«Нет важнее и более веской клятвы для серба, как клятва святым, день которого он празднует, — святым, считающимся покровителем предыдущих и последующих его поколений.

*Портрет
И.С. Ястребова*

Для серба нет важнее праздника как день его покровителя, этого «светого». Серб, хотя бы он был из самых бедных, готовится к этому дню с особенным усердием и благоговением и празднует его торжественно. Этот день зовут они днем («Крсно име») крестного имени и «Свети» и просто «Слава».

Во время долголетнего моего пребывания в Старой Сербии и Албании, я наблюдал разные обычаи и был свидетелем исполнения их и по домам, и на сборищах и ни один из них мне, русскому, не бросился так в глаза, как обычай — праздновать «крсно име», славу»; тем более что «славу эту» — крсно име, — день «святого» празднуют сербы не только в Сербии, всюду в Австрии, в Венгрии, в Боснии, Черногории, Коссовом поле, Мораве, Призренской области, но и в Скопльском, Велесском, Прилепском, Битольском и Охридском уездах, точно также и в Дибре, и в Тетовском уезде. Все жители, которые в помянутых пределах говорят славяно-сербским наречием, исключая цинцар или огречившихся валахов, свято соблюдают этот обычай, возведенный на степень религиозного обряда», — писал И.С. Ястребов.

Процесс исламизации сербов, по его оценке, начался еще в первые годы XIX в. — когда, в частности, в районе Ополье старшее поколение в большинстве своем говорило только на сербском языке. Остановившаяся на языковой ситуации в районе Люма, расположенном на дороге из Призрена (Косово) в Центральную Албанию, И.С. Ястребов писал в 1870-е годы: «Мы и сегодня знакомы с Люмлянами, рассказывавшими, что их отцы — то есть лет 50 назад — говорили по-сербски». Он также обратил внимание на сербские названия сел, расположенных в районах Люмы и Ополье.

Согласно наблюдениям русского дипломата, косовские сербы иногда имели даже два имени — одно христианское, другое мусульманское. В районе Ополье, согласно наблюдениям И.С. Ястребова, «настоящих» албанцев — выходцев из областей Мат и Дукаджин в Центральной Албании — было немного. Большинство населения здесь уже составляли албанизированные сербы. Однако еще около тридцати лет назад в Ополье разжигали ритуальный костер в православный рождественский сочельник; в селе Брод-у-Гори раньше были три церкви, и местные старики в разговоре с русским консулом вспоминали, что в детстве ходили в церковь Святого Николы, а их родители ставили свечи на могилах предков на местном православном кладбище.

И.С. Ястребов именовал исламизированных и албанизированных сербов «арнауташами» и прослеживал их этно-культурные отличия от «истинных», по его словам, албанцев («арнаутов») — выходцев из западных районов Балканского полуострова: «Арнауташ почти не знает, что такое честь: он лжив, не держит слово. Настоящий арнаут ведет себя по-другому: он верен своему слову, никого не предаст, знает, что такое честность. «Арнауташ» ко всякому подлизывается, его намерения и поведение по отношению к власти подлы, лицемерны, полны притворства. Арнаут держит себя в таких случаях благородно, с достоинством».

Вид г. Призрена

Именно И.С. Ястребов впервые активно ввел в российский дипломатический язык и научный оборот такие этнические категории, как «поарнаутившиеся» сербы и болгары.

Процесс исламизации сербского населения порождал в его среде сложные и болезненные процессы, связанные с проблемой самоидентификации и повседневного поведения. Православные по возможности старались сохранить сербский язык до того момента, пока они не перейдут в ислам. Однако уже после этого «местный серб начинает стыдиться говорить на родном языке. Ведь его могут обозвать потурченцем. Теперь он ненавидит сербский язык», - сообщал русский дипломат. «В Дебарской области, в жупе Река, восточнее Кораба, в предгорьях Шар-Планины, имеется около 30 сел, в которых живут православные», носящие сербские имена, но говорящие на албанском языке — «кроме жителей деревни Скурдина, говорящих по славяно-сербски. Имеются и магометане», — писал И.С. Ястребов.

Особое внимание в своих работах русский дипломат уделял обычаям и повседневной жизни жителей Косово. По его наблюдениям, в таких крупных по местным масштабам городах, как Печ, Призрен, Приштина и Джайковица, у местного населения отсутствуют объединяющие интересы: христиане и мусульмане ведут жизнь «затворников» — в особенности женщины.

Сочинения И.С. Ястребова содержат также сведения, позволяющие оценить темпы исламизации сербского населения Косово. Так, в районе знаменитого сербского православного монастыря в Дечанах число домов,

в которых проживали православные сербы, за двадцать лет конца XIX в. уменьшилось более чем в три раза: с 165-ти до 50-ти. При этом «только чудом уцелел храм, который так и не переделали в мечеть», — свидетельствовал русский дипломат.

ЛИТЕРАТУРА

Бован В. Ястребов у Призрену. Београд, 1983.

Терзич С. Русский консул И.С. Ястребов о Старой Сербии // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Дипломат, ученый-этнограф И.С. Ястребов.
2. Вид г. Шкодер, где в российском консульстве И.С. Ястребов работал переводчиком, секретарем, а затем и консулом.
3. Православный сербский монастырь Высокие Дечаны.
4. Вид г. Призрен, в котором И.Я. Ястребов трудился в должности русского консула.
5. Обложка книги И.С. Ястребова «Обычаи и песни турецких Сербов. Второе издание, дополненное их прозою» (СПб., 1889).
6. Вид г. Салоник, в котором И.С. Ястребов несколько лет прослужил русским генеральным консулом до самой своей смерти.

ПЕРВЫЙ АЛБАНСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ НАУМ ВЕКИЛЬХАРДЖИ¹

Аннотация:

Статья посвящена одному из ведущих деятелей албанского национального движения Н. Векильхарджи (1797–1854). Автор уделяет основное внимание его усилиям по защите славянской культуры Балканского полуострова. В статье также рассматриваются вопросы славянского наследия в албанской письменности и культуре.

Ключевые слова:

Н. Векильхарджи, Балканы, Сербия, Албания, Косово, славянская культура, алфавит.

Abstract: P.A. ISKENDEROV “THE FIRST ALBANIAN EDUCATOR, NAUM VEQILHARXHI”.

The article deals with one of the leading figures of the Albanian national movement N. Veqilharxhi (1797–1854). The author focuses on his efforts to protect the Slavic culture of the Balkan Peninsula. The article also discusses the issues of Slavic heritage in Albanian writing and culture.

Keywords:

N. Veqilharxhi, the Balkans, Serbia, Albania, Kosovo, Slavic culture, the alphabet.

Наум Векильхарджи (1797–1856) — первый албанский просветитель, один из основоположников национального движения в Албании, идеолог албанского просвещения, внесший огромный вклад в защиту и развитие православной культуры своей страны. В своих статьях и политических манифестах он выступал за необходимость сохранения славянского и православного наследия албанцев, которых считал единым народом вне зависимости от этноконфессиональных особенностей тех или иных входивших в него этнических групп.

Интерес к славянскому наследию в албанской письменности и культуре Наум Векильхарджи, родившийся в деревне в районе южноалбанского города Корча в православной семье, унаследовал от своего отца — Панайота Векильхарджи, албанизированного аромунa. В 1807–1809 гг., в разгар очередной русско-турецкой войны, Панайот занимал должность векильхарча (управляющего) при турецком паше в осажденной русскими войсками крепости Измаил и передавал русскому командованию ценные военные сведения. Интересно, что именно албанское произношение должности Панайота Векильхарджи и определило семейную фамилию его рода.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

После того, как турецкие власти узнали об активных контактах советника своего пашы в Измаиле с русскими, на его семью обрушились репрессии, в результате которых был казнен брат Панайота. Однако ему самому удалось бежать вместе с семьей в портовый город Галац в Молдавии, где в 1821 г. вспыхнуло греческое национально-освободительное восстание под предводительством Александра Ипсиланти. Наум Векильхарджи вместе со своим 15-летним братом Константином примкнул к повстанцам и в возрасте 24-х лет стал одним из командиров восставших.

После поражения восстания в Галаце семья Векильхарджи нашла убежище в Бессарабии. Там Наум установил тесные контакты в среде славянской и балканской эмиграции, в том числе с сербами, болгарами и греками. Эти контакты и полученная им информация убедили его в общности интересов всех балканских народов в вопросах национального освобождения и сохранения своего языка и культуры.

В 1830 г. Наум Векильхарджи переехал в Валахию, где на протяжении 15 лет проживал в портовом городе Брэила, работая адвокатом, а затем переехал в Бухарест — тогдашний центр эмиграции из османских областей Балканского полуострова. У него установились дружеские отношения со многими видными представителями славянских народов, в частности, со знаменитым болгарским просветителем И. Селиминским. Это обстоятельство оказало значительное влияние на его взгляды, которые отличались интернационалистским характером.

В 1830-е годы большинство родственников Наума Векильхарджи позиционировали себя как греки, однако он неизменно настаивал на том, что является албанцем. «Буква — одна из первых письменных основ идеи движения албанского национального пробуждения», — так характеризовал он роль языка и культуры в сохранении и укреплении национального самосознания.

Уделяя по понятным причинам особое внимание развитию албанского языка и литературы, Наум Векильхарджи неустанно подчеркивал необходимость сохранения славянского и православного наследия в Албании, носителей которого считал составной частью албанского этноса. Создав и опубликовав первый букварь и учебник албанского языка, он одновременно написал и разослал во все районы Албании особое «циркулярное

*Портрет
Н. Векильхарджи*

Vithkuqi	Modern										
Q a	A a	Y y	V v	L l	TH th	h i	N n	f f	T t	ç ç	X x
e e	Ë ë	h h	B B b	W w	Z z	q q	NJ nj	u u	F f	n n	E e
i i	l i	s s	G g	a a	K k	z z	P p	h h	H h	ll ll	
o o	O o	f f	J j	e e	Q q	b b	R r	ç ç	H h		
v v	U u	h h	DH dh	h h	L l	v v	S s	ç ç	C c		
y y	Y y	t t	D d	s s	M m	v v	SH sh	ç ç	ç ç		

Первый букварь албанского языка

письмо», (впервые обнародованное в 1845 г.), адресованное «всем состоятельным и образованным православным албанцам».

В этом документе выдающийся албанский просветитель подчеркивал равное значение и права всех трех вероисповеданий, исторически получивших распространение в албанских землях, мусульманства, православия и католичества. Албанский народ един, несмотря на существующие в его среде конфессиональные различия, — подчеркивал Наум Векильхарджи. По его словам, язык, нравы и обычаи албанцев впитали в себя влияние различных этнических и религиозных групп и течений, но сам албанский народ является единым. Согласно исторической традиции не только Албании, но и других балканских стран, именно обращение Наума Векильхарджи к православным албанцам положило начало Албанскому возрождению, развитие которого он видел в тесном взаимодействии с соседними балканскими народами, в том числе православными. Просветитель сравнивал албанскую нацию с личинкой, которая однажды превратится в бабочку.

Главной ареной просветительской деятельности Наума Векильхарджи являлись районы Южной Албании с преобладающим православным населением. Однако она наталкивалась на жесткое противодействие Константинопольской патриархии. Последняя рассматривала всё православное население Балкан, находившее в ее церковном подчинении, как греков. В культурно-просветительской деятельности Наума Векильхарджи среди православных Фанар усматривал угрозу для своих интересов. Согласно одной из исторических версий, именно агенты Константинопольской патриархии обманом заманили Векильхарджи в Стамбул, где в 1854 г. отравили его.

Против прогрессивных идей албанского просветителя-интернационалиста боролись не только Константинопольская патриархия, но и власти Османской империи, которые насаждали среди албанцев панисламизм. «Турки, с одной стороны, и патриархия — с другой, упорно отказывались дать албанцам грамотность, создать для них алфавит, перевести несколько книг на их язык», — сообщал в 1861 г. русский консул в Янине А.С. Ионин.

Наум Векильхарджи хорошо знал историю и культуру не только славянских народов Балканского полуострова, но и России. Одним из его любимых исторических персонажей, в частности, являлся российский император Петр I. По словам Векильхарджи, Петр открыл «новую эпоху» в истории своего народа и государства.

ЛИТЕРАТУРА

Ариш Г.Л. Наум Векильхарджи: первый национальный идеолог и просветитель // Краткая история Албании. М., 1992.

Соколова Б. Албански възрожденски печат в България. София, 1979.

Jacques E. The Albanians: An Ethnic History from Prehistoric Times to the Present. McFarland & Company, Inc., Publishers. Jefferson, North Carolina–London, 1995.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет Наума Векильхарджи — одного из основоположников национального движения в Албании, идеолога албанского просвещения, писателя, переводчика и адвоката.
2. Южноалбанский город Корча, в окрестностях которого родился Н. Векильхарджи.
3. Вид румынского города Браила, в котором на протяжении 15 лет жил в эмиграции Н. Векильхарджи.
4. Наум Векильхарджи на снимке с антитурецкими повстанцами (нижний ряд, первый справа).
5. Бухарест — центр эмиграции из османских областей Балканского полуострова XIX в. Там Н. Векильхарджи создал свои основные произведения.
6. Страница первого букваря и учебника албанского языка, выпущенного Н. Векильхарджи в 1845 г.

Игорь Иванович
КАЛИГАНОВ

ДРЕВНЕЙШАЯ ДАТИРОВАННАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ¹

Аннотация:

В статье рассказывается о древнейшей восточнославянской датированной рукописи: Остромировом Евангелии 1056–1057 гг. Оно получило свое название по имени новгородского посадника Остромира — доверенного лица киевского князя, назначенного им для управления городом. Скорее всего, Остромир вложил это роскошное Евангелие в только что выстроенный собор Св. Софии — главный храм Северо-Западной Руси. У этой драгоценной рукописи была переменчивая судьба: кроме Новгорода, она побывала в Москве и Санкт-Петербурге, принадлежала русским императорам и императрицам, пока не была передана в начале XIX в. на библиотечное хранение. Находящееся ныне в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга Остромирово Евангелие служит прекрасным образцом для изучения литературно-книжного языка Древней Руси, славяно-русской палеографии и искусства иллюминации рукописных книг: инициалов, заставок и миниатюр. Дальним протографом Остромирова Евангелия, возможно, послужила одна из болгарских рукописей из Великого Преслава — столицы Болгарии в конце IX–X вв.

Ключевые слова:

Древнейшая восточнославянская датированная рукопись, Новгород, посадник Остромир, отдаленный болгарский протограф.

Abstract: I.I. KALIGANOV “THE OLDEST EAST SLAVIC DATED MANUSCRIPT: OSTROMIR GOSPEL”.

The article talks about the oldest East Slavic dated manuscript: the Ostromir Gospel 1056–1057. It received its name from that of the Novgorod ruler Ostromir, a trusted person of the Kievan Prince appointed by him to manage the city. Most likely, Ostromir presented this luxurious gospel to the newly built cathedral of St. Sofia, the main church of North-West Rus'. This precious manuscript had a chequered fate: in addition to Novgorod, it was kept in Moscow and St. Petersburg, belonged to Russian emperors and empresses until it was transferred in the early 19th century to library storage and is located now in the Russian National Library of St. Petersburg. Ostromir Gospel serves as an excellent model for studying the literary and book language of old Rus', Slavo-Russian paleography and the art of illuminating handwritten books: initials, screen-savers and miniatures. The distant protograph of Ostromir Gospel may have been one of the Bulgarian manuscripts from Great Preslav, the capital of Bulgaria at the end of the 9th — 10th centuries.

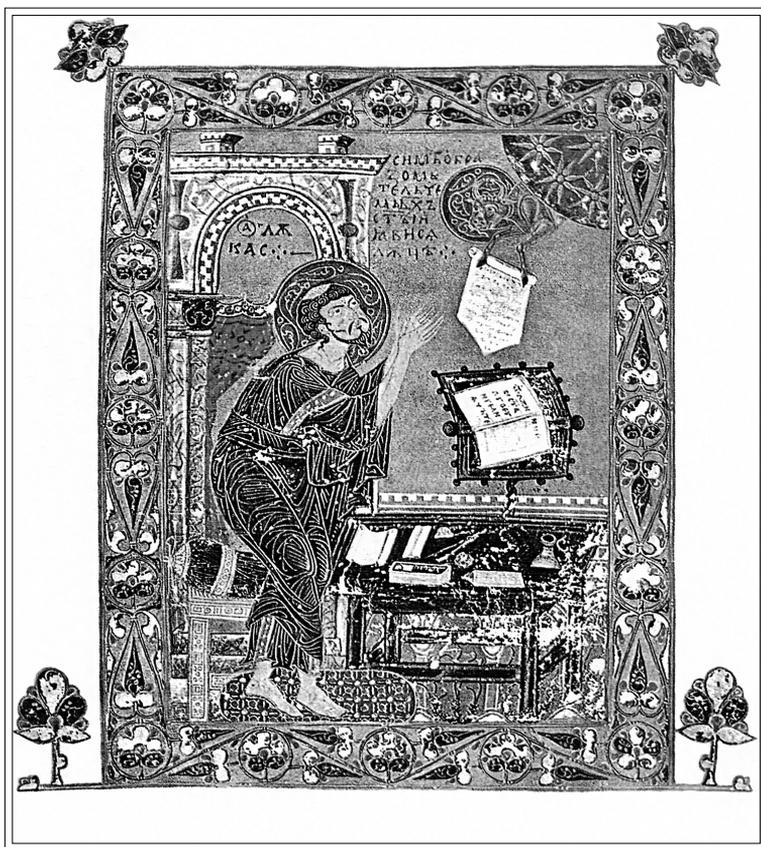
Keywords:

The oldest East Slavic dated manuscript, Novgorod, city ruler Ostromir, distant Bulgarian protograph.

---

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Остромирово Евангелие (1056–1057) — древнейшая датированная рукопись у восточных славян размером 35, 5 x 29 см., на 294 пергаменных листах. Писана крупным уставом в две колонки, каждая из которых имеет в среднем по 18 строк. Размер текстового поля 20 x 24 см., размеры букв — от 5 до 7 мм. Рукопись богато украшена, в ней имеются миниатюры с изображениями Евангелистов, заставки, а также многочисленные крупные, средние и мелкие инициалы. Наиболее часто в тексте встречаются крупные инициалы «В», иногда зооморфные или антропоморфные. В украшениях использованы киноварь, творенное золото, зеленая, красная, коричневая, желтая и синяя краски. По содержанию рукопись представляет собой краткое (апракосное) Евангелие, основную часть (лл. 2–204) которого составляют ежедневные чтения на 50 дней от Пасхи до Пятидесятницы, а также субботние и воскресные чтения на последующие недели года. Помещены в ней и чтения по Месяцеслову с сентября и на разные случаи жизни: на освящение церкви, «в победу царю на брани» и др.

Евангелист Лука.
Миниатюра Остромирова Евангелия

На лл. 293–293 об. Евангелия находится запись, проясняющая обстоятельства появления данного манускрипта на свет. Судя по содержащимся в ней данным, над его созданием в течение почти семи месяцев (с 21 октября 1056 г. по 12 мая 1057 г.) трудился диакон Григорий. Он принялся за работу над ним по распоряжению сына Ярослава Мудрого киевского великого князя Изяслава. Манускрипт предназначался для близкого княжьего родственника, новгородского посадника Остромира. В Киевской Руси посадничество в Новгороде — втором по величине городе государства — было тогда очень высокой должностью. Посадник являлся в Новгороде главным лицом, его «сажал» править городом киевский князь, чтобы тот представлял в нем княжеские интересы. Киевскому назначенцу принадлежала в нем вся полнота власти: он вершил суд, ведал обороной и торговыми отношениями Новгорода с другими русскими и чужеземными городами. Диакон Григорий называет посадника языческим мирским именем Остромир, хотя и приводит имя, данное тому в крещении, — Иосиф. В конце записи писец желает здоровья не только Остромиру, но и супруге его Феофане, их детям и женам детей. Одновременно Григорий извещал, что старался работать над рукописью по возможности тщательнее, и просил не клясть его за обнаруженные ошибки, а исправлять их и благословлять — правило, к которому призывал апостол Павел.

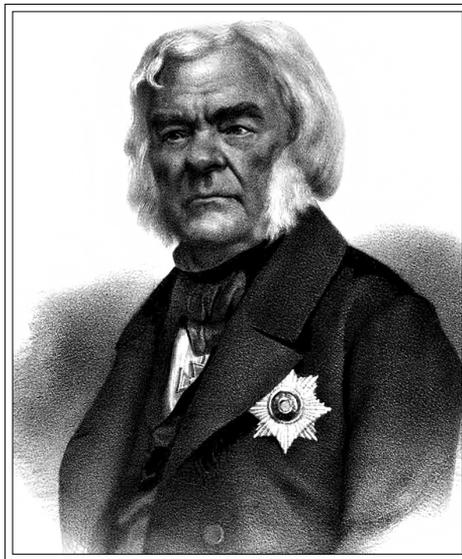
Остромир происходил из знатного рода: его дед Добрыня приходился дядей крестителю Руси князю Владимиру и послужил прообразом былинного богатыря Добрыни Никитича. Что же касается самого Остромира, то он был двоюродным дядей упомянутого великого князя Изяслава. Изготовленное для него роскошное Евангелие, скорее всего, предназначалось для помещения его на престоле только что выстроенного в Новгороде (1045–1050) собора Св. Софии — главном храме Северо-Западной Руси. После получения Евангелия Остромир-Иосиф властвовал сравнительно недолго. Через три года он погиб, встав во главе новгородской дружины во время похода на чудь.

Неизвестно, как долго затем Остромирово Евангелие находилось в Новгороде. В Москву его мог привести известный любитель книжности новгородский архиепископ Макарий, ставший при Иване Грозном в 1542 г. митрополитом Московским — т.е. главой Русской Православной церкви. Или же это могло случиться позднее во время карательного похода на Новгород в 1570 г. самого Ивана Грозного. Во всяком случае, в начале XVIII в. Остромирово Евангелие уже хранилось в Воскресенской церкви из комплекса Верхнеспасского собора, являвшегося домовым храмом русских царей при Теремном дворце Московского Кремля. В 1720 г. манускрипт передали Петру I, и вместе с другими книгами он оказался в Санкт-Петербурге, принадлежа по очереди членам русской Императорской фамилии. В 1806 г. российский император Александр I распорядился передать рукопись в санкт-петербургскую Императорскую публичную библиотеку (в настоящее время — Российская Национальная библиотека), где она хранится

и поныне под шифром F.n.1.5. К сожалению, роскошный золоченый оклад Остромирова Евангелия, изготовленный в 1851 г. на средства московских купцов, едва не привел рукопись к гибели. В 1932 г. некий вандал-водопроводчик разбил витрину, где она хранилась, ободрал драгоценный переплет и забросил ее на шкаф. После обнаружения изуродованной рукописи ее решили заново не переплести и поместили на сохранение в дубовый ларец.

Текст Остромирова Евангелия неоднократно издавался. Начало этому положил русский ученый А.Х. Востоков, в 1843 г. осуществивший наборное издание текста памятника в сопровождении краткой грамматики древнерусского языка и подстрочного греческого текста. Около четырех десятилетий спустя на средства русского купца Ильи Кирилловича Савинкова было выпущено факсимильное издание данной раритетной рукописи, важное для ее палеографического изучения. Следует отметить и дорогое подарочное издание Остромирова Евангелия в цвете, отпечатанное в Ленинграде в 1988 г. в связи 1000-м юбилеем крещения Руси. На основе текста памятника создавались и продолжают создаваться грамматики и словари старославянского языка. Язык рукописи отражает черты архаичного литературно-книжного древнецерковнославянского языка, который распространялся тогда в Киевской Руси через переводную болгарскую книжность. Диакон Григорий, вероятно, переписывал текст, имеющий болгарское происхождение. Его отдаленным протографом, видимо, послужила рукопись начала X столетия, созданная в период правления болгарского царя Симеона Великого, которая затем неоднократно переписывалась, приобретая новые языковые нюансы. В языке Остромирова Евангелия наблюдаются местные русские особенности, которые позволяют говорить о наличии у части восточных славян в середине XI в. русской редакции старославянского языка. Это видно, например, по случаям использования полногласия, смешения древнеславянских носовых гласных **А, Я, Ж** и **Ю** с **О, Ю** и **Я** или употребления редуцированных **Р** и **Л** вместо слоговых **РЬ, РЬ** и **ЛЬ**. В украшениях рукописи чувствуется связь не только с художественными традициями Византии и Болгарии, но и Западной Европы.

В результате тщательного кодикологического и палеографического изучения Остромирова Евангелия было установлено, что в его создании

*А.Х. Востоков — первый издатель
Остромирова Евангелия*

принимали участие, по крайней мере, три писца и то, что особые «экофонические» (музыкальные) значки проставлялись в нем на нужных местах далеко не всегда. В целом научное исследование рукописи нельзя считать законченным. До сих пор не решен, например, спорный вопрос о месте ее создания, и доводы сторонников Киева и Новгорода остаются на сегодня приблизительно равными. Дальнейшее изучение памятника, наверняка, приведет к новым и, возможно, неожиданным научным открытиям.

Единственное, что не вызывает сомнения, так это огромное значение Остромирова Евангелия для истории древнейшей письменности у восточных и южных славян. Не случайно в 2011 г. ЮНЕСКО внесло Остромирово Евангелие в список «Память мира» — реестр, в который обычно включают наиболее значимые памятники мирового культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Владышевская Т.Ф.* Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006.
Жуковская Л.Л. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
Загребин В.М. Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.: СПб., 2006.
Gardzaniti M. *Altslavische Version der Evangelien.* Köln, Weimar, Wien, 2001.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Евангелист Иоанн. Миниатюра Остромирова Евангелия. 1056–1057 гг. Л. 1 об.
2. Заставка перед началом чтений из Евангелия от Иоанна. Миниатюра Остромирова Евангелия. 1056–1057 гг. Л. 2.
3. Евангелист Лука. Миниатюра Остромирова Евангелия. 1056–1057 гг. Л. 87 об.
4. Евангелист Марк. Миниатюра Остромирова Евангелия. 1056–1057 гг. Л. 126.
5. Крупный антропоморфный инициал «В». Остромирово Евангелие. 1056–1057 гг. Л. 68.
6. Запись писца диакона Григория об обстоятельствах написания Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. Л. 293.
7. Запись писца диакона Григория об обстоятельствах написания Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. Л. 293 об.
8. Общий вид Верхнеспаского собора — домового храма русских царей при Теремном дворце Московского Кремля, где Остромирово Евангелие находилось в первых десятилетиях XVIII в.
9. Русский ученый А.Х. Востоков (1781–1864), осуществивший в 1843 г. в Санкт-Петербурге первое наборное издание Остромирова Евангелия 1056–1057 гг.
10. Обложка первого наборного издания Остромирова Евангелия 1056–1057 гг., которое в 1843 г. осуществил в Санкт-Петербурге русский ученый А.Х. Востоков.

ПРОСВЕТИТЕЛЬ И НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ СЕРБИИ СВ. АРХИЕПИСКОП САВВА¹

Аннотация:

В статье рассказывается о св. Савве Сербском (ок. 1169–1235) — крупнейшей фигуре в истории религиозной и культурной жизни православных славян на Балканах в конце XII — первой трети XIII в. Он являлся создателем и предстоятелем автокефальной Сербской церкви, первым распространителем среди сербов сводов церковных и светских законов, первым известным сербским переводчиком и писателем. После смерти Савва был провозглашен святым, сделался одним из главных героев сербской литературы и фольклора, стал почитаться как небесный защитник Сербии и поспособник сербского образования.

Ключевые слова:

Сербия, св. Савва, появление самостоятельной Сербской церкви, начало сербской переводной и оригинальной литературы.

Abstract: I.I. KALIGANOV “THE ENLIGHTENER AND HEAVENLY DEFENDER OF SERBIA: HOLY ARCHBISHOP SAVA”.

The article talks about St. Sava of Serbia (c. 1170–1235), the greatest figure in the history of religious and cultural life of the orthodox Slavs in the Balkans in the late 12th to the first third of the 13th centuries. He was the creator and primate of the autocephalous Serbian Church, the distributor among the Serbs of first codes of church and secular laws and the first known Serbian translator and writer. After his death, Sava was proclaimed a saint, became one of the main heroes of Serbian literature and folklore, and became honored as a heavenly defender of Serbia and protector of Serbian education.

Keywords:

Serbia, St. Sava, the emergence of an independent Serbian church, the beginning of Serbian translation and original literature.

Св. Савва (ок. 1169–1235) — крупнейшая фигура в истории религиозной и культурной жизни православных славян на Балканах конца XII — первой трети XIII столетия, основатель автокефальной Сербской церкви, ее первый архиепископ, первый распространитель среди сербов церковных и светских законов, первый из известных сербских переводчиков и писателей. Был канонизирован как святой сразу же после смерти, один из главных героев сербской средневековой литературы и фольклора, почитается как покровитель образования и защитник Сербии.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Святой Савва.

Стенопись монастыря Милешево.
XIV в.

Растко (таково было светское имя будущего св. Саввы) родился в семье объединителя сербских земель великого жупана (князя) Стефана Немани (1113–1199). Также как его братьям Стефану и Вукану, ему была уготована обычная для сыновей правителя жизнь: женитьба и получение от отца собственной вотчины. Но любящий книгу, набожный Растко по исполнении 16 лет тайно от всех бежал на Афон, где принял монашеский постриг под именем Саввы. Там он надолго обосновался в монастыре Ватопед, подвизался в нескольких афонских обителях и обустроил на Афоне келью для двух-трех сербских монахов с церковью Саввы Освященного. Для них он перевёл с греческого языка и снабдил своими добавлениями так называемый «Карейский типик» — свод строгих монашеских правил, которые легли затем в основу положений о монастырской жизни в скитах Сербии. На щедрое пожертвования своего отца Савва построил

на Афоне три храма и жилые корпуса для монахов и паломников.

В 1197 г. его родитель добровольно передал престол своему сыну Стефану, принял монашеский постриг под именем Симеон и удалился в выстроенную им «задужбину»² — обитель Успения Богородицы в Студенице. Чуть позднее он по приглашению Саввы приехал на Афон, после чего на афонские монастыри пролился настоящий дождь пожертвований. За это Савву в Ватопеде называли «вторым ктитором» — первым являлся византийский император. В 1197 г. отец и сын Неманичи упростили византийского императора Алексия III Ангела даровать им запустевший после нападения пиратов Хиландарский монастырь, чтобы отстроить его для сербского монашества. Позднее, около 1200 г. Савва перевел для этой обители греческий устав константинопольской обители Богородицы Евергетиссы, снабдив свой перевод необходимыми изменениями и дополнениями. Так появился на свет его знаменитый «Хиландарский типик». С той поры Хиландар превратился в один из главных центров духовной жизни средневековой Сербии. 13 февраля 1199 г. отец Саввы умер, и почти сразу же был провозглашен святым, став первым сербом, возведенным в чин святости. Для его канонизации Савва написал житие и службу св. Симеона — пер-

² Монастырь, который сербские правители обычно строили как собственную усыпальницу в поминавание своей души.

вые памятники агиографии и гимнографии, заложившие основы сербской оригинальной литературы.

В 1204 г. Савва был поставлен в архимандриты, но на Афоне после этого долго не оставался. В том же году крестоносцы завладели Константинополем (в котором оставались до 1261 г.), и над Афоном нависла реальная угроза захвата его «латинянами». Кроме того, в Сербии вели междоусобную борьбу его братья Стефан и Вукан. Поэтому в 1207 г. Савва покинул Афон и вместе с мироточивыми мощами своего отца св. Симеона переместился в Студеницкий монастырь, сделавшись его игуменом. Через год святитель создал «Студеницкий типик», положив в его основу выполненный им ранее перевод типика для Хиландарской обители. Благодаря своему моральному авторитету Савве удалось примирить братьев, спокойствие в стране было восстановлено, но подвижника очень тревожило усиление в Сербии латинского влияния. На значительной части владений Византии была образована Латинская империя, его брат Стефан, верховный правитель Сербии, принял королевскую корону от Папы и признал себя папским вассалом.

Борясь с усилением латинского влияния, Савва позднее повторно венчал своего брата Стефана как короля, теперь уже по византийскому православному обряду, и тот получил прозвище Первовенчаный. Подвижник начал последовательно добиваться создания независимой Сербской церкви, и его дипломатические усилия вскоре увенчались успехом. В 1218 г. на соборе в Никее национальная церковь сербов была провозглашена автокефальным архиепископством, и на следующий год Савва был избран его главой. Из архиепископской резиденции, монастыря Св. Спаса в Жиче, Савва отправлял своих учеников во все сербские пределы, создавая в них епископские кафедры. Отвечая потребностям сербского государства и церкви, Савва утвердил в Сербии основы церковных и светских законов посредством перевода и приспособления под местные нужды византийского «Номоканона» (или по-славянски «Кормчей»). При составлении этого свода около 1220 г. Савва привлек к работе сербских и русских афонских переводчиков и использовал уже имевшиеся славянские переводы Номоканона (кирилло-мефодиевский IX в. и русский XI в.), различные его византийские редакции и многочисленные более поздние толкования его текста.

В 1229–1230 и 1234–1235 гг. Савва совершил паломничества в Святую землю, причем перед второй поездкой он добровольно передал свой престол своему ученику Арсению. Из Иерусалима подвижник отправлял письма Студеницкому игумену Спиридону и тем самым заложил основы сербской эпистолографии, опиравшейся на византийские традиции. Возвращаясь из второй поездки на родину, Савва умер в болгарской столице Велико Тырново, и был торжественно там погребен. Через год племянник Саввы, король Владислав перевез мощи своего дяди в сербский монастырь св. Вознесения Христова в Милешево. Они стали там объектом поклонения сербов, стекавшихся к ним со всех уголков родных земель на протяжении

нескольких столетий. Особенно усилилось почитание Саввы как защитника Сербии после завоевания страны турками в середине XV в.

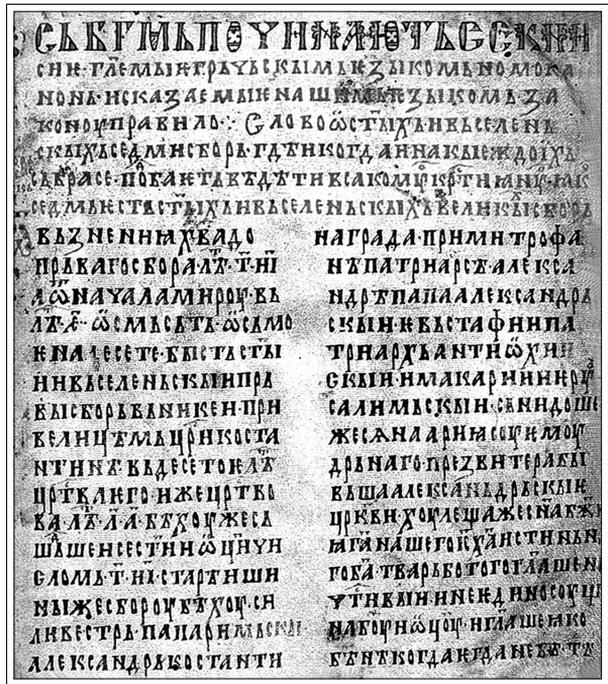
Судьба творений Саввы Сербского во многом определялась их предназначением. «Карейский типик» создавался для конкретного места — монашеской кельи или монастырька, и поэтому сохранился в единственном древнем списке — прижизненном подвижнику, но не в его автографе. Он хранится в библиотеке Хиландарского монастыря. Что же касается общежительного устава самой этой обители, то он был распространен больше и сохранился в нескольких списках, в том числе датируемом не позднее 1206 г. и находящемся в архиве Хиландара. А «Студеницкий типик» Саввы Сербского был адресован монастырской братии и уцелел всего в двух списках 1619 и 1760 гг., хранящихся в Пражском Народном музее и Национальной и университетской библиотеке Загреба. Более широкую известность в славянском мире получил «Номоканон» подвижника, дошедший до нас немалом числе сербских списков XIII–XVI вв., древнейшим из которых является Иловицкий (1262 г.). В 20-х годах XIII столетия перевод «Номоканона» Саввы Сербского попал в Болгарию, а оттуда спустя сорок лет на Русь, где он получил название «Кормчая». На русской почве в XIII–XVII столетиях этот церковно-юридический сборник часто переписывали местные книжники, создав на его основе несколько новых редакций. В середине XVII столетия «Кормчую» Саввы Сербского издали в Московском Печатном дворе со многими дополнениями, после чего издание распространилось на Балканах и оказывало влияние на развитие сербского церковного права по XVIII в. включительно.

Св. Савва является и родоначальником сербской агиографии и гимнографии. Ему принадлежит два жития его отца св. Симеона и служба подвижнику. Первое краткое житие он включил в состав «Хиландарского типика», рассказав о последних днях жизни и кончине своего родителя св. Симеона. Более интересным в литературном и историческом плане является второе из его житий. Оно более пространно и представляет собой введение к «Студеницкому типику» для знакомства монастырской братии с обстоятельствами возникновения монастыря и прояснения смысла его существования. Савва составлял его с опорой на византийские агиографические традиции, часто используя элементы риторики, цитаты из Священного Писания и прибегая к параллелям деяний св. Симеона с действиями прославленных библейских персонажей. Рассказывая о мирской жизни своего героя, Савва впервые создает в сербской литературе образ идеального государственного правителя и истинного христианина. Стефан Неманя сумел укрепить сербскую державу, возратить все утраченные ранее сербские владения, обеспечить стране мир и благополучие на протяжении всего своего 37-летнего правления. Он был набожен, христолюбив, щедро одаривал Церковь, чтит иереев, основал четыре монастыря в Топлице, Расе и Студенице, являлся надеждой для ее утративших, выступал заступником вдов и сирых, кормильцем убогих и нищих. При этом он про-

являл равнодушие к земному богатству и власти и величайшее смирение: добровольно расстался с престолом, передал свои владения сыновьям, принял постриг и схиму и отдал Богу душу на простой рогожке, положив под голову камень, который ему принесли вместо подушки по его настоянию. Наряду с традиционной житийной топикой в этом памятнике сербской литературы присутствует многочисленными факты из древней истории сербов, отсутствующие в других письменных источниках.

Церковная же служба, сотворенная Саввой на Афоне для совершения ее 13/26 февраля в день памяти св. Симеона в храмах, является сугубо традиционной и подчиняется законам этого очень консервативного жанра. Они предусматривают использование веками утвержденными поэтическими и певческими образцами, которые создавали знаменитые византийские гимнографы прошлого. В качестве образца для себя Савва избрал службу сирийскому подвижнику IV–V вв. Симеону Столпнику, позаимствовав из нее отдельные составляющие.

Согласно легенде, из опустевшей могилы св. Симеона на Афоне произросла чудодейственная лоза, плоды которой избавляют от бесплодия. Создав житие и службу своему отцу, Савва, образно говоря, насадил «лозу Неманичей» в слове и звуке, которая затем приобрела «триипостасьную» суть благодаря художникам, которые позднее стали изображать лозу на своих иконах и фресках. На протяжении нескольких столетий они вплетали в нее изображения представителей династии Неманичей, становившихся правителями Сербии и главами Сербской Церкви и провозглашавшихся после смерти святыми. Росла лоза, разумеется, и в слове, и в звуке: Неманичи делались героями житий, служб и различного рода церковных песнопений. С течением времени лоза все более разрасталась, давая побеги из династий и родов сербских правителей Лазаревичей, Бранковичей и Якшичей.

*Иловицкий список Кормчей
св. Саввы Сербского.
1262 г.*

Сам преподобный Савва сразу же после его кончины был провозглашен святым и «влетен» в лозу Неманичей: местные книжники начали слагать в его честь жития, похвалы, службы, каноны, тропари и стихиры. В XIV–XV столетиях о нем писали такие знаменитые сербские книжники, как иеромонах Доментиан, Феодосий Хиландарец, архиепископ Даниил II, патриарх Даниил III и менее проявившие себя анонимные авторы. Традиция не прервалась даже после 1594 г., когда паша Синан в наказание сербам за их очередное восстание против турок приказал сжечь на холме Врачар близ Белграда сербскую национальную святыню — мощи св. Саввы, доставленные для публичного их сожжения из Милешева. Но этот акт не уменьшил почитания сербами своего небесного защитника и покровителя. В народе не переставали возникать устные легенды о св. Савве, связанные с его прижизненными чудесами, духовной прозорливостью и передвижениями по сербской земле. Ощущение незримого присутствия св. Саввы стало частью сербского национального самосознания и основой феномена, называемого «Святосавье». Именем подвижника в Сербии названы корабли, заводы, фирмы, учебные заведения и издательства. Возведенный в наше время на холме Врачар собор св. Саввы является самым большим православным храмом на Балканах.

Св. Савва почитался не только в Сербии — в XIV–XV вв. его культ существовал в Болгарии и через Афон проник в Московское государство. На русской почве первые сведения о подвижнике появились в результате распространения Стишного пролога с кратким житием св. Саввы. В XV в. на Руси появилась служба подвижника, которую составил книжник Феодосий. С перечнем афонских святынь и с именем св. Саввы русские монахи могли познакомиться при чтении рукописного сборника второй половины XV столетия известного книгописца Ефросина, подвизавшегося в Кирилло-Белозерском монастыре. В некоторых русских списках Кормчей было помещено небольшое житие св. Саввы, созданное, вероятно, в 1460-х гг. на русской почве. Новой вехой в распространении культа подвижника можно считать 1517 г., когда афонский старец Исая доставил на Русь сборник с житием св. Саввы и общей похвалой ему и св. Симеону — произведениями, написанными все тем же Феодосием. Особенно возросло почитание Саввы Сербского в русской земле после того, как Хиландарский игумен Паисий привёз в 1550 г. в дар самодержцу Ивану Грозному икону с изображением свв. Симеона и Саввы и Савин крест, который подвижник носил до своего пострижения на Афоне. Имел значение и тот факт, что в жилах русского самодержца текла сербская кровь (его бабкой являлась сербка Анна из рода Якшичей). В XV–XVII столетиях произведения Феодосия бытовали в Московском государстве во множестве списков. Данные из его жития Саввы использовали составители всемирно-исторического свода — Русского Хронографа 1516–1522 гг. В 30-е годы того же века они вошли в Никоновскую летопись, а через нее и в знаменитый Лицевой Летописный свод 1560-х–1570-х годов.

О большом почитании св. Саввы Сербского на русской земле свидетельствует создание местными мастерами многочисленных стенописей, икон и миниатюр с изображениями подвижника. Древнейшее из них, датированное 1564 г., находится на одном из столпов Архангельского собора Московского Кремля — усыпальницы русских великих князей и царей до Петра I. Чуть позднее московские художники создали для Лицевого Летописного свода несколько миниатюр, связанных с иконографией св. Саввы Сербского. Помимо Москвы, иконы сербского подвижника широко распространялись на севере и западе страны: в Ярославле, Романове, Вологде, псковских землях и других пределах нарождавшейся Российской империи. Почитание Саввы Сербского не ослабло в России и поныне — каждый год в православных монастырях и храмах страны 12/25 января славится имя этого святителя и совершается посвященная ему церковная служба.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев С.В.* Жития святых Симеона и Саввы. Жития королей и архиепископов Сербских. Памятники сербской средневековой агиографии XIII–XVII вв. Санкт-Петербург, 2016. Т. I. 720 с.
- Ђоровић Ђ.* Списи Святому Саве. Београд, Сремски Карловци. Српска Краљевска Академија, 1928.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Карея — управленческий центр афонского монастырского содружества.
2. Афонский Хиландарский монастырь.
3. Хиландарский типик.
4. Монастырь Успения Богородицы в Студенице — задужбина Стефана-Симеона Немани.
5. Монастырь Св. Спаса Вседержителя в Жиче — центр созданного в XIII в. автокефального Сербского архиепископства.
6. Иловицкая Кормчая. 1262 г.
7. Лоза Неманичей. Собор Св. Спаса Вседержителя в Жиче. XIV в.
8. Св. Савва. Стенопись в монастыре Вознесения Христова в Милешево, где покоились мощи преподобного. XIV в.
9. Свв. Савва и Симеон Сербские. Роспись Архангельского собора Московского Кремля. 1564 г.
10. Храм св. Саввы в Белграде. XX–XXI в.

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ ЛАЗАРЬ СЕРБСКИЙ, ПОГИБШИЙ В БИТВЕ С ТУРКАМИ НА КОСОВОМ ПОЛЕ¹

Аннотация:

Статья посвящена князю Лазарю, правившему Сербией в XIV в. около двух десятков лет и погибшему затем в битве с турками на Косовом поле в 1389 г. Он проявил себя успешным правителем и дипломатом, сумел объединить значительную часть разрозненных сербских земель, укрепить династические связи со своими балканскими соседями, урегулировать конфликт Сербской церкви с Константинопольской патриархией. Почти сразу же после гибели князь Лазарь был провозглашен святым мучеником. Его фигура заняла видное место в сербской литературе и фольклоре. Культ князя Лазаря в XVI в. проник в Московское государство, но был меньшим по сравнению с почитанием в русских землях св. архиепископа Саввы Сербского и св. Симеона Сербского.

Ключевые слова:

Сербия, князь Лазарь, гибель в битве с турками, канонизация, отражение его фигуры в литературе и фольклоре, культ в русских землях.

Abstract: I.I. KALIGANOV “THE HOLY BLESSED PRINCE LAZARUS OF SERBIA WHO DIED IN THE BATTLE WITH THE TURKS ON KOSOVO FIELD”.

The article is dedicated to Prince Lazarus, who ruled Serbia in the 14th century for about two decades and died in the battle with the Turks on Kosovo field in 1389. He proved to be a successful ruler and diplomat, managed to unite a large part of the scattered Serbian lands, strengthen dynastic ties with his Balkan neighbors and resolve the conflict of the Serbian Church with the Constantinople Patriarchate. Almost immediately after his death, Prince Lazarus was proclaimed a holy martyr. His figure took a prominent place in Serbian literature and folklore. The cult of Prince Lazarus in the 16th century entered the Moscow state, but was less important than the veneration in Russian lands of St. Sava of Serbia and St. Simeon of Serbia.

Keywords:

Serbia, Prince Lazarus, death in battle with the Turks, canonization, reflection of his figure in the Serbian literature and folklore, his cult in the Russian lands.

Князь Лазарь Хребелянович (ок. 1320–1389) — правитель Сербии, объединитель сербских земель, строитель монастырей и храмов, один из главных героев битвы против турок на Косовом поле в 1389 г., отразившейся в сербской литературе и фольклоре, после гибели почти сразу же был причислен Сербской Православной Церковью к лику св. великомучеников.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Он начал править Сербией не в самое лучшее для нее время. Страну раздирали усобицы крупных феодалов, часть территории бывшего сербского государства заняли воинственные соседи. Сюга на северные Балканы напирала турки, в 1371 г. одержавшие над сербами победу на реке Марице. Почти одновременно прервалась и линия династии Неманичей, которые правили Сербией более двухсот лет. Последний ее представитель, царь Стефан Урош V умер тогда же, не оставив после себя наследников. Среди претендентов на управление страной верховенства добился придворный аристократ Лазарь, сын царского логофета (начальника канцелярии) по имени Прибац, владевшего городком Прилепец на р. Южная Морава. Укреплению Лазаря во власти во многом способствовал его брак с аристократкой Милицей, которая находилась в дальнем родстве с царствовавшей прежде династией Неманичей. Лазарь оказался успешным правителем и дипломатом. Он

расширил военные и политические связи с соседями, выдав своих дочерей в жены владевшему областью Косова и Северной Македонией Вуку Бранковичу, Александру — сыну болгарского царя Ивана Шишмана из Тырново, и сербскому правителю северной Албании Георгию Балшичу. Кроме того, ему удалось урегулировать длительный конфликт между Сербской Православной Церковью и Константинопольской патриархией из-за самовольного поставления сербами своего патриарха в 1345 г. без согласования с ней вопроса о легитимности столь важного церковно-юридического акта.

Увеличив свои земельные владения, Лазарь не стал претендовать на царский или королевский статус, а довольствовался титулом князя. Поэтому ученые позднее стали называть период его правления «княжевиной». Помимо политического укрепления страны, князь Лазарь существенно улучшил ее экономическое состояние и приступил к созидательной деятельности. В столице княжества г. Крушевац по его распоряжению была воздвигнута великолепная церковь первомученика Стефана («Лазарица»), он основал свою будущую усыпальницу — «задужбину» Раваница (монастырь Вознесения Христова — крепость с мощными стенами и башнями) и построил обитель Пресвятой Богородицы в Велудже. Возводившиеся храмы имели специфические черты, ставшие затем приметам Моравской школы в сербской архитектуре. Их стены представляли собой чередующиеся слои из тесаного известняка с тремя рядами кирпичей и имели декоративные глу-

Св. Лазарь, князь Сербский.
Прорись прижизненного портрета в монастыре Раваница.
1385–1387

хие арки, крестообразные кровли покрывались свинцом или черепицей, барабаны куполов были высокими и узкими, а основное помещение располагало боковыми конхами-капеллами. Выступил князь Лазарь и щедрым ктитором ряда афонских монастырей, в том числе сербского Хиландарского, русского св. Пантелеймона и греческой Лавры св. Афанасия. При дворе князя Лазаря в Крушеваце обрели приют многие писатели и ученые, покинувшие свои родные места из-за военной экспансии турок на Балканах.

Турецкое завоевание балканских земель осуществлялось последовательно и методично. Победы и поражения в нем турок чередовались неоднократно. Самым знаменитым из сражений сербов с турками стала битва на Косовом поле, произошедшая 15 июня 1389 г. в день св. Вита (по-сербски — «Видовдан»). Именно она наиболее глубоко отразилась в сербской народной памяти и воплотилась в памятниках сербской литературы и фольклора. В этой битве во главе с князем Лазарем приняли участие объединенные силы балканских народов (сербы, боснийцы, хорваты, венгры, валахи и албанцы) общим числом приблизительно 12–20 тыс. человек. Им противостояло турецкое войско под началом султана Мурада, превосходившее их по численности в полтора раза. Кроваво-пролитное сражение продолжалось целый день с переменным успехом для обеих сторон. Известное замешательство в турецком стане наступило после неожиданной гибели султана Мурада. В ставку к нему под предлогом важного сообщения явился сербский витязь Милош Обилич и, когда его подвели к Мураду, молниеносно извлек кинжал из складок одежды и заколол его на глазах телохранителей и придворных. Турки растерзали обидчика, но были ошеломлены случившимся. Этой критической ситуацией воспользовался сын султана Баязид: он приказал удавить своего соперника брата Якуба и повел турок на сербов в яростную атаку. Раненный князь Лазарь попал в плен, доставлен в шатер Мурада и обезглавлен над его телом. Турки одержали по-

Гибель князя Лазаря на Косовом поле.
Миниатюра
Лицевого Летописного свода.
Середина XVI в.

беду, но и сами понесли тяжелые потери, и их напор на север Балкан сравнительно уменьшился. Сербия попала от турок в вассальную зависимость, но смогла отстаивать свою неполную свободу еще целых 70 лет.

Родственники выкупили тело князя Лазаря, и спустя несколько лет оно было погребено в княжеской усыпальнице в Раванице. Церковь провозгласила казненного турками Лазаря святым великомучеником — православным, принявшим смерть за Христа от иноверных. В честь ставшего страдальцем Христовым верховного правителя в сербской литературе на протяжении полувека было создано около двух десятков произведений: пространных и кратких житий, похвальных слов, служб, канонов, тропарей и стихир. Некоторые из них были очень необычны по характеру материала, на котором они были запечатлены. Так, например, Елена, вдова погибшего в 1371 г. на реке Марице деспота Иоанна Углеши (в монашестве Евфимия) вышила золотыми и серебряными нитками текст похвалы князю Лазарю на покрове для раки святого. А сын князя, деспот Стефан Лазаревич, предположительно, выступил автором поэтической эпитафии отцу на мраморном столпе, который был установлен на Косовом поле. Остальные произведения были вполне традиционными (письменные тексты на пергамене и бумаге) и принадлежали известным или анонимным средневековым авторам. Среди первых находились сербский патриарх Даниил III, составивший похвальное слово князю Лазарю в 90-х годах XIV в., и грек Антоний Рафаил Эпактит, написавший произведение о страдальце аналогичного жанра.

Другие посвященные князю Лазарю агиографические и гимнографические произведения того периода являются анонимными. К таковым относятся проложное житие со стихом, сопровождающее текст службы; житие князя Лазаря, «Слово и отчасти от жития воспоминание», «Житие и начальство», вошедшее в так называемую Печскую летопись. Весьма многочисленными были и посвященные св. князю Лазарю анонимные церковные песнопения. Здесь прежде всего следует назвать стихиры и тропарь Лазарю, составленные для прославления святого по случаю принесения его мощей в Раваницу. Видимо, в том же монастыре в начале XV в. была написана и служба великомученику с двумя канонами, причем первый из них содержит в себе акростих «Лазаря похвалити, Боже мой, разум даруй ми». Со второй половины XV в. в развитии культа св. Лазаря произошла приостановка на полтора века — лишь в 90-х годах XVII столетия известный переписчик рукописей, иеромонах Киприан из монастыря Рача создал новую посвященную князю Лазарю стихирю. Ослабление традиции церковного почитания данного святого отчасти компенсировала сербская устная народная традиция. Особенно широкое распространение она получила после «Великого переселения» части сербов в австрийские владения в 1690 г. Князь Лазарь становится одним из главных героев фольклорного Косовского цикла, в котором часто обыгрывается сюжет с усеченной головой мученика. С XVIII в. фольклорные веяния стали заметны в сербской лите-

ратуре, о чем свидетельствуют «Притча о косовском бое», Троношский родослов и, отчасти, «Сербская хроника» Георгия Бранковича.

Сведения о Косовской битве и гибели князя Лазаря к концу XIV столетия достигли Московской Руси, но какие-либо сербские письменные памятники о святом долго были русским людям неизвестны. Косвенные сведения о случившемся проникали на Русь главным образом посредством рассказа о Косовской битве и гибели князя Лазаря, который читался в житии его сына Стефана Лазаревича, составленном болгарским писателем Константином Костенецким. Оно начало распространяться в северо-восточных русских землях с первого десятилетия XVI в., и косовский сюжет из него попал во все редакции Русского Хронографа XVI — XVII вв., начиная с первой из них, составленной иеромонахом Досифеем (Топорковым) между 1516 и 1522 гг. Позднее данный сюжет был включен и в Никоновскую летопись. В середине XVI в. хиландарский игумен Паисий, наряду с другими дарами Ивану Грозному, привёз в Москву икону и службу князю Лазарю Сербскому. Видимо, с этого времени служба этому сербскому мученику и начала распространяться в русской рукописной традиции, но она пока еще слабо изучена. Известны, по крайней мере, два русских списка службы Лазарю Сербскому конца XVI столетия в служебных минеях, находившихся в Усть-Орле и Сольвычегодске — вотчинах богатейшего русского промышленника Никиты Строганова. В 80-х годах этого же столетия русские певчие распели и снабдили музыкальной знаменной нотацией отдельные стихирь князю Лазарю. Примером этому могут служить материалы из датированного «не позднее 1586 г.» певческого сборника Кирилло-Белозерского монастыря.

Древнейшим русским изображением князя Лазаря в Московской Руси считается одна из стенописей 1564 г. Архангельского собора в Московском Кремле — усыпальницы великих русских князей и царей вплоть до Петра I. Сюда князь Лазарь попал заодно с другими сербскими подвижниками — святыми Симеоном и Саввой, культ которых в русскую землю проник значительно ранее. В целом можно отметить более слабое распространение почитания князя Лазаря в Московской Руси по сравнению с другими известными южнославянскими подвижниками — Иваном Рильским, Саввой и Симеоном Сербскими и Георгием Новым. Но объяснять это слабой связью с Москвой сербского монастыря Раваница, где хранились мощи подвижника (его иноки впервые приехали в русскую столицу лишь в 1693 г.) было бы ошибкой. Ведь культ данного сербского мученика проник в Москву через Афон еще за полтора века до этого. Скорее всего, причину следует искать в концептуально-политических соображениях Московского государства. Св. князь Лазарь стал среди сербов яркой культовой фигурой как первый верховный правитель православной страны, павший в битве против магометан. Но он не мог сделаться подобной значительной фигурой для почитания среди русских — жителей православного государства, чьи правители готовились к решительной борьбе с Казанью, Астраханью

и Крымом и развивали идею Москвы — третьего Рима. Это стало бы напоминанием о возможном поражении в такой борьбе русского воинства и гибели только что венчавшегося на царство первого русского легитимного самодержца Ивана Грозного или тех, кто вставал во главе России вслед за ним. Кроме того, отсутствовали и основания для причисления князя Лазаря к лику великомучеников (наиболее близких к Богу святых), каковым он называется в одном из первых посвященных ему сербских житий. Князь не прошел через вереницу ужасных мучений во имя Христа, и перед ним не стояла альтернатива смены веры ради спасения собственной жизни — казнь его была практически мгновенной и вызвалась чувством мести турок за гибель султана Мурада. Вероятно, именно поэтому в последующих сербских житиях и более поздних русских письменных источниках он стал фигурировать как св. «блаженный» или «благоверный» князь Лазарь Сербский.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С.В. Памятники сербской средневековой агиографии XIV–XVII вв. Переводы и исследования. Санкт-Петербург, 2017. Т. 2. Жития XIV–XVII вв. Родословы. Летописи. 462 с.

Трифуновић Ђ. Српски средњовековни списи о кнези Лазару и Косовском боју. Крушевац: Багдала, 1978.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Монастырь Вознесения Христова в Раванице. 1375–1377 гг.
2. Крушевацкая крепость.
3. Собор св. первомученика Стефана (Лазарица) в Крушеваце. Ок. 1377–1380 гг.
4. Князь Лазарь. Прорись фрески (прижизненного портрета) в монастыре Вознесения Христова в Раванице. 1385–1387 гг.
5. Памятный монумент Газиместан на Косовом поле.
6. Похвала князю Лазарю на покрове. Монахиня Евфимия. 1402 г.
7. Свв. Князь Лазарь и княгиня Милица. Фреска монастыря Успения Богородицы в Любостини. Около 1403 г.
8. Миниатюра с изображением гибели князя Лазаря на Косовом поле. Лицевой Летописный свод. Второй Остермановский том. Середина XVI в.
9. Фреска с изображением князя Лазаря на столпе кремлевского Архангельского собора. 1564 г. под записью XVII в.
10. Свв. великомученики князь Лазарь и Георгий Новый. Икона Хиландарского монастыря. Середина XVI в.

ГЕОРГИЙ НОВЫЙ СОФИЙСКИЙ — МУЧЕНИК ЗА ВЕРУ, СОЖЖЕННЫЙ ТУРКАМИ ЗА ОТКАЗ ПРИНЯТЬ ИСЛАМ¹

Аннотация:

В статье рассказывается о болгарском юноше Георгии, казненном турками в 1515 г. в Софии за отказ принять ислам. Его почитание быстро распространилось на Балканах и столь же быстро проникло в русские земли посредством устной передачи сюжета: всего лишь через четверть века афонские монахи Прохор и Митрофан рассказали о трагической гибели мученика новгородскому архиепископу Макарию, и тот повелел священнику своей домово́й церкви, иеромонаху Илье составить житие Георгия Нового, используя сведения странников. Спустя 10 лет этот софийский мученик был канонизован как общероссийский святой на московском Церковном Соборе 1549 г., и в этой связи псковский агиограф Василий-Варлаам написал проложное житие и службу страдальцу. Культ Георгия Нового получил исключительно широкое распространение в русских землях, сравнявшись по своему масштабу с культами других известных южнославянских святых, пустынножителя Ивана Рильского и архиепископа Саввы Сербского.

Ключевые слова:

Балканы, религиозная ассимиляция, мученичество, Георгий Новый, болгарская и русская версии житий и служб, особенности культа, исключительная известность в России.

Abstract: I.I. KALIGANOV “GEORGE THE NEW OF SOFIA: A MARTYR, BURNED BY THE TURKS FOR REFUSING TO ACCEPT ISLAM”.

The article talks about the Bulgarian youth George, executed by the Turks in 1515 in Sofia for refusing to accept Islam. His veneration quickly spread to the Balkans and just as quickly penetrated the Russian lands through the oral transmission of the story: only a quarter of a century later Athonite monks Prokhor and Mitrophan spoke about the tragic death of the Martyr in Novgorod to Archbishop Macarius, and he told the priest of his home Church, hieromonk Iliah to make a Life of George the New using the information of the strangers. Ten years later, this Martyr of Sofia was canonized as an all-Russian Saint at the Moscow Church Council in 1549, and in this regard, the Pskov hagiographer Vasily-Varlaam wrote a short life and service to the sufferer. The cult of George the New was extremely widespread in Russian lands, equaling in scale the cults of other famous South Slavic saints, the hermit John of Rila and Archbishop Sava of Serbia.

Keywords:

The Balkans, religious assimilation, martyrdom, George the New, Bulgarian and Russian versions of lives and services, features of the cult, exceptional fame in Russia.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Георгий Новый Софийский (1497–1515) — великомученик, сожженный турками 11 февраля 1515 г. в болгарском г. Средец (София) за отказ принять ислам и ставший широко известным не только на славянском православном юге, но и в русских землях.

Возникновение посвященных данному мученику агиографических произведений связано с Афонско-Константинопольской мартирологической традицией прославления мучеников за веру, пострадавших от завоевателей-турок, которые принуждали переходить в магометанство представителей поработанных христианских народов на Балканах в конце XV–XIX вв. Одним из таких страдальцев стал и Георгий Новый Софийский. Историю жизни и мученичества этого героя подробно и вполне реалистично изложил софийский пресвитер Пейо, написавший житие подвижника и составивший ему службу. По сведениям книжника, Георгий родился в македонском г. Кратово, рано лишился отца и решил поискать счастья в Софии, надеясь не пропасть благодаря своей любимой профессии «златокузнеца», т.е. ювелира.

Пейо приютил юношу и стал для него духовным отцом. Все шло хорошо, но внезапно подступила беда. Юный Георгий был необычайно хорош собою, и софийские турки стали склонять его к магометанской вере. Именно из-за этого и угрозы быть взятым в янычары он и бежал из родного города в Софию, но и здесь его поджидала аналогичная опасность. Укрепляемый в вере своим духовным отцом Георгий отбил все попытки турок прельстить его мнимыми достоинствами вероучения Магомета по сравнению с Христовым, и тогда те решили добиться своего насильем. Они оклеветали юношу перед мусульманским судьей, и Георгий был приговорен к пыткам за ложное обвинение в поношении Магомета. В течение нескольких дней продолжались допросы и истязание юноши, избежать которого можно было при условии принятия им ислама. Но Георгий твердо стоял во Христе, предпочтя ужасные мучения и жестокую казнь отказу от исконной веры.

Стойкость духа помогал ему крепить его духовный отец, автор жития пресвитер Пейо. В нарушение традиций житийных произведений он игра-

Георгий Новый Софийский.
Стенопись
сербской Печской патриархии.
1561 г.

ет в своем сочинении самую активную роль: уговаривает мусульманского судью проявить к Георгию снисходительность, призывает своего духовного сына не поддаваться на уговоры магометан сменить веру и пострадать за Христа. Роль Пейо не ослабевает в произведении на протяжении всего развития действия. Он проникает в толпу агарян, ведущую приговоренного к смерти Георгия к месту сожжения, организует похищение останков мученика из под носа у заснувших турецких стражников и хитростью добывается у мусульманского судьи разрешения на их торжественное захоронение в соборной церкви св. Марины, где сам служил. При описании событий Пейо приводит в тексте жития множество реалистических деталей, которые в агиографических памятниках авторы обычно опускают. Для достижения большей достоверности повествования он стремится передать логику поступков персонажей и подкрепить ее правдивыми, жизненными деталями. Так, например, свои наставнические беседы с юношей Пейо проводит в доме темничного стража, которого он хорошо знал и уговорил его организовать эти встречи, а похищение останков юноши за мзду осуществляет по его поручению некий безымянный христианин, живший поблизости от места казни подвижника. В некоторых эпизодах жития использованы элементы натурализма, оказывающие сильное впечатление на читателя: перед тем, например, как окончательно свергнуть Георгия в огонь, турки трижды предварительно испытывают мученика жаром пламени, пока все его тело не покрывается волдырями от ожогов.

Турки уводят пленных христиан в рабство.

Гравюра XVIII в.

Георгий Новый Софийский быстро стал на Балканах одним из самых популярных мучеников за веру, пострадавших от турок за отказ перейти в ислам. Написанные пресвитером Пейо житие и служба Георгию Новому распространились в полутора десятках списков XVI—XIX вв. не только в Софии, но и в родном городе мученика Кратово, Белграде, Сараево и афонском Хиландарском монастыре. Частицы мощей юного страдальца хранились как святыни в Софии, Драгалевской пригородной обители, в сербских монастырях Студеница, Хиландар, Великая Ремета и Дечаны. Появились в тот период на Балканах и многочисленные иконы и стенописи Георгия Нового, древнейшие из которых датируются 30-ми годами XVI—XVII вв. и находятся в церкви св. Николая в Топлице, афонском Хиландарском монастыре, Печской патриархии, обителях Студеница и Ломница.

Весть о сожжении софийского подвижника через четверть века после его гибели принесли в Россию монахи пресвитер Прохор и Митрофан, насельники Зографского монастыря св. Георгия Победоносца на Афоне. Они прибыли в русские земли в 1539 г. «милостыни ради» (т.е. для сбора пожертвований) и, побывав в Новгороде и Пскове, рассказали о мученической смерти Георгия Нового новгородскому архиепископу Макарию — будущему Московскому митрополиту и наставнику Ивана Грозного. Эта история вызвала у того неподдельный интерес, и он повелел пресвитеру своей домовою церкви, иеромонаху Илье составить житие на основе устных сведений афонских монахов. К сожалению, созданное им житие нельзя считать надежным историческим источником. Прохор и Митрофан проездом по пути в Московское государство явно находились в Софии недолгое время, свидетелями смерти Георгия Нового не были и располагали лишь теми сведениями, которые могли почерпнуть от местных софийских мирян и иерархов. Именно тогда в их сознании возникла путаница и смешение реальных данных о жизни и казни Георгия Нового с фактами подобного рода, связанными с кончиной другого местного тезоименитого страдальца, которого позднее назвали Георгием Новейшим. Этот подвижник, вероятно, принял кончину в середине 30-х годов XVI в. незадолго до появления в Софии афонских странников Прохора и Митрофана. Житие и служба ему составлены не было — узнать о нем можно было лишь из местных противоречивых легенд.

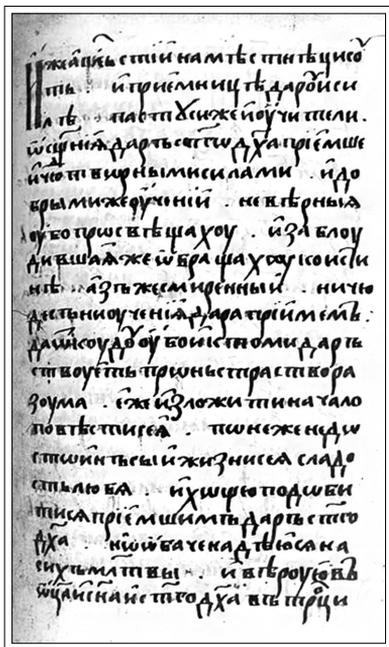
Вероятно, именно по этой причине многие фактические данные о жизни и смерти Георгия Нового в житиях двух пресвитеров — софийского Пейо и новгородского Ильи — столь разительно не совпадают. У первого — родителей Георгия звали Димитрий и Сарра, у второго — Иоанн и Мария; Пейо свидетельствует о том, что мученик родился в Кратово, а Илья говорит, что родным городом Георгия была София; в первом произведении констатируется, что юноша погиб в возрасте 18 лет, а во втором — что тот был старше на семь лет. Отличаются также у двух авторов дни и месяцы страдания подвижника: Пейо сообщает о зиме — 11 февраля, а Илья пишет о конце весны — 26 мая. Не располагая точными данными о жизни софийского мученика, русский автор заполнил отсутствие фактической канвы

агиографической топикой и избрал для себя в качестве литературного образца одно из риторических произведений известного болгарского писателя Григория Цамблака: житие Иоанна Нового Белгородского — греческого торговца, принявшего смерть от татарских язычников в XIV столетии в Аккермане. Из него Илья позаимствовал многие пассажи, вставляя их в текст своего сочинения в подходящих местах, особенно когда чувствовал затруднение из-за незнания конкретных фактов из жизни Георгия Нового. Но это нельзя ставить автору в вину — приемы компиляции при работе средневековых агиографов были очень распространены и считались делом не зазорным, а похвальным, тем более, если пассажи заимствовались у авторитетных мастеров слова.

При всей кажущейся малой ценности произведения пресвитера Ильи из-за обилия в нем компилятивного материала и фактических неточностей, недооценка его, как очень важного памятника русской истории и литературы, была бы несправедливой. Во-первых, он является важным историческим источником о положении южных славян под иноземным игом в период правления турецкого султана Селима I (1512–1520), прозванного подданными «Явуз» — Жестокий, Грозный². Сведения об этом содержатся не в основном тексте жития, а во вводной его части, в которой, со слов афонских монахов, Илья подробно рассказал о насильственных наборах на славянском юге наиболее сильных и красивых мальчиков в янычары, о совершении над ними обряда обрезания, воспитании в духе мусульманского фанатизма и превращении в главную ударную силу войска султана, которая используется для завоевания христианской Европы. Кроме того, в Московском государстве Георгий Новый превратился в главный символ мученика на Балканах, казненного магометанами за отказ принять ислам. Его история была близка и понятна в русских землях, из которых в результате татарских набегов из Казани, Астрахани и Крыма в полон уводились десятки тысяч людей, и многих из них обращали в ислам. На Стоглавом соборе в 1551 г. был принят подушный налог для выкупа русских полоняников из плена. Почти в это же время были созданы житие русского мученика Ивана, уведенного в полон в Казань и погибшего там за стойкость во Христе и нежелание перейти в магометанство. Именно это сходство ситуаций на Балканах и славянском востоке придало необычайную популярность литературным памятникам, созданным в честь Георгия Нового на Руси.

Помимо жития Георгия Нового пресвитера Ильи, известный псковский агиограф Василий-Варлаам в связи с церковными Соборами 1547 и 1549 гг. написал службу и проложное житие софийского мученика. В службе, как и в пространном житии у пресвитера Ильи, у него присутствуют много-

² В статье о Георгии Новом, помещенной в Православной энциклопедии, ошибочно говорится, что мученик пострадал при турецком султানে Селиме II, который на самом деле начал править через полвека после гибели мученика: с 1566 по 1574 г. См. *Турилов А.А., Темелски Хр.* Георгий Новый Кратовский // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 1997. С. 69.

*Начало русского жития
Георгия Нового.*

Автограф новгородского
пресвитера Ильи.
1539 г.

численные компиляции из аналогичного жанрового произведения в честь Иоанна Нового Белгородского, написанного Григорием Цамблаком. Отдельные песнопения из службы Георгию Новому еще в конце 50-х — начале 60-х годов XVI в. распели русские певчие, снабдив тексты знаменной музыкальной нотацией.

В целом русская рукописная традиция памятников о Георгии Новом Софийском XVI—XIX вв. оказалась гораздо богаче аналогичной традиции на Балканах. В ней представлено более 30 списков пространного жития Ильи, 17 списков проложного жития Василия-Варлаама, шесть отрывков из него, один список краткой анонимной редакции памятника, 15 списков составленной Василием-Варлаамом службы софийскому страдальцу и многочисленные стихиры и славы из нее, помещенные в 11 певческих сборниках с нотацией. Различные варианты русского жития Георгия Нового вошли в крупнейшие русские рукописные своды XVI — XVII вв.: Царский комплект Великих Четых Миней митрополита Мака-

рия и в Минеи священника Иоанна Милютина, которые он составил вместе со своими сыновьями в 1646–1654 гг. Взлет известности софийского мученика в России произошел после включения с 1622 г. службы Георгию Новому в московские старопечатные издания служебных миней и проложного жития мученика в начавшие издаваться в Москве с 40-х годов XVII в. старопечатные прологи. Последнее вошло и в самое большое старопечатное не богослужебное издание «Жития русских святых» митрополита Димитрия Ростовского, которое было осуществлено в типографии Киево-Печерской Лавры в 1689–1705 гг. и неоднократно затем переиздавали.

По степени известности в русских землях Георгий Новый Софийский приближался к другим наиболее почитаемым южнославянским подвижникам: Ивану Рильскому и Савве Сербскому, культ которых проник на славянский северо-восток значительно раньше. Изображений мученика известно сравнительно немного: древнейшие из них расположены на иконах «таблетках» 60-х — 70-х годов XVII в. и на относящейся ко второй половине XVII в. стенописи Воскресенского собора в волжском г. Борисоглебске. Большее почитание в России приобрели частицы мощей Георгия Нового, привезенные в Москву с Афона или славянского юга в конце XVI в. — начале XVII в. Они были помещены в три креста-мощевика работы кремлев-

ских мастеров и предназначались для храма Благовещения — находящейся в Кремле домовая церковь русских царей, и как подарки царевичу Алексею Михайловичу по случаю его крещения 22 марта 1629 г. в кремлевском Чудовом монастыре. Последние два креста были изготовлены по заказу отца царевича царя Михаила Федоровича и его бабушки великой княгини Марфы Ивановны и представляли собой драгоценные произведения искусства.

Имена Георгия Нового, его мучителя «безбожного царя Селима Турского» и название болгарского г. Средца, в котором был сожжен мученик, звучали во время богослужений в Новгороде и Пскове, Москве и Ярославле, на русском Севере, далеких Соловках, в Сибири и других уголках русской земли. Это заставляло прихожан задумываться о томящихся в турецкой неволе южных славянах, наполняло сердца молящихся сочувствием к ним и наводило на мысль, что невольников следует освободить.

ЛИТЕРАТУРА

- Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности. Одељење језика и књижевности. САНУ. Београд, 1976. Књ. 10.
- Диников П.* Софийски книжовници от XVI в. Часть I. Поп Пейо. София, 1939.
- Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. Москва, 2000.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Турки уводят христиан в плен. Гравюра XVIII в.
2. Подготовка христианских мальчиков для турецкого янычарского корпуса. Гравюра С. Швейгера. 1577 г.
3. Храм св. Софии (VI в.), подле которого в 1515 г. сожгли Георгия Нового Софийского за отказ принять ислам.
4. Св. Георгий Новый Софийский. Стенопись в сербской Печской патриархии. 1561 г.
5. Св. Георгий Новый Софийский и св. князь Лазарь Сербский. Икона афонского Хиландарского монастыря. 1677 г.
6. Зографский монастырь на Афоне.
7. Крестовая (владычная) палата новгородского Кремля, в которой служил пресвитер Илья — автор русского жития Георгия Нового Софийского.
8. Лист древнейшего текста русского жития Георгия Нового Софийского. Автограф новгородского пресвитера Ильи. Москва, ОР ГИМ, собр. Е.В. Барсова, № 313. Л. 525. 1539 г.
9. Лист древнейшего текста русской службы Георгию Новому Софийскому. Автограф псковского пресвитера Василия-Варлаама. ОР РГБ, ф. 98 (собрание Е.Е. Егорова), № 938. Л. 297 об. Конец 40-х годов XVI в.
10. Храм Рождества Христова на Шипке. Часть мемориального комплекса в честь освобождения Болгарии от османского ига. 1885–1902 гг.
11. Св. Георгий Новый Софийский. Стенопись 50-х годов XX в. в храме Рождества Христова на Шипке.

ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИЙ И ЕГО «ИСТОРИЯ СЛАВЯНОБОЛГАРСКАЯ» — МАНИФЕСТ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ БОЛГАРСКОГО НАРОДА¹

Аннотация:

Статья посвящена Паисию Хилендарскому (1722–1773) и его «Истории славяно-болгарской» — манифесту Национального возрождения болгарского народа. Этот афонский монах в 1762 г. сумел очертить главные задачи, которые стояли перед родным народом, находившимся под многовековым османским игом. Они заключались в восстановлении болгарской государственности, национальной церкви и создании системы национального просвещения — сети школ с преподаванием на болгарском языке. При этом он напоминал болгарам о существовании у них в древности мощного государства, появлении у них первого славянского царя по имени Симеон, а также наличию национальной церкви с собственным патриархом и славянскими книгами, которые широко распространились среди славян. «История» Паисия на протяжении почти столетия ходила в народе лишь в рукописном виде, но сыграла огромную роль в пробуждении болгарского национального самосознания.

Ключевые слова:

Болгария, национальное возрождение. «История славяноболгарская», программа, основные пункты, пробуждение народа.

Abstract: I.I. KALIGANOV “PAISIUS OF HILENDAR AND HIS “HISTORY OF SLAVO-BULGARIAN”: A MANIFESTO OF THE NATIONAL REVIVAL OF THE BULGARIANS”.

The article is devoted to Paisius of Hilendar (1722–1773) and his “History of Slavo-Bulgarian”: a manifesto of the national revival of the Bulgarians. This Athos monk in 1762 managed to outline the main tasks that faced his native people, who were under the centuries-old Ottoman yoke. These included the restoration of the Bulgarian state, the national Church, and the creation of a system of national education — a network of schools teaching in the Bulgarian language. At the same time, he reminded the Bulgarians of the existence of their powerful state in ancient times, the appearance of their first Slavic tsar named Simeon, as well as the presence of a national Church with its own Patriarch and Slavic books, which were widely distributed among the Slavs. For almost a century, Paisius “History” has been available only in handwritten form, but it has played a huge role in awakening the Bulgarian national identity.

Keywords:

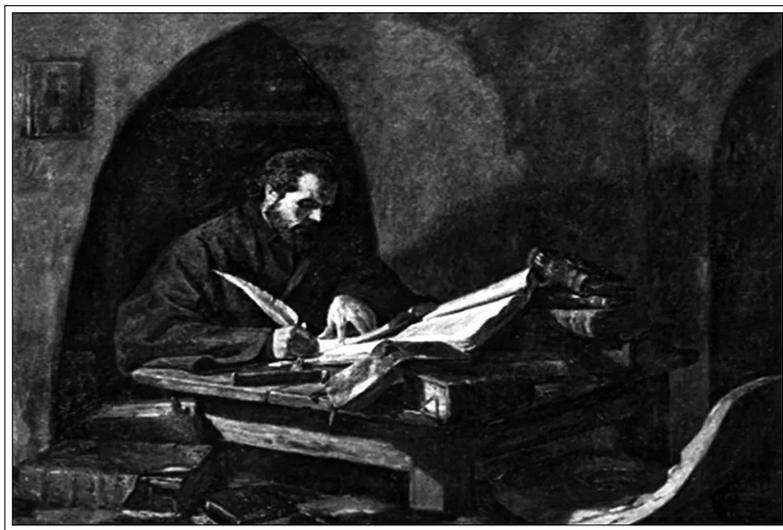
Bulgaria, national revival. Slavo-Bulgarian history, the program, the main points, the awakening of the people.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Паисий Хилендарский (1722–1773) — историограф, первый идеолог болгарского Национального возрождения, народный будитель. Точные сведения о вехах его жизненного пути отсутствуют. Считается, что он родился в западноболгарском г. Банско в семье зажиточных родителей. Светское его имя осталось неизвестным. По достижении 23 лет юноша отправился на Афон в Хилендарский (серб. вариант — Хиландарский) монастырь, где монашествовал его брат Лаврентий, ставший впоследствии игуменом. Другим его братом, по мнению ряда ученых, являлся хаджи Вылчо — богатый торговец из Банско. В Хилендаре юноша принял постриг под именем Паисий, сделавшись по истечении времени иеромонахом и помощником игумена. По предположению ученых, умер Паисий в 1773 г. в с. Амбелино, которое позднее вошло в г. Асеновград.

Пребывая на Святой Горе (главным образом в обителях Зограф и Хилендар), Паисий проникся мыслью о необходимости создания истории болгар, начавших забывать о своем славянском происхождении и героическом прошлом. В этом намерении, по собственному свидетельству Паисия, его укрепляли постоянные насмешки греческой и сербской афонской братии, укорявших болгар в незнании собственной истории и отсутствии у них трудов на эту тему. Некоторые ученые полагают, что на Паисия мог повлиять сербский историограф и просветитель Йован Раич (1726–1801), побывавший в Хилендаре в 1758 г. и составивший впоследствии в 60-е годы свою знаменитую «Историю разных словенских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов». Паисий мог зажечься идеей создания истории собственной истории болгар, имея для этого неплохие возможности. Испол-

Паисий Хилендарский за работой.

Картина болгарского художника Кою Денчева

няя обязанности «таксидиота» (т.е. сборщика пожертвований, которые скапливались в хилендарских подворьях на Балканах, и одновременно проводника групп паломников, отправлявшихся на Святую Гору), Паисий много передвигался, и это помогло ему начать целенаправленный сбор сведений об истории родного народа. Находясь в различных городах и монастырях, он выискивал такие сведения в древних рукописях, средневековых хрониках, русских печатных прологах и др. источниках.

Больше всего нужных данных он почерпнул в двух русских переводных книгах, обнаруженных им в библиотеке Сербской патриархии в Сремски-Карловцах. Это были переведенные по приказу Петра I труд римского кардинала Цезаря Барония «Деяния церковная и гражданская» (М., 1719) и сочинение далматинского историка Мавро Орбини «Книга География...» (СПб., 1722). Оригинальные произведения этих двух авторов (увидевшие свет на латинском и итальянском языках значительно раньше: соответственно Рим — 1588–1607 гг. и Пезар — 1601 г.) подверглись в русской версии существенной переработке и сокращению. Эти версии легли в основу эпохального сочинения Паисия «История славяноболгарская», работу над которым он завершил в 1762 г. Внешне способ составления истории Паисием напоминает приемы средневековых книжников: он постоянно прибегает к обильным компиляциям из чужих источников, чаще всего, не упоминая, откуда и что заимствуется. Он также предстает перед читателем в образе типичного средневекового автора с традиционными жалобами на телесные хвори, скудоумие и свою недостойность того дела, за которое взялся.

Свою «Историю» Паисий создавал в рукописном виде, не надеясь издать ее в какой-либо типографии по причине отсутствия таковых у болгар. Поэтому он страстно призывал болгарских читателей распространять его сочинение посредством переписывания, передавать из рук в руки, читать вслух публично. За вторую половину XVIII — первую половину XIX в. было создано несколько десятков списков паисиевской «Истории». В печатном виде целиком она вышла только через 123 года: сначала значительную ее часть издал Х. Павлович в его «Царственнике» (Будим, 1844), а затем уже целиком труд опубликовал А.В. Логинов (Люблин, 1885). В самой Болгарии она была отпечатана через 13 лет после логиновской публикации издателем М. Московым в Тырново в 1893 г. Несмотря на свой средневековый рукописный способ бытования, произведение Паисия приобрело для болгар силу настоящего воззвания и пробудило их от средневековой спячки. В нем было много принципиально нового: яркий страстный язык, который задевал читателей и слушателей за живое и заставлял их вспомнить о чувстве собственного национального достоинства,

В «Истории славяноболгарской» была начертана программа болгарского национального возрождения, ставившая задачей возрождение национального государства, национальной церкви и создание системы школ с преподаванием на национальном языке. Однако, для реализации этих,

отчасти, позаимствованных у своих балканских соседей идей (например, идея ценности родного языка и его равенства или даже превосходства по отношению к другим, явно была воспринята им от хорватского просветителя А. Качича Миошича: «Приятная беседа народа славянского», 1756) требовались определенные социальные силы, которые в болгарских землях тогда отсутствовали. Паисий намного опередил свое время, поскольку первая средняя школа с преподаванием на национальном языке появилась в болгарских землях только через 73 года в 1835 г., национальная болгарская церковь в виде Болгарского экзархата была восстановлена через 108 лет в 1870 г., а возобновление болгарской государственности произошло через 116 лет: образование Княжества Болгария в 1878 г. после завершения русско-турецкой войны.

Подобный хронологический отрыв предначертаний Паисия создал ему в Болгарии ореол национального гения, и в целом с этим нельзя не согласиться. Но такое суждение не должно распространяться на завышенные оценки многих болгарских ученых, которые сравнивают этого народного будителя с Руссо, или даже Вольгером, и считают «Историю славяноболгарскую» начальной точкой отсчета Новой болгарской литературы. Если разделить последнее, окажется, что болгарская литература опередила в своем развитии русскую («новая» литература в России начинается с Пушкина), и Национальное возрождение началось в болгарском обществе раньше, чем у хорватов и сербов, которые находились по сравнению с болгарями в значительно более благоприятных условиях для развития своих национальных культур. Видимо, более научно корректным будет мнение о том, что «История славяноболгарская» есть начальная веха длительного «переходного» времени, первая точка отсчета в движении национальной словесности к Новой литературе.

Но нельзя отрицать факт того, что «История славяноболгарская», действительно, есть программа болгарского национального возрождения, хотя и с большим отложенным сроком реализации. В «Истории славяноболгарской», и в самом деле, есть еще много «старого», которое не способны целиком затушевать наслоения новаторской мысли Паисия. Автор призывает к использованию народного языка, но многие компилируемые им части произведения написаны на языке традиционной книжности, местами оно напоминает художественную публицистику, но это лишь крохотные «островки», затерянные в многочисленных не «новых» пассажах из книг Цезаря Барония и Мавро Орбини. Можно привести и много других подобных доводов. Поэтому характеристика «Истории славяноболгарской» как историографического и литературного памятника «переходного» периода представляется более объективной. Следует учитывать также то, что после паисиевской «Истории» в болгарской литературе в течение 43 лет наблюдается новаторская стагнация: качественно новые черты «переходного» периода проявляются в национальной словесности только в «Автобиографии» Софония Врачанского (1805).

Паисий Хилендарский считается в Болгарии одним из десяти самых известных национальных писателей. Его имя носит государственный университет в Пловдиве — втором по численности населения городе страны. В 1962 г. отца Паисия канонизировала в качестве святого Болгарская Православная церковь. Учрежденная в 2000 г. государственная премия им. Паисия Хилендарского (ею награждаются отечественные и зарубежные деятели культуры) является одной из самых престижных.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнаудов М.* Паисий Хилендарский. Личност. Дело. Эпоха. София, 1962.
- Велчев В.* Паисий Хоилendarский. Эпоха, личност, дело. София, 1987.
- Калиганов И.И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.
- Робинсон А.Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.
- Тодоров И.* Паисий Хилендарский: Литература за живота и делото му. Аннотиран библиограф. указател. София, 2003.
- Шшиманов И.Д.* От Паисий до Раковски. София, 2004.
- Matič T.* Predgovor / A. Kačič Miošič. Razgovor ugodni naroda slovinskogo». Venecia, 1756.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Афонский Хилендарский монастырь.
2. Болгарский Зографский монастырь на Афоне.
3. Отец Паисий за работой. Художник Кою Денчев.
4. Зографский список «Истории славяноболгарской». Автограф Паисия. 1762 г.
5. Памятник Паисию Хилендарскому в Софии.
6. Памятник Паисию Хилендарскому в г. Стрелча. Скульптор Спас Киричев.
7. Марка с изображением Паисия Хилендарского. 1929 г.
8. Банкнота номиналом 2 лева с изображением Паисия Хилендарского.
9. Памятная монета номиналом 2 лева с изображением Паисия Хилендарского. 2015 г.

СОФРОНИЙ ВРАЧАНСКИЙ —
АВТОР ПЕРВОЙ БОЛГАРСКОЙ «АВТОБИОГРАФИИ»
И СОСТАВИТЕЛЬ «НЕДЕЛЬНИКА» —
ПЕРВОЙ БОЛГАРСКОЙ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ НА ЯЗЫКЕ,
БЛИЗКОМ К НАРОДНОМУ¹

Аннотация:

Автор рассматривает биографию и творчество болгарского просветителя, епископа Софрония Врачанского (1739–1813) — автора первой в истории болгарской литературы «Автобиографии» и первой болгарской печатной книги «Недельник», изданной на языке близком к народному. Он творил в период Болгарского национального возрождения, которое характеризовалось обилием незавершенных жанровых и стилистических форм — явлением, обычных при переходе от одной литературной эпохи к другой. Все это в полной мере проявилось и в двух главных новациях Софрония — «Автобиографии» и «Недельнике».

Ключевые слова:

Болгарское национальное Возрождение, Софроний Врачанский, первая печатная книга на новоболгарском языке, первая автобиография в истории болгарской литературы.

Abstract: I.I. KALIGANOV “SOPHRONIUS OF VRATSA: THE AUTHOR OF THE FIRST-EVER BULGARIAN “AUTOBIOGRAPHY” AND COMPOSER OF “NEDELNIK”, THE FIRST BULGARIAN PRINTED BOOK IN A LANGUAGE CLOSE TO POPULAR SPEECH”.

The author considers the biography and creativity of the Bulgarian educator, Bishop Sophronius of Vratsa (1739–1813), author of the first-ever Bulgarian “Autobiography” and the first Bulgarian printed book “Nedelnik” (“Sunday Book”) published in a language close to popular speech. He created them during the period of the Bulgarian national revival, which was characterized by an abundance of unfinished genre and stylistic forms: a phenomenon common in the transition from one literary era to another. All this was fully evident in the two main innovations of Sophronius: “Autobiography” and “Nedelnik”.

Keywords:

Bulgarian national revival, Sophronius of Vratsa, the first printed book in a New Bulgarian language, the first autobiography in the history of Bulgarian literature.

Софроний Врачанский (1739–1813) — хронологически вторая после Паисия Хилендарского крупнейшая фигура деятеля Болгарского национального возрождения, народного просветителя и церковного иерарха. Он родился в болгарском г. Котел в семье торговца скотом

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Софроний Врачанский.

Автопортрет.

Ок. 1804 г.

Владиславова, получив в крещении имя Стойко. В «келейном» училище (разновидность церковно-приходской школы) Стойко обучился церковнославянскому и греческому языкам. Рано потеряв родителей, он занялся портняжным делом и сразу же обзавелся семьей. Тяга к образованию привела его на церковное поприще, и в 1762 г. он был рукоположен в родном городе в священники и окормлял свою паству на протяжении 30 лет. Большое воздействие оказали на него встреча в 1765 г. с Паисием Хилендарским и идеи просвещения этого народного будителя. Расширению его духовного и политического кругозора способствовали также две поездки на Афон в 1770 и 1775 гг.

Конфликт с местными богатыми повлек за собой перевод Стойко в 1792 г. в другую епархию, где ему выделили приход в г. Карнобат и 12 окрестных села. Спустя два года он навестил сына в селе Арбанаси, после чего обосновался

в одном из околных монастырей. 17 сентября 1794 г. его возвели в сан Врачанского епископа под именем Софроний, однако епископскую кафедру во Враце он возглавлял недолго из-за разразившейся в северо-западной Болгарии смуты. Здесь начались военные столкновения между армией султана и войсками мятежного видинского паши Османа Пазвантоглу. Кроме того, города и села епархии непрерывно грабили турецкие дезертиры «кырджали». Спасая свою жизнь, Софроний в 1797 г. бежал из Врацы и скрывался то в одном городе, то в другом. Затем он оказался в Видине, где его в продолжение трех лет до мая 1803 г. насильственно удерживал паша Осман Пазвантоглу.

После своего освобождения Софроний отправился в Бухарест, где его радушно приняли местные иерархи и князь Константин Ипсиланти. Здесь он продолжал отправлять богослужение вместе с местным духовенством и, несмотря на добровольное сложение с себя епископских полномочий, продолжал подписывать свои произведения с указанием епископского сана. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Софроний вступил в контакт с командованием появившихся на Балканах русских войск, помогал ему в качестве переводчика и составил Воззвание к населению болгарских земель с призывом оказывать русской армии всяческое содействие. Он также активно защищал тогда в Румынии интересы болгарских бежен-

цев. Точная дата смерти Софрония и место его захоронения остались неизвестными. По предположению ученых, он скончался во второй половине 1813 г. в одном из расположенных подле Бухареста монастырей.

В литературно-книжной деятельности Софрония прослеживаются три периода: котелский, видинский и бухарестский. Подобно большинству писателей эпохи национального возрождения, он начинал свою деятельность с переписывания книг (типографии в болгарских землях тогда отсутствовали). Его руке принадлежат несколько рукописных сборников религиозного содержания. Кроме того, в родном Котеле он дважды переписал «Историю славяноболгарскую» Паисия Хилендарского. Видинский период жизни Софрония отмечен переводами ряда произведений с греческого языка, как пишет сам переводчик, на «болгарский краткий и простой язык». Из них Софроний составил в 1802 г. два различных по содержанию сборника, получившие название «Видинские». Первый из них имеет сугубо церковный характер и состоит из 79 проповедей. Во втором Видинском сборнике помещены светские произведения: занимательные, пропитанные дидактикой небольшие сказки, Мифология Синтиппы Философа, басни Эзопа и «Философские мудрости» — отрывки из сочинения А. Марлиана «Theatrum politicum» с проповедью идеи просвещенного государя. В этот сборник Софроний вставил и собственные соображения о необходимости просвещения, преодолении болгарами своего невежества и отставания от других народов в культурном отношении.

Наиболее плодотворным и ценным в историко-литературном и историко-культурном планах является бухарестский период деятельности Софрония. Именно здесь он подготовил к изданию первую печатную болгарскую книгу на языке, близком к народному. Это был «Кириакодромион, сиречь Недельник», изданный в Рымнике в 1806 г. Он представлял собой сборник слов и поучений на воскресные и праздничные дни года и создавался в помощь болгарским священникам для произнесения проповедей с амвона на понятном народу языке и для чтения в домашних условиях. Входящие в него произведения были позаимствованы из соответствующего репертуара русской переводной литературы или переведены с греческого языка. Большинство из них восходят к проповедям древних константинопольских иерархов Иоанна Златоуста и Иоанна Калеки. Ряд поучений имеет болгарское происхождение (они близки к сочинениям местного книжника XVIII в. Иосифа Брадатого), часть других появилась в «Недельнике» благодаря изданию русского перевода «Кириакодромина» греческого проповедника Никифора Феотокиса в 1803 г.

В болгарских землях эта книга сделалась настольной: ее любовно называли «Софроние», с нее часто снимали рукописные копии. Издав «Недельник», Софроний воплотил на практике важные идеи Паисия Хилендарского, который мечтал об издании болгарских печатных книг и ратовал за употребление народного языка в быту и книжности. При всем при этом язык этого издания нельзя назвать чисто болгарским народным. Основную

«Неделяникъ» Софрония Врачанского —
первая печатная болгарская книга на языке,
близком к народному.
Рымник. 1806 г.

часть его лексики составляют лексические богатства церковнославянского языка. Последний слабо понимали слушавшие проповеди необразованные болгарские крестьяне, и поэтому Софроний стремился прибегать к живому разговорному языку. С другой стороны, книжник боялся переусердствовать в этом своем начинании, опасаясь негативной реакции высших церковных иерархов, один из которых должен был благословить выход его книги. Не случайно в последующих изданиях «Неделяника» наблюдается частичный отказ от использования элементов живого болгарского народного языка.

*Портрет
Софрония Врачанского.
XIX в.*

ная библиотека в Санкт-Петербурге). По ряду типологических особенностей это произведение напоминает написанную в XVII в. «Автобиографию» протопопа Аввакума или произведение XVIII в. «Жизнь и приключения Досифея Обрадовича». Оно представляет собой памятник литературы «переходного» времени: в нем органично сочетаются черты средневекового жития и автобиографии, далекой по своей сути и поэтике от древних агиографических повествований. Его можно отнести к числу болгарских литературных шедевров — настолько оно правдивое, искреннее и исповедальное, настолько оно притягивает к себе читателей живостью картинок из тогдашней нелегкой болгарской жизни. К сожалению, это сочинение долго оставалось в единственной рукописи-автографе. Впервые оно было опубликовано только в 1861 в газете «Дунавский Лебед», которую издавал в эмиграции болгарский писатель-революционер Г.С. Раковский. Поэтому среди современников он был известен прежде всего как автор знаменитого «Недельника». Деятельность Софрония по достоинству была оценена лишь потомками: не случайно его именем в Болгарии названы школы, библиотеки и читальни, а Болгарская Православная церковь в 1964 г. объявила его святым Христовым подвижником.

На основе компиляций и переводов из греческих и русских источников Софроний создал в Бухаресте и труд «Исповедание православныя веры христианская и обычаи, и законы еврейския и мохамеданския религии состоянии» (1805). Перевел он здесь целиком и уже упоминавшийся труд А. Марлиана, дав ему название «Гражданское позорище» (1809). В нем развивались прогрессивные для того времени гуманистические и рационалистические идеи Просвещения.

В Бухаресте Софроний написал в 1805 г. и свое главное сочинение — «Автобиографию», названную им «Житие и страдания грешнаго Софрония». Оно помещено в одной рукописи с «Исповеданием», которая впоследствии попала в Гос. Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская Националь-

СОЧИНЕНИЯ

Софроний Врачанский. Сочинения в два тома. София, 1989, 1992;

Софроний Врачанский. Жизнеописание. Изд. Подготовили Н.М. Дылевский, А.Н. Робинсон. [Со вступительными статьями ученых и научным комментарием]. М., 1976.

ЛИТЕРАТУРА

Державин Н.С. Софроний Врачанский // Сборник статей и исследований по славянской филологии. М.–Л., 1941.

Калиганов И.И. Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур. М., 2006.

Ничева К. Езикът на Софрониевия «Неделник» в историята на българския книжовен език. София, 1965.

Радев И. Софроний Врачански. Личност и творческо дело. София, 1983. Софроний Врачанский. Библиографски указател. София, 1989.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Вид г. Котел. XIX в.
2. Один из списков «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, выполненный Софронием Врачанским в г. Котел.
3. Софроний Врачанский. Жизнеописание Софроний Врачанский. Изд. подготовили Н.М. Дылевский, А.Н. Робинсон. [Со вступительными статьями ученых и научным комментарием]. Москва, 1976.
4. Софроний Врачанский. Автопортрет в «Автобиографии».
5. «Автобиография» Софрония Врачанского. Автограф писателя. 1805 г.
6. Титульный лист «Недельника» Софрония Врачанского. Рымник. 1806.
7. Портрет Софрония Врачанского. Неизвестный художник. 1812 г. София. Национальный церковно-исторический музей.
8. Памятник Софронию Врачанскому в г. Котел.
9. Марка с изображением Софрония Врачанского.
10. Икона Софрония Врачанского. XX в.

СЕРБСКИЙ ИСТОРИОГРАФ И ПОЭТ ЙОВАН РАИЧ¹

Аннотация:

В статье рассказывается о жизни и творчестве видного деятеля южнославянского Национального возрождения, историографа, поэта и переводчика Йована Раича (1726–1801) — одного из самых образованных сербов своей эпохи. Он учился во многих странах, владел пятью иностранными языками, оставил после себя солидное оригинальное и переводное творческое наследие. Наиболее значительным среди него был объемный историографический труд «История разных славянских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов...», изданный в конце XVIII столетия в Вене и Санкт-Петербурге и заслуживший награды от австрийской и российской императриц. Не менее ярким был вклад Раича и в развитие национальной сербской поэзии. В отличие от историографических сочинений, которые Раич писал на русско-церковно-славянском языке, в своих стихах он использовал язык, близкий к живому сербскому разговорному.

Ключевые слова:

Национальное возрождение у южных славян, историография, сербский писатель из Воеводины, «История разных словенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов», религиозное и светское просветительство.

Abstract: I.I. KALIGANOV “THE SERBIAN HISTORIOGRAPHER AND POET, JOVAN RAICH”.

The article talks about the life and work of a prominent figure of the South Slavic national revival, historiographer, poet and translator Jovan Raich (serb. Jovan Rajič, 1726–1801), one of the most educated Serbs of his era. He studied in many countries, spoke five foreign languages, left behind a solid original and translated creative heritage. The most significant of his writings was the voluminous historiographical work “History of different Slavic peoples, primereyly of Bulgarians, Croats and Serbs...”, published at the end of the 18th century in Vienna and St. Petersburg and earned awards from the Austrian and Russian Empresses. Equally striking was Raich’s contribution to the development of national Serbian poetry. Unlike the historiographical writings that Raich wrote in Russian-Church-Slavic, he used a language close to the living Serbian spoken language in his poems.

Keywords:

South Slavic national revival, historiography, Serbian writer from Vojvodina, “History of different Slavic peoples, primereyly of Bulgarians, Croats and Serbs...”, religious and secular enlightenment.

Йован Раич (1726–1801) — выдающийся деятель южнославянского Национального возрождения, широко известный в православном славянском мире сербский писатель, поэт, переводчик, историограф, автор знаменитой «Истории разных словенских народов, наипаче болгар,

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

хорватов и сербов», богослов. Он родился в небогатой семье в Сремских Карловцах в Воеводине — сербском городе, отошедшем Австрии после войны с Османской империей в 1688–1689 гг. и ставшем религиозным центром православных австрийских сербов. Именно здесь находилась резиденция митрополита и впоследствии были открыты первая сербская гимназия (1791) и семинария (1794). Азы знания Йован получил в школе у дьякона П. Райковича и Латино-славянской школе Рождества Богородицы, где преподавал выходец из России Эммануил Козачинский, а затем с 1774 г. еще 9 лет проучился в иезуитской гимназии Комарома и протестантском лицее Шопрона. За годы учебы он освоил латинский, церковнославянский, русский, немецкий и венгерский языки. Желая и дальше повышать уровень своего образования, Раич пешком отправился в Россию, где учился в Киево-Могилянской академии с 1753 по 1756 г.

Иоанн Раич.
Гравюра 1794 г.

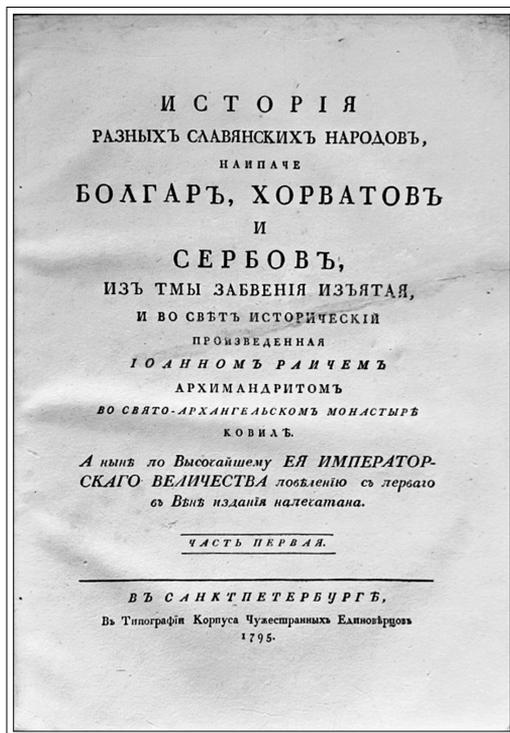
После окончания этого учебного заведения Раич активно путешествовал, побывал в Москве, Смоленске, Польше, Молдавии, Валахии, Константинополе и на Афоне. Затем он отдался педагогической работе: с 1759 по 1762 г. был преподавателем географии и риторики, а затем и ректором школы Покрова Богородицы в Сремских Карловцах. Через некоторое время по приглашению епископа Бачки Моисея Путника он прибыл в Нови Сад, где в течение 5 лет в качестве профессора преподавал теологию в Духовной академии (коллегиуме) и одновременно являлся ее ректором. В этот период и позднее он занимался переводами с церковнославянского и немецкого языков. Большинство его переводных работ были на духовно-религиозную тему и принадлежали таким украинским и русским авторам, как Феофан Прокопович, Петр Могила, митрополит Платон (Левшин) и Лазарь Баранович. Можно отметить и перевод Раичем светской драмы «Урош V» («Трагедия царицы Уроши»), которую написал его учитель Э. Козачинский.

Последний период жизни Раича был связан с монастырской жизнью: в 1772 г. он принял монашеский постриг в расположенном в селе Ковиле близ Нови-Сада древнем монастыре святых Архангелов, который основал св. Савва Сербский. Затем он довольно быстро был рукоположен в иеромонахи, а потом поставлен в архимандриты и стал окормлять упомянутую обитель до конца своих дней. В этот период он написал первую историю сербской церкви и издал «Катехизис малый».

Свою педагогическую и переводческую деятельность Раич сочетал с работой над реализацией своего замысла по написанию истории славянских народов, который возник у него значительно раньше. Во время своих путешествий Раич настойчиво занимался сбором необходимых ему для этого материалов. Очень плодотворным для него оказалось пребывание на Афоне и работа в Хилендарском монастыре, где он не только обнаружил множество полезных для себя документов, но и, видимо, встречался с деятелем Болгарского национального возрождения Паисием Хилендарским, который впоследствии написал свою эпохальную «Историю славяноболгарскую».

В 1768 г. Раич, по его словам, завершил свой исторический труд о славянах, но продолжал дорабатывать его свыше четверти века. Полное название сочинения звучало как «История разных славянских народов наипаче Болгар, Хорватов и Сербов от тьмы забвения изъятая и во свет исторический произведенная Юанном Раичем архимандритом в свято-Архангелском монастыре Ковиле». Этот его самый объемный труд впервые был опубликован в Вене двумя выпусками: книги 1–3 в 1794 г., а книга 4 — в 1795 г. Первая из них была вводной, а вторая посвящалась истории болгар и охватывала исторический период от истоков до конца XIV в., т.е. до завоевания Второго Болгарского царства турками, а также краткой истории хорватов. Остальные книги заключали в себе подробное изложение истории сербов и Сербии до Белградского мира 1739 г. и упразднения турками Печской патриархии.

Работая над этим сочинением, Раич сумел освободиться от многих средневековых принципов рассмотрения исторических источников и приблизиться к научной методологии нового времени. Он разделил свой труд на книги, главы и параграфы, снабдил его родословными древами правивших династий, хронологическими таблицами, картами и многими другими вспомогательными материалами и вплотную подошел к методике критического анализа исторических источников. Однако зачастую его выводы диктова-

«История разных словенских народов»
И. Раича.
СПБ., 1795 г.

лись патриотическими чувствами или конфессиональными (православными) пристрастиями, а отдельные части его труда имеют компилятивный, или предвзято просербский характер.

Несомненной заслугой автора явилось ведение в научный оборот сербских исторических источников. Новаторским для сербов явился и отказ Раича от прежних представлений о линейности и неизменности исторического времени — автор делит его на античную, средневековую и современную эпохи. Основными манифестациями «Истории...» Раича стали идеи единения поработощенных южных славян, культ просвещения и науки — «столпа и украшения державы», чувство гордости за славянское историческое прошлое. Эта книга оказала большое воздействие на пробуждение национального самосознания южных славян и развитие у них исторической мысли. Для сербов она оставалась настольной книгой и основным научным источником по национальной истории вплоть до 60-х гг. XIX в.

Не меньшее значение она имела и для болгар, где аналогичное по своей идеологической направленности сочинение «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского с 1762 г. распространялось в стране средневековым рукописным способом: первые отрывки из нее появились в печатном виде лишь в 1844 г. А вот в России упомянутое произведение Раича по понятным причинам было издано почти сразу же после Венского издания. Первый его выпуск был опубликован в Санкт-Петербурге в 1795 г. и вызвал среди русских читателей большой интерес. И это было немудрено, поскольку в нем он обнаруживал много ярких страниц, рассказывающих о завоевании балканских земель славянами и болгарам и создании там мощного средневекового государства, о легендах и исторических повествованиях, связанных с крещением Болгарии и «золотым» веком болгарского царя Симеона, о попадании болгар под византийское владычество, возрождении болгарской государственности, о приходе на Балканы турок в конце XIV в. и падении Болгарского царства. При этом Раич проявил себя отличным рассказчиком, который умеет заинтересовать читателя живостью повествования и способен взглянуть на одно и то же событие глазами многих историков, взвесив степень достоверности их мнений и верность выбора углов зрения. К сожалению, по цензурным соображениям издание второй части «Истории» Раича в России осуществлено не было. Целиком во второй раз труд знаменитого сербского историографа вышел в Будиме (Буде) в 1823 г.

Не менее значимым был вклад Раича и в развитие сербской национальной поэзии в жанре духовных стихов, эпитафии и исторической поэмы. Их он начал писать с 1790-х годов («Различные стихи» / «Pjesni različnija». Вељ, 1790). Наиболее яркий след в истории сербской литературы оставила его историко-аллегорическая поэма «Бой змея с орлами» («Вој змаја са орлови, Вељ, 1791), созданная в Вене в разгар австро-русско-турецкой войны 1788–1790 гг. и посвященная историческому важному событию — временному освобождению Белграда. В отличие от «Истории...», написанной

поэтом на русско-церковно-славянском языке, в поэме он обратился к сербскому народному языку. В ней заметно влияние барочной традиции киевской литературной школы. Реальные картины в поэме переплетаются с мифологическими и аллегорическими образами: «Змей» олицетворяет Османскую империю, а «Орлы» — Россию и Австрию. Торжественный тон по отношению к победителям соседствует с насмешливо юмористическим по отношению к врагу. Скрытым планом присутствует в поэме и «третья» сила — порабощенные сербы, которые, примкнув к союзным армиям, сражаются за свою свободу. Обозначившиеся в произведении Раича патриотичность, гражданственность, близость к народным чаяниям стали основными ориентирами для последующего развития сербской поэзии.

Заслуги Раича в развитии сербской культуры и национального духовного просвещения Екатерина II отметила золотой медалью со своим собственным изображением, а австрийская императрица Мария Терезия — драгоценным архимандритским крестом. Не забыты они и в наше время: имя Йована Раича широко известно не только в Сербии, но и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

Јован Рајић — живот и дело. Београд, 1997.

Јован Рајић — историчар, песник и црквени великодостојник. Зборник радова. Нови Сад, 2002.

Эрчич В. О поэме Йована Раича «Бой змея с орлами» // Русско-сербские литературные связи XVIII — XIX в. М., 1989.

Калиганов И.И. Древние болгары в «Истории разных славянских народов» Йована Раича // Роль России в распространении знаний о славянстве. М., 2019. С.182–223.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Иоанн Раич. Архимандрит. Гравюра из Санкт-Петербургского издания «Истории разных славянских народов». 1795 г.
2. Иоанн Раич. Гравюра XIX в. Государственный исторический музей. РФ.
3. Киево-Могилянская академия (1659–1817).
4. Афонский Хиландарский монастырь.
5. Титульная страница труда «История разных славянских народов». Санкт-Петербург. 1795 г.
6. Монастырь Свв. Архангелов в Ковиле близ Нови-Сада, где был пострижен, подвизался и упокоился Иоанн Раич.
7. Оглавление II Книги «О народе болгарском» в «Истории разных славянских народов» Иоанна Раича.
8. Большая золотая медаль с изображением лика Екатерины II — награда И. Раича за его заслуги.

Юрий Андреевич
ЛАБЫНЦЕВ

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПРОПОВЕДНИК XII В. КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ¹

Аннотация:

В статье рассматриваются основные вехи жизни и творческое наследие выдающегося писателя Восточной Славии, Кирилла епископа Туровского. Анализируется в ней также и история изучения данной научной проблематики. Этот творец вошел в историю литератур восточных славян как автор молитв, похвал святым, канонов и поучений. По степени популярности его произведения превосходили аналогичные сочинения большинства других древнеславянских авторов на протяжении нескольких столетий. Сочиненные им молитвы и сегодня звучат в православной народной среде Беларуси, Украины и России. Кирилл Туровский является одним из самых почитаемых в Беларуси святых: памятники ему установлены во многих городах республики.

Ключевые слова:

Кирилл Туровский, Древняя Русь, православие, древнерусская литература, рукописная книжность, межславянские культурные связи.

Abstract: Y.A. LABYNTSEV “THE RUSSIAN WRITER AND PREACHER OF THE 12TH CENTURY, CYRIL OF TUROV”.

The article discusses the main milestones in the life and creative heritage of the outstanding writer of the Eastern Slavs, bishop Cyril of Turov, as well as the history of their study. He entered into the history of East Slav literature as an author of prayers, canons and homilies. His work's popularity surpassed similar writings of other old Slavic authors for centuries. His spiritual works still echo today in the orthodox folk songs in Belarus', Ukraine and Russia. Cyril of Turov is one of the most revered saints in Belarus': one can see monuments of him in many Belarusian cities.

Keywords:

Cyril of Turov, Old Rus', Orthodoxy, Old Russian literature, handwritten books, inter-Slavic cultural ties.

Кирилл Туровский — святой, епископ, выдающийся писатель Восточной Славии, автор молитв, похвал святым, канонов, поучений. Его произведения по степени популярности превосходили сочинения многих других авторов древности на протяжении столетий. Сочиненные им молитвы и сегодня звучат в православной народной среде Беларуси, Украины и России. О жизни Кирилла сведений сохранилось совсем немного. Даты его рождения и смерти неизвестны, умер он предположительно около 1183 г. В житии Кирилла, создававшемся через несколько десятилетий после его кончины, говорится: «...блаженный Кирилл рожден и воспитан

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

града... Турова в Руской стране... богату родителю сын». Составитель жития называет его «Вторым Златоустом» за литературный талант, восхищавший современников и их потомков: «Радуйся святителю честный, учителю наш! Другий Златаустей нам паче всем вся...».

Кирилл принял монашеский постриг в своем родном городе Турове, прославился своими иноческими подвигами и богословскими трудами и предположительно был возведен в епископское достоинство в 1159 г. После принятия сана новоявленный епископ оказался в гуще политической борьбы и церковных распрей. Кирилл обличал ереси, беззаконие князей и епископов, способных «деля высока и славна жития» пойти на прямой обман. На склоне жизни Кирилл оставил епископское служение и продолжал свои литературные труды в одном из туровских монастырей, возможно, Николаевском.

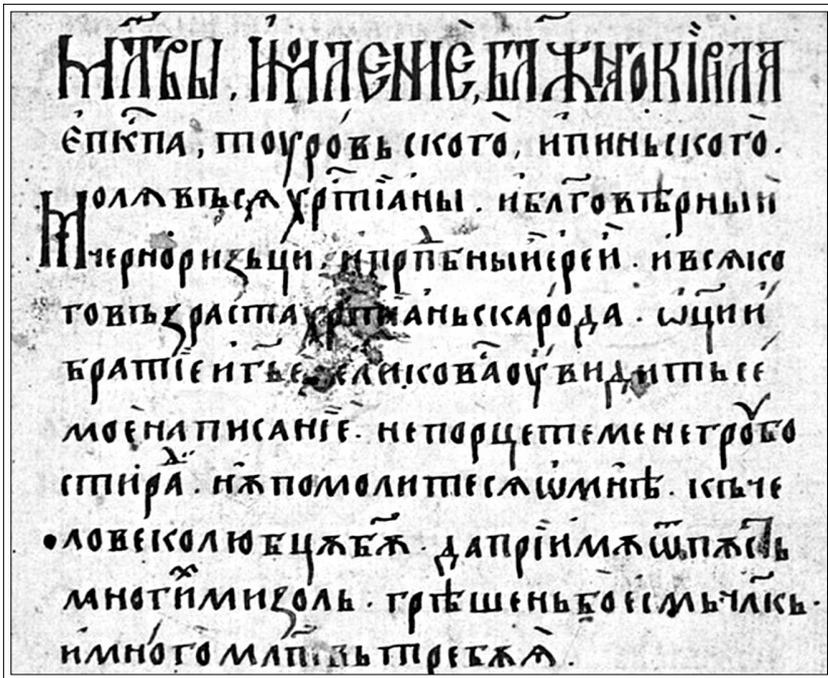
Родной город Кирилла Туров в XII в. принадлежал к числу наиболее значительных древнерусских городов. Первое упоминание о нем относится к 980 г.: «Рогволод пришел из заморья, имяще власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от него же и Туровци прозвашася». Археологические раскопки показали, что крупное поселение близ нынешнего Турова могло сложиться значительно ранее указанной даты. В X в. он был крупным экономическим и культурным центром, стольным градом Туровского княжества. Здесь возникло одно из первых на Руси епископств, которому были приданы «в послушание» многие «города с погости». В конце XI — начале XII в. греческая царевна Варвара, жена князя Святополка Изяславича, основывает в Турове женский Варваринский монастырь. На месте древнего города археологам удалось сделать множество находок, выявить остатки многочисленных построек, каменного собора, найти каменные саркофаги, множество предметов материальной культуры. Последние свидетельствуют о широких экономических и культурных связях Турова и Туровщины с Причерноморьем, Прибалтикой и Востоком. В центре города располагался княжеский дворец, к югу — Борисоглебский собор, к западу от него — епископское или «владычье» подворье на возвышенном месте.

В житии святителя подробно перечисляются его писания, часть из которых до нас не дошла: «Феодорца же, еретика епископа, за укоризну тако нарицаема, сего блаженный Кирил от божественных писаний ересь обличити и прокляти его. Андрею же Боголюбскому князю многа послания написа от евангельских и пророчьских писаний, яже суть что мы на праздники Господьския и ина многаполезна словеса: яже к Господу молитвы и похвалы многим святым, сим вся и ина множайшия написав, церкви предаст. И канон великий о покаянии сътвори к Господу по главам азбуки, иже и доньне держат вернии рустии людие <...>». Он автор посланий, похвал святым, молитв, канонов и других религиозных произведений. Из древних славянских авторов в Восточной Славии Кирилл Туровский является, пожалуй, самым плодовитым. Особенно, если считать не только произведения с его точно установленным авторством, но и те, что ему приписываются. К сожалению,

подробного перечня всего этого, в том числе рукописей с его творениями, несмотря на достаточно длительное изучение творческого наследия Кирилла во многих странах, пока не создано. Уверенно можно говорить, что ему принадлежит несколько посланий и поучений, дошедших до нас частично, несколько торжественных слов, около 30 молитв и два канона.

Вплоть до XVI в. самыми читаемыми и распространяемыми, наряду с гимнографическими были отдельные гомилетические сочинения Кирилла. В конце XVI в. возник не иссякающий и по сей день всплеск интереса к молитвам Кирилла Туровского. В 1596 г. в Вильне в типографии православного братства Святого Духа был напечатан сборник «Молитвы повседневные: з многих святых отец церкви Христовы учителей с писма гречаскаго вкратце избранны и ины молитвы на всю Седмицу Святаго Кирилла Инока». Это издание увидело свет в период трагических нестроений в церковной жизни, в год принятия Брестской унии. Оно послужило образцом и основой для многих последующих изданий в XVII–XX вв. Предназначенное для широкого круга православных, прежде всего мирян, оно донесло молитвенное слово Кирилла до множества людей многим поколениям. Именно с него началась новая жизнь этих молитв, настала новая эра их распространения среди православных. Тексты молитв Кирилла, подготовленные в конце XVI в. к печати старобелорусскими эдителями легли в основу и их публикации в 1880 г. Ее осуществил епископ Минский и Туровский Евгений (Шерешилов), который как знаток писаний святителя и их бытования вместе со своими сотрудниками утверждал следующее: «Молитвы составляют... лучшую часть творений Кирилла, и этими-то молитвами, перешедшими в церковно-народное употребление, способное продолжаться тем долее, чем более они отрешены от условных влияний времени и места, святитель Туровский мог иметь наиболее обширное и благотворное влияние на христиан русских. И теперь молитвы его могут считаться лучшими из существующих в церковном употреблении молитвенных творений». Знаменитый русский писатель Н.С. Лесков настолько проникся и воодушевился молитвенным циклом Кирилла, что подготовил и издал его в своей авторской редакции в 1876 г. под заглавием «Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского». В книге имеется эпиграф, очень важный для понимания сути восприятия Кириллом литературного творчества: «Не только за свои молиться, но за чужия и за враги, и не за единыя христианы, но и за иноверныя, да выше ся обратили к Богу».

Православное монашество всегда чтит творения Кирилла, особенно те, что составляет отдельный молитвенный цикл. Он образует целую книгу, которая переписывалась вплоть до XIX в. Собственно монашеская среда подготовила и источниковедческую основу интереса молодой славяноведческой науки к творчеству Кирилла в первой четверти XIX в. Ученые сразу же обратили внимание на словесное искусство святителя, сумели оценить значимость его творчества для истории славянской культуры, от-

*Заглавный лист рукописного сборника XV в.
с молитвами Кирилла Туровского*
(Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского.
Институт рукописи. Ф. 1. Е.х. 5357)

метили прекрасное знание Кириллом тогдашней христианской литературы. В древних святцах память Кирилла приходится на 28 или 30 апреля. В 1870-е гг. епископ Минский и Туровский Евгений усилил почитание Кирилла, провозгласив его святым покровителем Минской епархии. В 1984 г. было установлено празднование Собору Белорусских святых, в число которых вошел и наш святитель. Ныне имя Кирилла носит Минская духовная академия и общественно-научное общество в Гомеле, в его честь учреждены церковные орден и медаль. Ежегодно 11 мая (28 апреля по старому стилю) на родине святителя в Турове проходит празднование памяти святителя с крестным ходом.

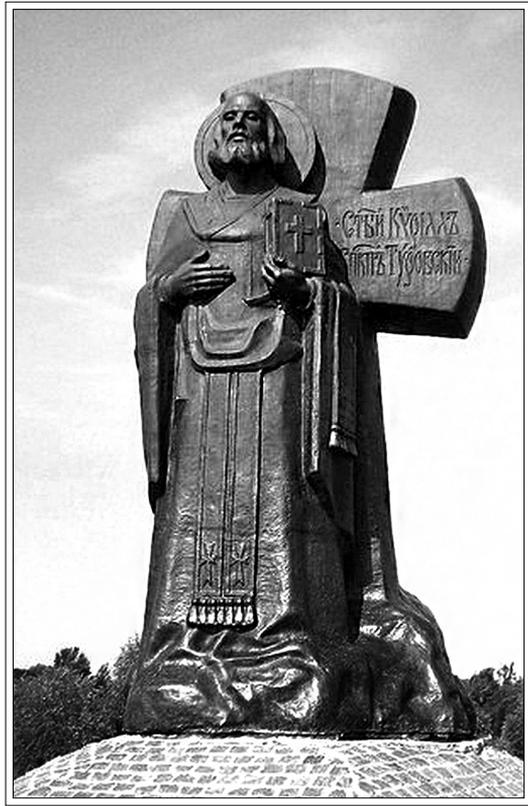
Самые ранние дошедшие до нас списки творений Кирилла, относятся к XIII в. С течением времени количество таких списков постепенно возрастает как в восточнославянских, так и южнославянских землях. Особого внимания заслуживают факты большого распространения рукописных списков сочинений святителя у южных славян преимущественно в XVI–XVII вв. В XVIII в. молитвы Кирилла начинают активно переписывать русские старообрядцы. В печать произведения Кирилла попадают во второй половине XVI в. и массово издаются по первую треть XVII в. включитель-

но. В основном это молитвы и «Кирилла недостойного мниха слово на Вознесение Господне в четверток 6 недели по Пасце от пророческих указаний и о воскрешении всеродного Адама».

Каких-либо достоверных изображений и описания внешности Кирилла не обнаружено. Но иконописные подлинники описывают его следующим образом: «<...> преклонных лет, очень умен и кроток; с малою круглою бородой, волосы просты, лицом худ; в фелони и омофоре, на голове шапка с вышитым крестом, в руках книга». Один из самых ранних сохранившихся иконописных образов Кирилла относится к началу XIX в. В то время их, видимо, было немного, но до конца века их стало все больше. Сегодня же это этот святитель один из самых почитаемых в Беларуси святых. Его изображения существуют не только на иконах, но и на светских живописных и графических произведениях.

В ряде белорусских городов ему были установлены памятники. Один из них находится в центре Турова, другой — на территории Белорусского государственного университета в Минске, третий — в центре Гомеля.

Несмотря на длительное, почти двухсотлетнее, изучение творчества Кирилла Туровского его оценки подчас противоречивы и спорны. Проблемой остается авторская атрибуция приписываемых Кириллу произведений и полная каталогизация их списков, недостаточно изучены особенности его художественной манеры повествования и языка. Отдельную проблему составляет богословское содержание произведений Кирилла, о чем пока наиболее обстоятельно писали известные католические теологи-монахи немец Герхард Подскальский и поляк Вацлав Гриневич. Интереснейшая и весьма плодотворная тема для исследований — распространение произведений святителя у южных славян, чему способствовал как его литературный талант, так и церковнославянская языковая основа его писаний, общепонятная в кругу народов *Slavia Orthodoxa*.

*Памятник Кириллу Туровскому в Турове
(скульптор М.М. Иньков, 1993)*

ЛИТЕРАТУРА

Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского. Киев, 1880.

Еремич И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 11. М.–Л., 1955. С. 342–357.

Hryniewicz W. Staroruska teologia paschalna w świetle pism św. Cyryla Turowskiego. Warszawa, 1993.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Лист из рукописного сборника XIII в. с началом молитвы «въ пяток повечерии» Кирилла Туровского (ГИМ. Отдел рукописей. Собрание Е.В. Барсова, № 347).
2. Заглавный лист рукописного сборника XV в. с молитвами Кирилла Туровского (Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Институт рукописи. Ф. 1. Е.х. 5357).
3. Страница печатного Заблудовского Евангелия со «Словом на Вознесение» Кирилла Туровского. Заблудов. 1569.
4. Титульный лист «Молитв повседневных» с циклом молитв Кирилла Туровского. Вильно, 1596.
5. Заглавный лист «Молитв на всю Седмицу» Кирилла Туровского в книге «Молитвы повседневные». Вильно, 1596.
6. Современное иконописное изображение Кирилла Туровского. Частное собрание.
7. Памятник Кириллу Туровскому в г. Туров. Скульптор М.М. Иньков. 1993 г.
8. Памятник Кириллу Туровскому в Минске. Скульптор А. Прохоров. 2001.
9. Памятник Кириллу Туровскому в Гомеле. Скульпторы Л.Н. Гумилевский и С.Л. Гумилевский. 2004 г.
10. Орден Кирилла Туровского Белорусского экзархата Русской Православной Церкви.

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ¹

Аннотация:

Статья посвящена оценке значения книжно-литературного наследия доктора наук Франциска Скорины (XVI в.) и распространению изданий этого великого белорусского просветителя в славянском мире.

Ключевые слова:

Франциск Скорина, белорусская литература, библеистика, славистика.

Abstract: Y.A. LABYNTSEV “THE LITERARY HERITAGE OF FRANCYSK SKARINA”.

The article is devoted to the assessment of the value of the literary heritage of the doctor Francysk Skarina (16th century) and the distribution of publications of this great Belarusian educator in the Slavic world.

Keywords:

Francysk Skarina, Belarusian literature, biblical studies, Slavistics.

Доктор Франциск Скорина — один из самых выдающихся культурных деятелей славянства, писатель, издатель, переводчик, национальная гордость белорусского народа. Франциск Скорина — писатель-философ, писатель-гуманист, выступивший перед своим народом с яркими патриотическими воззваниями, и одновременно глубокий психолог, лирик, сумевший рассказать людям о величайших тайнах мира. Франциск Скорина доверил бумаге такие свои сокровенные, выстраданные мысли, которые читаются сейчас как некая абсолютная законченная формула духовного развития человека: «Есть наивысшая мудрость размышление смерти и познание самого себе»²; «Наиболее любовь ко всем да соблюдает, еже есть совершена над все иные дарования, без нея же ничто проспешно есть»³.

Средством и инструментом пропаганды этой земной всечеловеческой любви Скорина избрал печатную книгу, доступную его братьям на Руси благодаря хорошо понятному языку и значительным тиражам. И как завет всем созидающим Книгу, писателям будущего и самому себе прозвучали слова просветителя: «Також и мы братия не можем ли во великих послужити посполитому люду рускаго языка, сие малые книжки пращи наше

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

² Предъсловие в книгу Иов // Книга Иова. Прага, 1517. 10 сентября. Л. 2 об.

³ Коринфом перваго послания светого апостола Павла сказание доктором Франциском Скориною с Полоцка // Апостол. Вильна, март 1525. Л. 36 об. третьего счета.

*Портрет
доктора Франциска Скорины
(гравюра 1517 г.)*

приносимо им»⁴. «Да совершен будет человек» — вслед за авторитетами древности восклицал Франциск Скорина⁵. Он стремился сделать все, чтобы его народ на родном языке мог постичь сокровенную мудрость человечества.

Как выдающийся европеец-гуманист Скорина страстно желал послужить общему делу духовного возрождения человека, его внутреннему совершенствованию. Этому и посвящены книги великого белоруса, вос-

⁴ Предословие доктора Франциска Скорины с Полоцъка во книги Леувит Моисевы // Книга Левит. Прага, около 1519. Л. 2 об.-3.

⁵ Предословие в Псалтырь // Псалтырь. Прага, 6 августа 1517 г. Л. 2.

принимающиеся сейчас как самая дорогая национальная реликвия, как духовное сокровище, национальная святыня, как символ всей тысячелетней белорусской культуры. Наряду с многими книгами, в том числе им самим написанными, Скорина издал в своем переводе значительную часть Библии. Она стала первой печатной Библией у восточно- и южнославянских народов и вышла в свет почти за полстолетия до появления польских печатных Библий.

За свою жизнь Скорина объездил немало стран, учился в старейших европейских университетах, достиг высших ученых степеней, был доктором «семи свободных искусств» и доктором медицины. Все это дало ему возможность, как никому другому у восточных славян, сопоставить жизненные ценности Запада и Востока Европы, решить для себя и других, прежде всего для «братьев» своих «Руси», те многочисленные философско-гуманитарные, богословские и литературные проблемы, которые и сегодня не утратили своей важности.

В силу исторических условий, в отличие от западноевропейских гуманистов, Скорина должен был весьма считаться с особой, веками узаконенной восточнославянской книжной традицией, которую, тем не менее, он значительно реформировал. Невозможность отойти в своем литературном творчестве на традиционном церковнославянском языке и даже на языке, близком к народному, от этой традиции (иначе он не был бы понят соотечественниками-современниками), вынуждала Скорину максимально опираться на нее, часто высказывать свои собственные суждения устами известных древних авторитетов. Использование в творчестве чисто традиционных восточных начал и сплав их с западными дали необычайно интересный, оригинальнейший литературно-графический материал, который при его рассмотрении ставит в тупик не только современника Скорины, но и современного ученого. Рождающийся художественный образ заставляет одновременно помнить и о литературных особенностях Востока, и о достижениях графического искусства Запада, и о той общности культур, которая свойственна всей Европе. Вот почему невозможно отделить в творчестве Скорины эти две главнейшие европейские культурные традиции: традицию византийского Востока и традицию римского, латинского Запада. Франциск Скорина связал, замкнул их в своем творчестве. Об этом свидетельствуют не только сами тексты книг печатника, но и их архитекtonика, композиция, графика.

Величайшая заслуга Скорины состоит в том, что он предназначает свои издания и сочинения не узкому кругу образованных лиц, пишет для них не на латинском языке, как это делает, например, Эразм Роттердамский, а, используя в основном традиционные литературные жанры и близкий к народному язык, создает народноязычные издания, предназначавшиеся всем людям без исключения. Книги Скорины — «четыре» — подобные тем, что легли в основание многих европейских национальных литератур, имели конкретный читательский адрес.

Выпущенные им книги — это не просто переведенные или подготовленные к печати тексты, снабженные теми или иными комментариями. Они представляют собой сложный комплекс сотен самых различных литературных произведений, которые были написаны, переведены или подготовлены им к изданию по канонам тогдашней европейской науки. Как мастер слова Скорина предстает перед нами сразу в нескольких авторских ипостасях: писатель-прозаик, гимнограф и поэт, переводчик с нескольких древних и новых языков.

Книги Франциска Скорины выступают как единство содержания и его типографского воплощения, которое служит своеобразным фоном и обрамлением главного в книге — слова, написанного или переведенного просветителем. Эта неразрывная связь прослеживается на всех уровнях, на примере всех элементов книг Скорины, включая даже мельчайшие. Почти одинаково важны и титульный лист, и предисловия, и надписания глав, и основной текст, и колофон, и все типографские и графические элементы, начиная со шрифтов и до гравюр, а также приемы набора и верстки, манера подачи материала, компоновка страниц, использование краски черного и красного цветов. Необходимо понимать и помнить, что книги Скорины — это именно единство, нерасторжимое и неделимое. В слиянии искусства словесного, графического и типографского он достиг величайшего совершенства, создал столь простую и совершенную гармонию слова и его материального, книжного, печатного воплощения, к которой в новейшее время так страстно стремились европейские модернисты и русские символисты.

Скорина-прозаик работал во многих жанрах. Одни из них являлись у нас традиционными, другие, а их было едва ли не большинство, он впервые ввел в белорусскую, да и во все восточнославянские литературы.

Сравнивая творения Скорины с творчеством его виднейших европейских современников, нельзя не отметить, что в отличие от многих из них он значительно опередил свое время и сознание родного народа. Лишь спустя столетия Скорину назовут великим, он станет символом всей белорусской культуры. Скорину мы ценим за то, что литература на родном языке оказалась для него средством, целью и тем абсолют, который мог указать людям истинный путь в жизни.

Славянский мир еще при жизни Ф. Скорины во многом по достоинству оценил его деятельность. Несмотря на аканоничность переведенной и напечатанной им Библии, она получила широкую известность на Востоке Европы, преимущественно, у белорусов, русских, украинцев и славян, живущих в отрогах Карпат. Можно говорить также о прямом влиянии Скоринской библии на украинскую литературу и прежде всего на украинские библийные издания и рукописи, включая новозаветные. Поражают широта распространения и популярность книг Ф. Скорины в Московской Руси и России. Именно в России произведениям Ф. Скорины суждена была наиболее долгая жизнь в читательской среде. Русские же старообрядцы пере-

писывали и даже перепечатывали созданные им тексты вплоть до начала XX столетия.

Можно говорить и об особой авторитетности наследия Ф. Скорины среди протестантов Европы. Его книги оказали прямое влияние на Приможа Трубера, Симона Будного и деятельность известного Ильи Копиевича, сподвижника Петра I. В этой связи интересна оценка Ф. Скорины, данная ему в начале XVII в. таким авторитетом греко-католической (униатской) церкви, как Анастасий Селява, настоятель Виленского Свято-Троицкого базилианского монастыря: «<...> Скорина, по вероисповеданию гусит, который напечатал вам книги по руски в Праге. Принимали их с благодарностью, еще бы, ведь он называл себя Русинном с Полоцка. Восхваляли между собой его издания, человек достойный, говорили, и Русин, брат наш это печатал»⁶.

Примечательно, что у восточных славян книги Ф. Скорины читали не только представители элиты, но и крестьяне. Примеров здесь много, особенно если иметь в виду русское старообрядчество, благодаря которому до нас дошла значительная, если не большая часть экземпляров изданий Ф. Скорины.

Едва ли не самый яркий пример авторитетности литературного наследия Ф. Скорины для современников демонстрирует знаменитое украинское Пересопницкое Евангелие 1556–1561 гг., на котором ныне присягают вступающие в должность президенты Украины. Евангелие это, написанное на Волыни, создано под непосредственным влиянием Скорининской библии⁷. Пожалуй, настоящую традицию составляет использование скорининского наследия в кругу старообрядчества. При этом Ф. Скорина выступает как авторитет древности, и на него в наиболее важных при доказательстве собственной правоты случаях ссылаются виднейшие представители старообрядчества различных согласий. Находим мы ссылки на издания Ф. Скорины и в известных «Поморских ответах», созданных в глуши Русского Севера на старообрядческом Выгу в начале XVIII в.

Гуманитарная наука обратила пристальное внимание на издания Ф. Скорины, пожалуй, лишь на исходе XVIII столетия, хотя С. Рингельгаубе называл его «мастером слова» уже в 1744 г.⁸ Приоритет здесь принадлежит П. Алексею, И. Штритеру, Д. Семенову-Рудневу (епископу Дамаскину), Й. Добровскому. Тем не менее еще и в середине XIX в. М. Погодин имел все основания утверждать, что скорининское наследие никто у нас должным образом «не изучает»⁹. Книги Ф. Скорины были и оставались гордостью

⁶ Anastazy Sielawa. Antelenchus, to iest Odpis... Wilna, 1622. S. 53.

⁷ *Владимиров П.В.* Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. С. 234–237.

⁸ *Ringeltaube S.* Gründliche Nachricht von polnischen Bibeln... Danzig, 1744. S. 170.

⁹ *Погодин М.* О приобретениях на Нижегородской ярмарке // Московитянин. 1847. Ч. 3. С. 120–122.

«каждой библиотеки», как о том сообщалось в первом по времени отчете Московского публичного музея 1864 г.¹⁰, но широкого и всестороннего их изучения все же не проводилось вплоть до появления в 1888 г. монографии П. Владимирова. Тогда же разгорелся жаркий спор о конфессиональной принадлежности Ф. Скорины, причем первоначально появилось множество публикаций о католической ориентации белорусского просветителя¹¹. Пожалуй самая взвешенная оценка тех лет, остающаяся во многом справедливой и сейчас, принадлежала украинскому литературоведу А. Барвинскому, который считал Ф. Скорину в этом плане личностью «загадочной»¹², в то время как его земляки-львовяне писали о Ф. Скорине — «православном русине»¹³ или же Скорине-«католике»¹⁴.

Постепенно Ф. Скориной начало гордиться все ученое слаянство вне зависимости от вероисповедных симпатий, хотя разноголосица мнений относительно «связи его деятельности с какою-либо религиозной доктриной», как о том упоминал украинский историк М. Грушевский¹⁵, не стихает и поныне. Книги Скорины получили широчайшее распространение во всех восточнославянских православ-

*Титульный лист
издания Франциска Скорины
«Бивлія руска»
(Прага, 1517–1519)*

¹⁰ Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. СПб., 1864. С. 31.

¹¹ *Белорусс.* Судьбы русского языка в костелах Северо-Западного края // Русский вестник. 1868. № 9. С. 143–144; *Козловский И.* Библиографические редкости, хранящиеся в Виленской публичной библиотеке // Вестник Западной России. 1870. Т. 1. Кн. 3. С. 89; *Василевский В.Ф.* Очерк истории города Вильны // Памятники русской старины в западных губерниях империи. СПб, 1872. Вып. 5. С. 33.

¹² *Ол. Б.* Библиография // Правда. 1879. № 9. С. 590–592.

¹³ *Вахнянин А.* О докторе Франциску Скорине и его литературной деятельности. Львов, 1879.

¹⁴ *Ю. П.* Килька уваг... // Правда. 1879. № 10. С. 640–645.

¹⁵ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ-Львів, 1907. Т. 6. С. 428.

ных землях, а его гимнографические сочинения со временем включили в свои сборники даже русские старообрядцы. Деятели Реформации, в частности Симон Будный, считали Скорину одним из своих предшественников. Последний неоднократно ссылался на скорининскую «Бивлию руску». Католики, а за ними и греко-католики (униаты), постоянно критиковали Скорину и его «Бивлию», называя ее издателя «еретиком-гуситом». Подобная неоднородность, а порой и противоположность в трактовках деятельности и взглядов Скорины объясняется не только конкретными конфессиональными установками тех или иных лиц и всего их лагеря в целом, но и тем, что Скорина творил в период особого исторического момента в судьбах Slavia Byzantina и Slavia Romana на пограничье этих двух великих европейских культурных традиций. По сей день литературное, философское и богословское наследие Скорины все еще остается недостаточно изученным. Об этом признанном гении славянского мира, гордости и символе белорусской национальной культуры до сих пор не создана исчерпывающая научная библиография. Именем Скорины названы проспекты и улицы белорусских городов, учебные заведения; в Белоруссии и за рубежом Скорине установлены памятники; учреждены белорусские государственный «скорининские» награды.

ЛИТЕРАТУРА

- Анічэнка У.В.* Слоўнік мовы Скарыны. Мінск, 1977–1994. Т. 1–3.
 Апостол. Вильна, март 1525. 344 л.
Белорусс. Судьбы русского языка в костелах Северо-Западного края // Русский вестник. 1868. № 9. С. 143–144.
 Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. 279 с.
Василевский В.Ф. Очерк истории города Вильны // Памятники русской старины в западных губерниях империи. СПб., 1872. Вып. 5. С. 9–80.
Вахнянин А. О докторе Франциску Скорине и его литературной деятельности. Львов, 1879. 22 с.
Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. XXVI, 351, [12] с.
Галенчанка Г.Я. Францыск Скарына — беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар. Мінск, 1993. 280 с.
Грушевський М. Історія України-Руси. Київ-Львів, 1907. Т. 6. 670 с.
 Книга Иова. Прага, 1517, 10 сентября. 52 л.
 Книга Левит. Прага, около 1519. 54 л.
 Кніжная спадчына Франціска Скарыны. Мінск, 2013–2017. Т. 1–20.
 Кніжная спадчына Франціска Скарыны: Вяртанне. Мінск, 2017. 195 с.
Козловский И. Библиографические редкости, хранящиеся в Виленской публичной библиотеке // Вестник Западной России. 1870. Т. 1. Кн. 3. С. 85–102.
Лабынцаў Ю. Пачатае Скарынам. Мінск, 1990. 333 с.
Лабынцаў Ю. Скарынаўскі каляндар. Выд. 2-е. Мінск, 1990. 184 с.

- Лабынцев Ю.А.* Непреходящие споры о Франциске Скорине, включая «беловежские», и необходимость подготовки новейшей библиографии работ о нем // *Białorutenistyka Białostocka*. Т. 10. Białystok, 2018. S. 9–23.
- Матэрыялы Міжнароднага кангрэса «500 гадоў беларускага кнігадрукавання». Мінск, 2017. Ч. 1–2.
- Немировский Е.Л.* Франциск Скорина: жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск, 1990. 597 с.
- Ол. Б.* Библиография // *Правда*. 1879. № 9. С. 590–592.
- Отчет по Московскому публичному музею от времени основания его до 1 января 1864 г. СПб., 1864. 178 с.
- Погодин М.* О приобретениях на Нижегородской ярмарке // *Московитянин*. 1847. Ч. 3. С. 120–122.
- Подокшин С.А.* Франциск Скорина. М., 1981. 216 с.
- Псалтырь. Прага, 6 августа 1517 г. 142 л.
- Суша А.А.* Франциск Скорина — человек мира. Минск, 2016. 303 с.
- Франциск Скорина и его время: Энциклопедический справочник. Минск, 1990. 631 с.
- Францыск Скарына: Асоба, дзейнасць, спадчына. Мінск, 2017. 293, 2 с.
- Францыск Скарына: новыя даследаванні. Мінск, 2019. 215 с.
- Францыск Скарына: Энциклапедыя. Мінск, 2017. 568 с.
- Шматов В.Ф.* Искусство книги Франциска Скорины. М., 1990. 207 с.
- Ю. П.* Килька уваг... // *Правда*. 1879. № 10. С. 640–645.
- Anastazy Sielawa.* Antelenchus, to iest Odpis... Wilna, 1622. 66 s.
- Franciszek Skoryna z Połocka: Życie i pisma / M. Walczak-Mikołajczakowa, A. Naumow. Gniezno, 2007. 232 s.
- Nemirovskij E.L.* Gesamt katalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift. Bd. 5. Die Druckerei von Francisk Skorina in Wilna. Baden-Baden, 1999. 263 s.
- Nemirovskij E.L.* Gesamt katalog der Frühdrucke in kyrillischer Schrift. Bd. 3. Die Prager Druckerei von Francisk Skorina. Baden-Baden, 1998. 405 s.
- Ringeltaube S.* Gründliche Nachricht von polnischen Bibeln... Danzig, 1744. 32, 348, 20 s.

ПЕРВОПЕЧАТНИК ИВАН ФЕДОРОВ, РАБОТАВШИЙ В РУССКИХ, БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ¹

Аннотация:

В статье рассматривается деятельность знаменитого русского, белорусского и украинского первопечатника Ивана Федорова (ок. 1520 — 5 декабря 1583 года). В 1564 г. он выпустил в Москве первую точно датированную русскую книгу «Апостол», а затем несколько других книг. В конце 1560-х годов в имении белорусских православных магнатов Ходкевичей Заблудове Иван Федоров напечатал еще ряд изданий, в их числе «Евангелие учительное» 1569 г. А в 1570-х — начале 1580-х годов во Львове и Остроге он издал ряд других книг. Среди них была и первая печатная Библия на церковнославянском языке — Острожская Библия.

Ключевые слова:

Иван Федоров, кирилло-мефодиевское наследие, восточнославянская старопечатная книжность.

Abstract: Y.A. LABYNTSEV “THE FIRST PRINTER IVAN FYODOROV, WHO WORKED IN THE RUSSIAN, BELARUSSIAN AND UKRAINIAN LANDS”.

The article discusses the activities of the famous first printer of Russia, Belarusia and Ukraine Ivan Fyodorov (c. 1520 — 5th December 1583). In 1564 he issued in Moscow the first exactly dated Russian book «Apostle», and then a few other books. At the end of the 1560s on the manor of the Belarusian Orthodox magnates of Hotkevich's Zabłudov, Ivan Fyodorov published a number of books, including «Didactic Gospel» in 1569. And from the 1570s to early 1580s in Lvov and Ostrog, he issued a number of other books. Among these publications were the first printed Bible in Church Slavonic: the Ostrog Bible.

Keywords:

Ivan Fyodorov, Cyril and Methodius heritage, East Slavic early printed book culture, Ostrog Bible.

Иван Федоров — русский, белорусский и украинский первопечатник, издатель первой датированной русской печатной книги. Точное время и место его рождения неизвестны, но в своих изданиях он постоянно подчеркивал собственное московское происхождение: «Иоанн Федорович, друкаръ Москвитин», «Иоанн Феодорович, печатник, з Москвы».

Книгопечатание в Москве появилось в середине XVI в., когда по повелению царя Ивана Грозного и благословению митрополита Макария в 1563 г. была основана столичная типография, начало и успешное развитие которой связано с деятельностью Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мсти-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

славца (до этого времени в Москве было анонимно выпущено несколько различных книг без указания на место и время печати). 1 марта 1564 г. вышла в свет первая датированная русская книга «Апостол». В послесловии к нему, составленному скорее всего самим Иваном Федоровым, излагается предыстория основания типографии, в которой сообщается, что по решению царя Ивана Грозного люди стали покупать книги на торжищах, но поскольку те оказались испещрены ошибками несведущих переписчиков, велено было на средства царской казны устроить печатный дом и начать печатное дело, «делателями» которого были назначены дьякон церкви Николы Гостунского в Кремле Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец.

После издания в Москве «Апостола» первопечатники на следующий год выпустили в свет два издания «Часовника», который использовался на Руси для обучения грамоте. Однако вскоре после этого они были вынуждены покинуть Москву, захватив с собой часть типографских материалов. Сам Иван Федоров объяснял причины своего отъезда бедами, к которым привело озлобление несведущих в грамоте людей. При этом он подчеркивал, что главная беда исходила «не от самого царя, но от многих гражданских и духовных начальников и учителей», которые из зависти обвинили первопечатников «в различных ересьях, желая благое превратить во зло». Из-за всего этого, по словам Ивана Федорова, ему вместе с Петром Мстиславцем пришлось покинуть свою страну и переселиться в иные, «неведанные страны», которыми стали земли Великого княжества Литовского и Польша. Здесь первопечатники нашли приют в имении магната Григория Ходкевича Заблудове и вскоре занялись созданием православной типографии. 8 июля 1568 г. они приступили здесь к выпуску первой книги — «Евангелия учительного». Набор первопечатники производили шрифтами, привезенными ими из Москвы. Использовались также изготовленные в России заставки, концовки и буквицы, которые они

Заглавный лист «Апостола»
(М., 1564)

применили при издании московского «Апостола» 1564 г. 17 марта 1569 г. «Евангелие учительное» было напечатано. Следует отметить, что в состав этой книги вошло и одно из слов знаменитого древнерусского автора XII в. Кирилла Туровского. В 1570 г. здесь же в Заблудове Иван Федоров уже без Петра Мстиславца (который в дальнейшем начал издавать книги в Вильне) выпустил печатную «Псалтырь с Часословцем», которая массово использовалась и для обучения грамоте.

В 1572 г. после решения Ходкевича о закрытии заблудовской типографии Иван Федоров переезжает во Львов, где через два года выпустил знаменитые «Апостол» и «Букварь». Две эти книги положили начало книгопечатанию в украинских землях, а Иван Федоров по праву стал основателем и украинского книгопечатания. Основной текст «Апостола» — первой печатной книги в украинских землях полностью повторял текст московского «Апостола» 1564 г. К нему прилагались три небольшие начальные статьи и обширное послесловие Ивана Федорова о начале книгопечатания. В отличие от Москвы и Заблудова, где он получал большую поддержку сильных мира сего, в том числе и материальную, во Львове Иван Федоров при налаживании книгопечатания не обрел чьей-либо помощи. Здесь он столкнулся с вопиющим равнодушием к своему делу, и лишь некоторые «малого чина» православные священнослужители и незнатные львовские миряне откликнулись на его призыв о содействии.

В 1579 г. Иван Федоров по приглашению князя Константина Острожского прибыл в Острог, куда этот вельможа созывал выдающихся ученых мужей того времени для подготовки и издания текста первой полной печатной Библии на церковнославянском языке. До осуществления ее публикации Иван Федоров напечатал в Остроге «Азбуку» (1578), «Букварь» (около 1580), Псалтырь и Новый Завет (1580), «Книжку собрание вещей нужнейших вкратце скорога ради обретения в книзе Новаго Завета» (1580) и «Хронологию» Андрея Рымши

Заглавный лист «Апостола»
(Львов, 1574)

(1581). В ходе подготовки к изданию Библии Иван Федоров значительно расширил и укомплектовал работниками острожскую типографию, собрал потребные типографские материалы и запаса бумагой, необходимой для столь объемного печатного издания. В 1581 г. увидела свет Острожская Библия — замечательный памятник мирового типографского искусства, первая полная библия на церковнославянском языке. Непосредственное участие при подготовке к печати ее рукописи принимал и сам Иван Федоров: он являлся превосходным текстологом и знатоком церковнославянского языка. В начале 1583 г. Иван Федоров возвратился во Львов, где скончался в декабре 1583 г., и был похоронен в Онуфриевском монастыре.

Имя Ивана Федорова широко известно во многих странах мира. Особенно дорого оно людям в России, Беларуси и Украине — там, где его деятельность оставила наиболее глубокий след. Был он личностью выдающейся — духовное лицо, первопечатник, изобретатель, писатель. Как писатель, Иван Федоров оставил нам несколько своих произведений, послесловий к изданиям, особое место среди которых принадлежит послесловию к львовскому «Апостолу» 1574 г. Он озаглавил его «Повестью» — первой в истории литературы печатной повестью русского автора. Но главное из того, что сделал Иван Федоров, относится к его типографской и издательской деятельности. Такого мнения придерживались уже современники первопечатника, выбившие на его могильной плите во Львове следующие слова: «Иоанн Федорович, Друкаръ Москвитин, <...> Друкаръ книг пред тым невиданных».

Книги Ивана Федорова широко разошлись по всему миру. До наших дней сохранилось около 70 экземпляров московского «Апостола» 1564 г. Большая их часть находится в разных городах России, и прежде всего в Москве — треть из всех ныне известных. Экземпляры этой книги имеются также и в ряде других стран: Великобритании, США, Киргизии, Чехии, Латвии и, конечно же, в Украине, где сберегается десятая их часть. Экземпляры Львовского «Апостола» 1574 г. сохранилось почти в два раза больше — 130. Более половины из них находится в России, из них четвертая часть — в Москве. Имеются они и в Польше, Литве, Греции, Великобритании, Австрии, Венгрии, Канаде, Белоруссии, Болгарии, Сербии, Италии, Чехии и Швеции. В самой Украине хранится четверть всех экземпляров львовского «Апостола» 1574 г., из них около половины во Львове. Особая судьба сложилась у заблудовского «Евангелия учительного» 1569 г., которое оказало значительное влияние на православных как внутри Великого княжества Литовского, так и далеко за его пределами, включая Московию и Балканы. Эту книгу в разных странах неоднократно перепечатывали, использовали для работы над другими изданиями, снимали с них рукописные копии, переводили на иные языки. До наших дней дошло около 50 экземпляров заблудовского «Евангелия учительного» 1569 г., находящихся ныне во многих странах на двух континентах: в Польше, США, Сербии, Литве, Украине, Белоруссии и т.д. Больше всего его экземпляров

имеется в России — во Владимире, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Петрозаводске, Екатеринбурге и особенно в Москве, где в общей сложности хранится около 20 экземпляров указанного издания. Многочисленные записи на страницах уцелевших экземпляров заблудовского «Евангелия учительного» свидетельствуют о необычайно широком распространении этой книги во всем православном мире. Очень быстро она попадает к болгарам, русским, сербам и другим православным народам, распространяется на территории Великого княжества Литовского и Польского королевства. До наших дней дошло около 400 экземпляров Острожской библии, и почти каждый год обнаруживаются все новые и новые. Они распространены буквально по всему миру, и больше всего их, конечно же, в России и Украине. Затем следуют Сербия, Польша, Великобритания, Болгария и другие страны. Вопрос о тираже Острожской библии окончательно не решен, но по тем временам он, несомненно, был очень большим. Впрочем, огромное число сохранившихся экземпляров этой книги объясняется еще и весьма бережным отношением к этому выдающемуся памятнику славянской книжности. Выход в свет в Остроге в 1581 г. первой церковнославянской печатной Библии не только завершил многовековую историю создания полного «словенского» библейского свода, но и заложил новую прочную основу рецепции в среде многих народов текста Священного Писания, которое служило тысячелетним стержнем всей европейской культурной традиции.

Дьякон кремлевской церкви св. Николая Гостунского «Иван Федоров сын Москвитин» относится к числу тех исторических личностей, которым выпало стать магистральными проводниками самой широкой и масштабной коммуникации древней церковнославянской традиции, связанной с печатным словом. Многогранная творческая деятельность Ивана Федорова в Москве, на белорусских и украинских землях — одна из самых ярких страниц истории России, Белоруссии и Украины. В истории восточнославянских культурных взаимосвязей, в том числе русско-украинских и украинско-русских, трудно найти пример, столь наглядно демонстрирующий многовековое духовное родство наших народов. За свою непростую скитальческую жизнь, закончившуюся в декабре 1583 г. во Львове, Иван Федоров напечатал целый ряд изданий, ставших классическими и образцовыми не только как предметы мирового типографского искусства, но и как памятники тысячелетней церковнославянской книжной традиции, до сих пор наиболее надежно охраняющей и свидетельствующей о духовно-культурном единстве восточных и южных славян.

Именем Ивана Федорова названы улицы в ряде городов, памятники ему установлены в Москве и Львове, писатели и поэты посвящают ему художественные произведения. 23 июля 2010 г. Московскому государственному университету печати в связи с 80-летием его основания было присвоено имя Ивана Федорова.

ЛИТЕРАТУРА

- Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха: Энциклопедия. М., 2007.
- Лабынцев Ю., Щавинская Л.* «Напечатана... Иваном Федоровым... Москвитином». М., 2007.
- Немировский Е.Л.* Иван Федоров. Начало книгопечатания на Руси: Описание изданий и указатель литературы: к 500-летию со дня рождения великого русского просветителя. М., 2010.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Заглавный лист «Апостола». М., 1564.
2. Начальная страница послесловия в «Апостоле». М., 1564.
3. Выходной лист «Евангелия учительного». Забудов, 1569.
4. Заглавный лист «Псалтыря с Часословцем». Забудов, 1574.
5. Заглавный лист «Апостола». Львов, 1574.
6. Начальная страница послесловия в «Апостоле». Львов, 1574.
7. Выходные сведения «Букваря». Львов, 1574.
8. Титульный лист «Библии». Острог, 1581.
9. Памятник Ивану Федорову в Москве. Скульптор С.М. Волнухин. 1909 г.
10. Памятник Ивану Федорову во Львове. Скульпторы В.Н. Борисенко и В.М. Подольский. 1977 г.

ОСТРОЖСКАЯ БИБЛИЯ 1581 Г. — ПОЛНЫЙ ПЕРВОПЕЧАТНЫЙ БИБЛЕЙСКИЙ СВОД У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН¹

Аннотация:

В статье рассматривается история издания — знаменитой Острожской библии, выпущенной в 1581 г. московским и украинским первопечатником Иваном Федоровым в имении православного магната князя К.К. Острожского в г. Остроге. Острожская библия является памятником книжной культуры мирового значения и поныне остается наиболее известным и значимым старопечатным кириллическим изданием. Ее выпуск подвел итог многовекового бытования рукописных церковнославянских переводов Священного Писания. Эта книга распространена по всему миру, но больше всего ее экземпляров хранится в России и Украине.

Ключевые слова:

Острожская библия, библеистика, Иван Федоров, церковнославянский язык, славяноведение.

Abstract: Y.A. LABYNTSEV “THE OSTROG BIBLE 1581: THE FIRST COMPLETE PRINTED BIBLE OF THE EAST SLAVS”.

The article discusses the history of the publication of the famous Ostrog Bible, published in 1581 by the Moscow and Ukrainian pioneer printer Ivan Fyodorov on the estate of the orthodox magnate Prince Konstantine in the city of Ostrog. The Ostrog Bible is a monument of book culture of world significance, it still remains the most famous and important early printed Cyrillic title. Its publication was the result of centuries of existence of the manuscript Church Slavonic translations of the Holy Scripture. Its copies are found all over the world, but the majority of its specimens are in Russia and Ukraine.

Keywords:

Ostrog Bible, biblical studies, Ivan Fyodorov, Church Slavonic language, Slavic studies.

Острожская библия — памятник книжной культуры мирового значения. Ее в 1581 г. издал знаменитый русский и украинский первопечатник Иван Федоров в Остроге — имении князя Константина Острожского. В своих изданиях к своему имени он прибавлял слово «Москвитин», т.е. подчеркивал, что является выходцем из Московского государства. Для выпуска библии в Остроге были созданы специальная типография и ученое сообщество, которое состояло из выдающихся книжников того времени, проделавших огромную работу по подготовке библейских рукописных текстов к печати. Благодаря их труду Острожская библия 1581 г.

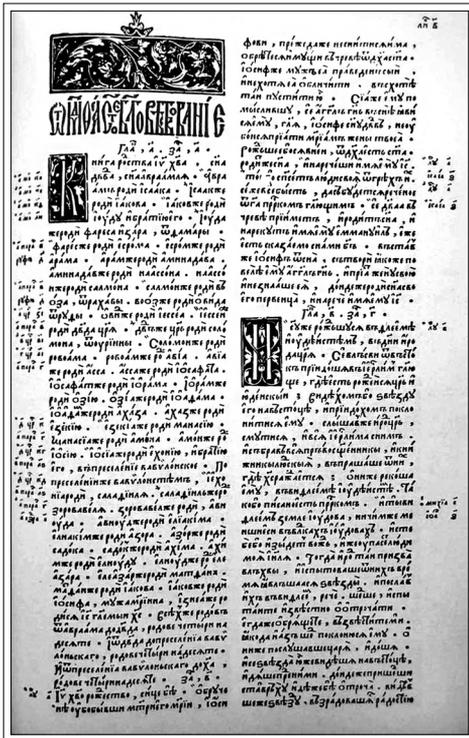
---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

стала и поныне остается наиболее известным и значимым старопечатным кириллическим изданием. Оно подвело итог многовековому бытованию рукописных церковнославянских переводов Священного Писания. Его выход не только завершил длительную историю создания полного «словенского» библейского свода, но и заложил новую основу рецепции текста Священного Писания, которое являлось идейно-религиозным стержнем культурной традиции для многих европейских народов.

Инициатором подготовки и издания Острожской библии выступил магнат К. Острожский. В своем городе-имении Остроге он создал один из крупнейших православных культурно-образовательных центров Европы, известный в науке как Острожская академия (ныне она возобновлена в современной Украине в виде национального университета). Члены православного научного сообщества в Остроге поддерживали тесные связи с православным ученым миром от Московского государства на севере до греческих и славянских центров Юга и Запада Европы. Князь пригласил в Острог и Ивана Федорова, который уже успел прославиться своими трудами за пределами Московского государства на Подляшье и во Львове. После принятия решения об издании началась грандиозная редакционная работа с привлечением огромного числа библейских текстов на

различных языках: греческом, латинском, чешском и польском. По собственному свидетельству князя Константина Острожского, он посылал на поиск необходимых текстов своих людей во многие европейские «пределы». Но главное книжное сокровище ему удалось обрести в Московском государстве у царя Ивана Грозного — список так называемой Геннадиевской библии 1499 г. (он был создан по распоряжению Новгородского архиепископа Геннадия в преддверии ожидаемого «конца света в 1500 г»), который и был положен в основу Острожского издания Библии: «В всех странах роду нашего языка словенского ниж едина обретеся съвършена всех книгах Ветхаго Завета. Токмо от благочестива и в православии изрядно сиателна государя и великаго князя Иоанна Василичевича Московского и прочия богоизбранным мужем Михаилом Гарабурдою, писарем Великаго княз-

Первый лист Нового Завета
в Острожской библии 1581 г.

ства Литовского, с прилежным молением испрошенную сподобихомся приати съвршѣную Вивлию». Многие обнаруженные разногласия между переводами библейских текстов устранялись в основном силами представителей острожского научного сообщества. В качестве одной из основ использовался «звод» греческой Библии, а также делались отдельные переводы с латинского текста Священного Писания.

Работа шла достаточно быстро несмотря на ее трудность и кропотливость. Непосредственное участие в подготовке рукописи Острожской библии к печати принимал и Иван Федоров, бывший превосходным текстологом и знатоком церковнославянского языка. С момента его появления деятельность печатников здесь приобрела масштабный характер. Иван Федоров значительно расширил их коллектив, подготовил необходимые запасы типографских средств и бумаги для печати столь объемного издания. Он определял стратегию издания Острожской библии, задавал темпы работы над ним, продумывал архитектонику, графическое и шрифтовое воплощение книги.

Для титульного листа Острожской библии Иван Федоров использовал рамку фронтисписа своего московского и львовского «Апостолов» 1564 и 1574 гг. На обороте титульного листа он поместил герб князя К.К. Острожского и стихи на этот герб. На следующем листе начинается предисловие от лица князя, написанное параллельно на греческом и церковнославянском языках. Затем следуют предисловие ректора Острожской академии Герасима Смотрицкого и его стихи, обращенные к читателю. На отдельном листе приводится оглавление Библии и далее идет ее текст, в конце которого помещены так называемые лекционные таблицы со «Сборником 12-тим месяцам» и послесловие Ивана Федорова на греческом и церковнославянском языках и его именная типографская марка.

Острожская библия набиралась четырьмя кириллическими и двумя греческими шрифтами. Основным из них был мелкий кириллический, напоминающий по рисунку письмо рукописей, которые создавались тогда на восточнославянских землях Речи Посполитой. Книга печаталась двумя красками: преобладающей черной и красной. В ней

Вариант выходного листа
Острожской библии 1581 г.
с датой 12 июля 1580 г.,
на самом деле вытупенной
в свет год спустя.

используются инициалы, заставки, концовки, вязь и различные наборные украшения. Она насчитывает 628 листов или 1256 страниц большого формата («в лист»). На полных ее страницах помещено по 50 строк, набранных параллельно в два столбца. Сегодня известно около 400 сохранившихся экземпляров Острожской библии, но ежегодно отыскиваются ранее неучтенные. Эта книга распространена по всему миру: больше всего ее экземпляров в России и Украине, далее следуют Сербия, Польша, Великобритания, Болгария и другие страны.

В силу большой востребованности Острожская библия в 1663 г. была переиздана в Москве. Это переиздание явилось своеобразным камертоном для последующих публикаций Библии не только в России, но и за ее пределами. Для русских старообрядцев Острожская библия остается одной из главных книжных святынь и по сей день; в 1914 г. они перепечатали ее в Москве. В наше время Острожская библия переиздавалась, в том числе и с чисто научными целями. Электронные варианты воспроизведения отдельных оригинальных экземпляров Острожской библии теперь общедоступны, но сама она все еще недостаточно изучена и прежде всего филологами. Ибо, как столетие назад писал Иван Франко, она «с точки зрения на свою редакцию и свои источники <...> не дождалась еще детального исследования».

ЛИТЕРАТУРА

- Ісаєвич ЯД.* Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1983.
- Лабынцев Ю., Щавинская Л.* «Напечатана... Иваном Федоровым... Москвитином». М., 2007.
- Немировский ЕЛ.* Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. М., 1974.
- Острожская библия: сборник статей. М., 1990.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Титульный лист Острожской библии 1581 г.
2. Заглавный лист Острожской библии 1581 г.
3. Оглавление Острожской библии 1581 г.
4. Первый лист Нового Завета в Острожской библии 1581 г.
5. Вариант выходного листа Острожской библии 1581 г. с датой 12 июля 1580 г. (на самом деле она была выпущена в свет год спустя).
6. Первый лист Соборника 12 месяцев в Острожской библии. 1581 г.
7. Переплет одного из экземпляров Острожской библии. 1581 г.
8. Стихи на герб князя К.К. Острожского из Острожской библии. 1581 г.
9. Портрет князя К.К. Острожского.
10. Последняя страница послесловия Ивана Федорова на греческом и церковнославянском языках в Острожской библии. 1581 г.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МАМОНИЧЕЙ — КРУПНЕЙШАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТИПОГРАФИЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI — ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XVII В.¹

Аннотация:

В статье рассматривается история создания и деятельности крупнейшей православной типографии в Великом княжестве Литовском. Она была организована в 1574 г. в Вильне на средства богатейших православных купцов Мамоничей и просуществовала до 1625 г. За полвека в ней было выпущено более 100 различных изданий: богословские и литургические книги, публицистические произведения, учебники, сборники законодательных актов, издания правового характера. В их число входило несколько изданий «Статута Великого княжества Литовского», печатавшегося тысячными тиражами. Изданные Мамоничами книги оказали большое влияние на развитие культурных, политических и религиозных процессов как у восточных, так и южных славян.

Ключевые слова:

Мамоничи, издательский дом, Петр Тимофеев Мстиславец, Вильно, кирилло-мефодиевское наследие, старопечатные издания.

Abstract: Y.A. LABYNTSEV “PRINTING HOUSE OF MAMONICHES, THE LARGEST ORTHODOX PUBLISHER OF THE EAST SLAVS IN LAST QUARTER OF THE 16TH — THE FIRST DECADES OF THE 17TH CENTURIES”.

The article discusses the history and activities of the largest orthodox Printing house of the Grand Duchy of Lithuania. It was organized in 1574 in Vilna at the expense of the wealthy Orthodox merchants of Mamoniches and existed till 1625. For the half of a century more than 100 different titles were published there: theological and liturgical texts, journalistic works, textbooks, collections of legislation, publications of laws. Among the publications there were several editions of the “Statute of the Great Duchy of Lithuania”, which were printed in thousands of copies. The publications of Mamoniches impacted a great influence on the cultural, political and religious development in the East and South Slavic lands.

Keywords:

Mamoniches, Pyotr Timofeev Mstislavets, Vilna, Cyril and Methodius heritage, old printed books.

Издательский дом Мамоничей — крупнейшая типография Велико-го княжества Литовского XVI в. была основана в 1574 г. в Вильне Петром Тимофеевым Мстиславцем на средства богатейших православных купцов Мамоничей. За почти полвека своего существования она выпустила

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

свыше 100 изданий самого разного плана, выходившие тысячными тиражами. Это были богословские и литургические книги, публицистические произведения, учебники, сборники законодательных актов, издания правового характера, в том числе неоднократно печатавшегося знаменитого «Статута» Великого княжества Литовского.

Во второй половине XVI в. Вильно представлял собой крупный многонациональный культурный и экономический центр на востоке Европы. После смерти в 1572 г. Сигизмунда II Августа, известного своей толерантной политикой последнего короля из рода Ягеллона, во внутренней жизни молодого государства Речь Посполитая наступил явный застой. Активизировало свою деятельность католическое духовенство, которое усиливало борьбу с инаковерующими, увеличилась и роль иезуитов. В конфессиональной борьбе за умы верующих все большее значение наряду с проповедью начало приобретать печатное слово. Каждая этнокультурная, этноконфессиональная группировка или партия имела своих литераторов, свою литературную среду, свою обслуживающую их интересы литературу, и это находило свое отражение в издательской политике. Костяком православной партии в Вильно являлось православное мещанство, выступившее в дальнейшем инициатором создания православных братств. Оно было крайне заинтересовано в возобновлении книгопечатания, прерванного в 1525 г. после закрытия виленской типографии белорусского первопечатника Франциска Скорины.

В начале 1570-х гг. почти через полвека после данного печального события книгопечатание в городе было возобновлено. Это произошло благодаря поддержке богатых купцов Кузьмы и Луки Мамоничей и состоятельных белорусских горожан Зарецких, бывших душой православной партии в столице Великого княжества Литовского. Их поддержка позволила открыть в доме Мамоничей типографию, организатором которой стал соратник русского первопечатника Ивана Федорова белорус Петр Тимофеев Мстиславец. Первыми выпущенными в ней кириллическими книгами стали «Четвероевангелие» (1575), «Псалтырь» (1576) и «Часовник» (предположительно 1574–1576 гг.). По составу все три издания Петра Мстиславца традиционны. Их текст и орнаментика весьма напоминают московские: вплоть до сопровождающих книги послесловий, выдержанных издателем в стиле московских первопечатных.

В 1576 г. королем Речи Посполитой был избран Стефан Баторий, сторонник сильной власти, выступавший на словах за толерантность, но на деле проводивший жесткую политику контрреформации. Католическая церковь и прежде всего иезуиты использовали все легальные методы борьбы против православных, включая отмену принципа равного этноконфессионального партийного представительства в местных органах городских властей и магистрата. В 1576 г. между Петром Мстиславцем и Мамоничами возник конфликт, вылившийся в судебное разбирательство. Суд продолжался около трех лет и завершился приговором Мамоничам изданных

книг, а Мстиславцу — всего типографского оборудования. После этого печатник покинул город, и дальнейшая его судьба остается неизвестной.

Мамоничи показали себя предприимчивыми и удачливыми торговцами: они получили за свои заслуги шляхетское звание и добивались для своей типографии королевской привилегии, которая стала бы гарантом успеха ее деятельности. За Мамоничами стояло православное мещанство одного из крупнейших городов востока Европы и православные всего Великого княжества Литовского. Факты притеснения православных в Речи Посполитой сразу же становилось известными в России, которая внимательно следила за положением дел единоверцев у своих соседей. Дом Мамоничей имел широкие общеевропейские связи с ориентацией на православные регионы. В Москве у него было нечто вроде своего представительства, его торговые агенты направлялись и на Балканы, занимаясь распространением продукции книгопечатницы своих хозяев.

Типография в доме Мамоничей возобновила свою деятельность только в 1583 г. По всей видимости, ничего из типографского оборудования Петра Мстиславца ей не досталось. Оборудование для нее Мамоничи закупали в разных местах Речи Посполитой и, возможно, в России. Они сумели на какое-то время пригласить к себе из Львова ученика и сотрудника Ивана Федорова Гриня Ивановича, который изготовил им два шрифта. Спустя пять лет новая типография располагала уже не менее тремя печатными станами и разнообразными наборами шрифтов. По всем своим характеристикам типография Мамоничей превосходила все иные типографии Великого княжества Литовского XVI – начала XVII в. Ее издания покупали охотно, они быстро расходились по всей Европе, прежде всего в России и на Балканах. Мамоничи стремились монополизировать издательскую деятельность в государстве и достигли своей цели. 13 марта 1586 г. король Стефан Баторий предоставил исключительное право «достойным мужам», виленским гражданам бурмистру Кузьме и скарбному Луке Мамоничам на издание «русских, славянских и греческих книг» и их беспошлинную продажу в государстве и за его пределами.

Первым изданием возобновленной типографии стал «Служебник» 1583 г., в выходных данных которого означено «3 друкарни дому Мамоничов». В его основу были положены рукописные списки, тексты которых были одинаково приемлемы во всех славянских землях, что должно было обеспечить изданию широкий сбыт среди восточных и южных славян. В нем, например, есть заставки, скопированные из изданий южнославянского печатника Божидара Вуковича и его последователей. Мамоничевский «Служебник» 1583 г. действительно получил широкое хождение на Балканах и даже попал на Афон, где один из его экземпляров хранится в Хиландаре. На сегодняшний день «Служебник» считается довольно редким изданием: уцелело всего около 20 его экземпляров.

Следующим изданием типографии Мамоничей стал интереснейший по своему составу «Сборник» 1585 г. Все вошедшие в него произведения пере-

числены на первом листе, заменяющем титул. Они представляют собой переводные сочинения с греческого языка. Издатели сообщают, что печатают сборник в полном соответствии с попавшей к ним ранее рукописью, что ее тексты обладают несомненной ценностью, как «людем христианским потребные и до прочитания и ко поучению и вери поправлению годные». Еще через год в типографии Мамоничей вышла редчайшая «Грамматика славенского языка», сохранившаяся всего в двух неполных экземплярах. Ее, как сообщается в послесловии, издали по рукописи «з газофилакии славного града Острога» по просьбе виленских жителей. В том же 1586 г. вышел в свет «Псалтырь с последованием», очень напоминающий заблудовский «Псалтырь с Часословцем» 1570 г. и знаменитый «Трибунал обывателем Великого князства Литовского на соиме Варшавском даньи року 1581». Последний представлял собой закон и инструкцию по деятельности апелляционного суда в Великом княжестве Литовском и кратко именовался «Трибуналом». Это издание целиком напечатано курсивом, похожим на старобелорусское письмо государственных канцелярий. Но самой главной книгой типографии Мамоничей стал изданный в 1588 г. «Статут Великого княжества Литовского». Этот документ стал своеобразным гарантом государственной автономии и самостоятельности Великого княжества Литовского, его конституцией и собранием важнейших законов одновременно. В условиях Люблинской унии это было небывалым актом умелой дипломатической борьбы княжества со своим соседом Польским королевством, которое было объединено с ним в одну державу Речь Посполитую. «Статут» является замечательным многослойным памятником, который имеет отношение к истории старобелорусского языка и литературы, но, к сожалению, он пока практически еще не изучен. Всего было осуществлено три издания «Статута» с датой выхода «1588 г».

Со следующего года книгопечатница стала выпускать издания на польском языке, среди которых имелось много сеймовых постановлений, различных поздравительных и иных сочинений. Продолжали публиковаться в ней и поэтические кириллические произведения на старобелорусском языке, принадлежавшие в основном Андрею Рымше. Ко времени заключения Брестской унии в 1596 г. типография Мамоничей выпустила около 40 разнообразных изданий. Успешно продолжала она действовать и в дальнейшем: позиции дома Мамоничей как международного издательского центра еще более усиливаются, он не остается в стороне от событий государственной важности. В типографии Мамоничей печатались такие разные по характеру и этноконфессиональной направленности издания, как «Про знак креста» Максима Грека (начало 1590-х), «Пандекты» Никона Черногольца (1592), «Уния» Ипатия Поцея (1595), «Описание и оборона собора русского берестейского» Петра Скарги (1597). С выходом в свет последнего наступил новый, униатский, этап в деятельности бывших православных «братчиков» Мамоничей. Но и в дальнейшем они выпускали довольно много сугубо православных изданий, находивших большой сбыт как внутри

государства, так и за его пределами. Некоторые книги Мамоничи перепечатывали с московских изданий и затем перепродавали их с большой для себя выгодой. Наиболее значительный поток мамоничевских изданий устремился в Россию в 1590-е гг., когда в типографии использовали шрифты московского рисунка, весьма напоминающие федоровские.

С начала XVII в. типография печатала исключительно униатские издания — книги для православных практически отсутствовали. В 1607 г. типографию унаследовал перешедший в унию Леон Мамонич и начиная с 1609 г. в выходных данных напечатанных типографией книг стоит его имя. Всего же за всю свою полувековую историю книгопечатница Мамоничей выпустила около 100 изданий, что делает ее одной из крупнейших в славянском мире и самой значительной типографией XVI — первых лет XVII в., печатавшей кирилловским шрифтом.

ЛИТЕРАТУРА

Зернова А.С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 1. Москва, 1959.

Лабынцаў Ю. Пачатак Скарынам. Друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Мінск, 1990.

Мякишев В. Кириллические издания Литовского Статута 1588 года. Краков, 2014.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Заглавный лист «Четвероевангелия». Вильна, 1575.
2. Евангелист Матфей. Гравюра «Четвероевангелия». Вильна, 1575.
3. Заглавный лист «Псалтыри». Вильна, 1583.
4. «Служебник». Вильна, 1583. Лист 214.
5. Последний лист послесловия. «Служебник». Вильна, 1583.
6. Заглавный лист «Сборника». Вильна, 1585.
7. Выходной лист «Грамматики славянского языка». Вильна, 1586.
8. Титульный лист «Трибунала обывателем Великого княжества Литовского» Вильна, 1586.
9. Первый лист обращения Льва Сапегы в «Статуте Великого княжества Литовского». Вильна, 1588.
10. Титульный лист «Статута Великого княжества Литовского». Вильна, 1588 [1592/1593]. 2-е издание.

СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО¹

Аннотация:

Статья посвящена истории создания и издания Статута Великого княжества Литовского 1588 г. Статут 1588 г. был основным сводом гражданских законов Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского — одного из крупнейших государственных образований в Европе своего времени. Статут 1588 г. действовал вплоть до начала XIX в. и стал самым известным изданием из 5000 книг, изданных в Великом княжестве Литовском за всю его историю.

Ключевые слова:

Статуты Великого княжества Литовского, Великое княжество Литовское, белорусская литература, восточнославянская книжность, славистика.

Abstract: Y.A. LABUNTSEV “STATUTE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (1588)”.

The article is devoted to the history of creation and publication of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1588. The Statute of 1588 was the main body of civil laws of the Grand Duchy of Lithuania, Russia and Gemoitia: one of the largest state entities in Europe of its time. The Statute of 1588 was in force until the beginning of the 19th century and became the most famous title of the 5,000 books published in the Grand Duchy of Lithuania in its history.

Keywords:

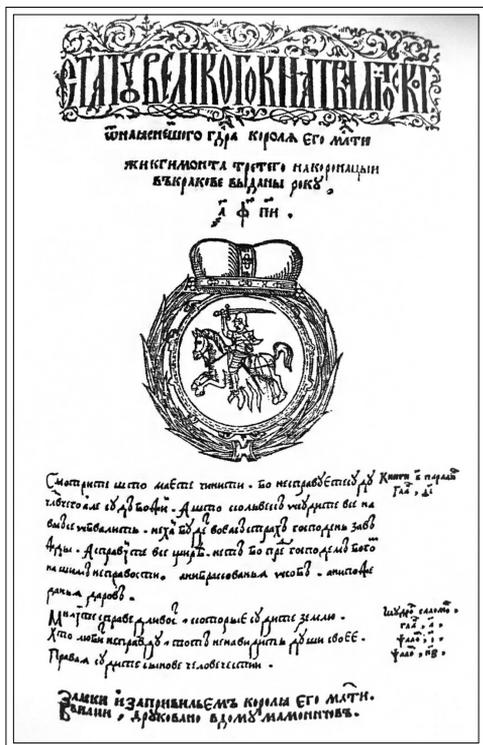
Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Lithuania, Belarusian literature, the East Slavic book culture, Slavic studies.

Статут Великого княжества Литовского 1588 г. — основной свод гражданских законов, действовавших на территории Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, своеобразная «конституция» и гарант независимости этой державы, некогда бывшей одной из крупнейших в Европе. Он представляет собой правовой и литературный памятник, вобравший в себя все лучшее из сферы богатейшего кирилло-мефодиевского наследия этого восточноевропейского государства, которое в основном населяли восточные славяне. Статут служит предметом особой национальной гордости белорусов, литовцев и отчасти украинцев и имеет важное значение для изучения истории старобелорусского языка и литературы. Его создавали в течение десятилетий лучшие умы белорусского народа, а затем он столетиями способствовал сохранению родной культуры.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Первый Статут Великого княжества Литовского, содержащий нормы земельного, уголовного, гражданского, процессуального и государственного права, был составлен в 1529 г. и состоял из 13 разделов. Некоторые его положения со временем устаревали и нуждались в исправлении и изменении. В этой связи в 1566 г. была составлена новая редакция Статута, состоявшая уже из 14 разделов. Третий же Литовский Статут увидел свет в знаменитой типографии виленских купцов Мамоничей в 1588 г. Все три издания Статута явились плодом кропотливого труда многих авторов, они представляли собой своего рода коллективные сочинения, которые на протяжении многих лет писались, исправлялись и редактировались. Ведущую роль в составлении каждого из них исполняла специальная комиссия, в состав которой входили различные специалисты. При составлении Статута 1588 г. в назначенную королем комиссию вошло 11 человек православного, католического и протестантского вероисповеданий. Центром деятельности комиссии стала государственная канцелярия, возглавляемая канцлерами и подканцлерами. Делопроизводство в ней тогда велось на западнорусском языке с использованием его старобелорусского и староукраинского диалектов.

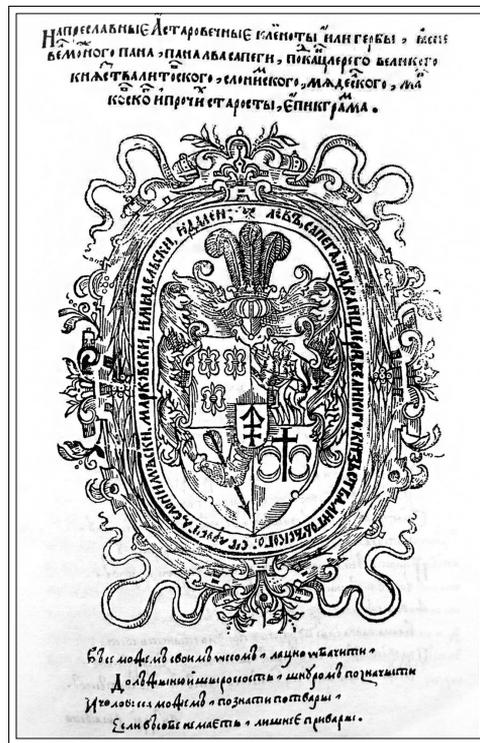
Титульный лист
первого издания Статута
Великого княжества Литовского
1588 г.

При подготовке проекта Статута 1588 г. особую роль сыграли канцлер Остафий Волович, перешедший из кальвинизма в православие, и подканцлер Лев Сапега, ставший в эти годы католиком. Они прекрасно владели местным книжным языком того времени, а приоритет в нем старобелорусской языковой составляющей не подлежал тогда сомнению. Она наша свое отражение во многих положениях Статута 1588 г., закрепив его государственный характер. Известны три отдельные издания текста Литовского Статута 1588 г., имеющие выходную дату «1588», но отличающиеся оформлением титульного листа и его оборота. Единоличное право на издание Статута латинским (польским) и кирилловским («русским») шрифтами король предоставил Льву Сапеге, который пользовался им вплоть до своей кончины в 1633 г. Оригинал Статута, в том числе и его утвержденный королем список, был издан

на западнорусском языке с использованием старобелорусского и староукраинского диалектов. Польский перевод памятника появился значительно позже, и его качество оказалось не совсем удовлетворительным, поскольку польская терминология того времени не могла отразить все особенности материальной и духовной жизни населения Великого княжества Литовского. Первое польскоязычное издание Статута было напечатано в той же типографии Мамоничей лишь в 1614 г., а второе — в 1619 г.

Литовские Статуты ученые рассматривали вначале сугубо как памятники истории права, по мере более тесного знакомства с ними, их начали воспринимать и как памятники письменной культуры. Особенно это касалось Статута 1588 г., оказавшего существенное влияние на культурные судьбы соседних народов. Он неоднократно переиздавался, разошелся во многих тысячах экземпляров и на протяжении более трех веков служил делу сохранения и утверждению роли белорусского языка и литературы.

Статут 1588 г. стал самым главным и важным изданием из пяти тысяч книг, вышедших в свет до начала XIX в. в Великом княжестве Литовском. Этот памятник старобелорусской литературы наряду с произведениями Франциска Скорины возбудил сильнейший интерес в нарождавшейся в начале XIX в. славяноведческой науке. Все три издания Статута 1588 г., совокупный тираж которых составил около четырех тысяч экземпляров, получили самое широкое распространение в государстве и далеко за его пределами. Он находился в обиходе вплоть до первой половины XIX в., судопроизводство по нему, судя по имеющимся пометам, кое-где велось еще в XIX в. Сохранилось несколько десятков рукописных списков Статута 1588 г. Огромный интерес к этому изданию проявлялся во многих странах мира, со временем большое число его экземпляров оказалось в книжных собраниях знаменитых деятелей культуры, в том числе и русских. Статут 1588 г. по сей день остается важнейшим свидетельством о величии некогда одного из самых могущественных государств Европы.

*Герб Льва Сапегі
в первом издании Статута
Великого княжества Литовского
1588 г.*

ЛИТЕРАТУРА

Латто И.И. Литовский Статут 1588 г. Каунас, 1934–1938. Т. 1–2.

Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.

Мякишев В. Кириллические издания Литовского Статута 1588 года. Краков, 2014.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Титульный лист первого издания Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
2. Титульный лист второго издания Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
3. Титульный лист третьего издания Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
4. Герб Льва Сапегы в первом издании Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
5. Портрет короля Сигизмунда III Вазы во втором издании Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
6. Портрет короля Сигизмунда III Вазы в третьем издании Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
7. Обращение Льва Сапегы ко всем сословиям Великого княжества Литовского в первом издании Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
8. Привилегия короля Сигизмунда III Вазы на публикацию в первом издании Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
9. Привилегия короля Сигизмунда III Вазы на публикацию во втором издании Статута Великого княжества Литовского 1588 г.
10. Титульный лист второго польскоязычного издания Статута Великого княжества Литовского 1588 г. (Wilno, 1619)

Ксения Валерьевна
МЕЛЬЧАКОВА

ПЕРВАЯ
БОСНИЙСКАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦА
СТАКА СКЕНДЕРОВА — ЖЕНЩИНА,
ОПЕРЕДИВШАЯ ВРЕМЯ¹

---

*«Никто из православных жителей Боснии
не заслуживает почетного названия граж-
данского деятеля столько, сколько Стака
Скендерова»*

А.Ф. Гильфердинг

Аннотация:

В статье идет речь о выдающейся боснийской просветительнице Стаке Скендеровой. Она является автором сочинения «Летопись Боснии». В 1858 г. Скендерова открыла в Сараеве школу для девочек, куда принимали представительниц всех вероисповеданий. Это учебное заведение получало помощь из России, Сербии и от самого султана Османской империи Абдул Азиза.

Ключевые слова:

Стака Скендерова, школа для девочек, Сараево, А.Ф. Гильфердинг, А.Д. Блудова, Абдул Азиз.

Abstract: K.V. MELCHAKOVA “BOSNIAN ENLIGHTENER STAKA SKENDEROVA: A WOMAN AHEAD OF HER TIME”.

The article deals with the outstanding Bosnian enlightener Staka Skenderova. She was the author of the essay “The Annals of Bosnia”. In 1858 Skenderova opened a school for girls in Sarajevo, where representatives of all faiths were admitted. This school received assistance from Russia, Serbia and from the Ottoman Sultan Abdul Aziz.

Keywords:

Staka Skenderova, a school for girls, Sarajevo, A.F. Hilferding, A.D. Bludova, Abdul Aziz.

В XIX в. в патриархальной боснийской среде, полной предрассудков и непонятных европейцу правил поведения, появилась удивительная личность — Стака Скендерова (1830–1891).

Для боснийского общества своего времени Стака Скендерова была явлением поистине экстраординарным. Она говорила на нескольких языках — сербском, турецком, греческом, русском, пела в церковном хоре,

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

одевалась в мужскую одежду темного цвета, удостоилась аудиенции турецкого султана Абдул-Азиза, самостоятельно совершила паломничество в Иерусалим, занималась литературным трудом и открыла в Боснии школу для девочек. Она была монахиней в городе, где не было ни одного православного монастыря, и большую часть жизни работала на светском поприще, заслужив своим трудом уважение современников и последующих поколений.

История жизни С. Скендеровой походила на роман. Она была родом из православной семьи Савичей (есть также вероятность, что настоящая фамилия Скендеровой — Петрович или Дамьянович)². Прозвище «Скендеровы» связано с тем, что они

Стака Скендерова

переселились в Боснию из Скадарского санджака. В Сараеве в 1830 г. и появилась на свет Стака. С ранних лет ее увлекло учение, она освоила чтение и письмо, что для этих краев было редкостью, особенно для девочки.

«В детстве отец одевал ее в мужское платье, как часто там делают и христиане, и мусульмане со своими малолетними дочерьми. Стака Скендерова мужского платья уже не сняла; это было знаком отречения от замужества и посвящения себя жизни исключительно домашней», — писал о ней первый российский консул в Сараеве, славист А.Ф. Гильфердинг³. В мужском платье Стака ходила в церковь, читала Апостол, поскольку в округе не нашлось ни одного грамотного юноши.

Старший брат Скендеровой занимался выделкой мехов. Его клиентами были видные боснийские торговцы, турецкие чиновники и военные. Стака помогала ему в торговле. Ей приходилось много ходить по турецким домам и общаться со знатью — так она выучила турецкий язык, что весьма пригодилось ей позднее в деле защиты христиан в крае. Она приходила в турецкие дома и помогала решать проблемы своих единоверцев.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 5 об. Копии материалов из АВПРИ были получены автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН; *Пануш М.* Стака Скендерова // Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бања Лука, 2017. С. 29.

³ Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 383.

ЛЕТОПИСЬ БОСНИИ

Личность Стаки Скендеровой привлекла внимание А.Ф. Гильфердинга. Он предложил ей написать исторический труд о событиях 1825–1856 гг., а затем перевел его на русский язык и опубликовал. К сожалению, оригинальный текст на сербском языке не сохранился. «Летопись Боснии»⁴ Скендеровой была выполнена в стихотворной форме и напоминала по стилю народный эпос. Гильфердинг преподнес ее читателю в прозе, и текст Скендеровой дошел до наших дней только в данном варианте. Однако часть оригинального текста А.Ф. Гильфердинг привел в сносках к своему переводу. В «Летописи Боснии» изложена история борьбы боснийских бегов с турецкими пашами, говорится о тяжелых мучениях, которые сносили обычные жители Боснии из-за произвола местной знати.

В этом произведении Скендерова рассказывает и печальную историю ее младшего брата, который назван в сочинении Йованом Петровичем, «по прозвищу Скендеровичем». Стака рисует портрет прекрасного, молодого, образованного человека, который знал турецкий язык, играл на скрипке, тамбуре и на дудках, работал меховщиком. Влюбленный в девушку турок (т.е. боснийский мусульманин) пожаловался местному чиновнику Фазли-паше, что Йован напал на него во время вечерней молитвы и изрезал его одежду ножом. Причиной навета послужила ревность к девушке, которая была равнодушна к Йовану. Фазли-паша — один из самых негативных персонажей «Летописи Боснии», представитель беговата, который путем интриг и предательства, после многолетнего противоборства с официальными властями, получил право надзора за порядком в Сараеве. Он славился своим дурным нравом и ненавистью к христианам. В результате, без суда и следствия, молодой человек подвергся жесточайшему наказанию — пыткам каленым железом. После этого измученного юношу некоторое время держали в тюрьме, а затем отпустили домой. Он прожил еще около двух лет, так и не восстановившись после страшных пыток.

ШКОЛА ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Заветной мечтой Скендеровой было открытие школы для девочек. Это удалось осуществить в 1858 г. Содействие в основании данного учебного заведения оказывали многие русские и сербские общественные и политические деятели. Еще в 1857 г., когда Гильфердинг находился в Сараеве, Скендерова обратилась к нему с просьбой поддержать идею открытия школы в этом городе. Она обещала во всем следовать указаниям российского консульства, а главной целью школы провозглашала приобщение учениц к христианству⁵.

⁴ Скендерова С. Летопись Боснии 1825–1856 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 380–465.

⁵ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 5–5 об.

Вопросом устройства школы Гильфердинг занялся по приезду в Петербург. В результате он добился от российского правительства назначения пособия на школу в размере 1.384 рублей. Пожертвование в 1.400 рублей внесла и русская императрица Мария Александровна⁶.

С самого начала деятельности Стака Скендерова столкнулась с противодействием патриархальной сербской среды и недоверием со стороны православной общины Сараева. Дело в том, что активную поддержку оказывал ей видный османский чиновник Велиудин-паша, поэтому многие православные жители отказывались отдавать своих дочерей на обучение в школу, которой покровительствовали турецкие власти⁷.

С целью благоустройства школы, закупки учебных пособий и поиска учительницы С. Скендерова в сентябре 1858 г. отправилась в Белград, где ей оказала содействие русская аристократка, графиня Антонина Дмитриевна Блудова. Она встретила Стака и помогла найти учительницу для школы⁸.

С. Скендерова вернулась в Сараево с необходимым комплектом книг. В Белграде ей удалось добиться расположения сербского митрополита Петра, и 19 октября 1858 г. на торжественном открытии школы он сам служил молебен, окропил дом святой водой и благословил детей на учение. Патроном школы был избран покровитель науки и образования Святой Савва⁹.

Школа располагалась в небольшом двухэтажном здании. Весь первый этаж занимала семья Скендеровых. На втором этаже находились большой просторный класс, маленькая комната для занятий рукоделием и кабинет Стаки, где она молилась¹⁰.

Учебная программа включала изучение арифметики, сербской истории, чтения и письма, часослова, псалтыря, церковного пения. Помимо этого девочкам преподавали рукоделие, что привлекало даже скептически настроенных зажиточных горожан.

За учебу платили только ученицы из богатых семей. На полученные средства покупались материалы для рукоделия (шелка, золотые нити). Для бедных детей Стака была не только учителем, но и защитницей. Многие сироты находились полностью на ее содержании; она им заменяла мать: одевала, кормила, воспитывала. Стака брала на воспитание даже тех девочек, матери которых пребывали в публичных домах, открывая для них новые жизненные перспективы. Она слыла строгой, но справедливой учитель-

⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 181, С. 201.

⁷ Поповић А. Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска вила. 1903. № 23–24. С. 393–395.

⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2772.

⁹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 208–209.

¹⁰ Крпуић Ј. Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932.

нищей. Поращения с ее стороны ученицы боялись больше, чем телесных наказаний.

Каждый год завершался экзаменами, которые проходили публично. На них присутствовал сам боснийский паша (генерал-губернатор) или его заместитель, представители церкви, родители учениц. Ежегодно устраивалась выставка рукоделий, которыми славилась и гордилась школа. По выходным и праздничным дням под руководством Скендеровой в церкви выступал хор учениц.

Двери школы были открыты для детей всех вероисповеданий. Девушки из православных, католических, еврейских, мусульманских семей на равных обучались в школе Стаки Скендеровой.

Несмотря на разного рода лишения и трудности, в том числе враждебность со стороны сараевского купечества и православной общины, школа под руководством С. Скендеровой продолжала существовать. В 1858 г. занятия в ней посещали 75 девушек, а в августе 1861 г. количество воспитанниц увеличилось до 120 и действовало три класса¹¹. Слава об этом учебном заведении распространилась по всему Боснийскому пашалыку.

Содержание школы обходилось весьма дорого. Все счета Скендерова предоставляла российскому консулу. Кроме того, значительные средства уходили на уплату налогов. Доходы учебного заведения были невелики¹².

С 1861 г. началась регулярная финансовая поддержка школы Скендеровой турецким правительством. Генерал-губернатор Боснийского пашалыка Топал Шериф Осман-паша побывал в Белграде, чтобы ознакомиться с существующей там системой образования, а затем отдал в школу Скендеровой своих дочерей; его примеру последовали и другие турецкие чиновники¹³.

В 1865 г. финансовые ресурсы школы были истощены, долги составляли около 19.000 пиастров. Скендерова была вынуждена арендовать более скромный, дешевый недостроенный дом и начала готовить его к приему учениц. Гонимая православной общиной, она нашла временный приют в доме одной православной сараевской вдовы. Помощь пришла из России: необходимая сумма для обустройства здания в 1.000 пиастров была предоставлена Скендеровой от российского МИД. Однако и это не помогло расплатиться с долгами¹⁴.

Осенью 1865 г. начальница женской школы направила в российское внешнеполитическое ведомство прошение об оказании ей содействия в организации поездки в Россию. Целью визита был сбор денежных

¹¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. С. 208, С. 355–356.

¹² АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 6668. Л. 19, Л. 60; Ф. 161. Главный архив. Д. 802. Л. 59–59 об., Д. 803. Л. 14.

¹³ Поповић А. Указ. соч. С. 394.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 145–148 об.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988. С. 17–18.

средств для уплаты долгов и устройства женских школ в других городах Боснии. Покровительница женского образования русская императрица Мария Александровна отозвалась на это прошение положительно, но разрешение для С. Скендеровой было получено лишь в начале 1867 г.¹⁵ Между тем за два года ожидания ответа долги школы еще больше выросли, и у директрисы не было средств для того, чтобы осуществить поездку.

ПУТЕШЕСТВИЕ

В 1870 г. Скендерова все же отправилась в путешествие, но не в Россию, а в Иерусалим, к Гробу Господню. Путь ее лежал через Константинополь. Экс-генерал-губернатор Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паша добился для нее аудиенции у султана Абдул-Азиза и оплаты путевых расходов (10.000 грошей). По прибытии в Святые Места Стака приняла монашество¹⁶. Поездка ее длилась целый год, и это было неслыханное событие для того времени. Посещать богослужения особам женского пола не в праздничные дни и не в воскресенье в тогдашнем боснийском обществе считалось неприличным. Здесь же женщина в одиночку отважилась на поездку в Святую Землю и удостоилась встречи с самим султаном. Возвращение Стаки в Сараево было триумфальным, приветствовать ее вышли толпы народа.

ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ

В 1878 г., после австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, школу пришлось закрыть — прекратилась денежная помощь от султана, перестали поступать и средства из России, а новые власти не были заинтересованы в работе этого учебного заведения. Девочек-сирот, которые учились в школе, приняла под свою опеку английская благотворительница мисс Аделина Пулина Ирби¹⁷. Когда-то она также открыла школу для девочек в Сараеве и столкнулась с теми же проблемами, что и Скендерова. Хотя многие считали, что новая школа представляет опасность для учебного заведения Стаки, она обратилась к церковной общине с речью о важности образования и разъяснила, что намерения английской леди носят чисто просветительский характер. Женщины стали добрыми подругами. Когда в затруднительном положении оказалась Стака, английская благотворительница взяла ее вместе с престарелой матерью на пожизненное содержание¹⁸.

Выпускницы школы Скендеровой стали первыми образованными женщинами Боснии и Герцеговины. Как правило, они считались завидными

¹⁵ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 37.

¹⁶ *Поповић А.* Указ. соч.

¹⁷ *Irby J.T.* Meeting Miss Irby. Sarajevo; Zagreb, 2011; *Томашевич Д.* Мајка босанске сиротиње // *Аделина Паулина Ирби, Георгина Мјур Мекензи.* Путовања у словенске провинције Турске у Европи. Сарајево, 2016. С. 7–24.

¹⁸ *Поповић А.* Указ. соч. С. 394.

невестами и удачно выходили замуж. Эти женщины воспитывали своих детей уже в духе нового времени, прививая им охоту к учебе и иную культуру.

До конца своих дней С. Скендерова не переставала помогать людям. 26 мая 1891 г., на праздник в пользу бедных и сирот в Сараеве, она повела двух своих воспитанниц, девочек из бедной семьи. По дороге домой на них налетела повозка, запряженная лошадьми. Дети чудом не пострадали, а Стака получила смертельные ранения и на следующий день скончалась в сараевской больнице. Все расходы и хлопоты о похоронах взяла на себя Паулина Ирби. По свидетельствам очевидцев, она каждую неделю заходила в сараевскую православную соборную церковь и ставила свечу в память о Стаке.

ЛИТЕРАТУРА

Кришић Ј. Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932.

Поповић А. Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска вила. 1903. № 23–24. С. 393–395.

Скендерова С. Летопись Боснии 1825–1856 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 380–465.

Томашевић Д. Мајка босанске сиротиње // *Аделина Паулина Ирби, Георгина Мјур Мекензи.* Путовања у словенске провинције Турске у Европи. Сарајево, 2016. С. 7–24.

Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини. Тематски зборник. Бањалука, 2017.

Irby J. T. Meeting Miss Irby. Sarajevo; Zagreb, 2011.

СПИСОК ИЛЛУСТРАЦИЈ

1. Стака Скендерова // Босанска Вила. 1903. № 23–24. С. 393.
2. Francois Xavier Winterhalter Portrait of Empress Maria Alexandrovna. 1857.
3. Антонина Дмитриевна Блудова. Петербург. Конец 1860-х гг. Фотография К. Бергамаско.
4. Здание школы Стаки Скендеровой // Томашевић Д. Сарајево гдје некад било: књижевна биографија града 1463–1992. Сарајево, 2005. С. 173.
5. Прошение сербскому митрополиту Михаилу (Йовановичу) от Стаки Скендеровой об оказании помощи сараевской школе для девочек // Архив Србије. Ф. Митрополија Београдска. 1861. 889.
6. Аделина Паулина Ирби // Босанска Вила. 1911. № 17. С. 258.

АЛЕКСАНДР ГИЛЬФЕРДИНГ «ОТКРЫВАЕТ» БОСНИЮ И ГЕРЦЕГОВИНУ¹

---

*Он родом был не славянин,
Но был славянством всем усвоен;
Он делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин!*

Ф.И. Тютчев.
Памяти А.Ф. Гильфердинга

Аннотация:

В статье идет речь о пребывании слависта Александра Федоровича Гильфердинга в Боснии и Герцеговине. В 1857–1858 гг. он занимал пост российского консула в Сараеве. За это время Гильфердинг много путешествовал и составил сочинение «Босния, Герцеговина и Старая Сербия».

Ключевые слова:

А.Ф. Гильфердинг, Сараево, российское консульство, А.С. Ионин, «Босния, Герцеговина и Старая Сербия».

Abstract: K.V. MELCHAKOVA “ALEXANDER HILFERDING «DISCOVERS» BOSNIA AND HERZEGOVINA”.

The article deals with the history of presence of the Slavacist Alexander F. Hilferding in Bosnia and Herzegovina. From 1857 to 1858 he was the Russian consul in Sarajevo. During this time, Hilferding traveled extensively and composed the book “Bosnia, Herzegovina and Old Serbia”.

Keywords:

A.F. Hilferding, Sarajevo, the Russian consulate, A.S. Ionin, “Bosnia, Herzegovina and Old Serbia”.

В XIX столетии для иностранных путешественников и ученых османские провинции Босния и Герцеговина оставались одними из самых загадочных уголков Балканского полуострова. «Первооткрывателем» этого славяно-турецкого края для России стал выпускник Московского университета, славянофил, славист и дипломат Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872).

В 1856 г. было решено открыть первое российское консульство в Сараеве, и пост консула доверили молодому ученому. Дипломаты именова-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

А.Ф. Гильфердинг

ли эти края «захолустьем всей Европы» и «задворками Османской империи». Гильфердинг же сам попросил отправить его именно в Боснию. Начальством было решено, что он пробудет там около одного года. За это время он должен был не только наладить работу российского консульства, но и подробно изучить Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак.

Прежде всего, Босния и Герцеговина влекли А.Ф. Гильфердинга как ученого-слависта. Он надеялся найти неизвестные древнеславянские рукописи, изучить быт и нравы местного населения.

ДОРОГА К МЕСТУ СЛУЖБЫ

В апреле 1857 г. секретарь сараевского консульства Александр Семёнович Ионин (1837–1900) доставил инструкции, фирман и берет в Рагузу Гильфердингу, а затем они двинулись в путь.

Дорога заняла около двух недель. Поездка и соприкосновение с ориентальной культурой произвели большое впечатление на Гильфердинга. В Мостаре, главном городе Герцеговины, российские дипломаты пробыли пять дней. Их разместили во дворце местного пашы. Наибольшее удивление и недоумение у работников консульства вызвала манера османских чиновников вести дела. В письме к Александре Васильевне Плетнёвой Гильфердинг подробно описал особенности жизненного уклада турецкого управленца: «В 8 часов позовут нас ужинать к Его превосходительству: сажают за стол, уставленный бесконечным множеством солений и бутылок, подают всем трубки (...). Паша съест соленый кусочек, выпьет рюмку мастики (род весьма крепкой водки), запьет водой, захлебнет дымом из кальяна и скажет мне комплимент по-турецки, который мне переведут и на который отвечу приличным изъявлением чувств; так дело идет два часа (...), пока не дойдут до самых горячих излияний любви, и пока не опустеет до дна графин мастики (...), потом два часа опять тянется самый ужин, двадцать пять кушаний самых разнообразных и между ними всякий раз по трубке, но уже не комплименты, тяжелое молчание; наконец, в полночь, отодвигается стол, и все сидят еще с полчаса, отягченные кто винными испарениями, кто скукою и табачным дымом. Так проводит свои вечера вся турецкая знать»².

² Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 103. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 6 об.–7.

Этот эпизод можно встретить не только в частной переписке Гильфердинга, но и на страницах его сочинения «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»³, которое и по сей день является одним из главных источников по истории этих областей в XIX столетии.

ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЙ

За свое короткое пребывание в славянских областях Османской империи А.Ф. Гильфердинг успел объездить почти всю Боснию и Герцеговину. Данные, собранные в ходе этих поездок, и легли в основу его труда.

Вслед за Гильфердингом читатель отправляется исследовать земли Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака. По сути дела, путешествие состояло из трех поездок. Маршруты были таковы:

1. Рагуза — Требинье — Мостар — Сараево;
2. Сараево — Рогатица — Вышеград (юг Боснии) — Старая Сербия (Печ, Косово поле, Дечаны, Призрен, Приштина, Дробняк, Пива) — Сараево;
3. Поездка по средней Боснии (Фойница, Травник, Яйце, Баня-Лука).

Путешествие по этим областям Гильфердинг осуществлял не из праздного любопытства — в ходе каждой поездки он действовал одновременно как ученый, общественный деятель и дипломат.

Целью Гильфердинга-ученого в первую очередь был сбор рукописей и других материалов, которые должны были помочь при написании, задуманной им «Истории славян». В монастырях Гильфердинг разъяснял священнослужителям разницу между печатным и рукописным материалом: «Сотни раз мне показывали и даже присылали иногда из далеких мест какие-нибудь старопечатные книги сербских типографий (процветавших в XVI веке), в полной уверенности, что это рукописи...»⁴. Все же ему удалось собрать в Боснии и Герцеговине богатейшую коллекцию. Сейчас она хранится в фондах Российской национальной библиотеки и доступна для всех читателей⁵. Помимо этого, будучи профессиональным филологом, Гильфердинг изучал диалекты и говоры этой части ареала сербско-хорватского языка, составлял словарь народных пословиц и поговорок.

Гильфердинг-славянофил отправился в путешествие для подробнейшего изучения быта и нравов славянского народа и поисков пути сближения русского читателя с турецкими славянами.

Гильфердинг-консул, как первый дипломатический представитель России в крае, должен был составить самое полное представление о нем, в том числе и о характере турецкого управления.

³ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859.

⁴ Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 202.

⁵ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 182. Гильфердинг А.Ф.: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Serbian_Manuscripts/dir.php?f=4C8F700E-E7CF-4EE2-B1FF-AC9A2E4C6869&lang=1 (дата обращения: 21.10.2018).

На страницах своего сочинения российский консул предлагает читателю разнообразные сведения о Боснии, Герцеговине и Старой Сербии. Он обращает внимание на природу, народ, быт и нравы местных жителей, культуру, историю, турецкое управление, язык. В труде приводятся тексты собранных средневековых грамот, ведется детальный разбор легенд.

Это сочинение впервые увидело свет в 1858 г. на страницах славянофильского журнала «Русская беседа»⁶. Через год его частично перевели и опубликовали на сербском языке в Белграде⁷ и Нови-Саде⁸.

Однако это не единственная работа Гильфердинга о Боснии. В том же году в свет вышел труд под названием «Босния в начале 1858 года»⁹. Начинается он так: «Я хочу в возможно кратком очерке познакомить читателя с внутренним состоянием славянской страны, которая может получить со временем довольно важное значение в Юго-Восточной Европе»¹⁰. Можно выделить несколько основных вопросов, которые затрагивает Гильфердинг:

- 1) география региона, природа, экономическое развитие;
- 2) население, этнический и религиозный состав;
- 3) турецкое управление.

ОТЪЕЗД ГИЛЬФЕРДИНГА ИЗ БОСНИИ

Пока Гильфердинг совершал поездки по вверенным ему краям, все дела в Сараеве вел А.С. Ионин. Осенью 1857 г. в Герцеговине назревало очередное антитурецкое восстание. Османские власти обвинили в организации народных волнений российских дипломатов. Главным подозреваемым был назначен Гильфердинг, который чрезмерно много странствовал по Боснийскому пашалыку и Герцеговинскому санджаку. На некоторое время секретарь консульства Ионин угодил в турецкую тюрьму¹¹. В реальности Гильфердинг не только не занимался подстрекательством, но напротив одним из первых сообщал в своих донесениях об опасности грядущих событий. Открытого вмешательства со стороны консула не было. Его донесения говорят лишь о сочувствии местному населению и попытке решить вопрос мирным путем, договорившись с османскими властями. Кроме того, он искренне полагал, что состояние боснийского общества таково, что даже

⁶ Гильфердинг А.Ф. Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Кн. I. Сместь. С. 54–76; Кн. II. Сместь. С. 65–92; Кн. III. Сместь. С. 64–97; Кн. IV. Сместь. С. 51–80; 1859. Кн. I. Сместь. С. 125–132; Кн. II. Сместь. С. 57–104.

⁷ Часови одмора. Т. 3. Београд, 1859.

⁸ Србский летопись 1859. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1859; Србский летопись 1860. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1860.

⁹ Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Приложения. С. 1–58.

¹⁰ Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. С. 281.

¹¹ Тетий И. Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 257–265.

успешные выступления против турецких властей ни к чему хорошему не приведут. В регионе было необходимо проводить долгосрочную подготовительную работу, развивать образование. Позже все обвинения с российских дипломатов были сняты. Тем не менее, срок службы Гильфердинга в Боснии подошел к концу. Возвращался домой он не один. В Петербург вместе с ним прибыл десятилетний уроженец Мостара Йован Дреч, который некоторое время воспитывался в семье у бывшего консула.

Во время своих путешествий Гильфердинг с честью сносил все невзгоды и неудобства, встретившиеся ему на пути: пребывание в турецких ханах («первобытных гостиницах»), многочасовые обеды и нескончаемые беседы с османскими чиновниками, труднейшие переезды по полному бездорожью... В письме к хорватскому политическому деятелю и историку Ивану Кукулевичу-Сакцинскому, он писал: «Пребывание в Боснии оставило во мне приятное впечатление по своей оригинальности и значительной ученой добыче; но, по совести скажу, надолго я никому не желаю вкусить сараевской жизни»¹².

Вернувшись в Россию, Гильфердинг вскоре покинул дипломатическое ведомство. Он являлся членом благотворительной организации Московского славянского комитета, а позже возглавил его отделение в Петербурге (1868 г.)¹³. Ему принадлежит идея и организация отправки боснийских и герцеговинских мальчиков на учебу в Россию. На основе собранных им данных было налажено систематическое оказание помощи школам и православным церквям Боснии и Герцеговины.

Не забывали о нем и в Сараеве. В 1866 г. газета «Боснийский вестник» опубликовала небольшую заметку о том, что бывшему российскому консулу в Сараеве император пожаловал имение¹⁴.

Третий том собраний сочинений Гильфердинга полностью посвящен Боснии и Герцеговине¹⁵. Он вышел в 1873 г. уже после смерти ученого. Помимо его собственных работ здесь собраны выполненные Гильфердингом переводы на русский язык сочинений его современников из Боснии и Герцеговины — труды Иоанникия Памучины, Стаки Скендеровой, Никифора Дучича и Прокопия Чокорило.

ЛИТЕРАТУРА

Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года // Русская беседа. 1858. Кн. IV. Приложения. С. 1–58.

Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859.

¹² Письма А.Ф. Гильфердинга — И.А. Кукулевичу-Сакцинскому // Живая старина. 1894. Вып. 2. С. 198.

¹³ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960. 362 с.

¹⁴ Босански вјестник. 1868. № 18. С. 144.

¹⁵ Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873.

Гильфердинг А.Ф. Босния. Путевые заметки. (Письма к А.С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. Кн. I. Смесь. С. 54–76; 1858. Кн. II. Смесь. С. 65–92; 1858. Кн. III. Смесь. С. 64–97; 1858. Кн. IV. Смесь. С. 51–80; 1859. Кн. I. Смесь. С. 125–132; 1859. Кн. II. Смесь. С. 57–104.

Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1856–1876 годах. М., 1960.

Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873.

Србский летопись 1859. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1859.

Србский летопись 1860. Матица србска. Т. 1, Т. 2. Будим, 1860.

Тетић И. Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988.

Часови одмора. Т. 3. Београд, 1859.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Александр Федорович Гильфердинг // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 802.
2. Александр Семёнович Ионин.
3. «Ужин у мостарского паши». Карандашный рисунок А.Ф. Гильфердинга // РО ИРЛИ РАН. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 53. Л. 19).
4. Русская беседа. 1858 г.
5. 1890-е гг. Здание аптеки Йована Дреча в г. Цетинье. Из книги: Голицын Д.П. (Муравлин). У синя моря: путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898.
6. Босански вјестник. 1868. № 18.
7. Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1873.

«ЛЕТОПИСЕЦ» ГЕРЦЕГОВИНЫ ПРОКОПИЙ ЧОКОРИЛО И РОССИЯ¹

Аннотация:

В статье идет речь о герцеговинском монахе Прокопии Чокорило, авторе сочинения «Летопись Герцеговины. 1831–1857». Впервые она была опубликована на русском языке. В середине XIX в. Чокорило совершил путешествие по России, в ходе которого ему удалось собрать средства на строительство храма в Мостаре.

Ключевые слова:

Герцеговина, Прокопий Чокорило, Мостар, А.Ф. Гильфердинг, Россия, «Летопись Герцеговины».

Abstract: K.V. MELCHAKOVA «“THE CHRONICLER OF HERZEGOVINA”, PROKOPIJE COKORILLO AND RUSSIA».

The article is about the Herzegovinian monk Prokopije Chokorilo. He is the author of “The Chronicle of Herzegovina. 1831–1857”. This work was published in Russia. In the middle of the 19th century Chokorilo made a trip to Russia. He collected donations for the construction of the Church in Mostar.

Keywords:

Herzegovina, Prokopije Chokorilo, Mostar, A.F. Hilferding, Russia, “The Chronicle of Herzegovina. 1831–1857”.

О славно-турецкой области Герцеговина в середине XIX столетия в России знали немного. В 1858 г. в славянофильском журнале «Русская беседа» была опубликована небольшая статья «Летопись Герцеговины. 1831–1857»² за авторством иеромонаха из Мостара Прокопия Чокорило (1802–1863). Это было одно из первых сочинений на русском языке, в котором речь шла о данном регионе Балкан.

Публикацией работы мостарца мы обязаны слависту, дипломату Александру Фёдоровичу Гильфердингу (1831–1872). Будучи российским консулом в Сараеве (1857–1858 гг.), он путешествовал по Боснии и Герцеговине, познакомился с Чокорило. Гильфердинг записал рассказ герцеговинца и перевел его на русский язык. Позднее он вошел в третий том собрания сочинений слависта³. В предисловии к труду Гильфердинг писал следую-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

² *Прокопий (Чокорило), иеромонах. Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121.*

³ *Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 499–525.*

щее: «Автор предлагаемой летописи дел, свершившихся в наше время, (...) есть православный монах, герцеговинец, рассказывающий то, что видел и слышал, и в чем нередко участвовал. Незатейливый и правдивый рассказ этот переведен слово в слово. Живописная простота, с какою он вылился из-под пера человека, не имеющего никакого литературного образования, составляет одно из его достоинств»⁴.

Примечательно, что подлинник работы в Боснии и Герцеговине издан не был. Публикации, появившиеся позже, представляют собой перевод с русского языка.

Прокопий Чокорило рано принял духовный сан, служил в Любинье (Восточная Герцеговина), а затем перебрался в Мостар. Здесь и состоялось его знакомство с Гильфердингом.

«Летопись» Прокопия Чокорило представляет собой душераздирающую историю возвышения, правления Герцеговиной и падения Али-паши Ризванбеговича Стольчанина (1783–1851). Этот рассказ о борьбе за власть полон описаний насилия и зверств, предательств, подвигов и чудес. Он является важным источником для изучения истории Герцеговины в 1830–1850-е гг. Большая часть сочинения повествует о противоречивой личности Али-паши, а заключительные его страницы лаконично сообщают о его преемниках на посту герцеговинского губернатора: Исмаил-паше, Мустафа-паше и Исаак-паше. Примечательно, что в рассказе об истории междоусобиц местной знати Чокорило упоминает и о России. По его словам, в 1830-е гг., желая привлечь христиан к борьбе, сторонники власти султана, знатные герцеговинцы (Али-ага Ризванбегович из Столаца, Гассан-бег Ресулбегович из Требинья, Баш-ага Реджепашич из Невесинья, Исмаил-ага Ченгич из Гацка), сочиняли фирманы, «которые разве только знаток мог бы отличить от подлинных»⁵. С одной стороны размещалось обращение султана Махмуда II (1808–1839 гг.), в котором сообщалось об отправке в Боснию войск из Румелии и обещались льготы всем, кто станет на сторону законного правителя. А на обороте этого растиражированного фирмана размещалась надпись на сербском: «Христиане мои православные! Восстаньте за честный крест, не дайтесь бунтовщикам в руки! Стойте крепко,

Прокопий Чокорило

⁴ Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 501.

⁵ Там же. С. 503–504.

сражайтесь с врагом, пока я приду со своим войском. Николай Павлович, царь российский»⁶. Такая пропаганда отчасти помогла Али-паше добиться власти над Герцеговиной.

Захватывающая история, которая иллюстрировала все тяготы жизни герцеговинских христиан, окруженных «кровожадными турками» (мусульманами. — *К. М.*) должна была привлечь внимание русского читателя. Тем более, что сам Прокопий получил возможность совершить путешествие в Россию с целью сбора средств на строительство храмов и школ Герцеговины.

Чокорило был выбран провожатым для первой группы боснийских и герцеговинских мальчиков, отправившихся в Россию для получения образования в 1858 г. Среди них находился Йован Пичета — отец известного слависта, Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947), по инициативе которого организовали сектор славяноведения Института истории АН СССР и кафедру истории южных и западных славян Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова⁷.

В июле 1858 г. П. Чокорило прибыл в Одессу. Тут он оставил группу учеников и направился в Киев, а в начале октября добрался до Москвы. Пребывание герцеговинца в Москве не обошлось без проблем. В письме историка и славянофила Петра Алексеевича Бессонова к известному историку, публицисту, издателю Михаилу Петровичу Погодину сообщается о том, что назначенный сопровождать Чокорило некто Верещагин запил и перестал исполнять свои обязанности⁸. Гильфердинг разработал план переезда монаха из Москвы в Петербург и пытался устроить его в келье на Троицком подворье⁹. Проблема разрешилась благодаря П.А. Бессонову, который выхлопотал у митрополита Московского Филарета место для проживания иеромонаха в Москве¹⁰.

Согласно правилам сбора подаяний Чокорило не мог брать денег на свое путешествие из пожертвованных средств, и поэтому он постоянно нуждался в финансовой помощи. Министр иностранных дел России Александр Михайлович Горчаков лично обратился к императору Александру II с просьбой выдать Чокорило средства на путевые расходы¹¹.

В январе 1859 г. Чокорило прибыл в Петербург. Здесь он проживал неподалеку от Исаакиевского собора, в доме Тишнера в Демидовском пере-

⁶ Чокорило П. Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 504.

⁷ См. Пичета И. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца // Вера и разум. 1911. Т. 1–4.

⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 31–32.

⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 59.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 13. Ед. хр. 28. Л. 30–31.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 161. Главный архив. 1859. Всеподданнейшие доклады. Д. 35. Л. 1–1 об.

улке¹². О помощи гостю из турецких земель хлопотала графиня Антонина Дмитриевна Блудова. В письме к протоиерею русской посольской церкви в Вене Михаилу Фёдоровичу Раевскому от 31 января 1859 г. она сообщала: «Теперь здесь герцеговинский монах Чокорило, которому и передаем все готовые вещи для Герцеговины. За него ручается Гильфердинг». От себя Блудова преподнесла отцу Прокопию в подарок медальон и образа с изображением святых¹³.

Собрать как можно больше средств помогла Чокорило опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» статья Гильфердинга «Несколько слов о Герцеговине и ее церквях»¹⁴. В ней содержались краткие сведения по истории этого края и повествовалось о тяжелом положении родственного славянского народа под «турецким гнетом».

В 1860 г. Прокопий Чокорило вернулся на родину. Несмотря на проблемы с организацией поездки, он был принят в России очень хорошо. Сама императрица Мария Александровна пожаловала архиерейские облачения для церкви Пресвятой Богородицы в Мостаре. В Герцеговину он привез значительную сумму — 4.000 червонцев, в Мостар еще долго приходили посылки с собранными в России пожертвованиями. Весомый вклад в итоговую сумму внесли жители Новгородской, Курской и Тульской губерний, из которых в Св. Синод поступила значительная помощь для единоверцев. На эти средства началось строительство православного собора Святой Троицы в Мостаре¹⁵.

Спустя годы и.о. российского консула в Мостаре Алексей Николаевич Кудрявцев (1867–1868 гг.) в одном из донесений в МИД писал в 1867 г. о поездке Чокорило в Россию следующее: «Никогда никто из герцеговинцев ничего подобного не видал и не слышал, чтобы простой монах мог привезти с собой более 4 тысяч червонцев. Общество и народ пожертвовали. Сильное латинство опустило голову, а покровительствующий его австрийский и французский иезуитизм — приуныл. Никогда все католические державы совокупно не дадут столько денег, сколько дала одна православная Россия!»¹⁶.

Но далее Кудрявцев поведал печальную историю о том, как эти деньги посеяли раздор в православной среде Герцеговины и вместо пользы, по его мнению, принесли вред, очернив имя России. Дело в том, что Чокорило ре-

¹² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.

¹³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 1924а. Л. 6 об.

¹⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Несколько слов о Герцеговине и ее церквях // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 61.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 61–61 об.; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2420. Л. 1; РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. II. Стол 2. Д. 410. Л. 74.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75.

шил лично распорядиться всеми собранными средствами. Он полагал, что денег ему хватит на восстановление 20 церквей в Герцеговине и строительство большого соборного храма в Мостаре. Тем временем слухи об оказанных Россией благодеяниях продолжали распространяться по региону. Игумены монастырей Дужи, Таслидже, Житомыслич и Косиерово отправились в Мостар в надежде получить деньги для своих приходов, но остались ни с чем. Посыпались жалобы в российское консульство. Чокорило продолжал упорствовать, и обиженные игумены начали распространять слухи об обмане со стороны России¹⁷.

План Чокорило также не увенчался успехом. Для строительства храма был нанят герцеговинский архитектор Спасое Вулич¹⁸, денег хватило только на возведение стен, одна из которых треснула. «На горé ныне величественно стоят четыре стены, указывая народу на его несостоятельность, бессилие, невежество...», — писал Кудрявцев в 1867 г¹⁹.

Прокопий Чокорило собирался совершить еще одно путешествие в Россию. Однако этим планам не суждено было осуществиться — 18 июля 1863 г. он скончался.

Строительство храма удалось завершить в 1873 г. под руководством одного из лучших зодчих на Балканах — Андрея Дамьянова²⁰. В деле устройства внутреннего убранства храма помощь оказали русские мастера. В 1992 г. храм был разрушен, в 2010 г. началось его восстановление.

ЛИТЕРАТУРА

- Гильфердинг А.Ф.* Несколько слов о Герцеговине и ее церквях // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 61.
- Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975.
- Пичета И.* Факты и воспоминания из жизни герцеговинца // Вера и разум. 1911. Т. 1–4.
- Прокопий (Чокорило), иеромонах.* Летопись Герцеговины. 1831–1857 // Русская беседа. 1858. Кн. 2. Ч. 2. Смесь. С. 93–121.
- Чокорило П.* Летопись Герцеговины 1831–1857 // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 499–525.
- Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М., 2011.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 79. Л. 63.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 75.

²⁰ Там же. Д. 2048. Л. 63 об.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Прокопий Чокорило.
2. Русская беседа. 1858. Кн. 10. Ч. 2.
3. Александр Федорович Гильфердинг.
4. Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том III. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873.
5. Али-паша Ризванбегович.
6. Владимир Иванович Пичета.
7. Петр Алексеевич Бессонов.
8. Михаил Петрович Погодин.
9. Антонина Дмитриевна Блудова.
10. Михаил Федорович Раевский.
11. Алексей Николаевич Кудрявцев.
12. Храм Святой Троицы в Мостаре.
13. Храм Святой Троицы в Мостаре 2018 г.
14. Храм Святой Троицы в Мостаре 2019 г. // <https://mojahercegovina.com/saborna-crkva-u-mostaru-zasijace-starim-sjajem-2019-godine/> (дата обращения: 01.06.2019).

ПЕРВЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ¹

Аннотация:

В 1865 г. в Сараеве открылась типография и начался выпуск первых газет в Боснийском вилайете. В статье идёт речь о периодических изданиях, которые выходили в Боснии и Герцеговине с 1866 по 1878 гг. («Боснийский вестник», «Босния», «Сараевский цветник», «Неретва»).

Ключевые слова:

Боснийский вилайет, типография, Игнатий Сопрон, Мехмед Шачир Куртчехаич, «Боснийский вестник», «Босния», «Сараевский цветник», «Неретва».

Abstract: K.V. MELCHAKOVA “THE FIRST PERIODICALS OF BOSNIA AND HERZEGOVINA”.

In 1865 a printing house was opened in Sarajevo and in the Bosnia Vilayet the publication of the first newspapers began. The article deals with periodicals published in Bosnia and Herzegovina from 1866 to 1878: “Bosanski vjestnik”, “Bosna”, “Sarajevski cvjetnik”, “Neretva”.

Keywords:

The Bosnia Vilayet, the printing house, Ignatije Sopron, Mehmed Shachir Kurtchehaich, “Bosanski vjestnik”, “Bosna”, “Sarajevski cvjetnik”, “Neretva”.

В середине XIX столетия Босния и Герцеговина входили в состав Османской империи. Население провинций составляли в основном славяне, которые являлись приверженцами разных вероисповеданий. Мусульмане, православные и католики воспринимали себя как отдельные народы, у каждого из них были свои особые традиции и культура². В самом западном пограничном регионе Турции было много проблем разного характера, в том числе с грамотностью населения.

Вторая половина XIX столетия — время танзимата (мн. ч. от араб. слова «танзим» — упорядочение) в Османской империи³. В начале 1860-х годов начался процесс реформ в Боснии и Герцеговине. В 1865 г. эти области были объединены в Боснийский вилайет. Тогда же появились и первые боснийские газеты.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

² См.: Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния и Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 1–278.

³ См.: Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1994.

В национальной историографии вопрос о зарождении журналистики в Боснии и Герцеговине волновал исследователей, начиная со второй половины XX века, актуальным он остается и в наши дни⁴.

Перед тем как перейти к рассмотрению изданий Боснийского вилайета справедливо упомянуть журнал «Боснийский друг» (“Bosanski prijatelj”)⁵, выпуск которого в 1850 г. был организован писателем, католическим монахом Иваном Франьо Юкичем (1818–1857). Вышло всего четыре номера: в 1850, 1851, 1861, 1870 гг. Все они печатались на латинице в хорватских землях. Первые два были изданы самим Юкичем, а вторые — на средства хорватской матицы⁶. Юкич пытался основать в Боснии типографию, но ему не удалось осуществить задуманного⁷.

Открытие типографии и издание первых газет в самом регионе связаны с именем реформатора и одного из передовых людей своего времени Топал Шериф Осман-паши (1804–1874)⁸. С 1861 по 1869 гг. он занимал пост генерал-губернатора (вали) Боснийского вилайета.

В 1860-е годы типографии создавались в разных частях Османской империи. Властями предписывалось выпускать официальные газеты, в которых публиковались законодательные акты. Кроме того, на местах должны были печатать учебную литературу. До этого момента во многие уголки Турции, в особенности на Балканы, учебники и периодические издания поступали из зарубежных стран⁹.

Первая типография в Боснии появилась в 1865 г. Топал Шериф Осман-паша пригласил из австрийского города Земун¹⁰ книгопечатника Игнатия Сопрона (1821–1897)¹¹. Он был родом из семьи торговцев, вырос в Нови-Саде, где и изучил основы печатного дела. Некоторое время Сопрон работал в государственной типографии в Вене, затем в редакции газеты извест-

⁴ См., например: *Пејановић Ђ.* Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. Сарајево, 1949; *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. Sarajevo, 1978; *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1999; *Dizdār S.* Prvi Bošnjački novinar: Mehmed Šaćir Kurtćehajić (1844–1872) // *Bosniaca. Časopis Nacionalne i univerzitetske biblioteke Bosne i Hercegovine.* God. 17. Br. 17. (decembar 2012). S. 60–67; *Eadem.* Bibliografija sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige. Sarajevo, 2017; *Бабућ Б., Јанић Ј.* Сопронова печатња. Бања Лука, 2016.

⁵ См.: *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 15–26.

⁶ *Bosanski prijatelj.* Sv. 1–4. 1850, 1851, 1861, 1870.

⁷ *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 16

⁸ *Koetschet J.* Osman Pascha, der letzte grosse Wesier Bosniens und seine Nachfolger. Sarajevo, 1909; *Мельчакова К.В.* Осман-паша в погоне за прогрессом. К проблеме конструирования боснийской нации в Османской империи в 1861–1869 гг. // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. Сборник статей. М.; СПб., 2017. С. 269–284.

⁹ *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 12.

¹⁰ Ныне район Белграда.

¹¹ Подробнее об И. Сопроне см.: *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 29; *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 103–105; *Бабућ Б., Јанић Ј.* Сопронова печатња. Бања Лука, 2016. С. 32–37.

ного австрийского публициста Густава Гейне. В 1851 г. переселился в Земун и открыл там типографию. И, наконец, в 1865 г. принял предложение от османских властей и переехал в Сараево.

Сопрон привез с собой все необходимое оборудование, наборы литер с кириллицей, латиницей и греческим алфавитом, а также наборщика Илию Томича из Белграда¹². Турецкое правительство заключило с книгопечатником контракт на три года — предоставило ему бесплатное помещение, 38.000 гульденов ежегодно на производственные расходы и заработную плату в 2.000 гульденов¹³. Позже из Константинополя прибыл наборщик Кадри-эфенди Цариградлия, который привез литеры с арабицей¹⁴ (в Османской империи использовалось арабское письмо). Турецкие наборщики получали жалованье от правительства, а сербским платил сам Сопрон. Помимо печатания книг и газет он обучил своему ремеслу нескольких местных жителей: Йову Петровича, Ахмеда Зилждича, Стеву Стояновича и Ристу Чайкановича. Через полгода работы типография была выкуплена османскими властями у Сопрона за 600 дукатов и стала именоваться вилайетской¹⁵. В ее штат входили директор, два наборщика, четыре помощника, переводчик и разносчик газет¹⁶.

Местные власти дали разрешение Сопрону на издание своей неправительственной газеты. Так, 7 апреля 1866 г. в свет вышло первое периодическое издание Боснии — «Боснийский вестник» («Босански вјестник») ¹⁷. Он печатался еженедельно (каждый четверг, а затем каждую субботу) до апреля 1867 г. Всего вышло 52 номера¹⁸. Первый выпуск начинался со стихотворения, посвященного Осман-паше. Материалы публиковались на вуковой кириллице¹⁹. В каждом номере было по восемь страниц.

В газете были следующие рубрики: местные и зарубежные известия, новости торговли, интересные факты, смесь, объявления. «Боснийский вестник» публиковал вилайетские законы²⁰. Таким образом, местное население впервые смогло прочесть их на родном языке. Переводы с турецкого осуществлял учитель сербской школы из г. Приеполе Милош Мандич (1843–1900)²¹. Под псевдонимом иеромонах Теофил Петранович печатал

¹² *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 18; *Бабућ Б., Јанућ Ј.* Сопронова печатња. С. 28–29.

¹³ Донесения об этом поступали в Святейший Синод. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36. Л. 3–5.

¹⁴ *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 18.

¹⁵ *Ibid.* S. 20.

¹⁶ *Ibid.* S. 19.

¹⁷ См.: *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 27–40.

¹⁸ Сохранилось лишь 26 номеров.

¹⁹ Вукова или сербская кириллица — азбука, разработанная в начале XIX в. для сербско-хорватского языка Вуком Караджичем на основе герцеговинского диалекта.

²⁰ См., например: *Босански вјестник*. 1866. № 4, № 5, № 8–10.

²¹ Милош Мандич (1843–1900) — родился в Бихаче, в разные годы учился в Винковцах, Сремских Карловцах и Белграде. Изучал право, овладел немецким, французским, итальян-

народные песни Боснии и Герцеговины учитель сараевской школы Боголюб Петранович²². С изданием также сотрудничал писарь и мувекит²³ мечети Гази Хусрев-бега в Сараеве Салих Сидки-эф. Хаджихусеинович (1825–1888). На страницах «Боснийского вестника»²⁴ он начал публиковать труд об османских управленцах в Боснии²⁵.

«Боснийский вестник» и самого Сопрона подвергали критике сербы Княжества и хорваты. Сербы были недовольны употреблением на страницах газеты термина «боснийский язык», а хорватам не нравилось использование в ней кириллицы²⁶. И те и другие обвиняли книгопечатника в туркофильстве²⁷. Вопрос о взаимоотношениях Сопрона с османскими властями остается неясным. В апреле 1866 г. он вернулся в Земун, но и после этого некоторое время продолжал выпускать газету.

Довольно быстро в Боснии появилась и вторая газета. В № 4 «Боснийского вестника» за 1866 г. сообщалась следующая новость: «Давно ожидаемые литеры с турецкими буквами прибыли в Брчко из Константинополя вместе с турецким наборщиком Кадри-эфенди, и в скором времени, как бу-

яньским и турецким языками. Несколько лет был учителем сербской школы в местечке Нова Варош (Приеполье), затем перебрался в Сараево для работы в типографии. До оккупации Боснии и Герцеговины (1878 г.) был официальным переводчиком боснийских газет, редактировал первые учебники для сербских школ в Боснии и Герцеговине. После оккупации продолжал работу в редакциях различных изданий, был чиновником. Является автором работы «Турцизмы в Боснии и Герцеговине» (1895). См.: Босанска вила. 1900. № 21. С. 289–291; *Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 29, 42–45; Ademović F. Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 51, 105–107; Бабић Б., Јанућ Ј.* Сопронова печатња. С. 58–61.

²² См., например: Босански вјестник. 1866. № 3; № 9–13.
²³ Мувекит отслеживал закат солнца для того, чтобы точно определить время молитв, а также отвечал за настройку лунных часов сахат-кулы.
²⁴ Босански вјестник. 1867. № 11–12. Эти номера газеты не сохранились. См.: *Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 30.*
²⁵ Работа не была напечатана полностью, так как газета прекратила существование. Позже, полная версия труда переиздавалась несколько раз. См.: *Muvekkit Salih Sidki Hadžibuseinović. Povijest Bosne. Knj. 2. Sarajevo, 1999.*
²⁶ См., например: Босански вјестник. 1866. № 4. С. 26–27.
²⁷ *Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 39.*

Боснийский вестник

дут доставлены еще некоторые вещи из Оршовы (город в Румынии. — *К.М.*), начнется выпуск официальной газеты “Босния” на турецком и боснийском языках, выхода которой с нетерпением ожидают во всем вилайете; набралось уже более 1.000 подписчиков»²⁸.

Официальная вилайетская газета «Босния» («Босна») ²⁹ вышла на 40 дней позже «Боснийского вестника», в мае 1866 г.³⁰ Российский консул в Сараево Евграф Романович Шулепников (1858–1868 гг.) писал послу в Константинополе Николаю Павловичу Игнатьеву: «На прошедшей неделе вышел первый номер здешней официальной газеты на турецком и сербском языке под названием “Босна”. Он был полон похвал султану за устройство здесь типографии и не содержал в себе решительно ничего заслуживающего внимания»³¹.

Газета выходила один раз в неделю на четырех страницах и была двуязычной, — печаталась на османском³² и боснийском (сербской кириллице) языках. На страницах издания публиковались новости вилайета и Османской империи, а также иностранные известия, тексты законов и пояснения к ним. Главными редакторами в разное время были Сарайлия Мустафа Рефет-Имамович (1866–1868 гг.), Мехмед Шачир Куртчехаич (1868–1872) и Салих Биоградия (1872–1878 гг.)³³. Основными источниками служили газеты, издававшиеся в Константинополе. Материалы приходили почтой и телеграфом (Сараево — Нови-Пазар — Константинополь), которые появились в Боснии в 1860-е годы. Перевод статей и сообщений с османского языка осуществлял Милош Мандич. Всего за 13 лет вышло 636 номеров. В последнем, от 18 июля 1878 г., сообщалось, что австро-венгерское консульство в Сараеве объявило о готовности армии монархии Габсбургов перейти в Боснию и Герцеговину, что и произошло 29 июля.

С декабря 1868 по 1872 гг. по четвергам, затем по субботам выходило еженедельное литературно-политическое издание вилайета «Сараевский цветник» («Сарајевски цвјетник»), которое также было двуязычным (всего вышло 170 номеров)³⁴. Первые выпуски газеты печатались на бумаге желтого цвета — поэтому за ней закрепилось название «желтая газета».

²⁸ Босански вјестник. 1866. № 4. С. 26–27.

²⁹ Ibid. S. 41–49.

³⁰ Подробнее об издании см.: *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 49–61.

³¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2328. Л. 35 об. Копии материалов из АВПРИ были получены автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

³² Османский язык (*osmanlica*) — период развития турецкого литературного языка XV — середины XIX вв. См.: *Грунина ЭА.* Учебное пособие по османско-турецкому языку. М., 1988; *Гузев ВГ.* Староосманский язык. М., 1979; *Недков Б.* Османско-турецка дипломатика и палеография. Т. 1. София, 1972.

³³ *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 42.

³⁴ *Пејановић Ђ.* Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. С. 43–44; *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 50–62; *Dizdar S.* Bibliografija sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige.

Главным редактором газеты был директор вилайетской типографии и официальный переводчик с турецкого Мехмед Шачир Куртчехаич³⁵. Он же являлся основным автором статей. Осенью 1871 г. Мехмед Шачир путешествовал месяц по вилайету и подготовил серию репортажей о разных уголках Боснии и Герцеговины. Издание было нацелено на поддержку всех начинаний и политики османских властей. В своих заметках Куртчехаич активно полемизировал с сербскими («Видовдан», «Млада Србија», «Глас народа», «Јединство»)³⁶ и черногорской («Црногорац»)³⁷ газетами, а также с изданиями славян Австро-Венгрии («Застава», «Панчевац», «Народни лист», «Pozor» и др.)³⁸. На страницах «Сараевского цветника» много писалось о сербских экспансионистских планах по отношению к Боснии, и поэтому в княжестве Сербия он был запрещен³⁹.

Основная задача газеты заключалась в просвещении народа, борьбе с невежеством и суевериями. Помимо внутренних и иностранных известий, появилась постоянная рубрика с медицинскими советами, которую вел военный врач из Сараева Вели-бег (венгр Бечлия Галл)⁴⁰. В своих статьях он рассказывал об основах оказания первой помощи в экстренных случаях, о необходимости соблюдения диеты после рождения детей, лекарствах, которые рекомендуется принимать весной, а также подробно информировал о таких болезнях, как сифилис, корь и ангина⁴¹. «Сараевский цветник» также уделял большое внимание проблемам развития сельского хозяйства и торговли⁴². В нем давались советы по разведению скота и засеву полей, сообщалось о последних крупных торговых операциях в вилайете.

Выпуск «Сараевского цветника» прекратился после кончины главного редактора Мехмеда Шачира Куртчехаича в 1872 г. Он и по сей день считается одним из самых значимых журналистов в истории Боснии.

³⁵ Мехмед Шачир Куртчехаич (1844–1872) — родился в местечке Бело Поле в семье кади. Самостоятельно овладел турецким языком. Рано поступил на государственную службу. Был писарем в различных государственных учреждениях в городах Плевле и Нови-Пазар, затем переехал в Сараево. Являлся главным редактором газет «Босния» и «Сараевский цветник». В 1869–1872 гг. — директор вилайетской типографии. Являлся официальным переводчиком османских властей в суде, входил в состав вилайетской скупщины, с 1872 г. градоначальник Сараева. В июле 1872 г. отправился в Вену поправить здоровье, но в сентябре скончался от туберкулеза. Подробнее см.: *Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 50–52; Ademović F. Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 115–117; Dizdār S. Prvi Bošnjački novinar: Mehmed Šaćir Kurtčehajić (1844–1872). S. 60–67.*

³⁶ См., например: Сараевски цветник. 1870. № 9; 1872. № 43, № 47, № 50.

³⁷ См., например: Сараевски цветник. 1871. № 35.

³⁸ *Ademović F. Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 70.*

³⁹ *Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 52.*

⁴⁰ Первые медицинские учреждения в Боснии появились только в 1866 г. — заработали госпиталь, предназначенный исключительно для военнослужащих турецкой армии, и больница на 40 мест для гражданских лиц. Они принимали представителей всех вероисповеданий и национальностей. Лечение было бесплатным.

⁴¹ Сараевски цветник. 1870. № 1–5, № 10, № 12–16, № 18–21, № 23–25, № 28, № 29, № 31, № 34–42, № 44, № 45.

⁴² См., например: Сараевски цветник. 1869. № 7, № 17, № 43; 1870. № 3, № 41.

После отделения Герцеговины от Боснийского вилайета в 1876 г. часть оборудования вилайетской типографии была перевезена в город Мостар⁴³. Здесь начали выпускать еженедельную официальную газету «Неретва»⁴⁴. Она также была двуязычной. Предположительно вышло около 40 номеров, сохранилось лишь четыре⁴⁵. Главным редактором был Мехмед Хулуси. (1843–1907)⁴⁶. На страницах издания публиковались внутренние и иностранные известия, много внимания уделялось вопросам образования. По своей структуре «Неретва» походила на газету «Босния».

На страницах боснийских газет звучала и тема России. К сожалению, нет возможности ознакомиться с материалами всех выпусков вышеназванных изданий. На основе библиографии «Сараевского цветника», составленной боснийской исследовательницей С. Диздар⁴⁷, скомпонована следующая таблица:

**Упоминания о России
на страницах газеты «Сараевский цветник» в 1868–1872 гг.**

год	рубрика						
	статьи и заметки	иностранные известия	вилайетские известия	внутренние известия	новейшая почта	объявления	разное
1868	1	0	0	1	1	0	0
1869	4	4	3	6	1	0	0
1870	11	12	5	1	0	3 ⁴⁸	0
1871	20	16	4	1	0	0	1
1872	1	13	4	1	0	0	0
всего:	37	45	16	10	2	3	1
	114						

Чаще всего использовались новости, взятые из константинопольских периодических изданий. Реже встречаются статьи, написанные журналистами из Боснии. К примеру, автором некоторых таких заметок был дабробосанский митрополит Дионисий II (1868–1871 гг.). Он использовал

⁴³ *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 83

⁴⁴ *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 63–65.

⁴⁵ *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. S. 84.

⁴⁶ После австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины Мехмед Хулуси выпустил в Сараеве газеты “Vatan” и “Rehbar” на турецком языке.

⁴⁷ *Dizdar S.* Bibliografija sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige. S. 87–244.

⁴⁸ Объявления о продаже российским консульством лошади. См.: Сараевски цвјетник. 1870. № 17–19.

псевдоним Любомир Босанчич. В большинстве его статей критикуется политика России в Боснии и Герцеговине, труды Славянского комитета и российских консулов на ниве просвещения православного населения вилайета. Заголовки этих работ говорят за себя: «О русском серболобии и сербском руссолюбии»⁴⁹, «О русско-сербской политике»⁵⁰, «Нужны ли нам связи с Россией?»⁵¹.

В боснийских изданиях Российская империя предстает в негативном свете, как угнетательница разных народов — активно освещались польский⁵² и еврейский⁵³ вопросы. Большое внимание уделялось деталям военной реформы в России⁵⁴. Помимо этого, встречаются и анекдотичные упоминания. К примеру, в одном из номеров «Боснийского вестника» сообщалось следующее: «В России, за исключением севера Сибири, люди, живущие 130–150 лет, — нормальное явление. Один путешественник рассказал, что однажды в деревне встретил старика восьмидесяти лет, который горько плакал: “Когда я спросил его, почему он плачет, тот ответил, что его наказал отец. — Не может быть! Неужели твой отец ещё жив? — Жив. — А за что тебя наказал? — За то, что я деда выпустил, тот упал”»⁵⁵.

Присутствует также несколько сообщений о российских консулах и объявления от работников консульств. К примеру: каваз (охранник) консульства продает две лошади⁵⁶; консул в Сараеве Кудрявцев получил орден Меджедие 3-ей степени⁵⁷, орден Св. Станислава 2-ой степени и орден персидского шаха Шири-Хуршид⁵⁸, Кудрявцев отбывает в отпуск⁵⁹; опубликована благодарность Кудрявцеву за пожертвование денежных средств (около 40 пиастров) для одной из школ Боснии⁶⁰; напечатано известие о назначении на должность российского консула в Мостаре Н.А. Иларионова и переводе оттуда в Персию В.В. Безобразова⁶¹. Следили боснийские газеты и за судьбой российских дипломатов, которые окончили службу в вилайете. Так встречается сообщение о том, что бывшему российскому консулу в Сараеве А.Ф. Гильфердингу (1857–1858 гг.) пожаловано имение⁶². На стра-

⁴⁹ Сарајевски цвјетник. 1870. № 45.

⁵⁰ Сарајевски цвјетник. 1870. № 46.

⁵¹ Сарајевски цвјетник. 1870. № 48.

⁵² См., например: Босански вјестник. 1867. № 41; Сарајевски цвјетник. 1868. № 1, 1869. № 21, № 23, № 26; 1870. № 16, № 25; 1871. № 4, № 9, № 12, № 13; 1872. № 3, № 7, № 13.

⁵³ См., например: Сарајевски цвјетник. 1870. № 4, № 7; 1871. № 3, № 15, № 21.

⁵⁴ См., например: Сарајевски цвјетник. 1871. № 39, № 40, № 43.

⁵⁵ Босански вјестник. 1866. № 4. С. 32.

⁵⁶ Босна. 1870. № 222; Сарајевски цвјетник. 1870. № 17–19.

⁵⁷ Босна. 1874. № 405–406.

⁵⁸ Сарајевски цвјетник. 1871. № 18.

⁵⁹ Сарајевски цвјетник. 1870. № 20.

⁶⁰ Сарајевски цвјетник. 1871. № 34.

⁶¹ Босански вјестник. 1866. № 23. С. 179.

⁶² Босански вјестник. 1866. № 18. С. 144.

ницах «Сараевского цветника» можно найти объявление о готовности боснийского вали Сафвет-паши (1869–1871 гг.) оказать содействие в возвращении кредиторам долгов от бывшего российского консула Е.Р. Щулепникова⁶³. Этот дипломат увлекался азартными играми. За свое пребывание в Сараеве он задолжал значительные суммы денег кавазам российского консульства Али-аге и Вели-аге⁶⁴.

Редакции газет активно сотрудничали с представителями всех вероисповеданий. К примеру, внештатными корреспондентами были дабробосанский митрополит Дионисий II⁶⁵ и сараевский архимандрит Савва Косанович (1839–1903)⁶⁶. Главная идея Осман-паши состояла в том, чтобы сделать боснийские газеты интересными и доступными для всех жителей вилайета, которых на страницах периодических изданий именовали боснийцами, а их родной язык — боснийским. Можно отметить тот факт, что качество материалов оставляло желать лучшего. В них публиковалось множество забавных, курьезных сообщений. Иностранские известия, курсы валют местные жители могли узнавать и ранее, выписывая газеты сербские и австрийские, но, наконец, у них появилась возможность знакомиться с новостями и законами своего вилайета. С 1867 г. боснийские власти запретили ввоз и распространение славянских газет из Австро-Венгрии и Сербии⁶⁷. Таким образом, вилайетские периодические издания стали единственными доступными источниками информации. После оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией многие сотрудники боснийских газет стали работать в редакциях периодических изданий монархии Габсбургов.

ЛИТЕРАТУРА

Бабић Б., Јанић Ј. Сопронова печатња. Бања Лука, 2016.

Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния и Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 1–278.

Мельчакова К.В. Осман-паша в погоне за прогрессом. К проблеме конструирования боснийской нации в Османской империи в 1861–1869 гг. // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. Сборник статей. М.; СПб., 2017. С. 269–284.

Милош Мандић, српски новинар // Босанска вила. 1900. № 21. С. 289–291.

Пејановић Ђ. Штампa Босне и Херцеговине 1850–1941. Сарајево, 1949.

⁶³ Сарајевски цвјетник. 1869. № 26.

⁶⁴ См.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 79.

⁶⁵ Сарајевски цвјетник. 1870. № 43–46, № 48.

⁶⁶ Сарајевски цвјетник. 1869. № 48; 1870. № 31.

⁶⁷ Из донесения российского консула в Мостаре Н.А. Иларионова к Н.П. Игнатьеву. См.: АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2053. Л. 2–2 об.

- Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1999.
- Dizdar S.* Bibliografija sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige. Sarajevo, 2017.
- Dizdar S.* Prvi Bošnjački novinar: Mehmed Šaćir Kurtćehajić (1844–1872) // *Bosniaca. Časopis Nacionalne i univerzitetske biblioteke Bosne i Hercegovine.* God. 17. Br. 17. (decembar 2012). S. 60–67
- Koetschet J.* Osman Pascha, der letzte grosse Wesier Bosniens und seine Nachfolger. Sarajevo, 1909.
- Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. Sarajevo, 1978.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Топал Шериф Осман-паша.
2. Газета «Боснийский вестник».
3. Газета «Босния».
4. Евграф Романович Шулепников.
5. Николай Павлович Игнатъев.
6. Мехмед Шачир Куртчехаич.
7. Газета «Сараевский цветник».
8. Газета «Неретва».

ГЕРЦЕГОВИНСКИЙ «НАРОДНЫЙ» МИТРОПОЛИТ ИОАННИКИЙ ПАМУЧИНА¹

Аннотация:

В статье идет речь об одном из самых выдающихся деятелей Герцеговины XIX столетия архимандрите из Мостара Иоанникии Памучине. Он известен своим литературным трудом и благотворительной деятельностью, неоднократно выступал переговорщиком герцеговинцев с турками во время волнений в регионе, а с 1860 по 1864 гг. неофициально исполнял обязанности Герцеговинского митрополита.

Ключевые слова:

Герцеговина, Иоанникий Памучина, Мостар, А.Ф. Гильфердинг, герцеговинский митрополит, Вук Караджич.

Abstract: K.V. MELCHAKOVA “«A PEOPLE» METROPOLITAN OF HERZEGOVINA: IOANIKIJE PAMUCHINA”.

The article is about Archimandrite of Mostar Joanikije Pamuchina, one of the most outstanding figures in Herzegovina in the 19th century. He is known for his literary work and charitable activities, he several times acted as a negotiator during the unrest in the region, and from 1860 to 1864 unofficially served as the Metropolitan of Herzegovina.

Keywords:

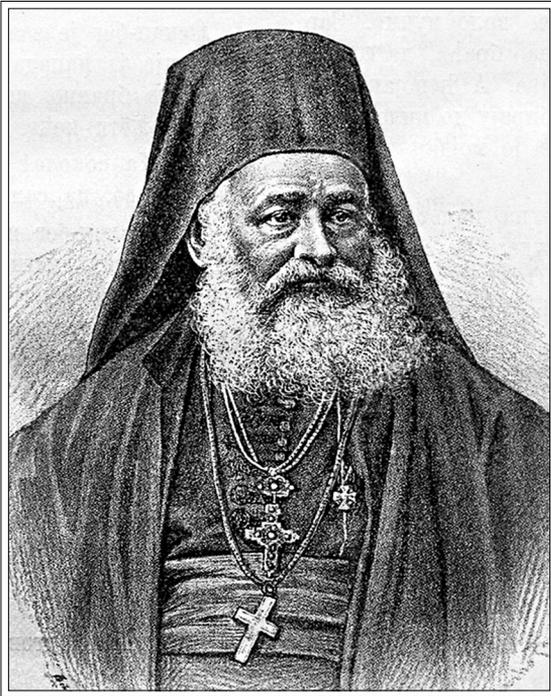
Herzegovina, Joanikije Pamuchina, Mostar, A.F. Hilferding, a Metropolitan of Herzegovina, Vuk Karadzich.

Иоанникий Памучина (1810–1870) по праву считается одним из вестников национального возрождения Герцеговины. Он говорил на греческом, турецком и русском языках, некоторое время являлся неофициальным митрополитом Герцеговины, был известен своим литературным трудом, занимался благотворительностью и мечтал стать продолжателем дела Вука Караджича.

Памучина родился 13 декабря 1810 г. в герцеговинском селе Заградина недалеко от Требине. Получил при крещении имя Бошко, обучался в монастырях Дужи и Завала. В последнем из них он в 1829 г. принял монашеский постриг, получив имя Иоанникий. С 1835 г. являлся эфимером церкви в Мостаре, с 1853 г. — архимандритом.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Иоанникий Памучина

Памучина активно занимался литературным трудом и был одним из постоянных авторов журнала «Сербско-далматинский магазин». За период с 1846 по 1867 гг. в нем появилось около 30 его публикаций — народные песни, пословицы, поговорки, приметы, загадки, сочинения на историческую и этнографическую тематику, а также описания событий, свидетелем которых он был².

Среди его трудов имеются и два жизнеописания, представляющие собой биографии хорошо знакомого Памучине иероманаха Серафима Шолаи и визиря Герцеговины Али-паши Ризванбеговича. Эти работы служат важными историческими источниками сведений о жизни Герцеговины в первой половине XIX столетия.

В 1857 г. во время визита в Мостар с Памучиной познакомился русский дипломат и славист А.Ф. Гильфердинг, который позже в своем сочинении «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» писал о нем следующее: «[Иоанникий Памучина] оказал великие услуги православному народу в Герцеговине. Родом из трезиньского края, он не имел возможности получить образование иначе как самоучкою; самоучкою он ознакомился с греческим языком и приобрел ученость, для того края весьма замечательную; у него особенная страсть к словопроизводству и филологическим объяснениям сербских и славянских слов; проникнув в дух славянской речи и живо зная свой народ, он так превосходно владеет сербским языком, что разве только известный Вук Караджич может сравниться с ним в этом отношении»³.

Впечатленный литературным талантом Памучины Гильфердинг попросил его составить сочинение об одной из самых ярких личностей в истории Герцеговины XIX в. Али-паше Ризванбеговиче (1783–1851). Написанный Памучиной труд «Жизнь Али-паши Ризванбеговича стольчанина,

² Полный список трудов И. Памучины см.: *Ковачевич В.* Живот и део Јоаникија Памучине. Пале: Српско просветно и културно друштво «Просвета», 2009. С. 169–172.

³ Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 32–33.

визиря герцеговинского» впервые увидел свет на русском языке в 1859 г. и через 14 лет был переиздан⁴. Его сербский перевод появился спустя более ста лет в 1976 г. Эта работа представляет собой важный исторический источник, тем более что Памучина был свидетелем многих из описываемых им событий. Помимо личности известного в Герцеговине Али-паши автор много внимания уделил и этнографическим зарисовкам жизни народа Герцеговины.

Это, однако, была не первая опубликованная в России работа Памучины. В 1856 г., например, в славянофильском издании «Русская беседа» появилась его статья «Суд над христианской девушкой в Мостаре в 1841 г.»⁵. В ней Памучина поведал историю девушки Ристы, которая предпочла смерть отказу от своей веры в пользу магометанской. Несмотря на уговоры и ярость мусульман, она осталась в православии и тем самым «была спасена».

Современные исследователи высоко оценивают результаты работы Памучины по сбору устного народного творчества Герцеговины. Отец Иоанникий являлся ревностным сторонником дела известного лингвиста и реформатора сербского языка Вука Караджича (1787–1864). Лично они знакомы не были, но поддерживали контакт через торговца из Дубровника Йову Лайиновича⁶. Караджич не проводил поисковую работу в Герцеговине, поэтому Памучину смело можно назвать продолжателем дела своего кумира по собиранию фольклора в родном крае.

По свидетельству Гильфердинга, герцеговинцы высоко ценили Памучину и называли его «народным человеком»⁷. Он много трудился на благо церкви и своих земляков, пользуясь уважением не только среди христиан, но и мусульман. Памучина организовывал отправку соотечественников на учебу в Сербию и Россию. В историю Мостара он вошел также как благодетель местной школы. В 1869 г. он обратился в Азиатский департамент МИД России с просьбой поместить его 800 червонцев в русский государственный банк, с тем чтобы проценты от его вклада пересылались мостарской школе⁸.

В Боснии и Герцеговине неоднократно предпринимались попытки выдвижения на должность митрополита местных священнослужителей. В 1850 г. православная община Мостара обращалась в Россию с просьбой посодействовать назначению Иоанникия митрополитом вместо «ненавистного грека» Иосифа. Однако, эта акция не увенчалась успехом: Паму-

⁴ Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского // Собрание сочинений А. Гильфердинга... С. 329–378.

⁵ Он же. Суд над Христианской девушкой в Мостаре в 1841 г. // Русская беседа. Смесь. 1856. Кн. II. С. 34–46.

⁶ Илић Ж. Јоаникије Памучина, вуков следбеник у Херцеговини // Рад XI-ог конгреса Савеза фолклориста Југославије у Новом Винодолском 1964. Загреб, 1964. С. 302.

⁷ Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 33.

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 30–30 об.

чине даже пришлось некоторое время скрываться от преследования турок в Дубровнике. В Мостар он вернулся в 1853 г.⁹ Через семь лет, после кончины местного митрополита Григория (1860 г.) герцеговинцы при поддержке Сербии и России начали добиваться поставления в митрополиты серба из Герцеговины. Главными кандидатами выступали конфликтовавшие между собой Никифор Дучич и Иоанникий Памучина, причем первый уступил это право своему оппоненту. Православная община Мостара официально обратилась к константинопольскому патриарху Кириллу VII с просьбой назначить новым митрополитом отца Иоанникия. В тот же год в Герцеговине разразилось очередное восстание. Нового митрополита Константинополь так и не назначил, и фактически его функции до 1864 г. неофициально исполнял Памучина¹⁰. Он активно сотрудничал с Московским славянским комитетом, протоиереем русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевским и занимался распределением поступающей из России помощи.

Памучина также неоднократно выступал посредником в разрешении конфликтов между османскими властями и герцеговинскими повстанцами. Например, во время волнений в 1857–1858 гг., он выступил переговорщиком от имени турецкого правительства. Его попытки мирным образом договориться с восставшими не увенчались успехом. Тем не менее его старания принесли пользу. Донесения Памучины легли в основу доказательства того, что соседняя Черногория организатором волнений не является, в чем ее лживо обвиняли турецкие военачальники и английские агенты. Благодаря этому у султана открылись глаза на интриги местных чиновников, но Памучина из-за этого впал в немилость у мостарского паши¹¹. Позже, за содействие в установлении мира в Герцеговине, он получил наперсный крест от российского правительства.

В 1862 г. по случаю Тысячелетия России по инициативе М.Ф. Раевского было решено наградить выдающихся деятелей из зарубежных славян русскими орденами. Главным кандидатом от Герцеговины являлся Памучина. 8 сентября его представили к ордену Св. Анны 3-й степени. Инициатива награждения именно Памучины исходила от Гильфердинга¹². Кроме того, в списке его наград значится и турецкий орден Меджидие.

Уход из жизни Памучины стал для герцеговинцев большой потерей. В 1871 г. российский вице-консул в Мостаре Н.А. Иларионов писал следующее: «лишившись известного архимандрита Иоанникия Памучины, умершего в конце прошедшего года, православные жители Герцеговины не

⁹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 58–59, 62.

¹⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 12; Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 178.

¹¹ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 106–111, 118–119.

¹² Зарубежные славяне и Россия. С. 132–136.

имеют теперь, за самым незначительным исключением, почти ни одного достойного и сколько-нибудь образованного пастыря...»¹³.

Многочисленные труды Иоанникия Памучины и по сей день представляют интерес для историков, филологов и этнографов, изучающих Герцеговину. С 2012 г. библиотека Захумско-Герцеговинской епархии в Мостаре носит имя Иоанникия Памучины.

ЛИТЕРАТУРА

Илић Ж. Иоаникије Памучина, вуков следбеник у Херцеговини // Рад XI-ог конгреса Савеза фолклориста Југославије у Новом Винодолском 1964. Загреб, 1964. С. 301–305.

Ковачевић В. Живот и део Иоаникија Памучине. Пале: Српско просветно и културно друштво «Просвета», 2009.

Косик В.И. Иоанникий // Православная Энциклопедия. <http://www.pravenc.ru/text/577986.html>

Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Фёдорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

Шитовац Н. Херцеговачки калуђери књижевници 1 // Даница. Српски народни илустровани календар за 2001 годину. Београд: Вукова задужбина, 2000. С. 332–349.

ИСТОЧНИКИ

Ратићина Ј. Dolazak Ali-paše u Mostar // Knjiga o Mostaru. Београд: Svet knjige, 2006. Р. 14–23.

Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975.

Летописи. Прокопије Чокорило, Иоаникије Памучина, Стака Скендерова. Сарајево: Веселин Маслеша, 1976.

Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 608. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3659. Л. 30–30 об.

Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визирия Герцеговинского // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 329–378.

Памучина И. Суд над Христианской девушкой в Мостаре в 1841 г. // Русская беседа. Смесь. 1856. Кн. II. С. 34–46.

Собрание сочинений А. Гильфердинга. Том третий. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873.

Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад, 1977.

Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого.

¹³ Уједињена омладина српска и њено доба. Грађа из совјетских архива. Нови-Сад, 1977. С. 165.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет Иоанникия Памучины.
2. Фото Церкви Рождения Пресвятой Богородицы в Мостаре (построена в 1834 г.) «Старая церковь в Мостаре» // *Knjiga o Mostaru*. Beograd: Svet knjige, 2006. S. 19.
3. Табличка на входе в Епархиальную Захумско-Герцеговинскую библиотеку им. Иоанникия Памучины.
4. Обложка книги «Летописи. Прокопије Чокорило, Јоаникије Памучина, Стака Скендерова. Сарајево: Веселин Маслеша, 1976».
5. Александр Фёдорович Гильфердинг. Фотопортрет с подписью «Гильфердинг» // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 802.
6. Портрет Михаила Федоровича Раевского.
7. Портрет Али-паши Ризванбеговича.
8. Снимки монастыря Завала. Источник: https://eparhija-zahumskohercegovaacka.com/?page_id=17442 (дата обращения: 23.09.2019).
9. Снимки монастыря Дужи // Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого.
10. Обложка журнала «Сербско-далматинский магазин».

Марина Геннадиевна
СМОЛЬЯНИНОВА

БОЛГАРСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОЭТ-РОМАНТИК ХРИСТО БОТЕВ¹

Аннотация:

В работе речь идет о Христо Ботеве (1848–1876) — известном болгарском революционере, поэте-романтике, публицисте. Он прожил всего 28 лет, но оставил глубокий след не только в истории национально-освободительной борьбы болгар против турецкого ига, но и в истории болгарской и — шире — мировой литературы. Это касается как его гениальной революционно-романтической поэзии, так и его публицистики. Первая и единственно прижизненная книга Ботева «Песни и стихотворения Ботева и Стамболова» была издана 1875 г. в Бухаресте. В ней он опубликовал всего 20 стихотворений, но они принесли ему бессмертие. Поэт прожил недолго. На следующий год, когда болгары восстали против турок, он поспешил им на помощь. Вместе с отрядом около 200 человек он захватил на Дунае австрийский пароход и заставил капитана причалить к болгарскому берегу. Отряд стали преследовать турки, и через три дня поэта сразила пуля турецкого снайпера. Поэзия Ботева принадлежит не только болгарскому народу, но и всему человечеству.

Ключевые слова:

Болгария, Христо Ботев, Национальное возрождение, болгарский фольклор, поэзия, революционный, романтизм, публицистика.

Abstract: M.G. SMOLYANINOVA “THE BULGARIAN REVOLUTIONARY ROMANTIC POET, HRISTO BOTEV”.

This paper deals with Hristo Botev (1848–1876), a famous Bulgarian revolutionary, romantic poet, and publicist. He lived only 28 years, but left a deep impression not only on the history of the national liberation struggle of the Bulgarians against the Turkish yoke, but also in the history of the Bulgarian and, more widely, world literature. This applies both to his brilliant revolutionary romantic poetry and his journalism. Botev's first and the only book, “Songs and Poems of Botev and Stambolov”, was published in 1875 in Bucharest. He published in it just 20 verses, but they brought him immortality. The poet did not live long. The following year, when the Bulgarians rebelled against the Turks, he hurried to their aid. Together with a detachment of about 200 people, he seized an Austrian steamer on the Danube and forced the captain to moor it on the Bulgarian coast. The detachment began to be pursued by the Turks, and after three days the poet was hit by a bullet from a Turkish sniper. The poetry of Botev belongs not only to the Bulgarian people, but also to all mankind.

Keywords:

Bulgaria, Hristo Botev, national revival, Bulgarian folklore, poetry, revolutionary, romanticism, journalism.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Несколько веков находилась Болгария под Османским игом. И только в середине XVIII в., когда всему миру уже казалось, что этой стране никогда не подняться, начинается эпоха Болгарского Возрождения. Это было время формирования болгарской нации, национальной культуры, отстаивания духовной и политической независимости народа. Именно в этот период появилось множество имен, прославивших Болгарию. Одно из них — Христо Ботев. Образование Христо получил в училищах Карлово и Калофера под руководством своего отца — учителя, болгарского просветителя. Затем он учился в Одесской гимназии, где жадно читал произведения русских классиков, следил за развернувшейся в периодике полемикой между либералами

Христо Ботев

и революционными демократами. Увлёкся идеями М.А. Бакунина и С.Г. Нечаева. Осенью 1866 г. Ботев переехал из Одессы в бессарабское село Задуняевка, где преподавал в болгарском училище. В начале 1867 г. в связи с болезнью отца Ботев возвратился на родину. В Калофере он также занимался преподавательской деятельностью. Однако подросткам он передавал не только книжную премудрость, но и учил их владеть оружием, внушал им идеи о необходимости сбросить рабство и добиться освобождения Болгарии. 11 мая 1867 г. — в день святых Кирилла и Мефодия — Ботев произнес Слово о просветителях. В своей речи он осуждал тех педагогов, которые усыпляют сознание народа, вместо того чтобы пробуждать его.

Осенью того же года Христо Ботев был вынужден покинуть Болгарию и перебраться в Румынию, где в ту пору жило много болгарских эмигрантов. Здесь он познакомился со многими деятелями болгарского Возрождения: драматургом Добри Войниковым, основавшим первый болгарский театр; с писателями Иваном Вазовым и Любеном Каравеловым; с борцами за освобождение Болгарии — Василем Левским, Хаджи Димитром и Стефаном Караджой. Летом 1868 г. Ботев намеревался вместе с воеводой Желю Черневым переправиться в Болгарию и сражаться за свободу Отечества. В ожидании этого события он написал стихотворение «На прощанье», в котором пророчески предсказал свою судьбу:

*Быть может, погибну в битве,
Но хватит мне той награды,
Что скажет народ когда-то:
«Он умер, бедняга, за правду,
За правду и за свободу!»*

Но поход Желю Чернева не состоялся из-за ареста воеводы. Судьба подарила Христо Ботеву еще восемь лет жизни. В Румынии Ботев работал учителем, сотрудничал в различных эмигрантских газетах, читал лекции в болгарской читальне. Жизнь его была полна невзгод и лишений. Зимой, не имея своего жилья, он ютился на заброшенной мельнице вместе с революционером Василом Левским. В письме другу К. Тулешкову Христо сообщал: «Я дошел до такого жалкого состояния, которое не могу тебе описать. Живу бедно, одежда моя истрепалась, и мне стыдно днем выходить на улицу. Живу на окраине Бухареста на ветряной мельнице вместе с моим соотечественником дьяконом Василом. О пропитании не спрашивай, ибо лишь один раз в два-три дня у нас бывает хлеб, чтобы утолить голод. На днях я должен прочитать лекцию в читальне «Братская любовь», но как я появлюсь в таком виде, не знаю! Находясь в таком критическом положении, я не теряю бодрости. Друг мой Левский, с которым мы живём, имеет удивительный характер. Когда мы находимся в самом критическом состоянии, то и тогда он так же весел, как и в те дни, когда нам полегче. Холод такой, что дерево и камень трещат, мы голодны два-три дня кряду, а он поет и веселится. Вечером, когда ложимся, он поет; утром, едва отворит глаза, опять поет. В каком бы отчаянии ты ни был, он тебя развеселит и заставит тебя забыть все тяготы и страдания. Приятно человеку жить с подобными людьми!». В 1873 г. дьякона, апостола болгарской революции Васи́ла Левского, создавшего целую сеть революционных комитетов по всей Болгарии, турки арестовали и повесили. Ботев на это страшное известие откликнулся одним из своих самых гениальных стихотворений «Казнь Васи́ла Левского».

Когда в апреле 1876 г. в Болгарии вспыхнуло антитурецкое восстание, Ботев поспешил на помощь соотечественникам. Он собрал чету в количестве около 200 человек и возглавил ее. 16 мая Ботев и его друзья сели на пристани Гюргево на австрийский пароход «Радецкий» под видом обычных пассажиров, скрыв оружие в личном багаже. По пути на дунайских пристанях к ним присоединялись и другие повстанцы. Затем чета захватила пароход с целью заставить австрийского капитана причалить к болгарскому берегу у села Козлодуй. С борта парохода Ботев послал телеграммы в европейские газеты, извещая о походе четы и выражая надежду на то, что цивилизованные страны поддержат болгар в их борьбе за свободу.

Тогда же он отправил письмо жене Венете: «Бог меня сохранит, и, если я останусь жив, мы будем самыми счастливыми людьми на земле. Если же умру, то знай, что после Отечества я любил больше всего тебя, поэтому расти дочку Иванку и помни любящего тебя Христо. 17 мая 1876, «Радецкий».

В тот же день воевода послал восторженное письмо Грудову, Кавальджиеву и Странскому: «Скоро из 200 глоток раздастся клич: «Да здравствует Болгария!» Чувства, наполняющие мою душу, придают мне львиные силы: я тронут любовью и преданностью своих друзей. Наш девиз: смелость и великодушие! Работайте, братья, работайте. Сейчас самое время проявить свои способности и свой патриотизм. Спешите записать свои имена

в историю нашего освобождения! Я весел и радости моей нет предела, как только подумаю, что «Моя молитва» сбывается».

Ботев не случайно вспомнил о написанном им ранее стихотворении «Моя молитва», в котором есть такие строки:

*«Укрепи мне, Боже, руку.
Чтоб, когда народ восстанет.
Я пошел на смерть и муку
В боевом народном стане».*

Молитва поэта сбылась. 17 мая 1876 г. отряд Ботева ступил на болгарский берег. После тяжелого боя с регулярными турецкими войсками 20 мая 1876 г. на одной из горных вершин близ города Врацы Ботева сразила пуля турецкого снайпера, после чего его чета была рассеяна.

Апрельское восстание 1876 г. было жестко подавлено, буквально было потоплено османами в крови. Эти зверства вызвали бурное возмущение русской общественности. 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Ценой огромных человеческих жертв болгарский народ был освобожден русскими воинами от многовекового угнетения. Болгария получила независимость и вновь появилась на карте мира.

Свои первые стихи Ботев написал в России. В 1867 г. П.Р. Славейков напечатал в газете «Гайда» его первое стихотворение «Матери». Свои стихи поэт писал кровью сердца:

*«Народ кивает, а пот кровавый
С чела струится на камень хладный.
К кресту прибит он, распят. И ржавый
Гвоздь разъедает народу кости.
Народу в сердце змей впился жадно,
Его и наши сосут, и гости».*

Произволу и злу противостоит герой произведений Ботева — гайдук, борющийся за освобождение отчизны. Гайдуцкое движение поэт прославляет затем в стихотворениях и балладах «Беглянка», «Хаджи Димитр», «На прощанье», «Показалось облако темное». К произведениям, посвященным гайдукам, примыкают стихи, воспевающие подвиг революционеров, боровшихся за освобождение Болгарии («Моей первой любви», «Моя молитва», «Казнь Василя Левского»). Величие дела Левского, казненного турками, раскрывается с помощью изображения народного горя («Старцы молятся истово богу, женщины плачут, дети рыдают»).

Книга «Песни и стихотворения Ботева и Стамболова» вышла в Бухаресте в 1875 г. Напечатанные в ней 20 стихотворений Ботева принесли поэту бессмертие. Уже в ранних стихах («Матери», «Брату») раскрываются особенности его поэзии: страстность, гражданственность, прекрасная художественная форма. Поэта гнетет одиночество и сознание того, что никто не слышит «плач народный». В последующих стихах («Элегия», «Борьба», «Юрьев день», «В корчме»), рисуя страдания болгар, он изобличает турец-

кое рабство. Одна из наиболее известных его баллад — «Хаджи Димитр» — написана в память о подвиге воеводы Хаджи Димитра Асенова, возглавившего в 1868 г. поход четников-эмигрантов в Болгарию с целью поднять там восстание. Элементы романтической образности сочетаются в ней с реалистическими приемами изображения. Безгранична скорбь поэта о воеводе, погибшем в борьбе за свободу народа. Об умирающем юнаке скорбит вся природа: орлица закрывает его крылом от палящего солнца, волк зализывает его раны. Ему сочувствуют и сокол — юнацкая птица, и прекрасные самодивы — легендарно-романтические существа, воплощающие мечты народа о вечной красоте и молодости. В «Хаджи Димитре» тяжкий, трагический напев жниц-рабынь перерастает в страстный, патетический гимн Балканских гор, воспевающий бессмертие борцов, погибших в борьбе за свободу народа: «Кто в грозной битве пал за свободу /— не умирает: по нем рыдают / земля и небо, зверь и природа, / и люди песни о нем слагают».

Поэзия Ботева тесно связана с фольклором. Его мать знала более 300 народных песен и прекрасно их исполняла. Традицию болгарской народной песни он воплотил в неповторимых образцах индивидуального творчества. Национальным духом проникнута не только образная система поэтики Ботева, но и ритмика его стиха. Переосмысляя фольклорные образы, он создал новаторскую, самобытную поэзию, которая стала вершиной болгарской литературы и принадлежит к величайшим достижениям мировой поэзии.

Христо Ботев находится в одном ряду с самыми великими поэтами, такими, как его предшественник Байрон, творчество которого болгарский революционер хорошо знал и высоко ценил. Байрон принял участие в греческом восстании против турецкого ига. Он возглавил отряд повстанцев и погиб в Греции в бою в 1824 г. Христо Ботев также погиб в борьбе с турецкими завоевателями, сражаясь за независимость своего отечества, за свободу болгар, угнетаемых в течение 500 лет османскими поработителями. Гениальная поэзия Байрона и Ботева, овеянная революционной романтикой, принадлежит всему человечеству.

Ботев был блестящим публицистом. В Румынии Ботев сотрудничал в различных эмигрантских газетах: «Барабан», «Дунайская заря», «Свобода», «Независимость». Сам издавал газеты: «Слово болгарских эмигрантов» (1871), «Будильник» (1873), «Знамя» (1875), «Новая болгарская газета» (1876). Серия фельетонов «Знаешь ли ты, кто мы?», созданная им вместе с Л. Каравеловым, печаталась в газетах «Свобода» и «Независимость». Она представляет собой сатирико-публицистическую панораму жизни в Османской империи. Памфлет «Смешной плач», статьи «Петрушан», «Решен ли церковный вопрос?», «Народ вчера, сегодня и завтра», серия политических фельетонов «Послание с неба», обозрение «Политическая зима» — высшие достижения болгарской публицистики того времени. Стиль Ботева-публициста характеризует образность и эмоциональность. В статье «Народ вчера, сегодня, завтра» Ботев писал о тяжком положении болгар-

ского народа: «Сегодня никого не убивают незаконно, а лишь по закону, не сажают на кол, а как кол вбивают самого в землю, вешают не в домах под стрехами и на шелковицах, а в специально отведенных местах для гяурской бойни». Свою публицистику писатель подчинил главной цели жизни — освобождению Болгарии. Он — трубадур свободы. Ботев укорял болгарский народ, который слишком долго терпит гнет. «Что мешает нашему народу, — писал он, — скинуть с шеи ярмо турецкого деспотизма? Отсутствие силы, средств, патриотизма, революционной пропаганды? История нашего гайдучества, отдельных наших восстаний и той помощи, которую мы бесчисленное количество раз оказывали народным восстаниям, происходившим возле нас, показывает, что есть и силы, и средства, и патриотизм, но не хватает широкой пропаганды, необходимой для того, чтобы связать отдельные разрозненные революционные выступления местного характера воедино, дать им надлежащее направление и указать, цель, к которой следует стремиться. Вот чего не хватает нашему народу! Вот, следовательно, то святое, благородное дело, за которое нам надо серьезно приняться».

Жизнь Ботева гармонична, ее характеризует слияние слова и дела. Всего 28 лет прожил поэт, но он обессмертил свое имя борьбой за свободу болгарского народа и гениальной поэзией, которая принадлежит как болгарам, так и всему человечеству.

СОЧИНЕНИЯ

Христо Ботев Стихотворения. София, 1975.

ЛИТЕРАТУРА

Державин Н.С. Христо Ботев: поэт — революционер (1848–1876). М.-Л., 1948.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Иванка — мать поэта Х. Ботева.
2. Христо Ботев. Портрет.
3. Обложка единственного прижизненного сборника поэта «Песни и стихотворения Христо Ботева и С. Стамболова», изданного в 1875 г. в Бухаресте.
4. Письмо Х. Ботева к жене Венете, посланное 17 мая 1876 г. с борта парохода «Радецкий» незадолго до гибели.
5. Факсимиле письма Х. Ботева, отправленного к соратнику по революционной борьбе Т. Пееву.
6. Памятник Христо Ботеву в г. Враца.
7. Исследование творчества Христо Ботева болгарскими учеными И. Унджиевым и Ц. Унджиевой. София, 1975.

ЛЕТОПИСЕЦ РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ БОЛГАР ПРОТИВ ТУРОК ЗАХАРИ СТОЯНОВ¹

Аннотация:

В статье речь ведется о болгарском революционере, писателе и публицисте Захари Стоянове (1850–1889), вошедшем в историю национальной литературы как создатель монументального многотомного труда «Записки о болгарских восстаниях». Участник и очевидец многих революционных событий, он пытался документально восстановить подготовку, ход и разгром Старозагорского (1875) и Апрельского (1876) восстаний болгар против турок. Не надеясь только на собственную память, писатель колесил по стране, опрашивая непосредственных участников этих событий, записывал их рассказы и собирал соответствующие документальные свидетельства. В итоге у болгар появился труд, который приобрел в Болгарии статус своеобразной национальной Библии.

Ключевые слова:

Болгарская литература, Старозагорское и Апрельское восстания болгар против турок, Захари Стоянов, летопись революционной борьбы.

Abstract: M.G. SMOLYANINOVA “ZAHARI STOYANOV: THE CHRONICLER OF THE REVOLUTIONARY LIBERATION STRUGGLE OF THE BULGARIANS AGAINST THE TURKS”.

The article refers to the Bulgarian revolutionary, writer and publicist Zachari Stoyanov (1850–1889), who was a participant in the history of national literature as the creator of the monumental multi-volume work “Notes on Bulgarian Revolts”. A participant and witness to many revolutionary events, he tried to document the preparation, course and defeat of the Starozagorsk (1875) and April (1876) revolts of the Bulgarians against the Turks. The writer drove around the country, interviewing the direct participants of these events, recording their oral stories and collecting relevant documentary evidence. As a result, the Bulgarians had a work that acquired the status of a kind of national Bible in the country.

Keywords:

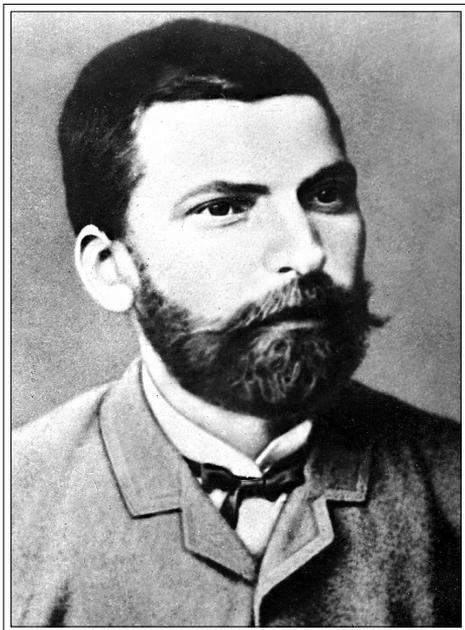
Bulgarian literature, Starozagorsk and April uprising of the Bulgarians against the Turks, Zachari Stoyanov, Chronicles of revolutionary struggle.

Захари Стоянов (1850–1889) — болгарский прозаик, публицист, мемуарист, общественный деятель, революционер.

Родился в селе Медвен в крестьянской семье, окончил церковную школу, трудился пастухом, ремесленником, портным, следователем, стал активным

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

*Захари Стоянов —
болгарский революционер,
политик, журналист и писатель*

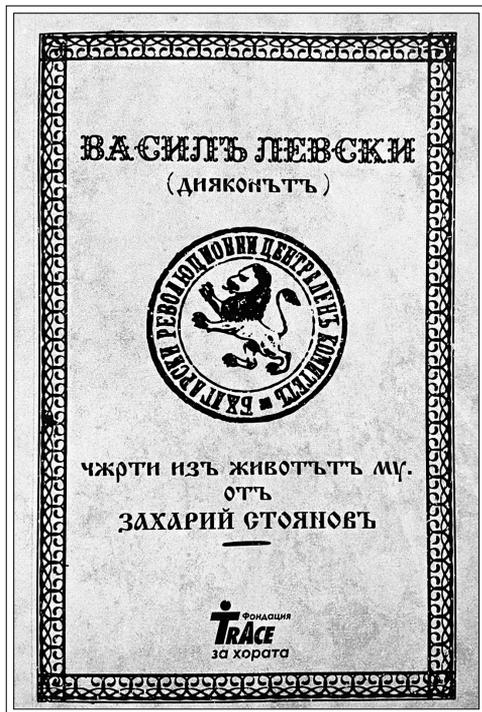
участником национально-освободительной борьбы болгарского народа против османских поработителей. Был одним из организаторов Старозагорского (1875) и Апрельского (1876) восстаний. После освобождения Болгарии русскими войсками в 1878 г. он писал: «Только Россия и словом, и делом доказала, что любит наш народ, что желает его нравственного и материального развития». И еще: «Болгарский народ никому другому не верит, кроме России». Позднее, в 1885 г. он возглавлял борьбу за соединение Княжества Болгария с Восточной Румелией, добившись вместе со своими единомышленниками этой цели 6 сентября 1885 г. (эта дата стала одним из главных национальных праздников страны). Он вошел в состав Временного правительства, а позднее стал депутатом и Председателем V Народного собрания (Болгарского парламента). За это время в его сознании произошел идейный перелом: к 1885 г. его отношение к России изменилось, потому что русское царское правительство не одобрило соединения, которое свершилось без его ведома и вызвало осложнения с западноевропейскими державами. Из горячего русофила Стоянов превратился в яркого русофоба. Он поддерживал премьера-русофоба Стефана Стамболова и выпускал газету «Свобода» (которая являлась официальным печатным органом правительства Стамболова), публикуя в ней статьи с критикой высших российских властей. Жизнь Захари Стоянова оказалась недолгой, он не прожил и 50 лет. Поехав в августе 1889 г. на международную выставку в Париж, писатель разболелся и умер 1 сентября того же года.

Литературная деятельность Стоянова началась в 1880 г. Вместе с единомышленниками он на следующий год основал в г. Русе газету «Работник», в которой начал публиковать свои фельетоны, литературно-критические статьи и очерки, связанные с политической борьбой. Во многих его публикациях критиковались сельские богатеи чорбаджии, которые всегда поддерживали власть турецкого султана, выступая врагами болгарского народа. Захари Стоянов писал тогда следующее: «Болгария еще не свободна окончательно, потому что она освободилась только от турок, но не от их наемников — чорбаджий». Он часто вспоминал в своих статьях имена борцов за свободу страны Василя Левского, Христо Ботева, Любена Кара-

велова, подчеркивая, что отстаивает осуществление их идеалов. Подобно болгарскому классику Ивану Вазову, написавшему поэму «Эпопея забытых», Стоянов настойчиво стремился увековечить имена этих незаурядных деятелей эпохи Болгарского национального возрождения и не дать им стертаться в народной памяти. Он написал книги о Василе Левском (1883), Любене Каравелове (1885), Христо Ботева (1888), а также книгу о болгарских революционных отрядах и их предводителях: «Четы в Болгарии. Филип Тотю, Хаджи Димитр, Стефан Караджа» (1885). В жанровом отношении эти книги напоминают романизированные биографии.

Самое яркое произведение Стоянова — фундаментальные «Записки о болгарских восстаниях» / «Записки по българските въстания. Разказ на очевидци. 1870–1876». (Т. I–III, Пловдив, 1884–1892). В этих мемуарах он запечатлел подготовку Старозагорского и Апрельского восстаний болгар против турок, ход их развития и разгром. Являясь участником описываемых исторических событий и не полагаясь только на собственную память, он исколесил страну в поисках других повстанцев, чтобы его произведение опиралось на более широкую фактическую базу, включив в себя их рассказы и воспоминания. Поэтому «Записки» Стоянова содержат много документальных материалов (писем, протоколов, уставов), но при этом автор выступает в книге не как хладнокровный историк, а как народный летописец и страстный публицист.

Он повествует о величии и трагедии национально-освободительной борьбы, создает галерею портретов деятелей Болгарского национального возрождения — Георгия Бенковского, Панайота Волова, Николы Обретенова и др. Историческая достоверность сочетается в этом произведении с художественным воссозданием незабываемых событий. Человек из народа, выходец из пастушеской «гильдии», Стоянов поставил перед собой задачу написать книгу для бедняков: «Я обращаюсь к вам, братья, простые бедняки, для вас я стремился написать настоящую книгу, чтобы показать вам, что самыми горячими борцами и защитниками нашего отечества были не горделивые богачи и надутые ученые, а простые и неученые ваши братья». Язык «Записок» прост, колоритен и одновременно чрезвычайно энергич-

Книга 3. Стоянова —
«ВАСИЛ ЛЕВСКИ (ДЯКОН)»

чен и богат народными изречениями. В них автор использовал традиции возрожденческой литературы, заложенные еще Паисием Хилендарским в его «Истории славяноболгарской». Это своего рода народная летопись о судьбоносных исторических событиях страны, получившая значение национальной библии.

Захари Стоянов — один из героев повествования. В «Записках о болгарских восстаниях» он рассказал о том, как превратился из бедного пастуха в писателя, историка и Председателя Народного собрания (Парламента). Стоянов обрисовал свою жизнь до Освобождения, свое пастушество в Добрудже, рабское положение болгар в Османской империи. Его отец не поддержал мечту сына о продолжении образования и заслушание выгнал его из дома. Оставшись без копейки в кармане, босой Захари пешком по железнодорожным шпалам добрался сначала до Варны, а затем до Русе.

Он ночевал в пустой лодке на берегу Дуная выпрашивая днем хлеб у пастухов. Наконец, юноша нашел место ученика в швейной мастерской, читая по ночам книги ради расширения своего образования. За это он был уволен хозяином, который решил, что ученик жжет свечи понапрасну и заставил его за них заплатить. Захария приютили сотрудники русенской читальни «Зора». служившей тогда, как и другие читальни Болгарии, очагом культурной и революционной жизни болгар. Они были не просто хранилищами книг и газет — в них проводились лекции, ставились театральные спектакли, проходили декламации стихов и обсуждались последние политические события. Захари Стоянов был счастлив — он оказался в мире книг и других печатных материалов. Среди них он обнаружил листовку: «К оружию, братья! Смерть тирану!» В читальне юноша подружился с Николой Обретеновым и другими революционерами, стал членом революционного комитета.

Одной из главных тем «Записок», как уже отмечалось, является история двух восстаний — сентябрьского Старозагорского в 1875 г. и на следующий год — Апрельского. Примечательно то, что в Стара-Загоре будущий писатель познакомился со Стефаном Стамболовым. Опыт первого восстания оказался неудачным. Революционеры Стефан Стамболов, Георги Апостолов, Георгий Икономов, Захари Стоянов и др. были вынуждены рассредоточиться и искать убежище в горах. После неудавшегося восстания Стоянов работал на железнодорожной станции, обитая в пустых вагонах во избежание ареста полицией.

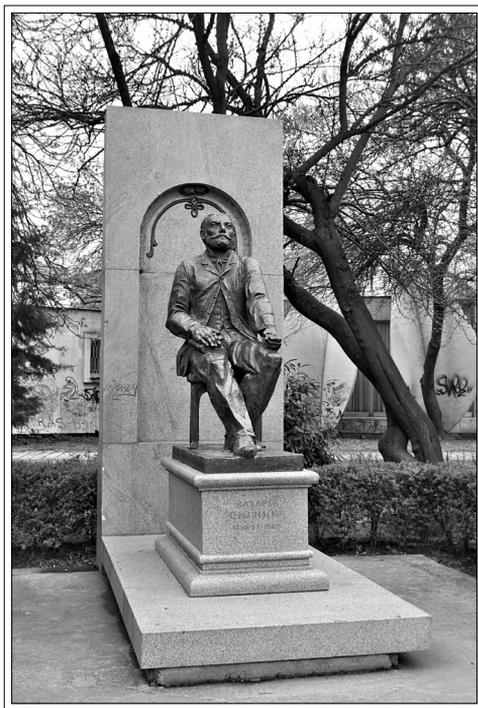
Члены находившегося в Бухаресте Центрального болгарского революционного комитета (БЦРК) задумали поднять новое восстание. Шестого февраля 1876 г. к Стоянову приехал видный революционер Панайот Волон, сообщивший ему о решении комитета назначить его апостолом (вдохновителем и руководителем IV (Пловдивского) революционного округа. Захари развивал свою деятельность в горах Родопях и в г. Панагюриште. В последнем он познакомился с боготворимым им революционером Георгием Бенковским. Захари с восторгом относился к борцам за националь-

ное освобождение Болгарии и к участникам восстаний. Для него депутаты Совета в Обориште — «самые честные, идеальные люди», патриоты, храбрые, готовые на самопожертвование ради освобождения родины от турецкого ига. В своей книге он показал, что восстания были поистине народными движениями, возникшими без внешнего влияния. Рассказывая о подготовке Апрельского восстания, автор раскрывает отношение к нему всех социальных слоев болгарского общества: крестьян, ремесленников, духовенства, чорбаджий и интеллигенции. Рассказы эти зачастую трагичны, а порой и юмористичны.

Объявление о начале Апрельского восстания, первые победы восставших, массовый героизм, торжество в Панагюриште, захват бейской резиденции «конака», освящение революционного знамени — эти незабываемые сцены свидетель и очевидец данных исторических событий Захари Стоянов описал ярко, художественно и талантливо. Он свидетельствовал, что при объявлении восстания турки бежали от болгар так быстро, что их одежды принимали горизонтальное положение и развевались, словно крылья. Затем автор пишет о катастрофе, об ужасе поражения и бегстве повстанцев в горы, где они были обречены на голод. Турки преследовали восставших, многие из них, включая и самого Захари Стоянова, были пойманы, арестованы и брошены в тюрьмы. В сентябре того же года Стоянова выпустили из тюрьмы, поскольку ему так удалось заморочить голову турецким следователям, что те даже не поняли, кем он являлся на самом деле и не предполагали, что имеют дело с одним из главных организаторов восстания.

Во время освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Захари Стоянов уехал в только что освобожденный русскими г. Тырново. Его основная литературная деятельность развернулась после освобождения болгар от османского гнета.

«Записки о болгарских восстаниях» имеют тройное предназначение. Во-первых, — это автобиография, во-вторых, — бесценный исторический памятник и, в-третьих, — художественное произведение мемуарного жанра. Автор очень реалистично изобразил общественную, идейную и политическую атмос-

*Памятник Захари Стоянову
в Пловдиве*

феру эпохи Болгарского возрождения. Его мемуары стали незаменимым историческим документом своей эпохи, поднятым на уровень талантливейшего художественного обобщения. Стоянов реалистично изобразил зверства турок, жестокость их гнета и героическое сопротивление своих соотечественников творимому над ними насилию. «Записки о болгарских восстаниях» — одна из лучших книг в болгарской литературе. Ее будут читать всегда. Не имеет значения, что это мемуары, а не роман. Книга воздействует на читателя, как истинно художественное произведение. Стоянов — талантливый беллетрист, создавший изумительные болгарские пейзажи, выразительные портреты своих соратников по борьбе за освобождение Болгарии и выпукло обрисовавший их неповторимые характеры. Пленяют читателя и манера повествования автора с обильным использованием разговорной речи и классического литературного стиля. В силу перечисленных достоинств этого объемного произведения, оно читается до конца с неослабевающим интересом. Ведь эпоха Болгарского национального возрождения предстала в нем в истинном ее величии.

СОЧИНЕНИЯ

Стоянов, Захари. Съчинения. София, 1983. Т. 1–3; Записки о болгарских восстаниях. М., 1953.

ЛИТЕРАТУРА

Константинов Г. Захари Стоянов като публицист и писател. София, 1952.

Захари Стоянов и нашето време: Доклади и научни съобщения по повод 150-год. на Летописеца. София, 2000.

Мутафов Е. Захари Стоянов и българската култура. София, 2001.

Цанева М. Захари Стоянов // «Български писател», София, 1973.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Захари Стоянов — болгарский революционер, политик, журналист и писатель.
2. Заседание Болгарского Тайного Революционного комитета. Захари Стоянов в центре. 1885 г.
3. Дом-музей З. Стоянова в г. Русе.
4. Памятник З. Стоянову в Пловдиве.
5. Обложка книги З. Стоянова «ВАСИЛ ЛЕВСКИ (ДЯКОН)».
6. Мемориальная доска З. Стоянова в Париже.
7. Монумент З. Стоянову в Софии.
8. Дом-музей З. Стоянова в Медвене.
9. Коста Паница, Захари Стоянов и Димитр Ризов. Пловдив. Лето 1885 г.
10. Могила З. Стоянова в г. Русе.

ПОЭТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ ПЕТКО СЛАВЕЙКОВ¹

Аннотация:

В статье речь идет о Петко Рачеве Славейкове (1827–1895) — болгарском поэте, публицисте, просветителе, общественном деятеле и борце за независимую болгарскую церковь. По его творчеству можно судить об этапах развития болгарской литературы того времени. Он писал жития, дидактические произведения, публиковал поэтические сборники, содержащие сентиментальную, любовную и пейзажную лирику, создал несколько прекрасных поэм. Большой вклад внес он и в создание жанра болгарской басни. Кроме того, в периоды подъема национально — освободительной борьбы против турок он писал бунтарские песни, которые болгары распевали по всей стране. После освобождения Болгарии от иноземного рабства в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Славейков уделял большое внимание общественно-политической работе: был председателем Народного собрания, министром просвещения, министром внутренних дел.

Ключевые слова:

Болгария, Национальное возрождение, поэзия, басни, поэмы и песни.

Abstract: M.G. SMOLYANINOVA “THE POET AND EDUCATOR, PETKO SLAVEYKOV”.

The article is devoted to Petko Rachev Slaveykov (1827–1895), the Bulgarian educator, poet, publicist, public figure and fighter for independent of the Bulgarian church. On his creativity it is possible to judge stages of the development of Bulgarian literature of that time. He wrote lives, didactic works and published the poetic collections containing sentimental, love and landscape lyrics, created some fine poems. He made a major contribution to the creation of the Bulgarian fable. Besides that, he wrote revolutionary songs which Bulgarians sang throughout the whole country during the periods of national liberation struggle against the Turks. After the liberation of Bulgaria from slavery as a result of Russian-Turkish war of 1877–1878 Slaveykov paid much attention to social and political work: he was the Chairman of People’s Assembly (National parliament), the Minister of education, the Minister of Internal Affairs.

Keywords:

Bulgaria, national revival, poetry, fables, poems and songs.

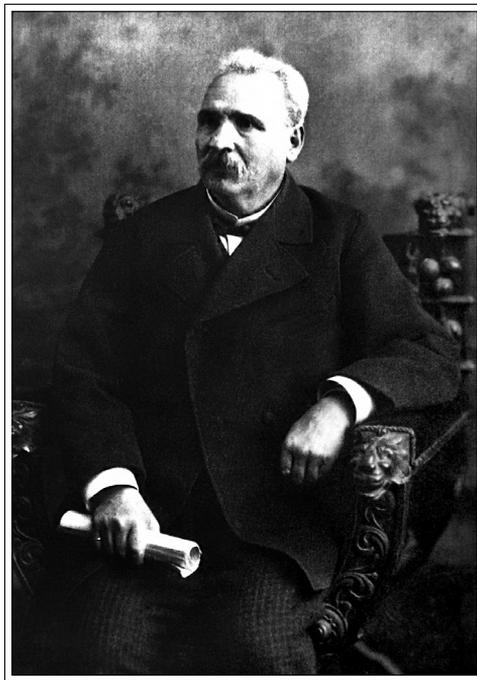
Петко Рачев Славейков (1827–1895) — болгарский поэт и публицист, общественный деятель, народный просветитель, борец за независимую болгарскую церковь. Родился в Тырново, где окончил школу при церкви, а затем эллино-болгарское училище в Свиштове. Работал учителем в селах и городах Болгарии. Издавал на болгарском языке в Константинополе газеты «Гайда» (1863–1867) и «Македония» (1866–1872). После освобождения

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004).

дения Болгарии от османского ига принял участие в общественно-политической жизни страны, был председателем Народного собрания (болгарского Парламента), министром просвещения и министром внутренних дел (1880–1881).

Первые литературные произведения Славейков напечатал в 1843 г.: сатиру «Прославилось Тырново славными греческими владыками» / «Прославило се Тырново със славни гръцки владици» и «Акафист трем святителям» / «Акатист на три светители». В дальнейшем Славейков использовал псевдонимы: Медникаров, Славейский, Дядо Дечо, Бюлбюлогу и др. По творчеству писателя можно проследить все стадии развития болгарской литературы эпохи Национального возрождения. Он писал жития («Житие святого Теодора Тирона», 1845) и дидактические про-

Петко Славейков

изведения, отдал дань сентиментализму и романтизму, а позднее в ряде его произведений стал доминировать реализм. В 1852 г. в Бухаресте вышли его поэтические сборники «Пестрый букет» / «Смесна китка», «Песенник» / «Песнопойка» и «Басенник» / «Басеник», содержащие сентиментальную, любовную и пейзажную лирику молодого автора, который подражал современными ему сербским и греческим поэтам. В басенном творчестве Славейкова наблюдается «перерастание» болгаризованных произведений в оригинальные. Качественно новый этап в его творчестве представляет обращение к басням Эзопа, Ж. Лафонтена, И.А. Крылова. При переводах поэт широко использовал народную символику. В эзоповских баснях «Дитя пастуха» и «Блоха» появляется бесстрашный герой балканского фольклора Королевич Марко. Славейков вводит в басни и «хитрого Петра» — любимца народных сказок. От нравоучительных басен поэт постепенно переходил к сатирическим. В «Волке и ягненке» и «Лисице и льве» он создал гротескные образы поработителей. Персонажи этих басен имели не условно-аллегорические, а жизненные характеры. Эзопов язык намеков помогал поэту выразить мысли, крамольные с точки зрения турецкой цензуры. Славейков по праву считается родоначальником оригинальной болгарской басни. Его басни: «Ворона и рак», «Две жабы» и др., написанные без влияния чужих образцов, перешли в фольклор и стали болгарскими пословицами и поговорками. Как поэт Петко Славейков сформировался под влиянием

русской литературы. Он вольно переводил стихотворения К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина. М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, Н.М. Языкова, А.Н. Плещеева, И.С. Никитина. Благодаря русскому стиху и болгарскому фольклору он смог утвердить в болгарской поэзии силлабо-тоническую систему стихосложения. Переводы и подражания служили для него школой поэтического мастерства и помогли вырасти в прекрасного самобытного болгарского поэта. Его сборники «Новый песенник» (1857) и «Песенник» (1870) демонстрируют богатую палитру поэта, преодолевшего подражательство и создавшего оригинальную национальную поэзию. В них присутствуют любовные сюжеты с мироощущением человека Возрождения, пейзажная лирика, сатирические произведения, бичующие невежество, и патриотические стихи. В периоды подъемов национально-освободительной борьбы болгарского народа против турецких поработителей Славейков писал романтические бунтарские песни. Первый их цикл был создан поэтом в 1850–1856 гг., когда многие болгары прониклись надеждой на свое скорое освобождение от османского ига при помощи России. Второй цикл появился во время Апрельского восстания 1876 г. против турок и освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В его романтических поэмах развивалась тема борьбы за национальную независимость. В поэме «Бойко-воевода» (1873) героиней является крестьянская девушка, предводительница гайдуцкой четы (своеобразная болгарская Жанна д'Арк). Ее образ имеет свой прототип в народных преданиях о Раде Баранчине, воевавшей против турецких угнетателей в окрестностях Тырново. Это произведение Славейкова отличают эпическая величественность и фольклорная система художественного изображения. Созданная поэтом на основе народных преданий поэма «Кракра из Перника» (1874) посвящена борьбе болгар во главе с воеводой Кракрой против византийского императора Василия Болгаробойцы в XI в. Героиня одной из лучших поэм Славейкова — «Источник белоногой» / «Изворъг на белоногата» (1873) — отвергает любовь очарованного ею турецкого визиря, отказывается покинуть Болгарию, отчий дом и своего любимого жениха. Поэт трактует ее образ в соответствии с народны-

Обложка первого издания
сборника стихов П.Р. Славейкова
«Пестрый букет»
(Бухарест, 1852)

ми представлениями о женской красоте, чести и любви к родному очагу. В 1860–1870 гг. он опубликовал стихотворения «Юноша, возьми за ум» / «Момче, ума си събери», «Песня моей монетке» / «Песен на паричката ми», «Богач и бедняк» / «Богач и сиромах», сатирически изображая сильных мира сего. Создал поэт и образы людей труда: «Народ», «Труд», «Труженикам», «Весна» / «Пролет». Социальная проблематика раскрывает эволюцию творчества Славейкова и преобладание в его поэзии того периода реалистических тенденций. После русско-турецкой войны поэт воспел братьев-освободителей в стихотворениях «Россия своею кровью свободу нам дала» / «Русия ни свободата с кръв извоюва», «Вера и надежда болгар — Россия» / «Вярата и надеждата на българина към Русия». В своей публицистике и поэзии Славейков продолжал традиции литературы Национального возрождения и закладывал основы современного болгарского литературного языка. По словам болгарского классика И. Вазова, этот творец при помощи «долота своего поэтического дара из грубой скалы народной речи первый изваял статуи изящных линий и форм, первый из первобытного инструмента — народного языка извлек сладкие звуки и песни, которые заронили в наши души зерна любви к прекрасному». Умер и был погребен Петко Славейков в Софии.

СОЧИНЕНИЯ

Славейков П.Р. Съчинения. Пълно събрание. София, 1963–1982. Т. 1–10. Славейков П.Р. Избранное. М., 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Баява С. Петко Славейков: Живот и творчество. 1827–1870. София, 1968.
Михайлов К. Петко Славейков — поетически послания. 1827–2002. София, 2002.
Дафинов З. Петко Славейков: Летопис за живота, творчеството и обществената му дейност. София, 2004.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Петко Рачев Славейков. Фото 1884 г.
2. Портрет П.Р. Славейкова. Художник Иван Мырквичка.
3. Жена Петко Славейкова Иренка с детьми.
4. Переводчики Библии на болгарский язык : Христодул Костович, Илайс Ригс, Альберт Лонг и Петко Славейков. Царьград.
5. Первое издание сборника Петко Р. Славейкова «Пестрый букет» («Смесна китка»). Царьград 1852 г.
6. Дом-музей Петко Славейкова в г. Трявна.
7. Памятник Петко и Пенчо Славейковым в Софии.
8. Интерьер в доме музея Славейковых в Софии.
9. Очки Петко Славейкова 10. Монета достоинством 5 левов, отчеканенная к 150-летию Петко Славейкова.

«ОТЕЦ»
БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА
ДОБРИ ВОЙНИКОВ¹

Аннотация:

В статье говорится о Войникове Добри — болгарском драматурге, создателе болгарского театра, поэте. Он работал как в порабощенной турками Болгарии, так и в Румынии. В эмиграции Войников издавал болгарские газеты, создал болгарское театральное общество, написал первые значительные произведения национальной драматургии, преимущественно пьесы исторического содержания. Они поднимали болгар на борьбу против турок и наполняли зрителей чувством гордости за славные деяния своих далеких предков. Он проявил себя также публицистом, литературным критиком и собирателем национального фольклора.

Ключевые слова:

Болгария, Национальное возрождение, театр, первые пьесы на болгарскую тему.

Abstract: M.G. SMOLYANINOVA “DOBRI VOYNIKOV: THE FATHER OF BULGARIAN NATIONAL THEATER”.

The article talks about Dobri Voynikov, a Bulgarian playwright, the creator of the Bulgarian theater, a poet. He worked both in Turks ruled Bulgaria and in Romania. In the emigration, Voynikov published Bulgarian newspapers, created the Bulgarian Theater Society, wrote the first significant works of national drama, mainly plays of historical content. They encouraged the Bulgarians to fight against the Turks and filled the audience with a sense of pride in the glorious deeds of their distant ancestors. He also showed himself as a political journalist, literary critic and collector of national folklore.

Keywords:

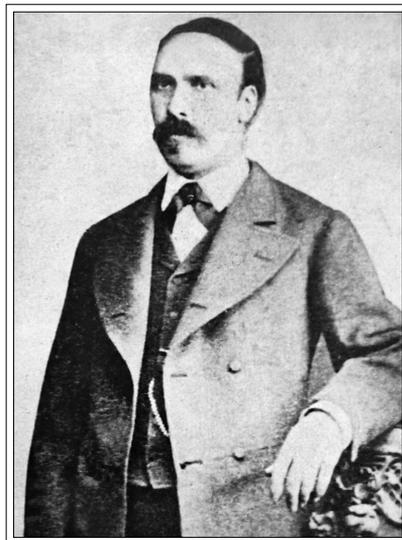
Bulgaria, national revival, theater, the first plays on the Bulgarian theme.

Добри Войников (1833–1878) — болгарский драматург, поэт, публицист, создатель болгарского театра. Родился в Шумене в семье священника, учился в родном городе, затем во французском колледже в Константинополе (1856–1858). После его окончания работал учителем в Шумене, где устраивал театрализованные представления, организовал оркестр, писал диалоги, патриотические и дидактические стихи, учебники. В 1864 г. эмигрировал в Румынию, где создал первую постоянную болгарскую театральную труппу (1866) и сформировал для нее репертуар. Основал газету «Дунайская зора» / «Дунавска зора» (1867).

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

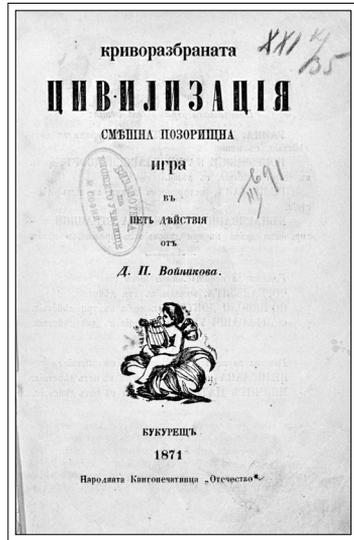
Первая публикация Войникова — «Сборник различных сочинений» / «Сборник от разни съчинения» — появилась в 1860 г. В Браиле вышли сборники его стихотворений: «Песни любовные, хороводные, свадебные и смешные» / «Песни любовни, хороводни, сватбенски и смешни» (1868) и «Разные стихотворения» / «Разни стихотворения» (1868). Он стал автором первых значительных произведений национальной драматургии, преимущественно исторической. В болгарском театре эпохи Национального возрождения ставились в основном исторические пьесы. В своей статье «Болгарский театр» его «отец» Войников писал, что при посещении театральных постановок на национальную тему и знакомстве в живом изображении со славным болгарским прошлым и историческими подвигами своих предков, зрители получают представление о духе, талантах, наклонностях и способностях своих предшественников, которые прославили имя болгарского народа. Они осознают необходимость национального возрождения и важность народного развития.

Добри Войников

Проникнутые патриотическими идеями сюжеты исторических драм Войникова «Стоян-воевода» (1866), «Княгиня Райна» (1866), «Крещение Преславского двора» / «Покръщение на Преславский двор» (1868), «Велислава» (1870), «Восшествие на престол Крума Грозного» / «Възаряването Крума Страшний» (1871), «Десислава» (1874) возвращали зрителей к важнейшим периодам истории страны, обычно посвященным национально-освободительной борьбе болгар против иноземных захватчиков. Их героями, как правило, являются носители идеи национальной независимости Болгарии — бесстрашные и величественные, великодушные и благородные государственные и культурные деятели страны. Образы же завоевателей всегда наделяются резко отрицательными чертами — это традиционные злодеи, они коварны, властолюбивы и жестоки. В драмах писателя причудливо сочетаются поучительно-просветительское и романтическое начала. Пьесы Войникова приобрели широкую популярность в 60–70-е XIX в. Особенный успех выпал на долю пьесы «Княгиня Райна», представлявшей переработку повести русского романтика А.Ф. Вельтмана «Райна, королевна болгарская» (1843). В дни Апрельского восстания 1876 г. против турок после просмотра пьесы «Княгиня Райна» жители г. Панагюриште назвали «княгиней Райной» местную учительницу Райну Попгеоргиеву, которая тайно от турецких властей вышла для повстанцев бархатное знамя с девизом «Свобода или смерть!»

Понимая, что исторические пьесы Войникова побуждают зрителей к борьбе за национальное освобождение, турецкие власти неоднократно запрещали их постановки. Иногда драматург романтически идеализировал прошлое, но при этом он тяготел и к реалистическому изображению, создавая тексты, критикующие современные нравы. Его сатирическая пьеса «Ложно понятая цивилизация» / «Криворазбраната цивилизация» (1871) высмеивала невежд, которые слепо подражали иноземной моде. Сатирический характер носят и пьесы «Европеизированный турок» / «По-европейчване на турчина» (1876) и «Диманка, или верная первая любовь» («Диманка или вярна пръвнинска любов» (1876). В своей публицистике Войников обличал турецких работодателей, призывал соотечественников к вооруженной борьбе против них. Он выступал и как литературный критик, публиковал рецензии на поэтические и драматургические произведения. Проявляя интерес к фольклору, Войников собирал и популяризировал болгарские песни, пословицы и поговорки. Умер писатель в г. Тырново (столице тогдашней Северной Болгарии) в возрасте 45 лет.

Обложка комедии
Д. Войникова
«Ложно понятая
цивилизация»
(Бухарест, 1871 г.)

ЛИТЕРАТУРА

Баева С. Добри Войников // Бележити българи. София, 1969. Т. 3.

Державин К.Н. Болгарский театр. М.; Л., 1950.

Динев П. Добри Войников // Възрожденски писатели. София, 1962.

Добри Войников: Юбилейна сесия по случай 150-годишнината. Пловдив, 1990.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Добри Войников. 1875 г.
2. Первый болгарский оркестр, созданный в 1851 г. при участии Д. Войникова (грающий на флейте писатель Добри — второй справа).
3. Ноты, принадлежавшие Добри Войникову.
4. Первое издание комедии Д. Войникова «Ложнопонятая Цивилизация». Бухарест. 1871.
5. Дом-музей Добри Войникова в Шумене.
6. Комната в доме-музее Д. Войникова. Фотография с женой.
7. Письменный стол в доме Д. Войникова.
8. Памятник Добри Войникову в Шумене.
9. Читальня им. Д. Войникова в Шумене.
10. Могила Добри Войникова в Велико Тырново.

БОЛГАРСКИЙ ПРОЗАИК, ЖУРНАЛИСТ И РЕВОЛЮЦИОНЕР ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ¹

Аннотация:

В статье речь идет о Любене Каравелове (1834–1879) — крупнейшем болгарском писателе, творившем в эпоху Болгарского национального возрождения, авторе повестей, рассказов, этнографических очерков и политико-публицистических статей. Почти вся его творческая жизнь прошла в эмиграции: он жил в России, Сербском княжестве, Австро-Венгрии и Румынии и публиковал свои произведения не только на болгарском, но и на русском и сербском языках, оказывая воздействие на развитие литературных процессов там, где он находился. В своей творческой эволюции он двигался к реалистическому изображению действительности, преодолевая тогдашнюю склонность болгарских писателей к элементам сентиментализма и революционному романтизму. Ему принадлежит лучшая болгарская повесть той эпохи — «Болгары старого времени». Во многих его произведениях отразилось влияние Н.В. Гоголя, Н.Г. Чернышевского и М. Вовчок. Он способствовал становлению реализма не только в болгарской, но и в сербской литературе. Масштабность его фигуры была бы гораздо больше, не умри он в возрасте 45 лет от туберкулеза сразу же после освобождения Болгарии от османского ига.

Ключевые слова:

Национальное болгарское возрождение, болгарская литература, Любен Каравелов, эмиграция, лучший национальный беллетрист своего времени, утверждение реализма.

Abstract: M.G. SMOLYANINOVA “LYUBEN KARAVELOV: THE BULGARIAN NARRATOR, JOURNALIST AND REVOLUTIONARY”.

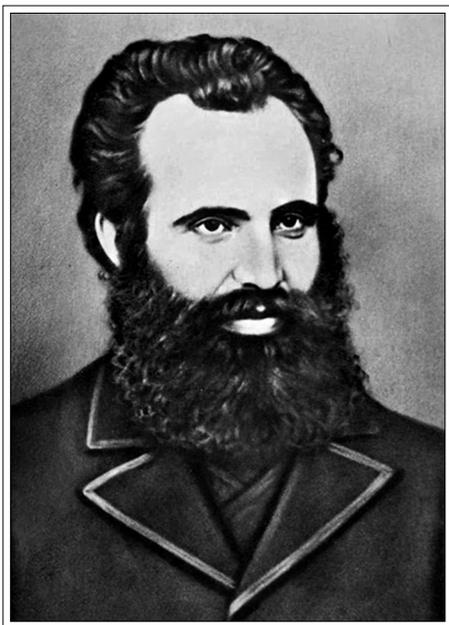
The article is about Lyuben Karavelov (1834–1879), the chief Bulgarian writer who worked in the era of the Bulgarian national revival, the author of tales, short stories, ethnographic essays and political articles. Almost all of his creative life was spent in exile: he lived in Russia, the Serbian Principality, Austria-Hungary and Romania and published his works not only in Bulgarian, but also in Russian and Serbian, influencing the development of literary processes whereas he was located. In his creative evolution, he moved towards a realistic representation of reality, overcoming the then tendency of Bulgarian writers to elements of sentimentalism and revolutionary romanticism. He wrote the best Bulgarian story of that era, “Bulgarians of ancient times”. Many of his works reflected the influence of N.V. Gogol, N.G. Chernyshevsky and M. Vovchok, and contributed to the formation of realism not only in Bulgarian but also in Serbian literature. His influence would have been much greater if he had not died at the age of 45 from tuberculosis immediately after the liberation of Bulgaria from the Ottoman yoke.

Keywords:

National Bulgarian revival, Bulgarian literature, Lyuben Karavelov, emigration, the best national fiction writer of his time, affirmation of realism.

---

¹ Работы выполнены при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Любен Каравелов

Любен Каравелов (1834–1879) — болгарский прозаик, поэт, драматург, публицист, литературный критик, фольклорист. Учился в Копривштице и в Пловдиве в греческой гимназии и в болгарском училище. В 1857 г. приехал в Москву, в которой провел 10 лет. На следующий год Любен стал вольнослушателем историко-филологического факультета Московского университета. Получая в течение пяти лет стипендию Славянского благотворительного комитета, он вплоть до 1864 г. слушал в университете лекции О.М. Бодянского по «славянским наречиям», С.М. Соловьева по русской истории, С.В. Ешевского по всеобщей истории и других известных профессоров. В это время он сблизился со славянофилами и учеными-славистами М.П. Погодиным, В.И. Ламанским,

А.Н. Афанасьевым, Н.А. Поповым, зачитывался произведениями Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева и В.Г. Белинского. Тогда же Каравелов посещал собрания в запрещенных революционных кружках, за что подвергся полицейскому надзору. Можно сказать, что как писатель он сформировался именно в России.

Первые свои стихи, переводы и критические статьи Каравелов опубликовал в 1860 г. в журнале «Братский труд» — органе Московской болгарской дружины, в которую объединились его обучавшиеся в Москве соотечественники. Первый рассказ писателя «Атаман (из болгарских нравов)» был написан на русском языке и в 1860 г. напечатан в русской газете «Наше время». На следующий год Каравелов выпустил сборник «Памятники народного быта болгар», в который вошли сказки, пословицы и поговорки, описаны народные обряды и обычаи. Все свои опубликованные в русской периодической печати повести и рассказы Каравелов затем собрал и издал в сборнике «Страницы из книги страданий болгарского племени» (М., 1868). В каравеловской прозе ощущалось влияние русской и украинской литературы, прежде всего Н.В. Гоголя, Н.Г. Чернышевского, М. Вовчок. Если в произведениях, рассказывающих о страданиях соотечественников («Бедное семейство» / «Сирото семейство», «Неда», «На чужой могиле без слез плачут» / «На чужд гроб без сълзи плачат»), ощутимы сентименталистские тенденции, а гайдуцкие повести о героизме борцов с поработителями («Воевода», «Дончо», «Мученик») носят романтический характер, то в повести «Болгары старого времени» / «Българи от старо

време» проявилось реалистическое мастерство писателя. В ней автор обрисовал быт и общественные отношения в Болгарии середины XIX в. на примере своей родной Копривштицы. Прототипом одного из ее главных героев послужил дед писателя, а некоторые ее персонажи носят настоящие имена своих прототипов. Но это не означало, что он изображал действительность, подобно документалисту. Учась у Гоголя, Каравелов в своих ранних рассказах использовал некоторые гоголевские художественные приемы. Это и стилизация народной речи, и употребление в русском тексте поясняемых автором болгарских слов и выражений, это и использование им вводных эпизодов, повествующих о рассказчике, и комизм в описании действующих лиц. Однако от копирования отдельных приемов болгарский писатель быстро перешел к освоению реалистического типа творчества. Его мастерство проявилось как в точном живописании бытовых подробностей болгарской жизни, так и в искрометном юморе, тонкой иронии в изображении типичных национальных характеров (в первую очередь, образы Хаджи Генчо и деда Либена, имена которых стали среди болгар нарицательными). Повесть изобилует фольклорными сравнениями, пословицами и поговорками, которые органически вплетены в ее художественную ткань.

Каравелов был многоязычным писателем: он писал не только на болгарском и русском, но и на сербском языках, достигая при этом не только высокой художественности, но и воздействия своих произведений на литературный процесс той страны, в которой он творил. В 1867 г., будучи в Сербии корреспондентом русских газет, он написал и опубликовал три повести на сербском языке: «Виновата ли судьба?» / «Je ли крива судбина?» в 1868 г., а год спустя — «Наказал ее бог» / «Наказао је бог» и «Горькая судьба» / «Горка судбина». В то время, как художественные произведения Каравелова на русском языке повествовали о болгарской действительности, то в сербском цикле писателя отображалась сербская действительность, и тем самым он фактически активно участвовал в становлении реализма в сербской литературе. В чрезвычайно популярной тогда среди сербских читателей повести «Виновата ли судьба?» писатель показал жестокость коррумпированной верхушки Сербского княжества и вместе с тем создал образы передовых людей нового типа в духе героев романа Чернышевского «Что делать?». В Сербии Каравелов явился своего рода проводником влияния русской литературы. Его критические статьи о сербской литературе («Поэзия и мысль», «Как нас воспитывали») сербский демократ С. Маркович оценивал как начало критического отношения в Сербии к идеалистическому и романтическому мироощущению. За острую критику белградских правителей Каравелов был сначала выдворен из страны в Австро-Венгрию в Нови-Сад, а затем по ложному обвинению в 1868 г. заключен в Пештскую тюрьму. После освобождения из тюрьмы Каравелов под влиянием «Записок из мертвого дома» Достоевского создал мемуары «Из мертвого дома» / «Из мъртвия дом», описывающие его страдания в период заточения (1869).

Переехав в центр тогдашней болгарской эмиграции Бухарест, писатель начал издавать на болгарском языке газету «Свобода» (1869–1872) и ее продолжение — «Независимость» (1873–1874). Главной их задачей была подготовка революции в Болгарии. В этих изданиях Каравелов публиковал острые памфлеты, фельетоны, а также новые литературно-критические статьи, прозаические и поэтические произведения: «Хаджи Ничо» (1870), «Богатый бедняк»/«Богатият сиромах» (1872), трилогию — «Отмщение», «После отмщения», «Здесь ему конец» / «Тука му е краят» (1872–1874), а также повести и рассказы, созданные в России и Сербии в значительно переработанном и расширенном виде.

Потрясенный трагической гибелью В. Левского, Каравелов усомнился в возможности добиться свободы с помощью революции. Он прекратил издавать газету «Независимость», вышел из руководства революционного органа и в 1875 г. начал издавать журнал «Знание», пропагандируя в нем просветительские идеи. Под общим заголовком «Три картины из болгарской жизни» / «Три картини из българският живот» он опубликовал повести «Маменькин сынок» / «Мамино детенце»), «Необыкновенный патриот» / «Извънреден родолюбец» и «Прогрессист» — яркие сатирические произведения, свидетельствовавшие о верности их автора демократическим позициям. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Каравелов работал переводчиком в русской армии. Летом 1878 г. после освобождения Болга-

*Памятник Любёну Каравелову
рядом с домом-музеем в г. Копривитица*

рии от многовекового османского ига он возвратился на родину, и таким образом его скитальческая одиссея, наконец, завершилась. Замкнулся круг «Болгария — Россия — Сербия — Австро-Венгрия — Румыния — Болгария». Но долго вдыхать запахи родной земли писателю не пришлось: всего через полгода он в 45-летнем возрасте скончался в январе 1879 г. от туберкулеза, и был похоронен в г. Русе. Но умер он не на чужбине, а на родной земле, как сам того и желал. Находясь в эмиграции, Любен Каравелов написал стихотворение «Прекрасен ты, родимый лес» / «Хубава си моя горо». Прекрасная, но порабощенная родина являлась ему в образе весеннего леса, в качестве олицетворения, которое было характерно для гайдуцкого эпоса. Эта его элегия отражала тоску многочисленных болгарских изгнанников по своей отчизне, она превратилась в одну из самых популярных народных песен и в вечный гимн любви к родному краю. Куда бы судьба эмигранта ни забрасывала Каравелова, думы его всегда были обращены к Болгарии. Он увлекал своих соотечественников идеалами свободы и содействовал ее приближению всей своей общественной деятельностью и художественным творчеством.

СОЧИНЕНИЯ

Каравелов, Любен. Събрани съчинения. Т. 1–12. София, 1984–1989.

Любен Каравелов. Болгары старого времени: Избранные произведения. Перевод с болгарского и сербского. М.: «Индрик», 2002.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев Л.В. Любен Каравелов М., 1980.

Леков Д. Любен Каравелов. Пловдив, 1998.

Лихачева Л.П. Любен Каравелов: Биобиблиографический указатель. М., 1954.

Светозар Маркович и Любен Каравелов у контексту словенске книжевности и културе: Зборник радова. Београд, 1992.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Любен Каравелов. Фото писателя. До 1879 г.
2. Л. Каравелов. Фотограф Анастас Николов Стоянович. 1876 г.
3. Книга Л. Каравелова «Маминото детенце» / «Маменькин сынок». София. 1946.
4. Повесть Любена Каравелова «Болгары старого времени» в русском переводе. Москва. 1977.
5. Памятник Любелю Каравелову в Копривштице рядом с его родным домом. Скульптор Надежда Петренко.
6. Дом-музей Л. Каравелова в Копривштице.
7. Дом в Бухаресте, где жил и работал Л. Каравелов.
8. Библиотека им. Л. Каравелова в Русе.
9. Могила Л. Каравелова в г. Русе.
10. Корабль «Любен Каравелов».

ПАТРИАРХ БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИВАН ВАЗОВ¹

Аннотация:

В статье говорится об Иване Вазове (1850–1921) патриархе болгарской литературы, поэте, прозаике, драматурге, одном из создателей современного болгарского литературного языка. Он являлся крупнейшей творческой фигурой эпохи болгарского Национального возрождения и нескольких последующих десятилетий, создателем первого болгарского романа «Под игом», одним из столпов болгарского национального театра. Вазов стал летописцем своей эпохи, по его произведениям можно изучать историю Болгарии, которая при жизни писателя сумела избавиться от пятивекового османского ига благодаря освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Это сделало его русофилом, за что он пострадал от болгарских властей, которые вскоре после освобождения страны заняли прозападную позицию. Творчество Вазова принадлежит не только болгарской, но и мировой литературе. Его произведения переведены на 52 иностранных языка.

Ключевые слова:

Энциклопедичность, патриарх, «летописец», «первопроходец», русофильство.

Abstract: M.G. SMOLYANINOVA “IVAN VAZOV: THE FATHER OF THE BULGARIAN LITERATURE”.

The article refers to Ivan Vazov (1850–1921), the Father of the Bulgarian literature, poet, novelist, playwright, one of the creators of the modern Bulgarian literary language. He was the chief creative figure of the Bulgarian national revival era and several subsequent decades, the creator of the first Bulgarian novel “Under the Yoke”, one of the pillars of the Bulgarian national theatre. Vazov became a chronicler of his era, thorough to his works it is possible to study the history of Bulgaria, which during the life of the writer, managed to throw off the five-century Ottoman yoke thanks to the Russian-Turkish liberation war 1877–1878. This made him a russophile, for which he suffered from the Bulgarian authorities, who soon after the liberation of the country took a pro-Western position. Vazov’s work belongs not only to Bulgarian literature, but also to world literature. His works have been translated into 52 foreign languages.

Keywords:

Ivan Vazov, Encyclopedia, literary chronicler, pioneer, Rusophilia, “Under the Yoke”.

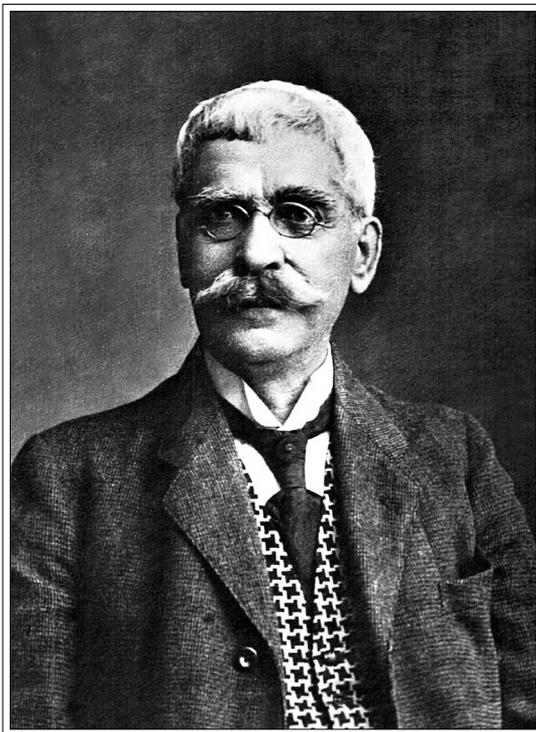
Иван Вазов (1850–1921) — крупнейшая творческая фигура в эпоху болгарского Национального возрождения и нескольких последующих десятилетий, патриарх болгарской литературы, классик, поэт, прозаик, драматург, один из создателей современного болгарского литературного языка. Его именем в Болгарии были названы города, улицы,

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

драматический театр в Софии, библиотеки и учебные заведения. Произведения Вазова переведены на 52 иностранных языка. Незадолго до смерти он был избран почетным доктором Софийского университета и почетным академиком Болгарской академии наук.

Будущий писатель родился в Сопоте в семье торговца, учился в школе родного города, а затем в гимназии г. Пловдива. В 25 лет он стал членом сопотского тайного Революционного комитета, ставившего целью освобождение Болгарии от османского ига. В 1876–1877 гг. Вазов жил в эмиграции в Румынии, где стал членом Болгарского благотворительного общества. Во время освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он служил в русской армии чиновником особых поручений, а после освобождения Болгарии от османского

Иван Вазов

игу жил в Пловдиве, являясь членом Постоянного комитета Областного собрания (1880–1885). За свое русофильство Вазов в период нахождения у власти премьера С. Стамболова подвергся преследованиям и был вынужден эмигрировать в Одессу (1887–1889). После возвращения на родину его в 90-е годы XIX в. дважды избирали в депутаты Народного собрания (болгарского Парламента), он также получил пост министра Просвещения (1897–1898).

Печататься Вазов начал с 1870 г., и быстро стал известным после публикации стихотворения «Сосна» и трёх поэтических сборников в Румынии в 70-е годы XIX в. Первый из сборников носил название «Знамя и гусли» и вышел в Бухаресте (1876). Стихотворения в нём отражали патриотический подъём болгарского народа на заключительном этапе национально-освободительной борьбы в канун и во время Апрельского восстания против турок в 1876 г. В них звучал призыв к свержению османской тирании и воспевались героизм и самопожертвование болгар, сражавшихся за независимость Болгарии («Свобода или смерть», «Знамя», «Мститель», «Радецкий»). Герои этих написанных в духе народных песен произведений — романтические «мстители» и патриоты, готовые умереть за свободу отчизны. Некоторые из них фактически сливаются с лирическим обликом самого

автора. Стихотворение «Бой разгорается», напечатанное под заглавием «Песнь панагюрских повстанцев», в период Апрельского восстания приобрело широкую популярность и пелось по всей Болгарии. Веру в скорое освобождение родины Вазов связывал с дорогой ему идеей общеславянского братства и надеждой на помощь России.

В поэтическом сборнике «Печали Болгарии» (1877) Вазов с болью и гневом осуждал зверства турок, которые после разгрома Апрельского восстания учинили резню болгар в Батаке, сожгли дотла многие города и сёла, убили тысячи болгарских детей, женщин и стариков. «Муки ада» и «Голгофа» — так поэт характеризовал жизнь своих соплеменников в турецкой неволе и призывал Россию прийти к ним на помощь. В стихотворении «Россия», написанном в ноябре 1876 г. за пять месяцев до начала русско-турецкой освободительной войны, Вазов называл Россию «святой» и говорил, что её пришествие болгары ожидают как явление Мессии. И Россия откликнулась на стон и призыв Болгарии: 12 апреля 1877 г. император Александр II объявил Турции войну. Ценой огромных человеческих жертв со стороны русского народа Болгария была избавлена от почти пятивекового турецкого ига.

В заключительном сборнике поэтической трилогии — «Избавление» (1878) выражались ликование болгарского народа и его признательность русским освободителям. В стихотворениях «Плевен пал», «Пушки загремели» и других Вазов славил русское оружие. Ряд стихотворений он посвятил членам императорской фамилии. В «Оде императору Александру II», написанной по случаю триумфального въезда царя в Бухарест в июне 1877 г., поэт в духе классицизма славит героя, идущего в бой не для завоевания Болгарии, а ради её освобождения. Он сравнивает русского императора с солнцем, излучающим надежду и испепеляющим рабские цепи. В отличие от торжественных и величавых од Вазова в честь императора и членов его семейства, его стихи о погибших русских солдатах наполнены болью и страданием.

В вазовских произведениях нашли отражение универсальные идеи христианства о добре и зле, христианской культуре и отношениях Бога и человека. Поэт веровал, что Освобождение Болгарии русскими воинами есть Божий промысел: он считал, что их послал болгарам сам Бог и называл их «рыцарями добра». Чтение произведений Вазова доставляет не только эстетическое наслаждение — они являются художественной летописью болгарской национальной истории.

После освобождения Болгарии от турецкого ига Вазов написал цикл коротких лирико-эпических поэм «Эпопея забытых» (1881–1884), посвященных деятелям эпохи Национального болгарского возрождения: Паисию Хилендарскому, Георгию Раковскому, братьям Миладиновым, Василу Левскому и другим. Этот цикл явился вершиной болгарской патриотической поэзии. В этот период поэт также написал поэмы «Громада» (1880), «Трайко и Риза» (1881), «Загорка» (1883), «В царстве русалок» (1884) и др.

В 1881 г. начался новый этап творчества Вазова, впервые выступившего в качестве прозаика. Первым его произведением в этом жанре было «Недавнее» — воспоминания об Апрельском восстании 1876 г. Но не забывал он и о поэзии, о чём говорят его поэтические сборники «Гүсли» (1881), «Поля и леса» (1884), «Италия» (1884) и «Сливница» (1886). В целом лирика Вазова отличается жанровым и тематическим разнообразием. Поэтические картины болгарской природы чередуются в этих сборниках с острой сатирой на современное общество. В 1889 г. вышел сборник «Песни скитальца», а годом позже — «Под нашим небом». Многие стихотворения в них посвящены трудной судьбе болгарского крестьянства.

Проза Вазова вначале опиралась на личные воспоминания о жизни болгар в последние годы турецкого ига. В первой своей повести «Митрофан и Дормидольский» (1881) писатель использовал свои юношеские впечатления о Берковице. А через четыре года вышла его повесть «Наша родня», в которой он с юмором изобразил жизнь, быт и нравы болгарской провинции накануне Освободительной войны. В эти же годы Вазов создал произведения, вошедшие в золотой фонд болгарской классики: повесть «Отверженные» (1883–1884) о болгарских эмигрантах в Румынии и первый болгарский роман «Под игом» (1889–1890). Этот роман стал знаменитым: он издавался в Болгарии при жизни писателя пять раз, был переведён на многие иностранные языки и стал заметным явлением не только болгарской, но и мировой литературы.

Вазов не использовал в романе исторические документы, и в нём нет образов конкретных исторических лиц. Тем не менее это произведение превратилось в правдивую летопись кульминационных событий эпохи Национального болгарского возрождения. Писатель показал, как из мирных болгар рождались борцы, готовые умереть за свободу отчизны. Роман «Под игом» представляет собой широкое эпическое полотно, запечатлевшее жизнь болгарского народа в последние годы рабства. Впервые в болгарской литературе народ был изображен как сознательная, движущая сила освободительного движения. Это произведение свидетельствовало о высоком художественном мастерстве писателя, умеющего насытить повседневность дыханием истории и передать дух революционной эпохи.

В 1890-е гг. внимание Вазова сосредоточилось на современности. В их начале он издал «Повести и рассказы» в трех томах, в середине — сборники рассказов и очерков «Царапины и пятна» в двух томах, а на рубеже веков — «Виденное и слышанное» (1901). В этой вазовской прозе с сочувствием изображена жизнь «маленьких людей» — простых тружеников, не отличающихся чем-нибудь особенным от остальных. Она положила начало жанру реалистического рассказа в болгарской литературе. Автор саркастически обличал в ней нравы нуворишей и различного рода проходимцев, устремившихся напролом к достижению своих корыстных целей («Эпоха рождает героев», «Гость — краснобай на казенном пиру», «Кардашев на охоте» и др.). В романе «Новая земля» (1896) Вазов воссоздал жизнь современной

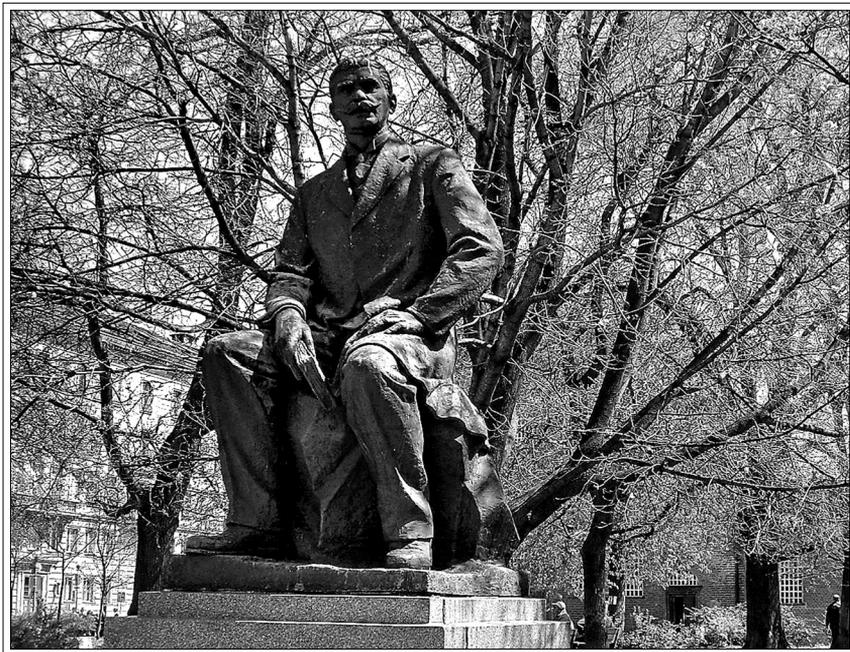
Болгарии, показал борьбу политических партий, сатирически изобразил нелюбимую болгарскую действительность конца XIX — начала XX вв.

Велика была роль Вазова и в создании национального театра. Он написал исторические драмы «К пропасти» (1908), «Борислав» (1909) «Ивайло» (1911) на сюжеты из жизни средневековой Болгарии, а также комедии «Кандидаты славы» (1901) и «Искатели тёплых местечек» (1903). Кроме того, Вазов превратил в пьесу повесть «Отверженные» (драма «Изгнанники», 1894), а его романы «Под иггом» и «Казаларская царица», были поставлены на сцене под своими названиями.

В своем творчестве Вазов откликнулся на все важнейшие события в стране. В сборнике «Под гром побед» (1914) он воспел героизм соотечественников во время первой победоносной для Болгарии Балканской войны 1912 г. А затем горько переживал поражение в разразившейся на следующий год Межсоюзнической войне. Естественно, что и Первая мировая война, в которой Болгария приняла участие, также нашла отражение в его поэзии. Стихотворения о ней вошли в вазовские поэтические сборники «Песни о Македонии» (1916), «Новые отзвуки» (1917), «Не погибнет!» (1919). Вазов создал поэтическую летопись, отразившую как победы болгарских воинов в Македонии, так и страдания болгарского населения в те военные годы. Цензура неоднократно запрещала произведения поэта о кровавом облике войны и призывами его к миру и взаимопониманию

*Дом-музей Ивана Вазова
в г. Сопот*

*Памятник Ивану Вазову
в Софии*

(«Вздохи», «Кошмар», «Когда?»). В 1916 г. Вазов создал яркое стихотворение «Мировая война», эпиграфом к которому служили слова чешского поэта Яна Врхлицкого: «Плачь, поэт!». Он скорбел о страданиях народов и потоках людской крови, проливаемой в мировой бойне.

Поэтические сборники Вазова о войне были не только летописью побед, поражений и страданий народа в мировой мясорубке, но и исповедью поэта, в которой он подводил итоги своего творческого пути («Дуб», «Мой путь», «Мои песни»). И это было объяснимо: ведь поэту шел седьмой десяток лет. Но он верил в то, что стихи переживут его самого, и оказался прав.

Многогранное творчество Вазова имело огромное значение для развития болгарской литературы. С одной стороны, писатель был продолжателем традиций культуры Национального болгарского возрождения, а с другой — создателем новых жанров, прокладывающих новые пути в литературе. Он творил во всех трёх литературных родах — эпосе, лирике и драме — и в каждом из них создавал шедевры. Вазов обогатил национальную литературу первым болгарским романом, расширил тематическое и жанровое многообразие национальной поэзии, утвердил жанр реалистического рассказа, обогатил литературный язык. Творчество Ивана Вазова принадлежит не только болгарской, но и мировой литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Велчев В. Иван Вазов. Жизнен и творчески път. София, 2005.

Цанева М. Патриархът: Етюди върху творчеството на Иван Вазов. София, 2000.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. *Мать писателя Сыба Вазова.*
2. *Дом-музей И. Вазова в Сопоте, где он родился.*
3. *Дом-музей Ивана Вазова в Берковице.*
4. *Роман писателя «Под игом». 2-е издание. София, 1904.*
5. *Иван Вазов в рабочем кабинете собственного дома на ул. Г. Раковского в Софии. 1895 г.*
6. *Дом-музей И. Вазова в Софии на ул. Г. Раковского.*
7. *Муза писателя Евгения Марс (1877–1945).*
8. *Иван Вазов. Фото последних лет жизни.*
9. *Могила И. Вазова близ церкви св. Софии. Валун для его могилы привезли с г. Витоша, где он любил прогуливаться.*
10. *Памятник Ивану Вазову в Софии.*
11. *Национальный драматический театр им. И. Вазова в Софии.*
12. *Сочинения Ивана Вазова в 6 томах в русском переводе. М., 1956 г.*

Юлия Анатольевна
СОЗИНА

СЛОВЕНСКИЙ КЛАССИК ИВАН ЦАНКАР¹

Аннотация:

В статье речь идет о классике национальной литературы Иване Цанкаре (1876–1918) — писателе, драматурге, публицисте и критике, являвшемся центральной фигурой «словенского модерна». Он сумел синтезировать в своем творчестве достижения различных литературно-эстетических течений и создать отмеченный печатью таланта свой высокохудожественный литературный мир, образы которого в дальнейшем укоренились во многих произведениях словенской литературы.

Ключевые слова:

Словенская литература, классик, проза, драматургия, «словенский модерн», «свободный художник», психологизм, социальный протест.

Abstract: J. A. SOZINA “THE SLOVENIAN CLASSICIST IVAN TSANKAR”

The article talks about the classical creator of national literature, Ivan Tsankar (slov. Ivan Cankar, 1876–1918), a writer, playwright, publicist and critic, who was the central figure of “Slovenian modernism”. He was able to synthesize in his work the achievements of various literary and aesthetic movements and created his highly artistic literary world, whose images were later rooted in many works of Slovenian literature.

Keywords:

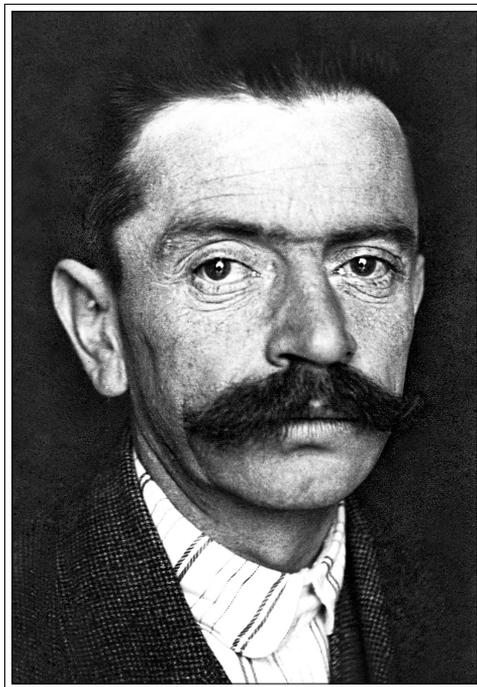
Slovenian literature, classic, prose, dramaturgy, “Slovenian modernism”, “free artist”, psychologism, social protest.

Иван Цанкар (10.05.1876, Врхника — 11.12.1918, Любляна) — классик словенской литературы, чье творчество остается ключевым к пониманию словенского национального характера и его нравственного императива. Прозаик, драматург, публицист и критик, центральная фигура «словенского модерна», синтезировавший в собственном творчестве достижения различных литературно-эстетических течений, передовых для рубежа XIX–XX вв., и создавший свой узнаваемый, отмеченный глубиной чувства, искренностью, неизменной социальной ответственностью и высочайшей эстетической чистотой литературный мир. Его образ Матери — самоотверженной и всепрощающей — идеал чистой любви, нашел продолжение и укоренился во многих произведениях словенской литературы XX в. И другие психологические образы-портреты, ситуативные зарисовки межличностных отношений сохраняют актуальность, выйдя за пространственно-временные рамки и приобретя общечеловеческое звучание.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Автор 30 книг (три из них опубликованы после кончины), в том числе 9 романов («Чужие» / «Tujci», 1902; «На крутой дороге» / «Na klanacu», 1903; «Обитель Марии Заступницы» / «Hiša Marije Pomocnice», 1904; «Крест на горе» / «Križ na gori», 1905; «Мартин Качур» / «Martin Kačur», 1905; «Нина» / «Nina», 1906; «Марта» / «Marta», 1907; «Новая жизнь» / «Novo življenje», 1908; «Милан и Милена» / «Milan in Milena», 1913), целого ряда повестей и сборников малой прозы, блистательный драматург и комедиограф; в начале творческого пути выступил и как поэт. Первой серьезной публикацией стал выход 1 ноября 1893 г. в центральном либеральном литературном журнале «Люблянский колокол» / «Ljubljanski zvon» баллады «Иван Кациянар» / «Ivan Kasijanar», подписанной псевдонимом Трошан / Trošan. К этому

Иван Цанкар

времени Иван Цанкар — выходец из многодетной семьи (восьмой ребенок из 12; мать воспитывала их одна, отец уехал на заработки), закончивший школу с отличием и потому получивший поддержку городской общины — уже студент Люблянского реального училища, член тайного литературно-политического кружка «Задруга» / «Zadruga» («Объединение»), близко знаком с будущим цветом «словенского модерна» Драгоотином Кетте (1876–1899), Йосипом Мурном (1879–1901) и Отоном Жупанчичем (1878–1949); среди его преподавателей — известный словенский литературовед, эссеист Франц Левец (1846–1916); уже показал себя как тонко чувствующий и смелый критик — с 17 лет публиковал свои заметки в профессиональной периодике.

В октябре 1896 г. Цанкар отправился изучать инженерное дело в Венский университет, но уже через месяц решил перевестись на славистику и романистику, из-за чего лишился персональной стипендии. Верный своему призванию молодой человек теперь мог рассчитывать только на себя — и на свое перо. В марте 1897 г. он вынужден был вернуться на родину; в сентябре умерла его мать; какое-то время он гостил у отца и сестры в Пуле; затем, в 1898 г., вновь отправился в Вену, где много и плодотворно писал, неизменно оставаясь «свободным художником». Венский период, продолжавшийся вплоть до 1909 г., оказался весьма плодотворным для писателя. В столице империи было создано большинство его крупных произведений. В целом же следует отметить склонность Цанкара к емкой

концентрированности малых жанров. Покинув столицу, в 1909 г. писатель сначала переехал в Сараево к брату-священнику, но позднее окончательно обосновался в Любляне.

Цанкар — первый словенский профессиональный писатель. Благодаря стараниям друзей ему не раз предлагали занять ту или иную должность, которая принесла бы ему стабильность и финансовую уверенность в завтрашнем дне, но он неизменно стойко отказывался от предложений, осознавая и высоко ценя свой дар и свою независимость. Вместе с тем он брался практически за любую работу, связанную с писательством. Его жизненным кредо оставались требовательность художника к самому себе, верность своему внутреннему чувству, интуиции, свобода от всяческих догм (в том числе социально-политических и также национальной идей), откровенность с самим собой. Осознавая свой дар творца, Цанкар никогда не переставал быть человеком — с ошибками, сомнениями, пристрастиями.

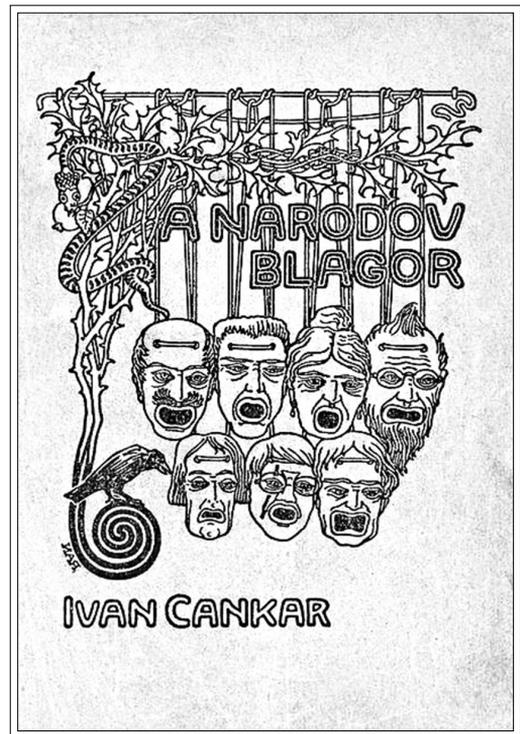
Его первый и, как оказалось, единственный поэтический сборник «Эротика» / «Erotika», который вышел в 1899 г. в Любляне, вместе с «Чашей упоения» / «Čaša orožnosti» Жупанчича ознаменовал начало «словенского модерна». Однако семьсот книг из тысячного тиража «Эротики», которую мы с позиций сегодняшнего дня назвали бы «невинными фантазиями неопытного юноши, лишь вступающего в жизнь», были выкуплены и публично сожжены по приказу люблянского епископа Антона Бонавентуры Еглича (1850–1937). В 1902 г. поэт издал сборник с некоторыми изменениями еще раз — эта публикация была одновременно и политическим жестом, и прощанием с лирикой. Существует мнение, будто бы Цанкар чувствовал, что его поэтический талант не столь легок и совершенен как у его близкого друга, Жупанчича. Вместе с тем некоторые стихотворения сборника остаются признанными вершинами словенской поэзии того времени. Практически все представители «словенского модерна» были увлечены русской литературой. У Цанкара это отразилось даже в имени: данное родителями исходное «Янез» стало «Иваном»; в его становлении как художника значимую роль сыграли Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский. Впрочем, наряду с русскими классиками следует также упомянуть Фридриха Ницше, Генриха Ибсена, Оскара Уайльда, Мориса Митерлинка и ряд других гигантов всемирной культуры.

Цанкар никогда не терял связи с национальной традицией, как продолжая, так и споря с ней. То же самое относится и к фольклору: в его творчестве нередко звучат мифологические мотивы. Среди которых одним из излюбленных является легенда о короле Матьяже. Особую роль в его произведениях играет психологизм. Одним из основополагающих жизненных начал Цанкара является ощущение (мотив) несбыточной мечты, страстного желания чего-то ускользающего, стремления к неведомому. В словенском языке у этого явления есть особое название «hrepenejše», не имеющее, однако, аналога в языке русском. По ощущению это можно сравнить с постоянной, но так и не исполненной мечтой чеховских трех сестер из

одноименной пьесы отправиться в Москву. Возможно, именно это ощущение в свое время заставило остро чувствующего, безусловно одаренного, бескомпромиссного молодого человека целиком и полностью посвятить себя литературе.

Очень скоро лирику у писателя полностью вытеснила проза жизни, воспринимаемая им с болью и неизменным протестом против превалирующего духовного убожества, перерабатываемая им глубоко прочувствованно, философски, иногда сатирически и превращаемая в литературу высокого социального и общечеловеческого звучания. Вместе с тем его считают вторым после Франце Прешерна (1800–1849) крупнейшим словенским художником слова. Благодаря ему словенские проза и драма вышли на качественно иной уровень, не уступающий общеевропейским канонам.

В национальной драматургии Иван Цанкар создал первые образцы понастоящему психологической («Холопы» / «Hlapci», 1910) и социальной драмы, комедии. То же самое можно сказать и о фарсе («Соблазн в долине св. Флориана» / «Pohujšanje v dolini šentflorjanski», 1907) и поэтической драме («Красавица Вида» / «Lepa Vida», 1911). Цанкар расширил тематические горизонты национальной драматургии, поднимая в ней насущные социальные проблемы и психологические нравственные вопросы эпохи. Он заставил ее решать задачи, которые являлись основными для европейской драмы со времен античности. Комедия «На благо народа» / «Za narodov blagor» (1900), например, представляет собой острую политическую сатиру, до сих пор не сходящую с театральных подмостков. В основе сюжета — раскол внутри политической партии: два новоявленных лидера (представители разных поколений) пытаются всеми способами снискать расположение влиятельного, а главное — богатого человека, который оказывается гораздо умнее, чем о нем думают, но для которого важнее всего собственное спокойствие. Вместе с тем в комедии ощутимо влияние гоголевского «Ревизора». Лучшей социально-политической драмой

Обложка комедии
«На благо народа».
1900 г.

Обложка люблянского издания повести
«Батрак Ерней и его правда».
1907 г.

Ивана Цанкара считается «Король Бетайновы» / «Kralj na Betajnovi» (1902), где «хозяевам жизни» противостоит новый герой — интеллигент, в чьем образе сливаются чувства необходимости противления и одновременно обреченности.

В прозе Цанкар проявил еще большее новаторство, переведя ракурс художественного видения целиком в сферу субъективного, личного мировосприятия. Это позволило национальной литературе избавиться от объективного описания быта и подняться над элементарным реалистическим подобием. Благодаря Цанкару, как писал литературовед Я. Кос, литература смогла «стать средством для воплощения идей, жизненных настроений и устремлений — от самых интимных до подчеркнуто социальных и национальных». Писатель впервые затронул проблематику внутреннего мира художника и его взаимоотношения с окружающим миром и обще-

ством. Он вскрыл жизненную трагедию всех «униженных и оскорбленных» — рабочих, батраков, обездоленных, убогих и больных и в первую очередь — детей; и все это в широчайшем социальном и нравственном контексте.

Цанкар оставил большое наследие и в публицистике, литературной критике и эссе, где уже напрямую говорил о болезнях современного общества и возможных путях их решения, этической проблематике и эстетических веяниях, тем самым выражая не только собственные духовно-нравственные искания, но и своих современников.

Цанкар — это крик боли и несогласия Человека с большой буквы. Будучи сверхчувствительным к любой несправедливости, художник невероятно строг и к самому себе, к своей полной противоречий сущности. Его «Чашка кофе» — лаконичный рассказ о любящей заботе матери и его сыновней неблагодарной черствости — высочайший образец художественной лаконичности и человеческого стремления к нравственной чистоте (первая публикация в журнале «Люблянки колокол», 1910, № 7).

В 1907 г. Цанкар баллотировался от Социально-демократической партии в нижнюю палату Рейхсрата, или парламента «австрийской» части империи. Именно в это время вышла его знаменитая повесть, которую автор считал одним из лучших своих произведений — «Батрак Ерней и его право». Здесь зияет пропасть между законом и природной людской правдой. Около 40 лет батрак Ерней трудился ради процветания семьи Стритаров, которую считал своей. Но после смерти старого хозяина он потерял все, а все его попытки получить хотя бы часть того, что было создано его потом и кровью, оказываются безрезультатными. Правды нигде не сыскать — ни в Бетайнове, ни в Любляне, ни в Вене. Отчаявшись Ерней сжигает усадьбу и сам погибает в огне.

Несмотря на неудачу на выборах, писатель продолжал общественно-политическую деятельность, выступая и читая лекции в разных городах, особенно после вспыхнувшего в очередной раз пожара Балканских войн (1912 и 1913). В 1914 г. за высказывания в защиту объединения всех южных славян в единое федеративное государство он был обвинен в «сербофильстве» и подвергнут кратковременному аресту. В ноябре следующего года его призвали в армию, но сравнительно быстро отпустили домой по болезни. Первая мировая война, ввергнувшая человечество в хаос, глубоко переживалась художником. Его размышления о происходящем и возможности будущего воплотились в сборнике «Видения», или «Образы из сновидений» / «Podobe iz sanj» (Любляна, 1917), который он считал своей лучшей книгой. В конце октября 1918 г. писатель после неудачного падения и полученного им сотрясения мозга, не успев оправиться, заболел гриппом, который перерос в воспаление легких. 11 декабря Иван Цанкар скончался. Ныне он покоится в общей «Усыпальнице поэтов словенского модерна» на люблянском кладбище «Жалы» рядом с друзьями своей молодости — Драгоотином Кетте, Йосипом Мурном и Отоном Жупанчиком.

Произведения классика словенской литературы Ивана Цанкара переведены на многие языки мира. Из русских переводчиков, чей вклад в популяризацию его творчества в России наиболее важен, следует отметить Янко Лаврина (1887–1986), благодаря которому имя писателя зазвучало у нас еще в 1908 г., и Майю Ильиничну Рыжову (1927–2017), в конце своего пути посвятившей себя переводам его прозы и опубликовавшей в Санкт-Петербурге целый ряд книг. Собрания сочинений Ивана Цанкара на русском языке до сих пор не существует.

ЛИТЕРАТУРА

- Bernik F.* Ivan Cankar. Maribor, 2006. 538 s.
- Dolar J.* Slovenska moderna. Pričevanja o njenem sprejemanju in o literarnem ozračju ob njenem nastopu. Ljubljana, 1977. 145 s.
- Dovič M.* Slovenski pisatelj. Ljubljana, 2007. S. 143–159.
- Glušič H.* Sto slovenskih pripovednikov. Ljubljana, 1996. S. 28–29.
- Kos J.* Pregled slovenskega slovstva. Ljubljana, 1974. S. 213–246.
- Kraigher A.* Ivan Cankar: študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj. 2 knj. Ljubljana, 1954–1958. 739, 759 s.
- Vidmar J.* Literarne kritike. Ljubljana, 1951. S. 134–193.
- Бодрова А.Г.* Автобиографическая проза Ивана Цанкара. СПб., 2010.
- Рыжова М.И.* Словенская литература // История литератур западных и южных славян. Т. III. М., 2001. С. 281–309.
- Савин Л. [Лаврин Я.]* Портреты словенских писателей: Иванъ Цанкаръ // Славянскій міръ. 1911. № 1. С. 12–17; № 2–3. С. 19–26; № 4–5. С. 61–62.
- Цанкар И.* Моя жизнь / Пер. со словен. М.И. Рыжовой; предисл. А.Г. Бодровой [с. 7–29]. СПб., 2016. С. 128.
- Чепелевская Т.И.* Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении. М.; СПб., 2013. 304 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Иван Цанкар. 1915.
2. И. Цанкар. Батрак Ерней и его право. Обложка. 1907.
3. И. Цанкар. На благо народа. Обложка.
4. Врхника. Дом, в котором родился И. Цанкар.
5. Вид Любляны. 1894.
6. Вена начала XX века.
7. Усыпальница поэтов словенского модерна.
8. Erotika. Обложка. 1899.
9. «Видения». Рукопись сборника И. Цанкара. 1917.
10. И. Цанкар. Мартин Качур. Рукопись.

ЭДВАРД КОЦБЕК — «СОВЕСТЬ» СВОЕЙ ЭПОХИ¹

Аннотация:

Статья посвящена словенскому писателю Эдварду Коцбеку (1904–1981) — писателю, занимавшему видное место в истории национальной литературы и политической жизни страны. Активная гражданская и демократическая позиция Коцбека привела его к конфликту с коммунистической властью и принудительной отправке на пенсию с целью ограничить его влияние в тогдашнем словенском обществе. Но эти меры оказались безуспешными — он был личностью большого масштаба и оставил глубокий след как в истории словенской литературы, так и в эпопее борьбы демократической интеллигенции против тоталитаризма.

Ключевые слова:

Словенская литература, католическое направление, персонализм, диссидентство.

Abstract: J.A. SOZINA “EDVARD KOTSBEK: THE CONSCIENCE OF THE AGE”.

The article is dedicated to the Slovenian modernist, Edvard Kotsbek (slov. Edvard Kocbek, 1904–1981), a writer who occupied a prominent place in the history of the national literature and political life of the country. Kotsbek's active civil and democratic position led him to conflict with communist power and forced retirement in order to limit his influence on Slovenian society. But these measures were unsuccessful: he was a person of great prominence and left a deep trail both on the history of Slovenian literature and on the epic of the struggle of democratic intellectuals against totalitarianism.

Keywords:

Slovenian literature, Catholic direction, personalism, dissidence.

Эдвард Коцбек (1904–1981) — словенский поэт, эссеист, политик и общественный деятель, представитель младо-католического литературного направления, «совесть своей эпохи», диссидент. Он первый публично заговорил о тайных массовых расстрелах в Словении после окончания Второй мировой войны. Его единственный сборник новелл «Страх и мужество» (*Strah in pogum*, 1951) опередил общее развитие национальной прозы.

Коцбек родился в местечке Видем (Горнья-Радгона) в семье органиста, по окончании классической гимназии в Мариборе в 1925 г. изучал богословие и стал участником христианско-социалистического движения, затем перевелся на романскую филологию на философском факультете

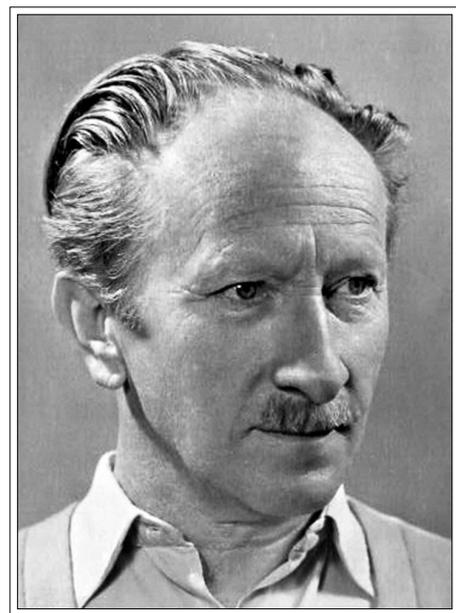
¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Люблянского университета и слушал лекции в Берлине. Еще будучи гимназистом, Коцбек опубликовал свои первые стихотворения в гимназической газете «Сторожевые огни» / *Stražnji ognji* (1924). А в студенческие годы он был главным редактором вестника католической молодежи «Крест» / *Križ* и печатал свои произведения в одном из центральных литературных журналов католической ориентации «Дом и мир» / *Dom in svet* (1929). По завершении учебы в 1930 г. в Любляне Коцбек работал учителем и продолжал писать.

В статьях и публичных выступлениях молодой писатель выражал свое критическое отношение к существующему капиталистическому укладу, утверждая, что экономическая доктрина марксизма не противоречит христианству и что оба учения схожи в понимании вечности и истории. Вместе с тем Коцбек был убежден, что новое общество нуждается не в тоталитаризме, а в плюрализме.

В 1932 г. Коцбек продолжил учебу в Лионе и Париже, познакомившись с персонализмом, этика и экзистенциальность которого повлияли на его дальнейшее творчество. В течение многих лет он поддерживал связь с Эммануэлем Мунье (1905–1950) — ведущим представителем французского персонализма.

До начала Второй мировой войны, у Коцбека вышел всего один поэтический сборник «Земля» / *Zemlja* (1934). Стихи в нем носили христианско-экзистенциальный характер: главными мотивами в них являлись Земля, Бог и Смерть. Эту книгу специалисты оценили как один из самых значительных поэтических сборников межвоенного двадцатилетия в Словении. Благодаря ей и своим эссе писатель постепенно превратился в одного из виднейших представителей младокатолического направления в словенской литературе.

Эдвард Коцбек

В 1937 г. Коцбек в одной из своих статей открыто поддержал испанский революционный лагерь и осудил католические круги за правые взгляды. Осуждение им фашизма разделили многие христианские социалисты и католические публицисты. Он учредил ежемесячник по экономике, культуре и политике «Дело» / *Dejanje* (1938–1941), став его главным редактором. На страницах этого журнала и других изданий он выступал против клерикализации христианства и за творческое отношение к жизни каждой свободной

и этически ответственной личности. Статьи писателя «Словенская политика» / *Slovenska politika* (ноябрь 1939) и «Словенцы и политика» / *Slovenci in politika* (1940) считаются лучшими работами того времени по словенскому национальному вопросу.

После начала Первой мировой войны и создания организации ОФ (Освободительный фронт) Коцбек сразу же вошел в состав ее Исполнительного комитета от христианской группы и вел активную антифашистскую пропаганду в оккупированной Любляне в своих статьях и выступлениях по нелегальной радиостанции «Крикун» / *Kričac*. Весной 1942 г. он ушел в партизаны и к концу года стал словенским заместителем председателя Исполнительного комитета Антифашистского совета народного освобождения Югославии, одновременно издавая католический вестник ОФ «Словенская революция» / *Slovenska revolucija*. С марта 1945 по февраль 1946 г. Коцбек был министром по делам Словении в правительстве Демократической Федеративной Югославии, а с весны 1946 г. — заместителем председателя Президиума Народного собрания Народной республики Словении и Центрального комитета ОФ. Его политическая карьера, однако, прервалась после выступления на Втором конгрессе ОФ в апреле 1951 г., где Коцбек открыто выразил свое несогласие с политическим курсом, проводимым руководством страны, обвинив то в волюнтаризме, недемократичности и идейной узости. Масло в огонь подлил и упомянутый выше сборник новелл «Страх и мужество». В феврале 1952 г. Коцбека отправили на пенсию и начали травить его как писателя и человека.

Сборник писателя «Страх и мужество» состоит из четырех новелл, в каждой из которых обрисована пограничная экстремальная ситуация. Их герои должны решиться на трудный выбор, от которого зависят человеческие жизни. В новеллах отразились сомнения человека, ищущего ответы на сложные вопросы человеческого бытия и пытающегося осознать истинный смысл жизни. Одновременно они говорили о готовности писателя перешагнуть через все идеологические условности и донести до современников правду о народно-освободительной борьбе, расходящуюся с ее официальной трактовкой. Писатель показал трагический, братоубийственный раскол общества и воплотил в книге все то, что он передумал и прочувствовал как поэт и христианин. Неординарность подхода Эдварда Коцбека к событиям недавнего героического прошлого вызвали непонимание в верхах и политическую бурю, хотя писатель не сомневался в правильности и исторической необходимости партизанского движения во время минувшей войны.

Историческая достоверность для Коцбека была важна в новеллах гораздо меньше, чем истинность чувств, ощущений и впечатлений его героев. Они трактовались писателем в более глубоком жизненном и философском плане. В послевоенной словенской литературе это была первая попытка постижения внутренней тайны человека. Лейтмотивом сборника стал поиск человечности в условиях войны. Большая роль в новеллах отводится

интертекстуальности — обилию отсылок к общеевропейским и словенским музыкальным и литературным шедеврам широкого хронологического диапазона. Они призваны подчеркнуть универсальность и неразрешимость проблем героя, его исконные духовность и гуманизм и служат выражением эмоционального напряжения человека, который переполнен внутренними противоречивыми ощущениями.

По Коцбеку, человек отличается от истории уже потому, что он древнее ее. Следуя своей сути, человек должен стремиться к добру и ограничивать зло даже при необходимости подчиниться внешним обстоятельствам. В сборнике «Страх и мужество» автор с большой искренностью создал поэтический образ человеческой экзистенции, полной конфликтов и противоречий. Она отмечена свободой и ответственностью, которая определяется физической смертью и духовным бессмертием. Уже после смерти писателя известный словенский режиссер Матьяж Клопчич (1934–2005) на основе заключительной новеллы сборника — «Черная орхидея» / *Črna orbideja* снял в 1989 г. одноименный художественный фильм по сценарию знаменитого словенского писателя Андрея Хинга.

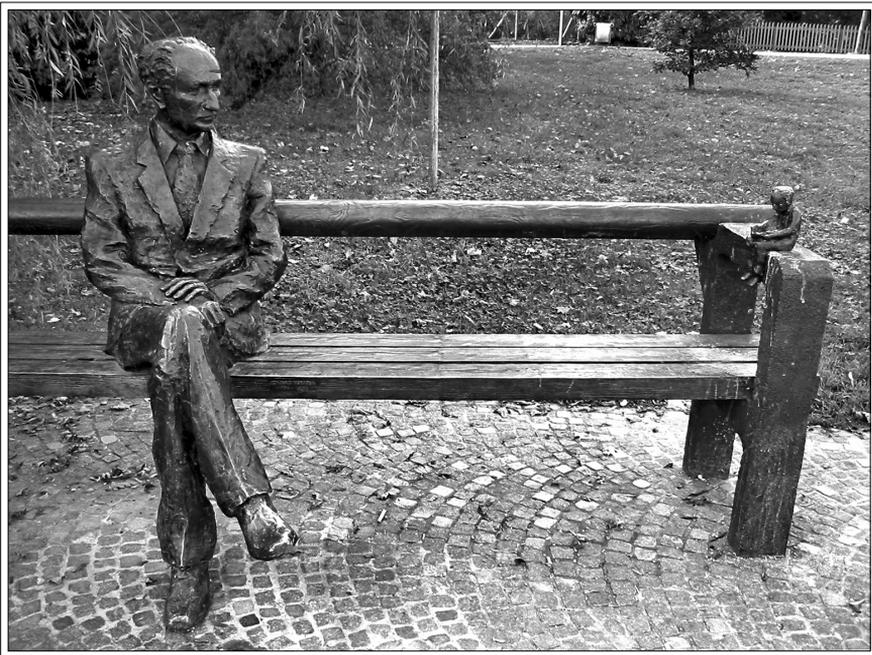
До начала 1960-х гг. власти старались изолировать Коцбека от политической и культурной жизни страны, установив за ним постоянную слежку. Но он продолжал творить: переводил произведения Бальзака, Мопассана, Мериме, М. Фриша, Сент-Экзюпери. Кроме того, писатель тайно сотрудничал с католическим журналом «Новый путь» / *Nova pot*. С 1961 г. он вновь начал публиковаться в журналах «Перспективы» / *Perspektive* и «Современность» / *Sodobnost*. Через два года вышел второй поэтический сборник Коцбека «Ужас» / «Groza», принесший ему премию им. Франце Прешерна. А в 1969-м — и третий его поэтический сборник «Сообщение» / *Poročilo*.

В 1975 г. в приграничном итальянском г. Триесте журнал «Залив» опубликовал отдельным выпуском интервью писателя «Эдвард Коцбек — Свидетель нашего времени». В нем писатель рассказал о тайном массовом истреблении «домобранцев» в Кочевском Роге после окончания Второй мировой войны. Они бежали в соседнюю Австрию, но союзные британские войска выдали их новой словенской власти, после чего без суда и следствия было расстреляно около 12 тысяч человек, в том числе и семьи интернированных. Эти тщательно скрывавшиеся новой властью факты вызвали в словенском обществе настоящий шок. Слова писателя отозвались во всей стране и за рубежом. За это Коцбека подвергли домашнему аресту и публичной травле. От суда его спасла только защита зарубежных коллег и заступничество нобелевского лауреата, немецкого писателя Генриха Белля. В 1976 г. стихи поэта напечатал журнал «Континент» — русское эмигрантское издание в Париже.

Через год вышел очередной поэтический сборник Коцбека «Избранные стихотворения» / *Izbrani pesmi*, куда вошли произведения разных лет, включая и «партизанские» циклы «Пентаграмма», «Пеклю» и «Невеста в черном» / *Pentagram, Žerjavica, Nevesta v črnem*.

В основе поэзии Коцбека лежит метафизическое отношение к личному и историческому миру человека. Преобладающими в нем является лирическая рефлексия общественных катаклизмов и осознание сложности и неоднозначности исторических ситуаций. Вместе с тем поэт был уверен, что ход истории не может управлять свободным и ответственным человеком в его экзистенциальной реальности. Стихотворения поэта связаны с так называемой «транс-историчностью» человека и его метафизической безграничностью, которую возможно передать лишь языком поэзии.

Большую ценность представляют дневники писателя, часть которых была опубликована еще при его жизни. Книги «Товарищество» / *Tovarišija* (1949) и «Документ» / *Listina* (1967) охватывают период с мая 1942 по декабрь 1943 гг. и считаются наиболее достоверными свидетельствами о словенской Народно-освободительной борьбе и ее лидерах. Они представляют собой сплав фактов о политических и военных событиях, впечатлений их участников, авторских диалогов и дискуссий с товарищами, писем, личных наблюдений, философских рассуждений и лирических отступлений. Выборка из довоенных дневников Коцбека представлена в книге «Перед бурей» / *Pred viharjem* (1980). А путевые заметки писателя частично вошли в книгу «Круги вовнутрь» / *Krogi navznoter* (1977). Наиболее полно, хотя и не целиком, дневники писателя были изданы отдельной серией в 2000–2004 гг.

Памятник Эдварду Коцбеку
в Тиволи (Любляна)

Эссе Коцбека явили собой новую веху в развитии эссеистического жанра в Словении. В сборнике «Современные мыслители» / *Sodobni misleci* (1981) писатель представил портреты христианских мыслителей и теологов: Кьеркегора, Пеги, Мунье, Тейяра де Шардена и других. Эссеистика Коцбека была разноплановой, она отзывалась на злобу дня и была рефлексивной. Сборники эссе писателя выходили на протяжении 30 лет с 1940 по 1972 г. Лучшие эссе Коцбека вошли в книгу «Свобода и необходимость» / *Svoboda in nujnost* (1974).

В словенской послевоенной литературе, особенно в 1960-е — 1970-е гг., фигура Коцбека являлась одной из центральных. Его этические и эстетические принципы оказали влияние не только на молодых литераторов, но и таких разноплановых, самобытных художников слова, как Драго Янчар, Йоже Сной, Томаж Шаламун и др. Именем поэта названы улицы в Любляне, где он умер, и г. Целье. К столетию со дня рождения поэта ему был установлен памятник. Его произведения были переведены на многие европейские языки.

ЛИТЕРАТУРА

Inkret A. In stoletje bo zardelo: Kocbek, življenje in delo. Ljubljana, 2011.
Omerza I. Edvard Kocbek: osebni dosje št. 584. Ljubljana, 2010.
 Zbornik o Edvardu Kocbeku: Globoko zgodaj. Ljubljana, 2005.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Эдвард Коцбек. 1930 г.
2. Памятник Э. Коцбеку в Тиволи. Любляна. Скульптор Боштъян Дриновец. 2004 г.
3. Обложка сборника Э. Коцбека «Страх и мужество» / *Strah in pogum*. 1951 г.
4. Приходская церковь в Видеме.
5. Обложка вестника католической молодежи «Крест» / *Križ*. Октябрь — ноябрь 1928 г.
6. Вид Берлина. 1920-е годы.
7. Обложка журнала «Дом и Мир» / *Dom in svet*. Январь — февраль 1929 г.
8. Ночной Париж. Брассаи. 1932 г.
9. Размышление об Испании / *Razmišljevanje o Španiji*. Страница журнала «Дом и мир» / *Dom in svet*. Апрель 1937 г.
10. «Эдвард Коцбек — свидетель нашего времени». Журнал «Залив». 1975. Факсимиле 2013 г. (Борис Пахор — Алойз Ребула).

Анатолий Аркадьевич
ТУРИЛОВ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ САВВЫ, АРХИЕПИСКОПА СЕРБСКОГО (ОК. 1175–1235)¹

Аннотация:

В статье освещается биография Саввы Сербского, создателя сербской автокефальной церкви, духовного пастыря и просветителя своего народа. Отвергнув соблазны светской власти, которая должна была ему достаться по наследству от отца — правителя Сербии Стефана Немани, юноша тайно бежал на Афон, принял постриг и со временем стал одним из крупнейших религиозных деятелей на Балканах. Савва выступил как переводчик и писатель, создатель первого для сербов свода церковных и светских законов и дипломат, способный решать сложнейшие политические конфликты.

Ключевые слова:

Сербия, Афон, сербская церковь, агиография, гимнография, переводы с греческого.

Abstract: A.A. TURILOV “MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF ST. SAVA, THE ARCHBISHOP OF SERBIA (1175?–1235)”.

The article covers the biography of St. Sava of Serbia, creator of the Serbian autocephalous church, spiritual shepherd and educator of his people. Having rejected the temptations of secular power that he should have been inherited from his father, the ruler of Serbia, Stefan Nemanja, the young man secretly fled to Athos, was tonsured and eventually became one of the greatest religious figures in the Balkans. Sava acted as an interpreter and writer, the creator of the first body of church and secular laws for the Serbs and a diplomat capable of solving the most complex political conflicts.

Keywords:

Serbia, Athos, Serbian church, hagiography, hymnography, translations from Greek.

Ранней осенью 1191 г. к стенам русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне после многодневного изнурительного пути прискакал небольшой кавалерийский отряд. Монастырь в ту пору располагался не на берегу моря, как сейчас, а примерно в часе ходьбы от современной обители, на пологом склоне (там, где ныне скит Старый Русик, где мало что

---

¹ К сожалению, эта интересная статья не вошла в корпус статей, предназначенных для виртуального Музея Славянских Культур по нескольким причинам: а) превышение допустимого объема; б) чрезмерная подробность изложения биографии Саввы при одновременной скудности данных об оставленном им письменном наследии; в) полное отсутствие сведений о культе подвижника и распространенности его сочинений среди восточных славян; г) отсутствие списка литературы и перечня иллюстраций; д) многократное невыполнение автором своих обещаний о сроках предоставления своей статьи редколлегии. Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004).

сохранилось от древности). Приезжие воины спешили и прошли внутрь обители. Здесь они с явным облегчением увидели, что человек, из-за которого они буквально день и ночь гнали коней, пока еще облачен в богатую мирскую одежду. Это сильно упрощало задачу отряда. Хотя прибывшие были людьми решительными и для исполнения воли пославшего их государя готовы на крайние меры, однако насильственный увоз со Святой горы монаха, принявшего здесь постриг, едва ли встретил бы понимание не только на самом Афоне, но и у греческих властей в Салониках и Константинополе, оказывавших до сих пор всемерное содействие в розыске и задержании беглеца. Пока же сохранялся шанс уладить дело миром.

Виновником скандальной ситуации, приобретшей международный характер, был шестнадцатилетний третий сын верховного правителя (великого жупана) Сербии Растимир, которого по молодости лет все еще уменьшительно называли Растко. Незадолго до описываемых событий (погоня настигла его так скоро, что он еще не успел пройти искус послушничества) юный княжич под влиянием долгих бесед с афонскими монахами (один из которых был русским), пришедшими ко двору его отца Стефана Немани за милостыней, принял решение оставить мир и стать отшельником на Святой Горе. Отчетливо сознавая, что его искренний горячий порыв не встретит понимания родителей, Растко отпросился у отца на многодневную охоту в горные леса в компании сверстников, а сам отправился с монахами на Афон. Благочестивый обман вполне удался юноше, и он выиграл время — во всяком случае, погоня (в посылке которой он не сомневался) не настигла его в пути.

Обе стороны хотели бы уладить дело миром, но цели их были прямо противоположны. Растко хотел остаться и постричься, дружинники должны были во что бы то ни стало доставить блудного сына под отчий кров. Юноша, чье решение было твердым, вынужден был вновь прибегнуть к обману, на словах согласившись вернуться. В честь прибывших устроили пир, на котором гостям прислуживал сам княжич, а затем (день был субботний) началась воскресная всенощная служба. Уставшие с дороги и расслабленные застольем воины не выдержали длительного богослужения и уснули прямо в храме, в пристенных креслах-стасидиях (на Балканах службу в церкви слушают стоя и сидя попеременно). Растко воспользовался этим и поднялся с игуменом в маленькую церковь на верху пирга (крепостная башня-донжон — непременный атрибут древних афонских монастырей), где и был совершен постриг. Когда на рассвете воины проснулись и бросились искать княжича по всей обители, раздавая по пути инокам тумачи и затрешины, перемежаемые угрозами, было уже поздно. Растко Неманича больше не существовало, вместо него появился монах Савва, принявший это имя в честь одного из родоначальников монашества в Палестине — Саввы Освященного (V–VI вв.). Новопостриженный инок сбросил воеводе с башни символический подарок родителям — свое мирское платье и срезанные пряди длинных волос. Эту поистине картинную сцену любили потом изо-

бражать иконописцы — как сербские, так и русские. В Старом (Нагорном) Русике посетителю и сегодня покажут место, где все это происходило, правда, с существенной топографической погрешностью. Древнего пирга, стоявшего к востоку от собора, давно уже нет, его роль для доверчивых туристов и паломников исполняет уцелевшая юго-восточная башенка.

Посланцы, кляня свое невезение и бессердечие княжича, вернулись восвояси. По счастью, наказания они не понесли. Великий жупан смирился с самовольным поступком младшего сына, хотя он сильно менял планы Немани на будущее детей. Наибольшие последствия отъезд младшего брата имел для второго сына правителя — Стефана, которому отец прочил первоначально духовную карьеру. Его женили на византийской принцессе, племяннице императора, которая первоначально, возможно, предназначалась в жены именно Растко. В знак прощения Саввы в приютившую его обитель из Сербии были посланы богатые дары. Слава о нем сразу разнеслась по всему Афону и за его пределами — столь необычным был жизненный выбор юноши.

В русском монастыре Савва прожил около года. У него и в будущем сохранились добрые отношения с обителью, но он явно смотрел на свою жизнь там как на подготовительный этап к грядущим монашеским подвигам, место, где говорят на понятном языке и где в то же время можно изучить интернациональный язык Афона — греческий. По прошествии времени молодой инок переселился на северо-восточное побережье Святой Горы, в одну из древнейших и крупнейших обителей полуострова — греческий монастырь Ватопед. Живя здесь, он обошел весь Афон, посетил всех самых прославленных подвижников. Увидев воочию иноческие подвиги «земных ангелов», Савва со всей пылкостью молодости хотел последовать их примеру, но ему не позволил этого игумен. По его убеждению, молодой инок должен был прежде научиться послушанию и привыкнуть к жизни в монастырской общине с ее строгой иерархией и четким распределением обязанностей. И Савва стал учеником прославленного в Ватопеде старца Макария. Его послушание состояло в том, что он летом и зимой, в любую погоду разносил испеченный в монастыре хлеб всем отшельникам, жившим в пространных владениях обители. Эта работа требовала не только больших усилий (и в этом смысле была рассчитана именно на молодого человека), но и была откровенно небезопасна. Не из-за хищных зверей — волков на Афоне не было до 1960-х гг., а из-за разбойников, составлявших почти неотъемлемую часть святогорского пейзажа и на суше, и на море. От них нередко не спасали и монастырские стены. Савва был свидетелем того, как пираты захватили приморский монастырь Эсфигмен и продали его братию и ненужную им часть имущества другой обители — Великой Лавре. Так эсфигменцы избежали неволи, но покупатели, в возмещение затрат потребовали с них выкуп и претендовали на земельные владения. Неизвестно, чем закончилось бы дело, если бы Савва не заплатил лаврянам «долг» Эсфигмена из своих средств. Сам он дважды — на суше и на море —

попадал в руки разбойников, но оба раза чудом спасся. Конечно, его жизни опасность не угрожала, но выкуп за него — узнай они, кто он — несомненно, потребовали бы царский.

За повседневными заботами об отшельниках Савва не забывал и о другом. Он в совершенстве овладел греческим языком (и разговорным и литературным), и это вскоре помогло ему в занятиях переводами. Отец продолжал присылать ему большие средства, и он тратил их на милостыню нищим и на благоустройство Ватопеда — построил три храма и высокие («двокровные и троекровные») жилые корпуса для братии и паломников. Эти благодеяния (вместе с памятным всем выкупом эсфигменцев) еще больше способствовали популярности молодого инока на Афоне, где он воспринимался не только как ватопедский монах, но и как вполне самостоятельный бескорыстный попечитель.

Такая относительно беззаботная жизнь рядового (в правовом, а не в имущественном смысле) инока длилась для Саввы сравнительно недолго. В 1196 г. его отец, великий жупан Стефан Неманя, отрекся от престола в пользу второго сына Стефана и принял постриг под именем Симеона в основанном им монастыре-«задужбине» (т.е. построенном «по душе») Студеница. Узнав об этом, младший сын пригласил отца-инока присоединиться к нему на Афоне. Тот, поразмыслив, согласился и в 1197 г. прибыл в Ватопед с многочисленной свитой вельмож, желавших проводить своего вчерашнего владыку. Он был сердечно встречен Саввой и предельно торжественно монастырскими властями. Здесь он произвел богатые вклады и был принят в число братии.

Обосновавшись на новом месте, Симеон отправился в странствие по святым местам Афона, а Савва сопровождал его в качестве своеобразного гида и (как, несмотря на молодость, человек более опытный) наставника в монашеской жизни. На Святую гору буквально пролился дождь жертвований, соизмеримых с царскими: отец и сын были внесены в помянники всех монастырей и крупных скитов. Больше всего пришлось, разумеется, на долю Ватопеда, где Савва удостоился почетного звания «второго ктитора» (первым был византийский император). Но игумен и братия, не довольствуясь этим, направили Савву в Константинополь с прошением к императору Алексию III Ангелу (тестю его брата Стефана) даровать обители запустевший от пиратских набегов соседний монастырь Хиландарь, ктитором которого также был византийский василевс. Посольство имело успех, император выдал Ватопеду грамоту на право такого владения. При возвращении Савва был встречен как триумфатор.

И здесь отец поделился с сыном давней заботой. Он положил жизнь на создание сербской державы, превратив разрозненные княжества, зависимые от Византии, в единое сильное государство. Для полного успеха нужна была самостоятельная сербская церковь, но добиться согласия императора и патриарха на ее создание Немане не удалось. Афон давал шанс нескорого, но реального движения к намеченной цели. Создание

здесь сербского монастыря — наряду с существовавшими греческими, грузинским Ивером, латинским Амальфинским, русским Пантелеймоновым и болгарским Зографом — ставило Сербию в один ряд со странами, имевшими национальные церкви.

Желание Симеона и Саввы основать сербский монастырь нашло понимание у церковных властей Афона, включая прота — своеобразного президента этой средневековой «монашеской республики». В какой-то мере эта поддержка была вызвана желанием других обителей ограничить непомерно усилившееся влияние и рост владений Ватопеда. Император откликнулся на просьбу святогорцев в июне 1198 г. новой грамотой, которой он передал Хиландарь вместе с соседней заброшенной обителью Милея под опеку своих сербских свойственников. В том же году возникло малое братство новой обители. Во главе ее Симеон и Савва по праву ктиторов поставили игумена Митрофана. Симеон при поддержке сына Стефана даровал монастырю владения в Сербии. Савва дал ему устав, переведя с греческого и частично переработав типик константинопольского монастыря Богородицы Евергетиссы, в котором он жил при посещении столицы Византии. От брата из Сербии поступили денежные средства, и в обители закипело строительство. Так начался сербский период в истории Хиландаря, быстро ставшего духовным и культурным сердцем Сербии, несмотря на удаленность от ее границ.

13 февраля 1199 г. умер старец Симеон. С его кончиной страна обрела первого национального святого, а заботы о монастыре и будущем сербской церкви легли на плечи Саввы. Сын написал первое житие отца, осветив в нем в основном монашеский период жизни родителя, и службу ему, изначальный текст которой до нас, возможно, не дошел. Так были заложены основы средневековой сербской литературы, в которой и позднее жития и службы занимали главное место.

В 1204 г. Савву рукоположили в архимандриты (священником он стал еще ранее). А примерно три года спустя он надолго покинул Святую Гору, забрав с собой в Сербию мироточивые мощи отца. Причин для отъезда было несколько. Весной 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь, образовалась Латинская империя, будущее афонских монастырей, отошедших к Фессалоникийскому королевству, было неясным и тревожным. Но существовали и внутрисербские причины: в стране еще в 1202 г. вспыхнула династическая война. Старший сын Немани Вукан, в нарушение завещания отца отнял власть у Стефана, опираясь на венгерскую помощь, и стал великим жупаном. Только в конце 1204 или в начале 1205 г. Стефану удалось вернуть престол. Савва старался примирить братьев и в конечном итоге это ему удалось. В качестве залога мира и единения он привез в Сербию мощи отца и поместил их в «задужбине» Симеона, обители Студеница, и стал ее игуменом. Исподволь он продолжает подготовку к созданию независимой сербской церкви и занятия литературной деятельностью — пишет для Студеницы новый устав на основе хиландарского, куда включает отдельной

главой житие отца. Сан архимандрита вместе с поддержкой братьев позволяет ему занять главенствующее положение среди настоятелей сербских обителей. Отдельной сербской церкви еще нет, но все монастыри страны уже объединены под властью представителя правящей династии.

В Сербии Савва провел 10 лет. Его новый отъезд на Афон был вызван несогласием с церковной политикой брата. Великий жупан Стефан, стремясь достичь формального равноправия с соседним государями, обратился к папе Римскому с просьбой прислать ему королевскую корону, признавая себя взамен вассалом апостольского престола. Прибывший из Рима легат венчал Стефана на королевство. Савва справедливо увидел в этом измену заветам отца и удалился в купленную еще раньше келью в столице Афона Карее (на Святой Горе это слово могло означать (как в данном случае) не только комнату, но и маленький монастырек), поставив для Студеницы нового игумена.

Но разрыв между братьями был непродолжителен, вскоре их вновь объединили государственные интересы Сербии. В 1219 г. Савва был поставлен в архиепископы автокефальной сербской церкви. Это произошло в малоазийской Никее — столице одного из трех православных государств, претендовавших на преемственность от Византии. На родину он вернулся в новом качестве, посетив по пути Афон и Салоники. Теперь церковно-политическая программа Стефана Немани усилиями его сыновей была полностью реализована. В знак примирения с братом Савва избрал для своей резиденции «задужбину» Стефана — монастырь Жича, где он и совершил повторную, православную коронацию правителя, вошедшего в историю с прозвищем Первовенчаный. В Сербии была организована сеть епископских кафедр, на которые глава церкви поставил своих учеников. Центрами епархий стали не города (которых в тогдашней Сербии было очень мало). В основу богослужебной практики сербской церкви был положен переведенный Саввой еще за 20 лет до этого Евергетидский устав. Чтобы подчеркнуть самостоятельность новой церкви, глава ее организовал перевод на славянский язык Номоканона — собрания правил, установленных апостолами, церковными соборами и отцами Церкви и снабженных толкованиями крупнейших византийских канонистов. К этой работе Савва, вероятно, привлек и знакомых ему по Афону русских монахов. Русь с XI по конец XII в. была единственной страной, где церковнославянский язык свободно функционировал и развивался, поэтому русский его вариант пользовался у южных славян авторитетом. Этот перевод Номоканона, известный под именем Святосавской Кормчей, уже в XIII в. получил известность у всех православных славян (а позднее и в румынских землях) и составил основу позднейших памятников русского церковного права.

В особенности возросло влияние Саввы после смерти брата-короля (1223), в правление его сыновей — Радослава и Владислава, для которых дядя служил двойным авторитетом: как старший в роду и глава церкви. Житийная легенда гласит, что при коронации Радослава архиепископ явил чудо, воскресив умершего брата, который собственноручно возложил

венец на голову сына-преемника. После воцарения племянника Савва отправился в давно желанное паломничество по святым местам Палестины, попутно налаживая международные связи новой автокефальной церкви.

В поколении внуков Стефана Немани, как и во время его сыновей, возникло соперничество между братьями. Второй из братьев, Владислав, опираясь на поддержку тестя, болгарского царя Иоанна Асена II, который после победы над греческим правителем Эпира в 1230 г. стал сильнейшим государем на Балканах, сверг Радослава (женатого на эпирской принцессе) и занял королевский престол (ок. 1233–1234). Савва не мог одобрять подобных действий, но еще больше он не желал новой междоусобицы в Сербии и иностранного вторжения. Поэтому он уговорил Радослава признать сложившийся порядок вещей и короновал Владислава. Ближайшее будущее показало государственную мудрость этого поступка архиепископа. Вскоре после его смерти на Европу обрушилось татарское нашествие (1241). Кочевники, осевшие затем на нижнем Дунае, на десятилетия стали реальной угрозой для Балкан, однако Сербия, почти 40 лет не ведшая крупных войн, обладала достаточными силами для отражения набегов.

После коронации Владислава Савва принимает решение сложить с себя архиепископский сан и вернуться на Афон. Он еще не стар (хотя по средневековым меркам и не молод), но считает свою церковную миссию исполненной. Своим преемником на кафедре он оставляет любимого ученика Арсения. От этого времени сохранились его прижизненные портреты на фресках монастырей Милешево и Жича. С них глядит умное волевое лицо, которое — если отвлечься от облачения и гуменца на макушке — равно может принадлежать и правителю, и аскету-отшельнику. Перед тем как окончательно уединиться на Афоне, Савва отбыл во второе паломничество по святым местам Ближнего Востока. На сей раз он посетил не только Палестину, но и Египет с Синаем.

На родину из этого путешествия Савва не вернулся. Его обратный путь лежал через Болгарию, где он с большим почетом был встречен в Тырнове тестем своего племянника, царем Иоанном Асеном II и патриархом Иоакимом, который, как и Савва, долгое время был монахом на Афоне. В столице Болгарии архиепископ разболелся и умер 12 января 1235 г. Его торжественно погребли в царском монастыре Свв. 40 мучеников. Царь увидел в этой кончине знамение свыше. О Савве еще при жизни ходили легенды как о чудотворце, и не было сомнений в его канонизации после кончины. Цари из династии Асенов привозили в свою столицу мощи святых из всех удачных военных походов, а здесь (о чудо!) святой сам пришел в Тырново и упокоился в нем.

Царь и патриарх не хотели расставаться с новообретенной реликвией. Лишь через год король Владислав упросил тестя «отпустить» останки дяди на родину. Король сам участвовал вместе с епископами в этом перенесении, сопровождая гробницу Саввы от стен Тырнова до монастыря Милешево, где архиепископ обрел последнее пристанище.

КНЯЗЬ ЛАЗАРЬ СТАНОВИТСЯ ПРАВИТЕЛЕМ СЕРБИИ

(Материалы к музейной статье
о святом Лазаре Сербском)¹

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос вхождении во власть сербского феодала Лазаря Хребеляновича (ок. 1320–1389). Не имея высокого «царственного» происхождения, он после прерыва линии правящей династии Неманичей сумел стать во главе Сербии и благополучно управлять ею на протяжении почти двух десятилетий в качестве князя. Лазарь проявил себя талантливым дипломатом, хорошим хозяйственником и собирателем сербских земель, но политический и экономический подъем Сербии был прерван неудачной для сербов битвой с турками на Косовом поле в 1389 г. В ее результате страна оказалась обескровленной и утратила значительную часть своего политического суверенитета. А погибший на Косовом поле князь Лазарь был провозглашен святым мучеником и превратился в заметную фигуру сербской литературы и фольклора.

Ключевые слова:

Сербия, правитель князь Лазарь, его деятельность и гибель в битве на Косовом поле в 1389 г.

Abstract: A.A. TURILOV “PRINCE LAZARUS BECOMES THE RULER OF SERBIA (MATERIALS FOR MUSEUM ARTICLE ON THE ST. LAZARUS OF SERBIA)”.

The article is dedicated to the Serbian Prince Lazarus, who ruled Serbia from 1371 until his death in the battle with the Turks in 1389 on Kosovo Field. It traces the origin of the Prince and circumstances favorable to Lazarus entry into power, analyzes his political, diplomatic, military and economic activities.

Keywords:

Serbia, 14th century, Prince Lazarus, Turkish invasion, battle on Kosovo Field, the death of the Prince and the country decline.

---

¹ К сожалению, эта присланная автором, сама по себе интересная, статья по своему содержанию больше подходит для какой-либо исторической энциклопедии, а не для виртуального Музея Славянских Культур, в котором акцент ставится на письменном славянском культурном наследии. О последнем автор лишь вскользь упоминает в двух строках в конце своей статьи. По этой причине редколлегия сборника отклонила рассматриваемый материал в качестве «музейной» статьи, но сочла возможной его публикацию в данном выпуске. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Декабрьским днем 1371 г. в царских палатах в Призрене, на юге Косова поля, случилось то, что в Сербии ждали уже давно. Умер Стефан Урош — второй и последний сербский царь (до этого правители Сербии титуловались королями («крялями»), а после князьями — «кнезами»). И впервые за 200 лет существования сербской державы под властью династии Немничей престол остался без наследника — царь был бездетен. Правда, далеко на юге, в греческой Фессалии, жил и правил двоюродный брат царя Иоанн (тоже носивший второе тронное имя Урош). Но он не имел ни сил, ни желания предъявлять претензии на вакантный трон, словно воля к власти этого поколения Немничей была авансом израсходована их воинственными отцами.

Тем не менее желавших заполучить наследство покойного Уроша было более, чем достаточно. Смерть царя послужила сигналом к борьбе за верховную власть в Сербии. За 15 лет правления Урош прочно зарекомендовал себя правителем, который не вмешивается даже в свои внутренние дела. Он не удержал в руках власть над империей, созданной его отцом — Стефаном Душаном — и простиравшейся от Дуная до Коринфского залива. В народной памяти Урош — в отличие от отца остался как «бессильный» или «некрепкий» («неяки» — по-сербски). Реальная власть в стране, рассыпавшейся, по словам греческих современников, «на тысячу кусков», перешла к вельможам («великашам»). Формально они признавали верховенство царя, но всеми силами стремились закрепить за собой и расширить владения, данные им в управление. Новые правители были придворными царей Душана и Уроша, людьми по средневековым меркам безродными — мало кто из них мог проследить свою генеалогию дальше деда. Карьеру они делали благодаря личным качествам и успехам на военном и административном поприще. Какое-то время казалось, что к власти мирно и довольно законно придет новая династия. Еще в 1366 г. Урош, оставаясь царем, передал бразды правления одному из своих вельмож — Вукашину Мрнявчичу — даровав ему королевский титул (ставший в сербском царстве принадлежностью наследника престола). Помимо собственных сил, у Вукашина была мощная дополнительная поддержка. Его брат, деспот (в византийском мире это слово означало лишь высокий титул, не имея отношения к форме правления и личным качествам его носителя) Угleshа был одним из сильнейших наследников Душана, правившим в Юго-Восточной Македонии. Но успешному продолжению правления Вукашина помешало катастрофическое военное поражение. Угleshа с тревогой следил за военными успехами турок-османов, в 1345 г. появившихся на Балканах из Малой Азии и методично завоевывавших византийские и болгарские владения. Братья собрали большое войско, чтобы встретить мусульман на их территории и нанести им упреждающий удар (а в случае успеха отбросить в Азию). Но случилось то, чего не ждали. За два с небольшим месяца до смерти Уроша сербское войско было наголову разбито на реке Марице десятикратно меньшими турецкими силами. Братья-правители пали в битве.

Наследник Вукашина Марк — легендарный Марко-королевич балканского фольклора — остался королем без войска и, следовательно, без королевства. Даже правители, признававшие главенство Вукашина, не считали нужным подчиняться его сыну. Смерть Уроша избавила великашей даже от тени моральных обязательств. На повестку дня встал вопрос: сможет ли кто-то объединить Сербию хотя бы в границах этнической территории (вдвое меньше царства Душана), или же она превратится в разрозненные княжества, зависимые сильным соседям. Ответ последовал с севера, из Крушеваца на реке Мораве, где правил князь Лазарь Хребелянович.

До самой смерти царя Уроша об этом человеке мало что известно. Из-за общей скудости надежных известий биографию вершителей судеб сербского народа можно начертить разве что пунктиром. В свое беспокойное время они больше заботились о насущном дне, чем об увековечении памяти. Точнее, о последнем они тоже пеклись, но не в словесной форме, а строительством монастырей и храмов — «задужбин», возводившихся «по душе» их еще при жизни. Предполагают, что родился князь Лазарь ок. 1320 г., т.е. к моменту смерти Уроша он был по средневековым меркам почти что старцем. Его отец Прибец был логофетом (главой канцелярии) Стефана Душана еще в бытность того наследником престола и владел городком Прилепец на р. Южная Морава. Вероятно, должность отца определила многое в судьбе сына. Он с юных лет был на виду при королевском (а затем царском) дворе и, видимо, унаследовал отцовскую должность. Кажется, по натуре Лазарь был больше администратором и политиком, чем воином, хотя для того времени разграничивать эти сферы весьма затруднительно.

Владения Лазаря с трех сторон граничили с гораздо более сильными соседями: на севере Венгрия, на западе Босния, на востоке два болгарских

*Развалины
Крушевацкой крепости*

царства — Видинское и Тырновское. Князю удавалось поддерживать мирные отношения, внутренняя деятельность правителя в его уделе была нешумной, но, судя по результатам, эффективной. Лазарь наживал рудничное дело в своих землях, приглашая немецких колонистов рудокопов. Сербия была в то время одним из главных поставщиков монетного серебра в Европе. А серебро было необходимо для создания и поддержания в боевой готовности основного политического аргумента — тяжелой кавалерии рыцарского типа (но кольчужной, а не панцирной). Имелась у Лазаря и артиллерия. О внимании князя к войску напоминает его герб — рогатый рыцарский шлем с маской и оплечьем.

Видимо, еще в последние годы жизни Душана (и, возможно, не без его помощи) Лазарь весьма удачно женился. Его жена Милица происходила из рода Неманичей, хотя ее родство с царями было весьма дальним. Она происходила из старшей ветви рода, отстраненной от верховной власти еще в начале XIII в., но в условиях пресечения династии этот брак придавал претензиям Лазаря известную долю легитимности. Из того, что известно о княгине за время ее вдовства (1389–1405), когда она почти 10 лет была регентшей при малолетних сыновьях, можно заключить, что княгиня Милица (монахиня Евгения) была умной женщиной с несомненными задатками государственного деятеля.

Брак Лазаря и Милицы был многодетен — 5 дочерей и трое сыновей, появившихся поздно (старший — Стефан — ок. 1377 г.). Дочери в эпоху династических браков были бесценным товаром и залогом при политических союзах. Старшая дочь Мара вышла замуж за основного вассала и союзника Лазаря — Вука Бранковича, владевшего Косовым полем и северной Македонией. Вторая, Мария — за Александра, сына тырновского царя Иоанна Шишмана, Третья, Деспина, за венгерского палатина (высший придворный чин) Николая Горянского. Четвертая, Елена, за сербского правителя северной Албании Георгия Балшича. Младшая Оливера при жизни отца по возрасту оставалась незамужней².

Брачные союзы дочерей Лазаря были в общем удачны. При заключении такие браки служили обычно ближайшим политическим целям. В случае с Сербией 1371–1373 гг.: военному союзу для борьбы за наследие царя Уроша. С помощью Вука Бранковича князь Лазарь «выдавил» слабого в военном отношении короля Марка из сербских земель в Македонию. Сохранив титул, Марко перестал быть значительной политической фигурой и в 1377 г. стал вассалом султана.

Лазарь тем временем продолжал расширять державу. Он признал верховенство венгерского короля, заручился его поддержкой и в союзе с пра-

² Здесь автор исправил свою ошибку в статье о Лазаре Сербском в Православной Энциклопедии, где утверждается, что князь Лазарь выдал свою дочь за турецкого султана. См. Турилов А.А. Лазарь мч. // Православная Энциклопедия. М., 1997. Т. XXXIX. С. 670. На самом деле она была выдана княгиней Милицей за султана Баязида уже после гибели князя Лазаря на Косовом поле в 1389 г. Это было одним из условий при заключении с турками тяжелого для Сербии мира. — *прим. редактора.*

вителем Боснии Твртком и зятем Вуком обрушился на воинственного Николу Алтомановича, владевшего западной Сербией и тоже претендовавшего на верховную власть в стране, а победив — ослепил его. Большую часть земель побежденного, богатых серебряными рудниками, союзники поделили между собой. К концу 1370-х гг. князь Лазарь отвоевал северо-восточную Сербию, прилегающую к Дунаю, и объединил большую часть сербских земель — в границах современной страны к югу от этой реки. Другие владетели — его зятя — признавали первенство Лазаря.

Заняв главенствующее положение среди сербских правителей, Лазарь не принял ни царского, ни даже королевского титула, скромно именуясь князем. Возможно, это проистекало из условий союза с Венгрией и Боснией, где правили короли. Но он присоединил к своему имени второе — Стефан (тронное имя пресекшейся династии Неманичей) и именовал себя в грамотах «самодержавным господином сербов» и «самодержцем Сербской земли». И это не было пустой похвальбой: Лазарь мыслил общесербскими масштабами и поступал соответственно.

Еще не достигнув вершин власти, в 1375 г. князь занялся примирением сербской церкви со вселенским патриархом в Константинополе. Начало конфликта, как и многое в сербской истории XIV в., уходило во времена Душана. Приняв в 1345 г. царский титул, Стефан Душан самовольно провозгласил сербского архиепископа патриархом, нарушив законные права Константинополя. Церковное общение двух православных стран на долгие годы оказалось прерванным. Лазарь отправил в Константинополь для переговоров посольство, включив в него опытного дипломата, афонского инок Исайю. Переговоры прошли успешно, поскольку поводы для столкновений уже ушли в прошлое, речь шла лишь об отказе от формальных претензий. Мир в Церкви был восстановлен, а вселенский патриарх признал право на этот титул для внутреннего пользования за главой сербской церкви. В его лице князь Лазарь обрел важного и могущественного союзника.

Годы правления Лазаря были для Сербии годами экономического подъема и культурного расцвета. В истории сербской культуры эпоху князя Лазаря и его преемников принято называть «моравской», по главной реке княжества, правому притоку Дуная. В это время возникает особый архитектурный стиль, строятся высокие храмы с полукруглыми апсидами-капеллами с севера и юга. Строителей по традиции приглашали из католической Далмации, но облик храмов определяли скорее не мастера, а заказчики. Сам Лазарь построил собор в своей столице Крушеваце, посвятив его первомученику Стефану (небесному покровителю династии Неманичей), и монастыри в Велудже и Раванице. Внутри храмы украшались изысканными фресками, красотой росписей особо отличалась «задужбина» Лазаря в Раванице (стенописный портрет князя здесь сильно пострадал).

Подчеркнуто соблюдая верность традициям Неманичей, Лазарь богато одаривал монастыри Афона, в особенности Хиландар, главный монастырь Сербии, волею судеб основанный за пределами страны. Не был обойден

его заботой и русский Пантелеймонов монастырь. Большинство его братьев в ту пору составляли сербы, а настоятелем был «примиритель церквей», старец Исая.

Но князю Лазарю не суждено было мирно умереть, хотя его возраст приближался уже к 70 годам. Турецкое завоевание Балкан, вскоре после битвы на Марице прерванное внутренними усобицами османов, к концу 1370-х гг. возобновилось, хотя не сразу подошло к границам Сербии. Однако в 1380-х гг. оно вплотную подошло к владениям Лазаря. Два турецких похода на запад не увенчались успехом — один раз их разбили боснийцы, второй — сербы. Но в долгой, изнурительной и переменчивой битве на Косовом поле 15 июня 1389 г. союзное христианское войско потерпело поражение. Раненый старый князь попал в плен к османам и был казнен над телом своего противника — султана Мурада, убитого Милошем Обиличем.

Тело князя было выкуплено родственниками и с почестями погребено недалеко от поля боя — в соборе Приштины, столицы зятя Лазаря, Вука Бранковича. Год спустя вдова и сыновья перенесли останки в монастырь Нова Павловица, а оттуда в мавзолей в Раванице. Год или два спустя после гибели Лазарь был канонизирован как мученик. В этом он тоже уподобился Неманичам, большинство из которых было причислено к лику святых. Но Лазарь был единственным сербским правителем, павшим на поле боя, и сразу занял почетное место среди национальных святых.

Ни об одном из сербских государей не написано такого числа житий (9) и похвальных слов (8), как о Лазаре. Память о нем сохранилась и в песнях о Косовской битве, многие из которых по главному герою именуются «лазарицами». В фольклоре он устойчиво фигурирует как царь Сербии.

Марина Михайловна
ФРОЛОВА

ПЕРВАЯ
МОСКОВСКАЯ БЕСПЛАТНАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА И ЕЕ СОЗДАТЕЛЬ
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ЧЕРТКОВ*

Аннотация:

В статье рассматривается история создания известным историком, нумизматом, славистом А.Д. Чертковым уникального книжного и рукописного собрания, которое впоследствии стало первой в Москве бесплатной частной библиотекой. Обращается особое внимание на возникновение у Черткова любви к книге, библиофильству и появление замысла — собрать в библиотеке все сочинения и на всех языках о России. Интерес к истории и культуре славян отразился не только в научном творчестве ученого, но и на составе его коллекции, в которую вошли книги на славянских языках. Раскрывается вклад Черткова в книжную культуру России.

Ключевые слова:

А.Д. Чертков, книжная культура России, Чертковская библиотека, М.П. Погодин, Г.А. Чертков, П.И. Бартечев.

Abstract: M.M. FROLOVA “THE FIRST MOSCOW FREE PUBLIC LIBRARY AND ITS CREATOR ALEXANDER D. CHERTKOV”.

The article deals with the history of the creation of a unique book and manuscript collection by the famous historian, numismatist and Slavist, A.D. Chertkov. The collection later became the first free private library in Moscow. Special attention is paid to the rise of Chertkov's love of books and bibliophilia, the emergence of the idea to collect all the works in the library in all languages about Russia. Interest in the history and culture of the Slavs was reflected not only in his academic work, but also in the composition of his collection, which included books in Slavic languages. The article reveals the contribution of Chertkov to the book culture of Russia.

Keywords:

A.D. Chertkov, book culture of Russia, Chertkov Library, M.P. Pogodin, G.A. Chertkov, P.I. Bartenev.

Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858) вошел в историю исторической науки России как талантливый нумизмат, библиограф, археолог, славист, этрусковед, собиратель уникальной библиотеки, которая славилась своими книжными и рукописными сокровищами и которую современники по праву называли знаменитой. Он избирался вице-президентом (1836–1848 гг.) и председателем Императорского общества

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

истории и древностей российских (1848–1857 гг.). На статской службе Чертков достиг чина тайного советника (1851), многократно занимал должность по выборам московского уездного предводителя дворянства (1836–1844 гг.) и губернского предводителя московского дворянства (1844–1855 гг.).

Любовь Черткова к книге и вкус к библиофильству шли из семьи: в библиотеке сохранились издания с владельческими надписями его деда, генерал-губернатора Воронежской, Харьковской и Саратовской губерний, генерал-поручика В.А. Черткова (1726–1793) и отца Д.В. Черткова (1758–1831), губернского предводителя воронежского дворянства. В библиотеку Александра Дмитриевича влилось и значительное число печатных и рукописных книг на русском, польском, немецком и латинском языках XVII–XVIII вв., собранных тремя поколениями острогожских полковников Тевяшовых, дедом и прадедами по материнской линии. Они увлекались далекими от воинского дела теорией и искусством красноречия, польской поэзией. Состав библиотеки Тевяшовых обнаруживает прекрасное образование и высокую культуру чтения их владельцев¹.

А.Д. Чертков получил превосходное домашнее образование. Одним из его наставников был одаренный педагог Г.П. Успенский (1765–1820), ставший в 1805 г. первым профессором русской истории в Харьковском университете. Он внушал своим ученикам мысли о том, что «каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего Отечества, нежели других государств», «ибо не знать особенностей, которые отличают его от других стран, все равно, как быть в самой Отчизне своей иностранцем»². Эти идеи Чертков впоследствии вполне воплотил в своей научной деятельности.

Самая ранняя владельческая надпись А.Д. Черткова датируется 1799 г., когда 10-летний мальчик написал свое имя на обороте верхней переплетной крышки книги И.Ф. Литхена «Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все Российския слова по порядку Российского алфавита» (СПб., 1762). Служба в лейб-гвардии Конном полку (1809–1822 гг.), участие в Заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг.

*Александр Дмитриевич
Чертков.*

Художник П.Ф. Соколов.
Конец 1830-х гг.

только укрепили его трепетное отношение к книге. В своих походных тетрадях 1813–1814 гг. Чертков всегда отмечал наличие в городах и населенных пунктах Западной Европы библиотек и книжных магазинов. Книжное собрание Черткова особенно пополнилось в Париже, где в лавках букинистов на набережных он дешево купил много книг. На возвратном пути в Россию Чертков заехал в Потсдам и посетил дворец Сан-Суси Фридриха II Великого (1712–1786). В памяти русского офицера остались библиотека, содержащая произведения лучших французских авторов того времени, и его прекрасная картинная галерея³. За кампанию 1813–1814 гг. Чертков был награжден за храбрость орденом Св. Анны 3-й степени, Кульмским крестом, орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и медалью за взятие Парижа.

Войны с Наполеоном и особенно Заграничные походы разбудили в русском обществе небывалый интерес к истории России. Процесс самообразования гвардейских офицеров подразумевал культивирование полезного чтения. Чертков также углубился в исследования исторического прошлого своего отечества, а его библиотека стала наполняться книгами и редкими рукописями.

В 1817 г. на страницах журнала «Сын отечества» член-корреспондент Императорской Академии наук историк Ф.П. Аделунг опубликовал «Предложение об учреждении русского национального музея», в состав которого входила бы и библиотека. И она, по мнению автора, должна была заключать в себе «сколь возможно полное, систематическим порядком расположенное собрание всех книг, напечатанных на русском и иностранных языках о России». Аделунг считал, что воплощение в жизнь замысла такой библиотеки под силу только государству⁴. Подобным же образом полагал развивать Императорскую публичную библиотеку в Санкт-Петербурге и ее директор, почетный член Императорской Академии наук А.Н. Оленин, высказав свое намерение в частном письме еще в декабре 1815 г. Однако реально в этом направлении было сделано мало⁵. (Только барон М.А. Корф, вступив в конце 1849 г. в управление Императорской публичной библиотекой, стал собирать книги о России на всех языках мира.)

Этот масштабный проект захватил А.Д. Черткова. Несомненно, именно эти идеи отразились в предисловии к каталогу «Всеобщая библиотека России» (М., 1838), в котором Чертков сообщал, что возымел «патриотическую мысль составить такую библиотеку, в которой бы находились все пособия для изучения нашего Отечества в самом широком смысле»⁶. До А.Д. Черткова никто не приступал к осуществлению подобного грандиозного предприятия. Однако поколение Черткова, по праву названное в литературе лучшим дворянским поколением, приняв участие в величайших событиях, стало смотреть на себя «как на действующих лиц истории» и чувствовало себя преобразователем российской действительности, обретая сознание «собственного величия»⁷. И А.Д. Чертков, в соответствии с «духом времени», взялся за создание подобной библиотеки собственными силами. Впрочем,

план комплектации библиотеки книгами только для изучения России был скоро нарушен, поскольку стали приобретаться издания, посвященные славянским народам, и книги славянских авторов.

Чертковская библиотека уникальна не только по составу своих книжных и рукописных фондов, но и потому, что Чертков привлек к ее комплектованию не только комиссионеров и книгопродавцев, но и сам неустомимо разыскивал книги и рукописи по книжным развалам, в книжных магазинах как в России, так и в странах Западной Европы. Из заграничного путешествия в 1823–1825 гг. он привез в Россию очень редкую «Глаголическую книгу» 1635 г. (один ее экземпляр находился в Ватиканской библиотеке, второй — у М.К. Бобровского), Библию на словенском языке, изданную Ю. Далматином (Виттенберг, 1584), и «Болгарские молитвы» или как они теперь именуются в литературе — «Абагар», изданные в 1651 г. в Риме в типографии Конгрегации распространения веры никопольским епископом Филиппом Станиславовым (ок. 1608–1610 — 1674) специально для болгар-павликиан, которые принимали католичество. Один экземпляр «Абагара» был послан известному слависту П.И. Кеппену в Санкт-Петербург в 1826 г.⁸. Благодаря «пионерским усилиям» Кеппена и Черткова «Абагар» стал достоянием науки, подчеркивал болгарский ученый Б. Райков⁹.

За нужной книгой, например, К. Мюллера «Этруски» («Die Etrusker») (Бреславль, 1828), ставшей «библией этрускологии», Чертков пускался в длительный вояж: Вена, Дрезден, Франкфурт и другие города Германии. Он не был ограничен в средствах. Являясь владельцем значительных поместий в Острогожском уезде Воронежской губернии и будучи членом Московского общества сельского хозяйства, форпоста агрономической науки России XIX в., он, как рачительный организатор сельскохозяйственного производства, успешно внедрял научные наработки своего времени: ввел тонкорунное овцеводство (его овчарные заводы были самыми известными в Воронежской губернии) и построил свеклосахарные заводы (его завод в поселке Ольховатка работает и поныне).

Идея библиотеки Черткова нашла сочувствие и содействие со стороны многих известных библиофилов России — С.А. Соболевского, Н.Н. Мурзакевича и др. Чертков широко обменивался книгами, каталогами, всегда стараясь помочь своим коллегам в приобретении того или иного нужного сочинения. И ему многие авторы с благодарностью подносили свои труды, о чем сообщают дарственные надписи на книгах из его собрания.

Современники Черткова сознавали уникальность его библиотеки. Ее высоко оценил историк и библиограф И.П. Сахаров в письме к Черткову из Петербурга в 1841 г.¹⁰. А известный историк М.П. Погодин в журнале «Москвитянин» подчеркивал, что самое полное собрание книг о России принадлежит не Академии, не какому-либо университету или научному обществу, а находится в библиотеке Черткова. О ней даже была напечатана статья в Лейпциге¹¹.

Быстрые темпы комплектования научной библиотеки вызвали настоятельную необходимость составления каталога, что является базовой составляющей книжной культуры. В 1838 г. ученый начал издавать «Всеобщую библиотеку России или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях». Через семь лет появилось «Второе прибавление». Всего в каталоге насчитывалось 4701 название книг.

Следует подчеркнуть, что Чертков лично работал над составлением каталога своей библиотеки. «Второе прибавление» раскрывает одно очень редкое даже среди библиофилов качество Черткова — он был вдумчивым, энциклопедически образованным читателем: прежде чем отправить приобретенную книгу на полку, он прочитывал ее, делал краткую аннотацию, и часть их вошла во «Второе прибавление» к каталогу его библиотеки, что было высоко оценено современниками. Ректор Санкт-Петербургского университета, академик П.А. Плетнев писал, что, читая их, «можно сделаться самым ученым и начитанным человеком»¹². Академики П.И. Кеппен, Я.И. Беренников и И.И. Срезневский считали Чертковскую библиотеку «благим даром Отечеству», «алмазом, блистающим с европейской отчетливостью», «основанием русской библиографии» и одним из ее главных истоков¹³. Каталоги библиотеки Черткова (1838, 1845), содержавшие огромный материал при высоком качестве его обработки, стали объектом общенационального культурного значения. Они, по отзывам современных специалистов, и до сих пор не утратили своей ценности и наряду с библиографическими указателями братьев Ламбиных (П.П. и Б.П.) и В.И. Межова служат надежным помощником в работе библиографов¹⁴.

Однако опубликованные Чертковым каталоги не раскрывают всего богатства его библиотеки. Из предисловия к изданию 1838 г. явствует, что ученый «кроме книг печатных и манускриптов» собирал рукописные и печатные грамоты, атласы и карты России и ее регионов, планы и виды городов, монастырей, церквей, селений, памятников, воздвигнутых в честь русских побед; планы сражений и осад, позиций русской армии и взятых русскими крепостей, изображения исторических событий, виды сражений, образцы обмундирования войск, изображения одежды народов, проживавших на территории страны, памятников древности и всего того, что может относиться к России. Известно, что Чертков хотел издать полный каталог всей своей библиотеки, но смерть помешала ему осуществить этот творческий замысел.

Гипотетическим пока остается состав личной (домашней) библиотеки А.Д. Черткова, отражавший интересы ее владельца. В ней, несомненно, имелись книги развлекательного характера на иностранных языках, масонская литература, книги о военном искусстве европейских государств, издания по истории, нумизматике и искусству. Разумеется, в ней присутствовали и книги по географии и экономике западноевропейских стран и путеводители по городам и музеям Европы. Реконструкция этого состава является задачей исследователей.

По воспоминаниям современников, А.Д. Чертков всячески поощрял интерес к прошлому России и славянских земель, находя «высокое наслаждение» в содействии, по возможности, тому, «чтобы свет знаний разливался как можно шире и дальше» в русском обществе. Все, кто любил историю, пользовались его книгами, а московские ученые не только работали в его библиотеке, но и брали книги на дом. Еще при жизни Черткова его библиотека сделалась достопримечательностью интеллектуальной Москвы.

*Экслибрис библиотеки
Александра Дмитриевича Черткова*

Дети А.Д. Черткова разделяли понимание общественной значимости этого уникального книжного собрания, поэтому после его смерти библиотека не была отправлена на книжный аукцион. Напротив, сын А.Д. Черткова Григорий Александрович (1832–1900), памятуя о постоянном желании своего отца подарить Москве свою библиотеку и выполняя его волю, специально рядом со своим особняком на ул. Мясницкой построил для нее великолепное здание в два этажа с верхней обходной галереей. Открытие первой бесплатной общедоступной частной библиотеки Москвы состоялось в 1863 г. В городе на тот период не было ни одной бесплатной библиотеки. Исключением были клубные библиотеки, самая богатая из которых принадлежала Английскому клубу, но сам доступ в него требовал значительной платы.

Любой читатель в новой библиотеке мог получить книги, рукописи, карты, изобразительный материал, а также познакомиться с собираемыми А.Д. Чертковым в течение всей жизни ценными коллекциями античных и русских монет, древнерусских и египетских древностей, расписных этрусских ваз и зеркал, а также с естественнонаучными собраниями минералов, насекомых, бабочек, гербариями растений, которые были выставлены в залах. По стенам висели портреты государственных деятелей и вельмож Екатерининского века, а также Наполеона I, А.П. Ермолова, графа З.Г. Чернышева и др.¹⁵. Чертковская библиотека выполняла просветительскую миссию и общедоступного музея.

Г.А. Чертков пригласил в качестве библиотекаря П.И. Бартенева (1829–1912), знатока русской истории XVIII–XIX вв. В 1863 г. в библиотеке насчитывалось 9504 сочинения в 17300 томах, а к январю 1864 г. находилось уже 10312 книг. Библиотека ежегодно обходилась Г.А. Черткову в 5000 руб. серебром¹⁶.

Немалое число книг с автографами и рукописных собраний, переданных в фонд библиотеки многочисленными дарителями, свидетельствовали о превращении Чертковской библиотеки в один из важных очагов книжной культуры России. Так, в дар сюда были переданы личные собрания адмирала Российской империи графа А.В. Мусина-Пушкина, русского писателя князя В.Ф. Одоевского, действительного статского советника, директора Императорской публичной библиотеки барона М.А. Корфа, генерал-майора и военного историка И.П. Липранди и многих других известных людей. В 1864 г. библиотеке была подарена и бесценная тетрадь с рукописными текстами М.Ю. Лермонтова. Мотивом этих дарений была мысль о том, что уникальные коллекции должны принадлежать не частному лицу, а Отечеству¹⁷. Важную роль в этом порыве играла и уверенность в долговечности и надежности Чертковской библиотеки.

Рукописные сокровища библиотеки Бартенев регулярно публиковал в журнале «Русский архив». По количеству редких изданий и книжному богатству с Чертковской библиотекой, кроме Императорской публичной библиотеки в Петербурге с ее превосходным отделением «Rossica», могло поспорить только известное собрание графа А.С. Уварова, создателя Исторического музея в Москве. Но оно хранилось в его имении Поречье и было доступно лишь редкому гостю.

Чертковская библиотека стала событием в культурной жизни дореволюционной Москвы. Она превратилась в «действительный центр духовной деятельности, где появлялись во множестве не только москвичи, но и посещавшие Москву соотечественники и иностранцы»¹⁸. Ею пользовались при жизни и после смерти А.Д. Черткова известные писатели и ученые: В.А. Жуковский, М.П. Погодин, Н.Н. Мурзакевич, Л.Н. Толстой, П.А. Бесонов и др.

В 1871 г. Г.А. Чертков подарил библиотеку городу (более 10500 названий книг и брошюр) со всеми ее коллекциями (а «81 штучку расписных ваз, найденных в Этрурии и Апулии», передал в дар императорскому Эрмитажу).

Чертковская библиотека размещалась сначала в здании Московского Публичного и Румянцевского музеев, затем составила основу библиотеки Исторического музея (в 1887 г.), а в 1938 г. основной книжный фонд был передан во вновь созданную Государственную публичную историческую библиотеку. Завещанный при дарении принцип неделимости был нарушаем постоянно. Ценнейшие манускрипты и грамоты (244 ед.), книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. (771 ед.) вошли в Отдел рукописей Исторического музея, весь архивный материал — в Отдел письменных источников, рукописи писателей XVIII–XIX вв. были переданы в Государственный литературный музей г. Москвы.

Перед исследователями стоит задача дальнейшего изучения состава фонда Чертковской библиотеки. Некоторые коллекции уже привлекли внимание ученых. Так, Е.Д. Маркина, установив атрибутирующие признаки, выявила в фондах Государственного Исторического музея около

200 русских и западноевропейских картографических произведений XVIII–XIX вв., которые входили в состав Чертковской библиотеки¹⁹.

В ней находились и книги славянских авторов периода Национального возрождения (XVIII–XIX вв.) на болгарском, польском, чешском и сербско-хорватском языках. Примечательна коллекция книг, напечатанных глаголическим шрифтом. Сочинения о славянах и на славянских языках Бартенев собрал в особом VI отделении каталога, которое так и не увидело свет. Советский и российский библиограф Н.М. Пашаева разыскала в фондах Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБР) сохранившиеся здесь книги на многих славянских языках и опубликовала соответствующий каталог²⁰. Но, к сожалению, он не отражает всей полноты Чертковского собрания изданий славянских авторов, что показывает, например, изучение по архивным документам состава болгарской коллекции ученого, которая, как оказалось, представлена в ГПИБР только частично²¹.

А.Д. Чертков был автором ряда научных монографий, которые он публиковал за свой счет, выступая в качестве издателя. В начале 1830-х годов он столкнулся с огромными трудностями при издании иллюстраций, поскольку в Москве не было искусных рисовальщиков и даже посредственных литографов. Яркой иллюстрацией тому служит атлас рисунков к его книге «Воспоминания о Сицилии» (М., 1835). Этот труд получил заслуженную единодушную похвалу рецензентов, но все они отмечали низкое качество иллюстраций (из-за несовершенства литографии). Данный недостаток был преодолен в «Прибавлении третьем» (М., 1842) к нумизматическому каталогу «Описание древних русских монет». А.Д. Чертков описал 60 монет и специально поместил изображения медных, серебряных и золотых монет, чтобы продемонстрировать искусство художника-литографа К.Я. Тромонина, который сумел передать даже материал монет. Обычно Чертков печатал свои книги в двух вариантах: одна часть тиража предназначалась для продажи широкой публике и издавалась на дешевой бумаге, другая являлась «подарочной» и печаталась на английской бумаге Ватмана*, имела золотой обрез и сафьяновый переплет. Особенно роскошно были изданы две книги Черткова: «О переводе Манассиной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (1842) и «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (1843).

Всего Чертков издал 18 своих книг, которые отличались изумительным типографическим мастерством. По свидетельству современников, эти труды являлись истинными памятниками книжной культуры своего времени. Высока была и их научная ценность: за исследования по нумиз-

* Бумага Ватмана — белая, высокосортная бумага, отличалась большой стойкостью к истиранию. Она была впервые изготовлена английским фабрикантом Дж. Уатменом старшим (James Whatman — в русском произношении: Ватман).

матике, например, он получил Демидовскую премию, которую целиком отдал на издание древнейшей русской датированной книги — Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. А 30 декабря 1842 г. Чертков был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

Таким образом, А.Д. Чертков внес в книжную культуру России того времени очень заметный и существенный вклад. Он выступил одновременно и как собиратель замечательной библиотеки, и как составитель ее каталога («Всеобщая библиотека России»), и как издатель собственных сочинений. Согласно его завещанию, в Москве была открыта первая бесплатная, общедоступная библиотека. Масштабы культурной деятельности А.Д. Черткова пока не оценены по достоинству и еще ждут своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX в. М., 1955. 608 с.
- Пашаева Н.М.* Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. — 1878 г.) в фондах ГПИБ России: Болгария. Галичина. Закарпатье. Буковина. Лужицкие сербы. Словения. Хорватия. М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России, 2012. 124 с.
- Разманова Н.А.* Из истории книжной коллекции А.Д. Черткова // К 50-летию Государственной публичной исторической библиотеки. Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов ГПИБ. М., 1988. Ч. 1. С. 18–29.
- Фролова М.М.* Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки // Славяноведение. 2013. № 6. С. 62–70.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Черниловская М.М., Шульгина Э.В.* Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1986. С. 15–16, 45–51, 62–61, 65–67, 70, 72, 79.
- ² *Багалец Д.И.* Кафедра русской истории. Г.П. Успенский // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908. С. 315, 316.
- ³ *Чертков А.Д.* Дорожные дневники. Перевод и публикация Петрова Ф.А. // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Вып. 83. Ч. XII. М., 1993. С. 95, 108.
- ⁴ *Аделунг Ф.* Предложение об учреждении Русского национального музея // Сын отечества. 1817. Ч. 37. С. 58–59.
- ⁵ Императорская публичная библиотека за 100 лет. 1814–1914. СПб., 1914. С. 63.
- ⁶ *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. М., 1838. С. IV.
- ⁷ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 186, 192.
- ⁸ Библиографические листы. 1826. № 33. Стл. 489; № 39. Стл. 585.
- ⁹ *Райков Б.* Абагар на Филип Станиславов. Рим, 1651. София, 1979. С. 7–8.
- ¹⁰ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 305. Л. 187.

- ¹¹ *Погодин М.* Примечательная библиотека в Москве // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 606, 608.
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 283.
- ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 280, 306; *Срезневский ИИ.* Обзор материалов для изучения славяно-русской палеографии // Журнал министерства народного просвещения. 1867. Ч. 133. № 1. С. 107.
- ¹⁴ *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX в. М., 1955. С. 274; *Разманова Н.А.* Из истории книжной коллекции А.Д. Черткова // К 50-летию Государственной публичной исторической библиотеки. Со-кровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов ГПИБ. М., 1988. Ч. 1. С. 22.
- ¹⁵ *Бартенев П.И.* Несколько слов о Чертковской библиотеке // Русский архив. 1864. № 1. Стл. 2–12.
- ¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 743. Л. 1.
- ¹⁷ См.: Из истории Чертковской библиотеки, 1863–1887 гг.: сб. док. М., 2013. С. 122–123.
- ¹⁸ *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 273.
- ¹⁹ *Маркина Е.Д.* Атрибуция картографических памятников из коллекции А.Д. Черткова (собрание Отдела картографии Государственного исторического музея) // XIX век в истории России. Современные концепции истории России XIX в. и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 163. С. 481–495.
- ²⁰ *Пашиева Н.М.* Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. — 1878 г.) в фондах ГПИБ России: Болгария. Галичина. Закарпатье. Буковина. Лужицкие сербы. Словения. Хорватия. М., 2012.
- ²¹ *Фролова М.М.* Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки // Славяноведение. 2013. № 6. С. 62–70.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Александр Дмитриевич Чертков. Художник П.Ф. Соколов. Конец 1830-х годов.
2. Александр Дмитриевич Чертков. Художник С.К. Зарянка. 1857 г.
3. Титульный лист книги А.Д. Черткова «О переводе Манассиной летописи на словенский язык по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки с очерком истории болгар». М., 1842.
4. Авантитул книги А.Д. Черткова «Описание русских монет». М., 1834.
5. Титульный лист книги А.Д. Черткова «Описание русских монет». М., 1834.
6. Титульный лист книги А.Д. Черткова «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.». М., 1843.
7. Авантитул книги А.Д. Черткова «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.». М., 1843.
8. Эксилибрис библиотеки Александра Дмитриевича Черткова.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ И РАЗВИТИЕ В НЕМ БОЛГАРСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)*

Аннотация:

В статье рассматривается история создания Императорского Общества истории и древностей российских (ОИДР), освещается его научная и издательская деятельность в первой половине XIX в. в формате изучения болгарской проблематики. На основе приведенного материала делается вывод о том, что ОИДР, нацеленное на повышение престижа и развитие отечественной исторической науки, способствовало формированию сообщества людей, увлеченных идеями познания и национального служения — «ученого содружества». И хотя болгарские сюжеты не были доминирующими в славянской проблематике, активно разрабатывавшейся членами ОИДР с 1830-х годов, но их появление свидетельствовало об увеличении познавательного интереса к болгарскому народу. Деятельность ОИДР способствовала накоплению знаний о болгарском народе, его истории и культуре и их осмыслению.

Ключевые слова:

Императорское Общество истории и древностей российских, Александр I, Н.М. Карамзин, Ю.И. Венелин, А.Д. Чертков, О.М. Бодянский, В.М. Ундольский, В.И. Григорович, С.Н. Палаузов, П.А. Бессонов.

Abstract: M.M. Frolova “THE IMPERIAL SOCIETY OF HISTORY AND RUSSIAN ANTIQUITIES AND THE DEVELOPMENT OF BULGARIAN ISSUES IN IT IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY”.

The article discusses the history of the creation of the Society of History and Russian Antiquities (SHRA), highlights its academic and publishing activities in the first half of the 19th century in the format of the study of Bulgarian issues. On the basis of this material it is concluded that the SHRA aimed at increasing the prestige and development of national historical science and contributed to the formation of an academic community of people passionate about the ideas of knowledge and national service: «scientific community». Although Bulgarian issues were not dominant in Slavic scholarships actively developed by members of the SHRA since the 1830s, their appearance testified to increasing interest in the Bulgarian people. Work of SHRA contributed to the accumulation of knowledge and understanding of the Bulgarian people, their history and culture.

Keywords:

Imperial Society of History and Russian Antiquities, Alexander I, N.M. Karamzin, Y.I. Venelin, A.D. Chertkov, O.M. Bodyansky, V.M. Undolsky, V.I. Grigorovich, S.N. Palauzov, P. A. Bessonov.

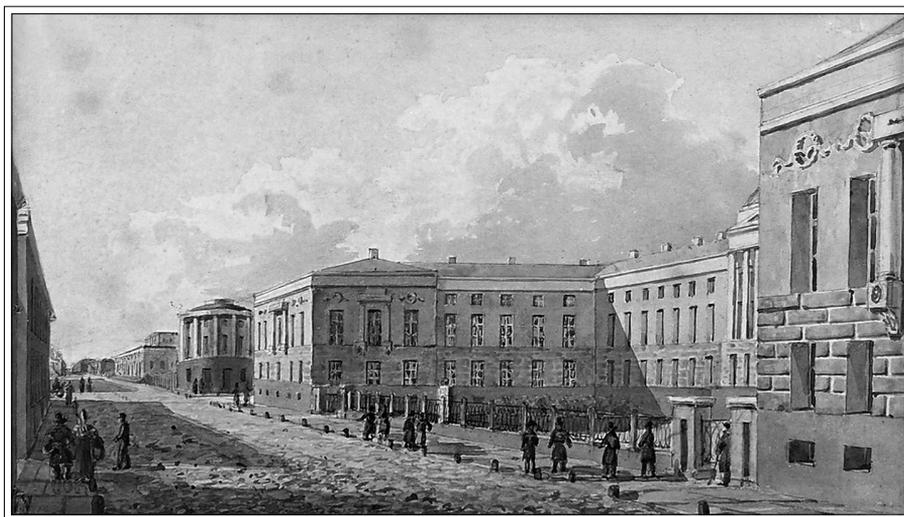
* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Первая половина XIX в. — это время становления славяноведения в России. Немалую лепту в развитие этой отрасли знаний внесло Императорское Общество истории и древностей российских (ОИДР) при Московском университете, одно из старейших научных обществ страны. Оно было учреждено 18 марта 1804 г. и закрыто в 1929 г.

Мысль о необходимости создании исторического общества, которое занималось бы критическим исследованием и изданием русских летописей, высказал историк Август-Людвиг Шлёцер (1735–1809) после получения щедрой награды от российского императора Александра I, ордена Св. Владимира 4-й степени и возведения в дворянское достоинство, за труд «Нестор», первые две части которого были опубликованы в Геттингене в 1802 г. и поднесены Александру I¹.

В Общество вошли многие преподаватели Московского университета, а также известные знатоки русской истории — Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, А.И. Мусин-Пушкин и Н.М. Карамзин, начавший работать над «Историей государства Российского» и ставший впоследствии придворным историографом.

ОИДР с самого своего учреждения не ограничивалось изданием исключительно русских летописей, а поручало своим членам разыскивать сведения, касавшихся «до славянских народов у древнейших историков»². Общество старалось объединить ученых, любителей, коллекционеров не только Москвы, но также привлечь к сотрудничеству людей, увлеченных историей, со всей Российской империи и установить контакты с зарубежными учеными, прежде всего, славянскими.

*«Вид Моховой улицы.
Здание Московского Императорского университета».
1830-е гг. Неизвестный художник. Бумага, акварель*

Однако вначале деятельность Общества не была особенно плодотворной, поскольку большинство его членов придерживалось мнения Карамзина, который в период организации ОИДР сказал: «Десять обществ не сделают того, что делает один человек, совершенно посвятивший себя историческим предметам»³. На чрезвычайном заседании Общества 14 декабря 1810 г. было даже объявлено о его закрытии как не выполнившего поставленной задачи и учреждении вместо него другого. Преобразованное Общество сохранило свое прежнее название, а также получило устав, утвержденный 21 января 1811 г. Александром I. Этот устав, незначительно переработанный в 1816 г., оставался основным документом, регламентировавшим работу Общества вплоть до 1893 г.⁴

Издательская деятельность Общества началась с 1815 г., когда вышли из печати первый номер журнала «Записки и труды ОИДР» (всего — восемь частей в десяти книгах), где публиковались исследования членов Общества, и первая книга журнала «Русские достопамятности», содержащая 14 исторических памятников. Длительное время выпуск печатной продукции ОИДР существенно сдерживало отсутствие прочной материальной базы, поскольку основным источником денежных средств являлись взносы членов Общества и дарения.

В первые годы болгарская тема была очень слабо представлена в деятельности Общества. Известен факт о том, что в 1818 г. корреспондент ОИДР майор П.Ф. Горенкин прислал свое исследование «О древности письма славянского», в котором, в частности, указывалось, что Кирилл и Мефодий не создали новый алфавит, а лишь «исправили бывший у славян в употреблении», что современный болгарский язык близок к церковнославянскому и что «глаголическая азбука несравненно древнее кирилловой»⁵. Эта статья была дана на рецензию историку-археографу К.Ф. Калайдовичу, который занимался изучением славянства и в 1824 г. издал монографическую работу «Иоанн, экзарх болгарский».

Забота императора Николая I (1825–1855 гг.) о сохранности российских памятников истории и искусства стимулировала исторические исследования, что отразилось на активизации деятельности ОИДР. К тому же в 1830 г. председательское кресло занял энергичный и деятельный человек — начальник главного управления архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновский. Заседания становились интересными, и ОИДР с начала 1830-х годов стало превращаться в серьезный научный исторический центр.

5 сентября 1832 г. его заседание почтил своим присутствием президент Академии наук С.С. Уваров (1818–1855 гг.), назначенный 1 марта 1832 г. на должность товарища министра народного просвещения. Не просто внимание, а «поощрительное участие в занятиях»⁶ Общества столь высокопоставленного сановника способствовало повышению авторитета ОИДР, и уже 5 ноября его ряды пополнились восьмью новыми действительными членами, включая и «г-на лекаря» Ю.И. Венелина (1802–1839), который прославил свое имя книгой «Древние и нынешние болгары в политическом,

народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829) и совершил научное путешествие в Болгарию (1830–1831 гг.). Вслед за Венелиным в Общество вступили многие инициативные люди. Среди них были участники русско-турецкой войны 1828–1829 гг., которые побывали на Балканах (А.Д. Чертков, А.Ф. Вельтман, П.А. Муханов), а известный философ, публицист и историк А.С. Хомяков дошел до Адрианополя в 1829 г. Некоторые поступления в ОИДР были связаны с этой войной. Так, в 1832 г. штабс-капитан 19-го Егерского полка П.П. Должиков, соревнователь* ОИДР, прислал в Москву бронзовую медаль «мизийского города Марцианополита...», которую он нашел близ крепости Варна во время пребывания там русских войск⁷. Подобные обстоятельства во многом способствовали интенсификации болгарской проблематики на заседаниях и в публикациях ОИДР.

Попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов, избранный в 1836 г. председателем ОИДР, смог показать полезность деятельности Общества, и его ходатайство перед Николаем I увенчалось успехом: 12 июня 1837 г. ОИДР получило статус императорского и ежегодное финансирование в 5 тыс. руб. С 1837 г. вместо «Трудов и летописей ОИДР» стал выходить журнал «Русский исторический сборник» (РИС) (всего 7 томов в 22 книгах), а также были выпущены две части «Русских достопамятностей».

Интерес к истории Болгарии стал заметно повышаться, о чем сообщал отчет ОИДР за 1837 год. В нем отмечалась работа Венелина по изучению болгар и других славянских народов. Четыре раза на заседаниях Общества (в 1840–1841 гг.) А.Д. Чертков докладывал о своих исследованиях глосс Ватиканского списка болгарского перевода (XIV в.) византийской хроники Константина Манассии (XII в.), которые он списал в Ватиканской библиотеке в 1839 г. Этот список был знаменит своими 69 миниатюрами. В Москве в Патриаршей библиотеке Чертков обнаружил Синодальный список болгарского перевода Константина Манассии и сравнил глоссы обоих списков. Две его монографии, в которых раскрывалась история и культура средневековой Болгарии, — «О переводе Манассииной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» и «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» — были опубликованы в «Русском историческом сборнике»⁸ и стали значительным событием в русской дореволюционной болгаристике.

Чертков высказал пожелание, чтобы текст болгарского перевода хроники был опубликован. 21 декабря 1840 г. на очередном заседании преподаватель Московского университета С.П. Шевырев «вызвался на этот труд», «полезный для славянской истории и словесности». Секретарю ОИДР М.П. Погдину было поручено найти квалифицированного переписчика⁹.

* В члены-соревнователи ОИДР принимались, по письменному представлению действительных членов, лица, которые могли быть полезными Обществу.

Возвратившийся в сентябре 1842 г. из своей командировки по землям зарубежных славян в Австрийской империи и Пруссии (1837–1842 гг.) О.М. Бодянский, ставший экстраординарным профессором кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете, задумал издание исторических памятников, и взор его не мог не упасть на данную рукопись. Знаменитый славист П.И. Шафарик также всецело одобрил эту идею. Однако она не была осуществлена.

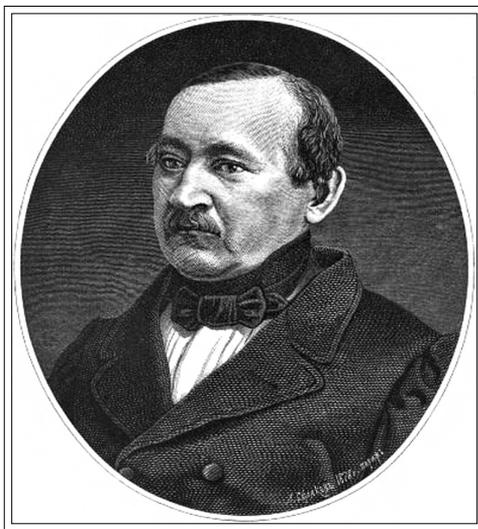
Избрание Бодянского секретарем ОИДР в 1846 г. повлекло прекращение РИС и начало издания нового журнала «Чтения в ОИДР», который в силу профессиональных занятий

очередного секретаря наполнился славянской проблематикой, хотя болгарам посвящалось не так много работ. Это статьи рижского епископа Филарета (Д.Г. Гумилевский) «Кирилл и Мефодий, славянские просветители», где сообщалось о переводе Мефодием греческих книг на славянский язык, и «Святой великомученик Дмитрий Солунский и солунские славяне», в которой рассматривался вопрос о расселении славян на Балканах¹⁰.

В.М. Ундольский (1815–1864), библиограф, археограф, избранный в 1847 г. библиотекарем ОИДР, одним из первых в России стал изучать творческое наследие Климента Словенского (Охридского), болгарского просветителя, ученика Кирилла и Мефодия. В 1845 г. на заседании ОИДР Ундольский представил «план издания сочинений Св. Климента, епископа словенского», а в 1847 г. прочитал свою статью «Константин, епископ Болгарский, ученик Мефодия»¹¹. Собранные Ундольским материалы были напечатаны после его смерти известным славистом П.А. Лавровым в 1895 г.

М.А. Оболенский, директор Московского архива министерства иностранных дел, в 1846 г. представил статью «О греческом кодексе Георгия Амартолы, хранящемся в Московской синодальной библиотеке, и о сербском и болгарском переводах его хроники», в которой подчеркивал необходимость изучения византийских хронистов в славянских переводах и славянских хронографов¹².

В 1848 г. в «Чтениях» появился перевод Бодянского доклада П.И. Шафарика «Расцвет славянской письменности в Болгарии»¹³, который был произнесен в Королевском Чешском ученом обществе 25 ноября 1847 г. В нем давались биографические сведения о Кирилле и Мефодии, их учениках (Клименте, Науме, Ангеларе, Саве, Горазде) и их преемниках (Константине,

*Осий Максимович
Бодянский*

Григории, Иоанне, экзархе болгарском, Храбре и др.). Шафарик считал, что кириллица древнее глаголицы.

ОИДР чтит память рано умершего Ю.И. Венелина, и в 23 книгах «Чтений» (1846–1848 гг.) публиковались его статьи о славянах, переданные в Общество его двоюродным братом И.И. Молнаром.

В 1848 г. в ОИДР вновь произошли кадровые перемены: председателем избрали А.Д. Черткова, прежде бывшего вице-президентом ОИДР (1836–1848 гг.), а секретарем стал профессор русского права Московского университета И.Д. Беляев. Вместо «Чтений» начал выходить «Временник Общества истории и древностей российских» (ВОИДР), который приобрел историко-юридическое направление согласно научным занятиям нового секретаря. К тому же в 1848 году, который ознаменовался революционными потрясениями в Западной Европе, ОИДР лишилось «драгоценного права» собственной цензуры, а к публикациям юридических памятников цензорам было сложно придираться. Для каждого тома «Временника» восстановили редакционный комитет, который бездействовал в предшествовавшие два года, когда секретарем являлся Бодянский.

Профессор кафедры истории и литературы славянских наречий в Казанском университете В.И. Григорович привез в Москву рукописи, которые он собрал во время своего заграничного путешествия в 1844–1847 гг. по Балканам. Ему удалось посетить Константинополь, Салоники, Афон, многие районы Македонии и Болгарии. Григорович согласился опубликовать во «Временнике» две рукописи: «Южнославянские памятники XV столетия: Два письма Стефана Воеводы Молдовлахийского и Дорофея, архиепископа первой Иустинианы, т.е. Охридского. (Из рукописей монастыря Иоанна Рильского)»¹⁴.

В связи с начавшейся Крымской войной (1853–1856 гг.) члены ОИДР выразили свои патриотические чувства в тематических докладах и статьях о победах России в русско-турецких войнах XVIII в. Правда, в них речь шла об Османской империи, а не о болгарях — народе, входившем в ее состав.

Тон славистическим занятиям членов ОИДР задавал председатель Общества Чертков, активно разрабатывавший в это время гипотезу о прародине славян. Еще в 1842 г. на заседании ОИДР он прочитал доклад «О жительстве предков словен до Р.Х. в Задунайских странах»¹⁵. В пяти книгах ВОИДР были напечатаны его исследования, посвященные проблемам славянского этногенеза, например, «О переселении Фракийских племен за Дунай и далее на Север, к Балтийскому морю и к нам на Русь» и др.¹⁶.

Много материала о болгарях содержалось в 21-й книге «Временника». В статье «О некоторых годах Несторовой летописи» историк Д.Н. Дубенский отметил, что «мартовское счисление перешло к нам от болгар». Затем следовало исследование историка С.Н. Палаузова, препровожденное в ОИДР через Шевырева, — «Синодик царя Бориса по рукописи XIV в.». Раздел «Материалы» заполнили «Болгарские песни из сборника Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар». Собрание болгарских народных

песен с объяснением и исследованием представил кандидат Московского университета П.А. Бессонов. На заседании 30 апреля 1854 г. исследование было прочтено, а его автор был избран в соребнователи Общества¹⁷. Первый раздел собрания — «Песни юнацкие» — предваряло исследование Бессонова, состоявшее из следующих частей: «Введение», «Главные вопросы языка новоболгарского, условливающие собственно правописание» и «Эпос сербский и болгарский во взаимных отношениях, историческом и топографическом».

В «Материалы» следующей, 22-й книги «Временника» вошел второй выпуск «Сборника болгарских песен», который был снабжен «общим указателем к сим песням с объяснением встречающихся в них непонятных слов». Эта вторая часть болгарских песен была представлена Бессоновым в рукописи на заседании ОИДР через год, 28 мая 1855 г.

Библиотека ОИДР постоянно пополнялась книгами по славянской тематике, в том числе и болгарской. В 1842 г. болгарский благотворитель купец В.Е. Априлов прислал в Общество свои издания «Болгарские книжники» и «Денница новоболгарского образования».

ОИДР установило связи со многими славянскими учеными — патриархом славяноведения Й. Добровским, сербским ученым В. Караджичем, польским историком И. Лелевелем, чешским славистом П.Й. Шафариком, черногорским писателем, историком М. Медаковичем и др. К сожалению, в то время болгарских имен среди зарубежных ученых-славистов еще не появилось. ОИДР наладило контакты с зарубежными научными обществами и организациями — с Сербским ученым обществом в Белграде, Матицей Хорватской в Загребе, Чешским народным музеем и др. Болгарских научных обществ в то время еще не существовало.

В 1857 г. председателем ОИДР вновь стал граф Строганов, а секретарем — О.М. Бодянский, возобновивший журнал «Чтения».

Н.М. Карамзин не верил в эффективность коллективного труда ученых, но практика ОИДР в 30–50-е годы XIX в. оправдала эту форму объединения историков: она создавала новые сферы научного сотрудничества, способствовала интенсификации в обмене научной информацией, получении научной критики со стороны коллег. Деятельность ОИДР, нацеленная на повышение престижа и развитие отечественной исторической науки, способствовала формированию сообщества людей, увлеченных идеями познания и национального служения, — «ученого содружества».

Благодаря реформированию системы народного образования и научных учреждений Российской империи, проводимому Николаем I, в начале 1850-х годов в ОИДР пришли ученые из генерации, получившей профессиональную славистическую подготовку, сменив старшее поколение «любителей», занимавшихся историей в свое свободное время, — Бодянский, Гильфердинг, Бессонов и др.

ОИДР не контролировало научное творчество своих членов, не диктовало тематику их исследований. «Ученая деятельность Общества в выбо-

ре предметов» всегда «зависела от произволения членов и потому всегда оставалась в руках случайности. Однако и случайные работы, доставляемые Обществу, в своей совокупности необходимо выражали направление и вкусы ученых занятий своего времени»¹⁸, — писал известный историк И.Е. Забелин. Болгарские сюжеты не были доминирующими в славянской проблематике, активно разрабатывавшейся членами ОИДР с 1830-х годов. Но их появление свидетельствовало о росте познавательного интереса к болгарскому народу.

Благодаря росту издательской деятельности ОИДР результаты исследований его действительных членов получили широкое распространение в российском обществе, становились общественно значимыми. Деятельность ОИДР также способствовала накоплению знаний о болгарском народе, его истории и культуре и их осмыслению.

ЛИТЕРАТУРА

- Демидов И.А., Ишутин В.В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1975. М.: Наука, 1978. С. 250–280.
- Забелин И.Е.* 80-летие императорского Общества истории и древностей российских // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. 4. С. 1–12.
- Ишутин В.В.* Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М.: Наука, 1984. С. 97–115.
- Ишутин В.В.* Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ОИДР за 1815–1848 гг. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 6–22.
- Попов Н.А.* История императорского Московского общества истории и древностей российских. 1804–1812 гг. Ч. 1. М., 1884. 256 с.
- Фралова М.М.* Общество истории и древностей российских и славянская проблематика (1848–1857) // Славяноведение. 2012. № 2. С. 86–101.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Попов Н.А.* История императорского Московского общества истории и древностей российских. 1804–1812 гг. Ч. 1. М., 1884. С. 2–4.
- ² Там же. С. 70.
- ³ Там же. С. 14.
- ⁴ *Демидов И.А., Ишутин В.В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // История и историки. Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 252.
- ⁵ Труды и летописи ОИДР. М., 1826. Ч. III. Кн. 2. С. 47.
- ⁶ Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. VIII. С. 171.
- ⁷ Там же. С. 174–175.

- ⁸ Русский исторический сборник (далее — РИС). 1843. Т. VI. Кн. 1–2. С.1–183; Кн. 3–4. С. 187–467.
- ⁹ РИС. 1843. Т. VI. Кн. 4. С. 16.
- ¹⁰ Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). М., 1846. Кн. 4. С. 1–28; Кн. 5. С. 29–30; ЧОИДР. 1848. Кн. 6. С. 1–44.
- ¹¹ ЧОИДР. М., 1846. Кн. 1. Протоколы. С. XIX; Кн. 2. Протоколы. С. I.
- ¹² ЧОИДР. М., 1846. Кн. 4. С. 73–102.
- ¹³ ЧОИДР. М., 1848. Кн. 7. С. 37–59.
- ¹⁴ Временник Общества истории и древностей российских (далее — ВОИДР). 1850. Кн. 5. С. 34–36.
- ¹⁵ РИС. М., 1843. Т. VI. Кн. 3–4. Протоколы. С. 41.
- ¹⁶ ВОИДР. Кн. 10, 13, 16, 23, 25.
- ¹⁷ ВОИДР. Кн. 25. С. XXIX.
- ¹⁸ *Забелин И.Е.* 80-летие императорского Общества истории и древностей российских // Журнал министерства народного просвещения. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. 4. С. 5.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. «Вид Моховой улицы. Здание Московского Императорского университета». 1830-е. Неизвестный художник. Бумага, акварель
2. Титульный лист первого номера журнала «Записки и труды ОИДР» (М., 1815) с портретом Август-Людвига Шлёцера на фронтисписе.
3. Портрет князя Михаила Андреевича Оболенского. Художник К.П. Брюллов. 1840.
4. Бодянский Осип Максимович
5. Погодин Михаил Петрович.

БОЛГАРСКО-МАКЕДОНСКИЙ ПОЭТ, ЖУРНАЛИСТ И ПЕРЕВОДЧИК РАЙКО ЖИНЗИФОВ*

Аннотация:

В статье освещается жизненный путь известного поэта, переводчика, писателя, публициста Р. Жинзифова, творчество которого в равной степени принадлежит культурному и духовному наследию двух современных государств — Болгарии и Северной Македонии**. Обращается внимание на взаимоотношения Жинзифова с членами Московского Славянского благотворительного комитета П.И. Бартевым и И.С. Аксаковым, раскрываются причины, из-за которых Жинзифов не вернулся после учебы в Московском университете на родину в Османскую империю, отмечается его вклад в создание литературы периода национального Возрождения и деятельность на поприще просвещения болгарского народа.

Ключевые слова:

Р. Жинзифов, Д. Миладинов, Славянский благотворительный комитет, П.И. Бартев, Чертковская библиотека, И.С. Аксаков, «Болгарская дружина».

Abstract: M.M. FROLOVA “THE BULGARIAN-MACEDONIAN POET, JOURNALIST AND TRANSLATOR, RAYKO ZHINZIFOV”.

The article highlights the life of the famous poet, translator, writer and publicist R. Zhinzifov, whose work equally belongs to the cultural heritage of two modern states: Bulgaria and North Macedonia. The article draws attention to the relationship between Zhinzifov and members of the Moscow Slavic Charity Committee, P.I. Bartenev and I.S. Aksakov, reveals the reasons why Zhinzifov did not return to his homeland, the Ottoman Empire, after studying at Moscow University, notes his contribution to the creation of literature during the period of national Revival and his activities in the education of the Bulgarian people.

Keywords:

R. Zhinzifov, D. Miladinov, Slavic Charity Committee, P.I. Bartenev, Chertkov Library, I.S. Aksakov, «Bulgarian squad».

Райко (Ксенофонт Иванович) Жинзифов (1839–1877), поэт, переводчик, писатель, публицист, внес свой вклад в развитие просвещения и создание литературы для болгарского народа.

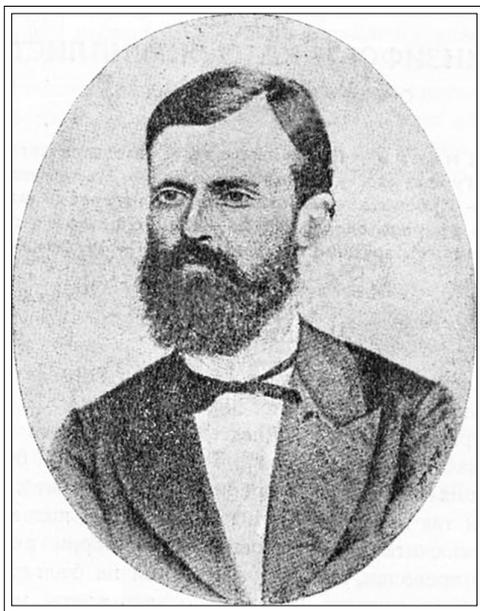
Он родился в г. Велесе (Македония), в семье учителя И. Жинзифа (Джинзифи), который, будучи почитателем эллинской культуры, назвал своего

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004).

** По сведениям проф. А. Милтеновой, начавшая работу в мае 2018 г. смешанная болгарско-македонская мультидисциплинарная согласительная комиссия пришла к соглашению, что Райко Жинзифов имел болгарское самосознание [Прим. редколлегии].

сына греческим именем Ксенофонт и дал ему образование на греческом языке¹ в греческом училище. Молодой человек желал поступить в Афинский университет, где обучалось большинство его сверстников из Македонии. Однако ему пришлось идти работать, так как его отец ушел из семьи, и забота о матери, младших сестре и брате легла на плечи практически мальчика². В 1855 г., в свои неполные 16 лет, Ксенофонт нашел место младшего преподавателя в училище в Прилепе, где старшим учителем был «горячий защитник славянства»³ Димитр Миладинов*. Именно он «отвратил» одаренного юношу от эллинофильства, раскрыл красоту болгарских песен и привлек его к их собиранию. Именно Миладинов стал звать Ксенофонта болгарским именем Райко⁴.

Райко Жинзифов.
Портрет

В конце 1857 г. Миладинов отправил своего молодого коллегу учительствовать в город Кукуш, населенный, по свидетельству Жинзифова, исключительно болгарами. Новый преподаватель ввел в школьное обучение болгарский язык и грамоту. К нему стали приходиться учиться родному языку и мальчики, и взрослые люди, и «даже священники, ибо в церквях надлежало заменить греческое богослужение славянским»⁵.

В июле 1858 г. в числе восьми болгаро-македонцев, которых направил на учебу в Россию Д. Миладинов, при содействии русского общественного деятеля А.В. Рачинского (впоследствии, в 1861–1862 гг., русский консул в Варне), Жинзифов приехал в Одессу. Здесь он передал письма Миладинова Г.С. Раковскому (1821–1867), известному в Болгарии глашатаю свободы от турецкого ига, который в то время работал воспитателем болгарских учащихся в херсонской семинарии. Раковский произвел на молодого человека столь огромное впечатление, что Ксенофонт наконец-то решил сменить свое греческое имя на болгарское Райко, — именно так, как к нему обращался Д. Миладинов⁶. Правда, официальные бумаги, публикации в русских газетах, свои письма к русским адресатам Жинзифов все же подписывал не Райко, а Ксенофонт, и в Москве к нему обращались — Ксенофонт Иванович. Но для болгар он был Райко.

* Димитр Миладинов (ок. 1810–1862) — деятель Болгарского национального возрождения, фольклорист и просветитель в Македонии.

Младший брат Д. Миладинова, Константин, учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвал Ксенофонта-Райко в Москву, хотя тот уже был принят в херсонскую семинарию. В конце 1858 г. он стал стипендиатом Славянского благотворительного комитета, а в 1860 г., сдав экзамены, поступил в Московский университет на историко-филологический факультет.

Как и все «питомцы» Славянского комитета, Жинзифов получал стипендию в 20 руб. сер. ежемесячно. Для русского студента это была приличная сумма, но болгарину, которого московский климат заставлял тратить на теплую одежду и иметь другие дополнительные расходы, этих денег было недостаточно. Жинзифов-студент обращался к своему отцу с просьбой о присылке ему денег, но, похоже, тщетно⁷. Действенная помощь шла от членов Славянского комитета, которые, зная материальную нужду своих воспитанников, содействовали им в поиске дополнительных заработков.

Так, П.И. Бартенев (1829–1912), член Славянского комитета, в 1862 г. член комиссии, ведавшей делами болгарских студентов, предложил Жинзифову потрудиться в Чертковской библиотеке летом 1862 г. во время его отсутствия. Бартенев тогда являлся заведующим этой библиотекой, которую в память о ее собирателе, историке и библиографе А.Д. Черткове (1789–1858), Г.А. Чертков, его сын, решил открыть для публики как первую в Москве бесплатную частную библиотеку, что и было сделано в 1863 г. Для этого было построено великолепное здание в два этажа на ул. Мясницкой, а Бартеневу предстояло разобрать книги, рукописи и карты, составить и издать их полный каталог⁸.

Ксенофонт «чрезвычайно обрадовался» возможности заработать. В восьми письмах (с 29 июня по 2 сентября 1862 г.), адресованных Бартеневу, он отчитывался о своей деятельности в библиотеке. Согласно обнаруженной нами приходо-расходной книге Чертковской библиотеки, которую Бартенев скрупулезно вел с 15 мая 1862 г. и до 1873 г., Жинзифов получал жалованье только в июле и августе 1862 г. — 44 руб. сер.⁹ В конце августа Бартенев пригласил Жинзифова, который отлично справился со своими обязанностями, занять место помощника библиотекаря в Чертковской библиотеке с жалованием в 20 руб. в месяц. Но он, поблагодарив Петра Ивановича за его участие и любовь, отказался от привлекательного предложения из-за учебы в Московском университете¹⁰. Хотя Жинзифов не состоял в штате библиотеки после 1862 г., имеется достаточно фактов, свидетельствующих о том, что он принимал самое живое участие в ее деятельности и впоследствии¹¹.

В коллекции книг на новоболгарском языке, которую собрал сам А.Д. Чертков, насчитывалось примерно 30 названий¹². Бартенев также много внимания уделял пополнению болгарского раздела библиотеки. Так, он обратился к выпускнику Московского университета Саве Филаретову (1825–1863), в то время секретарю русской миссии в Константинополе, с приглашением «доставлять сведения о книгопечатании у болгар».

Филаретов и Найден Геров (1823–1900), который в 1861–1877 гг. служил вице-консулом России в Филиппополе (Пловдиве), а как раз в тот момент находился в Константинополе, переписали названия имевшихся под рукой болгарских книг. У Герова был сложный почерк, который хорошо разбирал Жинзифов, т.е. именно он помогал Бартеневу при работе над составленным в столице Османской империи каталогом болгарских книг¹³.

В октябре 1862 г. Бартенев рекомендовал Жинзифова учителем в семью некоего Вальдгарда, которого Жинзифов просил оставить ему свободными «часть вечеров пятниц и воскресенье», а также «четыре часа ежедневно — посещать университет, да еще раз или два раза в месяц побывать в театре»¹⁴. В последующие годы Жинзифова приглашали быть домашним учителем детей Барановых (лето 1863, село Васильевское), А.Н. Карамзина (в 1865 г.).

О сердечности в отношениях, установившихся между К. Жинзифовым и П.И. Бартеневым, свидетельствует и тот факт, что в доме Петра Ивановича его «принимали не как знакомого, а как близкого родственника». Известный славянофил И.С. Аксаков как-то отметил, что Жинзифов являлся скорее «воспитанником» Бартенева. Сам Ксенофонт просил последнего быть его «воспитателем», «наставником»¹⁵. В письмах к Бартеневу молодой человек делился своими мыслями, наблюдениями, переживаниями, сообщал о своих интересах. Так мы знаем, что он любил театр, что его «волнующую душу» смягчала музыка и живопись, что периодически он захаживал в «увеселительные места, то есть в разные Эрмитажи с саксами, певицами, карликами и прочее, и прочее»¹⁶. Еще в 1865 г., в письме от 10 июня (это было последнее сохранившееся письмо в архиве Бартенева), Жинзифов выразил свои чувства к Бартеневу и его семье: «Неужели я буду в состоянии позабыть дом, в котором я провел часть своего юношества, в котором я в течение стольких лет постоянно встречал радушный и непритворный прием? Никогда. Дом Аксакова и дом Бартенева навсегда останутся в моей памяти, где бы ни повела меня моя судьба»¹⁷.

Во время учебы Жинзифов также подрабатывал в еженедельной газете И.С. Аксакова «День», которая выходила с небольшими приостановками с 15 октября 1861 г. по 1865 г. включительно. В газете был специальный «Славянский отдел». «Пусть каждый славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности. Я даю всем им доступ в моей газете»¹⁸, — объявлял Аксаков. Первые публицистические статьи Жинзифова [«Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору» от 28 октября 1861 г., «Несколько слов болгарина о распре греков и болгар» (№ 5), «Дмитрий и Константин Миладиновы» (№ 46. 17 ноября и № 48. 1 декабря) и др.], появившиеся на страницах «Дня», обратили на себя внимание благодаря несомненному литературному таланту автора и его горячему сердцу патриота. Аксаков, который не знал славянских языков и не мог прочесть ни одной из получаемых им славянских газет¹⁹, пригласил Жинзифова разбирать их и вести «Славянский отдел». В это время последний проходил курс

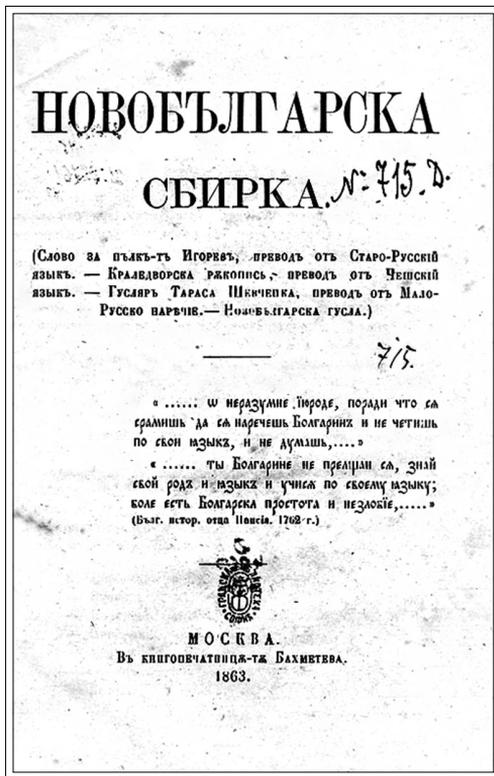
обучения у профессора О.М. Бодянского, который знакомил своих студентов со всеми славянскими наречиями²⁰.

Жинзифов принял приглашение Аксакова и с 1863 г. начал достаточно регулярно работать в газете «День», где хорошо платили²¹. Весной 1864 г. он переехал на новую квартиру, которая была расположена рядом с домом О.С. Аксаковой, матери И.С. Аксакова. Болгарского студента часто приглашали в гости, на обед и в подмосковное имение Аксаковых Абрамцево²².

Учеба в университете и заботы о хлебе насущном не могли вытеснить у Жинзифова печали о тяжелом положении болгар в Османской империи и об отсутствии у них литературы²³. В начале 1860-х годов в Москве учились многие уроженцы Османской империи, впоследствии внесшие значительный вклад в национально-культурное возрождение Болгарии: Марин Дринов, Георгий Теохаров, Савва Филаретов, Любен Каравелов, Константин Миладинов, Нешо Бончев, Васил Попович и многие другие. Они образовали «Болгарскую дружину», поставившую цель знакомить русских с жизнью турецких славян, содействовать развитию болгарской литературы, «обеспечить условия для увеличения болгарских студентов в Москве, создать библиотеку»²⁴. Первые литературные опыты Жинзифова появились именно на страницах издаваемого дружиной журнала «Братский труд». За недолгий период его существования (1859–1862 гг.) вышло четыре номера.

Кроме того, он опубликовал сборник «Новобългарска сбирка», куда вошли его переводы на болгарский язык «Слова о полку Игореве», «Краледворской рукописи», стихотворений Т. Шевченко и нескольких собственных произведений. В качестве эпиграфа Жинзифов взял знаменитые слова Паисия Хилендарского: «О неразумный и юродивый! Почто стыдишься назваться болгариним и не читаешь на своем языке и не думаешь?» «...Ты, болгарин, не прельщайся чужим, знай свой род и язык и учись на своем языке»²⁵. Следует подчеркнуть, что с «Историей славяноболгарской» Паисия Хилендарского Жинзифов познакомился в Чертковской библиотеке, где хранился ее список, снятый специально для А.Д. Черткова в 1844 г. по указанию одесского историка Н.Н. Мурзакевича с Жеравнинской рукописи, которую предоставил известный деятель Болгарского возрождения В. Априлов. Книгу «Новобългарска сбирка», изданную в 1000 экземплярах, ее автор намеревался бесплатно распространить по болгарским училищам в Османской империи и наградить ею самых лучших учеников.

В 1864 г. Жинзифов закончил курс обучения в Московском университете со степенью кандидата. Вставал вопрос о возвращении его на родину. Известный историк болгарской литературы Б. Пенев писал о том, что ему не известно, по каким причинам этого не произошло, но предположил, что, вероятно, Жинзифов «боялся преследований и опасностей»²⁶. Ответ, на наш взгляд, содержится в письме от 10 июня 1864 г. к Бартеневу, в котором Жинзифов признавался, что ему «какой-то таинственный голос», «голос совести и долга», все твердил, что «надо ехать на родину», однако он наперед знал свою «будущую жизнь в Болгарии или в Македонии, потому что

Титульный лист книги Р. Жинзифова
«Новобългарска сбирка».
М., 1863.

М.А. Хитрово, служившего в этот период в российской миссии в Константинополе, нами обнаружено письмо Жинзифова от 11 ноября 1865 г., в котором, в частности, содержится просьба напомнить Т. Бурмову, редактору болгарской газеты «Время», о его обещании узнать у болгарских представителей, может ли он (Жинзифов), ставший русским подданным, занять учительское место в константинопольском болгарском училище³⁰. Эта информация вдвойне ценна, поскольку свидетельствует о том, что Жинзифов сам искал выгодное место работы. Но в Константинополе вакантных должностей не было. В историографии утвердилось мнение, что Жинзифов принял российское подданство только после своей поездки на Балканы в 1866 г.³¹, когда окончательно понял, что уже не сможет жить в условиях турецкого владычества. Оказывается, это неверно.

Надо сказать, что Славянские комитеты (в Москве, Петербурге, Одессе) пытались не допускать того, чтобы болгарские воспитанники оставались в России после завершения обучения³². Большинство учащихся отправлялись в свое отечество, исключения были редки, и к ним принадлежит Р. Жинзифов.

болгарская земля вся черна и вся наполнена «вязкою мерзостью» — плод долговекового ига»²⁷.

В 1864 г. и в последующие несколько лет Жинзифов получал приглашения из Белграда, Софии, Болграда и других городов занять там место учителя. Его отказ ехать на Балканы болгарский ученый Ил. Конев объяснял «страхом» примкнуть к революционным силам Болгарии в 1870-е годы и «работать для освобождения своего народа в исключительно трудных условиях Турции». Именно в противоречии между любовью к родине и «бегством» от революционного движения, от непосредственного участия в политической жизни Болгарии Конев видел трагизм судьбы Жинзифова, который предпочел действовать во имя освобождения своего народа «пером» и из Москвы²⁸. Болгарский ученый Д. Леков полагал, что тяжелая миссия «будителя» была ему просто не по силам²⁹.

В архивном фонде дипломата

Он нашел место преподавателя греческого языка в Лазаревском институте восточных языков, одновременно работая учителем греческого языка в 1-й и 2-й московских гимназиях, «и получал очень хорошее жалованье», сообщал его приятель Нешо Бончев, вошедший в историю болгарской литературы как первый болгарский литературный критик. В 1870-е годы Жинзифов учительствовал в Лицее цесаревича Николая, в 5-й московской гимназии (1875 г.). В этом же году он получил чин коллежского асессора (VIII класс)³³, который соответствовал чину майора и давал право на личное дворянство.

Несмотря на то, что Жинзифов довольно прилично устроился в Москве, на него периодически нападало настроение переменить место жительства, вернуться в Болгарию³⁴. В 1866 г. он туда отправился для сбора этнографического и статистического материала, а также посетил Македонию, свою родину, где не был 10 лет. Однако он не смог примириться с турецкими порядками³⁵ и вернулся в Москву. Результатом этой двухмесячной поездки (июнь-июль) стал обширный и очень информативный очерк «Из заметок путешественника по Македонии», опубликованный в пяти номерах газеты «Современная летопись» (1866). В нем рассказывалось о реальном положении христиан в Турции, о разорительных налогах, разбоях и убийствах христиан, которые стали обычным явлением, об административном произволе, о процессе османизации через образование, о церковной борьбе греков и болгар и их взаимной ненависти, об успехах католической пропаганды.

Материальное положение Жинзифова со временем настолько упрочилось, что в феврале 1868 г. он смог стать членом Московского славянского комитета, куда следовало платить взносы (5 руб. в год)³⁶, а также не отказался от приглашения быть членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии³⁷, где также существовали членские взносы. В 1870 г. его избрали действительным членом Болгарского литературного общества (прообраз Болгарской Академии наук).

Жинзифов принимал в работе Славянского комитета самое активное участие. Хорошо зная нужды болгарских студентов, он содействовал оказанию финансовой помощи особо нуждавшимся в ней, например, стипендиатам министерства народного просвещения К. Везенкову из Крушево и Ташеву, который в тот момент находился в больнице (ноябрь 1868 г.), иеродиаконам Игнатию и Харалампию из болгарского Рильского монастыря, обучавшимся в Московской духовной семинарии, а также Павлу Христовичу Высковскому, приехавшему в Москву, чтобы изучать фотографическое искусство³⁸.

Близко общаясь с членами Славянского комитета, видными славянофилами, Жинзифов не мог не разделять их взглядов. Вполне понятно, что такие яркие, талантливые, к тому же искренне болевшие душой за славянское дело люди как И.С. Аксаков, Н.А. Попов и др. оказали огромное влияние на молодого человека, приехавшего из глухого угла Османской империи,

каковым в то время был Румелийский или Битольский эйялет. Их активная позиция на поприще просвещения славянских народов, в том числе болгар, была созвучна мыслям, чувствам и последующей деятельности Жинзифова на этой стезе. К сожалению, болгарская историография, следуя установкам марксистской методологии, «порицала» его за славянофильство и за отсутствие революционных порывов и настроений. Но не все же могут сражаться на баррикадах! В настоящее время в литературоведении поставлен вопрос о необходимости применить иные подходы к изучению таких проблем как «Жинзифов и славянофилы», идеология Жинзифова, его творчество и т.п.³⁹

Жинзифов много печатался в русской периодике (газеты «День», «Современная летопись», «Москва», «Московские ведомости» и др.), информируя русского читателя о событиях, имевших место у западных и южных славян. Значительное место в его журналистской деятельности занимало освещение греко-болгарского церковного вопроса, сложного и трудного процесса создания болгарского экзархата.

Много и плодотворно Жинзифов работал во имя просвещения болгарского народа. Он писал Бартеневу 26 июня 1864 г.: «Первым и непременно долгим моим будет — издавать свои или чужие книги, словом, чем только могу, зародышу нашей “книжницы”, отсутствие которой меня с ума сводит»⁴⁰. Его перу принадлежат переводы на болгарский язык стихотворений Т.Г. Шевченко, М.Ю. Лермонтова и других поэтов, а также несколько оригинальных произведений, например, поэма «Кровавая рубашка». В ней содержался рассказ старой болгарки о том, как турки ни за что убили ее единственного сына. Его окровавленная рубашка, которую несчастная мать хранила, взывала к мщению, и эти чувства находили отклик у болгарского читателя. Свои переводы и произведения на болгарском языке Жинзифов посылал в болгарские периодические издания «Българска пчела», «Дунавска зора», «Народност», «Македония», «Свобода» и др. Жинзифов стал первым историком болгарской литературы, написав для сборника «Поэзия славян» специальную статью, где было прослежено развитие болгарской словесности, начиная с Паисия Хилендарского и до 1871 г., когда вышел в свет этот сборник (издатель — русский поэт, переводчик, библиограф Н.В. Гербель).

Литературное творчество Жинзифова принадлежит в равной степени и Болгарии, и Северной Македонии. До 1878 г. земли этих государств входили в состав Османской империи, а в ее православном миллете, в котором объединялись все православные народы Турции, шло интенсивное размежевание на греков, эллинофилов, приверженцев Константинопольской патриархии, и славян — болгар, которые отстаивали право на собственную независимую от Вселенского патриарха церковь. После 1870 г., когда султанский фирман объявил о создании Болгарского экзархата, в провинциях со смешанным населением (прежде всего в Македонии), где должен был пройти «истилям» (опрос), с новой силой развернулась борьба за па-

ству: к какой церкви она перейдет. В своих сочинениях Жинзифов отразил перипетии церковной распри между греками и болгарами, при этом он защищал интересы славян, которые проживали на территории современных государств Болгарии и Северной Македонии и которых он называл болгарами. Кроме того, для него важно было доказать всему миру, что на земле, где он родился, в Македонии, жили не греки, а славяне, болгары (болгаро-македонцы). В его время не было отдельного славянского народа — македонцы, это уже история, до которой он не дожил.

Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по просьбе И.С. Аксакова Жинзифов начал составлять «Дорожник по Македонии», или иначе географическо-статистическое описание Македонии», а также небольшой русско-болгарский словарь. Но работа не была завершена: Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов умер в свой день рождения 15 февраля 1877 г. в возрасте 38 лет.

В России, ставшей второй родиной для Жинзифова, раскрылся его талант поэта, переводчика, писателя, журналиста. Его произведения на болгарском языке, адресованные болгарскому читателю, внесли свой вклад в развитие Болгарского возрождения и просвещения. Он выполнил и другую, весьма важную миссию, стоявшую перед патриотами-болгарами: создание в русском обществе образа угнетенного, страдающего болгарского народа, ждущего помощи от России — как в решении церковного вопроса, так и в освобождении от турецкого ига.

ЛИТЕРАТУРА

- Бершадская МЛ.* Райко Жинзифов и славянофилы // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М., 1999. С. 231–236.
- Билунов БН.* Болгария и Россия. М., 1996. 492 с.
- Ерихонов Л.С.* Р. Жинзифов и П.И. Бартенев // Известия на Института за литература. Кн. XVI. София, 1965. С. 163–190.
- Конев Ил.* Райко Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 151–191.
- Леков Д.* Райко Жинзифов. Литературно-критически очерк. София, 1979. 87 с.
- Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 3. София: Бълг. писател, 1977. 678 с.
- Смольянинова МГ.* Райко Жинзифов в России // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 100–122.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Конев Ил.* Райко Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 153.
- ² *Ерихонов Л.С.* Р. Жинзифов и П.И. Бартенев // Известия на Института за литература. Кн. XVI. София, 1965. С. 175.
- ³ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 2. София, 1964. С. 218.

- ⁴ *Конев Ил.* Приложение. Неопубликовани писма на Р. Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. 1958. С. 197.
- ⁵ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 2. С. 218.
- ⁶ Архив на Г.С. Раковски. Т. 2. София, 1957. С. 410.
- ⁷ *Ерихонов Л.С.* Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 175.
- ⁸ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 445. Д. 280. Л. 82 и об.
- ⁹ Там же. Д. 279. Л. 8.
- ¹⁰ *Ерихонов Л.С.* Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 174.
- ¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 558. Л. 169.
- ¹² См.: *Фролова М.М.* Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки // Славяноведение. 2013. № 6. С. 62–70.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 141. 6 декабря 1858 г.
- ¹⁴ *Ерихонов Л.С.* Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 174.
- ¹⁵ Там же. С. 179.
- ¹⁶ Там же. С. 169, 185.
- ¹⁷ Там же. С. 190.
- ¹⁸ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1888. С. 66.
- ¹⁹ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 78.
- ²⁰ *Лантвева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997. С. 55–56.
- ²¹ И.С. Аксаков в его письмах. С. 373.
- ²² Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. С. 62.
- ²³ *Ерихонов Л.С.* Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 175, 174.
- ²⁴ *Билунов Б.Н.* К истории «Болгарской дружины» — организации болгарских студентов в Московском университете // *Билунов Б.Н.* Болгария и Россия. М., 1996. С. 193.
- ²⁵ Жинзифов Р. Новобългарска сбирка. М., 1863.
- ²⁶ *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 3. София, 1977. С. 476.
- ²⁷ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. С. 62.
- ²⁸ *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 171–172.
- ²⁹ *Леков Д.* Райко Жинзифов. Литературно-критически очерк. София, 1979. С. 25.
- ³⁰ Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 325. Оп. 1. Д. 370. Л. 1.
- ³¹ *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 171; *Леков Д.* Райко Жинзифов. С. 25; *Смольянинова М.Г.* Райко Жинзифов в России // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 109.
- ³² *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 104.
- ³³ *Пенев Б.* Указ. соч. С. 476.

- ³⁴ *Конев Ил.* Райко Жинзифов. С. 170–171.
- ³⁵ Там же. С. 171.
- ³⁶ *Конев Ил.* Неопубликовани писма на Р. Жинзифов. С. 220.
- ³⁷ Там же. С. 206, 207.
- ³⁸ Там же. С. 209, 215, 223.
- ³⁹ *Бершадская МЛ.* Райко Жинзифов и славянофилы // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М., 1999. С. 231.
- ⁴⁰ *Ерихонов Л.С.* Р. Жинзифов и П.И. Бартенев. С. 186.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет Р. Жинзифова.
2. Титульный лист сборника «Братски труд». Кн. IV. М., 1862.
3. Титульный лист книги Р. Жинзифова «Новобългарска сбирка». М., 1863.

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ВЕНЕЛИН И ЕГО ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ И НЫНЕШНИХ БОЛГАР*

Аннотация:

В статье освещаются жизненный путь и научное творчество зачинателя русской болгаристики Ю.И. Венелина, его деятельность в Обществе истории и древностей российских. Он совершил первую научную командировку в Болгарию, но собранные им материалы были опубликованы лишь после его смерти. Большинство историков (в том числе и знаменитый П.И. Шафарик) весьма критически отнеслись к сочинению Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829). Но для болгарского общества периода национального Возрождения оно имело особую значимость и оказало на него огромное влияние. В настоящее время труды Венелина вновь привлекают внимание, что выражается в их переиздании.

Ключевые слова:

Ю.И. Венелин, И.И. Молнар, М.П. Погодин, Общество истории и древностей российских, Болгарское возрождение.

Abstract: M.M. Frolova “YURI IVANOVICH VENELIN AND HIS HISTORICAL WORK ON THE ANCIENT AND MODERN BULGARIANS...”

The article highlights the life and academic activities of Y.I. Venelin, the founder of Russian Bulgarian studies and his work in the Moscow Society of History and Russian Antiquities. He made the first professional trip to Bulgaria, but the materials he collected were published after his death. Most historians (including the famous P.J. Shafarik) were very critical of Venelin's essay “Ancient and Modern Bulgarians in their political, folk-written, historical and religious attitude to the Russians” (1829). But for the Bulgarian society of the period of national revival, it had a special importance and made a huge impact. Nowadays the works of Venelin attract attention again, which is reflected in their republications.

Keywords:

Y.I. Venelin, I.I. Molnar, M.P. Pogodin, Moscow Society of History and Russian Antiquities, Bulgarian revival.

Венелин Юрий (Гуца Георгий) Иванович (1802–1839), зачинатель Российской болгаристики, принадлежит к той счастливой плеяде деятелей науки и культуры, интерес к которым с течением времени не иссякает. Огромную, посвященную ему литературу российский ученый Г.К. Венедиктов по праву назвал венелианой¹. Профессор Московского университета Л.П. Лаптева причисляла Венелина к числу тех ученых, которые

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

*Юрий Иванович
Венелин*

в период становления славяноведения в России создавали фундамент для дальнейшего развития этой науки².

Ю.И. Венелин родился в 1802 г. в семье сельского священника И. Гуца в с. Тибава (или Великая Тибава, Большая Тибава) в Закарпатье, которое тогда находилось в составе Австрийской империи, а в 1945 г. было присоединено к Украинской Советской Социалистической Республике, одной из 15 республик Советского Союза (ныне Украина). После окончания гимназии в г. Унгвар (ныне Ужгород, Украина) Гуца Георгий (так нарекли мальчика при рождении) там же поступил в духовную семинарию, а затем учился в епископском лицее в г. Сатмаре (ныне г. Сату-Маре, Румыния) вместе со своим двоюродным братом И.И. Молнаром (1802–1872). В 1822 г. юноша продолжил свое образование на философском факультете в университете во Львове (ныне Украина)³.

К 1821 г. относятся первые записи Венелина по истории славян, которая сделалась его подлинной страстью.

Богатейшее собрание книг и рукописей библиотеки Львовского университета предоставило ему обильный материал из византийских и западноевропейских источников для изысканий в «темных веках» славян. Его языковая подготовка немало способствовала поискам необходимых сведений: Венелин прекрасно знал древнегреческий язык и латынь, свободно говорил по-магьярски (по-венгерски), по-немецки, по-французски, хорошо понимал английский, итальянский, испанский, волошский (румынский) языки. Легко овладел он и славянскими языками.

Карьера католического священника вскоре перестала быть для Венелина привлекательной, а кроме того, католические монахи задумали постричь молодого человека и его двоюродного брата в монахи, предугадав в них даровитых и полезных деятелей для своей конфессии, поэтому юноши решили бежать из Австрии, чтобы порвать со своей зависимостью от духовной семинарии, воспитанниками которой являлись⁴. Тогда же Гуца переименовал свою фамилию — на Венелович (Венелин). Выбор страны, где он «пламенно желал поселиться», — Российская империя — был обусловлен тем, свидетельствовал Молнар, что он «питал к России глубочайшее

благоговение» и чувствовал себя россиянином⁵, а по происхождению являлся карпато-россом или русином.

Перейдя тайно австрийско-российскую границу, молодые люди сначала обосновались в Кишиневе (1823–1825 гг.). Здесь Венелин преподавал математику в семинарии и работал воспитателем. Но главное, что он воочию познакомился с бытом и культурой болгар-переселенцев, называя этот край «маленькой Болгарией, соплеменной Руси». В 1825 г. Венелин и Молнар направились в Москву, где поступили на медицинский факультет Московского университета. В 1829 г. Венелин его закончил «с хорошими успехами». Однако любовь к истории оказалась сильнее, к тому же она получила мощную поддержку в лице преподавателя Московского университета М.П. Погодина (1800–1875), защитившего в 1825 г. магистерскую диссертацию «О происхождении Руси». Именно Погодин побудил Венелина написать книгу «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829), которую издал за свой счет, будучи покорен «ребячески чистой душой» автора и его «мечтами о булгарах»⁶. Это сочинение было весьма актуальным, поскольку шла русско-турецкая война 1828–1829 гг. Из дневниковой записи М.П. Погодина от 26 марта 1829 г. узнаем о том, что вечером он отправился на квартиру к Венелину, «чтоб увидеться с А.С. Хомяковым» (1804–1860), впоследствии известным философом, поэтом, славянофилом, а тогда поручиком Белорусского гусарского полка, который приехал в Москву в отпуск с Балканского полуострова и «рассказывал о походе»⁷. После заключения Адрианопольского мира в Москву в феврале 1830 г. возвратился и П.А. Муханов (1797–1871), штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка, археограф и историк, впоследствии попечитель Варшавского учебного округа, председатель Императорской археографической комиссии. Он познакомил москвичей с бытом болгар. Погодин предложил Муханову прочитать книгу Венелина, о которой он отозвался так: «Более половины тома Венелина я прочел. Болгары описаны верно, что замечу, сообщу»⁸.

При содействии новых московских знакомых, прежде всего Погодина, а также русских литераторов С.Т. Аксакова и князя А.А. Шаховского Венелин был представлен президенту Императорской Российской академии А.С. Шишкову⁹, который с пониманием отнесся к его идее совершить научное путешествие в Болгарию «для филологических и исторических изысканий». 28 сентября 1829 г. на заседании Академии этот вопрос был решен положительно. 19 апреля 1830 г. Венелин покинул Москву и пустился в путь, получив от Академии инструкцию и деньги: на поездку 6000 руб. и на приобретение книг и рукописей еще 1000 руб.¹⁰. Однако ситуация, когда победоносные русские войска согласно Адрианопольскому мирному договору 1829 г. покидали Болгарию, не способствовала научным исследованиям: Венелину удалось посетить только Варну и ближайшие к ней города, а также Силистрию, но эти местности были опустошены войной. А вот поиски в архиве Бухарестской митрополии оказались плодотворны-

ми: ученый нашел большое число грамот XIV–XVII вв. на славянском языке, которые впоследствии подготовил к печати. Этот труд «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты» получил положительный отзыв академика А.Х. Востокова, но вышел в свет только в 1840 г., т.е. после смерти его автора, и долго сохранял свое научное значение.

В целом, несмотря на сложность и обширность задач, которые путешественник поставил перед собой, многое ему все же удалось выполнить за столь краткое время командировки. По возвращении в Москву в октябре 1831 г. Венелин погрузился в обработку привезенных материалов, которые были у него «на лоскутках»¹¹. Поскольку Академия отказала в стипендии на период подготовки к представлению рукописей, ему пришлось искать заработок в виде частных уроков.

В списке задач, которые стремился выполнить ученый во время своего путешествия, первым пунктом значилось собирание болгарских народных песен. Будучи историком-романтиком, Венелин считал, что народная поэзия является одним из важнейших источников познания не только характера, обычаев и обрядов народа, но и его истории. Собираанию песен он уделял большое внимание и после завершения научной командировки, и они (числом 50) вошли в издание, осуществленное впоследствии русским славистом П.А. Бессоновым, — «Болгарские песни из сборников Ю.Ив. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар» (М., 1855. Вып. 1–2).

Одним из главнейших результатов научного путешествия Венелина на Балканский полуостров стала «Грамматика нынешнего болгарского наречия», которая была закончена в 1834 г. Рукопись получила в целом положительную оценку профессора Московского университета И.И. Давыдова, и академик Востоков, несмотря на ряд критических замечаний, нашел, что ее публикация принесет большую пользу славянскому языкознанию. Однако Российской академией в 1837 г. был вынесен отрицательный вердикт, что закрыло «дорогу труду Венелина к изданию»¹². Важно отметить, что после смерти Венелина и в России, и в Болгарии не раз высказывались пожелания опубликовать первую в истории болгаристики «Грамматику», положившую начало научной разработке новоболгарского языка в России. И только в 1997 г. российский филолог Г.К. Венедиктов претворил их в жизнь, подготовив к печати по сохранившейся рукописи это важнейшее сочинение Ю.И. Венелина.

В 1835 г. на словесном отделении философского факультета Московского университета открывалась кафедра «истории и литературы славянских наречий». Венелин, надеясь занять ее и тем самым поправить свое тяжелое материальное положение, в 1834 г. написал «конспект преподавания» этих предметов, который стал первым опытом описания программы курса университетского славяноведения. Но он не имел ученой степени по филологии или истории и, согласно уставу, не мог занимать кафедру. Ее получил профессор М.Т. Каченовский (1775–1842). А рукопись «конспекта», обнаруженная славистом П.А. Лавровым, была опубликована в 1898 г.

Венелин тяжело переживал следовавшие одна за другой неудачи, но научные занятия не оставлял, хотя ему и не удалось выполнить поставленную задачу составления словаря болгарского языка, так как не было собрано достаточного полевого материала, да и работа над вторым томом истории болгар требовала много сил и времени.

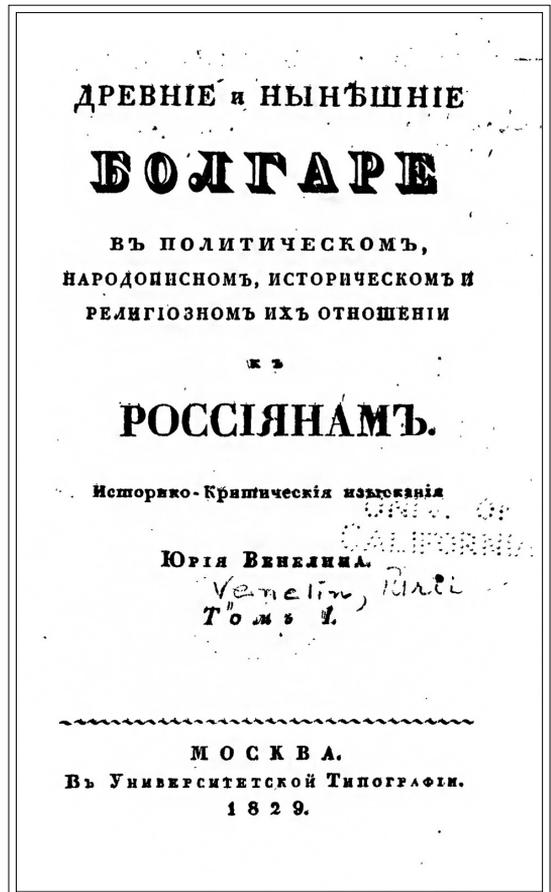
Московские доброжелатели Венелина являлись членами Общества истории и древностей российских (ОИДР), и он был избран в его действительные члены на заседании 5 ноября 1832 г.¹³. Научные дискуссии и обсуждения в стенах ОИДР продолжались на литературных вечерах, которыми славилась Москва 1830–1840-х годов. Мысль Венелина о том, что славяне были не пришлым народом, как утверждали немецкие историки, а туземным (автохтонным) населением Европы разделял А.Д. Чертков, который во время своего путешествия по Италии и Сицилии (1823–1825 гг.) отметил сходство этрусского письма с «руническими буквами, в употреблении бывшими у славян Балтийского моря»¹⁴. Во Флоренции он познакомился с итальянским ученым С. Чиаппи, который предложил попробовать дешифровать этрусский язык, опираясь не на греческий и латинский, а на славянские языки. В 1833 г. Чиаппи был избран в действительные члены ОИДР. Его идея, вкупе с увиденными в доме Черткова этрусскими древностями (вазами, зеркалами с надписями), не могла не увлечь Венелина. Историк и этнограф М.Н. Макаров, действительный член ОИДР, рассказывал об одной из своих встреч с Венелиным на даче князя С.М. Голицына, «последнего московского вельможи». Приятели отделились от гостей и долго рассуждали на свою любимую тему — о славянах, о древнейших их поселениях на берегах Адриатического моря и даже в Испании¹⁵.

Внезапная кончина Венелина в марте 1839 г. поразила его друзей и коллег по ОИДР. Их память и уважение к личности ученого и его трудам ярко проявились в том, что на страницах журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских» с 1846 г. по 1870 г. было напечатано 12 работ Венелина, извлеченных из его архива, который хранился сначала в семье Молнара, а затем был передан в ОИДР, а ныне находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В настоящее время существует около 70 публикаций его сочинений, дневниковых записей и писем, и переиздание его основных работ продолжается.

Обратимся теперь к знаменитой книге Венелина «Древние и нынешние болгаре...». В первой четверти XIX в. господствовало мнение западноевропейских ученых А.Л. Шлецера, И.Х. Энгеля, Й.Тунманна, К. Цейса, которые считали, что орда хана Аспаруха, пришедшая на Балканы в VII веке, имела турецко-татарское происхождение. Поселившись среди славян, она в них растворилась, но оставила свое имя — болгары. Эту точку зрения разделяли русские историки Н.М. Карамзин, М.Т. Каченовский, Х.А. Шлецер и др. Венелин страстно выступил в защиту концепции славянского этноса прото-болгар, одновременно опровергая и норманнскую теорию о происхождении русского народа, имевшую ту же схему. Он утверждал, что Болгарское

славянское государство существовало с древнейших времен, и начала его терялись в хаосе так называемого Скифского мира. Турки низвергли его в конце XIV в., но сам болгарский народ не исчез, только о нем имелось мало сведений, и европейцы о нем забыли: таким образом, он лишился не только своей государственности, но и истории. «Умственное состояние болгар, — писал Венелин, — соответствует их политическому: будучи рабами, они погружены в невежество, общее не только им, но и их господам»¹⁶. Ученый решил разрушить забвение: «История — это дорога воскрешения: через нее можно снова дать жизнь народу»¹⁷. Венелин считал, что необходимо напомнить болгарскому народу о его благородном происхождении, вернуть историческую память, соседям же — знание о нем и почтительное к нему отношение. Скудость исторических свидетельств и фактов, слабая разработанность темы заставляли пылкую и романтическую натуру Венелина домысливать многое усилиями воображения. Научная критика приняла это сочинение весьма отрицательно («некритическое, полное различных фантазий, заблуждений, неправильностей, бессмыслиц»¹⁸ — мнение чешского слависта П.И. Шафарика). «Художественная яркость текста Венелина, его откровенная эмоциональность и личный пафос вызвали предубеждение у строгих ученых историков немецкой школы»¹⁹, — подчеркивал известный российский философ, литературовед и писатель Г.Д. Гачев.

Погодина же поразили смелость и новизна идей Венелина о том, что славяне прежде VI века жили под другими именами. Погодин констатировал, что никто из историков, воспитанных «в строгом правиле» Шлецеровой критики, не думал о народе до появления его в летописи и не смел от VI века оглядываться и искать славян ранее.

*Титульный лист книги
«Древние и нынешние болгары
в политическом, народописном,
историческом и религиозном
их отношении к россиянам».*

(М., 1829)

По признанию Погодина, именно сближение с Венелиным много содействовало развитию его любви к славянам. Одно только в то время огорчало Погодина, что студенты не покупали книги Венелина²⁰.

Но как переменялось все, когда Венелина и его труд открыли для себя сами болгары, сначала те, которые жили в России. На них это сочинение произвело необыкновенное действие. Многие из них прежде стыдились признаться в том, что они, болгары, и выдавали себя за греков. Венелин силой своего таланта и любви к славянству доказал, в первую очередь, именно самим болгарам, сколь прекрасна их народность и великолепна их история, но как печальна их участь теперь, под гнетом турок, при греческом духовном засилье и удручающем положении народного просвещения. Следует заметить, что Венелин сам не ожидал от своих изысканий такого эффекта именно в болгарской среде, поскольку предназначал их, прежде всего, для людей науки. Пробужденное национальное самосознание представителей болгарской эмиграции заставило действовать их на ниве просвещения своего народа. Одесский торговец В.Е. Априлов (1789–1847), бывший ревностным эллинофилом и являвшийся в 1828–1830 гг. членом Греческого училищного настоятельства в Одессе, теперь вместе с богатыми болгарскими купцами Н. Палаузовым, Хр. Мустаковым и другими создал попечительство по сбору средств для постройки в Габрово светской школы нового типа, ставшей образцом для создаваемых в Болгарии новых учебных заведений вместо так называемых «келийных» начальных школ. «Идеи Венелина, — считал Гачев, — образовали в духовной жизни Болгарии как бы магнитное поле с его силами притяжения и отталкивания»²¹. Обаяние и воздействие его сочинений, составивших эпоху в национальном самосознании болгарского народа, замечается в творчестве видных деятелей Болгарского возрождения — Г.С. Раковского, Р. Жинзифова, Л. Каравелова, С. Палаузова, М. Дринова, Д. Войникова, В. Друмева, П. Славейкова, Д. Чинтулова и др.

Смерть Ю. Венелина многие болгары восприняли как уход из жизни очень близкого им человека. Г. Пешаков, который в 1837 г. воспел ученого в своей оде, теперь написал скорбное стихотворение «Рыдание на смерть Ю.И. Венелина». Не случайно, что именно на средства болгар из г. Одессы в 1841 г. был возведен памятник на могиле ученого в Даниловом монастыре — белая колонна из итальянского мрамора, завершавшаяся урной и крестом. Высеченная на нем надпись гласила: «Юрию Ивановичу Венелину одесские болгары. 1841. Родился 1802, скончался 1839 года. Напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар, и пламенно желал видеть его возрождение. Боже Всемогущий! Услыши молитву раба Твоего!»²². К сожалению, это надгробие не сохранилось. Но память об ученом продолжает жить в Болгарии: удивительным образом его фамилия Венелин стала распространенным личным именем, которым многие болгары нарекают своих детей.

ЛИТЕРАТУРА

- Байцура Т.* Юрий Иванович Венелин. Братислава, 1969. 174 с.
- Венедиктов Г.К.* О путешествии Ю.И. Венелина в Болгарию // Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831). М., 2005. С. 3–16.
- Венедиктов Г.К.* О судьбе «Грамматики нынешнего болгарского наречия» Ю.И. Венелина // *Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского наречия. М., 1997. С. V–XXII.
- Гачев Г.Д.* «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф // Ю.И. Венелин в Болгарском Возрождении. М., 1998. С. 27–51.
- Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.
- Никулина М.В.* Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в Болгарском Возрождении. М., 1998. С. 122–147.
- Смолянинова М.Г.* Юрий Венелин и болгарская литература эпохи национального Возрождения // Ю.И. Венелин в Болгарском Возрождении. М., 1998. С. 5–26.
- Фролова М.М.* Ю.И. Венелин и Общество истории и древностей российских // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 143–151.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Венедиктов Г.К.* О путешествии Ю.И. Венелина в Болгарию // Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831). М., 2005. С. 4.
- ² *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 88.
- ³ *Байцура Т.* Юрий Иванович Венелин. Братислава, 1969. С. 47–49.
- ⁴ Там же. С. 51.
- ⁵ Там же. С. 50.
- ⁶ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1889. Т. 2. С. 379; СПб., 1890. Т. 3. С. 108.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 311.
- ⁸ Там же. Т. 3. С. 130.
- ⁹ *Никулина М.В.* Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в Болгарском Возрождении. М., 1998. С. 124.
- ¹⁰ Там же. С. 128.
- ¹¹ Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831). М., 2005. С. 151.
- ¹² *Венедиктов Г.К.* О судьбе «Грамматики нынешнего болгарского наречия» Ю.И. Венелина // *Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского наречия. М., 1997. С. XI–XIII.
- ¹³ Там же. С. 197.
- ¹⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445. Д. 302. Л. 214 об.

- ¹⁵ Макаров М. [«Еще мысль Венелина»] // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. № 25. С. 539.
- ¹⁶ Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829. С. 8, 15.
- ¹⁷ Гачев Г.Д. «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф // Ю.И. Венелин в Болгарском Возрождении. С. 30.
- ¹⁸ Цит. по: Лантева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. С. 81.
- ¹⁹ Гачев Г.Д. «Древние и нынешние болгаре» Венелина... С. 36.
- ²⁰ Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 2. С. 382, 388.
- ²¹ Гачев Г.Д. «Древние и нынешние болгаре» Венелина... С. 50.
- ²² Байцура Т. Юрій Іванович Венелін. С. 169; Смольянинова М.Г. Юрий Венелин и болгарская литература эпохи национального Возрождения // Ю.И. Венелин в Болгарском Возрождении. С. 24

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Венелин Юрий Иванович (1802–1839).
2. Титульный лист книги: «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». (М., 1829)
3. Рисунок памятника Ю.И. Венелину, воздвигнутый одесскими болгарями в 1841 г. на его могиле в Свято-Даниловом монастыре (не сохранился). Этот рисунок помещен в книге В. Априлова «Денница новоболгарского образования» (Одесса, 1841. С. 126).

ПОВЕСТЬ А.Ф. ВЕЛЬТМАНА
 «РАЙНА, КОРОЛЕВНА БОЛГАРСКАЯ»
 В ВОЗЗРЕНИЯХ ЭПОХИ
 (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.)¹

Аннотация:

В статье сообщается об одаренном писателе А.Ф. Вельтмане и его повести «Райна, королева болгарская», которая, будучи переведенная на болгарский язык, оказала значительное влияние на болгарского читателя и театрального зрителя. Исследование реалий русского общества первой половины XIX в., когда жил и творил А.Ф. Вельтман, а именно: русско-турецкой войны 1828–1829 гг., деятельности Общества истории и древностей российских, существовавшей в тот период историографии, позволяет проникнуть в творческую лабораторию автора и выявить его позицию в отношении болгарского народа. Следует особо подчеркнуть, что через всю повесть Вельтмана проходит лейтмотивом идея исторического предопределения России в освобождении Болгарии, которая воспринималась болгарским обществом второй половины XIX в. с большим воодушевлением и надеждой.

Ключевые слова:

А.Ф. Вельтман, повесть «Райна, королева болгарская», русско-турецкая война 1828–1829 гг., Общество истории и древностей российских, А.Д. Чертков.

Abstract: M.M. Frolova "A.F. Veltman and his story "Raina, the Princess of Bulgaria" in the issues of the second quarter of the 19th century".

The article talks about talented writer A.F. Veltman and his story «Raina, the Princess of Bulgaria», which was translated into Bulgarian and had a significant influence on the Bulgarian reader and theater audience. The study of the realities of Russian society of the first half of the 19th century, when A.F. Veltman lived and worked, the Russian-Turkish war of 1828–1829, the activities of the Society of History and Russian Antiquities, historiography, which existed in that period, allows us to enter the creative mind of the author and identify his attitude towards the Bulgarian people. It should be emphasized that the idea of the historical predestination of Russia in the liberation of Bulgaria, which was embraced by the Bulgarian society in the second half of the 19th century with great enthusiasm and hope, is the leitmotif of the whole novel of Veltman.

Keywords:

A.F. Veltman, «Raina, the Princess of Bulgaria», Russian-Turkish war of 1828–1829, Moscow Society of History and Russian Antiquities, A.D. Chertkov.

Александр Фомич Вельтман (1800–1870) внес значительный вклад в развитие культуры России и Болгарии, будучи одаренным писателем, поэтом, историком, членом-корреспондентом Императорской Академии наук, директором Московской Оружейной палаты, поднявшись по

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

служебной лестнице до действительного статского советника (4-й класс, соответствовал генерал-майору в армии). После окончания Училища колонновожатых (прообраз Академии Генштаба) в чине прапорщика свиты Его императорского величества по квартирмейстерской части (название Генштаба Российской империи до 1827 г.) его направили в Бессарабию, которая после русско-турецкой войны 1806–1812 гг., согласно Бухарестскому миру 1812 г., была присоединена к России. В составе военно-топографической комиссии Вельтман занимался картографированием Бессарабии и за отличную службу был награжден бриллиантовым перстнем, чином штабс-капитана (1826 г.) и назначен начальником Исторического отдела Императорской Главной квартиры. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он получил за храбрость орден Св. Владимира 4-й степени и чин капитана. В 1831 г. по болезни уволился в чине подполковника и поселился в Москве, где началась его плодотворная литературная и общественная деятельность. На его знаменитые литературные четверги съезжались известные писатели, историки (М.Н. Загоскин, В.И. Даль, И.И. Срезневский, М.П. Погодин, А.Н. Островский и др.), а также художники и музыканты.

Вельтман стал автором 15 романов, десятков повестей и рассказов, явившись родоначальником жанра исторического фэнтези [«Кощей бессмертный, былина старого времени» (1833); «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835)], одним из первых в мировой литературе применил прием путешествия во времени [«Александр Филиппович Македонский. Предки Калимероса» (1836)]. Его произведения были необычайно популярны в России в 1830–1840-х годах, но практически забыты в конце XIX в. с утратой романтизмом своего ведущего значения в литературе.

В 1843 г. вышла в свет повесть Вельтмана «Райна, королевна болгарская», которая пользовалась огромной популярностью в среде болгарской эмиграции и в самой Болгарии во второй половине XIX в. В 1852 г. болгарский читатель увидел ее даже в двух переводах на болгарский язык: один принадлежал первой болгарской поэтессе Елене Мутевой (1825–1854), а другой — болгарскому просветителю и педагогу Йоакиму Груеву (1828–1912). Добри

*Александр Фомич
Вельтман*

Войников (1833–1878) создал на ее основе драму «Райна-княгиня», и она многие годы с огромным успехом шла на профессиональных и любительских сценах Болгарии и Валахии. Иллюстрации к «Райне» художника Николая Павловича (1835–1894) стали классикой болгарского изобразительного искусства². Повесть Вельтмана, отмечал болгарский литературовед Д. Леков, оказала «воздействие на формирование художественных критериев и вкуса» болгар второй половины XIX в. и «присутствует» в творческом мире литераторов и писателей» Болгарии³. Она открыла путь исторического романа в болгарской литературе⁴. И хотя считается, что «Райна, королева болгарская» стала одним из «самых исследованных произведений»⁵ переводной литературы периода болгарского Возрождения, тем не менее, остаются невыясненными многие вопросы, на которые можно ответить, только внимательно изучая реалии русского общества первой половины XIX в., когда жил и творил А.Ф. Вельтман.

О чем же эта повесть? О прекрасной любви киевского князя Святослава и дочери болгарского короля* Петра Райны, о коварных придворных интригах в борьбе за болгарский престол, что прихотливо вплетается автором в ткань повествования о двух походах князя Святослава в Болгарию в конце X в., известных по русской летописи и византийским источникам. Святослав по приглашению византийского императора Никифора II Фоки (963–969 гг.) идет «воевать землю болгарскую и держать во власти своей», но в Болгарии он преобращается из врага в союзника и друга, способствует воцарению в Преславе законного наследника — Бориса. Получив тревожные вести из Киева, столицы Руси, о нападении на город печенегов и о болезни матери княгини Ольги, Святослав спешит на родину. Тем временем византийский трон занял Иоанн Цимисхий, который захватил и Преслав. Святослав возвратился в Болгарию с дружиной в 10 тыс. человек и в неравной схватке с 100-тысячным греческим войском у Доростола (современный г. Силистра) был вынужден отступить. Райна ушла вместе с возлюбленным, и они оба погибли от стрел печенегов на днепровских порогах. А Болгария попала под двухвековое владычество Византии.

Историки литературы в поисках ответа на вопрос, как родился замысел повести, полагали, что Вельтман познакомился с болгарским народом в годы своей службы в Бессарабии, где имелись болгарские поселения,

² *Иванова Бл.* Литографии от Възраждането в Народната библиотека «Св. св Кирил и Методий» // Историята и книгите като приятелство: сборник в памет на Митко Лачев / състав. Надя Данова и др. София, 2007. С. 441, 443–444, 446–447.

³ *Леков Д.* Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. София, 1988. Т. 1. С. 110.

⁴ *Георгиев Е.* Български образи в славянските литератури. София, 1969. С. 144.

⁵ *Аретов Н.* Преводната белетристика от първата половина на XIX в. София, 1990. С. 198.

* Вельтман использовал титул «король» для государей Болгарии, хотя в историографии они именуются царями. Болгарские переводчики передали этот титул каждый по-своему: Е. Мутева — как «царь», Й. Груев — как «князь».

а главное, во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Однако с этим утверждением нельзя согласиться. В романе «Странник» (1830–1832), который принес автору первую литературную славу, многие страницы посвящены военной кампании 1828 г. — походу русской армии от Дуная, через Базарджик к крепостям Шумле, Варне, а затем в Яссы на зимние квартиры, и при этом читатель ни разу не встретил в повествовании упоминания о болгарах. В романе чаще всего звучала молдавская речь, действующие лица говорили также на немецком, французском, новогреческом, турецком, арабском языках, даже на идише. А на болгарском нет ни одной фразы! Если обратиться к воспоминаниям и запискам русских офицеров о военной кампании 1828 г., то и там имеет место та же «странность»: в описаниях природы, климата, городов Болгарии отсутствуют сведения о болгарском населении. А объяснение этому находим в воспоминаниях генерал-майора П.Я. Купреянова, шедшего в авангарде русской армии: «Селения, лежащие по пути следования при приближении наших войск были оставляемы жителями, потому что турки угоняли всех с собой, понуждая к этому даже пушечными выстрелами»⁶. Вельгман прекрасно передал чувства русских воинов при вступлении в «пустой город» — Базарджик. «Мне кажется, не только люди и животные, но и все насекомые скрылись из него. Какая пустота! какая мрачность! Точно, как в сердце, оставленном надеждою». «Фонтаны не льются, они иссохли. В некоторых вода еще слезит, но она уже горька, как слезы... отравлена»⁷. В знаменитом Забалканском походе русской армии 1829 г. Вельгман не участвовал, поэтому он не мог знать, как полагала болгарская исследовательница Л. Минкова, сколь гостеприимно встречали болгары русские войска в 1829 г. в городах и селах Румелии⁸. А именно здесь русские познакомились с болгарским населением.

На наш взгляд, интерес Вельгмана к истории Болгарии развился благодаря атмосфере повышенного внимания к культуре славян, царившего в Обществе истории и древностей российских (ОИДР). 30 сентября 1833 г. Вельгман был единогласно принят в его действительные члены, представив в Общество свои книги: «Начертание древней истории Бессарабии» (М., 1828) и «Песнь ополчению Игоря Святославича» (М., 1833), т.е. перевод «Слова о полку Игореве»⁹. На заседании ОИДР 28 ноября 1834 г. он прочитал свою работу «О язычестве славяно-русов»; 28 марта 1842 г. — «О первобытной религии славяно-русов»; в 1840 г. подарил в библиотеку Общества книгу «Древние собственные славянские имена» (М., 1840)¹⁰. Вообще дея-

⁶ Купреянов П.Я. Действия Праводского отряда в 1828–1829 гг. Посмертные записки генерала Купреянова с планом // Военный сборник. 1875. Т. 101. № 2. С. 162.

⁷ Вельгман А.Ф. Странник. М., 1977. С. 102.

⁸ Минкова Л. Повестта на А.Ф. Велтман «Райна, королевна Болгарская» в преводната литература на българското възраждане и в историята на превода в България // Литературна мисъл. 1989. № 1. С. 102.

⁹ Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1837. Ч. VIII. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 296; Русский исторический сборник. 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 39.

тельность Вельтмана в ОИДР была интенсивна и разнообразна, но, к сожалению, она еще не стала предметом специального изучения.

В начале осени 1839 г. из зарубежной поездки в Москву возвратился вице-президент ОИДР А.Д. Чертков (1789–1858), участник осады Силистрии в 1828 г. В Ватиканской библиотеке он изучал знаменитую рукопись болгарского перевода византийской хроники Константина Манассии (XII в.), в которой болгарский переводчик XIV в. на полях киноварью дописал сведения о прошлом своей страны (глоссы). Ватиканский список был украшен 69 миниатюрами. Чертков заказал цветные копии миниатюр, которые относились к русской истории: крещение руссов, вступление Святослава в Дристр (Доростол), сражение русских с болгарами, вступление Цимисхия в Преслав, сражение русских и византийцев под Дристром. Копии глосс и миниатюр Чертков представил на заседании ОИДР 20 октября 1839 г.¹¹ Сюжеты о походах киевского князя Святослава в конце X в. вошли в его монографию «О переводе Манассииной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (М., 1842), а затем составили исследование «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (М., 1843).

Как известно, в русской историографии XIX в. господствовало мнение историографа Н.М. Карамзина о том, что Святослав, «образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага, и характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка»¹². Данное высказывание легло в основу последовавших вариаций на тему «Святослав — вождь бродячей дружины, последний варяжский князь, но не строитель русского государства». В таком ключе представал киевский князь и в работах М.П. Погодина, С.М. Соловьева, А.Ф. Гильфердинга, Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина, Н.А. Полевого, С.В. Бахрушина, А.Е. Преснякова и др. Чертков предложил и обосновал свою концепцию походов Святослава на Балканы. Его точка зрения на первый поход Святослава в Болгарию фактически повторяла общепринятую: по приглашению Византийской империи князь предпринял обыкновенный набег с целью получения добычи. Но после поселения в Переяславце произошли значительные перемены в его помыслах. Чертков доказывал, что «обыкновенный набег на Болгарию для получения добычи» превратился в великое предприятие Святослава, имевшее целью «перенести владычество русских с хладного севера на берега Черного моря и на плодородные равнины Болгарии, Фракии и Македонии», что «могло иметь важные следствия для исторической судьбы славян»¹³. В исследовании

¹¹ Труды и летописи ОИДР. 1837. Ч. VIII. С. 411.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 139.

¹³ Чертков А.Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. М., 1843. С. 245.

Черткова Святослав в конечном итоге выступал мудрым, дальновидным правителем. Для русской исторической науки такой взгляд на походы киевского князя на Балканы был нов и неожидан. Его разделял только Вельтман.

Сравнительно долгое время преобладало мнение, что Святослав огнем и мечом прошел по всей Болгарии, преодолел силой оружия сопротивление населения, кровавым террором навязал болгарам не только свою власть, но и заставил их помогать ему в войне с Византией. Считалось, что Святослав захватил в плен болгарского царя Бориса II (970–971 гг.), а византийский император Иоанн Цимисхий (969–976 гг.) в освобожденном от русских Преславе «ласково принял» последнего. Так писали М.М. Щербатов, И. Стриттер, позднее А.Ф. Гильфердинг, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, К. Иречек и др.

Чертков впервые в русской исторической науке выделил факты, свидетельствовавшие о дружеских, союзнических отношениях болгар и русских. Он считал, что болгарское войско составляло половину ратников Святослава, и болгарские воины вместе с русскими сражались под Аркадиополем и Преславом. Когда болгарского царя Бориса захватили византийцы и привели к Цимисхию, он носил знаки царского достоинства и «не был заключен Святославом в оковы». Руссы, писал историк, не тронули царских сокровищ, что сделали потом византийцы. Эти данные навели Черткова на мысль не только о дружественных отношениях болгар и русских, но и вероятном союзе между ними. Из современников Черткова только Вельтман принял данную версию. Почти целое столетие спустя, в 30-е годы XX в., болгарский историк П. Мутафчиев также сделал вывод о русско-болгарском союзе в период походов Святослава на Балканы¹⁴.

В ходе работы над книгами Чертков делал доклады на заседаниях ОИДР. Его видение балканских походов Святослава обсуждалось и на литературных вечерах — как в доме у историка по субботам, так и по четвергам у Вельтмана. Следует подчеркнуть, что Чертков пользовался заслуженным уважением среди коллег: его каталог русских монет XIV–XV вв. заложил основы русской научной нумизматики, а каталогом его уникальной библиотеки было «положено твердое основание русской ученой библиографии». В монографии «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...» Чертков, применяя метод критического сопоставления источников, скрупулезно проанализировал сведения византийских хронистов Льва Дякона (X в.), Скилицы-Кедрина (XI в.), Зонары (XII в.), «Повести временных лет», а также исследования И. Раича, Л. Гебгарди, И. Стриттера, М. Орбини, Ш. Лебо, А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина.

Фундаментальность изысканий Черткова и логика его выводов обратили Вельтмана в его единомышленника. Он воспринял версию Черткова событий конца X в.: первого похода киевского князя как завоевания части

¹⁴ Чертков А.Д. Описание... С. 33, 169, 218; Мутафчиев П. Руско-български отношения при Святослава // Seminarium Kondakovianum. Prague. IV. 1931. С. 78–92.

Болгарии по приглашению византийского императора Никифора II Фоки, второго — как войны руссов и болгар против Византии. Романтическая и пылкая натура Вельтмана не могла не увлечься яркостью, динамичностью и трагичностью картин походов воинства Святослава в Болгарии. Ожили воспоминания русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда «тьнь Святослава», как писали русские офицеры, незримо сопровождала русские войска в Болгарии. Удивительный талант Вельтмана облек научные изыскания и летописные сведения в литературные одежды, дополнив их неожиданным вымыслом о необыкновенной романтической любви Святослава и Райны, чудный образ которой также явился плодом фантазии писателя. Вельтман смог позволить себе значительные отступления от исторического текста, поскольку уже существовало серьезное научное исследование балканских походов Святослава.

К сожалению, приходится опровергать предположение болгарского исследователя Е. Георгиева о том, что в качестве одного из источников Вельтман мог использовать «Историю славяноболгарскую» Паисия Хилендарского¹⁵. С этим сочинением московские ученые могли познакомиться благодаря копии, которую в июле 1844 г. одесский историк Н.Н. Мурзакевич специально заказал снять для Черткова «со старинного списка», имевшегося у В. Априлова (Жеравненский список)¹⁶. Но Е. Георгиев совершенно справедливо обратил внимание на антигреческую тенденцию в повести Вельтмана, а также на стремление автора к возвеличиванию Болгарии, что было характерно для «Истории славяноболгарской». Истоки возникновения антигреческого настроения в повести «Райна, королева болгарская» следует искать во впечатлениях, полученных во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Русские офицеры с удивлением и горечью отмечали невежество и корыстолюбие греческих священников, многие из которых «предавались жизни крайне соблазнительной для паствы»¹⁷. О противодействии греков пробуждению у болгар национального чувства, развитию просвещения, о вытеснении славянского языка греческим сообщали Венелин, Мурзакевич, Априлов. Со страниц авторитетного «Журнала министерства народного просвещения» Мурзакевич в 1838 г. призвал соотечественников к содействию в распространении просвещения в болгарском народе¹⁸, чему сам он всегда горячо способствовал.

Е. Георгиев, отмечая интонации Паисия Хилендарского в повести Вельтмана, указывал, в частности, на ответ посланника Райны, когда тот гордо

¹⁵ Георгиев Е. Български образи... С. 142.

¹⁶ См. подробнее: Фрлова М.М. Към въпроса за произхода на Чертковия (Московския) препис на «История славянобългарска» на Паисий Хилендарски // «История Славянобългарска» и духовният живот през 30–40-те години на XIX век. Велико Търново, 2013. С. 164–174.

¹⁷ Должиков П. Наблюдения русского офицера в Варне // Отечественные записки. 1829. Ч. 39. № 113. С. 437, 455.

¹⁸ Мурзакевич Н.Н. Нынешнее состояние просвещения у болгар // Журнал министерства народного просвещения. 1838. Ч. 18. № 4. С. 123.

заявил Святославу: «Не платила Болгария дани грекам и даров не носила, а принимала дани и дары от них»¹⁹. Эта убежденность героев повести Вельгмана зиждилась на основательных результатах научных изысканий Черткова. Существовавшая историография (Раич, Гебгарди, Стриттер, Орбини, Лебо, Шлецер, Карамзин, Шафарик, Полевой), излагая причины конфликта между Болгарией и Византией, сводила их к тому, что греки были раздражены пассивностью болгар, не воспрепятствовавших проходу венгров по территории Болгарии к византийским границам. Чертков внимательно отнесся к сведениям Льва Диакона об отказе Никифора II Фоки платить в 966 г. ранее вносимую дань болгарам. Ученый обосновал реальность существовавших даннических отношений империи с Болгарией, проследив историю их взаимоотношений с прихода на Балканы в VII в. орды хана Аспаруха и до X в. В подкрепление своих доводов Чертков также вспомнил хорошо известные случаи уплаты Константинополем дани другим соседним народам²⁰. Научная обоснованность мнения Черткова относительно дани была взята на вооружение Вельгманом и замечательно претворена в повести «Райна, королева болгарская».

И Чертков, и Вельгман писали о средневековой Болгарии как о богатом, могущественном царстве. Вельгман не скупился, описывая красоты и богатства Болгарии, роскошные и нарядные одежды и драгоценные украшения Райны. Королевские дворцы в Преславе и Доростоле — это великолепные палаты, откуда открывался чудесный вид на город. Хотя память воспроизводила иную картину, увиденную в Болгарии в 1828 г.: «неказистость домов даже турецких пашей, напоминавших украинские мазанки», неприятно удивляла русских офицеров.

Обращает внимание решение Вельгманом образа великого киевского князя. В его изображении Святослав, став победителем, ничуть не умалял достоинство представителей правящей династии Болгарии: как брата, т.е. как равного себе, он встречал Бориса, с почтением и восхищением он искал любви у Райны, внимал советам их дяди — Вояна. Для Болгарии он стал не завоевателем, а избавителем ее от внутренней смуты, защитником ее от Византии, восстановителем ее государственности. Е. Георгиев писал, что Вельгман «создал образ Святослава так, что он воплощал любовь к небольшому славянскому народу», что «великодушие Святослава по отношению к Болгарии было равно подвигу»²¹.

Повесть Вельгмана «Райна, королева болгарская» получила широкое распространение в Болгарии, поскольку она, по нашему мнению, не только «ласкала национальное самолюбие болгар той эпохи», как писал болгарский ученый И. Шишманов, но и вселяла уверенность и надежду, что Болгария — это страна со славным прошлым, и она будет свободна от ту-

¹⁹ Вельгман А.Ф. Райна, королева болгарская // Вельгман А.Ф. Романы. М., 1985. С. 416.

²⁰ Чертков А.Д. Описание... С. 139–148.

²¹ Георгиев Е. Български образи... С. 142.

рецкого господства. В повести громко звучала идея исторического предопределения России в освобождении Болгарии, которая разделялась всеми русскими офицерами, участниками русско-турецкой войны 1828–1829 гг., и которая воспринималась болгарским читателем второй половины XIX в. с большим воодушевлением и надеждой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аретов Н.* Преводната белетристика от първата половина на XIX в. София: Климент Охридски, 1990. 247 с.
- Вацуро В.Э.* Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов. (Этюды и разыскания) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 231–272.
- Георгиев Е.* Български образи в славянските литератури. София: Наука и изкуство, 1969. 391 с.
- Германов Г.* Окървавено навечерие. (България и българите в руската литература). Варна: Георги Бакалов, 1976. 350 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 1. 640 с.
- Леков Д.* Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. София: Наука и изкуство, 1988. Т. 1. 339 с.
- Минкова Л.* Повестта на А.Ф. Велтман «Райна, королева Болгарская» в преводната литература на българското възраждане и в историята на превода в България // Литературна мисъл. 1989. № 1.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Павлович Николай «Видение царю Петру». 1874. (Литография).
2. Павлович Николай «Неизвестный отсекает голову статуи Беллерофона». (Литография. 1874. Печатал Райфенщайн и Реш въ Виена). (Беллерофон — герой греческой мифологии, совершавший свои подвиги на крылатом коне Пегасе, победивший злобное чудовище — Химеру).
3. Павлович Николай «Обморок Райны в церкви». (Литография. 1874. Печаталъ Райфенцаинъ и Решъ въ Виен)
4. Павлович Николай «Встреча княгини Райны с братьями и русским князем Святославом». (Двухцветная литография. 1860).
Иллюстрации болгарского художника Н. Павловича к повести А.Ф. Вельтмана «Райна, королева болгарская» любезно предоставила д-р Бл. Иванова (Assoc. Prof. Blagovesta Ivanova, PhD. University of Structural Engineering & Architecture «L. Karavelov». <http://www.vsu.bg/index3.php> and Chief Curator at the National Museum for Bulgarian Art, <http://www.nationalartgallerybg.org/>)
5. Вельтман Александр Фомич. 1835 г. (гравюра на меди, пунктир, художник Ф.Берже. Франция/Россия)
6. Вельтман Александр Фомич. (Акварель К.-Ф.П. Бодри. 1839)
7. Мутева Елена. «Райна, българска царкыня» (Санкт-Петербург, 1852).

ХОРВАТСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ВОЖДЬ «ИЛЛИРИЙЦЕВ» ЛЮДЕВИТ ГАЙ*

Аннотация:

В статье рассматриваются жизненный путь и деятельность выдающегося просветителя Хорватии Л. Гая (1809–1872), отмечаются основные этапы его становления как общественного деятеля и лидера иллирийского движения. Много внимания уделено освещению контактов Гая с Россией и обстоятельствам его пребывания в Москве.

Ключевые слова:

Л. Гай, Я. Коллар, «Великая Иллирия», И.И. Срезневский, А.Х. Бенкендорф, М.П. Погодин.

Abstract: M.M. Frolova “LJUDEVIT GUY: THE CROATIAN ENLIGHTENER, LEADER OF “ILLYRIANS””

The article discusses the life and work of the outstanding educator of Croatia L. Guy, notes the main stages of his formation as a public figure and leader of the Illyrian movement. Significant attention is paid to covering Guy's contacts with Russia and the circumstances of his stay in Moscow.

Keywords:

L. Guy, J. Collar, “Great Illyria”, I.I. Sreznevsky, A.Kh. Benckendorf, M.P. Pogodin.

Людевит Гай (1809–1872) вошел в историю Хорватии как выдающийся просветитель, лингвист, создатель хорватского алфавита, поэт, журналист.

Л. Гай родился в семье состоятельного аптекаря в городке Крапина, который лежит, стиснутый между горами, в живописном Загорье. Уже в детстве у Гая возникло убеждение, что его родина являлась удивительным местом — колыбелью славянства. Он не раз слышал народное предание о том, что в давние времена в замках на холмах у г. Крапина жили три брата — Чех, Лех и Мех. Не желая подчиняться римлянам, они подняли восстание, но силы были не равны. Спасаясь от порабощения, братья увели свой народ из этих мест, и их новые поселения положили основание Чехии, Польше и Московии. В памяти Гая остались также слова его матери, не скупившейся на подаяния беднякам в неурожайные годы. Она неоднократно говорила сыну, что нищета уйдет и народ разбогатеет, как только он обретет знания из книг, напечатанных на понятном ему языке. Как известно, длительное

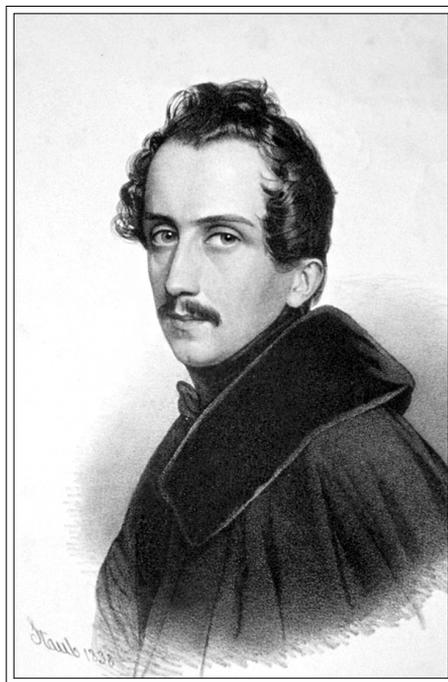
* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

время в Хорватии латинский язык был языком католической церкви и делопроизводства, суда и образования, а в самой Австрийской империи, частью которой являлась Хорватия, в XIX в. официальным языком являлся немецкий. Мысли о родстве славян и о настоятельной необходимости иметь книги на родном языке определили последующую деятельность Гая и, в конечном итоге, его судьбу.

XIX век — век национальностей. Из факторов, которые способствовали росту национального самосознания у славянских народов, входивших в полиэтническую монархию Габсбургов, следует указать следующие: подъем экономики и торговли, что привело к ликвидации средневековой изолированности земель, идеи эпохи Просвещения, наполеоновские войны, а также внутренняя политика венского правительства, направленная на централизацию государства.

В первоочередные задачи, стоявшие перед хорватами, входило создание общего литературного языка и единого правописания, что должно было содействовать в решении главного вопроса — объединения народа в одном государстве. После Венского конгресса 1815 г., обустроившего Европу в результате победы над Наполеоном, Хорватия с некоторыми отголосками автономии сохранила свое пребывание в составе Венгерского королевства, с которым заключила унию еще в 1102 г. Сюда же входила Славония, а Военная граница, Истрия и Далмация подчинялись непосредственно Вене. Разными в этих провинциях были и государственные языки: латинский, немецкий, итальянский. Да и сам хорватский язык имел несколько основных диалектов (кайкавский, чакавский и штокавский), получивших свои названия от произношения слова «что» — «кай», «ча» и «што». Авторы, писавшие на них, по своему усмотрению приспособляли латинский алфавит к родной речи. Центром, который начал собирать хорватские земли, стала Хорватия, поскольку в ней сохранилось дворянство, имевшее вес и значение в политической жизни Венгерского королевства и Австрийской империи.

Чаяния о воссоединении хорватского народа, которые были высказаны еще в XVIII — начале XIX вв. (францисканцем, поэтом и философом А. Качич-Миошичем, священником и драматургом Т. Брезовачким, епис-

Людeвит Гај.

Портрет

копом М. Врховацом и др.), Людевит Гай постигал в годы учебы. Он обучался в училище при монастыре францисканцев (г. Вараждин), в гимназии (г. Карловац), на философском факультете университета в Вене (1826 г.), а затем в Граце, с 1829 г. в Пештском университете слушал курсы по венгерскому праву, словесности и истории. В Лейпциге он получил звание «доктора философии». В библиотеках юный Гай усердно искал сведения о родном городе, которые поместил в своей первой книге «*Brevis description loci Krapinae*» («Краткое описание места Крапины»). Автору тогда шел 15-й год. Ее удалось опубликовать через два года, в 1826 г., когда она была переведена с латинского языка на немецкий («*Die Schlösser bei Krapina*»). Первые стихотворные произведения Гая, написанные на его родном кайкавском диалекте, также посвящались красотам Загорья. В студенческие годы Гай уже штудировал историю своего народа, собирал песни и пословицы. Он был активным членом кружка в Граце — «Иллирийского клуба», состоявшего из хорватов, сербов, словенцев. Здесь он впервые познакомился с кириллицей, выучился штокавскому диалекту и прочитал сербские народные песни, изданные сербским лингвистом и фольклористом В. Караджичем (1787–1864). Молодые люди мечтали о просвещении своего народа через создание училищ, ученых обществ, музеев. Книжные сокровища университетской библиотеки г. Пешта и Венгерской национальной библиотеки, основанной графом Ф. Сечени (1754–1820), возбудили в Гае стремление собрать подобную библиотеку и для южного славянства.

В Пеште Гай познакомился со словацким пастором и проповедником культурного сближения славян (славянской взаимности) Я. Колларом (1793–1852), имевшим огромное влияние на всю славянскую молодежь. Его восторженная поэма «Дочь Славы» (1824), в которой были воспеты история славян, героические деяния предков, их высокая духовная культура, производила на славян ободряющее, живительное впечатление, обширные отрывки из нее заучивали наизусть. Мысли Коллара о всеславянской взаимности и близком общем возрождении славянства, как и осознание своей принадлежности к замечательной славянской общности, подкрепляли стремления хорватов защищать свою идентичность от онемечивания, или мадьяризации, или италиянизации (для Далмации). Коллар, обучая Гая чешскому языку, рассказал ему о своих взглядах на общеславянское правописание, на важность газет для пробуждения в народе чувств самосознания. В 1830 г. Гай опубликовал грамматику хорватского языка — «Краткая основа хорватско-славянского правописания» («*Kratka osnova hrvatsko-slavenskoga pravopisanja*»), в которой подчеркивал необходимость единой орфографии для всех хорватов. По примеру чешской графики он использовал латинский алфавит, а для передачи звуков хорватской речи ввел надстрочные знаки. Преобразованная Гаем латиница впоследствии стала называться гаицей или гаевицей.

Гай был наделен не только талантом оратора и умением убеждать, но и харизмой лидера. Обладая уже довольно обширным кругом знакомств,

он стал активно агитировать, а также рассылать письма с призывом переходить на новую графику. Но этого было недостаточно, нужна была газета, орган, вокруг которого смогли бы объединиться патриотические силы страны. К претворению в жизнь этого замысла Гай приступил по окончании университета, когда в начале 1832 г. обосновался в Загребе. Здесь он нашел единомышленников, которых воодушевил своим энтузиазмом, красноречием и энергией. Он обратился к венгерским властям за разрешением издавать литературный журнал, но получил отказ. Поддержка пришла из Вены, где Гай был благосклонно принят канцлером князем Меттернихом (1821–1848 гг.), а затем на аудиенции у императора Франца II (1768–1835), который дал свое согласие и на издание политической газеты. В 1835 г. начала выходить первая национальная газета «Novine Horvatske» («Новине хорватске») с литературным приложением «Danicza horvatzka, slavonzka u dalmatinzka» («Даница хорватска, славонска и далматинска», т.е. «Заря хорватская, славонская и далматинская»). Правда, Гай вводил новую орфографию постепенно: первые номера газеты были напечатаны старой орфографией и на кайкавском диалекте, с 10-го номера стали появляться стихотворения в новой графике, а с 28-го номера «Даница» начала выходить полностью в новой орфографии и на штокавском наречии, на котором говорили подавляющая часть хорватов и всё сербское население в разных землях. К тому же, он был богаче лексически и на нем уже была создана значительная литература.

Со страниц изданий Гая начала проповедоваться идея о «Великой Иллирии», где на основе национального и культурного сближения благодаря литературно-языковому объединению должны были в будущем соединиться в одном государстве южнославянские народы. Для разъяснения своей мысли Гай прибег к красивому аллегорическому образу — сидящей деве с лирой в руках, где дева олицетворяла Европу, а лира — Иллирию, которая издавала прекрасные звуки. Но поднявшиеся вихрь с юга и запада и буря с востока и севера оборвали струны, под которыми подразумевались Горица, Истрия, Крайна, Штирия, Хорватия, Славония, Далмация, Дубровник, Босния, Черногория, Герцеговина, Сербия, Болгария и южная Венгрия. Чтобы преодолеть диссонансы и достичь гармонии, необходимо было привести звуки этих струн в одну мелодию. «Великой Иллирии» предназначалось противостоять попыткам мадьяризации хорватов. Гай и его сторонники также надеялись привлечь к себе православных сербов и боснийцев, что находило поддержку и в Вене. Но для большинства сербов центром притяжения являлся не Загреб, а Белград.

Воспоминание об Иллирии не случайно. С античности было известно это географическое название области на северо-западе Балканского полуострова вдоль северо-восточного побережья Адриатического моря. Даже Наполеон прибег к нему, создавая в 1809 г. из полученных от Австрии по Шёнбруннскому миру областей, «Иллирийские провинции», которые в 1813 г. вновь достались Габсбургам. Мысль о Великой Иллирии,

о славянском происхождении населения древней Иллирии, представление об Иллирии как о великом царстве всех южных славян встречались уже в сочинениях XVIII в. таких историков как М. Орбини, Й. Раич и др. Но эти труды предназначались специалистам и были малодоступны. Появление прессы помогло Гаю широко распространять в обществе идею единства «иллирийских» народов; и оно должно было действительно состояться, по его глубокому убеждению, через переход на общий литературный язык и единую орфографию. В народе следовало развить потребность к чтению, к употреблению иллирийского языка, создать свой театр, литературу, музыку, учредить библиотеки, научные и другие общества. В 1836 г. Гай поменял название своей газеты на «Илирске народне новине» («Iirske narodne novine»), а журнал на «Даница илирска» («Danica ilirska»).

Начинания Гая получили содействие и со стороны католического духовенства, в руках которого находилось народное образование. Загребский епископ А. Алагович (1830–1837 гг.) распорядился о приобретении для библиотек епархии изданий Гая. Учителя стали приверженцами иллиризма, и новое поколение хорватов воспитывалось на идеалах этого движения. Огромной популярностью пользовался курс хорватского языка доктора наук М. Смодека в Королевской академии наук в Загребе, высшей школе в Хорватии. Правда, первая его лекция была на латинском языке. Да и сам Гай и его сподвижники в своем кругу рассуждали чаще на немецком языке. И тем не менее, идеи Гая завоевывали умы хорватов, а успех его деятельности наглядно проявился в том, что в начале 1840-х годов даже надписи на большей части лавок и гостиниц в Загребе, на конфетах в кондитерских были сделаны «на иллирийском языке», и повсюду слышалось «хорвато-иллирийское наречие»¹, свидетельствовал русский ученый И.И. Срезневский, совершавший путешествие по славянским землям Австрийской империи и посетивший Загреб 20–30 марта 1841 г. Он констатировал, что за шесть лет была уже создана значительная литература, и список имен авторов и их произведений был весьма внушительный. С 1835 по 1848 гг. в изданиях Гая приняли участие практически все писатели и поэты Хорватии. Между ними первое место, считал Срезневский, «если не по слогу и множеству сочинений, то по духу возбуждения, по влиянию на всех других, бесспорно, принадлежит незабвенному Гаю»². Особой популярностью пользовалось его стихотворение «Еще Хорватия не погибла», написанное в 1833 г. и напечатанное в 1835 г. в «Данице». Оно перекликалось с известным гимном польских легионеров «Еще Польша не погибла» 1797 г. Положенное на музыку, оно звучало на вечерах, собраниях, концертах и на улице. Оно стало символом хорватской патриотической поэзии на новом языке³.

В 1836 г. Гай выступил с предложением создать в Хорватии общество просвещенных людей, которое бы содействовало подъему образования в стране в народном духе. Он надеялся, что это общество также возьмет на себя издание газеты и учредит типографию. Хорватский сабор одобрил это предложение, но требовалось разрешение венгерских властей

и санкции австрийского императора. Дело затянулось на целых шесть лет. А между тем в хорватских городах стали возникать читальни, для которых достаточно было постановления местной администрации. Не без активного участия Гая в Загребе открылась «Иллирийская читальня», которая превратилась в настоящий центр общественной и культурной, а затем и политической жизни всей Хорватии. Срезневский удостоверял, что «читальня иллирийская имела очень порядочную библиотеку, и помимо немецких, итальянских и венгерских журналов выписывала почти все славянские, издаваемые в Австрийской империи. Она получала также и некоторые иностранные — сербские, русские, польские. Она ежедневно была открыта и всегда полна»⁴. В 1842 г. на частные взносы здесь была учреждена «Матица илirsка» или «Общество иллирийского языка и словесности», общество наподобие чешского и сербского обществ, существовавших в Праге и Пеште. В его задачи входило развитие, издание и распространение литературы на родном языке, а также собирание средств для постройки здания для музея и народной библиотеки. В 1847 г. был торжественно открыт «Народный дом» в здании, купленном на собранные по подписке деньги (28000 гульденов). В нем разместились все иллирийские общества, а также коллекции и собрания, положившие начало народному музею.

Для решения вопроса об открытии типографии Гай обратился к императору Фердинанду I (1835–1848 гг.), и тот дал свое согласие. Типография начала работать в 1838 г., и была устроена прекрасно, считал Срезневский. Газета «Илirsки новине» стала выходить дважды в неделю и на больших листах. Профессор Московского университета Н.И. Надеждин (1804–1856), совершивший путешествие по славянским землям в 1840–1841 гг., сравнил Гая с известным русским просветителем и издателем Н.И. Новиковым (1744–1818), который также основал типографию и «сыплет в народ книгами на родном языке...»⁵.

В Хорватии на вечерах и публичных концертах исполнялись музыкальные произведения с пением на немецком или французском языках. Гай, не будучи музыкантом, прислушивался к народным мотивам и начал переключать патриотические стихи на свои напевы. Он старался внести в программы концертов народные песни. Так, в марте 1835 г. графиня Сидония Эрдеди (1819–1884), обладавшая красивым сопрано, по настоянию Гая впервые спела одну хорватскую песню и его «Еще Хорватия не пропала». Это произвело необыкновенную сенсацию в обществе. Начали организовываться общественные вечера и балы, на которых звучал только хорватский язык.

Под эгидой «Иллирийской читальни» возникли сельскохозяйственное общество и иллирийский театр. В здании немецкого театра с огромным успехом шли спектакли, исполняемые на родном языке приглашенными труппами, например, из Нови Сада. Они давались в отличие от театра в Праге не по воскресеньям днем, но вечером по два, а иногда и по три раза в неделю, констатировал Срезневский. Однако денег на постоянную труппу

пу не хватало, несмотря на патриотический подъем в обществе. С 1842 по 1844 гг. в Загребе совсем не было слышно об иллирийском театре. С 1847 г. возобновились спектакли на хорватском языке, но положение театра упрочилось только в 1861 г., когда хорватский сейм выделил для него постоянную субсидию.

С целью пропаганды иллирийских идей Гай совершил поездку по Адриатическому приморью и островам в 1839 г., в 1841 г. он путешествовал по Далмации, посетил Черногорию. И везде его принимали восторженно и торжественно. Гай мечтал привлечь к своему движению православных сербов, которые уже имели разнообразную литературу, напечатанную кириллицей. Для его типографии нужен был соответствующий шрифт, чтобы донести идеи иллиризма до более широкого круга славян на понятной им печати.

Замыслов у Гая было много, но на все требовались деньги. И он решил обратиться за помощью в Россию, откуда многие австрийские ученые-слависты получали значительные средства. Так, с 1825 г. В. Караджичу была назначена ежегодная пенсия, от Российской академии ему поступали и другие пособия, например, на поездки по славянским землям. В 1839 г. профессор Московского университета М.П. Погодин (1800–1875) передал известному чешскому и словацкому историку П.И. Шафарику (1795–1861) и чешскому филологу В. Ганке (1791–1861) немалую сумму — по 5000 руб. каждому на завершение их трудов. Подобный пример вселял надежду, и в 1838 г. Гай направился в Берлин, где был представлен генералу от кавалерии графу А.Х. Бенкендорфу (1782–1844), начальнику тайной полиции Российской империи, главнокомандующему Императорской главной квартиры и близкому другу императора Николая I. В 1837 г. граф очень тяжело болел, и на следующий год царь отправил его восстанавливать здоровье и сопровождать императрицу Александру Федоровну, которой также требовалось длительное лечение (пять месяцев) в Баварских Альпах. Гай рассказал Бенкендорфу о положении Хорватии и целях иллирийских патриотов и просил прислать в его типографию русский шрифт. Что отвечал граф — неизвестно, но хорватский лидер получил лично для себя небольшую сумму в 200 червонцев.

На следующий год поверенный Гая С. Херкалович прибыл в Петербург с просьбой о выдаче на иллирийские издания 52000 гульденов, однако получил лишь 300 червонцев на путевые издержки⁶. Тогда в 1840 г. в Россию отправился сам Гай. В Петербурге он поспешил к графу Бенкендорфу, но тот уезжал с императором за границу и дал ему рекомендательное письмо к министру народного просвещения графу С.С. Уварову. Тот выслушал Гая и ознакомился с его изданиями. Благодаря содействию графа Императорская Российская академия выделила вождю иллиров пособие в 5000 руб. ассигнациями⁷.

Но Гай рассчитывал привезти в Хорватию бóльшую сумму, поэтому поехал в Москву, где его встретили очень радушно, даже восторженно, в пер-

вую очередь, М.П. Погодин, его друг профессор Московского университета С.П. Шевырев (1806–1864), поэт, философ, впоследствии известный славянофил А.С. Хомяков (1804–1860). Погодин не знал Гая лично, но получал сведения о нем и об иллиризме из писем Шафарика. Хорватский гость представил ряд записок, сообщавших об Иллирии, о значении иллирийского движения для южных славян и о намерении ввести в своей типографии русский шрифт. Гай уверял, что кириллица послужит мостом для перехода хорватов от латинизма и католицизма к чистому славянству и православию. Кроме того, он предлагал России решить судьбу балканских славян, находившихся под властью Османской империи, оказав им политическую, экономическую и военную помощь⁸.

Москвичи начали подписку в пользу Гая и просили содействия у московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына (1771–1844). Погодин записал в дневнике свой разговор с князем: «Двести тысяч дать, ничего не значит, но если им не удастся, то надо будет за них (т.е. славян) вступить, а иначе, что же пользы? Вступить же можно только тогда, как решен будет иной образ действия. Теперь мы с Австрией за Турцию... Сколько же нужно для литературной помощи?». Погодин указал цифру в 15 тыс. руб. «Ну, это мы соберем». Однако Погодин подчеркнул, что для Голицына «дороже всего была Москва, Россия»⁹, а не дело развития национального духа у славянских народов.

Деньги собирались с огромным трудом, поскольку на лето дворяне покидали город, разъезжаясь по своим поместьям. Кроме того, в этот период экономическое положение помещиков Московской губернии было чрезвычайно тяжелым. 1839 год выдался очень неурожайным, а 1840 год превзошел его своими бедствиями: почти весь хлеб на полях погиб. Чтобы предотвратить голод, помещики кормили крестьян на свои средства. В 1840 г. российский император только для нуждавшихся в Москве выделил 1 млн руб. на покупку хлеба, а еще 1,5 млн руб. собрали московские купцы¹⁰. Поэтому, когда Погодин обратился к губернскому предводителю московского дворянства графу А.И. Гудовичу, тот ответил: «Сердечно желал бы сделать пособие Гаю, но, во-первых, московские помещики находят нынешний год в таких тесных обстоятельствах, что вовсе неуместно было бы пригласить их к каким-нибудь издержкам, а во-вторых, время так коротко, что и во всяком случае не можно было бы ничего сделать»¹¹.

Гай гостил в Москве недолго, и москвичи старались познакомить его с городом, с его стариной, обычаями, театром, интересными людьми. Вскоре Гай уехал в Петербург — вновь искать поддержки своим планам у официальной России. Хомяков прокомментировал результаты пребывания Гая: «Москва поклонилась Гаю *двадцатью тысячами* руб., что даст Петербург, не знаю; а хорошо делает первопрестольный град, когда подумаешь, какой *тяжкий* год и как пуст город летом»¹². Впоследствии Погодин отмечал, что Гай увез с собой более 12 тыс. руб. (5 тыс. дал князь Голицын)¹³, но сборы продолжились и осенью¹⁴.

Посещение Гаю Петербурга не оправдало его надежд: «здесь он ни в чем не успел»¹⁵, — писали Погодину из северной столицы. По возвращении домой Гай обратился именно к Погодину с просьбой помочь ему приобрести для иллирийского музея выставленное на продажу большое собрание славянских и латинских рукописей и книг, а также разных древностей и редкостей. В письме из Загреба от 18 ноября 1843 г. он сообщил в Москву о покупке упомянутого собрания вместе с другим, меньшим по объему, но столь же важным по содержанию, за 16000 гульденов¹⁶.

Положительное впечатление, произведенное Гаем на Погодина, длилось недолго, поскольку от его многочисленных славянских корреспондентов стали поступать сведения об иллирийском вожде как о человеке «двусмысленном и сомнительном»¹⁷. Русский славист А.Ф. Гильдердинг откровенно писал, что Гай был известен как «одно из самых искусных орудий австрийской политики»¹⁸. Российский историк И.И. Лещиловская констатировала, что действительно Гай втайне получал субсидии от австрийского правительства. И в то же время он имел конспиративные связи с польской эмиграцией, с которой его объединяла заинтересованность в развале Австрийской империи¹⁹. Таким образом, в поисках хорватским лидером союзников иллирийскому движению вполне проявились противоречия его помыслов, дел и самой натуры²⁰. Следует подчеркнуть, что в это время Гай активно хлопотал о получении дворянства, поскольку в условиях сословной монархии к участию в представительных органах (хорватский «сабор») допускались только дворяне. А настойчивые изыскания Гаю в архивах документов о принадлежности его предков к привилегированному слою были тщетными.

Набиравшее силу иллирийское движение встречало серьезное противодействие со стороны венгров, не оставивших мысль мадьяризировать хорватов, а также части хорватских дворян (аристократии и крупных помещиков), названных мадьяронами (мадьярофилами). Они стремились к политическому слиянию Хорватии и Славонии с Венгрией. Водоворот политической борьбы втянул и Гаю. Он сформулировал лозунг «Да хранит Бог венгерскую конституцию, Хорватское королевство и иллирийскую народность!». Следовательно, он выступал за автономию в составе Венгерского королевства объединенных Хорватии, Славонии и Далмации, а также за культурное объединение южных славян, в первую очередь, хорватов, сербов и словенцев.

Накал политических страстей в Хорватии насторожил венское правительство. Император Фердинанд I, поначалу благоволивший к Гаю и даже наградивший его в 1839 г. бриллиантовым перстнем, как знак высочайшей милости и признательности за его литературные труды, сменил милость на гнев. В 1843 г. императорский декрет запретил употребление в печати понятий «Иллирия» и «иллиры», а также ужесточил цензуру. Гаю пришлось менять название своих изданий. Правда, в 1845 г. из-за возросших венгерских притязаний венский двор отменил свой запрет, смягчил цензуру, дал

разрешение на учреждение кафедры хорватского языка и литературы в загребской академии. В 1848 г. хорватский язык стал государственным языком в Хорватии и Славонии.

В сложных обстоятельствах и перипетиях революции 1848 г. Гаю не удалось удержаться на прежней высоте, не хватило политического чутья и дальновидности, да и его противники были более искусными. Кроме того, он оказался весьма непрактичным и неаккуратным в денежных делах. В 1840-х годах, в зените славы, и чтобы поддержать свой имидж как вождя иллиров, Гай вел роскошную жизнь, устраивал бесконечные приемы, двери его дома были гостеприимно распахнуты для всех патриотов, приезжавших в Загреб. В 1850 г. из-за материальных затруднений Гаю пришлось отдать свои издания и даже типографию венскому правительству и уйти в тень. Эпизодические попытки вернуться в общественно-политическую жизнь страны не увенчивались успехом — новое поколение хорватов-патриотов пришло ему на смену. Последние 15 лет своей жизни он сильно нуждался. Впрочем, в 1867 г. Гай сумел приехать в Россию на Славянский съезд, но затерялся в толпе гостей.

В 1909 г. в Хорватии отмечали 100-летие со дня рождения Л. Гая. Известный хорватский ученый В. Ягич (1838–1923) так оценил его вклад в письменную культуру страны: «...для литературного объединения целой западной части южного славянства в одном (чешском) правописании и в одном (штоковском) литературном языке заслуги Гая идут в уровень с заслугами Вука (Караджича. — М. Ф.): один распространял народный язык под флагом сербства, другой — под флагом иллирства. Название иллирское уступило место исторически и этнически более оправданному, именно хорватскому»²¹.

Л. Гай не был ни даровитым писателем, ни маститым ученым, ни крупным политиком, но он смог разбудить дремавшие силы хорватского народа. Он стал одним из самых блестящих и деятельных представителей иллиризма, «осью», по словам Я. Коллара, вокруг которой вращалась «духовная и народная жизнь в Загребе и даже всей Хорватии»²².

ЛИТЕРАТУРА

Despalatović E.M. Ljudevit Gaj and the Illyrian movement. New York–London, East European Quarterly, 1975. 271 p.

Кулаковский П.А. Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. 516 с.

Лециловская И.И. Гай Людевит // Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII — середина XIX в. СПб.: Алегейя, 2012. С. 87–109.

Лециловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М.: Наука, 1968. 337 с.

Лециловская И.И. Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013. 460 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Издал В.А. Францев. СПб., 1905. С. 963, 966.
- ² Там же. С. 964.
- ³ *Лециловская ИИ.* Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013. С. 293.
- ⁴ Там же. С. 965.
- ⁵ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 6. СПб., 1892. С. 139.
- ⁶ *Кулаковский ПА.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894. С. 289.
- ⁷ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. СПб., 1892. С. 445; *Кулаковский ПА.* Иллиризм. С. 292.
- ⁸ *Despalatović E.M.* Ljudevit Gaj and the Illyrian movement. New York, 1975. P. 117–118.
- ⁹ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. С. 446.
- ¹⁰ *Варадинов Н.* История министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3. Кн. 2. С. 533, 541.
- ¹¹ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. С. 447.
- ¹² Там же. С. 447.
- ¹³ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 13. СПб., 1899. С. 111.
- ¹⁴ Погодин в речи, произнесенной в 1867 г., указал, что для Гая в Москве собрали 17500 руб.
- ¹⁵ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5. С. 448.
- ¹⁶ *Попов НА.* Людевит Гай в России в 1840 г. // Древняя и новая Россия. 1879. № 8. С. 284.
- ¹⁷ *Барсуков НП.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 13. С. 111.
- ¹⁸ *Гильфердинг А.Ф.* Славянские народы в Австрии и Турции // Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1868. С. 81.
- ¹⁹ *Лециловская ИИ.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М.: Наука, 1968. С. 174–181.
- ²⁰ *Лециловская ИИ.* Гай Людевит // Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII — середина XIX в. СПб.: Алетейя, 2012. С. 101.
- ²¹ Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). (под ред. Б.Д. Грекова). М.-Л., 1948. С. 293.
- ²² *Кулаковский ПА.* Иллиризм. С. 97.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Людевит Гай. Портрет.
2. Людевит Гай. Портрет.
3. Титульный лист: «*Kratka osnova hrvatsko-slavenskoga pravopisanja*».
4. Людевит Гай. Загреб.

Алла Геннадьевна
ШЕШКЕН

ЧЕРНОГОРСКИЙ ПОЭТ И ПРАВИТЕЛЬ ПЕТАР II ПЕТРОВИЧ НЕГОШ

Аннотация:

В статье рассказывается о представителе эпохи Национального возрождения южных славян, Петре II Петровиче Негоше (1813–1851) — правителе Черногории, поэте и писателе, оказавшем большое влияние на развитие национального самосознания черногорцев. Главной темой его творчества была борьба народа против османской Турции. В своих поэмах, драмах и лирике он с большой художественной убедительностью обрисовал стойкий национальный характер черногорцев и свойственный им культ доблести и героизма. Произведения Негоша обогатили национальную литературу в жанровом отношении и внесли большой вклад в развитие изобразительных возможностей родного языка. Произведения являются частью национальной картины мира, многие из них были разобраны на цитаты.

Ключевые слова:

Негош, Черногория, поэзия, классицизм, романтизм.

Abstract: A.G. SHESKEN “PETAR II PETROVICH NEGOSH: THE POET AND RULER OF MONTENEGR”.

The article talks about the representative of the national revival of the Southern Slavs, Petar II Petrovich Negosh (montenegr. Negoš, 1813–1851), the ruler of Montenegro, poet and writer, who had a great influence on the development of the national identity of the Montenegrins. The main theme of his creativity was the struggle of the people against Ottoman Turkey. In his poems, dramas and lyrics, he outlined with great artistic persuasiveness the persistent national character of the Montenegrins and the cult of valor and heroic characteristic of them. Negosh works enriched the national literature in genre terms and made a great contribution to the development of the visual capabilities of the native language. They were a part of the national picture of the world, many of them have been sorted to citations.

Keywords:

Negosh, Montenegro, poetry, classicism, romanticism.

Петар II Петрович Негош (1813–1851) — правитель Черногории, митрополит, крупный черногорский и сербский поэт, яркий представитель романтизма на славянском юге.

Он родился в семье, принадлежавшей к правящей черногорской династии Петровичей-Негошей (1697–1918), получив при рождении имя Радивой (Раде). После смерти дяди Петра I Петровича Негоша 17-летний Радивой стал владыкой Черногории, унаследовав высшую светскую и духовную власть. В связи с последним ему на следующий год пришлось принять постриг, и он был возведен в сан архимандрита под именем Петар II Петро-

вич. Через два года его посвятили в России в епископы, а спустя еще 11 лет Синод Русской Православной Церкви возвел его в 1844 г. в сан митрополита.

В творчестве Негоша блистательно отразилась эпоха Национального возрождения у южных славян, вступивших в решающую фазу борьбы за избавление от османского владычества. В поэмах, драмах и лирике поэта с большой художественной силой были обрисованы стойкий национальный характер черногорцев и свойственный им культ доблести и геройства («чојштва и јунаштва»). Его произведения обогатили национальную литературу в жанровом отношении и внесли большой вклад в развитие изобразительных возможностей родного языка.

Негош не получил систематического образования, но знал несколько иностранных языков, обладал широкими познаниями в области литературы, истории, философии и богословии, переводил стихи зарубежных поэтов. Решающее влияние на формирование его творческой личности оказали образованные и талантливые люди из ближайшего окружения: дядя, владыка и поэт Петар I Петрович и участвовавший в восстаниях против турок известный сербский поэт Сима Милутинович-Сарайлия. Большое воздействие на него оказала и русская литература: в библиотеке поэта имелись сочинения таких знаменитых русских авторов, как Ломоносов, Державин, Пушкин и др. Негош не успел лично познакомиться с Пушкиным, но при посещении России он почтил память великого русского поэта, поехав на его могилу в 1837 г.

Как подлинно национальный поэт, Негош все свое творчество посвятил многовековому противостоянию черногорцев османской Турции, в котором небольшой, но стойкий народ остался непобежденным. Лирику поэта отличает органичная, глубокая связь с фольклором: уже ранние его стихотворения были написаны в духе народной поэзии с использованием ее образности, размеров и ритмики. Они вошли в опубликованный в 1834 г. сборник Негоша «Лекарство против ярости турецкой» / *Лијек јарости турске*. В посвященной А.С. Пушкину поэме «Свободиада» / *Слободијада* (1835) Негош с эпическим размахом описал сражения черногорцев с мно-

*Портрет Негоша
в светской одежде
с черногорской шапкой*

гочисленными неприятелями на протяжении более чем столетия с 1711 по 1813 гг.: с турками, венецианцами и французами. В этих произведениях, и особенно в одах сборника «Пустынник цетиньский» / *Пустиньак цетиньски* (1834), воплотились такие особенности поэтики творчества Негоша, как сочетание навеянных поэзией Ломоносова, Державина и Мушицкого черт классицизма и романтизма. Присутствие последнего литературного направления в творчестве Негоша начало затем заметно усиливаться.

Это нашло отражение в его произведениях разных жанров, в частности, в эпической философской поэме «Луч микрокосма» / *Луча микрокозма* (1845). В ней поэт пишет о сотворении мира и человека, изгнании последнего из рая и битве Бога-Творца и Сатаны. По жанру и типу повествования она близка поэме Д. Мильтона «Потерянный рай». Сражение между силами света и тьмы в ней разворачивается в масштабах вселенной и развивается с трагическим накалом страстей, ибо Сатана по силе почти равен Богу. Это противостояние заканчивается победой Творца, который озарил своим божественным лучом поле битвы и одержал верх над силами зла. В поэме Негош задается вопросом о происхождении зла в мире и причине страдания в нем человека, давая при этом свое объяснение обстоятельств изгнания Адама и Евы из рая. Оно отличается от библейского канона: по мысли поэта, первочеловек и его потомки, поверили Сатане и сражались в судьбоносной для Вселенной битве света и тьмы на стороне зла. И этот грех, как и другие, человек должен искупить на земле. Самыми страшными из них Негош считает гордыню и зависть, так как они непосредственно связаны с силами разрушения.

Вершиной поэзии Негоша является его поэма «Горный венец» / *Горски вијенац* (1847). Она была переведена на многие иностранные языки и получила широкую известность в мире. Ее посвящение («Праху отца Сербии») адресовано вождю Первого сербского восстания (1804–1813) Карагеоргию. Негош называет его «бессмертным», ибо тот «вопреки всем препятствиям достиг великой цели: поднял народ, во имя креста разрушил варварские цепи, воззвал сербов из мертвых и вдохнул в сербов душу». Сюжет «Горного венца» построен на драматических коллизиях конца XVII–XVIII в., — исторический период, когда основатель династии Негошей владыка Данило осознал необходимость объединения всех черногорцев для борьбы против турок. Наиболее опасными тогда были принявшие ислам соотечественники «потурченцы», которые встали на сторону вторгшихся в страну врагов, приняв участие в разорении черногорской духовной столицы Цетинье и Цетинского монастыря. Опираясь на поддержку народа, владыка Данило принял решение об изгнании потурченцев из Черногории. Но при этом он испытывает трагический внутренний конфликт. Чувство долга велит ему действовать жестко и решительно, а чувство гуманности заставляет думать о трагедии грядущего столкновения между соотечественниками: кровь одна, вера различна, но все они черногорцы. Данило страшится множества смертей и обычая кровной мести, которая

может стереть с лица земли немногочисленный черногорский народ. Но сложившаяся ситуация не оставляет ему выбора, и накануне Рождества предатели изгоняют из Черногории.

Среди многих ярких образов поэмы на передний план выдвигается ее главный герой — народ. Все основные эпизоды поэмы — это массовые сцены, в которых звучат голоса представителей племен и братств. Выражением мнения народа служит песня, исполняемая во время народного хоровода «коло». Коллективная песня, как своеобразный хор древнегреческой трагедии, дает оценку произошедшим событиям, прославляет погибших и вдохновляет людей на победу. Выразителем высшей народной мудрости является старый слепой игумен Стефан, укрепляющий решимость черногорцев отстаивать свою свободу: «умирайте со славой, раз уж надо умирать».

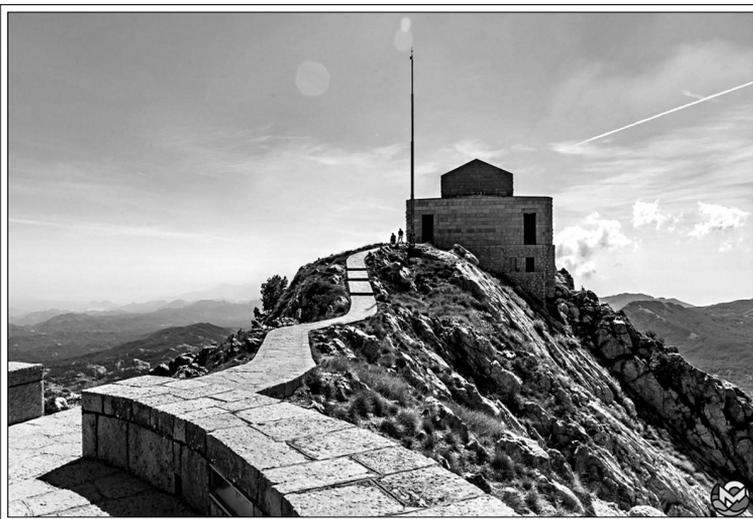
Много внимания Негош уделяет изображению национального характера черногорцев. Он повествует об их истории, вспоминает славное царство Неманичей, видит в своих персонажах потомков героев Косовской битвы 1389 г., которые не захотели покориться турецкому султану, укрылись в горах и продолжали воевать за веру. При этом хор в духе народной поэзии винит княжеские усобицы за поражение на Косовом поле. Косовский миф и культ героя битвы витязя Милоша Обилича (который сумел при помощи хитрости в разгар сражения проникнуть в шатер турецкого султана Мурада и заколоть его) являются важной частью «Горного венца». Накануне решающего сражения с потурченцами почти все герои поэмы видят Милоша Обилича во сне в белых одеждах. Сон толкуется ими как доброе предзнаменование.

Автор видит предназначение своего народа в упорной борьбе за свободу. Главная черта национального характера черногорца — стремление быть воином. Ведь черногорцы, по мысли Негоша, не способны быть, подобно венецианцам, удачливыми торговцами, либо стать зажиточными ремесленниками или земледельцами, ибо плодородной земли в стране почти нет. Главной чертой героев является их готовность к самопожертвованию и патриотизм. Абсолютной ценностью для черногорцев служит мир суровых гор, природа, звуки гуслей и славящие героев песни. На примере Венеции ему противопоставлен мир западный, который изображается автором сатирически: в нем душно, нет воздуха, мужчины все толстые и изнеженные. Не лучше него и мир восточный, т.е. турецкий, являющийся для черногорцев крайне чуждым. В поэме приводится много подробностей народного быта: национальные костюмы, обычаи, обряды и суеверия. Черногорцы верят в сны, хотя сами нередко смеются над их толкованием, они гадают на костях животных — овечьей лопатке. Описаны в поэме и забавы молодежи, равно как и мужественные игры, делающие будущих воинов удалыми и ловкими.

Название поэмы «Горный венец» представляет собой многослойную метафору. Это венец горных вершин, среди которых живет славянский

народ. Одновременно это и венец мученический: горы усеяны костями воинов, сложивших свои головы за правое дело. Это также венец, которым венчают победителей: автор поэмы верит, что его родной народ одолеет врагов, а герои останутся в светлой памяти потомков. Это и венец молодых невест — прическа, украшающая голову молодой женщины. Но такой венец носят недолго — невесты быстро становятся вдовами и в знак траура по обычаю отрезают себе волосы (эпизод об этом есть в поэме). Накал трагизма в таких эпизодах достигается за счет приподнятого тона и торжественности звучания церковнославянской лексики. В то же самое время некоторые эпизоды окрашены юмором, в них звучат шутки и смех, и это привносит в текст непосредственность живой разговорной речи. Обильно встречающиеся в поэме афористические высказывания превратились в «крылатые слова», пословицы и поговорки и часто слышны в повседневной речи черногорцев. «Горный венец» и поныне — одно из самых известных и любимых в Черногории произведений, многие отрывки из этой поэмы знают в стране наизусть и охотно цитируют.

Традиционные симпатии черногорцев к России нашли отражение почти во всех произведениях писателя, в том числе и в последнем из них. Это историческая драма «Самозванец Степан Малый» / *Лажни цар Шћепан Мали* (1847), повествующая об исторических событиях последней четверти XVIII столетия. Именно тогда в Черногории объявился самозванец, выдававший себя за русского царя Петра III. Черногорцы признали его царский титул и доверили ему управление страной. Самозванец взял себе имя Степан (имя представителей сербской династии Неманичей) и правил Черногорией шесть лет с 1767 по 1773 гг. Память о Щепане Малом осталась в народе, где «только главные вещи держатся», документов же о нем почти

Мавзолей Негоша на горе Ловчен

не сохранилось. Свою трагедию Негош основывал на «народном предании» и на обнаруженных в венецианских архивах документах, а «от собственного вымысла ничего нет». Автор обращается к этому историческому факту, «ввиду важности события и его необычности». В Предисловии к изданию он написал: «Щепан Малый был лжец и бродяга, но его правление под именем русского царя стало знаменитой эпохой для Черногории и ее соседей». Щепан заложил основы современного государственного устройства, выстроил судебную систему, установил памятные знаки в честь главных побед черногорцев над турками. Черногорцы объединились вокруг лжецаря, и это вызвало большую тревогу у враждебных соседей. Венецианская республика и турки пытались заставить черногорцев выдать «русского царя», оказывая на них различного рода давление. В случае изгнания и выдачи Щепана, черногорцам обещали доставить продовольствие, оружие и порох. Но они не прельстились подобными посулами, и тогда турки направили против них свое сильное войско, которое, однако, было разбито. Недруги Черногории добились своего лишь при помощи подкупа и коварства: лжецаря Щепана умертвил наемный убийца.

Негош был выдающимся человеком своего времени. Он поддерживал тесные контакты с яркими деятелями той эпохи — просветителями Вуком Караджичем и Людевитом Гаем. Негош — великий поэт, произведения которого продолжают жить в национальном сознании черногорцев.

ЛИТЕРАТУРА

Врчевих В. Живот Петра II Петровића Његоша. Београд, 2003.

Ивановић Р. Његошева поетика и естетика. Нови Сад, 2002.

Лавров П.А. Петр II Петрович Негош. М., 1887.

Петар Петровић Његош у свом времену: Зборник радова. Титоград, 1985.

Петар II Петрович Негош — митрополит, реформатор, поэт: к 200-летию со дня рождения. М., 2013.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. П.П. Негош в сане митрополита.
2. Портрет П.П. Негоша.
3. Цетиньский монастырь.
4. Сима Милутинович-Сарайлия — учитель П.П. Негоша.
5. Обложка первого издания поэмы «Луч микрокосма». 1845 г.
6. Обложка первого издания поэмы «Горный венец». 1847 г.
7. Обложка первого издания драмы «Самозванец Щепан Малый». 1851 г.
8. Мавзолей П. П. Негоша на Ловчене. Черногория.
9. Памятник П. П. Негошу в центре Белграда. 1994 г.
10. Банкнота с портретом П.П. Негоша.

«СТРОИТЕЛЬ» МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА, ПОЭТ БЛАЖЕ КОНЕСКИЙ

Аннотация:

В статье речь идет о Блаже Конеском (1921–1993) — основоположнике современной македонской литературы, поэте, прозаике, переводчике, ученом, основателе филологического факультета университета в Скопье и Македонской академии наук и искусств. Его поэтический сборник «Вышивальщица» (1955) относится к шедеврам национальной лирики. Он создал замечательные образцы национальной любовной, пейзажной, философской и патриотической поэзии. В них были творчески использованы фольклорная традиция — богатство ее мотивов, символики и ритмики — и опыт европейской поэзии XIX–XX вв. Ему принадлежат переводы на македонский язык произведений А. Блока, А. Мицкевича, Г. Гейне и др.

Ключевые слова:

Блаже Конеский, македонская литература, македонская поэзия, фольклорная традиция, сонет, элегия.

Abstract: A.G. SHESHKEN “THE “CONSTRUCTOR” OF MACEDONIAN LITERARY LANGUAGE, POET BLAZHE KONESKI”.

The article talks about Blazhe Koneski (mac. Blaže Koneski, 1921–1993), the founder of modern Macedonian literature, poet, narrator, translator, scholar and a founder of the Faculty of Philology of the University of Skopje and the Macedonian Academy of Sciences and Arts. His collection of poems “Embroiderer” (1955) contains real masterpieces of national lyrics. He has created national poetic masterpieces dedicated to love and landscape, philosophical and patriotic poetry. In his writings he uses a variety of folk tradition and the richness of its themes. He has translated into Macedonian many prominent poets as such as Alexander Blok, Adam Mitskevich, Heinrich Heine and others.

Keywords:

Blazhe Koneski, Macedonian literature, national poetry, folk tradition, sonnet, elegy.

Блаже Конеский — крупнейший македонский поэт, прозаик, переводчик, ученый, основоположник современной македонской литературы, общественный деятель. Выходец из простой крестьянской семьи, он после получения образования в Белградском и Софийском университетах превратился в одну из масштабных фигур научной, общественной и культурной жизни страны. Конеский участвовал в составлении первого орфографического кодекса македонского языка (1945), стал создателем «Грамматики македонского литературного языка» (1952–1954), выступил редактором трехтомного «Словаря македонского языка» (1961–1966), написал ряд исследований по истории македонской литературы. Он являлся ректором Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (1958–1960),

Блаже Конеский

первым президентом Македонской Академии наук и искусств (1967–1975), первым Председателем Союза писателей Македонии (1946), редактором первого литературного журнала на македонском языке «Новый день» (1945–1950).

С его именем связано становление современной литературы Македонии. Начав печататься с 24 лет, Конеский стал автором 16 сборников: 15 поэтических и одного прозаического. Он перевел поэму П. Негоша «Горный венок», многие стихотворения и поэмы Г. Гейне, А. Блока, В. Брюсова, В. Маяковского, Е. Багрицкого А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Крашиньского, Ю. Тувима, К. Махи, Я. Неруды, П. Брезуча, Й. Волькера, В. Незвала и др.

В начале творческого пути Конеский находился под заметным влиянием поэзии В. Маяковского. С 1950-х гг. эстетическая основа его творчества существенно изменилась, диапазон его поисков в области формы чрезвычайно расширился. Он проявлял интерес к реализму, романтизму, символизму и акмеизму, оставаясь равнодушным к экспрессионизму и сюрреализму, к которым тяготели многие поэты Македонии во второй половине 1950-х — 1960-х гг.

К числу наиболее ярких в македонской литературе памятников революционной эпохи относится поэма Конеского «Мост» (1945). Поэт посвятил ее революции и социалистическому преобразованию страны, подвигам партизан и свободному труду. Эта проникнутая романтизмом пафосом поэма синтезирует традиции народной поэзии, опыт первого национального поэта К. Рацина и современной лирики. Конеский стремился к максимальному разнообразию ритмики и строфики, вплоть до сочетания в рамках одного произведения одновременно силлабического и тонического стихов.

Лирика Конеского 1950-х — 1960-х гг. составляет классический фонд македонской поэзии, сочетая в себе простоту стиля и философскую глубину при опоре на традиции фольклора и европейской литературы. Ей свойственны музыкальность звучания, богатство ритмики и строфики. Его поэтический сборник «Вышивальщица» (1955) обозначил новый этап в развитии македонской литературы. Он содержит любовную, философскую и патриотическую лирику, образцы силлабо-тонической поэзии и свободного стиха («Вышивальщица», «Ангел св. Софии», «Образ», «Незна-

комке», «Умиротворение», «Из окна поезда», «Больной Дойчин», «Стерна»). Постоянным мотивом лирики Конеского стало размышление о поэте и поэзии. В программном стихотворении «Вышивальщица» он формулирует свое поэтическое кредо: писать «просто и строго» с опорой на национальные традиции. Второе издание сборника 1961 г. дополнено циклом «Стерна», в котором мотив подвига тесно связан с постановкой экзистенциальных проблем жизни и смерти, добра и зла. Сборник редактировался поэтом, его состав изменялся и приобрел окончательный облик только в 1990 г.

Поэтическое творчество Конеского в 1970-е — 1980-е гг. представлено рядом поэтических сборников, которые характеризуют богатство тем и мотивов, выразительность образов и скромная красота языка и стиля при богатстве поисков в области версификации от сонета до свободного стиха («Записи», 1974). Поэт стал выразителем радостей и горестей своего мужественного и многострадального народа. Его образы простых крестьянок в поэтическом цикле «Проложные жития» («Житие Боны», «Житие Тасы Боянской», «Успение тети Менки») являются воплощением трагической национальной судьбы. В сборнике «Послание» он рассуждает о месте поэта и поэзии в обществе, о сложных и многогранных проявлениях поэтического вдохновения (стих. «Поэтика», 1987). Размышления на эту тему поднимают глубинные проблемы философии творчества. Главными в своей поэзии Конеский считает «мысль» и «ритм». В иронично-игровом, построенном на приеме звукоподражания стихотворении «Ars poetica», автор высказывает мысль о необходимости кропотливой работы над поэтическим словом, чтобы оно звучало «легко и мягко, сильно, но нежно сочувственно и горячо с горьким опытом и затаенной болью».

В сборнике «Старые и новые стихи» (1979), «Источники» (1984), «Церковь» (1988), Конеский, обращаясь к воспоминаниям о детстве и юности, рассуждает о смысле жизни. Философские мотивы на протяжении 1980-х гг. занимают все большее место в лирике поэта. Размышляя о безжалостном движении времени, поэт создал сборник сонетов, продемонстрировав неувядаемую актуальность этого классического жанра европейской лирики («Источники»). В стихотворениях «Кочо Рацин», «Че Гевара», «Троя» и в подчеркнуто камерных и интимных мини-портретах («Дед Конес» и «Анна») поэт поднимает проблему смерти и бессмертия, ставшую одной из главных в его лирике. В предсмертных его сборниках («Небесная река», 1991) лирического героя захватывает тема жизни земной и вечной, а в самом последнем поэтическом сборнике («Черный баран», 1993) ощущается предчувствие близкой смерти.

Сборник рассказов «Виноградник» (1955) на тему детства, городских и сельских будней содержит одни из первых образцов македонской психологической прозы. В нем чувствуется опора на традиции короткого чеховского рассказа. Автор уделяет большое внимание описанию очерченной несколькими яркими штрихами социальной среды и портретным, пред-

метным и пейзажным деталям. Внутреннее пространство его прозы всегда шире очерченного фабулой. Малый объем и прием недосказанности повышают роль тональности повествования и особой складывающейся в рассказах атмосферы. Особенно значимы те из них, в центре которых находится образ ребенка, наивно и непосредственно воспринимающего жизнь и усваивающего ее первые, часто болезненные уроки («Башмаки»).

ЛИТЕРАТУРА

- Старделов Г.* Одземање на силата. Поезија на Блаже Конески. Скопје. 1990.
Его же. Делото на Блаже Конески. Остварувања и перспективи. Скопје, 2002.
Шешкен А.Г. Поэзия Блаже Конеского (к вопросу об особенностях становления и развития современной македонской литературы) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 2. С. 49–61.
Шешкен А. Поэзия «простая и строгая» // *Шешкен А.Г.* Македонская литература XX века. Генезис. Основные этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007. С. 144–153.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Блаже Конеский. Фотография.
2. Б. Конески «Грамматика македонского литературного языка». Скопье, 1952–1954 гг.
3. Б. Конески. «Словарь македонского литературного языка» в 3 тт. Скопье, 1961–1966 гг.
4. Блаже Конески. «Историја на македонскиот јазик».
5. Блаже Конески. «Македонски правопис со правописен речник» (1950).
6. Филологический факультет им. Блаже Конеского университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье.
7. Памятник Б. Конескому в Македонской Академии наук и искусств.
8. Блаже Конеский. Фотография.
9. Дом-музей Б. Конеского в Небрегово.
10. Купюра с изображением Блаже Конеского.

ПЕРВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МАКЕДОНСКИЙ ПОЭТ КОЧО РАЦИН

Аннотация:

Статья посвящена Кочо Рацину (Солеву, 1908–1943) — первому македонскому национальному поэту. Он публиковался под псевдонимом, образованном от имени девушки, в которую был безответно влюблен. Являлся участником революционного движения Югославии 1920-х — 1930-х гг. и борцом за признание македонцев отдельным народом. Погиб во время Второй мировой войны, сражаясь в партизанском отряде против фашистов. Его единственный сборник стихов «Белые рассветы» («Бели мутри», 1939) был посвящен бедственному положению народа. Мотивы социальной несправедливости и протеста против эксплуатации были главными в его творчестве. Стих Рацина органично связан с традицией македонской народной поэзии.

Ключевые слова:

Кочо Рацин, македонская литература, поэзия социального протеста, фольклор, сборник «Белые зори».

Abstract: A.G. SHESHKEN “KOCHO RATSIN: THE FIRST NATIONAL MACEDONIAN POET”.

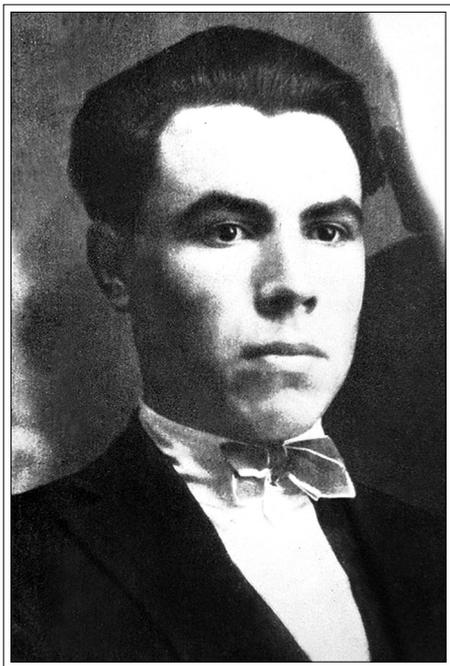
The article is devoted to Kocho Ratsin (mac. Kočo Racin, 1908–1943), the first Macedonian national poet. He published his poems under pseudonym in honor of a girl he was unrequitedly in love with. Kocho Ratsin was also a member of the Yugoslavian revolutionary movement of 1920s to 1930-s and a fighter for recognition of Macedonians as a separate nation. He died during the Second world war fighting among the partisan group against the nazis. His single published collection of poems, “The White Dawns” (“Beli Mugri”, 1939), was dedicated to poverty and plight of his nation. The motifs of social injustice and protest against exploitation were the main themes of his work. The verse of Ratsin is naturally based on the Macedonian folk poetry tradition.

Keywords:

Kocho Ratsin, Macedonian literature, social protest, folklore, collection “White Dawns”.

Кочо Рацин — первый национальный македонский поэт, прозаик, литературный критик, публицист.

Родился в Велесе в семье бедного ремесленника-гончара, не способной сделать доступным для сына систематическое образование. Любовь к красоте родного языка Рачин унаследовал от деда — певца и музыканта, игравшего на сельских праздниках, и своей матери, известной исполнительницы народных песен. Он был богато одарен от природы, хорошо рисовал, выучил русский, чешский и немецкий языки, читал по-французски, использовал любую возможность для посещения библиотеки, шу-

Кочо Рацин

дировал труды по философии и культуре, изучал материалы, связанные с историческим прошлым Македонии. Как личность Рацин сформировался в русле социалистического движения в стране в 1920-х — 1930-х гг. Жажда социальной справедливости и появление национальной литературы на родном языке было тесно связано у македонцев с борьбой за национальную самобытность в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, которое ее не признавало и запрещало официальное использование македонского языка. Рацин являлся участником рабочего движения, редактором нелегальной газеты «Искра» (1934), органа печати компартии, нелегально выходившего в Скопье. За публичное чтение своих стихов революционного содержания его арестовали и заключили в тюрьму (1932–1934). Из жизни он ушел

преждевременно: погиб во время войны, сражаясь в партизанском отряде против фашистов.

Социальное происхождение и проснувшееся у Рацина с ранних лет стремление к социальной справедливости предопределили тематику и идейный пафос его ранних произведений. Он примкнул к течению «социальной литературы», печатные органы которой («Критика» и «Литература» — Загреб, «Снага» / «Сила» — Сараево), («Радник» / «Рабочий» — Загреб и «Младост» — Белград) заинтересовались творчеством молодого автора «из рабочих» и стали публиковать его поэзию, прозу и критические статьи. Ранняя поэзия и особенно проза Рацина нередко демонстрируют упрощенно-социологический взгляд на художественное творчество, его тематику и проблематику. Во второй половине 1930-х гг., вступив в пору творческой зрелости, он стал уделять серьезное внимание не только содержанию, но и художественной стороне творчества. Вначале он создавал поэзию, прозу и критику на сербском языке — публиковать произведения на македонском языке в те годы запрещалось. Первый сборник его стихотворений о неразделенной любви к девушке Раце «Антология боли» (1928) остался неопубликованным. Именно отсюда и ведет свое происхождение избранный им для себя поэтический псевдоним «Рацин», т. е. принадлежащий возлюбленной Раце.

Его литературный дебют — программное стихотворение «Сыны голода» / «Синовии глади») — состоялся в 1928 г. в журнале «Критика». Оно от-

ражало намерение молодого автора писать от имени обездоленных трудящихся («...Ничего не имею...я сын голода»), униженных и оскорбленных («презрение и смех мне награда от всех»), в душах которых зарождается ненависть к угнетателям и зреет протест огромной силы. Ранний Рацин тяготел к экспрессионизму с его склонностью к абстрактности, эмоциональной обнаженности чувств, гротескной образности, фантастическому, «визионерскому» видению мира. Мотивы «боли», «ужасного крика» и «голода» проходят сквозь все его творчество, претерпевая изменения на своем пути.

Лирика Рацина 1928–1933 гг. открыто призывала к революционному переустройству мира («Фейерверк» / «Ватромет»). Его проза тех лет (рассказы, отрывки из романа «Опиум» / «Афион» — на сербском языке) отличалась неприкрытой тенденциозностью, публицистичностью, социальным протестом и сатирическим обличением правящего класса. Рассказ Рацина «В каменоломне» / «U kamenolomu» (1931) о гибели рабочих в результате взрыва журнал «Литература» признал победителем конкурса короткого рассказа.

Новый, самый плодотворный и значительный период в творческом развитии Рацина наступил после его ареста и пребывания на каторге в 1934–1935 гг. Не утратив острой идейной направленности, его поэзия второй половины 30-х гг. постепенно отходит от абстрактных и повышенно экспрессивных картин и обретает конкретные национальные очертания. Рацин начал писать на македонском языке, основой его лирики стала стихия живого разговорного языка, потому что в народной песне Македонии он улавливал «ее молитву, отражение ее души и ее дыхание».

Созданная им на македонском языке лирика 1936–1939 гг. была объединена в сборнике «Белые зори» / «Бели мугри» (Загреб, 1939). По соображениям конспирации, его тираж был напечатан в окрестностях Загреба в частной типографии. Сборник распространяли нелегально, но он быстро стал известным и получил признание. Его появление было отмечено в левой печати. Он состоит из десятка стихотворений и двух поэтических циклов («Элегии к тебе» / «Элегии за тебе» и «Коль имел бы мастерскую в Струге» / «На Струга дукан да имам»), создающих образ Македонии и ее многострадального народа. Взор поэта обращен на близких и родных людей: македонскую девушку, мечтавшую о счастливом замужестве, но умершую от туберкулеза («Ленка»), крестьянина, у которого заморозки погубили весь урожай («Крестьянский труд» / «Селска мака»), семейную пару в момент расставания, когда уходящий на заработки муж чувствует, что живым не вернется («Прощание» / «Проштевање»), некогда известных своим мастерством, но разорившихся ремесленников (цикл «Коль имел бы мастерскую в Струге»).

Приближение к основам национальной жизни повлекло за собой решительное изменение поэтических средств и смену лирического героя, отразилось на форме стиха и его жанровой природе. Рацин использует мотивы, образность, метафоры и эпитеты народной поэзии.

Поэт по-прежнему открыто декларировал свою идейную позицию. Он видел, что крестьянин весь «век свой трудится даром / все для чужого амбара». Заострению идейной направленности и тенденциозности стиха помогают как сам «объект» лирики (сборщики табака, безработные мастеровые люди, крестьяне, работающие от зари до зари), так и открыто высказанная и настойчиво повторяемая авторская мысль о несправедливом устройстве мира, который требует изменения. Лирический герой охвачен любовью и сочувствием к родному краю и его людям, и это окрашивает лирику поэта в элегические тона. Один из циклов сборника так и называется «Элегии к тебе». У них, впрочем, нет конкретного адресата. «Ты» — это земля Македонии, о лучшей доле которой мечтает поэт. И хотя автор, как и прежде, ждет восхода «зари» — революции, он облекает это ожидание в другие близкие народной поэзии поэтические формулы, используя характерный для фольклора восьмистопный стихотворный размер. Традиционный для народной лирики прием антитезы у Рацина служит повышению идейного пафоса стиха посредством достижения ее максимальной концентрации. В сборнике широко постоянно употребляются свойственные фольклору эпитеты, («синдир железен» / «цепь железная», «солнце светло», «гора зелена» / «лес зеленый», «вода студена», «лути рани» / «раны жестокие», «извори бистри» / «ключи быстрые») метафоры, олицетворения и повторы.

Популярные народные песни играют роль своеобразного подтекста, получая при этом новое толкование. В стихотворении «Ленка» в качестве эпиграфа взяты слова одной из самых известных в Македонии песен «Биляна полотно белила». Но в отличие от народной песни молодая девушка у Рацина рано увяла и умерла от тяжелого труда. В цикле «Коль имел бы мастерскую в Струге» лирический герой с горечью вспоминает о прежнем богатстве города, о золотых и серебряных дел мастерах, т. е. о временах, когда и родилась одноименная народная песня. Она наполнена радостным, веселым содержанием. Безымянный автор поет в ней о том, как мастерская в Струге помогла бы ему стать богачом и завидным женихом. А лирический герой Рацина, напротив, — живет впроголодь. В поэзии творца развивается и мотив антигурецкого восстания 1903 г. на «Ильин день», превратившийся в символ вечного стремления к свободе.

Стихотворение «Землекопы» своей эмоциональностью перекликается с ранней поэзией Рацина на сербском языке. Оно содержит протест против социального угнетения и прославляет человека труда. В нем Рацин обращается к «потомкам деда Богомила», вождя религиозно-еретического движения, которое поэт назвал первым носителем идеи социального равенства в Европе. На эту тему Рацин написал две статьи: «Драгомицкие богомилы» и «Крестьянское движение богомилов в Средневековье», доказывая, что македонцы имеют славное историческое прошлое, и что они внесли свой вклад в историю религиозно-философской мысли Европы.

Поэтический сборник Рацина сыграл особую роль в развитии македонской литературы. Появление «Белых зорь» — результат долгого историче-

ского пути искусства слова Македонии. И одновременно — это этапное произведение, открывшее дорогу будущему развитию национальной словесности. За ним прочно закрепилось место высшего достижения македонской литературы межвоенного времени.

Рацин участвовал в дискуссиях по вопросам традиции и новаторства, проблемы художественной «истины» и цели искусства, природы «тенденциозности», соотношения идейности и художественности, социального происхождения художника и его творчества. Выступая в белградских изданиях «Уметност и критика» / «Искусство и критика» и «Наша стварност» / «Наша действительность», он вместе со своими единомышленниками доказывал, что литература должна стремиться к истинности. Она есть основное условие реалистичности, которая недостижима вне связи художественного творчества с социальной средой. Он критиковал упрощенный подход при оценке художественного произведения, писал о важности освоения современными поэтами традиций мировой культуры. Задачу искусства Рацин усматривал в изображении реальности своей собственной, национальной жизни. Тесная связь социального реализма с духовной традицией и национальным бытием заключалась, по его мнению, в сближении национальной литературы с народным творчеством. Наиболее развернуто это положение было сформулировано в его статье «Развитие и значение нашей новой литературы» / «Razvitak i značenje jedne nove naše knjževnosti» (1940), посвященной рождению в Македонии литературы на национальном языке. Эта статья служила манифестом, объявляющим о качественно новом художественном явлении, и одновременно являлась духовным завещанием поэта, считавшего, что успешное развитие современной реалистической литературы возможно лишь при опоре на народные традиции.

СОЧИНЕНИЯ

Стихова и проза. Скопје, 1954; [Песме] // Основположници на современата македонска поезија. Битола, 2008.

Сборшници табака // Повести и расказы югославских писателей. М., 1959.

Белые зори. Стихи. М., 1997; Белые зори. Фейерверк. М., 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Ристовски Б. Кочо Рацин. Историско-литературни истражувања. Скопје, 1983.

Наневски Д. Поетот Рацин. Скопје, 1983.

Ивановиќ Р. Поетиката на Коста Рацин. Скопје, 1979.

Беляева Ю.Д. Кочо Рацин и рождение македонской пролетарской литературы // Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970. С. 369–384.

Шешкен А.Г. Творчество Кочо Рацина в свете македонской культуры переходного периода (1920–1930-е гг.) // Славянский вестник. М., 2009. Вып. 3. С. 288–302.

Шешкен А.Г. Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007. С. 44–56.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Кочо Рацин. Фотографический портрет.
2. Вид г. Велес. 1920-е. годы.
3. Обложка первого поэтического сборника Кочо Рацина «Белые зори».
4. Памятник Кочо Рацину на горе Лопушник.
5. Памятник К. Рацину в г. Велес.
6. Памятник Кочо Рацину в д. Лазарополе.
7. Коллектив народного танца и песни им. К. Рацина.
8. Дом-музей Кочо Рацина в г. Велес.
9. Вручение диплома «Рациново признание» македонскому писателю Венко Андоновскому по результатам конкурса 2019 г. на лучшее национальное прозаическое произведение.
10. Почтовая марка с изображением Кочо Рацина. 1983 г.

КРУПНЕЙШАЯ СЕРБСКАЯ ПОЭТЕССА ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ

Аннотация:

Десанка Максимович — крупнейшая сербская поэтесса XX в., автор произведений для детей, переводчик. Любовная лирика и тонкость переживаний женской души, неброская красота родного края, мужество народа в годы Второй мировой войны, славное историческое прошлое — темы ее богатого поэтического творчества. Глубина содержания сочетается в нем с тонкостью лирического рисунка и музыкальностью звучания. Современники называли Десанку Максимович «лицом сербской поэзии». Она была признана ЮНЕСКО «Личностью культуры XX века».

Ключевые слова:

Десанка Максимович, сербская поэзия, антифашистская тема, женская лирика, элегия, стихотворение в прозе.

Abstract: A.G. SHESHKEN “DESANKA MAKSIMOVICH: THE GREATEST SERBIAN POETESS”.

The article is devoted to Desanka Maksimovich (serb. Desanka Maksimovič, 1898–1993), the greatest Serbian poetess of the 20th century, author of works for children, translator. The love lyrics and subtlety of the feminine soul's experiences, the low-key beauty of her native land, the courage of the people during the Second world war, and the glorious historical past are the themes of her rich poetic work. The depth of the content is combined with the subtlety of lyrical drawing and musicality of sound. The contemporaries of Desanka Maksimovich called her “the Face of Serbian poetry”. She was recognized by UNESCO as a “Person of culture of the 20th century”.

Keywords:

Desanka Maksimovich, Serbian poetry, anti-fascist theme, women's lyrics, elegy, prose poem.

Десанка Максимович (1898–1993) — крупнейшая сербская писательница своего времени, автор многочисленных сборников стихов, нескольких романов и сборников рассказов для детей, внесла большой вклад в развитие средств выразительности сербского поэтического языка, обогатила его новыми пластическими образами, сумела, как никто другой, глубоко проникнуть во внутренний мир женской души. В 1998 г. ЮНЕСКО признало Максимович «Личностью культуры XX в.»

Она родилась в семье сельского учителя и дочери священника. Любовь к литературе ей привил занимавшийся литературным сочинительством отец и учитель гимназии, поэт Сима Пандурович. Во время учебы на филологическом факультете Белградского университета сильное влияние на нее оказал литературный критик и университетский преподаватель Богдан Попович, под руководством которого она писала дипломную работу. Именно

по его рекомендации после года работы учителем в Дубровнике начинающая поэтесса получила стипендию французского правительства и специализировалась в области истории искусства в Сорбонне (1924–1925). По возвращении Максимович работала учителем в Белграде, а после Второй мировой войны — в Министерстве образования страны и занималась писательским трудом.

Первая ее публикация появилась в 1920 г. в белградском журнале «Мысль» / «Мисао», а первый поэтический сборник «Стихи» / «Песме» вышел в 1924 г., и был благосклонно встречен критикой. Известный историк литературы М. Кашанин назвал Максимович одаренной поэтессой, обладающей врожденным поэтическим даром и чувством стиля. В межвоенное время ее известность заметно возросла после публикации поэтических сборников «Зеленый витязь» / «Зелени витез» (1930), «Пиршество на лугу» / «Гозба на ливади» (1932), «Новые стихи» / «Нове песме» (1936) и сборника рассказов «Как они живут» / «Како они живе» (1935).

Она не примыкала ни к одному из тогдашних литературных течений и почти не участвовала в поэтических кружках. Исключением был русско-сербский кружок «Ступени» (1927), члены которого (М. Кашанин, Г. Крклец, М. Погодин, Е. Таубер и др.) занимались преимущественно поэтическим переводом. В те годы у нее возник глубокий интерес к России и русской литературе, объяснявшийся обстоятельствами личного плана: она стала женой русского эмигранта, переводчика С. Сластикова.

Не вступая в литературную полемику, поэтесса выработала свой неповторимый стиль, усвоила и развила те черты искусства XX в., которые были близки ее миросозерцанию и соответствовали природе ее дарования. Можно говорить о восприятии ею опыта импрессионизма при передаче оттенков чувств и переменчивых состояний природы и о свойственной модерну культуре красоты. Одновременно Максимович была присуща гражданская позиция, основанная на нетерпимости к злу и лицемерию. Ее стих отличает спокойная, почти повествовательная, интонация и особая мелодичность, тонкий ритмический рисунок, выделение многочисленных изменчивых нюансов настроения. Ее поэтический язык не чужд метафоричности. В нем весьма богат и развернут синонимический ряд, присутствует обилие эпитетов, сравнений, метафор, свежих и запоминающихся образов, не нарушающих при этом нормы классического синтаксиса и грамматики.

Десанка Максимович

Лирика Максимович наполнена интимными переживаниями, глубоким проникновением во внутренний мир личности, она соткана из полутонов. Все нарочитое и громкое чуждо лирическому герою, погруженному в созерцание окружающего мира. В «Стихотворении» / «Песма» подчеркивается, что объектом и источником поэзии являются внешне простые и незаметные вещи. Две главные темы довоенной лирики поэтессы, любовь и природа, тесно связаны с еще одной «сквозной» — темой родины. Она, на первый взгляд, звучит камерно, но на самом деле обладает богатейшей гаммой мотивов и нюансов. Здесь и картины родного края, и воспоминания о детстве и родном доме, и погибшем во время Первой мировой войны отце (цикл «Воспоминание об отце» / «Сећање на оца»), и размышления о собственной судьбе. Ведущими жанрами этого периода творчества Максимович являются элегия и стихотворение в прозе («Зеленый витязь»).

Вторая мировая война и героическое сопротивление сербского народа фашистской агрессии внесли в поэзию Максимович новые темы («Песня о порабощенном хлебе» / «Песма о поробљеном хлебу», «Сербия — великая тайна» / «Србија је велика тајна», «Сербия пробуждается» / «Србија се буди», «Сказка о ружье повстанца» / «Бајка о устаничкој пушки»). Лирика поэтессы приобретает трагический накал, наполняется гражданским пафосом и гордостью за свой народ. Самое значительное произведение этого периода — стихотворение «Кровавая сказка» / «Крвава бајка» (1941) являлось откликом на массовый расстрел почти всего мужского населения г. Крагуевац в октябре 1941 г. В числе жертв оказалось несколько классов гимназистов, которых вывели на казнь вместе с учителем прямо с уроков. Контраст школьных будней и героической гибели детей придают стихотворению высокое трагическое звучание. Эмоциональное воздействие произведения усиливают спокойная эпическая интонация, скупость эпитетов, подробности школьной жизни и общие черты биографии жертв. Самообладание детей, которые идут на расстрел твердой поступью и соблюдая равнение, рождает восхищение мужеством сербского народа и вносит важный вклад в формирование эстетического идеала той эпохи, когда писатели воспевали силу и величие человека, чьим мерилом красоты стало самопожертвование.

Максимович одной из первых обратилась к мотиву массового мученичества за веру и родину, имеющему богатую традицию в сербском фольклоре и литературе. Её поэзия тех лет опирается на устную народную традицию в смысле жанра, выбора выразительных средств и стихотворных размеров.

В послевоенные годы главное место в творчестве Максимович продолжала занимать патриотическая и гражданская лирика, в которой появились новые мотивы. Их тематическое ядро составляют самоотверженное сопротивление врагу и радость освобождения. В центре внимания поэтессы был герой-партизан и человек-созидатель, восстанавливавший разрушенную страну. Она воспевала мужество своего народа в цикле «Стихи о рабстве

и свободе» / «Песне о ропству и слободи». В поэме «Я здесь, отчизна» / «Отаџбино, ту сам» (1951), которая посвящена Душице Стефанович, выдержавшей страшные пытки и казненной немцами в октябре 1941 г., заметны точки соприкосновения с поэмой русской поэтессы М. Алигер «Зоя». Максимович изображает войну как страшное испытание для человека, как время страшных потерь и глубокого горя («Овдовевшая невеста» / «Обудовела невеста»). В патриотической лирике тех лет она обращалась к истокам национального характера, противопоставляя широту души и искренность сборов «цивилизованности» европейцев («Балканец» / «Балканац»).

В 1950-е — 1960-е гг. поэтесса возвратилась к жанру лирической исповеди, тонким душевным переживаниям, навеянным воспоминаниями о детстве, созерцанием родных мест и размышлениями над быстротечностью жизни, ее горестях и радостях: «Запах земли» / «Мирис земље» (1955), «Пленник снов» / «Заробљеник снова» (1960), «Говори тихо» / «Говори тихо» (1961). Размышления об исторической судьбе своего народа и одновременно мечту о мире, живущем по законам любви и гуманизма, содержит один из главных в творчестве Максимович сборников «Требую помилования» / «Тражим помиловање» (1964). Книга имеет подзаголовок «Лирические дискуссии с «Законником» царя Душана» — сводом юридических актов 1349 г., учрежденных правителем сербского средневекового государства в период его расцвета. Критика отмечала, что из рассказа поэтессы об этом своде «выросло великое слово, адресованное нашему времени» и воплощающее в себе великую поэзию любви, понимания и милосердия. Сборник был построен как диалог правителя, давшего своему народу справедливые законы, и поэта, судящего мир и человека по законам любви. Он представляет собой эпический цикл, состоящий из около 70 стихов. Его главная идея — противоречие между рациональным отношением к жизни и бесконечной сложностью ее реальных проявлений, когда самый справедливый закон может обернуться жестокостью. В нем звучат молитвы поэта о «царских дорогах», о «земле, по которой ступает войско», о «беглом рабе», раздаются его просьбы о милосердии к «пастушке, которая по отцу не зовется», к «свадьбам без венчания», к «совершившим прелюбодеяние», к «бесплодным женщинам», к непонятым, наивным, преследуемым и оскорбленным. Сборник написан свободным стихом, но имеет внутренний ритм. Его лексическое богатство основано на использовании архаизмов, диалектизмов и современного языка. Родной язык для Максимович является главным связующим звеном между далеким прошлым и современностью, в которой человек не меньше нуждается в милосердии.

После длительного молчания Максимович издала сборник стихов «У меня больше нет времени» / «Немам више времена» (1973), открывающий новый этап ее творчества, когда уже «нет времени на длинные фразы и долгие разговоры». За ним последовало более десятка поэтических сборников: «Летопись потомков Перуна» / «Летопис Перунових потомака» (1976), «Я буду помнить все» / «Памтићу све» (1988), «Озон родного края» / «Озон

завичаја» (1990) и др. Большой интерес у читателей вызывают и вышедшие в 1987 г. сборники Максимович «Бабые лето» / «Бабино лето» и «Фестиваль снов» / «Фестивал снова». Они содержат сонеты с размышлениями и воспоминаниями о прожитой жизни и о горькой потере друзей и близких.

Поэзия Максимович продолжает высоко цениться на родине. К столетию рождения поэтессы в Белграде была основана библиотека-фонд («задужбина»), названная ее именем. В ней регулярно проходят приуроченные ко дню рождения поэтессы так называемые «Десанкины майские разговоры» («Десанкини мајски разговори») — научные и общественные чтения, материалы которых публикуются в отдельных сборниках. Широка известность Максимович и за рубежом. В России, в частности, ее поэзия известна по переводам таких мастеров слова, как В. Корнилов, И. Бродский, А. Ахматова, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, М. Алигер, Б. Ахмадулина, Л. Мартынов и др.

ЛИТЕРАТУРА

Ђорђевић Љ. Песничко дело Десанке Максимовић. Београд, 1971.

Блечић М. Живот Десанке Максимовић праћен песмом. Београд, 1998.

Он же. Са Десанком Максимовић. Прир. Љ. Андрић. Нови Сад, 1989.

Марковић С.Ж. Поезија Десанки Максимовић. Београд, 1990.

Десанка Максимовић у свом књижевном времену. Зб. радова. Десанкини мајски разговори. 15–16 маја 1995. Приредио. С.Ж. Марковић. Београд, 1995.

Сибиновић М. Нови аспекти књижевног дела Десанке Максимовић. Београд, 1999. Десанка Максимовић у деценији 1993–2003. Прир. С.Ж. Марковић. Београд, 2004.

Огнев В. Десанка Максимович // Огнев В. Семь тетрадей. Этюды о литературах социалистических стран Европы. М., 1987. С. 280–289.

Щеглов С. Десанка, великая тайна. Очерк. Красноярск, 1998.

Щеглов С. Оставляю вам только слова. Красноярск, 2008.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Десанка Максимович. Фотография.
2. Фото Десанки Максимович в молодости.
3. Сима Пандурович — сербский поэт, учитель гимназии, заметивший талант Д. Максимович.
4. Богдан Попович (1863–1944) — сербский критик, профессор филологического факультета Белградского университета, научный руководитель Д. Максимович.
5. Обложка сербского издания поэтического сборника Десанки Максимович.
6. Памятник Д. Максимович («Лицо поэзии») в Валево.
7. Памятник Десанке Максимович в Белграде на Ташмайдане.
8. Улица Д. Максимович в Белграде.
9. Ежегодные памятные дни «Десанкине мајски разговори» (часть в Валево, возложение цветов к ее могиле).
10. Почтовая марка с изображением Д. Максимович.

Лариса Леонидовна
ЩАВИНСКАЯ

САМАЯ ПОЧИТАЕМАЯ В БЕЛАРУСИ МЕСТНАЯ СВЯТАЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЬНИЦА ЕВФРОСИНИЯ ПОЛОЦКАЯ¹

Аннотация:

В статье рассказывается о жизни и деятельности самой почитаемой в Беларуси местной святой, полоцкой игуменьи Евфросинии Полоцкой (около 1101/1104 годы — 23 мая 1167 или 1173 года). Она была дочерью полоцких князей, избрала в жизни иной путь и внесла огромный вклад в развитие духовной культуры родной земли. Евфросиния Полоцкая была великой просветительницей, основательницей монастырей и покровительницей искусств и ремесел. В 1984 г. Евфросинию Полоцкую канонизировала Русская Православная Церковь. Она входит в число трех наиболее почитаемых в Беларуси местных святых наряду со святителем Кириллом Туровским и святым Афанасием Брестским.

Ключевые слова:

Евфросиния Полоцкая, Полоцкое княжество, православие, кирилло-мефодиевское наследие.

Abstract: L.L. SHCHAVINSKAYA “THE MOST REVERED BELARUSIAN LOCAL SAINT, THE ENLIGHTENER EUPHROSYNE OF POLOTSK”.

The article is devoted to the life and activities of one of the most revered saints Belarusian orthodox abbess Euphrosyne of Polotsk (1101/1104 – May 23, 1167 or 1173). She was the daughter of the Polotsk Prince, but choose another way in her life and made a huge contribution to the development of spiritual culture in her native land. Euphrosyne of Polotsk was the great enlightener, the founder of monasteries and patron of the arts and crafts. In 1984 the canonization of Euphrosyne of Polotsk was combined by the Russian Orthodox Church. She is one of the most prominent Belarusian saints along with St. Cyril of Turov and St. Athanasius of Brest.

Keywords:

Euphrosyne of Polotsk, Principality of Polotsk, Orthodoxy, Cyril and Methodius heritage.

Преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая — одна из самых почитаемых в Беларуси местных святых, великая просветительница, книжница, основательница монастырей и строительница храмов, покровительница искусств и ремесел.

Мирское имя ее было Предслава. Она принадлежала к роду полоцких князей, ведущих свою родословную от святого равноапостольного князя Владимира, дочь князя Святослава-Георгия Всеславича. Предслава получи-

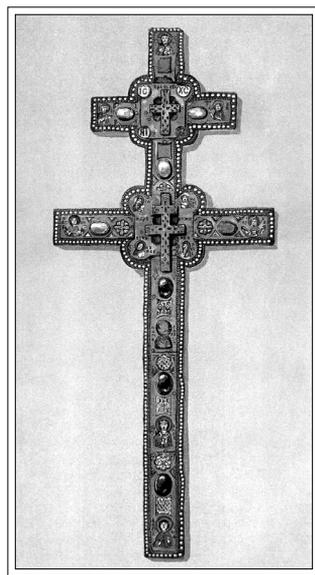
---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

ла неплохое по тогдашним меркам домашнее образование. С раннего возраста она отличалась любовью к молитве и книжному учению, в 12 лет тайно приняла постриг с именем Евфросиния. По благословию Полоцкого епископа Илии через какое-то время после пострига она стала жить при Софийском соборе, где в скриптории при тамошней библиотеке «начала книгу писати своими руками», и, беря плату, отдавала ее нуждающимся. Здесь она проводила время в молитве, бдении и переписывании духовных книг, насыщаясь премудростью из книг соборной библиотеки: «Евфросиния сердце свое напояла Божией Премудростью».

Около 1128 г. епископ Илия поручил ей устроить женский монастырь в Сельце за две версты от Полоцка, на берегу Полоты. Отправляясь к месту будущей обители, Евфросиния взяла только книги, ибо «ими же утешает ми ся душа и сердце веселит». Вскоре она была возведена в сан игуменьи Спасо-Преображенского монастыря, который постепенно расширялся и укреплялся. В Сельце при Евфросинии началось строительство женского Спасского монастыря. Она начинает «с радостию и прилежанием» обучать грамоте сестер обители: «Аз веселым сердцем подвизаюся учити». В новоустроенном Спасо-Преображенском монастыре святая обучала девушек переписыванию книг, пению, шитью и иным ремеслам «да от юности навыкнут разумети закон Божий и трудолюбие». Здесь же приняли монашество родная сестра Евфросинии Градислава (с именем Евдокия), а также двоюродная сестра Звенислава (с именем Евпраксия).

К 1161 г. усердием преподобной Евфросинии был воздвигнут каменный Спасо-Преображенский собор, одна из жемчужин древнерусского зодчества, которая в перестроенном виде сохранилась до нашего времени. В том же 1161 г. по заказу Евфросинии Полоцкой мастер Лазарь Богша создал на престольный крест из дерева, обитый по лицевой и обратной сторонам золотыми, а по бокам серебряными, пластинами. По бокам креста в надписи читалась дата изготовления, имя заказчицы и страшное заклятие против воровства. На обратной стороне было вырезано имя мастера: «Господи, помози рабу своему Лазарю, нареченному Богши, съделавшему крест сий для церкви святого Спаса и Офросиньи». Преподобная Евфросиния основала также Богородицкий мужской монастырь, построила в нем каменную церковь в честь Пресвятой Богородицы. Большое внимание игуменья уделяла украшению храма. Она отправила в Константинополь своего слугу Михаила с богатыми дарами к константинопольскому императору и патриарху с просьбой прислать список с чудотворной Ефесской иконы

*Крест святой
Евфросинии Полоцкой.
XII в.*

Божией Матери. В 1162 г. икона прибыла на Русь. Сначала она около года пробыла в Корсуне (Херсонесе) по просьбе его жителей, получив название Корсунской, и затем прибыла в Полоцк. В 1239 г. выходя замуж за великого князя святого Александра Невского, икону как благословение взяла дочь Полоцкого князя Брючислава Александра, которая подарила ее городу Торопцу, где состоялось венчание княгини.

Незадолго до смерти преподобная Евфросиния с племянником Давидом и сестрой Евпраксией отправилась в паломничество по Святым Местам. Поклонившись святыням Царьграда, она прибыла в Иерусалим, где в русском монастыре Пресвятой Богородицы скончалась 23 мая 1167 или 1173 г. После кончины преподобной ее погребли в иерусалимском монастыре св. Феодосия. Не позднее 1187 г. мощи святой Евфросинии перевезли на Русь в Киево-Печерский монастырь. Вскоре после заключения Люблинской унии в 1579 г. православные храмы Полоцка были отданы во владение иезуитам, и православные перенесли крест Евфросинии Полоцкой в собор Святой Софии. С 1579 по 1841 гг. крест хранился в полоцком Софийском соборе, откуда только в 1841 г. после прекращения унии крест был передан в возобновленный Спасо-Евфросиниевский монастырь.

В конце XVI в. сложилась католическая легенда о святой Praxedis — Параскеве Полоцкой, культ которой должен был упрочить позиции католичества и униатской церкви в Полоцком крае и способствовать забвению почитания православной святой Евфросинии, игуменьи Полоцкой, житие которой и послужило образцом для создания легенды о святой Параскеве. Согласно легенде, святая Praxedis отправилась в начале 1230-х гг. в Рим, где и скончалась 12 ноября 1239 г. католичкою. Немного позднее она якобы была причислена Римской церковью к лику святых. Культ святой Параскевы со временем действительно получил довольно широкое распространение в Полоцке. Она стала как бы зримым двойником преподобной Евфросинии, что заметно ощущалось вплоть до XIX в. Не без желания слить в народной памяти эти два образа сложилась еще одна католическая легенда о «кресте св. Параскевы», в подражание кресту святой преподобной Евфросинии. Так называемый «крест св. Параскевы», созданный не ранее «самого конца XVI в.», сохранился и ныне находится в собрании Ростово-Ярославского музея-заповедника.

В 1910 г. состоялось перенесение мощей святой преподобной Евфросинии, игуменьи Полоцкой из Киево-Печерского монастыря в Спасский монастырь в Полоцке. 20 мая упомянутого года мощи преподобной были доставлены в полоцкий Никольский собор, а через два дня перенесены в Спасский монастырь и помещены в специально сооруженной для них серебряной раке. В 1921 г. власти осуществили в Спасо-Евфросиниевском монастыре изъятие церковных ценностей, в числе которых были крест св. преподобной Евфросинии Полоцкой и серебряная рака с ее мощами. На следующий год по приказу местных властей рака была вскрыта, и мощи святой передали на хранение в Витебский краеведческий музей. В 1928 г.

полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь был закрыт, крест Евфросинии передали минскому музею, где он хранился в запасниках. Затем его отправили в Могилев, и здесь он пропал во время Второй мировой войны. В октябре 1943 г. мощи преподобной были возвращены в полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь, где они находятся и поныне.

В 1984 г. преподобная Евфросиния Полоцкая была канонизирована Русской Православной Церковью. 6–7 июля 1989 г. была восстановлена Полоцкая епархия и тогда же произошло возобновление полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. Через три года по случаю празднования тысячелетия Полоцкой епархии и Православной церкви в Белоруссии было принято решение о воссоздании креста Евфросинии Полоцкой. В 1996–1997 гг. брестский художник-ювелир Н.П. Кузьмич изготовил точную его копию, и 24 августа 1997 г. в Бресте состоялось его освящение. В канун праздника Воздвижения Креста Господня воссозданный и освященный крест торжественно передали в полоцкую Спасскую обитель, где он и хранится в настоящее время.

Преподобную Евфросинию Полоцкую, прославившуюся как покровительница женского монашества, одинаково высоко чтят и православная, и католическая церкви. Подробные сведения о ней нам известны из ее жития, составленного в конце XII в. Исходя из того, что описываемые в нем события мог знать только близко святой человек, считается, что автором жития могла быть сестра преподобной Евпраксия, которая сопровождала ее во время паломничества в Иерусалим, или кто-то из ее монашествующих учеников. Написанное в конце XII в. «Житие Евфросинии Полоцкой» дошло до нашего времени в шести редакциях и более чем в 180 списках XVI–XVIII вв. в составе сборников и миней четых. Оно построено по общим канонам житийного жанра: вначале идет риторическое вступление, затем основная часть с повествованием о жизненном пути святой и ее духовном восхождении, и в конце следует завершающая произведение похвала подвижнице. Особенностью «Жития Евфросинии Полоцкой» является отсутствие рассказов о посмертных чудесах, обычно читающихся после упомянутой трехчастной композиции. Архиепископ Филарет (Гумилевский) и историки Е.Е. Голубинский и А.И. Соболевский считали, что житие Евфросинии было написано в домонгольский период, и их мнение разделяют современные исследователи. Почитание преподобной Евфросинии как святой, имевшее сначала местный характер, началось вскоре после ее кончины. До нашего времени дошла стихира в рукописном Стихираре XII в. из древнейшей службы преподобной «Придите, любомудрении...». В XVI в. святитель Макарий включил «Житие Евфросинии Полоцкой» в Великие Четьи-Минеи, а затем в «Степенную книгу царского родословия». После этого появились две проложные редакции жития, а в XVII в. житие преподобной включил в свои «Книги житий святых» святитель Димитрий Ростовский. В 1893 г. была составлена служба преподобной, а через семь лет иеромонах Никодим (Кононов) написал посвященный святой акафист.

Затем в 1911 г. была написана служба на Перенесение мощей прп. Евфросинии из Киева в Полоцк, которую в том же году издала Синодальная типография Санкт-Петербурга.

Евфросиния Полоцкая широко почитается среди восточных православных славян наряду со святителем Кириллом Туровским и св. Афанасием Брестским. Память ее празднуется по церковному православному календарю ежегодно 23 и 24 мая и в праздник Собора Белорусских святых в третью неделю по Пятидесятнице. В честь святой освящаются храмы во многих городах мира, ей установлено много памятников, ее образ вдохновляет иконописцев, художников, писателей и поэтов. В Беларуси существуют творческие союзы и общественные организации, носящие ее имя. С 1993 г. развернул деятельность Всебелорусский женский фонд св. Евфросинии Полоцкой, а Белорусский экзархат учредил орден и медаль, носящие ее имя.

ЛИТЕРАТУРА

Сербинович К.С. Исторические сведения о жизни прп. Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар полоцкой Спасской обители. СПб., 1841.

Титов Ф.И., прот. Прп. Евфросиния, княжна Полоцкая: Историческая справка к предстоящему перенесению мощей прп. Евфросинии из Киева в Полоцк. К., 1910.

Мельников А.А. Прп. Евфросиния Полоцкая. Минск, 1997.

Мельнікаў А.З. неапублікаванай спадчыны. Мінск, 2005.

Житие блаженной Евфросинии, игумении Вседержителя Святого Спаса во граде Полоцке. Минск, 2012. Кн. 1–2.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Начало «Жития святой Евфросинии Полоцкой». Список первой половины XVI в. НИОР РГБ. Ф. 113. Волок. Собр. № 632. Л. 206 об.
2. Начало «Жития святой Евфросинии Полоцкой». Список середины XVI в. ОР РНБ. Собр. Погодина. Е. х. 869. Л. 318 об.
3. Крест св. Евфросинии Полоцкой. XII в.
4. Св. Евфросиния Полоцкая. Современная икона из частного собрания.
5. Св. Евфросиния Полоцкая (гравюра XIX в.)
6. Келья св. Евфросинии Полоцкой в Спасской церкви полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. Фото начала XX в.
7. Принесение мощей преподобной в Полоцк из Киева в 1910 г. Фото 1910 г.
8. Памятник св. Евфросинии Полоцкой в Полоцке. Скульптор И. Голубе. 2000 г.
9. Медаль св. Евфросинии Полоцкой Белорусского экзархата Русской Православной Церкви.
10. Современный вид полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря.

ПЕРЕСОПНИЦКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ —
 ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ЕВАНГЕЛИЙ
 НА НАРОДНУЮ «РУСКУЮ МОВУ»
 В УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ
 В 50-Е — 60-Е ГОДЫ XVI В.¹

Аннотация:

В статье рассматривается замечательный памятник книжной и языковой культуры — Пересопницкое евангелие. Этот пергаменный рукописный кодекс большого формата на 482 листах был создан в 1556–1561 гг. в украинских землях на Волыни. В нем помещен первый перевод Священного Писания с церковнославянского языка на народную «русскую мову» — западнорусский язык с использованием староукраинских и старобелорусских диалектов. Ряд структурных и языковых особенностей памятника свидетельствует о том, что при переводе евангелия были использованы западнославянские и, возможно, греческие тексты. Пересопницкое евангелие является одной из главных святынь украинского народа.

Ключевые слова:

Книжная культура, кодикология, переводы Священного писания, Украина, Пересопницкое евангелие.

Abstract: L.L. SHCHAVINSKAYA “THE PERESOPNYTSYA GOSPEL: THE FIRST TRANSLATION OF THE HOLY SCRIPTURE INTO POPULAR LANGUAGE “RUSSIAN MOVA” IN THE UKRAINIAN LAND FOR 50TH — 60TH OF THE 16TH CENTURY”.

The article deals with a wonderful monument of book and language culture, the Peresopnytsya Gospel. This parchment manuscript of large format (482 pages) was written in 1556–1561 in the Ukrainian land of Volyn'. It contains the first translation of the Holy Scripture from Church Slavonic language into the West-Russian language, which included the old Ukrainian and old Belorussian dialects. Some structural and linguistic features of the monument tell us that translators of the Gospel used West Slavic and possibly Greek texts. The Peresopnytsya Gospel is one of the most precious ancient manuscript of the Ukrainian people.

Keywords:

Book culture, Codicology, translations of the Holy Scripture, Ukraine, Peresopnytsya Gospel.

Пересопницкое Евангелие — первый перевод в украинских землях Священного Писания на народную «русскую мову»: западнорусский язык с использованием староукраинских и старобелорусских диалектов. Оно является одной из главных святынь украинского народа: с начала 1990–х гг. на нем при вступлении в должность присягают прези-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

денты Украины. Это пергаменный рукописный кодекс большого формата (380×240 мм) на 482 листах. Известны имена двух его непосредственных создателей: переписчик сын протопопа из Санока Михаил Васильевич и чернец Григорий, который, видимо, и был руководителем всей работы по созданию кодекса и главным переводчиком. Позднее Григорий стал архимандритом Пересопницкого монастыря. Кодекс начали создавать летом 1556 г. в Дворецком монастыре на Волини, где было написано 155 его листов, а завершили работу над ним летом 1561 г. в полусотне километров к северо-западу от названной обители в Пересопницком монастыре. Он располагался в селе Пересопница, которым с 1501 г. владели князья Чарторыйские, передавшие его в 1630 г. в собственность католического прихода г. Клевань.

Пересопницкое Евангелие относится к евангелиям-тетр, т.е. четвероевангелиям. Оно писано уставом и полууставом с элементами скорописи, каждое из Евангелий открывается прекрасной цветной миниатюрой с изображением Евангелиста. Листы книги украшены великолепным сложнейшим орнаментом, множеством заставок, инициалов и других украшений с использованием разноцветных красок и золота. В основу перевода Пересопницкого Евангелия был положен древний церковнославянский текст, причем ряд структурных и языковых особенностей говорит о том, что при его написании создатели использовали западнославянские и, возможно, греческие тексты. Они также были знакомы с изданиями белорусского первопечатника Франциска Скорины. О языке кодекса создатели писали, что книги четырех евангелистов «выложены из языка бльгарского на мову роускою». Отметим и роль православных магнатов-меценатов, покровителей работы создателей кодекса, пожертвовавших деньги на его изготовление: «Накладом благоверной и христороливой княгине... Настасе Юревны Голшанского. И при благоверном и христороливом князю Иоанне Федоровича Чръторыйском, зятю еи милости. И при благоверной и христороливой княгине его Евдо-

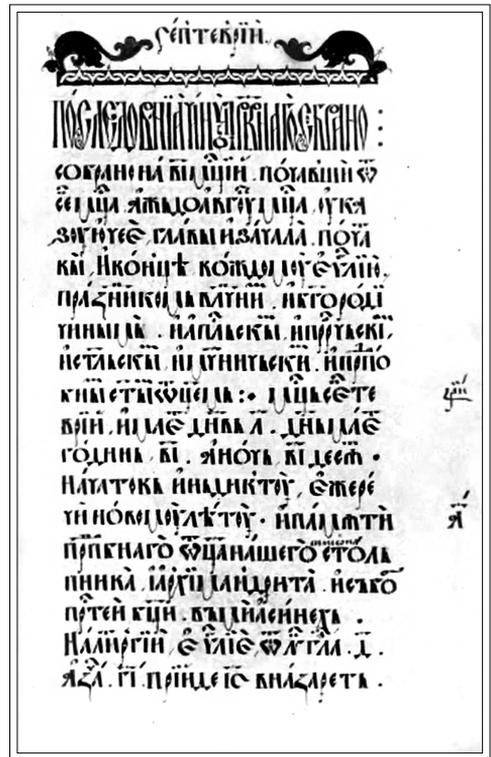

Первый лист
Пересопницкого евангелия
1556–1561 гг.

кии». Особо подчеркнут ими вклад пересопницкого архимандрита Григория: «Тыи книги чтыры евангелистове соут оустроены кроткым смиренным и боголюбивым еромонахом Григорыем архимандритом Пересопницким».

Сведений о судьбе Пересопницкого Евангелия после его написания вплоть до первых лет XVIII в. почти не сохранилось. Уже в 1570-е гг. Чарторыйские отобрали у Пересопницкого монастыря его собственность. В 1595 г., по словам князя Юрия Чарторыйского, в обители уже не было монахов. На следующий год она ненадолго возродилась, но переход в католичество представителей древнего могущественного рода Чарторыйских в конце XVI в. фатально сказался на их поведении как патронов православного монастыря. В каком-то малоприметном виде он, видимо, просуществовал до 1620-х гг., а затем его помещения в 1630 г. были переданы католикам вместе с селом Пересопница. Последний игумен православного Пересопницкого монастыря Никон (Добрянский) в 1620 г. отказался от своего настоятельства. В 1600 г. Пересопницкое Евангелие, вероятно, еще находилось в монастыре, поскольку в «Инвентарю списаня речий в манастыру Прьсопъници» конца октября того же года, составленном его бывшим игуменом Симеоном (Косовским), пишется: «... евангелие другое тетр писаное, атласом зеленым крытое, на нем сребра белого бляшек пять». Монастырь располагал тогда значительной библиотекой с большим числом разного рода рукописных книг. В эту библиотеку упомянутый игумен Симеон пожертвовал более десяти своих собственных рукописных и старопечатных книг, а также «сандук московский для книг схованя».

В 1701 г. гетман Иван Мазепа подарил Пересопницкое Евангелие кафедральному собору в г. Переяславль, о чем свидетельствует запись на его первых листах: «Сие Евангелие прислано и дано ест от ясне велможного его милости пана Иоанна Мазепы, войскъ его царского пресветлого величества Запорозких обоих сторон Днепра гетмана и славного чина Святого апостола Андрея кавалера, до престола переяславского епископского, который от его ж ктиторской милости создан, отновлен и драгоценными

*Первый лист месяцеслова
в Пересопницком евангелии
1556–1561 гг.*

утвари церковными оукрашенъ, при преосвященном епископе Захариие Корниловиче. Року 1701, априля 17 дня». В конце XVIII в. Пересопницкое Евангелие было передано в библиотеку Переяславской духовной семинарии, а в 1860-е гг. его вместе с семинарией перевезли в г. Полтаву. С этого времени оно попало в поле зрения многих ученых. Затем в 1948 г. оно поступило в Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки УССР в Киеве (ныне Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского), где находится на ответственном хранении (Институт рукописи. Ф. 1. № 15512).

В современном селе Пересопница, что в нескольких километрах от областного центра г. Ровно, в 2011 г. был построен специальный историко-культурный центр. Памятный знак в честь Пересопницкого Евангелия появился здесь за два десятка лет до этого — в 1989 г. В последние годы здесь возрождается и Пересопницкий православный монастырь, в котором и был создан этот знаменитый пергаменный кодекс.

ЛИТЕРАТУРА

Грузинский А.С. Палеографические и критические заметки о Пересопницком евангелии. СПб., 1912.

Запаско Я.П. Українська рукописна книга. Львів, 1995.

Пересопницьке Євангеліє 1556–1561 рр.: Дослідження. Транслітерований текст. Словопоказчик. Київ, 2001.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Первый лист Пересопницкого евангелия 1556–1561 гг.
2. Евангелист Матфей. Миниатюра Пересопницкого Евангелия 1556–1561 гг.
3. Первый лит Евангелия от Матфея в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг.
4. Евангелист Марк. Миниатюра Пересопницкого Евангелия 1556–1561 гг.
5. Первый лист Евангелия от Марка в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг.
6. Евангелист Лука. Миниатюра Пересопницкого Евангелия 1556–1561 гг.
7. Первый лист евангелия от Луки в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг.
8. Евангелист Иоанн с Прохором. Миниатюра Пересопницкого Евангелия 1556–1561 гг.
9. Первый лист Евангелия от Иоанна в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг.
10. Первый лист месяцеслова в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг.

ЗАБЛУДОВСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ 1569 г. — ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ КНИГА ИВАНА ФЕДОРОВА И ПЕТРА МСТИСЛАВЦА НА ПОДЛЯШЬЕ¹

Аннотация:

В статье представлена история издания и изучения одного из самых известных в истории славянской старопечатной книжности — Заблудовского Евангелия 1569 г.

Ключевые слова:

Заблудовское Евангелие, учительные евангелия, Иван Федоров, Петр Тимофеев Мстиславец, церковнославянский язык.

Abstract: L.L. SHCHAVINSKAYA “ZABLUDOV GOSPEL OF 1569: THE FIRST PRINTED BOOK OF IVAN FYODOROV AND PYOTR MSTISLAVETS IN PODLYASHIE”.

The article presents the history of the publication and study of one of the most famous in the history of Slavic old printed book, Zabłudov's Gospel of 1569.

Keywords:

Zabłudov's Gospel, didactic Gospels, Ivan Fyodorov, Pyotr Mstislavets, Church Slavonic language.

Это одно из самых известных изданий в истории славянской старопечатной книжности. На Подляшье, в Заблудове, в имении магнатов Ходкевичей, основателей Супрасльского Благовещенского монастыря, в середине 1560-х гг. было организовано одно из старейших православных издательств, где трудились приехавшие из Москвы первопечатники Иван Федоров Москвитин и Петр Тимофеев Мстиславец.

8 июля 1568 г. в Заблудовской типографии начали печатать первую ее книгу «Евангелие учительное». Набор осуществлялся шрифтами, привезенными печатниками из Москвы. Были использованы также заставки, концовки и буквицы, которые Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец употребляли при издании московского «Апостола» 1564. 17 марта 1569 г. «Евангелие учительное» было напечатано. На его титульном листе значилось: «Книга зовомая Евангелие учительное. От всех четырех евангелистов избрана. И от многих божественных писаний. И предана Церкви божиеи, во всякую неделю читатися. Также и на Господския праздники и прочих святых. На поучение христоименитым людем ко исправлению душевному и телесному. Божиею помощию выдрукована».

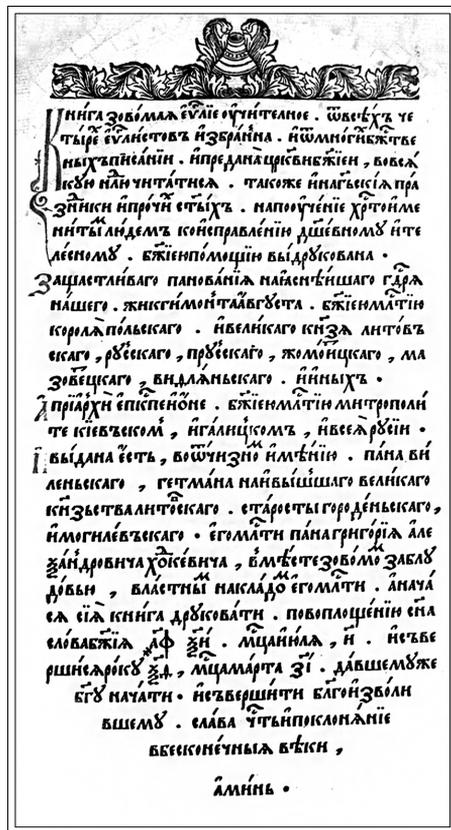
---

¹ Работа написана при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-512-76004).

«Евангелие учительное» представляло собой сборник проповедей, поучений на евангельские чтения, положенные на различные недели и праздники. Существовало как бы два основных вида Евангелий учительных. Первый, наиболее древний, рукописная традиция связывает с именем епископа болгарского Константина, ученика св. Мефодия. Он содержит 51 беседу на воскресные чтения и является дословным переводом с греческих сокращений «отеческих толкований». Второй перевод, одна из версий которого и была напечатана в Заблудове, появился значительно позднее. Его часто называют Константинопольским патриаршим гомилиаром, а возможными составителями считают нескольких лиц, живших в XII, XIII и даже XIV вв. По своему составу он значительно отличается от первого и состоит из двух частей: 53 или 52 поучений на воскресные и некоторые другие дни и 26 или 25 поучений на неподвижные праздники и связанные с ними недели от 1 сентября до 29 августа.

Славянский перевод с греческого был осуществлен сравнительно быстро после создания сборника. Точную дату установить невозможно, но скорее всего это произошло в XIV или начале XV в. Оригиналом для печатания «Евангелия учительного» в Заблудове послужил один или несколько ранних списков славянского перевода, широко бытовавших тогда и на Подляшье. Нам удалось отыскать древний список «Евангелия для учителя» из Подляшья, который мог быть положен в основу заблудовского издания. Он происходит из библиотеки Супрасльского монастыря.

Книгу решили не переводить на «простую молву», а печатать прямо с древней рукописи во избежание искажения смысла сакральных текстов в результате их осовременивания посредством использования новой лексики. По мнению издателей, «Евангелие учительное» есть книга, которая и без перевода «к выразумлению нетрудна». Тем не менее при подготовке к набору текста памятника его основательно отредактировали. Книга открывается предисловием Григория Ходкевича: «Сего ради аз, Григорей Александрович Ходкевича, видех таковое христианское научение в сеи

Выходной лист
Заблудовского евангелия
1569 г.

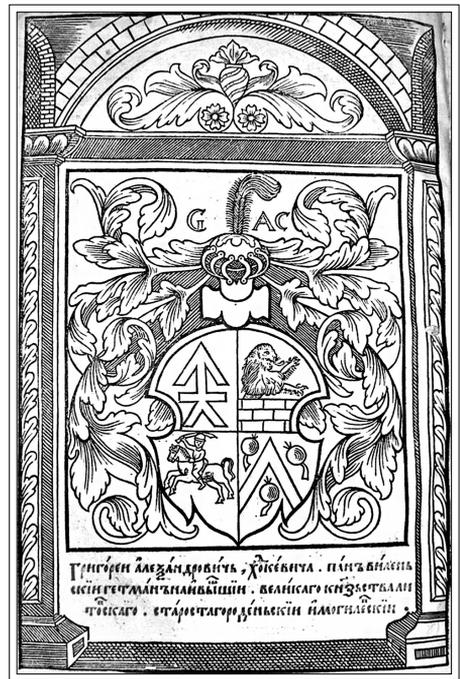
книзе, восхотех еже бы слово божие размножилось, и научение людем закону греческаго ширилося, занеже оскуде сих книг на многоразличных местех. И не пощадех от богодарованных ми сокровищ на сие дело дати. К тому же К тому же изобретох себе в том деле друкарском людеи наученых: Ивана Федоровича Московитина, до Петра Тимофеевича Мстиславца. Повелел есми им, учинивши варстат друкарский и выдруковати сию книгу Евангелие учительное».

Было составлено и обширное «Сказание известно главам яже суть в книзе сей» — подробный указатель содержания книги. В состав книги было включено и «Слово на Вознесение», принадлежащее перу святителя Кирилла Туровского. Оно вошло и во все последующие перепечатки заблудовского «Евангелия учительного», которых в Великом княжестве Литовском в XVI в. было предпринято, по крайней мере, три.

У заблудовского «Евангелия учительного» 1569 г. сложилась особая судьба. Издание оказало значительное влияние на православных как внутри Великого княжества Литовского, так и далеко за его пределами, вплоть до Московского государства и Балкан. Книгу неоднократно перепечатывали, использовали для работы над другими изданиями, переписывали в разных странах, переводили на иные языки. Примером многочисленных списков с заблудовского издания «Евангелия учительного» может служить болгарский кодекс начала XVII в., переписанный в Тырнове иеромонахом Даниилом и ныне хранящийся в собрании Национальной библиотеки Болгарии им. свв. Кирилла и Мефодия. Этот список явился одной из первых болгарских книг, в основу которой были положены восточнославянские печатные тексты.

Примерно через десять лет после издания «Евангелия учительного» в Заблудове его переиздают в анонимной православной типографии в Вильно. В 1595 г. в типографии православного рода белорусских купцов Мамоничей в Вильно была предпринята еще одна перепечатка заблудовского «Евангелия учительного» 1569 г., а через некоторое время его там же снова переиздали.

До наших дней дошло около 50 экземпляров заблудовского «Евангелия учительного» 1569 г. Этот объемный, более чем восьмисот страничный, сборник большого формата хранит-

*Герб Г.А. Ходкевича,
помещенный в Заблудовском
евангелии 1569 г.*

ся сегодня во многих странах на разных континентах. Многочисленные записи на страницах уцелевших экземпляров свидетельствуют о необычайно широком распространении книги во всем православном мире. Довольно быстро «Евангелие учительное» из Заблудова попало к болгарам, русским, сербам и другим православным народам, распространялось на территории Великого княжества Литовского и Королевства Польского, прежде всего в украинских землях и Лемковщине.

Пребывание в Заблудове, знакомство с богатым книжным собранием Супрасльского монастыря², покровительство и помощь Ходкевичей стали важным этапом в жизни Ивана Федорова, который вскоре перебрался во Львов и напечатал там в 1574 г. первую украинскую книгу «Апостол», и Петра Тимофеева Мстиславца, который оказался в Вильне и с помощью купцов Мамоничей основал там первую большую православную типографию.

Иван Федоров чтит память о Ходкевичах, и прежде всего о Григории Александровиче. По сути именно Г.А. Ходкевичу он посвятил издание львовского «Апостола» 1574 г., поместив в нем в начале гравюрную композицию с гербом гетмана и надписью «Григорей Александрович Ходкевича», а в конце свою «повесть», являющуюся своего рода благодарением Ходкевичам, панегириком в их честь. Эта «повесть» Ивана Федорова стала и первым своего рода историографическим обзором «откуда началась и как создавалась» его типографская деятельность, в том числе по изданию учительного евангелия в Заблудове в 1568–1569 гг. В ней он писал следующее: «...великие беды испытали мы от озлобления людского, не от самого царя, но от многих гражданских и духовных начальников и учителей, которые из-за зависти обвиняли нас в различных ересях, желая благое превратить во зло и божие дело вконец погубить, как это бывает у злонаправленных и неученых и неискусных в разуме людей, не обучавшихся грамматической хитрости, не исполненных духовного разума, а только по обычаю злословящих. Уж такова природа зависти и ненависти не понимающих, куда ведут и на чем основываются. Потому из нашей земли и отечества от рода нашего мы были изгнаны и переселились в иные, неведомые нам страны. Когда же мы пришли оттуда, по благодати богочина Иисуса Христа, Господа нашего, желающего судить мир по правде, принял нас любезно благочестивый государь Сигизмунд Август, король польский и великий князь литовский, русский, прусский, жемайтский, мазовецкий и иных (земель) со всеми своими сановниками. Тогда, упросив со тщанием государя, вельможный пан Григорий Александрович Ходкевич пан виленский, наивысший гетман Великого княжества Литовского, староста гродненский и могилевский, принял нас с любовью под свое покровительство и всем

² В дальнейшем Иван Федоров, видимо, неоднократно использовал тексты из книг библиотеки Супрасльского монастыря. Так в 1578 г. в Остроге он издал «Азбуку», в которой на листах 48–57 поместил «Сказание како составили святый Кирилл Философ азбуку», написанное болгарском книжником IX в. Черноризцем Храбром. Скорее всего этот текст Иван Федоров опубликовал по одной из супрасльских рукописей.

необходимым снабжал долгое время. И этого еще было мало ему, что так устроил нас, он даровал мне немалую весь (селение) для моего пропитания. Мы трудились по воле Господа нашего Иисуса Христа, рассевая слово его по вселенной. Но вот пришел в глубокую старость наш покровитель, голова его стала страдать от частой боли, и повелел нам прекратить книгопечатание, художество наших рук оставить, заняться земледелием и проводить жизнь свою в здешнем мире за этим занятием. Но не земледелие дано мне в жизненный удел, владею не плугом, а искусством иных орудий, вместо хлебных семян сеять по вселенной семена духовные и всем по чину раздавать духовную сию пищу. Более всего страшился я владыки моего Христа, непрестанно вопрошающего меня: “Лукавый и ленивый раб, почему не дал серебра моего торгующим? Я пришел и взял бы свое с лихвою”. И когда я в уединении углублялся в себя, то не раз постель свою многими слезами омочил, размышляя в сердце своем, дабы не сгубить талант свой, дарованный от Бога, не зарыть его в землю. И оттого, тужа в душе, говорил себе: “Неужто оставит меня Господь, не пошлет благословения, отсечет милость свою к человеку, напрасно попирающему землю, словно в притче о смоковнице бесплодной?” И из-за всего этого ушел я оттуда, и на пути многие скорби и беды обрел не только потому, что долго странствовал, но и потому, что случилось тогда моровое поветрие, сильно стеснявшее мое передвижение: а прямо и ясно говоря, все самое злое, что случается в мире»³.

В дальнейшем о Заблудовском евангелии 1569 г. историки книги, библиографы и библиофилы заговорили лишь в XIX в., причем первым из них был польский исследователь Е.С. Бандке, давший довольно подробное его описание⁴. Вслед за ним о разных экземплярах этой книги сообщали В.С. Сопиков, К.Ф. Калайдович, И. Лелевель, П.М. Строев, П.И. Кеппен, И.П. Сахаров, Д.И. Зубрицкий, И.П. Каратаев и другие. Библиографические открытия новых, неизвестных ранее, экземпляров продолжают до сих пор, а вот работ о самом Заблудовском евангелии, его тексте, истории создания и издания появилось совсем немного. Наиболее значительные из них принадлежат книговедам, среди которых в первую очередь необходимо назвать Е.Л. Немировского, в частности, поместившего в своей энциклопедии об Иване Федорове обширную статью «Учительное евангелие 1569»⁵. Очень ценной во всех отношениях остается монография С.И. Маслова о Кирилле Транквилионе-Ставровецком, написанная более века назад, но напечатанная только в 1984 г.⁶ В ней содержится много важ-

³ [Иван Федоров]. Сия убо повесть изъясняет откуду начаса и како съвершиися друкарня сия // Апостол. Львов, 1574. Л. 260–260 об.

⁴ *Bandkie J.S.* Historia drukarni Krakowskoj od zaprowadzenia druków do tego miasta... Kraków, 1815. S. 147–148.

⁵ *Немировский Е.Л.* Учительное евангелие 1569 // *Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха: Энциклопедия. М., 2007. С. 748–763.

⁶ *Маслов С.И.* Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984.

ных наблюдений, помогающих понять особенности состава Заблудовского евангелия 1569 г. и выявить источники заимствований его текста. Среди продолжателей этого направления в изучении учительных евангелий следует отметить работу С.Ю. Аверкиной⁷, а также серию трудов Г.В. Чубы, хотя и не посвященных специально Заблудовскому евангелию 1569 г. О последнем она пишет в одной из своих статей так: «... заблудовское издание “Учительного Евангелия” было осуществлено вскоре после появления в польско-литовском государстве протестантских постил... и наиболее популярнейшего произведения этого типа Николая Рея»⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкина С.Ю.* Материалы к описанию рукописных и старопечатных сборников поучений постоянного состава (Учительное Евангелие) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1988. С. 49–63.
- Апостол. Львов, 1574. 279 л.
- Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом: Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003. 320 с.
- Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Православная Академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996. 160 с.
- Маслов С.И.* Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984. 246 с.
- Немировский Е.Л.* Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979. 176 с.
- Немировский Е.Л.* Учительное евангелие 1569 // Немировский Е.Л. Иван Федоров и его эпоха: Энциклопедия. М., 2007. С. 748–763.
- Чуба Г.* «Учительне евангеліе» 1616 р. у перекладі Мелетія Смотрицького в контексті української гомілетичної літератури // Києво-Могилянська академія. Київ, 2006. С. 5–14.
- Щавинская Л.Л., Лабынцев Ю.А.* Литература белорусов Польши. Минск, 2003. 228 с.
- Bandkie J.S.* Historia drukarni Krakowskoj od zaprowadzenia drukow do tego miasta... Krakow, 1815. 504, 10 s.
- Labyncew J., Szczawińska Ł.* W mieście zwanym Zabłudowem. Białystok, 1995. 97 s.

⁷ *Аверкина С.Ю.* Материалы к описанию рукописных и старопечатных сборников поучений постоянного состава (Учительное Евангелие) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1988. С. 49–63.

⁸ *Чуба Г.* «Учительне евангеліе» 1616 р. у перекладі Мелетія Смотрицького в контексті української гомілетичної літератури // Києво-Могилянська академія. Київ, 2006. С. 8.

КИЕВСКИЙ «СИНОПСИС» 1674 Г.: ТРЕХВЕКОВАЯ СУДЬБА¹

Аннотация:

Статья посвящена истории публикаций и бытования в самой широкой читательской среде многих стран знаменитого свода различных исторических сведений — киевского «Синописа», впервые напечатанного в 1674 г. и продолжающегося издаваться по сей день. Одно из центральных мест всего повествования занимает образ крестителя Руси великого князя Владимира Святославича.

Ключевые слова:

Киевский «Синописис», Иннокентий Гизель, Киево-Печерская лавра, Украина, Россия.

Abstract: L.L. SHCHAVINSKAYA “THE KIEVAN “SYNOPSIS” 1674: THREE CENTURIES OF PUBLICATION”.

The article is devoted to the history of publications and exposure to widest readership in many countries of the famous collection of historical information: the Kievan Synopsis. It was first published in 1674 and continues to be published to this day. One of the central places of the entire narrative is the image of Great Prince Vladimir Svyatoslavich, the Baptizer of Rus’.

Keywords:

Kievan “Synopsis”, Innokentiy Gizel, Kiev-Pechersk Lavra, Ukraine, Russia.

В 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры была выпущена книга, которой предстояло стать одним из самых замечательных изданий за всю ее историю. «По благословению... Иннокентия Гизеля... архимандрита тояже... Лавры» вышел в свет «Синописис или Краткое собрание от разных Лѣтописцев, о началѣ Славяно-Российскаго Народа, и первоначальных князей богоспасаемаго града Киева, о житии Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Киевскаго и всея России первѣйшаго Самодержца Владимира, и о Настѣдниках Благочестивыя Державы его Российския, даже до Пресвѣтлаго и Благочестиваго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексия Михайловича Всея Великия, Малыя, и Бѣлыя России Самодержца».

Первый печатный киевский «Синописис» содержал всего 124 страницы, набранные церковнославянским шрифтом, а вот само слово «синопсис», то есть первое слово на титульном листе книги, было отпечатано крупными греческими буквами. Книга не имела никаких особых украшений: в качестве иллюстрации в ней была лишь одна гравюра на дереве, выполненная известным мастером Ильей. Она изображала жертвоприношение

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

Титульный лист
первого издания киевского
«Синописа» 1674 г.

ченный объем, значительно превышающий 200 страниц².

В них появился ряд очень больших разделов, например, о Мамаевом побоище, «О приходе множественных сил царских и войск Запорозских к Киеву». Необычайно значимой стала новая статья «О свободѣ или волности Славенской»: «Славяне в храбрости и мужестве своем день ото дне крепко подвизающесе, воеваша еще и противу Древних Греческих и Римских Кесаров, и всегда славную восприемлюще Победу, в всяческой свободе живяху...». Несмотря на явную фантастичность приведенных в ней фактов,

библейского Ноя после потопа. Повествование в книге, начатое со времен ветхозаветных, заканчивалось событиями середины XVII в.

В 1678 г. в той же типографии Киево-Печерской лавры вышло в свет второе, дополненное издание «Синописа», столь же просто оформленное². На этот раз сведения последнего времени в книге были изложены самые новейшие и касались «православной побѣды под Чигирином над турецкими силами» в 1677 г.

Три последующих лаврских издания «Синописа» представляют определенную загадку. Все они датированы 1680 г., но на самом деле они выходили позднее, видимо, вплоть до конца столетия. Скромное оформление всех этих изданий осталось прежним, но в глаза сразу же бросается их вдвое увели-

² Синопис. Киев, 1678.

³ Последовательность всех трех этих изданий с обозначением даты выхода «1680» г. определил известный украинский книговед и историк литературы С.И. Маслов, многие годы изучавший киевский «Синопис» и оставивший нам ряд своих работ о нем, в том числе и не опубликованных. Маслов именовал эти изданий «1680» г. вариантами А, В и С и считал самым распространенным из них вариант А, насчитывающий 228 с., в то время как вариант С содержал 260 с. (Маслов С. К истории изданий киевского «Синописа» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 341–348; Он же. Этюди з історії стародруків. XI. «Синопис». Киев, 1680 // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1929. С. 45–66). Группа московских исследователей позднее на основании особенностей типографского материала датировала эти три издания «1680» г. следующим образом: «не ранее 1681 г.» и «ок. 1700» г., то есть самыми последними годами XVII в. (Гусева АА, Каменева ТН, Полонская ИМ. Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. Вып. 2. Т. 1. Киевские издания 2-й половины XVII в. М., 1981. № 144, 145, 177.

статья эта оказывалась настоящим манифестом восточнославянской суверенности и мировой значимости, ибо «Власть СлавеноРосская и Рыму досязаше», о чем сообщается «в Лѣтописех Полских». Впрочем, «писаше Август Кесарь... заповедця, да отнюдь Славянов раздражати войною не дерзает».

Раздел «О народѣ руском или свойственѣ Российском, и о нарѣчии, или назвиску его» — целый, правда, весьма баснословный, экскурс в именовании «русский или паче российский». Составители «Синописиса» ввели в текст и особый раздел «О Нарѣчии Москвы Народа и Царствена Града», в котором есть такое перечисление: «всяя Росии Первый самодержец Владимир, и второй Мономах, Россиею обладаша, тогда Россами или Русаками звахуся, а в Российских землях точию Киевский, Владимирский, ВеликоНовгородский, Черниговский, Галицкий, Славянский и прочий Князи имениты бяху». «Великий самодержец Российский...» — так именуется великий князь Владимир Святославич на страницах киевского «Синописиса». Он — создатель огромного цветущего государства, креститель Руси, которая благодаря его стараниям приняла христианскую веру. Впрочем, путь его восхождения на киевский престол простым не был. «Лета... девять сот осмьдесят перваго, Владимир Святославич, князь тогда сущий Великоновгородский, со мноюю силою варягов возвратися к своему княжению: и абие взя в свою прежнюю власть великий Новъград... Посем с готовыми силами иде Владимир в Киев... взем Киев в свою власть». Оставаясь многие годы язычником Владимир Святославич в пору своего наибольшего могущества оказался перед новым вероисповедным выбором, результаты которого колоссальным образом повлияли на всю дальнейшую историю его огромного государства.

«Егда Великий князь Владимир, Мономах или Самодержец всяя Росии, хробростию и величеством царствия своего, во всей подсолнечной паче иных прославися, мрак же бесовскаго прельщения, сиречь идолослужение, не у от него светом Крещения святаго прогнан бысть... Владимир Святославич православно-христианскую... веру прием, повеле себе окрестити в Херсоне, лета... девять сот осмьдесят осмаго...». В Киев великий князь Владимир

Титульный лист
второго издания «Синописиса»
(Киев, 1678)

возвратился уже триумфатором — христианином, имеющим твердый план «крещения всего народа Киевского и всяя России». И вот этот важнейший день настал — крещение киевлян состоялось, а за ними постепенно крестилась и вся Русь.

В «Синописе» дается очень емкая и почти неизменная до сих пор оценка деятельности святого князя Владимира. «Великий князь Владимир Святославич, всяя России Самодержец, помощью всемогущаго Бога просвети всю свою Российскую землю святым крещением идола вся и кумирницы искоренив, церквей же святых много созда, веру православную распространив крепко утверди, богаделен много построив и всякими потребами и нуждами милостивно и изобильно удовольствована».

Первое издание «Синописа» гражданским шрифтом вышло в Москве в 1714 г., а второе — в 1718 г. в Санкт-Петербурге⁴. Несколько позднее «Синописис» активно стала печатать типография Петербургской Академии наук, продолжив его тиражирование вплоть до начала XIX в.

Своеобразной перепечаткой киевского «Синописа» стал «Новый Синописис», подготовленный П.М. Захарьиным и изданный в г. Николаеве в 1798 г.⁵, а также ряд иных публикаций исторического плана, появившихся в XVIII–XIX вв. Помимо постоянно издававшихся в различных редакциях «Житий святых» Дмитрия Ростовского, после кончины этого святителя, начинают публиковаться многотомные собрания его сочинений, например, «Собрание разных поучительных слов» в 6 частях, увидевшее свет в Москве в 1786 г.⁶

В 1805–1807 гг. в Московской Синодальной типографии печатается объемное четырехтомное издание «Сочинения святаго Дмитрия митрополита Ростовскаго»⁷, в последнем томе которого публикуется «летопись сего Святителя сказующая Деяния от начала миробытия до рождества Христова, с присовокуплением Синописиса или краткаго описания о начале Славенскаго народа». В дальнейшем это собрание сочинений святителя неоднократно переиздается как церковнославянским, так и гражданским шрифтами.

Впервые в Киеве оно переиздается церковнославянским шрифтом в 1824–1825 гг. при митрополите Евгении (Болховитинове)⁸. Четвертый том этого киевского переиздания, напечатанный в 1825 г. «в Типографии Киевопечерския Лавры», озаглавлен: «Сочинения святаго Дмитрия митрополита Ростовскаго. Часть четвертая, содержащая в себе летопись сего Святителя сказующую Деяния от начала миробытия до рождества Хрис-

⁴ Синописис. М., 1714; Синописис. СПб., 1718.

⁵ Новый синописис или Краткое описание о происхождении славенороссийского народа... Николаев, 1798.

⁶ *Димитрий Ростовский*. Собрание разных поучительных слов и других сочинений. М., 1786. Ч. 1–6.

⁷ Сочинения святого Дмитрия митрополита Ростовского. М., 1805–1807. Т. 1–4.

⁸ Сочинения святого Дмитрия митрополита Ростовского. Киев, 1824–1825. Ч. 1–4.

това, с присовокуплением Синописиса или краткаго описания о начале Славенскаго народа»⁹. Присовокупленный к собранию сочинений Димитрия Ростовского «Синописис» продолжает печататься на протяжении всего XIX-го и XX-го столетий. Подходить к правильному пониманию этого факта следует с позиций реального объяснения той давней эditorской попытки всего лишь именно «присовокупления» «Синописиса». И потому странно звучит, например, резкая констатация современного киевского ученого, сделанная по данному поводу о собраниях сочинений святителя Димитрия, «до писань якого “Синописис” було віднесено через різочу некомпетентність синодальних видавців, які знайшли його список серед особистих паперів святителя»¹⁰.

На настоящий момент нам известно около тридцати печатных изданий киевского «Синописиса», опубликованных в XVII–XXI вв. церковно-славянским и гражданским шрифтами. Одну из самых последних попыток публикации «Синописиса» предприняло московское издательство «Европа» в 2006 г.¹¹ В государственных, церковных и частных собраниях хранится множество рукописных списков «Синописиса», делавшихся с разных его изданий в течение двух веков.

Во второй половине XVIII в. происходит как бы новое жанрово-тематическое переосмысление текста «Синописиса» и новое технологическое его тиражирование в форме народных гравированных изданий, которые с давних пор именуются лубочными. Составители этой лубочной литературы, взяв за основу «Синописис», извлекли из него сведения о Мамаевом побоище, ставшие главным содержанием многочисленных лубочных книжечек для народа, как богато иллюстрированных, так и совсем не имевших никаких картинок. Тираж всех этих лубочных изданий, так или иначе связанных с текстом «Синописиса», был огромным для своего времени и часто равнялся десяткам тысяч экземпляров. Стоит заметить, что ныне эти народные книжечки необычайно редки и потому лубочная литература до сих пор очень плохо изучена несмотря на то, что просуществовала она в живом бытовании вплоть до XX в. Ее публикатором был в начале своего жизненного пути выдающийся деятель русской культуры и книги, крупнейший русский издатель дореволюционного времени И.Д. Сытин.

Трудно отыскать в истории судьбу произведения, похожую на то, что происходило и происходит на протяжении четвертого столетия с киевским «Синописисом». В XVII в. — это почти ученый трактат, со скидкой на реалии того времени. Довольно долго научной книгой «Синописис» счи-

⁹ «Синописис», входивший в 4 часть, представлял собой как бы отдельное издание со своей собственной пагинацией: «Синописис или Краткое описание от различных летописцев» о начале славянского народа. Киев, 1825.

¹⁰ Жиленко И.В. Синописис Київський. Лаврський альманах / Ред. рада: В.М. Колпакова (відп. ред.) та ін. К., 2002. Спецвип. 2: Синописис Київський / І.В. Жиленко. С. 2.

¹¹ Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674) / Предисл. и подгот. текста О.Я. Сапожникова и И.Ю. Сапожниковой. М., 2006.

тают и в XVIII столетии и его даже многократно печатают в типографии Петербургской Академии наук. Постепенно меняется читательский круг «Синописиса». В XVII в. это в основном лица из высшего общества, включая членов царской фамилии, многочисленное духовенство, а в XVIII-м постепенно все больший интерес книга находит у представителей купечества, рядовых горожан и крестьян. Тогда же ученое сообщество начинает спор о «Синописисе», который стал не только своего рода путеводителем по отечественной истории, но и чуть ли не главным источником вдохновения для различного рода авторов, пишущих на исторические темы.

Во второй половине XVIII в. «Синописис» все чаще попадает в руки простого читателя и уже вызывает резкую ироническую оценку со стороны многих образованных людей, ибо в нем находят много мифического. Тем не менее, «Синописис» с успехом переиздается и позднее, название его становится почти именем нарицательным. Пожалуй, самым крупным частным собранием различных печатных изданий «Синописиса» обладал император Петр I, в том числе экземплярами трех изданий, вышедших в Киеве в XVII в. С первых киевских изданий «Синописиса» почти сразу же делались рукописные копии, в том числе в России. Многие из них сохранились. Видимо, самыми научно выверенными и авторитетными за всю историю «Синописиса» следует считать его издания 1823 и 1836 гг., осуществленные с дополнениями в типографии Киево-Печерской лавры гражданским шрифтом. Подготовлены они были таким знатоком славянских древностей как митрополит Евгений (Болховитинов). Ему же принадлежит и во многом не потерявшее по сей день значение общее суждение об этой книге: «Сей Синописис или сокращение Славено-русской Истории в первый раз напечатано было в типографии Киевопечерской Лавры 1674 г. в 4 листа Славенскими буквами с некоторыми лицевыми изображениями, и повествование доведено было только до царствования государя Царя Алексея Михайловича. Второе издание... вышло там же 1678 г. с кратким дополнением и о вступлении на Престол Царя Феодора Алексиевича. Третье издание с описанием Турецкой войны 1678 и 1679 г. и нападений на Киевскую Украину напечатано там же в 4 листа 1680 г. С сего-то последнего издания С. Петербургская Академия Наук напечатала свое первое 1736 г. гражданским буквами в 8 долю листа и в главе о приметах Димитрия Вольнского присовокупила предувещание. После сего 18 раз повторяла она сие издание; для того что книга сия по бывшему недостатку других Российской Истории книг печатных, была в свое время единственною оной учебною книгою. Илия Копиевич книгу сию перевел на Латинский язык. Кто был сочинитель сего сокращения, не известно, хотя многие приписывали оное Киево-печерскому Архимандриту Иннокентию Гизелю. Но при нем она только дважды напечатана в Киево-печерской Типографии; а третично в главе о первом Турецком приходе под Чигирин упоминается о нем уже в третьем лице. Как бы то ни было, известно только, что Сочинитель выписал и сократил сию книгу до 14 столетия из хроники Феодосия Софоновича, Игумена Киево-

Златоверхо-Михайловского монастыря, так как сей перевел только свою Хронику на Малороссийский язык с Волынской Летописи с немногими прибавлениями. Посему и ошибки Софоновича вошли без поправки в сие сокращение. Впрочем есть в сем сокращении некоторые такие подробности, каковых не находится в других Славеноруских Летописях. А потому оно принадлежит к источникам нашей Истории»¹².

В наши дни киевский «Синописис» по-прежнему остается для исследователей книгой во многом загадочной. Всплеск «интереса» к ней в силу резкого изменения геополитических реалий наблюдается с 1990-х гг. и вызвал появление многих новых работ не только российских и украинских ученых, но и их западноевропейских и американских коллег. Впрочем, как абсолютно верно считает М.И. Матюшевская, «...источниковедческие и историографические оценки “Синописиса Киевского”, представленные в современной науке, весьма противоречивы. Некоторые аналитические и аксиологические оценки зачастую являются полярными. Бесспорным представляется лишь факт осознания учеными того, что данный источник требует своего рассмотрения в контексте “длинного времени” и “большого пространства”, на основе системного подхода и междисциплинарной методологии»¹³. Более или менее общепринятым сейчас считается лишь то, что киевский «Синописис» не служил школьным учебником, «не имел никакого отношения к преподаванию истории в школах и других учебных заведениях..., использовался для домашнего чтения, а его популярность была вызвана не требованиями учебных программ, а напротив, читательским интересом к отечественной истории, несмотря на фактическое отсутствие ее преподавания вплоть до конца XVIII в.»¹⁴ А вот, например, авторство киевского «Синописиса» остается по-прежнему совершенно неразрешимой проблемой: одни ученые горячо доказывают, что его создателем был сам Иннокентий Гизель¹⁵, а другие считают его появление плодом работы целого коллектива авторов¹⁶. Последнее представляется нам более вероятным.

В различных хранилищах и поныне находятся многочисленные рукописные списки «Синописиса» XVII–XIX вв., могущие послужить отличной источниковедческой базой для дальнейшего изучения их бытования в читательской массе нескольких славянских народов.

¹² Киевский Синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского Народа. Киев, 1836. С. [7–8].

¹³ М.И. «Синописис Киевский» 1674 года в оценках исследователей конца XX — начала XXI в. // Харківський історіографічний збірник. 2017. Вип. 16. С. 264.

¹⁴ Ткаченко В.В. «Синописис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии и, новые взгляды. М., 2018. С. 41–48.

¹⁵ Сирицова О. Текстологія та історіософія «Синописису» Інокентія Гізеля в аргументації авторської ідентичності твору // Київська Академія. 2011. Вип. 9. С. 7–86.

¹⁶ Тарнопольская И.О. Киевский «Синописис» XVII в.: технология атрибуции текста и методика определения жанра // Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI века. М.-Чебоксары, 1999. С. 373–389.

ЛИТЕРАТУРА

- Гусева АА, Каменева ТН, Полонская ИМ.* Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. Вып. 2. Т. 1. Киевские издания 2-й половины XVII в. М., 1981. 322 с.
- Димитрий Ростовский.* Собрание разных поучительных слов и других сочинений. М., 1786. Ч. 1–6.
- Жиленко ІВ.* Синописис Київський. Лаврський альманах / Ред. рада: В.М. Колпакова (відп. ред.) та ін. К., 2002. Спецвип. 2: Синописис Київський / І.В. Жиленко. 194 с.
- Киево-Могилянская академия и этницизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Випуск 2–3. С. 14–31.
- Киевский синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского Народа. Киев, 1836. 398 с.
- Маслов С. Етюди з історії стародруків. XI. «Синописисъ». Киев, 1680 // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Київ, 1929. С. 45–66.
- Маслов С.* К истории изданий киевского «Синописиса» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 341–348.
- Матюшевская МИ.* «Синописис Киевский» 1674 года в оценках исследователей конца XX — начала XXI в. // Харківський історіографічний збірник. 2017. Вип. 16. С. 256–264.
- Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674) / предисл. и подгот. текста О.Я. Сапожникова и И.Ю. Сапожниковой. М., 2006. 241 с.
- Новый синописис или Краткое описание о происхождении славенороссийского народа... Николаев, 1798. 353 с.
- Синописис. Киев, 1678. 135 с.
- Синописис. М., 1714. 432 с.
- Синописис. СПб., 1718. 465 с.
- «Синописис или Краткое описание от различных летописцев» о начале славянского народа. Киев, 1825. 110 с.
- Сирцова О.* Текстологія та історіософія «Синописису» Інокентія Гізеля в аргументації авторської ідентичності твору // Київська Академія. 2011. Вип. 9. С. 78–86.
- Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского. Киев, 1824–1825. Ч. 1–4.
- Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского. М., 1805–1807. Т. 1–4.
- Ткаченко ВВ.* «Синописис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2018. С. 41–48.

МИТРОПОЛИТ ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ И ЕГО МНОГОТОМНЫЙ ТРУД «КНИГА ЖИТИЙ СВЯТЫХ»¹

Аннотация:

Статья посвящена творчеству Димитрия, митрополита Ростовского (Димитрия Саввича Туптало) — одного из самых известных славянских писателей конца XVII — начала XVIII в. Он вошел в историю русской литературы как автор многотомного издания «Книги житий святых» (1689–1705). Этот труд был переведен с церковно-славянского языка на многие иностранные языки и стал одним из важных источников духовного чтения для миллионов людей в мире.

Ключевые слова:

Святитель Димитрий митрополит Ростовский, агиография, жития святых, Четьи-Минеи.

Abstract: L.L. SHCHAVINSKAYA “THE METROPOLITAN DIMITRY OF ROSTOV AND HIS MULTI-VOLUME ISSUE “THE BOOK OF THE LIVES OF THE SAINTS”.

The article is devoted to the creative activity of the Metropolitan Dimitry of Rostov (Dimitry Savich Tuptalo), one of the most famous Slavic writers of the late 17th — early 18th centuries. He entered into the history of Russian literature as an author of multi-volume issue on the Lives of the Saints (1689–1705). The work has been translated from Church Slavonic into many foreign languages and has become an important source for spiritual reading of million people around the world.

Keywords:

St. Dimitry, Metropolitan of Rostov, hagiography, the Lives of the saints, Menology.

Четьи-Минеи или «Книги житий святых», составленные святителем Димитрием митрополитом Ростовским, крупнейшее произведение славянской литературы. Они представляет собой огромный сборник, содержащий в отличие от служебных миней тексты для назидательного внебогослужебного чтения, расположенные по месяцам и дням года. Основу Четых Миней Димитрия Ростовского составили Великие Четьи Минеи святителя Макария, митрополита Московского.

Димитрий Ростовский (в миру Даниил Саввич Туптало) родился в 1651 г. неподалеку от Киева в семье казака Макаровской сотни Саввы Григорьевича Туптало. Первоначальное образование получил дома. После переезда семьи в 1660 г. в Киев Даниил в двенадцатилетнем возрасте поступил в Киевский училищный монастырь. В 1668 г. он постригся в Кирилловском монастыре под именем Димитрия, и уже через несколько лет стал широко известен

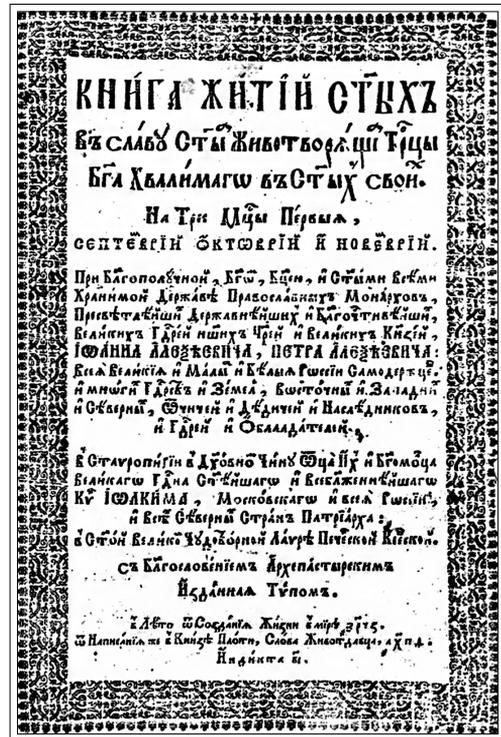
---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004).

как талантливый проповедник и писатель. В 1677 г. в Новгороде-Северском выходит в свет первая его книга «Чуда... Девы Марии», а через семь лет Димитрий начал работу над главным делом своей жизни — многотомными Четьями-Минеями, на века прославившими их создателя.

По решению собора старцев Киево-Печерского монастыря Димитрий Ростовский приступил к работе над Четья-Минеями в 1684 г., над созданием которых с перерывами он трудился в течение 20 лет, вплоть до 1704 г. Четья-Минеи Димитрия Ростовского состоят из четырех объемных книг, каждая из которых содержит жития за три месяца. Первый том Четых-Миней, расположенных по месяцам года начиная с сентября (сентябрь открывал древний календарь), был напечатан в Киеве в 1689 г. Второй том, на декабрь, январь и февраль, появился пятью годами позднее, а третий том (март, апрель, май) был издан в 1700 г.

В 1701 г. по личному распоряжению Петра I Димитрия назначили сибирским митрополитом. В марте того же года приехавший в Москву из Украины Димитрий был посвящен в митрополиты. Вскоре, приняв во внимание слабое здоровье Димитрия, царь отменил свой прежний указ, повелев Димитрию отныне жить в Москве. Но уже в 1702 г. он в качестве митрополита Ростовского и Ярославского приехал в Ростов Великий. Период жизни в этом городе стал одним из самых плодотворных. Здесь был закончен последний том Четых-Миней (июнь, июль, август), напечатанный в 1705 г. Димитрию удалось основать здесь специальную, чисто гуманитарную школу с более чем 200 учениками — любимое его детище. При ней он создал театр, для которого написал несколько пьес. В последние годы Димитрий трудился над рядом новых сочинений, в том числе объемным «Летописцем келейным», для работы над которым им были привлечены многочисленные отечественные и зарубежные источники на нескольких языках. Димитрий Ростовский скончался 28 октября 1709 г. и был погребен в Троицком соборе Яковлевского монастыря.

*Титульный лист
первой книги «Житий святых»
Святителя Димитрия Ростовского,
напечатанной в Киеве в 1689 г.*

По мнению академика Д.С. Лихачева, Димитрий Ростовский был «последним писателем, который имел огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы». Димитрий Ростовский был писателем общеславянским, сыгравшим огромную роль в развитии многих континентальных литератур. Его Четьи-Минеи — обширнейшая агиограмма истории христианского света — труд компилятивный, выполненный с исключительной тщательностью. Будучи православным писателем, он сумел соединить в своей работе литературные достижения двух ветвей христианства — восточной и западной. Четьими Минеями Димитрия Ростовского зачитывалась не только в век Просвещения, но и славянского возрождения. Сюжеты для своих художественных произведений многие писатели черпали из этого грандиозного сочинения святителя на протяжении всего XIX столетия. Здесь достаточно упомянуть фигуры двух таких гигантов русской литературы как А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой. Особенно-стью рецепции литературного наследия Димитрия Ростовского явилось то обстоятельство, что и в Украине, и в России, и в Белоруссии (в меньшей степени в Болгарии и Сербии) его творчество воспринималось именно как часть той или иной национальной культуры и литературы. Подобному восприятию и пониманию особенно способствовала главная книга писателя — знаменитые Четьи-Минеи. Этот огромный свод кратких житийных повестей на протяжении трех столетий был любимым предметом чтения у восточных и южных славян. Многочисленные переводы этого сочинения на иностранные языки и его неоднократные переиздания в XVIII–XIX вв. свидетельствуют о его большом воздействии на сознание, многих славянских православных народов, переживавших эпоху национального Возрождения.

Необходимо специально отметить особую роль многотомной «Книги житий святых» Димитрия Ростовского в духовно-культурной жизни южно-славянских, а также молдавских и румынских народов. Помимо большого числа экземпляров десятков различных печатных изданий этих Четых Миней, выпущенных в XVII — XX вв. и широко разошедшихся в их среде, отдельные жития даже переписывались местными православными книжниками как и иные произведения Святителя, в том числе его «Келейный летописец», который по сей день, в частности, сберегается в нескольких монастырях на Афоне. Заметно явное влияние писаний Димитрия Ростовского, включая житийные, на болгарских авторов исторических произведений конца XVIII в. Например, в «Истории о народе словено-болгарском» второй половины XVIII в. из Зографского монастыря. Четьи Минеи Святителя в конечном итоге определили и дату празднования памяти Солунских братьев, славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Дата, указанная в их житии Димитрием Ростовским 11 мая по старому стилю и 24 мая по новому, была принята в качестве даты проведения Дня славянской письменности и культуры. Вот как об этом писал известный болгарский славист К. Куев: «В утверждении дня 11 мая в качестве праздника двух

братьев Кирилла и Мефодия большую роль сыграла книга Димитрия Ростовского..., из которой черпали сведения и некоторые наши возрожденцы... Именно так этот чисто церковный праздник, день 11 мая, с 1857 г. стал всенародным праздником болгарского просвещения, народного единства, народной культуры. С тех пор и до сего дня весь болгарский народ чтит 11 (24) мая память создателей славянского письма и славянской письменной культуры».

ЛИТЕРАТУРА

- Державин А, прот.* «Радуют верных сердца»: Четьи-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. М., 2006. Ч. 1; М., 2008. Ч. 2; М., 2012. Ч. 3.
- Круминг АА.* Четьи Минеи святого Димитрия Ростовского: Очерк истории издания // Филевские чтения. Вып. 9: Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы / Ред. Л. А. Янковска. М., 1994. С. 5–52.
- Шляткин ИА.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Титульный лист первой книги «Житий святых» Святителя Димитрия Ростовского, напечатанной в Киеве в 1689 г.
2. Рукописные пометы на экземпляре московского старопечатного Пролога 1685 г., который Святитель Димитрий использовал при работе над Четьями-Минееми. Российская Государственная библиотека. Музей книги.
3. Страница московского старопечатного Пролога 1685 г. из библиотеки Святителя Димитрия с его пометами. Российская Государственная библиотека. Музей книги.
4. Начальная страница рукописной повести о «Лазаре князе Сербском», помещенная в московском старопечатном Прологе 1685 г., использовавшемся Святителем Димитрием при работе над Четьями-Минееми. Российская Государственная библиотека. Музей книги.
5. Святитель Димитрий Ростовский. Гравюра.
6. Первый лист Предисловия к читателю архимандрита Киево-Печерской лавры Варлаама в первой книге «Житий святых» Святителя Димитрия Ростовского, напечатанной в Киеве в 1689 г.
7. Первый лист жития преподобного Нестора летописца. Книга 1 «Житий святых» Святителя Димитрия Ростовского. Киев, 1689 г.
8. Последний лист жития преподобного Нестора летописца. Книга 1 «Житий святых» Святителя Димитрия Ростовского. Киев, 1689 г.
9. Первый лист жития Апостола Андрея Первозванного. Книга 1 «Житий святых» Святителя Димитрия Ростовского. Киев, 1689 г.
10. Последний лист жития Апостола Андрея Первозванного. Книга 1 «Житий святых» Святителя Димитрия Ростовского. Киев, 1689 г.

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА — УКРАИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ XVIII В.¹

Аннотация:

В статье рассматривается деятельность и учение Григория Саввича Сковороды (1722–1794) — выдающегося украинского писателя, философа и педагога-просветителя. Его учение о «трех мирах» до сих пор вызывает весьма различные толкования в научных кругах. Сковорода был поэтом, писавшим духовные стихи. Он сочинял стихотворные произведения, прежде всего различного рода песни, писал трактаты, притчи, диалоги, басни, делал переводы. Еще при жизни писатель Сковорода стал широко известен. Но интерес к его философским произведениям стал возрастать лишь через много лет после кончины их автора. Сковорода является одним из самых замечательных мыслителей в истории славянских культур и литератур.

Ключевые слова:

Григорий Сковорода, кирилло-мефодиевское наследие, украинская литература, философия.

Abstract: L.L. SHCHAVINSKAYA “GRIGORY SKOVORODA: THE UKRAINIAN WRITER AND PHILOSOPHER OF THE 18TH CENTURY”.

The article discusses the work and teachings of Grigory Savich Skovoroda (1722–1794), a prominent Ukrainian writer, philosopher, teacher and educator. His doctrine of «three worlds» still causes very different interpretations in the academic studies. Skovoroda was a poet who wrote spiritual poetry: poems and various sort of the songs. Besides that, he wrote treatises, parables, dialogues, fables and did translations. As a writer Skovoroda became widely known even during his life time. But the interest in his philosophical works grew many years after his death. Grigory Skovoroda is one of the most remarkable thinkers in the history of Slavic cultures and literatures.

Keywords:

Grigory Skovoroda, Cyril and Methodius heritage, Ukrainian literature, Philosophy.

Григорий Сковорода — выдающийся украинский писатель, философ и педагог-просветитель, создавший оригинальное учение о «трех мирах». Григорий Саввич Сковорода родился в 1722 г. в казацкой семье на Полтавщине, с перерывом учился в Киево-Могилянской академии, где одним из его преподавателей был святитель Георгий Конисский. Пел в придворном хоре российской императрицы Елизаветы Петровны, выезжал в составе ее миссии в Австрийскую империю, где пробыл более двух лет, знакомясь с местной культурой и наукой. По возвращении на родину он

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФФ (грант № 18–512–76004).

преподавал в Переяславском коллегиуме, служил домашним учителем, сочинил много духовных песен, уже тогда сделавших его известным в народе. В течение нескольких лет в 1760-е гг. Сковорода с перерывами преподавал в Харьковском коллегиуме и после ряда конфликтов с церковными властями окончательно перешел на положение странствующего мудреца — «старчика». В этот период была создана основная часть его произведений и выкристаллизовалось его собственное философское учение, базирующееся на понятиях «макрокосма», «микроскосма», «мира символов» и двух «натур». Библию Сковорода трактовал как книгу глубоко символическую, и эта его библеистика заслуживает особого внимания, ибо только тогда возможно правильно понимать все им написанное.

Жанровое разнообразие произведений Сковороды во многом определяется адресатами, для которых они создавались. Он сочинял стихотворные произведения, прежде всего различного рода песни, писал трактаты, притчи, диалоги, басни, делал переводы, значителен и корпус его эпистолярный. Весьма широкую известность получила его сатирическая песнь «Всякому городу нрав и права». В ней высмеивались помещики, ростовщики и купцы. В дальнейшем она была положена на музыку и охотно исполнялась певцами-кобзарями.

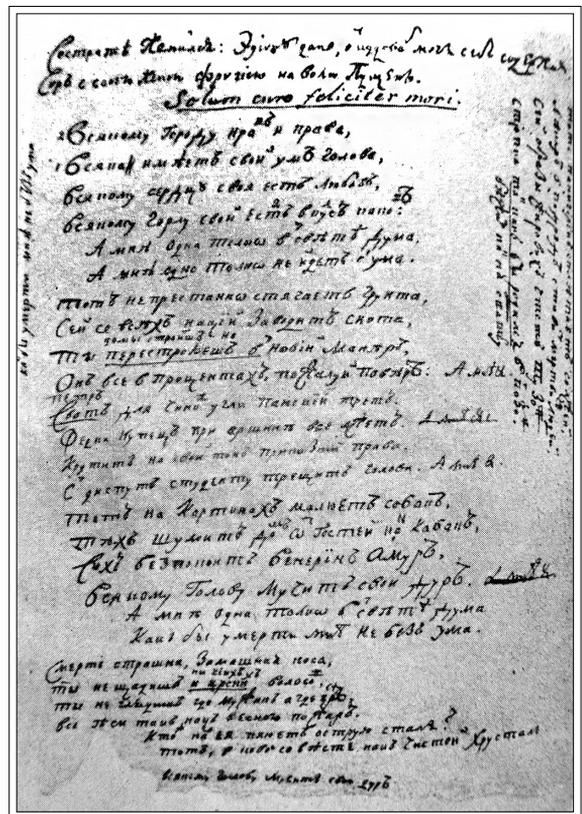
Основным языком писаний Сковороды был книжный язык того времени, культивировавшийся, в частности, в Киево-Могилянской академии, включавший множество церковнославянизмов, отдельные его произведения созданы на латинском и греческом языках, которыми он владел. О начале основной литературной деятельности Сковороды наиболее обстоятельные и точные сведения оставил любимый его ученик и друг М.И. Ковалинский, который писал о стремлении Сковороды к уединению следующее: «Сковорода, побуждаясь духом, удалился в глубокое уединение. Близ Харькова есть место, называемое Гужвинское, принадлежащее помещикам Земборским, которых любил он за добродушие их. Оное покрыто угрю-

Григорий Сковорода
(гравюра XIX в.)

мым лесом, в середине которого находился пчельник с одною хижинкою. Тут поселился Григорий, укрываясь от молвы житейской и злословия духовенства. Предавшись на свободе размышлениям и ограда спокойствие духа безмолвием, бесстрашием, бессуетностью, написал он тут первое сочинение свое в образе книги, названное им “Нарцисс, или о том: познай себя”. Прежние его, до того написанные малые сочинения были только отрывочные, в стихах и прозе. Продолжая там же свое пустынножителство, написал он другое сочинение, под именем: “Книга Асхань, о познании себя самого”, которое приписал другу своему». Ковалинскому же, как очень близко знавшему Сковороду в течение многих лет, принадлежит и очень важное описание внутреннего его состояния: «Любомудрие, поселясь в сердце Сковороды, доставляло ему благосостояние, возможное земнородному. Свободен от уз всякого принуждения, суетности, искательства, попечений, находил он все своя желания исполненными в ничтожестве оных. Занимаясь сокращением нужд естественных, а не распространением, вкушал он удовольствий, не сравненных ни с какими счастливыми. Когда солнце, возжегши бесчисленные свечи на смарагдо-тканной плащанице, предлагало щедрою рукою чувствам его трапезу, тогда он, принимая чашу забав, не растворенных никакими печальми житейскими, никакими воздыханиями страстными, никакими рассеяностями суетными, и вкушая радования высоким умом, в полном упокоении благодушества говаривал: “Благодарение всеблаженному богу, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным!”».

О судьбе своих творений Сковорода нимало не заботился, в конце своей жизни он даже писал, что «по мне бы они давно пропали». В эти годы он называет себя «Старец, учитель закона божия Григорий Варсава Сковорода»

Автограф песни Григория Сковороды
«Всякому городу нрав и права»

(ОР Института литературы
им. Т.Г. Шевченко НАН Украины.
Ф. 86. № 24. Л. 80)

и вопрошает: «Что значит Варсава? Вар еврейски сын; Савва сирски мир. Итак, Вар — Иона — сын голубицы; Вар — Сава — сын мира, т.е. сын Савы». Таким образом тогдашний внешний и внутренний облик Сковороды может быть описан его собственными определениями «старец», «учитель закона божия», «сын мира», очень важными для правильного понимания эволюции философско-богословских и общих жизненных взглядов этого любомудра. В отличие от духовных песен (кантов) Сковороды, которые широко распространялись в народе еще при жизни их автора посредством переписывания, а чаще — благодаря пению странствующих кобзарей и лирников, первые его прозаические творения начали печатать только после его кончины. Они привлекли внимание заметных лиц из образованного общества лишь в середине — второй половине XIX в. При этом к тому времени многое из написанного им, но оставшееся в рукописях, было утрачено.

Еще при жизни Сковороды отдельные его прозаические сочинения в рукописях распространялись среди его не столь многочисленных почитателей, которым мы обязаны их сохранением. Первые попытки собрать эти произведения Сковороды воедино принадлежат главным образом Ковалинскому, которому философ чистосердечно сообщал, что он «не точию апографы, но и аутографы раздал, раздарил, расточил» и даже в ожесточении «спалил». Всего же, по словам самого Сковороды, число его творений было таково:

- 1) Наркисс, узнай себя;
- 2) Симфония: рек — сохраню пути моя;
- 3) Симфония: аще не увеси;
- 4) Неграмотный Марко;
- 5) Алфавит мира: о природе;
- 6) Разговор «Кольцо»;
- 7) Древний мир;
- 8) Жена Лотова;
- 9) Брань архангела Михаила с Сатанюю;
- 10) Икона Алкивиадская;
- 11) Беседа I. Сион;
- 12) Беседа II. Сион;
- 13) Беседа III. Двое;
- 14) Диалог: Душа и Нетленный Дух;
- 15) Благодарный Еродий;
- 15а) Убогий Жаворонок;
- 16) О христианском добронравии, или катехизис;
- 17) Асхань, о познании себя.

Переводы:

- 1) О старости (Цицерона);
- 2) О божием правосудии...;
- 3) О смерти...;
- 4) О хранении от долгов...;
- 5) О спокойствии душевном...;
- 6) О вожделении богатств...;
- 7) О уединении... (Сидрония).

Весьма важны заключительные слова Ковалинского о творчестве писателя-любомудра, приведенные им в собственном рукописном очерке «Жизнь Григория Сковороды»: «Кроме сочинений и переводов сих, многие на российском, латинском, эллинском языке, находятся письма его весьма поучительные, писанные к другу и прочим; многие стихословия и другие сочинения, которых собрание частью хранится у друга его. Как он писал для своей стороны, то и употреблял иногда малороссийские наречия и правописание, употребляемое в произношении малороссийском: он любил всегда природный язык свой и редко принуждал себя изъясняться на иностранном; эллинский предпочитал всем иностранным»

К настоящему времени в мире существует большая литература на многих языках, посвященная жизни и творчеству Сковороды. Ее анализ позволяет убедительно говорить, что очень многое в его наследии получило и получает весьма различные, порой совершенно противоположные оценки. Исследователи в основном сходятся, пожалуй, в одном: Григорий Сковорода — один из самых замечательных мыслителей в истории славянских культур и литератур, несомненная абсолютная гордость Восточной Славии, «вершина староукраинской культуры».

СОЧИНЕНИЯ

Сковорода Г. Повна академічна збірка творів. Харків-Едмонтон-Торонто, 2011.

ЛИТЕРАТУРА

Софронова Л.А. Три мира Григория Сковороды. М., 2002.

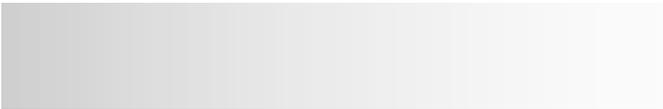
Ушкалов Л. Ловитва невлонного птаха: життя Григорія Сковороди. Київ, 2017.

Чижевський Д. Філософія Г.С. Сковороди. Варшава, 1934.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет Григория Сковороды. Неизвестный художник. Конец XVIII — начала XIX в.
2. Григорий Сковорода. Гравюра XIX в.
3. Личные вещи Григория Сковороды. Национальный литературно-мемориальный музей Г.С. Сковороды.

4. Автограф песни Григория Сковороды «Всякому городу нрав и права» (ОР Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины. Ф. 86. № 24. Л. 80).
5. Первая страница автографа диалога Григория Сковорода «Наркисс» (ОР Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины. Ф. 86. № 9. Л. 67).
6. Автограф письма Григория Сковороды Я. Провицкому (ОР РГБ. Ф. 32, 16. 21. Л. 1).
7. Часы Григория Сковороды (Национальный литературно-мемориальный музей Г.С. Сковороды).
8. Бюст на месте погребения Григория Сковороды в селе Сковородиновка. Скульптор И. Кавалеридзе. 1972 г.
9. Памятник Григорию Сковороде в Киеве. Скульптор И. Кавалеридзе, архитектор В. Гнездилов. 1977 г.
10. Плита с места захоронения Григория Сковороды (Национальный литературно-мемориальный музей Г.С. Сковороды).

**СПРАВКА
ОБ АВТОРАХ**

Гаврюшина Лидия Константиновна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. Сфера научных интересов: история древнесербской и древнерусской литератур, русско-сербские культурные связи, русское старообрядчество. Автор глав о сербской и хорватской литературе в «Очерках истории культуры славян». [Вып. I.] (М., 1996), разделов о сербской, хорватской и словенской литературах XI–XV вв. в коллективном труде «История литератур западных и южных славян» [т. I.] (М., 1997) и нескольких десятков статей по указанной проблематике. В данном выпуске выступает как автор 6 статей о сербских средневековых писателях и русском старообрядчестве.

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн. Область научных интересов: история Болгарии и Сербии, Балканские войны, Первая мировая война, общественное мнение, история дипломатии, модернизационные процессы, неославизм. Автор более 40 научных работ. В данном выпуске выступает как автор 6 статей о русских ученых и писателях XIX — первой половины XX в.

Добычина Анастасия Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. Сфера научных интересов: история Болгарии и болгар в эпоху Средневековья, культы святых в религиозно-политической практике болгар, особенности болгаро-византийских отношений в период Средневековья, историческая память болгар о своем прошлом в XV–XVI вв. Опубликовала ряд работ по проблематике легитимации власти первых правителей независимого Второго Болгарского царства и специфической роли в этих процессах византийского влияния. В данном выпуске выступает как составитель Именного и Географического указателей и 4 статей о болгарской средневековой литературе.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Лауреат премии для молодых ученых (РАН). Сфера научных интересов: история Сербии и Черногории в Новое время, вопросы отношения этих стран с Албанией, роль России в системе международных отношений в конце XIX — начале XX в. Автор более 100 научных работ, в том числе монографии «Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века» (СПб., 2013). В данном выпуске выступает как автор 3 статей об отражении сведений о южных славянах в донесениях русских консулов XIX в. и албанском просветителе Науме Векильхарджи.

Калиганов Игорь Иванович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. Первый лауреат I премии памяти Макария

(Булгакова) — митрополита Московского и Коломенского (1997), лауреат международной премии свв. Кирилла и Мефодия (2006), кавалер болгарского ордена Стара-Планина I степени (высшая президентская награда, 2000) и почетного знака им. М. Дринова (высшая награда Болгарской академии наук, 2006), награжден знаком «Почетный работник науки и техники РФ» (2007) и др. отличиями. Сфера научных интересов: история болгарской, русской и сербской литератур IX–XX вв., история славянских стран, вопросы истории славян и славянских культур в более широком смысле. Автор 8 книг (5 в соавторстве): «Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков» (совместно с Д.И. Польшанским, М., 1990), «Георгий Новый у восточных славян» (М., 2000), «Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур» (М., 2006), «Проблемы истории и культуры славянских народов» (М., 2015), глав и разделов по истории литературы и культуры Болгарии и Сербии (Средневековье и Национальное возрождение) в «Очерках культуры славян» (М., 1993), «Истории литератур западных и южных славян» (Т. I. М., 1997), «Истории культур славянских народов» (Т. I и II. М., 2007), более 30 общих и специальных статей в «Лексиконе южнославянских литератур» (М., 2012), и около 200 других публикаций, вышедших в отечественных и зарубежных сборниках и научной периодике. Около 40 лет по совместительству в разные годы читал лекции, вел семинары и практические занятия по болгарскому языку, болгарской, русской и сербской литературам, истории славянских литератур и культур, истории Болгарии и Сербии, введению в славяноведение, славянскому фольклору и этнографии славянских народов и др., преподавая в МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте русского языка им. А.С. Пушкина, Дипломатической академии МИД СССР, Военном институте, Гос. Академии славянской Культуры, МГИМО и РГГУ. Был деканом филологического факультета Гос. Академии славянской культуры (2004–2009, 2009–2014), основал на факультете кафедру славянских языков и культур (2004–2014) и научно-исследовательский центр ЭСТРИКА [Славянские Культуры: Корни и Крона] (2005–2015). Является членом редколлегии журналов «Вестник славянских культур» и «Традиции и современность», международной редколлегии болгарского издания «О письменах» («За буквите»), редакционно-издательского совета «Patrologia Slavica». В данном сборнике выступает как ответственный редактор, составитель, автор предисловия и 7 статей о культуре Болгарии, Сербии и Руси.

Лабынцев Юрий Андреевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, вице-президент Международной ассоциации белорусистов. Награжден белорусской медалью им. Франциска Скорины, удостоен польской награды им. Константина Острожского, литовской Мажвидовской юбилейной медали, церковных орденов святителей Макария, митрополита Московского и Коломенского (3-й степени) и Кирилла, еп. Туровского (2-й степени), Св. Марии Магдалины (3 степени). Имеет почетные звания Международного биографического центра. Сфера научных интересов: история, культура и литература восточнославянских народов и культурного взаимодействия между ними в широком хронологическом диапазоне.

Автор и соавтор нескольких десятков монографий и брошюр на русском и белорусском языках, в том числе индивидуальных: «Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978; Славянская кирилловская печатная книжность XV — первой четверти XVII в. М., 1982; Всемиру (Православная литература межвоенной Польши). М., 1995; На благое просвещение. Минск, 1999; Книжное наследие Н.П. Румянцева. М., 2004. Член редколлегий многотомной «Православной энциклопедии», журналов «Древняя Русь» и «Традиции и современность», ежегодника «Белоруссия и Украина: история и культура», издательской серии РАН «История славянского кирилловского книгопечатания XV — начала XVII в.». В данном выпуске выступает как автор 6 статей о старопечатной книжности и первопечатниках у восточных славян.

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Область научных интересов: история Боснии и Герцеговины в Новое время, политика России на Балканах в XIX в., славянский вопрос и русское общество. Автор более 30 научных работ, в том числе монографии «Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг.» (М., 2019). В данном выпуске выступает, как член редколлегии, автор 5 статей о культуре Боснии и Герцеговины, составитель Именного и Географического указателей и Справки об авторах.

Смольянинова (Чемоданова) Марина Геннадьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. Специалист по болгарской литературе XVIII–XIX вв. Исследования: монография «Творчество Василя Друмева и становление болгарской национальной литературы» (София, 1987) и разделы о болгарской литературе эпохи национального Болгарского возрождения во II томе «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997). Издание документов: «Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали» (София, 2005). Указанная монография автора и изданные совместно с К. Михайловым документы о В. Друмеве были переизданы ею вторично в Софии в 2012 г. См.: М.Г. Смольянинова «Васил Друмев (митрополит Климент)». Составитель, автор предисловия, комментариев и перевода ряда повестей в издании «Л. Каравелов. Болгары старого времени. Избранные произведения» (М., 2002). Член международной редколлегии болгарского издания «О письменах» («За буквите»). Награды: медаль и почетная грамота министерства культуры Республики Болгария (2002), почетный знак им. Марина Дринова — высшая награда Болгарской академии наук (2005), награда министерства образования и науки Республики Болгария (2008). Читала курс лекций по болгарской литературе в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2006/2007 учебном году. В данном выпуске выступает как автор 6 статей о болгарских писателях.

Созина Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН, член Программного совета Форума славянских культур, заве-

душий Отделом исследовательских проектов и грантового мониторинга ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. Литературовед югославист, переводчик, автор статей по истории словенской литературы, литературным связям между южными славянами и Россией, проблемам изучения славянских литератур в России и русской литературы за рубежом. Автор монографии «Словенский роман последней трети XX века как исследование человека и его “арены жизни”». М., 2018. В данном выпуске выступает как автор 2 статей о словенских писателях.

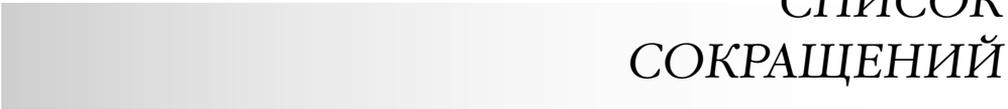
Турилов Анатолий Аркадьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, палеограф, знаток восточнославянской и южнославянской письменной традиции и духовных связей между славянским Югом и Востоком в период Средневековья и раннего Нового времени. Член Сербской академии наук и искусств (2012), Миланской академии Амброзиана (2015) и Итальянской национальной академии Деи Линчеи (2018). Удостоен почетного знака им. Марина Дринова — высшей награды Болгарской Академии наук (2019), церковных орденов прп. Сергия Радонежского и Даниила Московского (оба второй степени) и последнего из них третьей степени за многолетнее участие в работе фонда им. Макария, митрополита Московского и Коломенского. Член Международной библейской комиссии при МКС, Археографической комиссии и ряда советов при «Православной энциклопедии». Является членом редколлегий словаря древнерусского языка XI–XIV вв., журналов «Древняя Русь: вопросы медиевистики» и «Церковно-исторического вестника», «Беседа» и «Стари српски архив» (оба Белград), «Старобългарска литература» (София) и “Russica Romana” (Рим). Автор индивидуальных монографий «Slavica Cyrillomethodiana: источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М., 2010; От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина: История и культура славян XI–XVII веков. М., 2011. Исследование по славянскому и сербскому Средневековью. Белград, 2014; В соавторстве вышли: Переводная литература у южных и восточных славян в эпоху раннего Средневековья // Очерки истории культуры славян. Вып. I. М., 1996; Славянские рукописи афонских обителей. [Каталог]. Фессалоники, 1999 (2-е изд. Белград, 2018); Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. И др. В данном выпуске выступает как автор 2 статей о сербском Средневековье.

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Сфера научных интересов: история Болгарии эпохи национального Болгарского возрождения, автор свыше 110 научных работ, в том числе двух монографий: «Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858)» (М., 2007); «Из истории московского дворянства: “Задумывая Московскую Академию художеств...” (1833–1843)» (М., 2016). Первая из них завоевала III премию им. Макария (Булгакова) — митрополита Московского и Коломенского (2007), вторая — II премию «Серебряный витязь» на VIII Международном славянском литературном форуме «Золотой витязь» (2016). Является со-

ставителем т. III сборника «Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали» (София, 2002). В данном выпуске выступает как член редколлегии, автор 6 статей о русских и болгарских деятелях литературы и культуры.

ШЕШКЕН АЛЛА ГЕННАДЬЕВНА — филолог-славист, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (по совместительству), академик Македонской Академии наук и искусств. За выдающийся вклад в изучение и популяризацию македонской литературы награждена указанной Академией медалью им. Блаже Конеского. Сфера научных интересов: история македонской, сербской, русской и ряда других славянских литератур, сравнительное литературоведение. Автор свыше 200 научных работ по указанной проблематике, в том числе монографий «Русская и югославянские литературы в свете компаративистики» (М., 2003), «Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие» (М., 2007) и «Русская и сербская литературы: штудии по компаративистике» (Белград, 2017). В данном выпуске выступает как автор 4 статей по сербской, македонской и черногорской литературам.

ЩАВИНСКАЯ ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. Член Международной ассоциации белорусистов. Награждена белорусской медалью им. Св. Евфросинии Полоцкой, удостоена польской награды им. Константина Острожского. Сфера интересов: история, литература и культура Белоруссии и Украины, русско-украинско-белорусское культурное взаимодействие, проблемы исторической и филологической информатики. Автор двух индивидуальных монографий (Никита Иванович Горбачевский. Минск, 1991; Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998) и нескольких десятков монографий в соавторстве на русском, белорусском и польском языках: Православная академия Ходкевичей и ее издания. Минск, 1996; Литература белорусов Польши (XV–XX вв.). Минск, 2003; Западнобелорусское письменное наследие. XVII–XX вв. Минск, 2004; На крайнем западе Востока: [многовековая судьба белорусской духовной культуры Подляшья]. Минск, 2004; «Друковано в Лавре Киевопечерской». М., 2006; Острожская библия Ивана Федорова. М., 2006; Рукописная книжность гоголевского края. М., 2009; Народная книжность белорусско–русско–украинского пограничья. М., 2009. В данном выпуске выступает как автор 6 статей о белорусской, русской и украинской литературах.

СПИСОК
СОКРАЩЕНИЙ

А

австр. ⇨ австрийский
ак. ⇨ академик
алб. ⇨ албанский
амер. ⇨ американский
англ. ⇨ английский
ап. ⇨ апостол
арх. ⇨ архивист
археогр. ⇨ археограф
археол. ⇨ археолог
архиеп. ⇨ архиепископ
архиман. ⇨ архимандрит
архит. ⇨ архитектура
архитек. ⇨ архитектор
афин. ⇨ афинский

Б

балкан. ⇨ балканский
бельг. ⇨ бельгийский
библ. ⇨ библиограф
библейск. ⇨ библейский
библиот. ⇨ библиотека,
библиотекарь
болг. ⇨ болгарский
босн. ⇨ боснийский

В

ветхозав. ⇨ ветхозаветный
виз. ⇨ византийский
вмч. ⇨ великомученик
воен. ⇨ военный
военач. ⇨ военачальник
выд. ⇨ выдающийся

Г

г. ⇨ город
ген. ⇨ генерал
герцегов. ⇨ герцеговинский
гор. ⇨ городской
гос. ⇨ государственный,
государство
греч. ⇨ греческий

Д

д. ⇨ деревня
далмат. ⇨ далматинский
дат. ⇨ датский
деят. ⇨ деятель
дипл. ⇨ дипломат
драм. ⇨ драматург
древнегреч. ⇨ древнегреческий
еп. ⇨ епископ

Ж

жур. ⇨ журналист

З

засл. ⇨ заслуженный

И

иг. ⇨ игумен
идеол. ⇨ идеолог
иеромон. ⇨ иеромонах
издат. ⇨ издатель
имп. ⇨ император, императрица
импер. ⇨ империя
императ. ⇨ императорский
ин. ⇨ иностранный
ис. ⇨ исследователь
истор. ⇨ историк
ит. ⇨ итальянский

К

кан. ⇨ канадский
кат. ⇨ католик, католический
киевск. ⇨ киевский
кн. ⇨ князь
книгоиздат. ⇨ книгоиздатель
константиноп. ⇨ константинопольский
кор. ⇨ король, королева
корресп. ⇨ корреспондент
крит. ⇨ критик
культ. ⇨ культура
куп. ⇨ купец, купцы

Л

лит. ⇨ литература, литературный

М

мак. ⇨ македонский
 мин. ⇨ министерство, министр
 митроп. ⇨ митрополит
 мон. ⇨ монах
 мон-рь ⇨ монастырь
 мос. ⇨ московский
 муз. ⇨ музыкант
 мч. ⇨ мученик

Н

нац. ⇨ национальный
 нач. ⇨ начальник
 нем. ⇨ немецкий
 новгор. ⇨ новгородский
 норв. ⇨ норвежский
 обл. ⇨ область
 общ. ⇨ общественный
 осман. ⇨ османский
 основ. ⇨ основоположник
 основат. ⇨ основатель

П

патр. ⇨ патриарх
 пер. ⇨ перевод, переводчик
 первопеч. ⇨ первопечатник
 перв. ⇨ первый
 писат. ⇨ писатель
 полковод. ⇨ полководец
 польск. ⇨ польский
 представ. ⇨ представитель
 преп. ⇨ преподаватель
 проп. ⇨ проповедник
 прор. ⇨ пророк
 просвет. ⇨ просветитель
 проф. ⇨ профессор
 прп. ⇨ преподобный
 публ. ⇨ публицист

Р

равноап. ⇨ равноапостольный
 рев. ⇨ революционер

ред. ⇨ редактор
 религ. ⇨ религиозный
 рим. ⇨ римский
 рос. ⇨ российский
 рук. ⇨ руководитель
 рум. ⇨ румынский
 рус. ⇨ русский

С

с. ⇨ село
 св. ⇨ святой
 свящ. ⇨ священник
 сел. ⇨ сельский
 серб. ⇨ сербский
 слав. ⇨ славист
 слов. ⇨ словенский
 словац. ⇨ словацкий
 сов. ⇨ советский
 совр. ⇨ современный
 спец. ⇨ специалист
 стол. ⇨ столица

Т

театр. ⇨ театральный
 торг. ⇨ торговец
 тур. ⇨ турецкий

У

укр. ⇨ украинский
 ун-т ⇨ университет
 уч. ⇨ ученый

Ф

филол. ⇨ филолог
 филос. ⇨ философ
 франц. ⇨ французский

Х

хорв. ⇨ хорватский
 христ. ⇨ христианский
 худ. ⇨ художник

Ц

церк. ⇨ церковный

Ч

черногор. ⇔ черногорский

чеш. ⇔ чешский

чл. ⇔ член

Ш

швед. ⇔ шведский

швейц. ⇔ швейцарский

Э

этногр. ⇔ этнограф

Ю

югослав. ⇔ югославский

В

Bosn. ⇔ Bosnian

Bulgar. ⇔ Bulgarian

С

Croat. ⇔ Croatian

М

Mac. ⇔ Macedonian

Montenegr. ⇔ Montenegrin

S

Serb. ⇔ Serbian

Slov. ⇔ Slovenian

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдул Азиз, тур. султан ⇨ 200, 201, 205

Аввакум, протопоп, писат. основ. старообрядчества ⇨ 3, 37–41

Авель, ветхозав. патр. ⇨ 18

Авраам, ветхозав. патр. ⇨ 18

Аделунг Ф.П., истор., филос., библиограф, чл.-корресп. АН ⇨ 298

Аксаков И.С., литератор, ред. и издат. идеол. славянофильства ⇨ 66–67, 315, 318, 321, 323

Аксаков С.Т., рус. литератор и общ. деят. ⇨ 328

Аксакова О.С., мать И.С. Аксакова ⇨ 319

Аксенова Е.П., сов. рос. уч.-слав. ⇨ 82

Алагович А., загреб. еп. ⇨ 348

Александр I, имп. Рос. импер. ⇨ 126, 306–308

Александр II, имп. Рос. импер. ⇨ 215, 262

Александр Невский, кн, св. ⇨ 380

Александр Свирский, св. ⇨ 26

Александр, болг. севастокр., брат Ивана Асена II ⇨ 87

Александр, болг. царевич, сын Ивана Шишмана ⇨ 137, 292

Александр, царь Македонии, выд. полководец ⇨ 97

Александра Федоровна, имп., супруга Николая II ⇨ 350

Александра, дочь Полоцкого кн. Брячислава ⇨ 380

Алексей Михайлович, рус. царь ⇨ 41, 96, 148

Алексий III Ангел, виз. имп. ⇨ 130, 285

Алексий Слав, болг. владетель, деспот Родоп ⇨ 87

Али-ага, каваз (охранник) ⇨ 227

Алигер М. И., сов. поэт. ⇨ 375–376

Амфитеатров А.В., рос. полит., писат. ⇨ 107–109, 112–113

Анастасия Марковна, жена протопопа Аввакума ⇨ 40

Ангелак, грамматик ⇨ 86

Ангелов Б.Ст., болг. филол., истор., литературовед ⇨ 87

Ангелов Д., болг. истор. ⇨ 87

Анна, сербка из рода Якшичей ⇨ 134

Анна, супруга Стефана Немани ⇨ 24

Антоний Рафаил Эпактит, серб. писат. ⇨ 139

Антоний, св. мч. Виленский ⇨ 30

Антонов А., болг. истор. ⇨ 99

Априлов В.Е., одесский торг., деят. Болг. нац. возрождения ⇨ 312, 319, 332, 341

Аретов Н., совр. болг. филол. ⇨ 343

Арнаудов М., болг. уч. ⇨ 153

Арсений, иг. Хиландарский ⇨ 131

Арсений, серб. архиеп., ученик Саввы Сербского ⇨ 24–36, 288

Арш ГЛ., сов. рос. уч. ⇨ 122

Асен-Белгун, один из основ. правящей династии в Болгарии ⇨ 87, 90

Асены (Асени), болг. правящая династия конца XII–XIV вв. ⇨ 87, 90, 92

Аспарух, хан, основ. болг. гос. ⇨ 330, 342

Афанасий Брестский, св. ⇨ 378, 382

Афанасий, патр. Иерусалимский ⇨ 20

Ахмадулина Б. А., сов. поэт. ⇨ 376

Ахматова А. А., сов. поэт. ⇨ 376

Ахтарь Стоянчо (Стефан), тырнов. любитель древностей ⇨ 85

Б

Бабич Б., босн. уч. ⇨ 220–222, 227

Баева С., болг. уч. ⇨ 244, 251

Байрон Ч., англ. поэт ⇨ 240

Байцура Т., истор., преп. в Словакии ⇨ 333–334

- Бакунин М.А., *рус. рев., идеол. анархизма и народничества* ⇒ 237
- Бальзак О. де, *франц. писат.* ⇒ 278
- Бантыш-Каменский Н.Н., *истор., арх., издат.* ⇒ 307
- Баранович Л., *укр. писат.* ⇒ 161
- Барановы, *рус. дворянская семья* ⇒ 318
- Бароний Цезарь, *рим. кардинал, историогр.* ⇒ 151–152
- Барсов Е.В., *рос. уч., соб. рук.* ⇒ 148
- Бартенев П.И., *истор., библиот. Чертковской библиотеки* ⇒ 301–303, 315, 317–319, 322
- Баторий Стефан., *кор. Речи Посполитой (см. Стефан Баторий)* ⇒ 191–192
- Батюшков Ф.Д., *рус. поэт, филол., педагог* ⇒ 45–46
- Бахрушин С.В., *рос. и сов. истор.* ⇒ 339
- Башмаков А.А., *рос. общ. деят.* ⇒ 69
- Баязид I, *тур. султан* ⇒ 138
- Баязид II, *тур. султан* ⇒ 97
- Безобразов В.В., *рос. консул* ⇒ 226
- Белич А., *серб. и югосл. уч., лингвист* ⇒ 57, 78, 82
- Бёлль Г. Т., *нем. писат, пер. и сценарист* ⇒ 278
- Беляев И.Д., *проф. рус. права Мос. ун-та* ⇒ 311
- Бенкендорф А.К., *рус. посол* ⇒ 111
- Бенкендорф А.Х., *граф, ген., нач. тайной полиции Рос. импер.* ⇒ 344, 350
- Бенковский Г., *болг. рев.* ⇒ 244–245
- Бередников Я.И., *истор., арх., ак. Петербургской АН* ⇒ 300
- Бернштейн С.Б., *сов. уч., слав.* ⇒ 82
- Бершадская М.Л., *совр. рос. филол.* ⇒ 323
- Бессонов П.А., *рус. слав., фольклорист* ⇒ 215, 218, 302, 306, 312, 329
- Билунов Б.Н., *рус. истор.* ⇒ 323
- Биллярски И., *болг. истор.* ⇒ 87, 92
- Биоградля С., *ред. босн. типографии* ⇒ 223
- Благоевич Н., *серб. уч.* ⇒ 59
- Блок А.А., *рус. поэт* ⇒ 362–363
- Блудова А.Д., *графиня, рус. писат.* ⇒ 200, 203, 206, 216, 218
- Бобровский М.К., *рос. слав., ориенталист, богослов* ⇒ 299
- Бован В., *серб. уч.* ⇒ 118
- Богатова Г.А., *совр. рос. уч.* ⇒ 53
- Богша Л., *золотых дел мастер* ⇒ 379
- Бодрова А. Г., *совр. рос. филол.* ⇒ 272
- Бодуэн де Куртене И.А., *рос. уч., лингвист* ⇒ 50
- Бодянский О.М., *истор.-слав.* ⇒ 65, 256, 306, 310–312, 319
- Божилев И., *болг. истор.* ⇒ 87
- Бонавентура А., *слов. еп.* ⇒ 270
- Бончев Н., *чл. «Болгарской дружины», перв. болг. лит. крит.* ⇒ 319, 321
- Борил, *болг. царь* ⇒ 3, 25, 84–85, 87
- Борис I, *хан/кн. креститель Болгарии* ⇒ 87, 90, 95, 311, 337, 340, 342
- Борис II, *болг. царь* ⇒ 311, 337, 340, 342
- Борис и Глеб, *братья, рус. кн., перв. рус. св.* ⇒ 43
- Ботев Х., *болг. поэт, рев.* ⇒ 5, 236–241, 243–244
- Бранковичи, *серб. династия* ⇒ 133
- Брезовачки Т., *свящ., хорват. драм., поэт, писат.* ⇒ 345
- Брезуч П. ⇒ 363
- Бродский И. А., *рус. и амер. поэт* ⇒ 376
- Брюсов В. Я., *рус. поэт* ⇒ 363
- Бурмов Т., *ред., деят. Болг. нац. возрождения* ⇒ 320

В

- Вазов И., *болг. писат., классик* ⇒ 5, 237–238, 244, 260–266.
- Вальдгард, *отец семейства, в котором преподавал Р. Жинзифов* ⇒ 318
- Василий II Болгаробойца, *виз. имп.* ⇒ 96, 99
- Василий Врач, *ереснарх, глава богомилов* ⇒ 87
- Василий-Варлаам, *псков. агнограф* ⇒ 142, 146

- Васильевич А., *серб. мин. просвещения* ⇒ 66–67
- Васильевич М., *переписчик* ⇒ 384
- Васич М.М., *югосл. уч.* ⇒ 36
- Вацуро В.Э., *литературовед, истор. рус. лит.* ⇒ 343
- Везенков К., *болг. стипендиат, врач* ⇒ 321
- Векильхарджи К., *брат Наума Векильхарджи* ⇒ 120
- Векильхарджи Н., *алб. просвет.* ⇒ 3, 119–122
- Векильхарджи П., *отец Наума Векильхарджи* ⇒ 119
- Вели-ага, *каваз (охранник)* ⇒ 227
- Вели-бег (Бечлия Галл), *сараевский врач* ⇒ 224
- Великов Ю., *болг. филол., теолог* ⇒ 87
- Велиудин-паша, *осман. чиновник* ⇒ 203
- Велчев В., *болг. уч.* ⇒ 266
- Вельгман А.Ф., *писат., поэт, истор., чл.-корресп. импер. АН* ⇒ 5, 309, 335–343
- Венедиктов Г.К., *совр. рос. уч.-филол.* ⇒ 326, 329, 333
- Венелин Ю. И. (Гуца Георгий), *истор., зачинатель рос. болгаристики* ⇒ 306, 308–309, 311, 326–334, 341
- Веркович С.И., *рос., болг. и босн. уч.* ⇒ 51
- Виссарийон Дебарский, *иеромон.* ⇒ 97
- Вит (Витус), *св.* ⇒ 138
- Витте С.Ю., *рос. политик, премьер-мин.* ⇒ 69
- Владимир I Святославич, *св. равноап. кн., креститель Руси* ⇒ 20, 378, 393, 395–396
- Владислав, *серб. кор.* ⇒ 131
- Владиславов Стойко, (еп. Софроний Врачанский) ⇒ 134–155
- Владиславов, *болг. торг., отец Софрония Врачанского* ⇒ 134
- Вовчок М., *укр. писат.* ⇒ 255
- Войников Д., *болг. драм., публ., жур., муз. и театр. крит.* ⇒ 5, 252–254, 332, 337
- Волов П., *болг. револ.* ⇒ 244
- Волович О., *канцлер* ⇒ 196
- Волькер Й., *чеш. поэт* ⇒ 363
- Вольгер, *франц. филол., просвет.* ⇒ 152
- Воробьев Л. В., *рус. уч.* ⇒ 259
- Востоков А.Х., *филол., ак Петербургской АН* ⇒ 127–128, 329
- Врангель, *барон, рус. военач.* ⇒ 112
- Врховац М., *еп. Загреба, один из идеол. хорв. нац. возрождения* ⇒ 346
- Врчевич В. ⇒ 361
- Вук Бранкович, *серб. феодал, деспот* ⇒ 29
- Вукан, *серб. кн.* ⇒ 130–131, 286
- Вукашин Мрнявчевич, *серб. кор.* ⇒ 30–31, 290
- Вукович Б., *серб. издат.* ⇒ 192
- Вулич С., *босн. архитек.* ⇒ 217
- Вылчо Хаджи, *болг. куп. из Банско* ⇒ 150
- Высковский (Висковски) П.Х., *болг. жур.* ⇒ 321

Г

- Гаврюшина Л.К., *совр. рос. уч.* ⇒ 3, 16–42, 412
- Гай Л., *хорв. просвет., лингвист, создатель нац. алфавита, поэт, жур.* ⇒ 5, 344–354, 361
- Ганка В., *чеш. филол., поэт, слав., педагог, деят. нац. возрождения* ⇒ 49, 52, 350, 354
- Гачев ГД., *культуролог, литературовед, писат.* ⇒ 331–334
- Гебгарди Л.А., *библиот. и ганноверский архивариус* ⇒ 340, 342
- Гейне Г., *австр. публ.* ⇒ 221
- Гейне Г., *нем. поэт. публ.* ⇒ 362–363
- Геннадий, *новгор. архиеп.* ⇒ 187
- Генчич Дж., *серб. общ. и полит. деят.* ⇒ 78
- Георгиев Е., *болг. литературовед, слав., ак болг. АН* ⇒ 341–343
- Георгий (Святослав) Всеславич, *витебский кн.* ⇒ 378
- Георгий I Тертер, *болг. правит.* ⇒ 87
- Георгий Балшич, *серб. правит. Зеты* ⇒ 292
- Георгий Бранкович, *серб. писат.* ⇒ 140
- Георгий Васильевич, *брат рус. царя*

- Ивана IV Грозного ⇒ 102
- Георгий Конисский, святитель, писат. ⇒ 405
- Георгий Новейший, болг. св., мч. ⇒ 145
- Георгий Новый Софийский, св. втч. ⇒ 4, 140, 142–143, 146, 149
- Георгий, отец Исайи Серрского, в монашестве Герасим ⇒ 29
- Георгий, св. втч. ⇒ 91, 115
- Гербель Н.В., рус. поэт, пер., литературовед, библиог., издат. ⇒ 322
- Германов Г., болг. филол. ⇒ 343
- Геров Н., болг. писат., рус. вице-консул ⇒ 51, 318
- Гизель И., архиман. Киево-Печерской Лавры, истор. ⇒ 393, 399
- Гильфердинг А.Ф., рос. уч., дипл. ⇒ 4, 31, 200–203, 207–219, 226–227, 229–234, 312, 339–340, 352, 354
- Гоголь Н.В., рус. писат., драм., публ. ⇒ 255–257, 270, 271
- Голицын Д.В., кн., мос. воен. ген.-губернатор ⇒ 351
- Голицын Д.П. (Муравлин), рос. гос. деят., писат. ⇒ 212
- Голицын С.М., кн., владелец и устроитель усадеб ⇒ 330
- Голубинский Е.Е., истор. рус. церкви и церк. архит. ⇒ 381
- Горенкин П.Ф., рус. офицер, корресп. Мос. общества истории и древностей Рос. ⇒ 308
- Горчаков А.М., мин. иностранных дел Рос. импер. ⇒ 215
- Градислава (Евдокия), сестра Евфросинии Полоцкой ⇒ 379
- Греков Б.Д., сов. уч., истор. ⇒ 81
- Григорий, герцегов митроп. ⇒ 232
- Григорий, диакон ⇒ 126, 128
- Григорий, архиман. ⇒ 384, 385
- Григорович В.И., рус. филол.-слав., истор., чл.-корресп. Петербургской АН ⇒ 55, 60, 98, 306, 311
- Гриневич В., кат. теолог ⇒ 170
- Грот К.Я., рос. уч. ⇒ 70
- Груев Й., болг. просвет., педагог ⇒ 336
- Гудович А.И., рус. граф, ген.-майор, тайный советник и обер-егермейстер ⇒ 351
- Гусев Н.С., совр. рос. уч. ⇒ 3, 48–76, 412
- Гуци И., отец Ю. Венелина, сел. свящ. ⇒ 327
- Позелев В., вид. совр. болг. истор.-медиевист, ак. Болг. АН ⇒ 92

Д

- Давыдов И.И., рус. филол. и филос. ⇒ 329
- Далматин Ю., слов. свящ.-протестант, богослов, пер. ⇒ 299
- Даль В.И., рус. писат., этногр. и лексикограф, фольклорист, воен. врач ⇒ 336
- Дамаскин Студит, св., писат. ⇒ 55
- Дамьянов А., балкан. архит. ⇒ 217
- Даниил II, серб. архиеп. ⇒ 2, 32–36, 134
- Даниил, болг. иеромон. ⇒ 389
- Даниил III, серб. патр. ⇒ 134, 139
- Даничич Дж., серб. фил. ⇒ 21
- Данченко С.И., совр. рос. уч.-слав. ⇒ 70
- Даскалова А., болг. филол. ⇒ 92
- Деникин А.И., рус. ген. ⇒ 110
- Денчев К., болг. худ. ⇒ 150
- Державин Н.С., рос. и сов. уч., болгарист ⇒ 3, 241
- Державин К.Н., рус. уч. ⇒ 254
- Державин Г.Р., рус. писат. ⇒ 357–358
- Деспалатович Е.М., ис. жизни и деят. Л. Гая ⇒ 354
- Деспина, дочь серб. кн. Лазаря ⇒ 292
- Диздар С., босн. уч. ⇒ 220, 223–225
- Димитрий Солунский, также Мироточивый, св. втч. ⇒ 23, 310
- Димитрий, митроп. Ростовский, святитель ⇒ 6, 147, 381, 401–403
- Димитрий, отец св. Георгия Нового Софийского ⇒ 145
- Диников П., болг. уч., ак. ⇒ 254
- Дионисий Ареопагит, св., писат. ⇒ 31

Дионисий II, *босн. митроп.* ⇒ 225, 227
 Добровский Й., *чеш. филол., лингвист, литературовед, фольклорист, истор. и просвет.* ⇒ 312
 Добролюбов Н.А., *рос. лит. крит.* ⇒ 50
 Добрынин Н., *суздальский свящ., строобрядец* ⇒ 39
 Добрыня (Никитич), *рус. феодал, герой фольклора* ⇒ 126
 Добычина А.С., *совр. рос. уч.* ⇒ 3, 84–100, 412
 Должиков П.П., *рус. офицер* ⇒ 309, 341
 Долобко М.Г., *рос. и сов. учен.* ⇒ 78
 Доментиан, *серб. агрограф* ⇒ 3, 16–25, 134
 Дорофей, *охридский архиеп.* ⇒ 311
 Досталь М.Ю., *сов. и рос. уч.-слав.* ⇒ 53
 Досифей, *рус. иеромон.* ⇒ 140
 Достоевский Ф.М., *выд. рос. писат.* ⇒ 60, 256, 270
 Драгутин (в монашестве Феокист), *серб. кор.* ⇒ 32–35
 Дреч Й., *герцегов.* ⇒ 211–212
 Дринов М.С., *истор.-слав. и филол., общ. деят.* ⇒ 56, 86, 319, 332
 Друмев В., *еп. Болг. экзархата, полит. деят., писат.* ⇒ 332, 414
 Дубенский Д.Н., *магистр Мос. ун-та, преп.* ⇒ 311
 Дуйчев И., *выд. болг. истор., ак.* ⇒ 92
 Дучич Н., *архиман.* ⇒ 211, 232
 Дылевский Н.М., *рус. и болг. филол., лингвист* ⇒ 103
 Дьяков В.А., *сов. уч.-слав.* ⇒ 59
 Дювернуа А.Л., *рос. уч. лингвист* ⇒ 55, 65

Е

Евгений (Болховитинов), *митроп.* ⇒ 396, 398
 Евгений (Шерешилов), *еп. Минский и Туровский* ⇒ 168–169
 Евгений, *старец Рильского мон-ря* ⇒ 103
 Евпраксия, *сестра Евфросинии Полоцкой* ⇒ 380–381

Евстафий, *архиеп. серб.* ⇒ 32–36
 Евстафий, *св. мч. Виленский* ⇒ 30
 Евфимий, *патр. Тырновский, писат.* ⇒ 85, 87
 Евфимия, *мон.* ⇒ 141
 Евфросиния, *иг. Полоцкая, св.* ⇒ 5, 378–382
 Егоров Е.Е., *рус. куп., строобрядец, коллекц.* ⇒ 148
 Екатерина II, *рос. имп.* ⇒ 164
 Елена (в мон. Евгения), *вдова Иоанна Углеши* ⇒ 139
 Елена Болгарская, *кор. сербов, жена серб. кор. Стефана Душана IV* ⇒ 29, 31
 Елена Глинская, *регент, мать царя Ивана IV Грозного* ⇒ 101
 Елена, *прп., кор. Серб., жена Стефана Уроша I* ⇒ 32–33, 35–36
 Елизавета Петровна, *рос. имп.* ⇒ 405
 Епифаний, *диакон* ⇒ 39–41
 Ерихонов Л.С., *сов. филол.* ⇒ 323
 Ермолов А.П., *рус. ген., военач., гос. деят., дипл.* ⇒ 301
 Ефросин, *рус. книгописец* ⇒ 134

Ж

Желтов М.С., *рос. литургист, истор. богослужения, свящ.* ⇒ 103
 Живойнович Д., *серб. филол.* ⇒ 92
 Жинзиф И. (Дзиндзифи), *отец Р. Жинзифова, учитель* ⇒ 315
 Жинзифов Р. (Ксенофонт Иванович), *поэт, пер., писат., публ.* ⇒ 5, 315–325, 332
 Жуковский В.А., *рус. поэт, один из основ. рус. романтизма* ⇒ 302
 Жупанчич О., *слов. поэт, прозаик, драм.* ⇒ 269–270, 273

З

Забелин И.Е., *рос. археол. и истор., москвовед* ⇒ 313, 339
 Загоскин М.Н., *рус. писат. и драм.* ⇒ 336
 Звенислава (Евпраксия), *сестра Евфросинии Полоцкой* ⇒ 379
 Здобнов Н.В., *сов. библиогр.* ⇒ 304

Зеньковский С., *амер. истор.* ⇒ 41
 Зилждич А., *босниец* ⇒ 221
 Златарский В., *болг. уч., истор.* ⇒ 78
 Зонара Иоанн, *виз. истор., мон.-богослов* ⇒ 340

И

Иаков, *ветхозав. патр.* ⇒ 18
 Ибсен Г.Ю., *норв. драм., поэт и публ.* ⇒ 270
 Иван (Иоанн) Асен I, *прав. Второго Болг. царства* ⇒ 87, 93, 95
 Иван (Иоанн) Александр, *прав. Второго Болг. царства* ⇒ 89, 91–92, 95–99
 Иван (Иоанн) Асен II, *прав. Второго Болг. царства* ⇒ 85, 87, 89, 91, 288
 Иван (Иоанн) Казанский, *св. мч.* ⇒ 134, 146
 Иван (Иоанн) Рильский, *св. отшельник, покровитель Болгарии* ⇒ 92, 103, 140, 142, 147
 Иван IV (Грозный), *вел. кн., перв. рус. царь* ⇒ 3, 100–104, 115, 126, 140, 180–181, 187
 Иван Срацимир, *прав. болг. Видинского царства* ⇒ 89, 91, 93
 Иван Федоров Москвитин, *первопеч.* ⇒ 180–184, 186–188, 191, 387, 390
 Иван Шишман, *болг. царь, прав. Тырновского царства* ⇒ 87, 91, 93
 Иванов Й., *болг. истор., лит., археол., фольклорист* ⇒ 104
 Иванов Ф., *диакон* ⇒ 39–40
 Иванович Р. ⇒ 361, 370
 Игнатий, *иеродиакон болг. Рильского мон-ря* ⇒ 321
 Игнатъев Н.П., *граф, рос. гос. деят., дипл.* ⇒ 223, 227–228
 Изяслав, *киевский вел. кн.* ⇒ 134, 126
 Иларион, *митроп. Киевск. и всея Руси* ⇒ 20
 Иларионов Н.А., *рос. вице-консул в Мостаре* ⇒ 226–227, 232
 Илич Ж., *югослав. уч.* ⇒ 231, 233
 Илия, *еп. Полоцкий* ⇒ 379
 Илларионов Н.А., *рус. ген. консул* ⇒ 107
 Иловайский Д.И., *рус. истор., публ.* ⇒ 339
 Ильинский Г.А., *рус. и сов. филол.-слав. истор. и археогр.* ⇒ 93
 Илья, *новгор. пресвитер* ⇒ 145–146
 Иоаким Осоговский (Сарандопорский), *св., мон.-отшельник* ⇒ 29, 31, 97
 Иоаким, *болг. патр.* ⇒ 288
 Иоаким, *рус. патр.* ⇒ 39
 Иоанн Калека, *виз. иерарх* ⇒ 156
 Иоанн Евангелист ⇒ 128
 Иоанн Златоуст, *виз. проп., писат.* ⇒ 156
 Иоанн Креститель, *прор.* ⇒ 18, 44
 Иоанн Милютин, *рус. свящ.* ⇒ 147
 Иоанн Неронов, *рус. свящ.* ⇒ 38
 Иоанн Новый Белгородский (Аккерманский), *молд. св.* ⇒ 146
 Иоанн Углеша, *серб. деспот* ⇒ 30
 Иоанн Урош, *двоюродный брат Стефана Уроша II* ⇒ 290
 Иоанн, *св. мч. Виленский* ⇒ 30
 Иоанникий I, *архиеп. серб.* ⇒ 32, 34
 Ионин А.С., *рос. дипл.* ⇒ 121, 207–208, 210, 212
 Иосиф (Остромир), *новгор. посадник* ⇒ 126
 Иосиф (Прекрасный), *св., сын ветхозав. патр. Иакова* ⇒ 18, 44
 Иосиф Брадатый, *болг. книжник* ⇒ 156
 Иосиф, *герцегов. митроп.* ⇒ 231
 Иосиф, *свящ. Рильского мон-ря* ⇒ 103
 Ипсиланти К., *госп. Молдовы*, ⇒ 153
 Ирби А.П., *англ. благотворительница* ⇒ 205–206
 Иречек К., *чеш. истор.* ⇒ 340
 Исаак, *ветхозав. патр.* ⇒ 18
 Исаак-паша, *герцегов. губернатор* ⇒ 214
 Исаяя Серррский, *серб. пер., писат.* ⇒ 3
 Исаяя, *афон. старец* ⇒ 28–31, 134, 293
 Исаяя, *прор.* ⇒ 18
 Искендеров П.А., *рос. уч.* ⇒ 3, 106, 108, 110–112, 106–120, 412
 Исмаил-паша, *герцегов. губернатор* ⇒ 214
 Ихчиев Д., *болг. истор.-османист, пер.* ⇒ 104

К

- Кадри-эфенди Цариградлия,
тур. наборщик ⇒ 221
- Каймакамова М., *болг. истор.* ⇒ 99
- Калайдович К.Ф., *рос. археол. и филол.* ⇒ 308
- Калиганов И.И., *совр. сов. и рос. уч.* ⇒ 2–4, 8–10, 123–160, 164, 412–413
- Калина, *мать Исайи Серрского, в монашестве Феодосия* ⇒ 29
- Каравелов Л., *перв. болг. профессиональный писат., деят. Болгар. нац. возрождения* ⇒ 5, 237, 240, 243–244, 255–259, 319, 332
- Карагеоргий ⇒ 358
- Караджа Ст., *болг. рев.* ⇒ 237, 244
- Караджич В., *серб. уч.* ⇒ 45–46, 52, 65, 68, 221, 229–231, 312, 346, 350, 353, 361
- Карамзин А.Н., *сын историографа Н.М. Карамзина* ⇒ 318
- Карамзин Н.М., *истор., крупнейший рус. сентименталист* ⇒ 306–308, 312, 330, 339–340, 342–343
- Катков М.Н., *рос. общ. деят., публ.* ⇒ 66
- Катранов Н.Д., *болг. студент Мос. ун-та, литератор* ⇒ 311, 329
- Каченовский М.Т., *рус. истор., лит. крит.* ⇒ 329–330
- Качич-Миошич А., *хорв. поэт и филос., деят. нац. возрождения* ⇒ 345
- Каштанов С.М., *сов. и рос. истор.* ⇒ 104
- Кедрин Георгий, *виз. мон., истор.* ⇒ 340
- Кентерион, *архиман. Печский* ⇒ 35
- Кеппен П.И., *рус. уч.* ⇒ 299–300
- Керенский А.М., *рус. полит.* ⇒ 111
- Кетге Д., *слов. поэт, представ. слов. модерна* ⇒ 269, 273
- Киприан, *митроп. Киевск.* ⇒ 30
- Киприан, *мон. мон-ря Рача* ⇒ 139
- Кирилл VII, *константиноп. патр.* ⇒ 232
- Кирилл и Мефодий, *св., слав. первоучители* ⇒ 56, 58, 84, 86–87, 98, 237, 308, 310, 389, 403
- Кирилл Скифопольский, *мон. и истор. церкви* ⇒ 23
- Кирилл Туровский, *св., еп., писат.* ⇒ 4, 166–170, 182, 378, 382, 389
- Кирилл, *диакон Рильского мон-ря* ⇒ 103
- Кистерев С.Н., *сов. и рос. истор.* ⇒ 104
- Клеопатра, *царица Египта* ⇒ 97
- Климент Охридский, *св., еп., писат.* ⇒ 56, 310
- Клопчич М., *слов. режиссер* ⇒ 278
- Клыков В.М., *совр. рос. скульптор* ⇒ 41
- Ковалинский М.И., *ряз. губ.* ⇒ 406–409
- Ковачевич В., *серб. уч.* ⇒ 230, 233
- Кодов Х., *болг. слав., истор., палеограф* ⇒ 88
- Кожурин К.Я., *рус. писат.* ⇒ 41
- Козачинский Э., *укр. писат., драм.* ⇒ 161
- Коллар Я., *словац. пастор и проп. культурного сближения славян (славянской взаимности)* ⇒ 344, 346, 353
- Кольцов А.В., *рус. поэт* ⇒ 250
- Комнин Алексей, *виз. имп.* ⇒ 87
- Комнина Анна, *виз. принцесса, истор.* ⇒ 87
- Конев И., *болг. уч.* ⇒ 320, 323
- Конеский Блаже, *мак. поэт, уч.* ⇒ 362–365
- Константин I Асен Тих, *прав. Второго Болг. царства* ⇒ 89, 91
- Константин Великий, *рим. имп.* ⇒ 97
- Константин Манассия, *виз. поэт и романист* ⇒ 94, 96–97, 99, 309, 339
- Константин Преславский, *еп., болг. писат.* ⇒ 94–95, 388
- Константинов Г., *болг. уч.* ⇒ 247
- Корнилов В. Н., *совет. писат.* ⇒ 376
- Корф М.А., *барон, директор Импер. публичной библиотеки* ⇒ 298, 302
- Кос Я., *слов. литературовед* ⇒ 272, 274
- Косанович С., *сараевский архиман.* ⇒ 227
- Косик В.И., *совр. сов. и рос. уч.* ⇒ 233
- Котов А.Э., *рос. уч.* ⇒ 70
- Коцбек Э., *слов. поэт, прозаик, драм.* ⇒ 5, 275–280
- Кочнев И., *рус. книжник* ⇒ 26
- Крашиньский З. ⇒ 363

Крклец Г., *серб. поэт* ⇨ 373
Кршич Й., *серб. ис.* ⇨ 203, 206
Крылов И.А., *рус. баснописец* ⇨ 249
Кудрявцев А.Н., *рос. консул в Сараево* ⇨ 216–218, 226
Кувев К., *болг. лит. истор.* ⇨ 403
Кузьмич Н.П., *худ.-ювелир* ⇨ 381
Кукулевич-Сакцинский И., *хорв. уч.* ⇨ 211
Кулагина А.А., *рос. уч.* ⇨ 75
Кулаковский П.А., *рус. уч.-слав., писат.* ⇨ 3, 55, 353–354
Купреянов П.Я., *рус. ген.-майор* ⇨ 338
Куртчехаич М.Ш., *босн. жур.* ⇨ 219–220, 223–224, 228
Кьеркегор С. О., *дат. религ. филос., писат., психолог* ⇨ 280

Л

Лабынцев Ю. А., *совр. сов. и рос. уч.* ⇨ 4, 10, 165–198, 413–414
Лаврентий, *брат Паисия Хилендарского* ⇨ 150
Лаврин Я., *слов., рос., британский литературовед, пер.* ⇨ 274
Лавров П.А., *рос. и сов. уч.-слав.* ⇨ 78–79, 310, 329, 361
Лавровский П.А., *рос. уч.-слав.* ⇨ 50
Лазаревичи, *серб. династия* ⇨ 133
Лазарь Хребелянович, *св., серб. кн.* ⇨ 4–5, 30–31, 136, 141, 289–294
Лазарь, *свящ.* ⇨ 39, 41
Лайинович Й., *торг.* ⇨ 231
Ламанский В.И., *рос. уч.-слав.* ⇨ 53, 56, 67, 80, 256
Ламбины (П.П. и Б.П.), *братья, рос. библиог.* ⇨ 300
Лаптева Л.П., *сов. и рос. уч.-слав.* ⇨ 53, 59, 64, 70, 326, 333–334
Ласкарис М., *греч. уч.* ⇨ 93
Лафотен Ж. де, *франц. басн.* ⇨ 249
Лебо Ш., *франц. истор., писат., поэт* ⇨ 340, 342

Лев Диакон, *виз. писат., придворный истор.* ⇨ 340, 342
Левец Ф., *слов. литературовед, эссеист* ⇨ 269
Левский В., *болг. рев.* ⇨ 237–239, 243–244, 262
Леков Д., *болг. литературовед* ⇨ 259, 320, 323, 337, 343
Лелевель И., *польск. истор., общ. и полит. деят.* ⇨ 312
Лермонтов М.Ю., *выд. рус. поэт, прозаик, драм., худ.* ⇨ 250, 302, 322
Лесков Н.С., *рус. писат.* ⇨ 168
Лещиловская И.И., *совр. сов. и рос. истор.* ⇨ 352–354
Липранди И.П., *рус. ген., воен. и гос. деят., воен. истор.* ⇨ 302
Литхен И.Ф., *автор рус.-франц. словаря* ⇨ 297
Лихачев Д.С., *выд. сов. и рос. филол., истор. культуры* ⇨ 402
Лобанов-Ростовский А.Б., *рус. мин.* ⇨ 109
Логинов А.В., *рос. уч.* ⇨ 151
Ломоносов М.В., *выд. рус. уч.* ⇨ 357–358
Лука Евангелист ⇨ 125, 128
Люстров М.Ю., *совр. рос. уч.* ⇨ 2

М

Магомет, *прор.* ⇨ 143
Мазепа И. С., *укр. гетман* ⇨ 385
Макарий, *новгор. архиеп., митроп. Моск., св.* ⇨ 126, 180, 381, 401
Макарий, *старец, духовник Саввы Сербского* ⇨ 20, 145, 284
Макаров М.Н., *истор. и этногр.* ⇨ 330, 334
Максим Грек, *религиозный публ., писат. и пер.* ⇨ 193
Максим Исповедник, *мон., богослов, филос.* ⇨ 30
Максимович Д., *серб. поэт.* ⇨ 5, 372–376
Макушев В.В., *рос. уч.-слав.* ⇨ 50
Малиновский А.Ф., *рус. археогр.* ⇨ 307–308
Мамонич Кузьма, *куп., книгоиздат.* ⇨ 191

- Мамонич Леон, *куп., книгоиздат.* ⇨ 191, 192, 194
- Мамонич Лука, *куп., книгоиздат.* ⇨ 191, 192
- Мамоничи, *куп.* ⇨ 4, 190–194, 196, 389–390
- Мамонтов Н.П., *рос. воен. жур., пер.* ⇨ 63
- Мандич М., *босн. пер.* ⇨ 221, 223
- Мара, *дочь серб. кн. Лазаря* ⇨ 292
- Мария Александровна, *рос. имп.* ⇨ 203, 205, 216
- Мария Терезия, *австр. имп.* ⇨ 164
- Марк Евангелист ⇨ 128
- Маркина Е.Д., *рос. истор.* ⇨ 302
- Марко королевич (Крали Марко), *наследник Вукашина* ⇨ 291–292
- Маркович С. Ж., *серб. уч.* ⇨ 376
- Марлиан А., *писат.* ⇨ 156, 158
- Марр Н.Я., *сов. уч.* ⇨ 79, 81
- Мартынов Л.Н. ⇨ 376
- Марфа Ивановна, *рус. вел. кн.* ⇨ 148
- Матфей Евангелист ⇨ 386
- Маха Карел Гинек, *чеш. поэт* ⇨ 363
- Махмуд II, *тур. султан* ⇨ 214
- Машков В.Ф., *рус. конс.* ⇨ 106
- Маяковский В.В., *сов. поэт* ⇨ 363
- Медакович М., *серб. писат. и истор. Черногории, издат.* ⇨ 312
- Межов В.И., *рус. библиогр.* ⇨ 300
- Мекензи Г.М., *англ. благотворительница* ⇨ 205–206
- Мельчакова К. В., *совр. рос. уч.* ⇨ 2, 9–10, 199, 220, 227, 414
- Мериме П., *франц. писат. и пер.* ⇨ 278
- Метерлинк М. П., *бельг. писат., драм., филос.* ⇨ 270
- Меттерних К. фон, *кн., австр. дипл., мин. ин. дел Австрии, канцлер* ⇨ 347
- Миладинов Д., *деят. Болг. нац. возрождения, фольклорист и просвет.* ⇨ 315, 316, 318
- Миладинов К., *младший брат Д. Миладинова, чл. «Болгарской дружины», собир. фольклора* ⇨ 262, 317–319
- Милица, *серб. кн.* ⇨ 291
- Милтенова А. Л., *совр. болг. уч.* ⇨ 9
- Милорадович С., *рус. худ.* ⇨ 39, 41
- Милутин, *кор. Сербии* ⇨ 22, 29, 32–36
- Милутинович-Сарайлия Сима, *серб. поэт* ⇨ 357
- Мильтон Дж., *англ. писат.* ⇨ 358
- Милютин Иоанн, *рус. свящ., книжник* ⇨ 147
- Минкова Л., *болг. филол., пер., крит.* ⇨ 338, 343
- Мирчева Е., *болг. филол.* ⇨ 88
- Митрофан, *афон. иг.* ⇨ 286
- Михаил (Йованович), *митроп. серб.* ⇨ 35
- Михаил I Федорович, *перв. царь из династии Романовых* ⇨ 35, 103, 148
- Михайлов К., *болг. уч.* ⇨ 251
- Мицкевич Адам, *польск. поэт* ⇨ 362–363
- Мичич А., *серб. уч.* ⇨ 59
- Мои́ла Петр, *митроп. Киевск., писат., св.* ⇨ 161
- Моисей (Путник), *серб. еп. Бачки* ⇨ 161
- Молнар И.И., *врач, кузен Ю.И. Венелина* ⇨ 311, 326–327, 330
- Моисей, *библ. прор.* ⇨ 18
- Мологов В.М., *сов. полит. деят.* ⇨ 80
- Мопассан Г. де, *франц. писат.* ⇨ 278
- Мордарий, *черногор. иеромон.* ⇨ 64
- Морозова Ф.П., *боярыня, старообрядка* ⇨ 41
- Москов М., *болг. уч., пер., просвет.* ⇨ 151
- Мошин В.А., *рус. истор. и филол.* ⇨ 31
- Мрджа А., *серб. уч.* ⇨ 59
- Мстиславец Петр (см. Петр Тимофеев Мстиславец), *первопеч.* ⇨ 6, 180–182, 190–192, 387, 390
- Мунье Э., *франц. филос.-персоналист* ⇨ 276, 280
- Муравьев А.Н., *церк. публ., писат.-паломник* ⇨ 104
- Муравьев М.Н., *рус. мин.* ⇨ 109
- Мурад, *тур. султан* ⇨ 138, 141, 294
- Мурзакевич Н.Н., *истор. и археол., дир. Ришельевского лицея* ⇨ 299, 302, 319, 341

Мурн Й., *слов. поэт, представ. модернизма* ⇨ 269, 273

Мусин-Пушкин А.В., *рус. граф, адмирал* ⇨ 302

Мусин-Пушкин А.И., *рус. граф, гос. деят., археогр., истор., собир. рук. и рус. древностей* ⇨ 307

Мустаков Х., *болг. одесский куп., один из основ. Одесского болг. настоятельства* ⇨ 332

Мустафа Рефет-Имамович Сарайлия, *босн. ред.* ⇨ 223

Мутафчиев П., *выд. болг. истор.* ⇨ 93, 340

Мутева Е., *болг. поэт., пер.* ⇨ 336

Муханов П.А., *археогр. и истор.* ⇨ 309, 328

Мушицкий Л., *серб. писат.* ⇨ 358

Мюллер К., *нем. ис. древностей* ⇨ 299

Н

Надеждин Н.И., *рус. уч., крит., филос. и жур., этногр.* ⇨ 349

Наневски Д. ⇨ 370

Наполеон I Бонапарт, *франц. полков., имп.* ⇨ 298, 301, 345, 347

Наум, *ученик свв. Кирилла и Мефодия, св., еп.* ⇨ 56

Начев В., *болг. истор.* ⇨ 93

Негош Данило Петрович ⇨ 358

Негош Петр I, *черногор. прав.* ⇨ 55, 357

Негош Петр II Петрович, *черногор. прав., поэт* ⇨ 55, 356–361, 363

Негош-Петрович Никола, *черногор. прав.* ⇨ 62

Незвал В., *чеш. поэт* ⇨ 363

Неклюдов А.В., *рус. послан.* ⇨ 110

Нелидов А.И., *рус. полит.* ⇨ 109

Неманичи, *серб. династия* ⇨ 290, 292, 294

Немирович-Данченко Вас. И., *рус. писат., патр. воен. журналистики* ⇨ 3, 74

Неруда Я., *чеш. поэт* ⇨ 363

Нечаев С.Г., *рус. рев.* ⇨ 237

Никитин И.С., *рус. поэт* ⇨ 250

Никитин С.А., *сов. слав., основ. научной школы* ⇨ 211–212, 324

Никитин С.И., *рос. уч.* ⇨ 88

Никифор II Фока, *виз. имп.* ⇨ 96, 337, 341–342

Никифор, *константиноп. патр.* ⇨ 98

Никифор, *свящ.* ⇨ 39

Никодим (Кононов), *иеромон.* ⇨ 381

Никодим, *серб. архиеп.* ⇨ 33

Никола Алтоманович, *прав. Зап. Сербии* ⇨ 293

Николай I, *рос. имп.* ⇨ 215, 308–309, 312, 350

Николай Горянский, *венг. палатин* ⇨ 292

Николай, *еп. Мирликийский, св.* ⇨ 35–36

Никон (Добрянский), *иг.* ⇨ 385

Никон Черногорец, *писат., мон.* ⇨ 193

Никон, *рус. патр.* ⇨ 37–38, 40–41

Никулина М.В., *сов. уч.* ⇨ 333

Ницше Ф. В., *нем. мыслитель, филол., композитор, поэт* ⇨ 270

Новиков Н.И., *рус. просвет., издат.* ⇨ 349

О

Обилич Милош, *серб. вitezь* ⇨ 138, 294, 359

Оболенский М.А., *рус. истор.-архивист* ⇨ 310

Обретенев Н., *болг. рев.* ⇨ 244

Огнев В., *сов. и рос. крит.* ⇨ 376

Одоевский В.Ф., *кн., рус. писат. и мыслитель эпохи романтизма, один из основ. рус. музыкознания* ⇨ 302

Оленин А.Н., *рос. гос. деят., истор., археол., худ.* ⇨ 298

Оливера, *дочь серб. кн. Лазаря* ⇨ 292

Ольга, *рус. кн., св. равноап.* ⇨ 337

Орбини Мавро, *далмат. историогр.* ⇨ 151–152, 340, 342, 348

Осман Пазвантоглу, *тур. паша* ⇨ 155

Осман-паша, *Топал Шериф, босн. вали* ⇨ 204–205, 220, 227–228

Островский А.Н., *рус. драм.* ⇨ 336

Острожский К., *кн.* ⇨ 182, 185–188

Остромир (Иосиф), *новгор. посадник* ⇨ 124

П

- Павел, ап. ⇒ 18, 126
- Павел, митроп. Крутицкий ⇒ 39
- Павлович Н., болг. худ. ⇒ 337
- Павлович Х., болг. просвет. ⇒ 151
- Паисий Хилендарский, иг., основ. Болг. нац. возрождения, св. ⇒ 4, 134, 140, 149–150, 153, 156, 245, 262, 319, 322, 341
- Паисий, афон. стар. ⇒ 101
- Палаузов Н.С., болг. одесский торг, меценат ⇒ 332
- Палаузов Н.Х., рос. и болг. общ. деят. ⇒ 85
- Палаузов С.Н., истор., публ., общ. деят. ⇒ 51, 85, 88, 306, 311, 332
- Палацкий Ф., чеш. уч. ⇒ 49
- Памучина И., мостарский архиман. ⇒ 4, 211, 229–234
- Пантелеймон, св. вмч. ⇒ 29
- Параскева Полоцкая, кн., св. ⇒ 380
- Пахомова Л.Ю., рос. уч.-слав. ⇒ 64
- Пахор Б., слов. писат. ⇒ 280
- Пашаева Н.М., сов. и рос. истор.-слав., библиог., краевед и поэт ⇒ 303–304
- Пашков А.Ф., рус. воевода ⇒ 38
- Пеянович Д., югослав. уч. ⇒ 220, 223, 227
- Пеги Ш., франц. поэт, драм., публ. ⇒ 280
- Пейо, болг. пресвитер ⇒ 143–144
- Пенев Б., выд. болг. литературовед ⇒ 319, 323
- Петр I, рус. царь, имп. ⇒ 122, 135, 151, 398, 402
- Петр I, св., прав. Первого Болг. царства ⇒ 87, 91, 337
- Петр III Романов, рус. имп. ⇒ 360
- Петр IV-Феодор, один из основ. Второго Болг. царства ⇒ 90
- Петр Коришский, прп., отшельник ⇒ 26
- Петр Тимофеев Мстиславец, первопеч. ⇒ 6, 180–182, 190–192, 387, 390
- Петр, ап. ⇒ 18
- Петранович Б., босн. писат. ⇒ 221–222
- Петров П., болг. истор. ⇒ 88
- Петрова Д., болг. филол. ⇒ 99
- Петрович Д., югосл. уч. ⇒ 36
- Петрович Й., босниец ⇒ 202
- Петряев А.М., рус. дилл. ⇒ 109–112
- Пешаков Г., болг. поэт ⇒ 332
- Пий VI, рим. папа ⇒ 96
- Писарев Ю.А., рос. уч. ⇒ 112
- Пичета В.И., сов. уч. ⇒ 215, 218
- Пичета Й., протоиерей ⇒ 215, 217
- Платон митроп. (Левшин) ⇒ 161
- Платонов С.Ф., рос. и сов. уч., истор. ⇒ 56, 58
- Плетнёв П.А., крит., поэт ⇒ 300
- Плетнёва А.В., супруга поэта П.А. Плетнёва ⇒ 208
- Плещеев А.Н., рус. поэт ⇒ 250
- Погодин М.П., рус. истор., общ. деят., преп. Мос. ун-та ⇒ 176, 179, 215, 218, 256, 296, 299, 302, 305, 309, 314, 326, 328, 331–334, 336, 339–440, 350–352, 354
- Подскальский Г., кат. теолог ⇒ 170
- Полевой Н.А., рус. писат., драм., лит. и театр. крит., жур., истор. и пер. ⇒ 339, 342
- Польвянный Д.И., совр. рос. истор. ⇒ 88
- Попов Н.А., рус. истор.-слав., архивист, чл.-корресп. Петербургской АН ⇒ 65, 321
- Попович А., серб. ис. ⇒ 203, 205–206
- Попович Б. ⇒ 372
- Попович В., чл. «Болгарской дружины» ⇒ 319
- Попруженко М.Г., рус. уч.-филол. ⇒ 86, 88
- Поцей И., гос. и церк. деят. ⇒ 193
- Прейс П.И., рос. уч.-слав. ⇒ 50
- Пресняков А.Е., рос. и сов. истор., чл.-корресп. РАН ⇒ 339
- Прешерн Ф., слов. поэт, представ. романтизма ⇒ 271, 278
- Прибец, серб. логофет, отец кн. Лазаря ⇒ 291
- Проданов Н., болг. истор. ⇒ 99
- Прокопович Феофан, церк. писат. ⇒ 181
- Проخور, афон. мон. ⇒ 145
- Псевдо-Дионисий Ареопагит, виз. писат., богослов ⇒ 27–28, 30

- Путник Моисей, *серб. еп. Бачки* ⇒ 161
 Пушкин А.С., *выд. рус. писат.* ⇒ 152, 250, 357, 403
 Пыпин А.Н., *рос. уч.-слав.* ⇒ 50, 60, 64
 Пятницкий П.П., *рус. фотограф* ⇒ 233–234

Р

- Радойчич Н., *югосл. уч.* ⇒ 36
 Раевский М.Ф., *протоирей рус. посольской церкви в Вене* ⇒ 216–218, 232–234
 Разманова Н.А., *совр. рос. музыковед* ⇒ 304
 Райков Б., *болг. уч.* ⇒ 299
 Раич И., *архиман. Иоанн (в миру Йован Раич), серб. писат. и истор.* ⇒ 2, 150, 160, 162, 169, 340, 342, 348
 Раковский Г.С., *болг. рев., писат., публ.* ⇒ 262, 316, 332
 Растко (Растимир) Неманич (см. св. Савва Сербский) ⇒ 4–5, 101, 129–130, 132, 134–135, 140–142, 147, 161, 170, 282–284, 287
 Рацин Кочо, *мак. поэт* ⇒ 5, 363, 366–370
 Рачинский А.В., *общ. деят., рус. консул* ⇒ 316
 Ребула Алойз, *слов. писат.* ⇒ 280
 Реджепашич Баш-ага, *герцеговинец* ⇒ 214
 Ресулбегович Гассан-бег, *герцеговинец* ⇒ 214
 Ризванбегович Али-паша, *герцегов. визирь* ⇒ 214, 230–231, 233–234
 Риста, *герцеговинка* ⇒ 231
 Ристовски Б., *мак. уч., поэт* ⇒ 370
 Риттих П.А., *воен. корресп.* ⇒ 107, 112–113
 Робинсон А.Н., *рус. уч. слав.* ⇒ 41
 Робинсон М.А., *совр. рос. уч.-слав.* ⇒ 59, 70, 82
 Романенко Е.В., *рос. истор.* ⇒ 103
 Ростоковский А.А., *рус. консул* ⇒ 107, 112
 Руссо Анри, *франц. просвет.* ⇒ 152
 Рыжова М.И., *рос. уч., слав., пер.* ⇒ 274
 Рымша А., *укр. поэт* ⇒ 182

С

- Савва Освященный, *св., создатель Иерусалимского устава* ⇒ 130, 283
 Савва Сербский (см. Растко), *религ., культур. и полит. деят., основ. автокефальной Сербской Православной Церкви и ее перв. архиеп.* ⇒ 4–5, 16–27, 33, 101, 129–130, 132, 134–135, 140–142, 147, 161, 170, 282–284, 287
 Савинков И.К., *рус. куп.* ⇒ 127
 Самарины, Ю.Ф. и Н.Ф., *братья, рос. общ. деят.* ⇒ 66
 Самойлов Д., *рос. поэт* ⇒ 376
 Самуил, *царь, прав. Первого Болг. царства* ⇒ 96, 99
 Сапега Л., *подканцлер, гос. и воен. деят. Великого княжества Литовского* ⇒ 196
 Сарра, *мать св. Георгия Нового Софийского* ⇒ 145
 Сафвет-паша, *босн. вали* ⇒ 227
 Сахаров В., *сов., рос. уч.* ⇒ 46
 Сахаров И.П., *рус. этногр.-фольклорист, археол. и палеограф* ⇒ 299
 Святослав I Игоревич, *кн. новгор., кн. киевск.* ⇒ 95, 303, 309, 337, 339–342
 Святополк, *вел. кн. киевск.* ⇒ 43
 Святослав Ярославич, *кн. Черниговский, вел. кн. киевск., местночтимый св.* ⇒ 95
 Селим I, *тур. султан* ⇒ 46, 148
 Селим III, *тур. султан* ⇒ 101
 Селимински И., *болг. уч.* ⇒ 120
 Сент-Экзюпери А. де, *франц. писат., поэт, эссеист* ⇒ 278
 Сечени Ф., *граф, полит. и основ. Венг. нац. библиотеки и Венг. нац. музея* ⇒ 346
 Сибинович М. ⇒ 376
 Сигизмунд II Август, *кор. Речи Посполитой* ⇒ 191
 Симеон (Косовский), *иг.* ⇒ 385
 Симеон I Великий, *болг. кн., перв. царь* ⇒ 87, 90–91, 94–95, 98, 127, 149
 Симеон Столпник, *сирийский подвижник IV–V вв.* ⇒ 133
 Синан, *тур. паша* ⇒ 134

- Синтипа Философ ⇒ 140
- Скарга П., *кат. теолог, писат., основ. польск. ораторской прозы* ⇒ 193
- Скенедерова С., *босн. просвет.* ⇒ 4, 200–206, 233–234
- Скилица Иоанн, *виз. чиновник, хронист* ⇒ 340
- Скобелев М.Д., *рус. ген., военач.* ⇒ 75
- Сковорода Г., *рус. и укр. странствовавший филос.* ⇒ 6, 405–409
- Скорина Франциск, *первопеч.* ⇒ 4, 172–178, 191, 197, 384
- Славейков Петко., *болг. поэт, publ., просвет., общ. деят. и фольклорист* ⇒ 5, 239, 248–251, 332
- Смодек М., *хорв. уч.* ⇒ 348
- Смольянинова М.Г., *совр. рос. филол.* ⇒ 5, 323–334, 414
- Смотрицкий Г., *писат., педаг.* ⇒ 188
- Снегаров И., *болг. церк. истор., архивист, археогр.* ⇒ 104
- Сной Й., *слов. поэт и прозаик* ⇒ 280
- Соболевский А.И., *рос. и сов. лингвист* ⇒ 381
- Соболевский С.А., *рус. библиофил и библиогр., эпиграммист* ⇒ 299
- Созина Ю.А., *совр. рос. уч., пер.* ⇒ 5, 267, 414–415
- Соколова Б., *болг. уч.* ⇒ 122
- Соловьев С.М., *рус. истор.* ⇒ 256, 339–340
- Сопрон И., *книгопеч.* ⇒ 219–222, 227
- Софроний Врачанский, *болг. просвет., св.* ⇒ 4, 153–154, 156
- Спиридон Рильский, *мон., книжник* ⇒ 31
- Сречкович П., *югослав. уч.* ⇒ 21
- Сталин (Джугашвили) И.В., *сов. полит. деят.* ⇒ 80–81
- Стамболийский А., *болг. полит. премьер* ⇒ 112
- Стамболов Ст., *болг. поэт и полит. деят.* ⇒ 236, 239, 243, 245
- Станиславов Ф., *Никопольский еп., издат.* ⇒ 299
- Станоевич С., *югослав. уч.* ⇒ 21
- Старделов Г., *мак. уч.* ⇒ 361
- Стефан Баторий, *кор. Речи Посполитой* ⇒ 191–192
- Стефан Вонифатьев, *свящ., духовник царя Алексея Михайловича* ⇒ 37
- Стефан Дечанский, *серб. кор.* ⇒ 33–34
- Стефан Душан, *серб. кор. из рода Неманичей, перв. серб. царь* ⇒ 29–31, 101, 290–291, 293
- Стефан Лазаревич, *серб. деспот, сын кн. Лазаря* ⇒ 139, 292
- Стефан Неманя, *серб. вел. жупан Рашки, основ.* ⇒ 16–21, 26–27, 130, 282–286
- Стефан Первовенчаный, *серб. прав.* ⇒ 16, 18, 20, 25, 287
- Стефан Урош I, *серб. кор.* ⇒ 17, 32, 34, 36
- Стефан Урош II, *серб. царь* ⇒ 33, 36, 290–291
- Стефан Урош V, *серб. царь* ⇒ 161
- Стефан, *воевода Молдовлахийский (Стефан III Великий), господарь* ⇒ 311
- Стефан, *перв. христ. вмч.* ⇒ 101, 137
- Стефанович Д., ⇒ 375
- Стоянович Л., *серб. уч.* ⇒ 31
- Стоянов В., *болг. истор. права* ⇒ 93
- Стоянов З., *болг. писат.* ⇒ 5
- Стоянович С., *босн. уч.* ⇒ 221
- Стоянович С., *босниец* ⇒ 221
- Стрез, *болг. феодал* ⇒ 87
- Стриттер (Шриттер) И.М., *истор., ак. Петербургской АН* ⇒ 340, 342
- Строганов Никита, *рус. промышленник* ⇒ 140
- Строганов С.Г., *рус. граф, гос. деят., археол., меценат, коллекц.* ⇒ 309, 312
- Сулейман I, *тур. султан* ⇒ 100
- Суханов А.П., *рус. церк. и гос. деят., дипл., писат., книжник* ⇒ 96

Т

- Ташев И.Д., *стипендиат мин. народного просвещения* ⇒ 321
- Твртко, *босн. бан* ⇒ 293
- Тевяшovy, *полковники, дед и прадеды по материнской линии А.Д. Черткова* ⇒ 297

Тейяр де Шарден Мари Жозеф Пьер ⇒ 280
 Теохаров Г., *чл. «Болгарской дружины», юрист, мин. Народного просвещения в Болгарии* ⇒ 319
 Тепич И., *босн. уч.* ⇒ 210, 212
 Терзич С., *совр. серб. уч.* ⇒ 118
 Тихомиров М.Н., *сов. уч., истор.* ⇒ 81, 104
 Толстой Л.Н., *рус. писат., классик* ⇒ 302, 403
 Томашевич Д., *серб. уч.* ⇒ 205–206
 Томич И., *босн. наборщик* ⇒ 221
 Тотоманова А.-М., *совр. болг. филол.* ⇒ 87
 Трифунович Д., *югосл. уч.* ⇒ 36
 Тромонин К.Я., *рус. худ., писат., литограф и издат.* ⇒ 303
 Трубецкой Г.Н., *рус. послан.* ⇒ 108, 111, 113
 Тубер Е. ⇒ 373
 Тунманн Й., *швед. истор.* ⇒ 330
 Туптало С.Г., *макарьевский и киевск. сотник* ⇒ 401
 Турилов А.А., *совр. сов. и рос. уч.* ⇒ 5, 88, 103, 282–290, 415

У

Уайльд О., *англ. писат., поэт* ⇒ 270
 Уваров А.С., *рус. граф, археол., один из основат. Мос. археолог. общ-ва и москов. Историч. музея* ⇒ 302
 Уваров С.С., *граф, рус. антиковед и гос. деят., мин. Народного просвещения* ⇒ 308, 350
 Унджиев И., *совр. болг. уч.* ⇒ 241
 Унджиева Ц., *совр. болг. уч.* ⇒ 241
 Ундольский В.М., *библиогр., археогр.* ⇒ 306, 310
 Урусова Е.П., *кн., старообрядка* ⇒ 41
 Успенский Г.П., *рус. истор.* ⇒ 297

Ф

Фазли-паша, *босн. чиновник* ⇒ 202
 Федор Алексеевич, *рус. царь* ⇒ 41
 Федоров Иван (Москвитин), *первопеч.* ⇒ 4, 6, 180–184, 186–188, 191, 387, 390
 Федотов Г.П., *рус. истор., филос., религ. мыслитель* ⇒ 43, 46

Феодосий, *митроп. Серрский* ⇒ 30
 Феодосий, *серб. агиограф* ⇒ 3, 22–27, 134
 Феоктист, *иг., старообрядец* ⇒ 41
 Феотокис Никифор, *греч. проп.* ⇒ 156
 Феофана, *супруга Остромира* ⇒ 126
 Фердинанд I, *имп. Австр. импер.* ⇒ 349, 352
 Филарет (В.М. Дроздов), *митроп. Москов.* ⇒ 215
 Филарет (Д.Г. Гумилевский), *митроп. Москов., истор. церкви* ⇒ 310, 381
 Филаретов Савва, *чл. «Болгарской дружины», секретарь рус. миссии в Константиноп.* ⇒ 317, 318, 319
 Франко И., *писат., поэт, уч., публ.* ⇒ 189
 Франц II, *имп. Австр. импер.* ⇒ 347
 Фридрих II Великий, *кор. Пруссии* ⇒ 298
 Фриш М., *швейц. писат. и драм.* ⇒ 278
 Фролова М. М., *совр. сов. и рос. уч.* ⇒ 2, 5, 10, 294–354, 415–416

Х

Хаджи Димитр (Димитр Николов Асенов), *болг. рев.* ⇒ 237, 239–240, 244
 Хаджихусеинович, Салих Сидки-эфенди, *босн. уч.* ⇒ 222
 Харалампий, *иеродиакон болг. Рильского мон-ря* ⇒ 321
 Херкалович С., *поверенный Л. Гая* ⇒ 350
 Хинг А., *слов. прозаик, драм., сценарист* ⇒ 278
 Хитрово М.А., *рос. дипл., поэт и пер.* ⇒ 320
 Хлебникова В.Б., *рос. уч.-слав.* ⇒ 64
 Хмара В., *сов. и рос. жур.* ⇒ 75
 Ходкевич Г.А., *магнат* ⇒ 181, 388, 390
 Хомяков А.С., *рус. общ. деят., филос., поэт, славянофил* ⇒ 210, 212, 309, 328, 351
 Хорошкевич А.Л., *совр. сов. и рос. истор.* ⇒ 104

Ц

Цимбаев Н.К., *рос. истор.* ⇒ 324
 Цамблак Григорий, *митроп. Киевск., слав. и молд. писат.* ⇒ 145, 187

Цанкар И., *слов. писат.-клас., прозаик, драм.* ⇒ 5, 268–274

Цанева М., *болг. уч.* ⇒ 247, 266

Цейнов Ф., *кашубский уч. и писат.* ⇒ 51

Цейс К., *нем. истор. и филол., основат. кельтологии* ⇒ 330

Цимисхий И., *виз. имп.* ⇒ 337, 339, 340

Ч

Чайканович Р., *босниец* ⇒ 221

Чарторыйские, *кн.* ⇒ 384–385

Чарторыйский Юрий, *кн., гос. и воен. деят.* ⇒ 385

Челаковский Ф.Л., *чеш. уч.* ⇒ 49

Ченгич Исмаил-ага, *герцегов.* ⇒ 214

Ченцова В.Г., *рос. ис.* ⇒ 104

Чепелевская Т.И., *совр. рос. уч.* ⇒ 274

Чернев Ж., *болг. рев.* ⇒ 237, 238

Чернецов Н., *рус. худ.* ⇒ 41

Чернышев З.Г., *граф, рус. ген.-фельдмаршал* ⇒ 301

Чернышева М.И., *совр. рос. уч.* ⇒ 2

Чернышевский Н.Г., *рос. писат.* ⇒ 50, 60, 255

Черняев М.Г., *рос. военач.* ⇒ 75

Чертков А.Д., *рус. уч., библи., созд. перв. московск. публич. библи.* ⇒ 5, 13, 296–306, 309, 311, 317, 319, 330, 335, 339–342

Чертков В.А., *ген.-поручик, ген.-губернатора Воронежской, Харьковской и Саратовской губерний* ⇒ 297

Чертков Г.А., *сын А.Д. Черткова, основ. Чертковской гор. библиот. в Москве* ⇒ 301–302, 317

Чертков Д.В., *губернский предводитель воронежского дворянства* ⇒ 297

Чех, Лех и Мех, *легендарные братья, основ. государств Чехии, Польши и Московии* ⇒ 344

Чиампи С., *ит. уч., свящ. (пресвитер), филол., слав. и этрусколог* ⇒ 330

Чинтулов Д., *болг. поэт, композитор и педагог* ⇒ 332

Чокорило П., *мостарский иеромон.* ⇒ 4, 211, 213–218, 233–234

Чуркина И.В., *совр. рос. уч.* ⇒ 217, 232–234

Ш

Шаламун Т., *слов. поэт* ⇒ 280

Шафарик П.Й., *чеш. и слов. истор., поэт, деят. чеш. и словац. нац. возрождения* ⇒ 49, 51, 310, 312, 326, 331, 342, 350–351

Шахматов А.А., *рос. уч.* ⇒ 79

Шаховской А.А., *кн., рус. драм., театр. деят.* ⇒ 328

Шевченко Т.Г., *укр. поэт и мыслитель* ⇒ 256, 322

Шевырев С.П., *рус. лит. крит., истор. лит., поэт-славянофил, ак Петербургской АН* ⇒ 309, 311, 351

Шемякин А.Л., *рос. уч.-слав.* ⇒ 64, 70

Шешкен А.Г., *сов. и рос. уч.* ⇒ 5, 355, 365, 370, 416

Шиповац Н., *серб. уч.* ⇒ 233

Шишков А.С., *рус. писат., литературовед, филол., мемуарист, воен. гос. деят.* ⇒ 328

Шишманов И., *болг. уч.* ⇒ 253, 342

Шлёцер А.-Л., *нем. и рос. истор., публ., статистик* ⇒ 307, 330, 340, 342

Шлецер Х.А., *проф. Мос. ун-та* ⇒ 330

Шолая С., *герцегов. мон.* ⇒ 230

Штерн Дитер, *совр. нем. уч.* ⇒ 9

Штур Л., *слов. поэт, уч.* ⇒ 49

Щ

Щавинская Л. Л., *совр. сов. и рос. уч.* ⇒ 6, 277, 376–405, 416

Щербатов М.М., *деят. рус. Просвещения* ⇒ 340

Щулепников Е.Р., *рос. консул в Сараево* ⇒ 223, 228

Э

Эзоп, *древнегреч. баснописец* ⇒ 156

Энгель И.Х., *австр. истор.* ⇒ 330

Эрдёди С., *графиня, хорв. оперная певица, участница илир. движения* ⇒ 349

Ю

- Юкич И.Ф., *босн. писат., кат. мон.* ⇨ 220
 Ю.Ф. и Н.Ф. Самарины,
братья, рос. общ. деятели ⇨ 66
 Юкич И.Ф., *босн. писат., кат. мон.* ⇨ 220
 Юнгман Й., *чеш. уч.* ⇨ 49

А

- Abdul Aziz ⇨ 200
 Ademovich (serb. — Ademović) F. ⇨ 222–225
 Aksakov I.S. ⇨ 315
 Alexander I ⇨ 306
 Arseniy I, archbishop ⇨ 32
 Avvakum, archpriest ⇨ 37

В

- Bartenev P.I. ⇨ 296, 315
 Benckendorf, A.Kh. ⇨ 344
 Bernik F. ⇨ 274
 Bessonov P.A. ⇨ 306
 Blok A. ⇨ 362
 Bludova A.D. ⇨ 200
 Bodyansky O.M. ⇨ 306
 Boril ⇨ 84
 Botev H. ⇨ 242

С

- Tsankar (slov. — Cankar) I. ⇨ 268
 Chernyshevsky N.G. ⇨ 60, 255
 Chertkov A.D. ⇨ 296, 306, 335
 Chokorilo (bosn. — Čokorilo) P. ⇨ 213
 Clement of Ohrid ⇨ 54
 Collar J. ⇨ 344
 Constantine Manasses ⇨ 94
 Constantine of Preslav ⇨ 94
 Constantine Tikh ⇨ 89

Я

- Ягич В., *хорв. филол.-слав.* ⇨ 353
 Языков Н.М., *рус. поэт* ⇨ 250
 Якуб, *сын тур. султана Мурада* ⇨ 138
 Якшичи, *серб. род* ⇨ 133–134
 Янчар Д., *слов. писат.* ⇨ 280
 Ястребов И.С., *рус. консул* ⇨ 114–118

- Cyril and Methodius ⇨ 54
 Cyril of Turov ⇨ 166

Д

- Daniel II ⇨ 32
 Derzhavin N.S. ⇨ 76
 Despalatovich (croat. — Despalatović) E.M. ⇨ 353–354
 Dimitry of Rostov
 (Dimitry Savich Tuptalo) ⇨ 401
 Dobychina A.S. ⇨ 84, 89, 94, 100
 Dolar J. ⇨ 274
 Domentian ⇨ 16, 22
 Dovich (Dović) M. ⇨ 274
 Dragutin ⇨ 32
 Drinov M.S. ⇨ 84

Е

- Euphrosyne, abbess ⇨ 378
 Eustathius I ⇨ 32

Ф

- Frolova M.M. ⇨ 296, 306, 315, 326, 335, 344
 Fyodorov I. ⇨ 180, 186

Г

- Gardzhaniti M. ⇨ 128
 Gavryushina L.K. ⇨ 16, 22, 28, 32, 37, 42
 George New of Sofia ⇨ 142
 Gizel, Innokentiy ⇨ 393

Glushich (Glušič) H. ⇨ 274
 Gogol N.V. ⇨ 255
 Grigorovich V.I. ⇨ 306
 Gusev N.S. ⇨ 48, 54, 60, 65, 71, 76
 Guy Ljudevit ⇨ 344

H

Heine Heinrich ⇨ 362
 Helena, queen ⇨ 32
 Hilferding A.F. ⇨ 200, 207, 213, 229

I

Inkret A. ⇨ 280
 Ioannikiy I ⇨ 32
 Ionin A.S. ⇨ 207
 Irby J.T. ⇨ 205–206
 Isaiah of Serra ⇨ 28
 Iskenderov P.A. ⇨ 106, 114, 119,
 Ivan Alexander ⇨ 89
 Ivan Asen II ⇨ 89
 Ivan IV (the Terrible) ⇨ 100
 Ivan of Rila ⇨ 142
 Ivan Shishman ⇨ 89

J

Jacques E. ⇨ 122
 Janich (Јанић) J. ⇨ 220–223

K

Kaliganov I.I. ⇨ 8, 124, 129, 136, 142, 149,
 154, 160
 Karadzich (serb. — Karadžić) V. ⇨ 65, 229
 Karamzin N.M. ⇨ 306
 Karavelov L. ⇨ 255
 Koetscbek J. ⇨ 220, 228
 Kotsbek (slov. — Kocbek) E. ⇨ 275
 Koneski Bl. ⇨ 362
 Konstantine, Prince of Ostrog ⇨ 186
 Kos J. ⇨ 274
 Kraigher A. ⇨ 274
 Krushevats (serb. — Kruševac) T. ⇨ 221–225,
 228
 Kulakovsky P.A. ⇨ 65

L

Labyntsev Y.A. ⇨ 166, 172, 180, 186, 190, 195
 Lavrov P.A. ⇨ 54

M

Macarius ⇨ 142
 Maksimovich (serb. — Maksimović) D. ⇨ 372
 Mamoniches ⇨ 190
 Mehmed Shachir Kurtchehaich ⇨ 219
 Melchakova K.V. ⇨ 200, 207, 213, 219, 229
 Miladinov D. ⇨ 315
 Milutin ⇨ 32
 Mitrophan ⇨ 142
 Mitskevich A. ⇨ 362
 Molnar I.I. ⇨ 326
 Mstislavets P. T. ⇨ 190
 Müller-Landau H. ⇨ 27

N

Naum of Ohrid ⇨ 54
 Negosh (montenegr. — Negroš) Petar II
 Petrovich ⇨ 54, 356
 Nemanja St. ⇨ 282
 Nemirovich-Danchenko V. I. ⇨ 71
 Nikon, rus. patr. ⇨ 37

O

Oikonomidis N. ⇨ 93
 Omerza I. ⇨ 280
 Ostromir ⇨ 124

P

Paisius of Hilendar ⇨ 149
 Palauzov S.N. ⇨ 84
 Pamuchina (bosn. — Pamučina) J. ⇨ 229
 Pavlikianov K. ⇨ 93
 Petrov A. (see Avvakum)
 Pogodin M.P. ⇨ 296, 326, 344
 Prokhor ⇨ 142
 Pseudo-Dionysius the Areopagite ⇨ 28

R

Ratsin (mac. — Racin) K. ⇨ 366
Raich (serb. — Rajič) J. ⇨ 160
Rovinsky P.A. ⇨ 60

S

Sava, St. ⇨ 16, 22, 129, 136, 142, 282
Shkir (Shaćir) Kurtcehajic M. ⇨ 219
Shchavinskaya L.L. ⇨ 378, 383, 387, 393, 401, 405
Sheshken A. G. ⇨ 356, 362, 366, 372
Simeon of Serbia, St. ⇨ 16, 22, 136
Skarina Fr. ⇨ 172
Skenderova S. ⇨ 200
Skovoroda G.S. ⇨ 405
Slaveykov P.R. ⇨ 248
Smolyaninova M.G. ⇨ 236, 242, 248, 253, 255, 260
Sophrionius, bishop of Vratsa ⇨ 154
Sopron I. ⇨ 219
Sozina J.A. ⇨ 268, 275
Sreznevsky I.I. ⇨ 48, 344
Stefan the First Crowned ⇨ 22
Stoyanov Z. ⇨ 242
Symeon, tsar ⇨ 94

T

Theodosius, scribe ⇨ 22
Totomanova A.-M. ⇨ 88
Turilov A.A. ⇨ 282, 289

U

Undolsky V.M. ⇨ 306
Urosh ⇨ 32

V

Vasily-Varlaam ⇨ 142
Vazov I. ⇨ 260
Veltman A.F. ⇨ 335
Venelin Y.I. ⇨ 306, 326
Veqilharxhi N. ⇨ 119
Vidmar J. ⇨ 274
Vladimir Svyatoslavich, prince ⇨ 393
Vogeler G. ⇨ 93
Vovchok M. ⇨ 255
Voynikov D. ⇨ 252

Y

Yastrebov I. ⇨ 114

Z

Zhinzifov R. ⇨ 315

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

- Абрамцево, *имение близ Москвы* ⇨ 319
Австрия ⇨ 61, 116, 164, 183, 278
Австро-Венгрия ⇨ 60, 62, 74, 110–111, 224, 227, 255, 257, 259
Адриатическое море ⇨ 110
Азия ⇨ 290
Албания ⇨ 109–116, 119–122, 293
Амальфинский кат. мон-рь на Афоне ⇨ 286
Ампелино (Амбелино) ⇨ 150
Антиохия ⇨ 20
Арбанаси ⇨ 155
Аркадиополь, *г. в вост. Фракии* ⇨ 340
Архангельск, *рус. г.* ⇨ 71
Архангельский мон-рь в Ковиле ⇨ 161
Архангельский собор Московского Кремля ⇨ 14, 135
Асеновград, *болг. г.* ⇨ 150
Астрахань ⇨ 140, 146
Афон ⇨ 17–22, 24–25, 27–31, 33, 93, 96, 100–101, 103–104, 130–131, 133–134, 140, 147, 150, 155, 161–162, 192, 282, 284–285, 287, 311, 403

Б

- Базарджик, *г. в Османской имп., ныне в Болгарии* ⇨ 338
Балканский полуостров (Балканы) ⇨ 103, 106, 109–110, 113, 115, 132, 145, 147, 150, 156–157, 163, 182, 188, 192, 207, 213, 217, 220, 290, 293–294, 389
Банско, *болг. г.* ⇨ 150
Баня-Лука, *серб. г.* ⇨ 209
Батум, *г. в Грузии* ⇨ 77
Бачка, *серб. обл.* ⇨ 161
Беларусь ⇨ 2, 10
Белгород (Аккерман) ⇨ 135–136
Белград, *серб. стол.* ⇨ 21, 27, 31, 36, 112, 163–164, 320, 347
Белоруссия ⇨ 166, 178, 183–184, 378, 381, 403

- Бельгия ⇨ 2, 9
Беяковоец, *болг. с.* ⇨ 98
Берлин ⇨ 276, 280
Бессарабия ⇨ 120
Битола ⇨ 107, 109, 116
Битольский вилайет ⇨ 107, 112
Благовещенская церковь в Кремле ⇨ 148
Ближний Восток ⇨ 288
Болгария ⇨ 2, 10, 84, 87, 93, 104, 112, 127, 132, 148, 162, 107–109, 112, 120, 183–184, 189, 237, 239, 243, 248–251, 252–266, 288, 389, 403
Болгарский экзархат ⇨ 152
Болград, *г. в Одесской обл., Украина* ⇨ 320
Борисоглебск (Тутаев) ⇨ 147
Босния ⇨ 2, 10, 55, 57, 62, 64, 116, 200–215, 217–227, 231–233, 290–291, 293, 347, 414
Босния и Герцеговина ⇨ 2, 4, 10
Браила, *рум. г.* ⇨ 120, 122
Брашов, *рум. г.* ⇨ 91
Бреславль (Вроцлав), *польск. г.* ⇨ 299
Брод-у-Гори, *слов. г.* ⇨ 116
Брчко ⇨ 222
Будим (Буда) ⇨ 151, 163
Буковина ⇨ 46, 304–305
Бухарест, *рум. стол.* ⇨ 120, 122, 155–156, 158, 238, 262

В

- Валахия ⇨ 120, 161
Вараждин, *хорв. г.* ⇨ 346
Варна, *болг. г.* ⇨ 98, 245, 309, 316, 328, 338
Варшава, *польск. стол.* ⇨ 55, 68
Ватикан ⇨ 96
Ватопедский афон. мон-рь ⇨ 91, 284–286
Велес, *мак. г.* ⇨ 315, 366
Велесский р-н ⇨ 116
Великая Лавра (Лавра св. Афанасия на Афоне) ⇨ 284

Великая Ремета, *серб. мон-рь св. Димитрия* ⇨ 147
 Великобритания ⇨ 183–184, 189
 Великое княжество Литовское ⇨ 4, 181, 184, 190–193, 195, 197, 389–390
 Велуджа, *серб. мон.* ⇨ 293
 Вена, *австр. стол.* ⇨ 160, 162, 269–270, 273–274, 299, 346–347,
 Венгрия ⇨ 116, 183, 291, 293
 Венеция ⇨ 359
 Видем, *слов. г.* ⇨ 275, 280
 Видин, *болг. г.* ⇨ 91, 155
 Видинское царство ⇨ 91, 292
 Византийская империя (Византия) ⇨ 95, 101, 127, 285–287
 Вильно (Вильнюс) ⇨ 190–191, 389–390
 Витоша, *гора близ Софии* ⇨ 91
 Витгенберг ⇨ 299
 Владимир, *рус. г.* ⇨ 184
 Влер, *мак. г.* ⇨ 109–110
 Воеводина, *серб. обл.* ⇨ 151
 Вологда, *рус. г.* ⇨ 135
 Вольнь ⇨ 176, 383–384
 Воскресенский собор в Борисоглебске ⇨ 147
 Враца, *болг. г.* ⇨ 155, 239
 Врачар, *холм в Белграде* ⇨ 134
 Врхника, *слов. г.* ⇨ 268, 274
 Вышеград ⇨ 209

Г

Габарево, *болг. с.* ⇨ 98
 Габрово, *болг. г.* ⇨ 332
 Газиместан ⇨ 141
 Галац, *рум. г.* ⇨ 120
 Гацко, *босн. г.* ⇨ 214
 Гент (Гентский ун-т) ⇨ 9
 Герцеговина ⇨ 2, 10, 45, 55, 57, 62, 64, 202–220, 222–234, 347, 414
 Гомель, *бел. г.* ⇨ 170
 Горнья-Радгона, *слов. г.* ⇨ 275
 Грац, *австр. г.* ⇨ 346
 Грачаница, *серб. мон.* ⇨ 23, 27, 29, 36
 Греция ⇨ 104, 111, 183

Григорово, *с. Нижегородской губ.* ⇨ 37, 41
 Гусевка, *рос. с.* ⇨ 60

Д

Дальний Восток ⇨ 109
 Даурия, *р-н в Сибири* ⇨ 38, 40
 Дебар, *мак. г.* ⇨ 97
 Дебарская каза ⇨ 107
 Дебарская обл. (западная Македония) ⇨ 117
 Дебрец, *серб. г.* ⇨ 33
 Дечаны (Высокие), *серб. мон-рь* ⇨ 117–118, 145
 Дечаны, *серб. с.* ⇨ 209
 Джяковица, *серб. г.* ⇨ 111, 117
 Дибра ⇨ 107, 116–117
 Добруджа, *болг. и рум. обл.* ⇨ 245
 Доростол (Силистра), *болг. г.* ⇨ 337, 339, 342
 Драгалевский мон-рь ⇨ 91
 Древняя Русь ⇨ 124
 Дрезден ⇨ 299
 Дробняк, *серб. г.* ⇨ 209
 Дубровник ⇨ 91, 373
 Дукаджин, *алб. обл.* ⇨ 116
 Дукеджин, *г.* ⇨ 118
 Дунай, *р.* ⇨ 103, 245, 288, 290, 293

Е

Европа ⇨ 109, 146, 288, 292, 369
 Европейская Турция ⇨ 110, 115
 Европейский союз ⇨ 9
 Египет ⇨ 20, 288
 Екатеринбург ⇨ 184

Ж

Жича, *серб. мон-рь св. Спаса* ⇨ 16, 21, 131, 135, 287–288

З

Заблудов, *польск. г.* ⇨ 180–182, 186–187, 387–390

Загреб, *хорв. стол.* ⇒ 68, 152, 347–350, 352–353, 368
 Западная Европа ⇒ 127
 Земун, *серб. г., совр. р-н Белграда* ⇒ 220–222
 Золотая орда ⇒ 101
 Зограф, *болг. афон. мон-рь* ⇒ 56, 91, 153, 155, 288

И

Иваново, *рос. г.* ⇒ 88
 Иверский афон. мон-рь ⇒ 286
 Иерусалим ⇒ 131, 201, 205, 380–381
 Измаил, *креп.* ⇒ 119–120
 Испания ⇒ 280
 Италия ⇒ 183

К

Казанлык, *болг. г.* ⇒ 98
 Казанское ханство ⇒ 101
 Казань ⇒ 140, 146
 Калофер, *болг. г.* ⇒ 237
 Канада ⇒ 183
 Карея, *административный центр на Афоне* ⇒ 135, 287
 Карловац, *серб. г.* ⇒ 346
 Карлово, *болг. г.* ⇒ 237
 Карнобат, *болг. г.* ⇒ 155
 Киев, *стол. Украины, столица Киевск. княжества, г. в Рос. импер.* ⇒ 9–10, 58, 82, 128, 171, 215, 337, 382, 386, 391–402, 404, 410
 Киево-Могилянская академия ⇒ 164
 Киево-Печерская Лавра ⇒ 147, 161, 393–394
 Киевская Русь ⇒ 11
 Киргизия ⇒ 183
 Кирилло-Белозерский мон-рь ⇒ 140
 Китай-город, *историч. р-н Москвы* ⇒ 100, 102
 Кичево, *мак. с.* ⇒ 367
 Кишинев, *молд. стол.* ⇒ 328
 Клевань, *укр. поселок гор. типа в Ровенской обл.* ⇒ 384
 Княжество Болгария ⇒ 152
 Ковил, *серб. с.* ⇒ 161, 164
 Козлодуй, *болг. с., г.* ⇒ 238

Константинополь (Царьград, Стамбул) ⇒ 30, 84, 110, 115, 121, 252, 283, 285, 293, 379
 Константинопольская патриархия ⇒ 87, 110
 Кораб, *серб. г.* ⇒ 117
 Коринфский залив ⇒ 290
 Королевство Польское ⇒ 390
 Корсунь (Херсонес), *г. в Крыму* ⇒ 380
 Корча, *алб. г.* ⇒ 119, 122
 Косово (Косово поле) ⇒ 29, 36, 98, 114–117, 141, 288–289, 359
 Котел, *болг. г.* ⇒ 154, 156, 159
 Кочевский Рог, *слов. горно-лесной массив* ⇒ 278
 Крагуевац, *серб. г.* ⇒ 374
 Крапина, *хорв. г.* ⇒ 344, 346
 Кратово, *мак. г.* ⇒ 143, 145
 Кремль ⇒ 102, 104
 Крушевац, *серб. г.* ⇒ 138, 291, 293
 Крым ⇒ 141, 146
 Кукуш, *осм. г.* ⇒ 316
 Курская губерния ⇒ 216
 Кырчовская каза, *обл. в Македонии* ⇒ 107

Л

Латвия ⇒ 183
 Латинская империя ⇒ 131
 Лейпциг, *г. в Германии* ⇒ 299, 346
 Лемковщина, *историч. обл. совр. Польши и Литвы* ⇒ 390
 Ленинград ⇒ 127
 Лион ⇒ 276
 Литва ⇒ 26, 46, 183
 Литераторские мостки, *участок Волковского кладбища в Петербурге* ⇒ 64, 82
 Ловчен ⇒ 360
 Ломница, *серб. мон-рь* ⇒ 145
 Лондон ⇒ 111
 Львов (Лемберг), *г. в Австрийской имп., ныне Украина* ⇒ 182–184, 187, 192, 327, 390
 Любинье (Любине) ⇒ 214
 Люблина, *слов. стол.* ⇒ 49, 268–270, 273–274, 276–277, 279–280
 Люма, *район между Призреном и Албанией* ⇒ 116

М

- Македония ⇨ 28, 30, 106–109, 292, 363, 366–370
Малая Азия ⇨ 290
Марибор, слов. г. ⇨ 49, 274–275
Марица, р. ⇨ 139, 290, 294
Мат, алб. обл. ⇨ 116
Меден ⇨ 242
Месемврия (Несебыр), болг. г. ⇨ 91, 93
Милешево, серб. мон-рь Вознесения Христова ⇨ 17, 20–21, 131, 134–135, 288
Милея, афон. обитель ⇨ 286
Минск ⇨ 170
Митровица, серб. обл. ⇨ 110
Могилев, бел. г. ⇨ 381
Молдавия ⇨ 120
Морава, р. ⇨ 291, 293
Морава, серб. обл., р. ⇨ 116
Москва ⇨ 9, 11–13, 35, 38, 41, 66, 70–71, 81, 88, 93, 101, 103–104, 124, 126, 135, 140–141, 147–148, 159, 161, 164, 180–185, 189, 192, 194, 215, 256, 259, 271, 274, 296, 301–305, 307, 309, 311, 316–322, 328–330, 336, 339, 344, 350–352, 354, 387, 395–396, 402
Московская Русь ⇨ 140
Московский Кремль ⇨ 135
Московский печатный двор ⇨ 132
Московское государство ⇨ 101, 186–187
Мостар ⇨ 134, 208–209, 211, 213–214, 216–218, 225–227, 229–234

Н

- Невесинье (Невесине), нас. пункт в Восточной Герцеговине ⇨ 214
Нижний Новгород, рус. г. ⇨ 184
Никея ⇨ 131, 287
Никольская улица (Москва) ⇨ 102
Николяц, мон-рь ⇨ 97
Нишская епархия ⇨ 108
Нова Павловица, серб. мон-рь ⇨ 294
Новгород, рус. г. ⇨ 124, 126, 128, 145, 148
Новгород-Северский, укр. г. ⇨ 401
Новгородская губерния ⇨ 216

Нови-Сад, серб. г. ⇨ 55, 161, 210, 220, 233, 257, 349

Нови-Пазар, серб. г. ⇨ 223–224

Новосибирск ⇨ 184

О

- Одесса, укр. г. ⇨ 9, 55–56, 88, 98, 237, 316, 320, 332
Ополье, серб. р-н ⇨ 116
Оршова, рум. г. ⇨ 223
Оряхов, болг. местность ⇨ 91
Османская импер. ⇨ 63, 72–73, 100–101, 104, 106–107, 110, 114–115, 121, 161, 164, 200, 208–209, 219–221, 223, 227, 245, 311, 315, 318–319, 321–322, 351
Острог, укр. г. ⇨ 182, 184, 186–187, 390
Охрид, мак. г. ⇨ 109
Охридская епархия ⇨ 108, 110, 114

П

- Пазар ⇨ 150
Палестина ⇨ 20, 283
Панагюриште, болг. с., г. ⇨ 86
Паневежис, лит. г. ⇨ 65
Св. Пантелеймона афон. мон-рь ⇨ 28–29, 31, 33, 56, 101, 103, 138, 282, 294
Париж ⇨ 276, 278, 280, 298
Пересопница, укр. с. ⇨ 384–386
Персия (Иран) ⇨ 110, 226
Петербург (Санкт-Петербург) ⇨ 20, 27, 48, 54, 59, 61, 64, 69, 82, 104, 109–110, 115, 124–128, 135, 141, 158, 160, 163–164, 184, 216–217, 274, 298–300, 302, 320, 343, 350–352, 382, 396
Петрозаводск, рус. г. ⇨ 184
Печ (Печская патриархия) ⇨ 145, 148
Печ, серб. г., мон-рь ⇨ 33, 36, 117, 209
Пешт, венг. г., часть совр. Будапешта ⇨ 346, 349
Пива, герцегов. г., мон-рь ⇨ 209
Пиротская епархия ⇨ 108
Плевна (Плевен), болг. г. ⇨ 72–73, 76
Пловдив, болг. г. ⇨ 2, 161–162
Подляшье, бел.-польск. пограничье ⇨ 6, 187, 387–388
Полоцк, бел. г. ⇨ 176, 379–380, 382

Полтава, *укр. г.* ⇨ 386
 Польша ⇨ 161, 181, 183–184, 189
 Потсдам ⇨ 298
 Прага, *стол. Чехии* ⇨ 49, 58, 61, 74, 349
 Преслав (Великий Преслав), *древняя болг. стол.* ⇨ 90, 124, 337, 339–340, 342
 Преслав, *укр. г.* ⇨ 76
 Прибалтика ⇨ 167
 Приеполе, *серб. г.* ⇨ 221–222
 Призрен, *мак. г.* ⇨ 19, 21, 26, 114–115, 117–118, 209, 289–290
 Прилепец, *серб. г.* ⇨ 291–292
 Прилепский р-н ⇨ 116
 Причерноморье ⇨ 167
 Приштина, *серб. г.* ⇨ 36, 117, 209, 294, 296
 Псков, *рос. г.* ⇨ 147–148
 Пула ⇨ 269
 Пустозерск, *рус. г.*,
ныне не существует ⇨ 38–39

Р

Раваница, *серб. мон-рь Успения Богородицы* ⇨ 140–141, 293–294
 Рагуза (Дубровник) ⇨ 208–209
 Радомир, *болг. г.* ⇨ 90
 Рас, *древ. серб. столица* ⇨ 132
 Рача, *серб. мон-рь Вознесения Господня* ⇨ 139
 Речь Посполитая ⇨ 188, 191, 193
 Рила, *гор. массив в Болгарии* ⇨ 103
 Рильский болг. мон-рь ⇨ 3, 9, 91, 101, 103
 Рим ⇨ 141, 287, 299, 380
 Ровно, *укр. г.* ⇨ 386
 Рогатица, *босн. г.* ⇨ 209
 Родопы, *горы в Болгарии* ⇨ 245
 Рождества Христова мон-рь на Шипке ⇨ 148
 Романов, *волж. г.* ⇨ 135
 Россия ⇨ 2, 9–11, 26, 38, 45, 50–54, 57–61, 64, 66–67, 69–71, 73–74, 76, 78–82, 96, 100–101, 103–104, 106, 108–115, 122, 135, 141–142, 145, 147, 152, 161, 163–164, 166, 175, 177–178, 181, 183–184, 186, 189, 192, 194, 200, 203–205, 207, 211–217, 225–226, 231–233, 239, 243, 250–251, 255–256, 258–259, 262, 274, 296, 298–305, 307, 310–311, 316, 318, 320–324,

327, 329, 332–336, 343–344, 350–354, 357, 360, 373, 376, 393, 395–396, 398–400, 403, 412, 414–415

Ростов Великий, *рос. г.* ⇨ 402
 Румыния ⇨ 46, 155, 223, 237–238, 240, 252, 255, 259, 261, 263, 327
 Русе (Рушук), *болг. г.* ⇨ 245
 Русский Север ⇨ 148
 Русь ⇨ 102, 136, 146, 175, 287, 380, 393, 396
 Рымник ⇨ 155–156, 158

С

Салоники ⇨ 107, 114–115, 118, 283, 287, 311
 Санкт-Петербург ⇨ 20, 27, 48, 54, 59, 61, 64, 69, 82, 104, 109–110, 115, 124–128, 135, 141, 158, 160, 163–164, 184, 216–217, 274, 298–300, 302, 320, 343, 350–352, 382, 396
 Сараево, *босн. стол.* ⇨ 97, 145, 200–203, 205–207, 209–211, 213, 219, 221–227, 270, 367
 Сатмаре, *совр. рум. г. Сату-Маре* ⇨ 327
 Св. 40 мчч. мон-рь в Тырново ⇨ 288
 Св. Богородицы Эвергетиссы мон-рь близ Констант. ⇨ 131, 286
 Св. Николая церковь ⇨ 116
 Св. Софии храм в Софии ⇨ 148
 Свиштов, *болг. г.* ⇨ 248
 Святая земля ⇨ 16
 Северная Македония ⇨ 97
 Сельцо, *рос. г.* ⇨ 379
 Сербия ⇨ 2, 5, 10, 18, 20–21, 23–26, 29, 33, 35–36, 49, 61–62, 64–66, 69–70, 72–73, 78, 106–111, 114–120, 129–134, 136–137, 139, 162, 164, 183–184, 189, 200, 202, 206–207, 209–215, 217–219, 224, 227, 230–233, 257–259, 282–284, 286–294, 347, 358, 374, 382, 403, 412–413
 Сибирь ⇨ 38–39, 41, 148
 Синай ⇨ 20, 288
 Скопская епархия ⇨ 108
 Скопский р-н ⇨ 116
 Скопье (Скоплье, Ускюбе), *мак. г.* ⇨ 91, 106, 107, 109, 116, 362, 367
 Скурдина, *серб. с.* ⇨ 117
 Славянский Восток ⇨ 9–10
 Славянский Запад ⇨ 10
 Славянский Юг ⇨ 9–10
 Словения ⇨ 2, 10, 276
 Смоленск, *рус. г.* ⇨ 103, 161

Смоленское кладбище
(в Петербурге) ⇨ 58

Соловецкие острова (Соловки) ⇨ 148

Соловецкий мон-рь ⇨ 148

Солунский вилайет ⇨ 121

Сольвычегодск, *сиб. г.* ⇨ 140

Сопот, *болг. г.* ⇨ 261

София (Средец), *болг. стол., центр Румелийского бейлербейства* ⇨ 72, 81, 85, 87–88, 93, 99, 103–104, 143, 145, 261, 319

Срезнево, *д. Рязанской обл. в России* ⇨ 52

Сремские Карловцы ⇨ 151, 161

Стара Загора, *болг. г.* ⇨ 245–246

Старая Сербия ⇨ 116

Старый Руссик, *афон. скит* ⇨ 282, 284

Столац, *герцегов. г.* ⇨ 214

Студеница, *серб. мон-рь Успения Богородицы* ⇨ 130, 132, 135, 145, 285–287

США ⇨ 2, 183

Т

Теремной дворец
Московского Кремля ⇨ 126, 128

Тетовский уезд, *бал. обл.* ⇨ 116

Тибава (или Великая Тибава, Большая Тибава), *с. в Закарпатье, Австр. импер., с 1945 г. Украина* ⇨ 327

Тифлис (Тбилиси), *стол. Грузии* ⇨ 71, 77

Тобольск, *сиб. г.* ⇨ 38

Топлица, *серб. мон-рь* ⇨ 132

Торопец, *рус. г.* ⇨ 380

Травник, *босн. г.* ⇨ 209

Требинье (Требине), *герцегов. г.* ⇨ 209

Триест ⇨ 278

Тульская губерния ⇨ 216

Туров ⇨ 167, 170

Туровское княжество ⇨ 167

Туровщина ⇨ 167

Турция ⇨ 74, 77, 108–111, 115, 219–220, 233–234, 239, 262, 320–322, 351, 354, 356–357

Тырново (Велико Тырново), *древ. болг. стол.* ⇨ 16, 84, 87–88, 90, 98–99, 131, 151, 248, 254, 288, 389

Тырновское царство ⇨ 292

У

Украина ⇨ 2, 10, 26, 166, 176, 183–185, 189, 384, 393, 402–403

Унгвар (Ужгород), *укр. г.* ⇨ 327

Усть-Орел, *сиб. г.* ⇨ 140

Ф

Фанар, *ист. район в Констант.* ⇨ 120

Фессалия, *историч. р-н на северо-востоке Греции* ⇨ 290

Фессалоникское королевство ⇨ 286

Флоренция, *ит. г.* ⇨ 330

Фойница, *босн. г.* ⇨ 209

Франкфурт ⇨ 299

Х

Харьков, *укр. г.* ⇨ 49

Хиландар, Хилендар, Хиландарский афон. мон-рь ⇨ 3, 16–18, 20–23, 27, 29, 31–33, 56, 101–104, 130–131, 134–135, 141, 162, 164, 192, 285

Хорватия ⇨ 2, 10

Ц

Целье, *слов. г.* ⇨ 279

Цетинье (Цетине), *черногор. стол., мон-рь* ⇨ 358

Ч

Черногория ⇨ 2, 10, 97, 99, 109, 111, 116, 356–361

Черноморские проливы ⇨ 109

Чехия ⇨ 183

Чудов мон-рь в Кремле ⇨ 148

Ш

Шар-Планина, *гор. хребет на Бал. полуострове* ⇨ 117

Швеция ⇨ 183

Шипка, *с., горный перевал* ⇨ 72–73, 148

Шкодер (Скутари), *алб. г.* ⇨ 114–115, 118

Шопрон, *венг. г.* ⇨ 161

Шумла (Шумен), *болг. г.* ⇨ 99, 248, 252, 338

Э

Экзархат Болгарский ⇨ 152
 Эпир, *историч. р-н между Грецией и Албанией* ⇨ 288
 Эсфигмен, *афон. мон-рь* ⇨ 284

Ю

Югославия (Королевство) ⇨ 31, 122, 277, 366
 Южная Албания ⇨ 121

А

Albania ⇨ 106, 108, 114, 119
 Athos ⇨ 16, 22, 28, 54, 100, 149, 282
 Austria-Hungary ⇨ 60, 255

В

Balkans ⇨ 108, 114, 119
 Belarusia (Belarus) ⇨ 166, 172, 180, 378
 Belgrade ⇨ 65
 Belyakovets ⇨ 94
 Bosnia ⇨ 200, 207, 219
 Brashov (Brašov) ⇨ 89
 Brest ⇨ 378
 Bucharest ⇨ 236
 Bulgaria ⇨ 71, 76, 84, 89, 94, 106, 142, 149, 154, 242, 248, 252, 255, 260, 306, 315, 325, 335

С

China ⇨ 60
 Croatia ⇨ 344
 Czech lands ⇨ 48

Д

Danube, *river* ⇨ 236
 Dubrovnik ⇨ 89

Южная Морава ⇨ 291–292
 Юрьевец-Повольский (Юрьевец), *рус. г.* ⇨ 37

Я

Яйце, *босн. г.* ⇨ 209
 Янина, *греч. г.* ⇨ 121
 Ярославль, *рус. г.* ⇨ 49, 54, 136
 Яссы, *рум. г.* ⇨ 338

G

Gabarevo ⇨ 94
 Gemoitia ⇨ 195
 Great Preslav ⇨ 124

Н

Herzegovina ⇨ 207, 213, 219, 229
 Hilandar monastery ⇨ 16, 32, 100

I

Illyria ⇨ 344

J

Jugoslavia ⇨ 366

К

Kharkov ⇨ 48
 Kitai-gorod ⇨ 100
 Kiev ⇨ 124
 Kosovo ⇨ 114, 119
 Kosovo field ⇨ 136, 289
 Kremlin ⇨ 100

L

Lithuania ⇨ 190, 195
 Lvov ⇨ 180

M

Macedonia ⇨ 101, 106, 315, 362, 366
Maritsa, river ⇨ 28
Montenegro ⇨ 60, 356
Moscow ⇨ 54, 136, 180, 213, 296, 315
Moscow state ⇨ 32
Mostar ⇨ 229

N

Nessebar ⇨ 89
North Macedonia ⇨ 315
Novgorod ⇨ 124

O

Ostrog ⇨ 180, 186
Ottoman Empire ⇨ 106, 315, 356
Ottoman Turkey ⇨ 356

P

Pech ⇨ 32
Polotsk ⇨ 378

R

Rila ⇨ 89
Rila monastery ⇨ 100
Romania ⇨ 252, 255
Russia ⇨ 37, 48, 60, 71, 76, 106, 114, 124, 142, 166,
186, 195, 200, 213, 255, 306, 325, 335, 393, 396

S

Sarajevo ⇨ 200, 207, 219
Serbia ⇨ 16, 22, 28, 32, 65, 106, 108, 114, 119,
129, 136, 160, 200, 255, 282, 289, 372
Skopje ⇨ 362
Slovenia ⇨ 268, 275
Sofia ⇨ 142
St. Panteleymon monastery ⇨ 28
St. Petersburg ⇨ 48, 54, 124, 160

T

Tarnovo ⇨ 84
Turov ⇨ 166, 378

U

Ukraine ⇨ 166, 186, 383, 393, 405
United States ⇨ 60

V

Vatican ⇨ 94
Vidin ⇨ 89
Vienna ⇨ 160
Vilna ⇨ 190
Vitosha ⇨ 89
Vojvodina ⇨ 160
Volyn ⇨ 383
Vratsa ⇨ 154

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ
СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР**

ВЫПУСК 1

*Утверждено к печати
решением Ученого совета Института славяноведения РАН
от 24.12.2019 г.*

Ответственный редактор

И.И. Калиганов

Редакторы

*М.М. Фролова,
К.В. Мельчакова*

Компьютерная верстка

П.Н. Морозов

Дизайн обложки

П.К. Донской

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 12.05.2020. Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура GaramondC. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 36,4.
Объем 28 печ. л.

Заказ № 16.

Тираж 350 экз.